

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АРХИВ

А.Б.ЛАКИЕР

Русская
геральдика

· КНИГА ·

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АРХИВ

ИССЛЕДОВАНИЯ
ДОКУМЕНТЫ

РУССКАЯ
ГЕРАЛЬДИКА.

СОЧИНЕНІЕ

Александра Захера.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1855.

А.Б.ЛАКИЕР

Русская геральдика

МОСКВА
·КНИГА·
1990

ББК 63.2
Л19

Подготовка текста и послесловие
доктора исторических наук
Н.А.Соболевой
Иллюстрации издания 1855 г.
Художник
Б.А.Лавров

Л — $\frac{0502000000-061}{002(01)-90}$ 16-90
ISBN 5-212-00281-8

© Послесловие Соболева Н.А., 1990.

ВВЕДЕНИЕ

Господствующее у нас о русских гербах мнение состоит в том, что они простое подражание гербам западноевропейским, и потому до сих пор считали достаточным, не касаясь нисколько истории отечественных печатей и гербов, переводить на русский язык иностранные о геральдике сочинения. Вследствие чего и оставались необъясненными изменения, в эмблемах и атрибутах наших гербов происходившие. Так поступили Мальгин и Максимович-Амбодик, из которых первый под названием *"Начертание Гербоведения"* издал (в 1805 г.) сочинение Гаттерера, а второй (в 1811 г.) напечатал *"Избранные эмблеммы и символы, на Российском, Латинском, Французском, Немецком и Английском языках объясненные"*. Хотя с тех пор во Франции, Англии и Германии явилось не одно сочинение, отличающееся своим взглядом на науку о гербах и на ее историю, мы, однако, остались при этих двух книгах, служащих и до сих пор единственным пособием и руководством для наших геральдиков.

Но мысль, что будто у нас не может быть отечественной геральдики, не может быть самостоятельной науки о наших гербах и печатях, по нашему мнению, ложная в основании и последствиях. Чтобы, однако, уяснить, почему мы считаем себя вправе идти наперекор общепринятому мнению, необходимо ближе коснуться этого предмета и показать, что считается существенным в русском и что в иностранном гербе и как образовался он у нас и в Западной Европе. Ближайшее рассмотрение предмета заставляет удивляться, как мысль, столь ясная сама по себе и в своем приложении к практике, мысль о том, что наши печати и гербы должны иметь свою историю и теорию, не была до сих пор никем усвоена или, по крайней мере, выражена! Может быть, считали предмет этот несостоящим подробного и особенного изучения, полагая, что печати наших князей были не иное что, как камеи, которые, быв вставлены в ободочек с именем того князя, кому принадлежал перстень, получали характер печатей; что камеи эти часто менялись и особого значения исторического не имели; что, далее, гербы у нас — учреждение слишком новое и нам несродное, чтобы стать предметом науки, и что в составлении их отражается вполне произвол лиц, их составлявших. С первого взгляда возражения эти кажутся так правдоподобны, что наука о гербах представляется чем-то невозможным.

Действительно, печати наших князей и даже частных людей были геммы, антики, вставленные в именные ободочки, даже и без них; правда, что недостаток гемм и желание, даже необходимость, пользоваться в некоторых случаях печатью вызвали потребность в подделке антиков; но не возлагает ли самое разнообразие печатей и перстней обязанности на археолога исследовать, почему тот или другой князь, в таких именно обстоятельствах, пользовался тем или другим изображением на печати? Не должно ли доискиваться связи между событиями жизни и тем, что представляла печать? Если бы, однако, и открылся в этом случае полный произвол, может ли историк раскаиваться в том, что сохранил для потомков следы деятельности предков и положил начало русской сфрагистике? Мы думаем, однако, что и тут можно найти одно общее основание: первоначально печать была именная и заверяла подпись руки, к которой вообще, при малом распространении грамотности, не имели большого доверия. Этот факт, общий всем странам и народам, не чужд и нам. Неприкосновенность печати охранялась изображением святого, по имени которого назывался князь, а надпись прямо свидетельствовала, чья она. Таким образом, и у князей печать была сначала личным лишь знаменем и изменялась с переменою лиц, и только после долгих колебаний Тверь, а потом Москва избрали для себя в печати символ, прямо соответствовавший их тогдашнему положению: победа над врагами внешними и присоединение уделов к Москве давало великому князю право изобразить себя на коне, поражающим дракона. Византия же предоставила Иоанну III как преемнику православия и самодержавия Восточной империи двуглавого орла. Мы готовы признать и московский герб первоначально геммою, несколько не новою для археолога ни по идее, ни по значению; но видеть в выборе его произвол не позволяют современные установлению печати обстоятельства и исторические свидетельства. Считаем неуместным излагать здесь в подробности данные, которые найдут себе место при изложении истории московской печати; но здесь мы можем заметить одно: в XVI в., с образованием государственных идей, является ясная мысль о государственном гербе и о гербах городских. Потребность была в печати с особым для каждого города изображением, чтобы отписка была достоверна, и государственная печать Иоанна Грозного уже окружена гербами городов и стран, в титуле его упоминаемых. Это факт, для нас важный по последствиям для частной геральдики. Но не были ли и городские гербы выдуманы и произвольны? Они так древни, что начало их необъяснимо; но произвола и здесь не было.

На древнейших, напр. киевских, печатях вы видите архангела Михаила. Изображение не отличается изяществом, оно не отделано, неполно; но смысл его ясен: Киев есть центр, из которого на всю Россию излилось Православие. С течением времени, не позже XVI в., на киевской печати вы опять видите архангела Михаила с мечом и щитом, и с тех пор знамя это уже не сходит с киевского герба. Другой пример — псковская печать; на ней барс с XIII в.: эмблема эта видна на древних псковских деньгах, и отсюда перешла она в псковский герб с некоторыми геральдическими атрибутами. Таких примеров последующее изложение представит несколько.

Это факты из истории печатей великокняжеских; подобно им были исторические начала и для печатей частных лиц. Духовенство имело на своих печатях определенные постоянные изображения, которые видоизменялись сообразно сану лица, подробно означенному на самой печати. Материал даже, из которого она делалась, снурок для привешивания печати, форма, в которой прикладывалась она, все было усвоено обычаем и потом освящено законом. Другие частные лица употребляли, так же как и князья, геммы иностранные или в России сделанные или печати именные. Для присутственных мест были свои печати, выражавшие характер их занятий: на печати таможни видим весы, на печати Земского приказа — дом, Сытного — рыбу и т.п.

При тех данных, которые или уже известны, или частными усилиями могли быть собраны вновь, многое открывается, что говорит против общепринятого мнения; не сомневаемся, что гораздо больше данных откроется при содействии лиц, которые ближе к источнику, лишь бы они были проникнуты мыслию, что Русское должно быть дорого Русскому, что на отечественные учреждения должно смотреть с Русской точки зрения, не применяя к ним произвольно тех начал, которые им чужды. И действительно, что может быть проще следующего заключения: практика и законодательство всегда требовали приложения к актам печатей; они подтверждали подпись или даже заменяли ее для безграмотного. Печати привешивались к грамотам, прикладывались к бумагам числом иногда до 10 и более, следовательно, им давалась вера, а без твердых правил для их составления, без их общеизвестности, этого предположить нельзя. Дело науки их уяснить, а это можно сделать только тогда, когда явится убеждение в ее возможности; может сделать только тот, кто проникнут такою мыслию.

Труднее, по-видимому, защитить самостоятельность русской науки о гербах: это, говорят, установление рыцарское и Россиею

заимствованное с Запада без изменения. Но что такое были гербы на Западе? Гербы суть знаки отличия дворянских родов, следовательно, чтобы гербы у нас имели то же значение и ту же историю, как в Западной Европе, необходимо, чтобы и развитие дворянства нашего было то же, какое было на Западе. А между тем существенная разница очевидна. Западное дворянство, рыцарство (*chevalerie*), было дворянство исключительно феодальное. У нас же, совершенно наоборот, не было ни основ для того, чтобы это рыцарство могло возникнуть, ни причин, по которым на Западе оно пустило корни, развилось и, обняв собою все ветви народной жизни, выразилось преимущественно в гербах как необходимой своей принадлежности. Крестовые походы и турниры положили прочное основание полному развитию гербов. В противоположность дворянству западному, наше дворянство было родовое по собственности и по пожалованию за службу. А именно: князья, перешедшие после ослабления уделов и присоединения их к Москве из младшей братьи московского великого князя как старшего брата в *подручников*, служебных князей государя и обладателя всея Руси, стали во главе дворянства русского, в которое затем вошли цари, царевичи инородные, роды татарские, польские и иные, далее пожалованные в бояре, окольные, дворяне, служилые люди всех разрядов и племен. Звание это было наследственное, и всякий, принадлежавший к благородному семейству, не мог выйти из своей сферы без особенно важных причин, а старшинство его в своем роде давало лицу известное, обычаем определенное и царскими приговорами освященное место в общей служебной иерархии. Малейшее нарушение этого порядка влекло за собою споры о местах, споры, при чтении и разборе которых дивисься не столько терпению тех, кто поверял притязания споривших сколько памяти самих местников, которые так хорошо знали происхождение своих родов, разветвление их, где и как служил каждый из его членов, что тянули эту нить и в восходящих и боковых линиях, и если ошибались, то почти всегда нарочно, или, выражаясь технически, *облыгали разряды*.

Кто одерживал раз верх над другим родом, тот всегда ссылался на этот случай, который становился основанием его прав и преимуществ, и притом не по отношению только к тому роду, с кем он местничался, но и ко всякому другому, который приходил к нему в прямое или косвенное соотношение. Родословец был корнем и основанием старшинства; но на герб, на знак, который был на щите, на форму шлема не было и не могло быть ссылки. На Западе, напротив, дворянин, которого щит был

опорочен герольдом, тем самым лишился права участия в турнирах и других играх людей благородных.

Далее, как древнейшие княжеские роды, ведущие себя от Рюрика и Мономаха, кроме родословных книг, доказывают свое благородное происхождение родовой своею собственностью, хотя и раздробившиеся, тем не менее ненарушимою в своем начале, так и другие дворянские роды находят подтверждение своего благородства в родовой своей собственности, в вотчинах и поместьях, полученных за службу или по наследству.

Родовое начало, лежащее в основе образования нашего благородного дворянства, должно послужить исходным пунктом и для отечественной геральдики. Не говоря об иностранных дворянских родах, пришедших на службу к русскому царю и могших сохранить свои гербы, мы смеем утверждать, что гербы наши были местные и давались с теми или другими фигурами: 1) по родовой собственности, 2) по происхождению, далее 3) по заслугам и, наконец, 4) по соответствию с прозванием лица.

Первое начало родовой собственности вполне применимо к гербам фамилий княжеских и дворянских, от удельных князей происшедших, второе различие — по происхождению от того или другого племени к выезжим родам, третье — к служилым людям, а последнее начало — к прочим гербам.

Что касается до княжеских гербов, то высказанное положение родовой собственности важно для науки: оно открывает средство не только по первому взгляду на герб сказать, чей он, от какого, напр., поколения князей, т.е. черниговских ли, ярославских и т.д., лицо происходит, но и указать, какое место род, герб имеющий, занимает в ряду семейств, от того же корня происшедших. Старшие в роде, напр., имеют одну только фигуру, которая у второго поколения является уже в первой четверти, и т.д. Гербы, говорят иные, явление новое; но если даже оставить без внимания, что печать кн. Пожарского со всеми признаками герба принадлежит началу XVII в., если не упоминать о свидетельствах, предводителями дворянства выдаваемых при представлении гербов к утверждению, что они употребляются издавна, если говорим и действительно гербы эти новые, то эмблемы в них утверждены веками и нисколько не произвольны. Подробностей мы тут касаться не можем, но вот основная мысль наша. От Владимира Святого и сыновей его пошли многие поколения князей великих и удельных. Каждое из них имело свой родовой город, который, переходя к старшему, сохранялся в его поколении, удел же дробился до бесконечности по общим правилам о наследовании недвижимой собственности.

Наконец, есть князья, которые хотя и происходят от владетельных князей, но не носят уже княжеского титула, ибо не имеют уделов. Один общий у таких родов корень всегда означает гербом родовым, которого, повторяем, место изменилось в щите, смотря по старшинству рода; видовые же отличия обуславливались, с одной стороны, знаменем того видового города, который лично достался в удел той или другой отрасли княжеского дома, а с другой стороны, могли быть усвоены лицу по его доблестям и заслугам. Родословные одни могут объяснить русскую геральдику частных лиц, и, хотя подробное изучение княжеских гербов наших показывает некоторые изъятия из общего правила о расположении в гербе входящих в него фигур, это объясняется желанием каждого поставить род свой выше, дать ему преимущество старшинства или составляет исключение, нисколько не отнимающее силы у общего правила.

Но если объяснение гербов наших зиждется на объяснении родословных, то и последние, наоборот, дополняются сведениями, заимствованными из геральдики. Род литовских князей, от Гедимина происшедших, лучше других объяснит нашу мысль. Многие из отраслей этого рода выехали с давних времен в Польшу, где и остаются до настоящего времени. По-видимому, связь между, напр., князьями Четвертинскими, Корецкими, с одной стороны, и князьями Голицыными — с другой, должна бы прекратиться, но герб свидетельствует о единстве их происхождения. Одна эмблема *погонь* прямо говорит, что у них была одна родовая собственность, по которой им и дано общее знамя. Ни в какой иностранной геральдике нельзя найти объяснения такого явления: оно чисто русское. На Западе герб избирался лицом, у нас он дается наследственным городом. На Западе он передавался потомку лица, у нас — наследнику родового города. Гербы западные вообще есть свидетельство личных доблестей, но только к древней геральдике русской вполне применимо правило: "Покажите мне ваш герб: я скажу, какого вы рода". Основное правило нашей геральдики княжеской, самой древней и занимательной, так просто, что всякий, кто знает гербы Киева, Новгорода, Литвы, Ярослава, Стародуба, Белоозера, Смоленска, может по гербу прочитать, к какой отрасли князей род принадлежит, где княжил его родоначальник; а если будет составлена подробная родословная карта русских княжеских семейств, то по ней без труда при этих данных найдется искомый род. Геральдика княжеская должна дойти до пяти, шести эмблем, к которым приписаны семейства по их происхождению. Самое слово *герб*, означающий наследство недвижимой собст-

венности, слово, общее всем славянским племенам, не оставляет места сомневаться в воззрении наших предков на герб как на наследство, переходившее вместе с вотчиною и дединою.

Другие дворянские роды, не происходящие от Владимира Святого, очевидно, не могут помещать эмблемы в своих гербах по началу родовой собственности. Вместо того у них являются другие начала, а именно:

1) Для родов выезжих начало происхождения. Множество родов выезжих, окружавших московского великого князя, впоследствии русского царя, и перешедших в русскую службу по присоединении к Москве Казани, Астрахани, Сибири, провинций Остзейских и иных, были возведены в дворянство русское, и герб их прямо свидетельствует, откуда они родом. Глаз русского геральдика должен по некоторым атрибутам узнать, какого племени род, тот герб имеющий, и тут опять является наука для уяснения, какие отличительные приметы в гербах родов, происшедших от татар, поляков, немцев и т.д. У первых, напр. у татарских, родов в обширном смысле слова, без различия еще мелких типов, постоянно видны луна, крест и сабля, в том или другом положении, с теми или другими атрибутами, и какие иные эмблемы мог избрать для себя мусульманин по происхождению, обратившийся в христианство и добывший себе дворянство отличием на поле брани? Далее, подкова служит отличительною приметою для большей части родов дворянских, ведущих свое начало из Польши и Литвы. Только потомки действительно владетельных родов сохранили в гербе своем знамя своей вотчины, напр., у князей сибирских, потомков Кучума, вы видите в гербе печать сибирскую.

Правило, что герб дворян выезжих должен свидетельствовать о происхождении их родоначальников, имеет практическое применение, если желающий иметь герб докажет, что предки его идут, напр., от немцев, тем самым он высказывает, что ему следует поместить в гербе те атрибуты, которые отличают гербы этого рода. Побочные атрибуты, кроме главного, родового, условливаются личными заслугами, доблестями, обстоятельствами, которые должны мотивироваться в каждом частном случае особым объяснением: но произвола и при этом быть не должно.

2) Далее в гербах родов русских, возведенных за службу в дворянство и даже звания высшие, как то княжеское и графское, наука отыскивает общие начала. Роды, напр., возведенные в дворянство императрицею Елисаветою Петровною в 1741 г., имеют гербы ландмилицкие, которых история еще не тронута. Можно даже найти правила, по которым в гербах разных царст-

вованый высказывалось самое пожалование; в царствование, напр., Екатерины II символом этого служила императорская корона, помещенная в щите одна или с другими атрибутами, при императоре Павле Петровиче — государев вензель. У пожалованных графским и княжеским достоинствами родов государственный герб в самых разнообразных видах, положениях и разделах останется навсегда свидетельством кто, когда и за что удостоился пожалования.

В гербе человека, достигшего дворянского достоинства заслугами на том или другом поприще, должна быть помещена эмблема в щите, в нашлемнике ли, которая бы напоминала потомкам доблести их предка. Большая часть дворян по службе стяжали это отличие на поле брани: сабли, пушки, ядра и иные атрибуты этого рода суть лучшие свидетельства военной доблести, как корабль, якорь выразительны в гербе моряка, перо — в гербе дипломата, писателя.

Наконец, 3) начало соответствия с прозванием, фамилией лица нашло себе применение ко многим гербам дворянских родов, такое сближение допускавших. Это *armes parlantes* нашей геральдики и будут впоследствии исчислены подробно.

При таком воззрении на отечественную геральдику мы не думаем, чтобы наука о ней считалась невозможной. Напротив, она, как всякая наука, должна осветить темное и объяснить смысл того, что для иного, не посвященного в ее тайны, кажется случайным, непонятным.

Основательного изучения тем более можно требовать от нашей геральдики теперь, когда есть уже не одна тысяча высочайше утвержденных для всех степеней русского дворянства гербов: дело науки указать на их начала и исторические основания. Этот-то труд мы и решились предпринять, и, сознавая всю нелегкость выполнения предположения нашего, мы считаем его только опытом и тем самым признаем его несовершенство и неполноту.

Метода, которой мы следовали при изложении нашего предмета, историческая. Не пренебрегая фактами, памятниками, которых завистливая древность так мало сохранила для потомства, мы старались объяснить ими историю печатей, предшествовавших гербам. С XVI в. для государственной печати и с XVII для печатей частных лиц произошла перемена существенная: герб государственный и гербы княжеских и дворянских родов устанавливаются, приводятся в систему, и в конце прошлого столетия начали издавать гербовник. До сих пор издано гербовника 10 томов; но далеко не всех дворянских родов гербы утверждены, и тогда, когда на западе Европы они вместе с родовым

дворянством потеряли свое прежнее значение, учреждение это развивается у нас все более и более, и никогда сочинение гербов новых не было в такой мере подчинено строгим правилам науки, как в настоящее благословенное царствование.

Сообразно этому историческому ходу развития у нас печатей, мы должны были начать с них как с основания и изложить их в следующей системе: 1) печати великого князя Киевского, Московского, князей удельных — и довести свое изложение до тех пор, когда образовались гербы московский и государственный, с одной стороны, и гербы княжеских фамилий и происшедших от них дворянских — с другой; 2) печати городов, послуживших основанием для тех изображений, которые находим в фамильных княжеских гербах; 3) печати духовенства, для которого гербов особенных и не образовалось, несмотря на попытку Петра Могилы и патриарха Никона сочинить для себя герб; 4) печати должностных лиц и присутственных мест, пока общий государственный герб не заменил их, и 5) печати частных лиц.

Имея в виду при изложении истории печатей только показать, как они постепенно перешли в гербы и чем гербы заменялись в древней Руси, мы, разумеется, считали себя вправе не излагать полной науки о печатях, русской сфрагистики, хотя думаем, что наши разыскания не могут быть совершенно чужды этой у нас еще новой науки. Мы не называем, конечно, всех печатей XII, XIII и т.д. веков гербами, потому что они, не быв наследственными, изменялись, но из сравнения доступных нам печатей, сохранившихся на грамотах, духовных завещаниях, разного рода памятях, отписках, сделках, на тронах, братах, чашах, ложках, тарелках и т.п., мы старались вывести общие для составления печатей начала. Этим-то путем мы доходим до эпохи, когда правительство дало этой части государственного управления устройство, с того времени постоянно совершенствующееся.

При изложении русской геральдики мы соответственно тем же началам, которые легли в основание системы, принятой для печатей, проследим образование русского государственного герба во всех подробностях его составных частей: щита, короны, положения крыльев орла, скипетра и державы, потом перейдем к гербам княжеских и дворянских родов, происходящих от Мономаха, затем к родам иностранным, принятым в русское дворянство и сохранившим в гербах своих существенные по происхождению их принадлежности, и, наконец, изложим отличительные черты гербов прочих дворянских фамилий. Считаем излишним прибавлять, что далеко не все гербы могут найти себе место

в нашей книге, хотя основные положения и результаты науки должны быть выведены из подробного и добросовестного всех их рассмотрения. Такое именно отвлечение от частных составляет, по нашему мнению, достоинство науки, которая не должна теряться в мелочах, хотя без них не может быть общего вывода.

Если, однако, мы говорим, что возможна геральдика, построенная на отечественных основах, отличная от геральдики иностранной, если далее история образования у нас гербов следовала совсем иным правилам; тем не менее есть у нас и нечто общее с геральдикой Западной Европы. Это внешняя, так сказать, обстановка герба: щит, шлем, намет, украшения, действительно нам несродные и заимствованные с Запада в XVIII уже столетии. В гербах русских древни эмблемы, а цвету, которым окрашивалось поле щита, положению даже фигур не придавалось особой важности, и правила для всего этого даны в прошлом столетии. В настоящее время как те, так и другие подлежат одинаковому вниманию. Это-то обстоятельство и возложило на нас обязанность в самом начале нашей геральдики изложить историю гербов в Западной Европе — историю, в которой мы в кратком очерке покажем их происхождение, поводы к развитию и те формы, которые общеприняты геральдикой всех стран для составления гербов. Подобного исторического очерка не доставало нашей ученой литературе, а без него нас могли бы упрекнуть в неполноте и неясности изложения.

ИСТОРИЯ ГЕРБОВ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Символы и печати у древних народов
и в средние века*

§ 1. Общее, преобладающее у нас мнение о происхождении русских гербов, о входящих в них эмблемах, равно как геральдических атрибутах, состоит в том, что наши гербы заимствованы из Западной Европы. С первого раза мнение это кажется так правдоподобным, что мы считаем долгом оговориться: внешние атрибуты для герба, форма щита (*écu*) и краски (*étauх, couleurs*) не наши и, конечно, перешли к нам с Запада; но идея гербов русских, в отличие от гербов Западной Европы, совсем иная. Для доказательства этого мы считаем необходимым предварительно пробежать историю западноевропейского герба. Это кажется нам тем более полезным и любопытным, что в это изложение должны будут войти важнейшие, по крайней мере, мнения о времени и происхождении герба, о его составных частях, технических названиях и т.д. Многие из предложенных вопросов до сих пор еще не решены, и они имеют свой интерес в науке.

§ 2. Исследователи по части геральдики обыкновенно оставляют совершенно без объяснения самое слова *blason, armoirie, Wappen*, как понятие слишком общеизвестное для того, чтобы оно могло нуждаться в пояснении. Оттого *герб* смешивают с символами, символическими разного рода знаками, ведут его начало с глубокой древности и не отличают гербов от печатей, хотя право иметь печать далеко не то, что право на герб.

Мы остановимся на этом, чтобы объяснить разницу между смешиваемыми понятиями, и начнем с символов. Чем народ

* Источниками для изложения этой главы служили: Menestrier C.F. Nouvelle methode raisonnée du blason. Lion, 1677; Он же. Origine et vraie pratique de l'art du blason. 1659; Kopp. Entshehung der Wappen; Wailly I.N. de. Eléments de Paleographie. Paris, 1838. Vol. 1-2; Eysenbach. Histoire du blason et science des armoiries. Tours, 1848; Mittheilungen der Zürichschen Gesellschaft für vaterl andische Alterthumer. XII. 1848; Notice sur l'origine des armoiries. Annales del' Academie d'archeologie. Belgique. Anvers, 1849.

юнее, чем живее в нем воображение, тем более привязан он к отвлеченным символам, и нет ничего неестественного, что знаками этими искони отличались отдельные лица, колена, города, царства и народы, как один от другого, так благородные от неблагородных, знатные от незнатных. Эмблемы в этом случае брались по большей части из видимого мира, и особенно из царства животных. Всякому животному придавались особенные свойства и качества: один предпочитал символ льва как идею благородной отваги, другой змеи — символ хитрости и мудрости и т.п. Были даже археологи, которые производили слово *blason* от еврейского *sobal* (носить), разумея под этим словом знаки, постоянно носимые одними в отличие от других. Мы увидим дальше, в какой мере производство это правильно.

§ 3. В Греции и Риме, точно так, как у древних персов, египтян, мидян и других народов древности¹, встречаются символы, постоянно повторяющиеся на монетах, медалях и печатях. Символ, Коринфом, напр., избранный, был пегас, Афинами — сова, Пелопонесом — черепаха, Фивами — щит, Самосом — павлин, Родосом — роза (соответственно названию *родов*). Символы эти переходили и на печати; так на Помпеевой был изображен лев с мечом; у Цезаря видим вооруженную Венеру, у Плиния Младшего колесницу и т.п. Писатели древности сохранили нам не одно свидетельство об употреблении и даже наследственности символов: так, Овидий² прямо упоминает о *signa generis in capulo gladii eburneo*, а Светоний³ о *vetera familiarum insignia*. Таких свидетельств встречается немало, и, основываясь на них-то, писатели средних веков видели в символических изображениях начало гербов. Такому смешению этих двух понятий несродных способствовали отчасти следующие обстоятельства: 1) что и древние обращали внимание на цвета. Доказательством тому служат существовавшие в Риме и Константинополе партии в цирке и вместе с тем партии убеждений, различавшиеся по цвету одежды: белые и красные; позднее голубые и зеленые⁴. Далее, судьи

¹ Символы всех древних народов исчислены в известном сочинении иезуита *Petra-Sancta: Tesserae gentilitiae a Silvestro Petra Sancta Romano Societatis Jesu ex legebus feccialium descriptae*. 1637, in 4°. Рисунки этих символов и между прочим колен Израилевых в *Spener Insignium theoria seu operis heraldici pars generalis*. Francofurti, 1690. P. 39. Здесь и далее нумерация библиографических подстрочных ссылок поглавная сквозная (*Примеч. ред.*).

² *Metamorphos*. Vol. 7. P. 423. Знак рода на рукояти меча костяной (*лат.*).

³ *Suetonius* in Claudio. P. 35. Старинные отличительные семейные знаки (*лат.*).

⁴ Подробное описание цветов партий в цирке и отношения их к цветам гербов находим в приведенном сочинении *Петра Санкты*, с. 25: "De colorum usu in ludiscircensibus". ["Цвета и их употребление в цирковых зрелищах" (*лат.*)].

в Афинах и Платее, в Риме кандидаты на должности и почти все сановники одевались в белые тоги; пурпур был цветом богов и царей. Магомет носил черный плащ, который после него надевали халифы, в знак преемственности власти от лжепророка; а зеленый тюрбан, сохранившийся в гербе Османской Порты, и теперь еще означает у турок Магометова потомка. В средние века евреи нашивали себе на платье кружок из желтого сукна. Но все эти и подобные им примеры показывают одно, что народ, как и человек в отдельности, предпочитает тот или другой цвет, никак не более. Гораздо многозначительнее другое обстоятельство, а именно 2) то, что изображения знаков символических носились на оружии. Для примера мы приведем следующее описание Эсхилом щитов семи вождей, под Фивами сражавшихся. Всякий из семи героев предводительствовал особым отрядом и отличался своим щитом. Первый витязь, Тидей, носил на своем щите эмблему: вычеканенное небо, усеянное звездами, между которыми отличалось блеском одно светило. Второй вождь, Капаней, имел на щите изображение обнаженного человека, несшего в руке горящий факел с девизом: "Сожгу город". У третьего на щите вооруженный воин взлезает по лестнице на неприятельскую башню и в девизе объявляет, что сам Марс его не сдвинет. Четвертый вооружен щитом, на котором Тифон изрыгает из огненной пасти черный дым, а вокруг изображены переплетшиеся змеи. У пятого сфинкс держит под когтями Кадма. Шестой витязь исполнен мудрости и не имеет на своем щите никакой эмблемы: он не хочет выдавать себя за храбреца, он хочет быть им. Седьмой, наконец, обороняется щитом, на котором женщина ведет воина, вычеканенного из золота; она умеряет его шаги и говорит в девизе: "Я сама справедливость, я одушевляю этого человека, возвращу ему его отечество и наследие предков".

Воздерживаясь от приведения других примеров, мы заметим только, что все они доказывают не более как существование знаков отличий, избранных вождями или данными предводителями дружине. Овидий и Вергилий постоянно изображают своих героев носящими на шлемах и щитах *arma, insignia*, но общего с гербами в этих символах нет ничего.

§ 4. Переходим к печатям. Существование их очень древне, и они также приводились в доказательство употребления гербов задолго до рыцарства и турниров. Сходство между ними заключается в том, что как гербы со щитов перенесены на печати и в таком виде употребляются в подкрепление воли лица, дающего акт или вообще делающего какое-нибудь распоряжение,

причем печать принимается за необходимую принадлежность известного лица; так и у древних римлян перстням (*annuli signatorii, sigillarii* и *seographi*) было придаваемо особое значение. Сенаторы и всадники носили кольца золотые, а плебеи — железные, если только они не получали права на золотое кольцо за подвиги храбрости или важные государственные заслуги вообще. Впоследствии, когда древние существенные различия между сословиями Рима стали мало-помалу сглаживаться, отличие это утратило свое первоначальное значение, и получение его не было уже сопряжено с такими требованиями и затруднениями, как прежде.

Конечно, перстни эти были драгоценны не только по богатству их украшений, но и по тем фигурам, которые на них были изображены: портрет государя, предка, друга или какого-либо знаменитого человека, эмблема события, важного для государства, для известной фамилии или для отдельного лица, заставляли дорожить подобными кольцами. В доказательство мы можем привести несколько особенно разительных примеров: Силла велел себе сделать перстень, на котором Бох, король Мавританский, представлен выдающим ему Югурту, первого виновника его соперничества с Марием. На перстне Помпея были высечены три трофея: эмблема его побед в трех частях света. У императора Августа на кольце был изображен сначала сфинкс, потом лицо Александра и, наконец, его собственное. Потомки продолжали пользоваться кольцом предка. Перстнем запечатывались обыкновенно письма и депеши; а что изображения на них (*signa*) имели определенное, официальное т.е. значение, доказывается тем, что достаточным считалось приложение печати для того, чтобы распоряжение имело законную силу.

Правило это древне, повсеместно и вполне объясняется малым распространением грамотности между древними народами, для которых более видимые знаки были осязательнее. Из множества свидетельств приведем в подтверждение одно более резкое. В Книге Царств (III, гл. 21, ст. 8, 11) сохранилось следующее известие: "И написа Иезавель книгу на имя Ахаавле и запечатала ю печатью его, и посла книгу к старейшинам и свободным живущим с Навуфеем... и сотвориша тако мужие града старейшии". Значение печати предполагает ее общеизвестность и неизменность. От народов восточных печати перешли к грекам и римлянам, а от сих последних к германским племенам средних веков.

Как римские законы требовали приложения печатей к судебным актам и сделкам разного рода, так и племена, поселившиеся на римской почве, вместе с узаконениями Рима усвоили себе

и этот обычай. Частные случаи из VI, VII и последующих столетий подтверждают это⁵, но тем не менее обыкновение прикладывать печать сделалось общим и повсеместным не ранее XII столетия и долго заменяло собою подпись.

§ 5. Значение в подобных случаях печати было так велико, что необходимо было придумать различные предосторожности для предупреждения подлога. Средства эти отличаются своею странностию и едва ли вели к предположенной цели; напр., при- мешивали к воску, на котором прикладывалась печать, волосы с головы или бороды⁶, или оставляли на нем оттиски своих зубов, или, наконец, на обороте печати делали знак пальцем или каким-нибудь другим орудием. Бывали также случаи, что к печатям прикреплялись символы инвеституры, каковы соломинки, перчатки и т.п. Этим же объясняется та торжественность, с которою печать прикладывалась к актам особенной важности: собрание придворных и других лиц, властью облеченных, считалось при этом необходимым. Для актов менее важных требовалось присутствие духовенства, дворян, местных судей и вообще свидетелей.

С другой стороны, владельцу печати необходимо было предупредить, чтобы не кто иной, кроме его, не употреблял ее и не прикладывал к актам, без его воли совершенным. Поэтому у древних был обычай вместе с человеком погребать его печать и перстень. Когда в 1544 г. рыли в Ватикане землю под фундамент для часовни св. Петра, открыли гробницу Марии, супруги императора Гонория, и между другими вещами нашли 40 печатей и перстней, золотых и драгоценными камнями украшенных, и на одной из печатей изображение головы этого государя. Обычай этот от римлян перешел в Европу средних веков и во Франции сохранился до XIII в. Печать Хильдерика I была найдена в гробнице его в 1653 г. В XII в. печать Гильома-де-Туси, епископа Оксерского, была погребена вместе с ее владельцем, но прежде того разбита и сломана. Тот же обряд соблюдался при погребении пап, так как печать их была именная, и преемнику умершего папы необходимо было озаботиться изготовлением своей печати⁷.

⁵ *Wailly J.N. de. Op. cit. Vol. 2. P. 1, 43.*

⁶ В конце одной грамоты 1121 г. читаем: "quod ut ratum sit et stabile perreveret in posterum, praesenti scripto sigilli mei robur apposui cum tribus pilis barbae meae". ["...каковое, чтобы было решено и оставалось неизбывным будущему, настоящему написанному силу печати моей прилагаю с тремя волосками моей бороды" (*лат.*)].

⁷ *Wailly J.N. de. Op. cit. P. 18–20.*

Тою же важностью печати объясняется, почему в Константинополе, напр., хранитель грамот храма св. Софии носил на шее печать патриарха. У вице-канцлера Ричарда I, короля Английского, Роже, потонувшего от кораблекрушения близ острова Родоса, нашли на шее королевскую печать. Но если печать по какой-нибудь случайности утрачивалась, или изменялась, или, наконец, сообщалась кому-нибудь по изволению ее владельца, это делалось общеизвестным в предупреждении подлога и подделки. Немалым также против них средством было употребление двусторонних печатей: нет ничего легче, как, сняв восковую печать с акта и подогрев ее снизу, приложить к другой бумаге; но если и на оборотной стороне печати есть изображение (*contresceau*), то подобная подделка становится невозможной. С начала X столетия двойные печати эти вошли в употребление и были или висячие на шнурках или приклеивались к бумаге, пергаменту.

Очевидно, что твердых, определенных и неизменных правил требовало самое приложение печати, изображение на которой сохранялось ее владельцем всеми возможными средствами. Прежде всего при этом должно было озаботиться, чтобы материал, для приложения печати избираемый, был тверд и чтобы штемпель не скоро сглаживался. Древние римляне избирали для своих булл свинец, и в главе таких булл находятся принадлежавшие императорам: Траяну, Марку Аврелию, Антонину Благочестивому.

Название этого рода печатей происходит от свинцовых шариков, чрез которые продевался шнурок и потом выбивалось изображение. С VII в. этот способ приложения печатей перешел к папам и дал название тем постановлениям, которые исходили от них и были утверждены свинцовой печатью. В редких случаях к грамотам особенной важности, напр. об утверждении королей Римских, прикладывались буллы золотые. Из императоров Французских Карл Великий первый ввел употребление золотых печатей, которые в последствии времени встречаются на грамотах германских государей и в подражание им приняты другими монархами Западной Европы.

Печати серебряные, бронзовые и оловянные встречаются реже.

Буллы могли быть только висячие, в отличие от восковых, впоследствии сургучных печатей, которые прикладывались к пергаменту или бумаге. Первые носят в западной сфрагистике название *Sigilla pendentia*, или *sigilia**, а вторые *Sigilla membranae*

* Висячая печать (*лат.*).

affixa, innexa diplomati, chartae diplomati, chartae agglutinata*. Каждый из этих родов печатей в разных странах подразделялся на виды по форме, способу приложения и по изображениям на них. Достаточно для нашего очерка следующих общих замечаний.

Висячие печати привешивались в конце грамот, тотчас после подписи, на снурке льняном, шелковом или обрывке пергамента, кожи, а если печатей было несколько (число их доходило до 350 в жалобе, поданной богемцами Константскому Собору 30 декабря 1415 г.), напр., когда прикладывали их свидетели при совершении актов или должностные лица, то порядок, в котором они размещались, следовал степени уважения, лицам этим оказываемого, и сравнение печатей средних веков доводит до убеждения, что средняя точка, равно как правая и левая стороны нижней оконечности пергамента, была назначена для печатей самых почетных. Но если печатей было слишком много и вообще изложенное правило было бы трудно соблюсти, то печати привешивались в том же порядке, в каком упоминались лица, ими владевшие, начиная с левой стороны и доходя до правого конца. Нередко в самом документе упоминалось, как приложена печать и какого она цвета (напр., в XVI в.: *Sigillatum in cauda duplici magno sigillo cerae rubrae*)**.

Форма печатей была чрезвычайно разнообразна: то они круглые, овальные, полупродолговатые, треугольные или квадратные, то имеют вид многоугольника, осьмиугольника, шестиугольника и т.п., и притом так: что бока печати были или прямы или образовали кривую линию (*scaux cornus*). Древнейшие печати были по большей части круглые.

Цвет воска, которым печатались грамоты и акты в Западной Европе, различался по достоинству лиц, которым выдавались, и по роду дел, к которым бумаги относились. Право печатать красным воском составляло принадлежность государя и лиц, которым привилегия эта была дарована. Патриарх Константинопольский печатал свои грамоты обыкновенно на черном воску. Привилегия печатать голубым, лазуревым воском, дарованная в 1524 г. императором Карлом V одному доктору в Нюрнберге, доказывает, что и этот цвет, хотя редко, не был, однако, совершенно чужд печатей. Во Франции и Англии постановления разного рода утверждались печатями зеленого или желтого, смотря по роду узаконений, цвета⁸.

* Печать, приложенная к пергаменту, к грамоте (*лат.*).

** Отпечатанная в конце большой двусторонней печатью красного воска (*лат.*).

⁸ *Wailly J.N. de. Op. cit. P. 55–58.*

Так как, с одной стороны, изображения на печатях не были наследственными и, с другой — значение их в общезнании было так велико, то лица, владевшие печатью, озаботились о надписи на ней или, если она была двухсторонняя, об изображении символа или эмблемы, лицу присвоенной и состоявшей или в фигуре или молитве (напр., на печати Пипина Короткого: *Christe protege Pipinum, regem Francorum*, или какой-нибудь фразе. Всего ближе, конечно, было помещать на печатях выражения, которые показывали значение самой печати; нередки следующие фразы: *secretum comitis, secretum meum, secretum meum mihi, testimonium veri clavis custos sigilli, secretum colas, annuncio secreta, confirma, secretum veri, secretum est, secretum serva**.

Девизы, в форме наставлений и правил, также не были чужды печатей: это доказывают выражения вроде следующих: *Deum time, Deus in adiutorium meum intende, fugite partes adverse, Miserege mei Deus, Bonum est confiteri Domino***. Церкви, аббатства и города имели в печатях изображение своего покровителя и приличные тому надписи: *Dionisius Areopagita, Video celos apertos; Nicolaus suscitans clericos, Ave Maria gratia plena, imago Sancti Audomari**** и пр.

Таким образом, надписи и изображения на печатях, имея исторический смысл для лица, печать употреблявшего, по правилу не переходили к его преемнику, который мог избрать себе новый девиз, новое изображение, а вместо имени своего предка должен был выставить свое. Таковое было правило, но тем не менее недостаток собственных памятников, которые могли бы быть изображены на печатях, заставил в средние века прибегать к антикам, к которым в печатях или прибавляли надпись или даже обходились без нее. Такие печати могли быть и наследственными, тем более что строгого соответствия между изображением на камее и знанием избравшего его лица не существовало; напр., в 1280 г. аббат одного монастыря употреблял печать с изображением вооруженного воина с головою, покрытою шлемом; на печати другого аббата 1211 г. представлена богиня охоты Диана. В 1301 г. на одной печати также аббата изображен Феб, управляющий колесницею, запряженною четырьмя конями. Аллегори-

* Секретная печать графа, секретная печать для меня, свидетельство истины, страж печати, соблюдай секрет, возвещаю секретное, секретная печать истины, секретно (*лат.*).

** Бойся Бога, Внемли, Боже, склонись, Боже, к мой защите, избегай участи лживых, помилуй меня, Боже, Добро есть исповедоваться Господу (*лат.*).

*** Дионисий Ареопагит, вижу небеса открытые, Николай... Радуйся, Мария Всемиловитая, образ святого Одомария (*лат.*).

ческая надпись: *signum veritatis* была прибавлена к изображению на печати. Таких примеров средние века представляют множество⁹, а подобное употребление камею (которые, как увидим ниже, перешли в Россию очень рано и другим совершенно путем) вполне объясняется тем влечением, которое человек всегда чувствует к прекрасному всех стран и народов, и сознанием невозможности произвести в искусствах что-либо подобное тому, что завещано позднему потомству древней Греции.

Наряду с камнями, однако, христиане средних веков избирали для своих печатей символы, которые, будучи заимствованы из божественного учения Спасителя, составляли в некоторой степени ручательство в том, что распоряжение, печатью утвержденное, будет соблюдаться свято и ненарушимо. Таковы изображения креста — символа искупления, голубя — знака невинности, рыбы — напоминающей священную воду крещения, якоря — означающего твердость веры, лиры — как орудия возношения хвалы Богу.

Изображения эти, впрочем, были так неопределенны, что государи одной и той же страны в разное время и при разных обстоятельствах меняли символы, по-видимому, совершенно произвольно. Оружие разного рода занимало почетное место на печатях королей и простых рыцарей Западной Европы; нередко они и сами являлись на печатях на коне, в латах, или государь на престоле с атрибутами власти, с скипетром, в короне.

Из всех символов, которые встречаются на печатях средних веков, более всего споров возбудило изображение лилии на печатях королей Французских. Доказано, что символ этот употреблялся Каролингами и даже королями первой династии во Франции и помещался не только на печати, но на оконечности скипетра и поверх короны (что объясняет ее форму); но ученые не согласны между собою: действительно ли эта фигура изображает лилию и что она могла представлять? Доказывали, что под словом *lilium*, в хрониках встречающемся, должно понимать всякое изображение, имеющее вид цветка (*фleur-de-lis*), а не собственно лилию, и утверждали, что это наконечник алебарды; но в настоящее время почти все признают, что это лилия; цветок этот вообще возбуждал к себе сочувствие, был символом в печатях многих государей и остался отличительным признаком печати, а потом герба королей Французских (не говоря о частных лицах, в гербах которых лилии нередки¹⁰).

⁹ *Ibid.*, P. 74, sq.

¹⁰ *Wailly J.N. de. Op. cit. Vol. 2. P. 81–83.*

Из предыдущего изложения истории печатей в древности и в Западной Европе мы извлекаем следующий вывод: ни один народ, ни одна страна ни в какое время не были чужды понятий о печатях и символах. Но были ли во всех них признаки, по которым наука отличает геральдический герб? Были ли правила для составления печатей возведены в науку, утверждены ли эти знаки как неперемненные спутники благородных фамилий, дана ли им наследственность? — нисколько: найти для себя знак отличия от других подобных существ так сродно человеку, что встречается повсеместно, и если видеть в символах начало гербов, то первыми их приверженцами должно бы считать диких американцев. Было даже время, когда испанцы, по возвращении Колумба из Америки, слушая рассказы его и спутников о раскрашенной, татуированной коже дикарей, думали, что нашли ключ к разгадке, и стали выдавать американских туземцев за изобретателей гербов. И что же как не герб, говорили тогда, было изображено если не на щитах, то на лицах этих дикарей? Каждая черта замысловатого рисунка проведена не даром, не случайно, а в память битвы, в которой пал неприятель, в память события, в котором лицо принимало участие. Вожди, короли диких имели в малом виде изображение рисунка, которым украшено их лицо, и при совершении разного рода документов обмакивали кусок дерева в краску и начерчивали им верный снимок того рисунка, который виден на их лице. Нам кажется, что и между таким рисунком и гербом нет ничего общего, ибо кроме символического изображения, кроме того, чтобы оно носилось на оружии, щите, шлеме, необходимо: 1) чтобы составление герба было подчинено строгим правилам науки, утвержденным практикою и давностию употребления, и 2) чтобы герб, быв правильно составлен, правильно переходил по наследству по прямой нисходящей линии. Он должен сопровождать благородного человека от колыбели до могилы; он изображается на его печати, на ливрее, посуде, экипажах, на погребальной колеснице и, наконец, на памятнике. По гербу должны узнаваться род и звание того, кому герб принадлежит. Очевидно, что ни печати, ни символы, древними народами употреблявшиеся, нисколько не объясняют истории гербов. Где же и когда образовалась эта наука, которой в былые времена посвящался не один год изучения, которой правила не знать стыдился бы каждый и значение которой на Западе теперь утратилось вместе с уважением к древности дворянства рыцарского, геральдического?

О происхождении гербов

§ 6. Общий ответ на предложенный выше вопрос тот, что гербы завещаны нам германцами средних веков и рыцарством. Но трудно найти двух писателей, которые бы сходились на этот счет в подробностях. Заслуга первенства обработки геральдики остается за ученым иезуитом Менестрие (Menestrier P.C.E.), который оставил потомству, кроме других сочинений, две по этой части главные книги: "Nouvelle méthode raisonnée du blason ou de l' art heraldique" и другое: "L'origine ou vraie pratique de l'art du blason" (1659). Они заслуживают внимания и до настоящего времени, хотя после него об этом предмете писано было очень много и история вообще сделала шаг вперед. Говоря о геральдике Западной Европы только для объяснения атрибутов в наших гербах, мы, по необходимости, оставляем подробности несогласий между писателями относительно происхождения гербов и остановимся только на результатах, добытых наукою.

§ 7. Германские и галльские народы, отличающиеся воинственным своим духом, имели издавна обычай носить на войне пестро выкрашенные щиты, а шлемы — украшать изображениями животных. На это прямо указывает Тацит, говоря: "Scuta lectissimis coloribus distinguunt"¹, и в другом месте: "Germano ne scuta quidem ferro nervore firmata, sed vinimum textus seu tenues, fucatas colore tabulas"². А о шлемах галлов говорит Диодор Сицилийский, что к ним прикреплялись рога и изображения животных.

Но мы видели обычай этот и у других народов древности, которые тем не менее не имели сами гербов и не передали идеи их новому человечеству. Германские же племена были в сравнении с ними поставлены совсем в иные отношения, и оттого принялось, дало корень и развилось у них учреждение, которое так тесно связано с дворянством Западной Европы.

Германская община, вторгаясь в чужую землю и покоряя жителей ее, имела в виду обеспечить себя насчет владения недвижимою собственностью. На нее человек, особенно первобытный, привык смотреть с уважением. *Nulla terra sine domino*, нет земли без господина, — было девизом того времени, но не менее справедливо было бы сказать тогда, что нет благородного дворянина без земли. Большого упрека, чем безземельность,

¹ *German.* P. 6. [Щиты различными цветами отмечают (лат.)].

² *Annal.* 2. 14. [У германцев нет панцирей, нет шлемов, да и щиты у них не обиты ни железом, ни кожей — они сплетены из прутьев или сделаны из тонких выкрашенных дощечек (лат.)].

трудно было найти для дворянина того времени. Поэтому раздел приобретенной оружием земли был первым последствием победы и завоевания. Старший между равными, вождь (*primus inter pares*), брал себе лучший участок и делил остальное между товарищами. Последние через это не становились самостоятельными и обязаны были верностью (*trustes*) своему вождю, который и выводил их в случае нужды на поле брани. С другой стороны, у каждого мелкого владельца вассальной земли были свои подчиненные, которые смотрели на него как на своего господина и под его знаменем примыкали к отряду. Поэтому отличительные знаки на вооружении были необходимы и притом не только для различия благородных от *roturiers*, подвластных, но и для того, чтобы можно было распознавать от других главного представителя вассального участка. Позднее, во время крестовых, напр., походов, когда дворянство, рыцарство всей Западной Европы, вдохновившись одною святою идеей, шло на Восток для освобождения гроба Господня, необходимость в этих знаках была еще настоятельнее, и мы увидим, что это событие было одним из главных, давших толчок развитию гербов.

Но задолго до этого мирового события рыцарство, благородное конное дворянство, имело случай сталкиваться с неверными, с маврами в Испании, защищать христианство и прекрасный пол, так что не подлежит сомнению, что при дворе Карла Великого рыцарство (*la chevalerie*) уже имело тот блеск, который ему приписывают поэты и повествователи того времени.

Как рыцарство, вытекшее совершенно естественно из духа германского народа, из его быта, положения в завоеванной Европе и из отношений к покоренным народам, было обще всем странам, населенным германцами, так и гербы стали принадлежностью дворянства всех стран Западной Европы. Как далее в одних странах дух рыцарства под влиянием местных причин развился в более широких размерах и блестящих формах, а именно: в Англии, Франции, Германии и в наших нынешних Остзейских провинциях, так в них же оказалось более правильное развитие гербов.

Если трудно перечислить все частные причины, которые в Западной Европе вообще и в каждой из ее стран в особенности дали толчок к образованию гербов, их усовершенствованию и разветвлению, то необходимо отыскать причины, по которым геральдика усвоила гербу твердые и повсеместно однообразные приметы. Знаки отличия, носимые даже на оружии, мы видели, не были чужды многим народам глубокой древности; но они не признаются за гербы, потому что не считались непременною

принадлежностью воина, не переходили в его род и не становились его достоянием. Особенность в этом отношении рыцаря средних веков станет совершенно наглядною, ясною, когда посмотрите на этого благородного воина, который сам весь закован в стальные латы: у него на лице опущено забрало, так что представителем всей его личности, скажу больше, его убеждений, его мысли становится один щит. По нем читали и знали, с кем имеют дело. Точно так и лошадь рыцаря едва видна из-под тяжелого вооружения: как же не отличить и коня знаком, видимым на щите? Необходимость употреблять чаще и чаще щиты на поле брани и чести и сродное человеку желание сохранить в своем потомстве память о подвигах предков вызвала потребность в обработке гербов и в укреплении за каждым рыцарем и его родом того герба, который был (и мы увидим по большей части не случайно) избран его представителем. Очевидно, что время, когда и страна, где всего более представлялось случаев являться в вооружении, должны были породить необходимость в гербах, в строгом их изучении и разграничении. Нет сомнения, что самое благоприятное для этого время был конец XI и начало XII столетия, и, действительно, к этому времени относятся древнейшие гербы в настоящем смысле слова: на картинах, печатях стали представлять воина на коне, в полном вооружении, в шлеме или короне, если герб принадлежал королю, а на левой руке витязя был виден щит с изображением разных знаков и эмблем. По тщательным разысканиям ученых бенедиктинцев древнейшая известная им гербовая печать привешена к одной грамоте графа Роберта Фландрского 1072 г.: на щите изображен лев Фландрии, а на печати графа Раймунда Тулузского 1088 г. — крест Тулузский. Гораздо чаще и обыкновеннее стали гербы и печати с гербовыми изображениями с XII и XIII столетий. Даже государственные гербы Англии и Франции обязаны своим установлением этому же времени, хотя известно, что окончательное их образование последовало позднее, так, напр., число лилий во французском гербе ограничено тремя только в правление короля Карла V (1380 г.). Германский императорский орел, который, как общий символ власти, конечно, встречается довольно рано, является постоянным и твердым гербом на печатях только со времени Рудольфа Габсбургского, а двуглавый орел только при императоре Сигизмунде³.

Одиннадцатый век, сказали мы, видел образование гербов

³ *Ledebur*. Streifzuge durch die Felder des koeniglichen preussischen Wapens. Berlin, 1842.

в современном значении слова, и вот те события, которые были причиной этого явления: 1) развитие рыцарства и установлений, с ним тесно связанных; 2) турниры и обряды, при них соблюдавшиеся, и 3) крестовые походы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

§ 8. *Рыцарство*. Самое вооружение рыцарей и их лошадей делало необходимым те символы и знаки, без которых они не были бы распознаваемы. Очевидно, для того, чтобы свои умели различать, кто этот закованный в стальную броню рыцарь, необходимо было изучить: какое поле на его щите, какие любимые на нем краски, что на нем изображено, чего хочет его девиз (*que s'ie la devise*), какие перья на его шлеме, нет ли на шлеме какого изображения, как спущено забрало и пр., по необходимости стали изучать все эти кажущиеся мелочи, но на самом деле важные приметы¹. Наука и живопись предложили свои услуги, и в древнейших сборниках гербов (*Warrenrolle*) видим в разрезе полное вооружение груди и головы рыцаря: на левой руке щит с изображением доходит до шлема, в который водружены перья или на котором красуется какая-нибудь фигура. Всего ближе поэтому было назвать гербы *Warren* (от *Waffen*) *arma, armes, armoiries*. Прекрасные образцы таких полных рыцарских вооружений и вместе с тем гербов представляет т.н. Цюрихская *Warrenrolle*, принадлежащая, по разысканиям тамошнего общества древностей, к XIV в. Для примера мы представляем на табл. I несколько образцов таких гербов.

§ 9. *Щит*. Каждая из составных частей герба была существенно необходима, как оружие, а потому неизбежна и в изображении герба. Первая из этих составных частей, самая существенная, есть *щит*, земля, на которой было предоставлено деяниям, истории, любимой женщине или воображению самого витязя представить символ или эмблему. Поле щита будет, говорили древние герольды: черно, как хорошо вспаханная земля, зелено, как растущая трава, и красно, как поле, упитанное кровью врагов.

¹ В этом смысле *Менетрие* (*Origine et vraie pratique de l'art du blason avec le dictionnaire armorial*. Lion, 1659. P. 73) так определяет герб: "Armes ou armoiries est un corps complet d'image hieroglyphique, compose du champ et sol, peint ou taillé et du blason ou piece d'image symbolique, peinte ou taillée et assise sur le dit sol". ["Герб представляет собою некое целое, исполненное иероглифическим [символическим] смыслом, состоящее из поля [основы], нарисованного или выгравированного, и центральной фигуры герба — [символического изображения], нарисованного или выгравированного и помещенного на указанной основе" (*фр.*)].

Идея эта не мешала, однако, быть полю и желтым и голубым, и даже двух и более цветов.

Уважение к щиту проявлялось при возведении благородного человека в почетный сан рыцаря: его одевали в белое платье — символ чистоты, красное — символ крови, которую он должен был проливать в защиту церкви и государства, и в черное — символ смерти, навстречу которой он шел бесстрашно. После установленного поста, после молитвы и исповеди новобранец слушал обедню и проповедь об обязанностях рыцаря. Затем ему вручалась шпага, которую благословлял священник на подвиги чести и отваги: рыцари и благородные дамы надевали ему шпоры, панцирь, латы, нарукавники, перчатки, опоясывали шпагу и, наконец, подавали ему щит. Затем старший рыцарь (*seigneur*), у которого он был в науке, три раза ударял его по плечу плашмя шпагою, говоря: "Делаю тебя рыцарем во имя Господа, Св. Михаила и Георгия: "будь мужествен, храбр и честен" (*sois preux, hardi et loyal*).

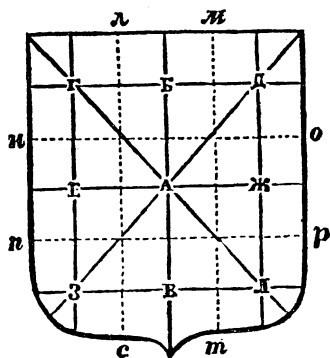
§ 10. *Форма и деление щита.* В щите (*écu*) должно различать: 1) его поле (*champs*), 2) краски (*les couleurs*) и 3) изображения (*les figures*).

По форме щита различали, к какому народу принадлежит рыцарь, потому что у витязей каждой страны щит имел особый вид; так: у англичан он был круглый (табл. II, рис. 15), у итальянцев продолговатый (рис. 13); у германцев такой же, с маленькою выемкою сверху, с ущербом (рис. 12); у испанцев плоский сверху и закругленный снизу (рис. 14); наконец, у французов форма щита: или четырехугольная (рис. 11), или сердцеобразная (рис. 16), или имеет вид продолговатого четырехугольника, нижние края которого слегка закруглены и сходятся под углом (табл. II, рис. 17—18).

§ 11. Щит может быть или не разделен, в каком случае называется *простым* (*simple*); или же он вмещает в себе несколько разделений, окрашенных различно, и тогда называется *сложным* (*écu composé*).

Все деления сложного щита приведены западно геральдиком к известным нормам: им даны названия, освященные долговременною практикою и теориею, всеми государствами усвоенною. У нас хотя существуют те же деления, но вместо технических названий употребляются, описательные выражения. Язык геральдический еще не утвердился. Прилагаемый рисунок сложного щита поможет нам в описании его частей.

Главных делений щита четыре: 1) по вертикальной линии АБВ, поперек (*parti*); 2) по продольной, горизонтальной линии ЕАЖ

(coupé); 3) по диагонали к левому нижнему краю щита по линии ГАЛ (tranché) и 4) по диагонали же к правому углу щита по линии ДАЗ (taillé). На иностранных языках эти термины, первоначально условные, теперь общеизвестные, чрезвычайно облегчают способ описания гербов. Самое название делений щита показывает, что они не произвольны, а даны по направлению ударов, которые рыцарь, обороняясь, принимал на свой щит. Этим наблюдением воспользуемся и мы, для усвоения нашей геральдике названий, срод-

ных духу языка и которые могли бы сделаться техническими. Позволим себе эту попытку, основанную отчасти на прежней геральдической терминологии, и назовем щит, разделенный поперек, — *рассеченным*, вдоль — *разбитым*, диагонально — *скошенным влево* или *вправо* (смотря по направлению диагонали к левому или правому углу щита). В сочетании первого и второго делений получаем щит, разделенный на четыре равные четверти (ecartelé) линиями, под прямым углом пересекающимися, — *деление прямоугольное* или *четверочастное*. Деления третье и четвертое в соединении разбивают щит на четыре треугольника, вершины которых сходятся в одном центре А, а основания упираются в конечные линии щита. Это деление (ecartelé en sautoir) — *в виде Андреевского креста*. Если, наконец, все эти четыре деления соединяются, то щит распадается на восемь треугольников, сходящихся вершиною в точке А, — *деление восьмиугольное* (gironné). Разумеется, что деления эти могут соединяться и не вполне, а только отчасти, так что щит может быть разбит на две части, а остаться нерассеченным, и наоборот, чрез что образуется в нем три части. Вообще линии, разрезающие щит вдоль, поперек и наискось, могут или доходить до краев щита, или оканчиваться у центра, или даже, встречаясь на дороге с другою линиею, образовать с нею угол, как это видно на прилагаемом рисунке. Сочетаний этих может быть бесконечное число, особенно когда приведенное деление герба увеличивается еще двумя продольными линиями *но* и *пр*. и двумя поперечными линиями *лс* и *мт*, которые в свою очередь опять первые разбивают, а вторые рассекают щит на четыре части. Таким образом геральдическая терминология становится кратка и ясна и избегает длинных описаний. Для той же цели — краткости — изберем особые названия.

Щит, *разбитый на три, на четыре*, но не рассеченный (*fascé*), наоборот — рассеченный, но неразбитый (*palé*), называется *полосатым* вдоль или поперек, с означением при этом краски, которою полосы обозначены на щите. Далее полосы могут иметь направление по диагонали — *полосатый вкось* (*bandé*), или, наконец, они могут встречаться между собою под углом в щите, рассеченном на два, в виде *шевронов* (*chevronné*).

При *рассечении* щита и встрече *пересекающих* линий с *разбивающими* может образоваться в сердце щита маленький щиток (*écu sur le tout ou écusson en coeur*), а если их два, то самому среднему дается название *écu sur le tout du tout*. В описании герба средний щиток должен быть означаем особо с показанием, рассечен ли он или разбит, на сколько и как: прямоугольно или восьмиугольно или полосат.

Но наше исчисление делений было бы неполным, если бы мы прошли молчанием другие деления щита, образуемые как прямыми линиями, встречающимися между собою и образующими *зубцы, городки*, так и линиями кривыми, в виде *чешуи, змеи, полукругов* и т.д. Некоторые из этих делений должны найти себе место при исчислении так называемых геральдических фигур, а других мы не исчисляем, как несродных нашим гербам.

То же свойство щита в гербе, т.е. что он есть верный сколок с рыцарского щита, как вооружения, дало название разным его частям. Если вообразить себе рыцаря на коне, держащего в левой руке щит и обороняющегося им, то для того, кто будет смотреть на витязя, должно казаться *правым* все то, что защищает правое плечо и правую половину груди рыцаря, а *левым* все, что служит для защиты левой его стороны. Далее, когда рыцарь держит щит пред собою, то верхняя часть щита приходится против его головы, средняя соответствует сердцу, а нижняя ногам. Вследствие того верхняя треть щита по линии ГБД называется *главою* (*chef, Schildeshaupt*). Положение головы рыцаря предполагается, собственно, в середине Б (*le point du chef*). Г — правую ее стороною, а Д — левую, ибо именно эти части головы защищаются правым и левым углом щита (*le canton dextre et le canton sénestre du chef*). Далее, точка А закрывает сердце рыцаря и потому носит название *центра, или сердца* (*le centre, le coeur ou l'abyme, das Herz*), которого правая половина (*le flanc dextre*) предполагается под точкою Е, а левая (*le flanc sénestre*) под точкою Ж. Наконец, третья, нижняя, часть щита покрывает ноги рыцаря (*la pointe*) и в свою очередь делится на правую и левую сторону (*le canton dextre de la pointe et le canton sénestre*).

Сообразно сказанному, *верхним правым углом* щита будет

конец линии ГАЛ наверху, а конец ее внизу совпадает с *левым нижним углом* точно так, как встреча линии ДАЗ с верхней окраиною щита образует *левый верхний*, а с нижней — *правый нижний угол*. Если в центре большого щита образуется малый щиток, то и его углы и стороны получают соответственные изложенным правилам названия.

§ 11. *Краски*. Краски, которыми окрашивался щит, имели свое символическое значение. Поэтому нельзя было ни изобретать новых, ни менять по произволу цветов, раз принятых и одобренных общим употреблением, геральдических: *металлов* два, *красок* пять и *мехов* два. Первоначально цвета выражались действительно металлами и красками, но впоследствии ученый Петра-Санкта² предложил заменить краски гравировкою.

§ 12. *Два металла суть*: 1) *Золото*, цвет желтый, который в гербах принцев называется *soleil*, в гербах пэров *topaze* и во всех прочих — *ог*. Для изображения этого цвета поле щита усеивается точками (табл. II, рис. 11).

2) *Серебро*, цвет белый, называемый в гербах принцев *lune*, в гербах пэров *perle*, а во всех прочих *argent*, распознается по полю щита, совершенно белому.

Пять геральдических цветов носят в постепенности приведенных различий следующие названия и изображаются:

1) *Красный* (*Mars, rubis et gueuls*) — чертами, проведенными с верху к низу (табл. II, рис. 12).

2) *Лазуревый* (*Jupiter, saphir et azur*) обозначается горизонтальными линиями, проведенными от одной стороны щита к другой (табл. II, рис. 13).

3) *Пурпуровый* (*Mercure, amethyste et pourpre*) обозначается чертами, диагонально проведенными от правого верхнего угла к левому нижнему (табл. II, рис. 15).

4) *Зеленый* (*Venus, émeraude, sinople*) узнается по диагональным чертам, проведенным от верхнего левого угла щита к правому нижнему (табл. II, рис. 14).

5) *Черный* (*Saturne, diamant, sable*) обозначается чертами, пересекающимися под прямыми углами (табл. II, рис. 16).

К этим пяти общепринятым цветам англичане прибавили еще два цвета: *оранжевый* (*l'orangée*) и *кровяной* (*Sanguine*). Первый

² *Petra-Sancta-Tesserae gentilitiae*. 1637. P. 63–292. Честь изобретения способа заменять в гербах краску гравировкою оспаривают у Петра-Санкта в пользу двух геральдиков одного с ним века: Марка Вульсона де ла Коломбьер и Якова Франкара; но факты не оставляют ни малейшего места сомнению, что если мысль об этом и может принадлежать кому-нибудь другому, то честь окончательной отделки и подробного изложения геральдической терминологии принадлежит Петра-Санкта.

изображается диагональными линиями, от левой стороны щита к правой проведенными и пересеченными горизонтальными линиями, а второй линиями, пересекающимися диагонально.

Непонятные для нас ныне геральдические названия цветов обыкновенно производят, как увидим ниже, с Востока, откуда, говорят, вместе с новыми гербами принесли их крестоносцы.

Ученый Менетрие, напротив, думает, что геральдика обязана ими маврам, которые вследствие запрещения корана употреблять изображения фигур должны были прибегнуть к различию красок³. Во всяком случае, идея цветов и число их совершенно соответствует состоянию химии и физики в XI столетии. Точно так, как тогда допускали в природе четыре только стихии: воду, землю, воздух и огонь — и им приписывали четыре основных качества: теплоты, холода, влажности и сухости, так допускали четыре только цвета: черный, белый, голубой и красный, и вот в каком отношении цвета находились к стихиям. Черный соответствовал земле и холоду; белый — воде, влажности; голубой — воздуху, сухости и красный — огню, теплоте⁴. Кроме этого химического значения, цвета имели еще значение символическое, которое и осталось за ними до настоящего времени: *золото* означает богатство, силу, верность, чистоту, постоянство; *серебро* — невинность, белизну, девственность; *голубой цвет* — величие, красоту, ясность; *красный* — храбрость, мужество, неустрашимость; *зеленый* — надежду, изобилие, свободу; *черный* — скромность, образованность, печаль и *пурпуровый* — достоинство, силу, могущество.

§ 13. Первоначальные гербы отличаются своею простотою и несложностью: какая-нибудь фигура на щите служила достаточным для витязя отличием. Этому обстоятельству, вероятно, обязано своим происхождением правило, которое принимается за начало геральдики: не должно помещать краску на краску и металл на металл; но если бы случилось отступление от этого начала, то необходимо наследовать (*enquéirir*) причину, всегда уважительную, нарушения правила. Поэтому подобные гербы называются *armes à enquéirre*. Блестящий пример этого рода гербов представляет герб Готфрида Бульонского: когда на Востоке было основано новое государство, для которого надобно было сочинять герб, долженствовавший принадлежать и Готфриду, собравшиеся бароны дали ему серебряный щит с золотым крес-

³ *Menestrier. Traité des tournois, joustes, carroussels et autres spectacles publics. Lyon., 1669. P. 227—228.*

⁴ *Petra-Sancta. Tesseræ gentiliciæ. 1637. P. 25, 28 sq.*

том, окруженным четырьмя золотыми же крестиками, и отступление сделано для того, чтобы отдаленное потомство добивалось до причины, по которой даны ему armes à enquétre.

§ 14. *Мехов*, причисляемых к геральдическим цветам, два: 1) *горностаевый* (hermine) и 2) *беличий* (le vair). Для первого принято следующее изображение: в серебряном поле черные мушки, отличающиеся тремя хвостиками; а второй состоит из шкурки белых и голубых, расположенных попеременно (табл. II, рис. 17–18).

Горностаи удостоился такой почести, потому что служит символом чистоты. "Маленький этот зверёк", говорит о нем один древний писатель о геральдике, "до того чистошлотен, что лучше даст себя поймать, чем перейдет чрез мокрое или нечистое место, чтобы не замарать своего хорошенького меха". Название le vair, беличий мех, происходит от того, что составляется из кусочков разных мехов (de variis coloribus).

§ 15. *Фигуры*. На щите, выкрашенном избранною рыцарем краскою, он помещал какое-либо изображение, которое должно было отличать его щит от других. Фигур этих было бесчисленное множество, и напрасно было бы исчислять их, потому что геральдика всякой страны может создавать свои собственные эмблемы. Тем настоятельнее становится потребность подвести все их разнообразие под известные нормы и показать их различия: 1) по лицам, которым они принадлежали или к которым переходили, и 2) по источникам, из которых эмблемы заимствовались.

Общее правило, в сущности ненарушимое, состоит в том, что фигура, эмблема, раз усвоенная гербу известного лица или известной фамилии и за ним утвержденная, не может произвольно подлежать никакому изменению: ни одна в нем черта не может быть ни прибавлена, ни убавлена без нарушения целостности герба; но тем не менее есть обстоятельства, по которым щит или украшается новою эмблемою или лишается какого-нибудь атрибута, прежде на нем бывшего.

Западная геральдика признает в этом отношении девять разрядов гербов: 1) гербы коронованных глав (armoiries de la souveraineté), составляющие вместе с тем гербы тех государств, которые лицами этими управляются; 2) к гербам своих областей государи прибавляют нередко гербы тех стран, на которые они имеют притязания, которыми предки их владели и от которых, даже и тогда, когда они отторгнуты, не отказались еще вполне (armoiries de prétention); 3) в награду за подвиги, за особенные заслуги лицу, оличившемуся на каком-нибудь поприще,

государь дарует свой герб (как бы награждает своим щитом) или к прежним эмблемам, в гербе бывшим, прибавляет новые, почетные. Этою уступкою (*armoiries de concession*) объясняется, почему в гербах многих знатных французских фамилий видим лилии, а в русских государственного орла; 4) гербы разных установлений Западной Европы: архиепископств, епископств, капитулов, университетов, обществ, компаний и корпораций (*armes de communauté*); 5) должностные лица, управлявшие областями, рыцарскими замками и т.п., прибавляли к фамильным своим гербам различные эмблемы как знак своего преимущества, своих прав и достоинств (*armes de patronage*); 6) фамильные гербы, переходящие в род по наследству, служат для отличия одного дома, одной фамилии от других (*arm. de famille*); 7) для означения родственных связей, в которые одна фамилия чрез брак или другим путем приходит с иным родом, в главный герб вставляются прибавочные атрибуты (*armes d'alliance*); 8) кроме, однако, перехода герба по прямой линии наследства, гербы могут быть присвоены лицу или совершенно чужому, или не имеющему прав прямого наследства и притом переходят к таким лицам или вполне или соединяются с их первоначальным гербом (*armes de succession*). Разрешение на это Верховной Власти считалось всегда необходимым; и 9) лица, возведенные в дворянство за заслуги, не имея герба наследственного, избирают для себя эмблемы, которые обыкновенно напоминают тот род деятельности, то занятие, которым они стяжали себе это отличие (*arm. de choix*). Этого рода гербы по большей части так ясны, что по ним можно читать историю лица и его фамилии (*armes parlantes*).

К какому бы из означенных разрядов герб ни принадлежал, он может быть или *полный* (*armoirie pleine*) или *видоизмененный* (*brisée*). Вполне, без прибавки и убавки, герб переходил к старшему в роде и в этом виде сохранялся всегда в старшем поколении, а видоизменения в фигурах, красках означают гербы младших членов рода, равно как незаконнорожденных, наконец, лиц, обеславивших себя поступками неблагородными (*arm. diffamée*). Чтобы показать ту тесную связь, которая существовала в Западной Европе средних веков между жизнью рыцаря и его щитом, мы приведем описание того наказания, которому рыцарь подвергался за преступления. Он клялся при возведении в этот сан хранить честь, быть верным своему призванию, исполнять святые веления слова Божия. Велико поэтому было уважение к лицу, это звание носившему; не меньше, с другой стороны, была та кара, которая ожидала рыцаря, не оправдавшего общего к нему доверия. Как честь рыцаря отражалась на его

щите — верном спутнике его подвигов, так щит же свидетельствовал об утрате чести. Провинившегося рыцаря взводили на эшафот, где на его глазах ломали его доспехи; щит, с которого стирали герб, привязывали к хвосту кобылы и влачили по городу, а герольд осыпал неблагородного рыцаря обвинениями и оскорблениями. После погребальной службы духовенство произносило проклятия 108 псалма, три раза спрашивали имя разжалованного, три раза герольд отвечал, что имя обесславившего себя человека ему неизвестно. После того выливали этому несчастному на голову чашу теплой воды, сводили его за веревку с эшафота, клали на носилки, переносили в церковь под покровом, и священники отпевали его, как бы умершего. Так церковь, благословляя витязя на подвиги чести, наказывала и кляла его за то, что он не исполнил данного им торжественного обета; а у щита отнималось лучшее его украшение — эмблема доблести.

За проступки менее важные щит и фигуры лишались только своей полноты и красоты; так, у рыцаря, который оказывался трусом, срезывали правый угол щита, а у того, кто бы убил военнопленного, укорачивали щит в ногах. Приметы эти выразительны и страшны, ибо были общеизвестны. Подобно тому и фигуры, будучи помещены в щите так или иначе, могли иметь совсем иной смысл, другое значение и, подвергаясь ничтожному, по-видимому, изменению, прямо свидетельствовали о вине лица. Между убавкою в гербе и проступком того, чей герб подвергался видоизменению, было соответствие; напр., Людовик Святой повелел, чтобы Жан д'Авен, оскорбивший свою мать, сохраняя в гербе изображение льва, впредь носил его без высунутого языка и когтей, как оказавшийся недостойным пользоваться этим отличием.

Все то, что уже было сказано о щите, его делениях, краске, преемственности эмблем, показывает, в каком соответствии всякая малейшая черта в гербе находится с действительною жизнью рыцаря. Не можем не привести при этом следующего отрывка из Пиндарической оды древнего французского поэта Сент-Марта:

De là sont venus les escus,
Les armes qu'ores on voit peintes,
Armes qui jadis furent teintes
Dans le sang des premiers vaincus;
De là les crys et les devises,
Le métal avec les couleurs,

Dont, curieux en mille guises,
Ils ont *blasonné* leurs valeurs*.

§ 16. *Разделение фигур.* Что касается до различия фигур, на щите герба помещаемых, то они делятся на следующие разряды: 1) фигуры *геральдические* (les heraldiques), получившие это наименование оттого, что, собственно, в природе не существуют и изобретены самою геральдикой, тогда как другие фигуры, будучи заимствованы из действительного мира, видимого или невидимого, получили от науки только форму, окончательную отделку геральдическую, более или менее близкую к природе; 2) фигуры естественные, из природы видимой (людей, животных, стихий) или невидимой (ангелов) заимствованные (figures naturelles); 3) фигуры воображаемые, которых существованием геральдика обязана воображению человека (fig. chimeriques), и 4) фигуры искусственные, заимствованные из области художеств, искусств и ремесл (fig. artificielles). Все эти виды эмблем не чужды нашей геральдике, и так как они обнимают все множество фигур, в гербах употребляемых, то необходимо остановиться на них и сказать хотя бы несколько общих замечаний о каждом из исчисленных видов эмблем.

§ 17. *I. Фигуры геральдические.* Они обязаны своим происхождением изложенному выше разделению щита, сообразно защищаемым им частям человеческого тела, и пересечению основных линий, которые, встречаясь наподобие ударов, принимаемых на щит, образуют разные фигуры. Вследствие того в щите может быть покрыта краскою или *глава* его (le chef)⁵, или средняя продольная полоса — *пояс* (la fasce)⁶, или, наконец, *ноги* (la champagne). Без прибавления даже иных эмблем, атрибутов каждая такая часть щита уже составляет фигуру, которая и занимает одну треть щита. Точно так и по поперечному делению щита, его *рассечению*, образуется в середине его *столб* (le pal)⁷, занимающий также треть щита вдоль, а при встрече двух полос, разбивающих и рассекающих щит под прямым углом, *крест* (la croix)⁸. Далее по диагональному разделению щита образуются *полосы*, *перевязь влево* (la bande), *перевязь вправо* (la barre)⁹, умечаю-

* Отсюда происходят щиты, из вооружения, которые мы ныне зрим нарисованными, из вооружения, которое некогда было облачено кровью первых побежденных. Отсюда — воинские кличи и девизы, цвета и металл [гербов], разновидностей коих тысячи; они знаменовали рыцарские достоинства (*фр.*).

⁵ Табл. III, рис. 1.

⁶ Там же. Рис. 2.

⁷ Там же. Рис. 3.

⁸ Там же. Рис. 4.

⁹ Там же. Рис. 5, 6.

щиеся на пятой части щита, при полном пересечении их перекрест, или Андреевский крест (*le sautoir*)¹⁰, а при встрече под углом — шеврон или стропило (*le chevron*)¹¹. Повторяем, что при описании этих фигур в каждом гербе необходимо обращать, на каком поле какого цвета идет дорожка, и если на ней обозначены еще какие-нибудь эмблемы, то по определении геральдической фигуры должна быть в подробности описываема та эмблема, которую она покрывает.

Кроме того, могут быть обозначены краскою: одна первая четверть щита (*le franc quartier*)¹² или треугольник, образуемый встречающимися у центра линиями, разбивающею и диагональною (*le giron*)¹³, равно как фигура вроде пирамиды (*la pile*)¹⁴, вершина которой касается верхней линии щита, а основанием упирается в его конец. Иногда означен краскою бордюр, идущий параллельно стенкам щита, и притом или просто без всяких второстепенных прикрас (*l'orle*), или с отделкою из цветков и лепестков лилии (*le trescheur ou essonier*), и, наконец, фигура в виде большого французского игрек (*le pairle*).

Как все первоначальные деления щита наука объясняет вооружением и щитом рыцаря, так и для каждой из этих второстепенных, более сложных геральдических фигур отыскивают основание в том же источнике, а именно: на табл. III, рис. 3 представляет копьё рыцаря, рис. 5 и 6 его перевязь, рис. 2 шарф, рис. 4 и 7 меч, рис. 8 сапоги, а рис. 12 и 13 кольчугу и броню. Сообразно этому объяснению сделана попытка дать геральдическим фигурам и технические названия.

§ 18. II. *Фигуры естественные.* Они всего чаще встречаются в гербах. Западная геральдика в вековом своем шестивии дала каждой из фигур этого разряда свое название, свою форму, усвоила ее цвет, положение, и если фигуры эти и перешли в наши (особенно новейшие гербы), то не можем скрыть, что мы далеко отстали от западных геральдиков в технической терминологии, у них всегда краткой, условно ясной и всеми общепринятой, у нас же описательной. Только долгопеременная практика может выработать и у нас подобные термины; тем не менее, руководствуясь иностранными сочинениями¹⁵, мы позволим себе

¹⁰ Табл. III, рис. 7.

¹¹ Там же. Рис. 8.

¹² Там же. Рис. 9.

¹³ Там же. Рис. 11.

¹⁴ Там же. Рис. 10.

¹⁵ Источником для этой части нашего труда послужила приведенная выше книга *Эйзенбаха* (С. 136—158). Для сравнения мы прибавляем к выражениям русским французские, так как они самые употребительные и вообще геральдика французская самая возделанная.

здесь изложить главные положения геральдики, не упуская, впрочем, из виду единственной для нас цели говорить только о том, что прямо или косвенно имеет приложение к отечественным гербам.

§ 19. *Ангелы, человек.* В ряду естественных фигур, в гербе изображаемых, первое место принадлежит *ангелам* и *херувимам*. Они представляются с двумя, четырьмя и шестью крыльями; *человек* же изображается телесного цвета, нагой, одетый, вооруженный и т.п. Голова с грудью, без рук, называется бюстом (*buste*); черного цвета — головою мавра (*tête maure*). Голова может быть в короне или повязке (*tortillée*). Руки правая (*dextrochère*) и левая (*senestrochère*), сложенные накрест, служат выражением верности (*foi*).

§ 20. *Четвероногие животные.* По правилу они должны быть обращены в правую сторону, но если они смотрят влево, то называются *искривленными* (*contournés*). Самые любимые животные, по символическому их значению в гербах, *лев* и *леопард*. Первый есть представитель силы, мужества и великодушия, а второй храбрости и отваги. Лев так часто встречается в гербах, что для разных его поз придуманы особые названия; но, кроме того, он различается и по цвету, которым окрашивается: есть львы красные, голубые, даже горностаевого цвета или двух цветов. Обыкновенная геральдическая поза льва есть в профиль, так что видны одно его ухо и один глаз. Он представляется стоящим на задних лапах, а передними бросающимся вправо; окровавленный язык выходит из пасти, хвост же его поднят кверху и концом упадает на спину. В гербе лев часто бывает представлен один; но их может быть и два; если же число их больше, то они называются *львенками* (*lionceaux*). Фигура леопарда отличается от льва тем, что видна вся его голова с двумя глазами, что он представляется идущим, т.е. стоит на трех ногах, а четвертую заносит вперед, и что хвост его падает не на спину, а, напротив, поднят кверху и откинут. Поэтому лев, имеющий одну из исчисленных примет, леопарду принадлежащих, называется *леопардоподобным львом* (*lion leopardé*); и, наоборот, леопард, заимствовавший какие-нибудь приметы от льва, именуется *львуподобным леопардом* (*léopard lioné*).

По другим приметам льву даются следующие названия: *вооруженного* (*armé*), если его когти не того цвета, каким окрашено все тело; (*lampassé*), если высунутый язык отличается своим кровавым цветом; *коронованного* (*couronné*), если на голове у льва корона, обыкновенно зубчатая; *смирного* (*morté*); если он без зубов, без когтей и без высунутого языка; *бесхвос-*

того (*diffamé*) или с *хвостом дракона* (*dragonné*), если нижняя часть тела льва оканчивается хвостом дракона.

Рождющимся (*naissant*) называется лев тогда, когда бывает видна только верхняя половина его тела, а прочее скрадено, как будто бы его и не существовало; но когда в верхней части щита видны его голова, плечи, концы передних лап и хвост, то лев называется *выходящим* (*issant*).

Те же выражения по изложенным приметам находят себе применение к изображениям других животных; некоторые только изъятия из этого правила объясняются самым характером и жизнью зверей.

Конь, совмещающий в себе свойства нескольких животных: храбрость льва, зрение орла, силу вола, быстроту оленя, ловкость лисицы, в гербе представляется всегда в профиль. Эмблеме этой придаются по разным положениям следующие названия: лошадь называется *дикой* (*gai*), если она без узды; *взнузданною* (*bridé*), *оседланною* (*sellé*), покрытую *латами* (*bardé*), *попоною* (*saragaçonné*); причем в точности означает, какого цвета украшение, сбруя или покров лошади. Далее конь предполагается *рассерженным*, *бешеным* (*effaré, cabré*), когда поднялся на дыбы, и только *играющим* (*animé*), когда цвет глаз отличен от цвета всего тела.

Из породы *собак* в гербах встречаются одни борзые и служат символом верности, преданности и повиновения; они почитаются *молодыми* (*levrons*), если без ошейника (с ним называются *ascolés*).

Кошка есть символ независимости и представляется в профиль и впрямь. Она называется *напуганною* (*effarouché*), если ползает, и *съежившеюся* (*herissoné*) в таком случае, когда средина и хвост подняты выше головы.

Волк есть символ злости, прожорливости, жадности и называется *хищным* (*ravissant*), если держит добычу, и *разъяренным* (*allumé*), если его глаза отличены особою от всего тела краскою.

Медведь за то, что он предвидит погоду, умеет вовремя скрыться в берлогу, где готовит себе логовище, считается символом предусмотрительности и почитается *проходящим* (*passant*), если идет, и *поднявшимся* (*levé*), когда стоит на задних лапах.

Вол представляется *взбешенным* (*furieux*), если стоит на задних ногах, *идушим* (*trampant*), когда изображен в профиль, с хвостом, падающим на спину.

Корова изображается не иначе как идущею и называется *увенчанною* (*couronnée*), если у нее на голове корона, с *колокольчи-*

ками (*clarinée*), если он у нее висит на шее, *рогатою* (*assornée*) и с *копытами* (*onglée*), если эти части ее тела отличаются цветом от всего туловища.

Бык есть символ плодородия земли.

Овца изображает собою кротость и сельскую жизнь.

Козел отличается в гербе рогами, загнутыми спирально, изображается в профиль, идущим, и служит символом весны, потому что в знаках зодиака овен соответствует марту месяцу.

Агнец, эмблема доброты, называется *пасхальным* (*agneau pascal*), если держит хоругвь с изображением креста.

Единорог, символ чистоты и непорочности, часто встречается на щитах гербов. Он по фигуре своей сходен с лошадью и отличается от нее рогом, которым вооружена его голова, и бородакою. Единорог называется *прислонившимся* (*acculé*), когда он стоит прямо с поднятыми передними ногами, и в оборонительном положении (*en defense*), когда хочет как бы защититься своим рогом.

Олень, по уверению натуралистов, запахом своим прогоняет змею и потому служит эмблемою воина, пред которым бежит неприятель. Если рога оленя, который всегда изображается в профиль, идущим, бегущим или лежащим, означены особою от всего тела краскою, то это означает при описании герба.

Лань, символ робости, изображается также в профиль.

Наконец, *кабан*, *вепрь*, эмблема мужества и неустрашимости, всегда цвета черного и в профиль. Иногда представляется одна *кабанья голова* (*la hure*); причем необходимо обозначать цвет глаз и краску, которою отличены зубы кабана (*les defenses*).

В этом перечне исчислены далеко не все четвероногие, находящие себе место на щитах гербов, но эмблемы других зверей встречаются реже и значение их яснее.

§ 21. *Пернатые*. Из птиц всего чаще встречается в гербах изображение *орла*, символа власти, господства и вместе с тем великодушия и прозорливости. Царь птиц представляется обыкновенно летящим грудью вперед, а крылья его или подняты вверх или парят (*au vol abaissé*). Он бывает или об одной голове или двуглавый. Константин Святой первый стал употреблять двуглавого орла, чтобы показать, что Империя, хотя и разделившаяся, тем не менее образует одно тело. Вследствие того двуглавый орел, цветом черный, носит название императорского.

Если язык у орла, его ноги и когти означены особою краскою в отличие от всего тела, то признаки эти определяются всякий раз при описании герба (*langué, membré et armé*). Если же вокруг его головы есть кружок, то он называется в диадеме (*diademedé*).

В одном щите может быть два орла (*aiglettes*), а если они без носу и без ног, то называются орленками (*alerions*).

Утки изображаются в профиль (*canettes*), а без клева и ног (линия в особенности утки) называются *merlettes*.

Ворон, символ долголетия и предусмотрительности, рисуется черным.

Петух, самая бойкая из всех птиц (оттого галлы приняли этот символ и носили его на оружии и знаменах), служит символом борьбы и боя. При изображении его в гербе могут быть отмечены особою (в отличие от остального тела) краскою его гребешок и борода (*creté et barbé*), открытый клев, как будто бы петух поет (*chantant*), и почитается готовым вступить в бой (*hardi*), если нога у него поднята.

Цапля есть эмблема бдительности, пугливости и трусости.

Павлин, эмблема тщеславия, принимался в герб как знак победы над врагом тщеславным и гордым. Птица эта отличается своим хохолком на голове и длинным хвостом, который или может быть распущен (*rouant*), и тогда павлин изображается впрям, а когда хвост сложен, то эмблема эта рисуется в профиль.

Феникс, который, по преданию, возрождается из огня, сгорая в нем, служит символом бессмертия.

Пеликан, кормящий птенцов своих собственною своею кровью, означает любовь родителей к детям, равно как попечение государя о подвластных ему народах.

Журавль изображается с камнем в одной лапе и служит эмблемою бдительности: он стоит как бы на стороже и охраняет все стадо от нападения со стороны неприятеля.

Кроме исчисленных птиц, на щитах в гербе находят себе место, хотя и реже, и иные пернатые. Они окрашиваются или натуральным своим цветом или другою краскою по выбору владельца герба; так орел бывает и белый, и золотой, и красный, что всякий раз должно быть означено подробно.

Вместо птиц могут быть помещаемы в гербах одни только крылья их, и притом или оба (*vol*) или одно (*demivol*) с плечом и ногою.

§ 22. *Рыбы, насекомые, пресмыкающиеся.* Чаше других рыб употребляется дельфин, эмблема силы. Глаза у него могут быть освещены особою краскою (*allumé*), равно как плавательные перья и хвост отличаться от всего тела (*loré, reautré*), или же во всех частях дельфин может быть одного цвета, без глаз и зубов, с открытым ртом и как бы издыхающим (*râmé*). Напротив, если его голова и хвост склоняются к основанию щита, дельфина считают *лежащим* (*couché*), и *играющим* (*vif*), если рыба эта

представлена в профиль, изгибается полукругом и обращается вправо хвостом и головою.

Насекомые изображаются или идущими, ползущими (*pasants*), или летающими (*volants*), цветом своим приближаются к натуральному и имеют геральдическое значение, заимствованное из их качеств и примет.

Пчела и муравей служат эмблемою трудолюбия и покорности.

Бабочка есть символ ветрености, непостоянства, и помещение в гербе этого насекомого означает, что владетель его победил врага, отличавшегося такими недостатками. Если на крыльях бабочки означены цветные кружки, то она носит название *разрисованной* (*papillon mirailé*).

Змея полагается в гербе и вдоль и поперек, нередко изображается держащею хвост во рту, символ вечности.

Прочие насекомые и пресмыкающиеся, хотя и употребляются в гербах, не имеют особенных атрибутов.

§ 23. *Растения*. Деревья часто находят себе место в гербах, и каждое из них отличается некоторыми приметами и не смешивается с другими, имея свое символическое значение; но по форме, в какой деревья изображаются, они бывают или *вырванные* (*arrachés*), если видны корни дерева, *без листьев* (*effeuillés*) и *без ветвей* (*accotés*).

Дуб, бывший в большом уважении у древних как символ крепости и силы, отличается по желудям и называется с плодами (*fruité*), если желуди обозначены особым цветом в отличие от листьев и ствола дерева.

Оливковое дерево, символ мира, отличается остроконечными листьями и своим плодом.

Сосна узнается в гербах по прямому своему стволу, расходящимся ветвям, равно как по растущим на ней шишкам (*rommes de pin*). Древние употребляли это дерево для костров при жертвоприношениях.

Дикое вишневое дерево (*le stequier*) изображается наподобие сѣдмисвещника.

Пальма, символ долговечности, узнается по развесистым листьям.

Не чужды гербов цветы, травы, колосья, плоды. Из цветов чаще встречаются в гербах розы, лилии¹⁶, трилистник, вереск и т.д.

¹⁶ Не можем не привести здесь заимствованного из объяснения герба Храповицких свидетельства о значении, лилии придаваемом: "Она почитается особливо за знак добрых надежд и непорочнаго жития, и похож цветок сей не только по внешнему своему виду, чистый и изрядный цвет;

Ствол и лепестки цветка могут быть окрашены и иною краскою в отличие от других частей его (*tigé et pétalé*).

§ 24. *Звезды, планеты и стихиш.* Мир изображается в виде шара, в который водружен крест.

Солнце, символ света, богатства и изобилия, означает золото, и если оно другого цвета, то почитается только *тенью солнца* (*ombre du soleil*). Изображается солнце в виде человеческого лица, окруженного лучистым сиянием, но в случае недостатка последнего признака оно называется *в затмении*.

Луна (*le croissant*), обыкновенно цвета белого, изображается без лица, а если оно есть, то должно быть обозначено. Рога луны могут быть обращены кверху или к правому краю щита (*tourné*), или к левой его стороне (*contourné*), или книзу (*versé*). Если два полумесяца помещены в одном щите, то они примыкают один к другому или спиною (*adossés*) или встречаются рогами (*affrontés*).

Звезды очень часто употребляются в гербах и отличаются по числу образующих их углов и цвету, которым обозначены. Он может быть даже и черный. Числом может быть звезд в гербе или одна или две и более. Они служат символом ночи и вечности.

Комета изображается обыкновенно с хвостом (*caudéé*), т.е. со светлым следом.

Облака отличаются своим волнистым, прозрачным изображением, принимают самые разнообразные положения и притом бывают одни без других атрибутов или же с иными приметами, напр., рукою, часто вооруженною, из облаков выходящею.

Огонь изображается в виде пламени, факелов, горящих угольев и костров.

Вода представляется в виде рек, источников и волн.

Земля помещается в гербах в виде гор, холмов и утесов. Чаще изображается одна только вершина горы (*le soureau*).

Этим мы оканчиваем второй разряд фигур, которые, быв заимствованы из природы видимой или невидимой и получив значение символическое, находят себе место в гербах. Необходимо знать, как изображается каждый из этих предметов, потому что, хотя они и заимствованы из мира, действительно существующего, это нисколько не значит, чтобы изображение их совпадало с действительностью, а отступать от раз принятых форм, целые века существующих и всем миром усвоенных, нельзя.

но и по внутреннему своему свойству, приятный запах, некоторую полезную силу имеет, того ради и те, которые употребляют лилеи в своих гербах, имеют быть добрых, справедливых и честных". (См.: *Раут*: Ист. сб. в пользу Александрии. дет. приюта. М., 1854. Кн. 3).

Считаем лишним повторять, что исчислены здесь далеко не все фигуры: иные совершенно ясны, другие употребляются редко, а третьи, наконец, сложны и могут видоизменяться до бесконечности (напр., всадник на коне).

§ 25. III. *Фигуры воображаемые.* Они обязаны своим происхождением воображению поэтов и художников, которые, желая изобразить какой-нибудь символ и не находя для того приличного выражения в природе, или придают предметам существующим такую форму и такие приметы, которые им не принадлежат, или выдумывают существа небывалые. Главнейшие из таких фигур здесь исчислены.

Для изображения порока и страстей порочных поэты придумали *гарпию*, принятую геральдикой и представляемую в следующем виде: голова и грудь молодой девушки, а остальная часть тела заимствована от орла, смотрящего впрям и имеющего распростертые крылья. Если следовать преданию и мифу, то гарпии имели: тело — коршуна, лицо и грудь — старухи, руки — вооруженные когтями.

Центавр сохраняет мифологическую форму: одна половина человечья, другая лошадиная.

Гидра есть вид дракона; изображается в профиль с семью головами, из которых низшая висит на одном волокне. Поэты представляли гидру седмиглавою и говорили, что по мере того, как отрубает одну голову, вырастает другая. Поражение этого чудовища было, говорят, самым славным подвигом Геркулеса; посему на этот символ в гербах своих могли бы иметь право только те, которые отличились подвигами доблести, несмотря на многие и большие к совершению их препятствия.

Гриф, баснословное животное, вполовину орел, вполовину лев, служит символом быстроты, соединенной с силою. Древние думали, что он хранит клады.

Дракон, эмблема нечистой силы, язычества, невежества, изображается в профиль с лапами грифа, на которых он и покоится; язык его похож на жало, крылья у него такие же, как у летучей мыши, а туловище оканчивается рыбьим хвостом.

Сирена есть морское чудовище, вполовину девица, вполовину рыба, и держит в правой руке зеркало с ручкою, а в левой гребень. По мифу, сирены были дочери реки Ахелоя и музы Калиопы. Имена их были: *Партенопа*, *Лигея* и *Левкозия* соответственно трем наслаждениям: любви, музыке и вину. Сирены редко бывают эмблемами в гербах, но чаще употребляются как щитодержатели.

§ 26. IV. *Фигуры искусственные.* Фигуры этого рода заимст-

вуются геральдикой из обыкновенной жизни, войны, охоты, из области наук, искусств и ремесл.

Нередки в гербах чаши, посохи, четки, кадила и т.п.

Четки образуют на Западе внешнее украшение гербов игумений, Мальтийских командоров, рыцарей и т.п. лиц.

Посох, символ духовной власти, святительства, служит вместе с митрою отличительным признаком гербов епископов, архиепископов.

Мирская жизнь вносит в геральдику скипетры, короны, драгоценные камни, одежды, домашнюю утварь и др. предметы.

Из *быта военного* заимствованы и внесены в геральдику знамена, сабли, шпаги, кортики, копья, пики, алебарды, шлемы, стрелы, колчаны, пушки, пули, панцири, шпоры и др.

Охота сообщила гербам также некоторые эмблемы: охотничьи рога, бичи, своры собак и др.

Мореплавание увеличило число геральдических эмблем *кораблем*, который может быть *оснащен* (vaisseau équipé ou habissé) или *расснащен*, без парусов и мачт (arrêté). Употребляются в гербах нередко части и принадлежности корабля: канаты, якоря, древко от якоря, кабельтовы, стеньги и т.п.

Архитектура также не осталась чужда геральдики; из нее заимствованы *зámки*, выстроенные из разных материалов, что означает цвет и кладкою камней; *башни с башенками* (les tours donjonnées ou sommées), со стенами, окнами, решетками. Формою башни бывают круглые, четырехугольные и иного вида. Стены городские и замковые нередко употребляются также в гербах.

Из области наук и ремесл заимствованы орудия музыки и разных работ. Они отчасти распознаются по своему сходству и подобию с изображаемыми предметами, отчасти по некоторым условным приметам; так, напр., колеса от часов зубчатые и в средину их вставлен четырехугольник, тогда как колесо, употреблявшееся в средние века для пыток и мучений, узнается по остроконечиям, которыми усеян его ободок.

В гербах встречаются также *ручные бабы* (les hies), употребляемые для мощения улиц; далее — колокола, барабаны, седла, лестницы, котлы, ключи (символ безопасности и покорности) и т.п.

Множество искусственных фигур, переходивших в щиты рыцарей, объясняется до бесконечности разнообразным характером тех заслуг и подвигов, которые рыцарь увековечивал на своем щите, и, с другой стороны, различием тех стран и племен, к которым принадлежали витязи; фигуры, равно как другие

атрибуты щита, должны были свидетельствовать в подробности и об этом.

§ 27. *Внешние украшения щита.* Как для рыцаря было недостаточно одного щита, так и герб, верный сколок рыцарского вооружения, требует еще некоторых прибавлений и украшений. Всего их девять:

1. Короны и шапки (couronnes et chapeaux).
2. Шлемы (les casques).
3. Бурелет (le bourelet).
4. Намет (les lambrequins).
5. Нашлемник (le cimier).
6. Щитодержатели (tenants ou supports).
7. Мантия (le manteau).
8. Снурки (la cordelière).
9. Девиз (la devise et le cri d'armes).

О каждой из этих принадлежностей герба, перешедших и в нашу геральдику, считаем себя обязанными сказать по нескольку слов.

1) *Короны и шапки.* Короны служат признаком власти и различаются между собою сообразно степеням ее.

Тиара, будучи двойною эмблемою власти папы, духовной и светской, есть *первая* в ряду корон государей Западной Европы. Она состоит из трех корон простых, соединенных между собой округляющейся кверху линией, на которой в вершине укреплено яблоко с серебряным крестом. Сзади щита лежат крестообразно два ключа: один серебряный, другой золотой, связанные между собою голубою с крестами лентою (табл. X, рис. 7). На этом гербе нет мантии и подле него не видно щитодержателей, потому что это герб не рыцарский. Тройственность короны в тиаре папской объясняется тройственностью власти папы над католической церковью, гонимую, борющейся и побеждающей; а ключи служат символом тех ключей, которые Спаситель обещал апостолу Петру.

У императоров, королей, маркизов, графов и баронов были у каждого свои особенные короны, которые видом своим или приближались к действительно существовавшим, или же, раз приняв условную форму, не изменялись и отчасти перешли к нам. У духовных лиц западной церкви гербы украшались шапками, которые действительно носились лицами известного в католической иерархии сана.

2) *Шлемы.* На древних гербах, точных снимках рыцарского вооружения, шлемы всегда изображались в профиль (табл. I), но с XV в. их стали представлять впрям.

Шлемы витязей различных разрядов носили следующие отличительные приметы:

а) Каска императора и королей была золотая, открытая лицевую стороною и без решетки (табл. II, рис. 1). Богатство украшений и насечки не могло не отличать этого рода шлемов.

б) У принцев крови и герцогов шлем серебряный, открытый (рис. 2).

в) У маркизов то же, но со спущенною решеткою (рис. 3).

г) У графов шлем из серебра, обращенный в три четверти и с девятью *решетинами*¹⁷ (рис. 4).

д) У баронов шлем сделан из полированного серебра, обращен в три четверти и с семью решетинами (рис. 5).

е) Дворянский шлем, из полированной стали, обращен в профиль с четырьмя решетинами (рис. 6).

ж) Шлем жалованных дворян — из того же металла, обращен вправо и в профиль, с забралом почти спущенным (рис. 7); наконец,

з) Гербы лиц, рожденных от неосвященных союзов, имеют шлем, сделанный из того же металла; но он обращен влево, а если ставится впрям, то со спущенным забралом (рис. 8, 9).

3) *Бурелет* есть жгутик из ткани, набитый шерстью и полагаемый на шлем (рис. 10). Он был окрашиваем теми же красками, как и щит, и в гербах простых дворян назывался *fresque, torque, tortil*.

4) *Намет на шлем*. Во времена рыцарства шлем покрывался иногда особенною тканью или для того, чтобы предохранить его от влияния непогоды и сырого воздуха, или чтобы он не раскалялся слишком от палящих лучей солнца. В битвах и на турнирах покровы эти подвергались ударам и раскалялись в лоскутки (*lambeaux*, отсюда *lambrequins*). Нередко также в знак победы шлемы обвивались древесными ветвями. Наконец, и избранная рыцарем дама не забывала украшать каску своего рыцаря любимым цветом и лентами. Сообразно происхождению и виду, который имеют в гербе эти лоскутки, изрезанные в листья, окрашенные в цвета щита и ниспадающие с обеих сторон его, украшения эти носят различные названия. Они именуется *volets*, если ткань изрезана и представляется летящею по ветру; *capeline*, когда они имеют вид капюшона; *mantelet*, когда близки к форме плаща, и *hachemets* в том случае, когда обрывки эти имеют вид лент, украшающих каску.

¹⁷ Слово *решетина* введено нами не произвольно, но в таком же значении употреблялось оно и прежде; напр., в составленном в 1745 г. описании лейб-кампанского герба Храповицких (*Раут*. Кн. 3).

5) *Нашлемник*. Он составляет верхнюю часть шлема и от такого положения называется *simier* (от *сiме*, вершина). У древних народов, равно как и у рыцарей, на шлемах возвышались нередко разные фигуры или для отличия, или для того, чтобы воину казаться выше. Для сего выбирались изображения животных, цветов, перьев и т.п.; нередко в гербах на шлемах повторяется часть фигур, в щите изображенных (табл. I).

6) *Щитодержатели*. Это фигуры людей, зверей или даже существ вымышленных, которые с одной, а чаще с двух сторон поддерживают щит. Хотя эта часть герба и не необходима, тем не менее она встречается в большей части древних гербов, и происхождение ее объясняется тем, что во времена рыцарства все желавшие участвовать в турнире должны были вывешивать свои щиты напоказ для того, чтобы всякий, вступающий в состязание, знал, что он будет иметь дело с действительно благородным по происхождению человеком. Выставленные для этой-то цели щиты охранялись оруженосцами или людьми, переодетыми во львов, сирен, грифов, борзых собак или в существа фантастические.

7) *Мантии* составляли первоначально принадлежность гербов коронованных только глав, а позднее усвоены принцам, князьям и дюкам, которые помещают свои щиты под богато вышитым и украшенным бахромою павильоном. Обычай этот объясняется тем, что на турнирах рыцарь для того, чтобы удобнее было ждать очереди вступления в бой, воздвигал себе палатку, под которую и помещал свое оружие. Оттого мантия и изображается в виде палатки, из-под короны спускающейся. Вот образчик того, как в гербах совмещались подробности, даже случайности, рыцарского быта и жизни того времени.

8) *Снурки*. Гилянды из листьев или цветов, окружающая щит в женском гербе, долго была символом девичества или вдовства его владелицы. Но с XV в. украшение это заменено тканью из снурков с узлами. Писатели, самые опытные в геральдике, несогласны между собой насчет происхождения этого украшения; и

9) *Девиз*. Он означается под щитом и служит или воспоминанием о славных деяниях лица или побуждением к ним. В девизе заключается плоть и дух или, вернее: идея и мысль герба. Девиз часто бывает аллегорический, и потому есть девизы, состоящие из одной только буквы. Главное их достоинство заключалось в смысле, который можно было придать девизу. Рыцарские девизы, обязанные своим происхождением событиям из жизни того лица, которое их приняло, нашли себе не одного

истолкователя в Западной Европе, и, действительно, эта наука могла занимать ум, потому что давала ему пищу: необходимо было знать историю лица, его рода, времени, чтобы разгадать какой-нибудь девиз, всегда краткий и выразительный. Только с XV столетия девиз стал фразою общепонятною, афоризмом в похвалу красоте и добродетели.

Представители благородного семейства, всегда старшие в своем роде, носили над гербом т.н. *cri de guerre* или *cri d'armes*, т.е. выражение, которое на войне рыцарь употреблял для возбуждения воинов к бою и победе и для отличия себя от других витязей. Понятно поэтому правило: *le cri suit la bannière*, т.е. военный сигнал там, где знамя. Оно было средоточием военной силы, центром, к которому стремились войска, знаком, за которым следили они сердцем и глазами. Этих военных *cris* бесчисленное множество и начало их кроется в глубокой древности. Мы приведем более известные, ставшие историческими. Готфрид Бульонский шел в крестовые походы, говоря: *Dieu le veut*, и это убеждение руководило им и его войском. Короли французские, считавшие св. Дионисия своим патроном, идя на войну, повторяли: *Montjoie et Saint Denis*¹⁸; у Монморанси: *Dieu aide au premier Baron Chretien*; у Бурбонов: *Bourbon Notre-dame* или *Esperance*; у королей Английских: *Saint George*, позднее *Dieu et mon droit*.

Таким образом, мы показали, почему рыцарство имело такое сильное влияние на образование гербов и почему в них такие, а не другие существенные части. Только вооружение рыцаря может разрешить этот в геральдике важный вопрос. Но для развития науки о гербах необходима была их критика, необходимо было применение к жизни правил, условленных бытом рыцаря, и лучшим для того поприщем были турниры.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Турниры и обряды, при них соблюдавшиеся

§ 28. О времени происхождения турниров и о стране, в которой эти рыцарские игры впервые появились, историки между собой не согласны: Франция и Англия присваивают их себе, а за то, что Германии обязаны они своею организацией, говорит

¹⁸ *Menestrier C.F. Les recherches du blason. Paris, 1673. P. 40, 47; Wailly J.N.de. Op. cit. Vol. 2. P. 100-101.*

устав о турнирах, императору Германскому Генриху Птицелову приписываемый¹. Во всяком случае, однако, если рыцарство было обще всем германским народам, если оно вытекло из их быта, образа жизни, если далее начало этого благородного сословия кроется в VII и VIII столетиях, то нет основания утверждать, чтобы один какой-нибудь народ в известную именно эпоху изобрел турниры и что от него заимствованы они другими, хотя, конечно, усовершенствование их и окончательное образование правил, по которым турнир производился, могло совершиться и в Германии.

Французские хроники IX в. описывают эти военные забавы, и из описаний этих можно заключить, что они производились так: две стороны бросались друг на друга, каждая из них старалась по возможности защититься от нападения, употребляла все хитрости, чтобы завлечь неприятеля в невыгодное положение, и преследовала тех, кто обращался в бегство. От последнего ли выражения или от самого способа биться так, чтобы противник не мог нанести удара, для чего необходимо было, особенно всаднику, увертываться с ловкостью, произошло и самое слово, переделанное латинскими писателями средних веков в *turneamenta*, *tournois*, турниры².

Если при каком-нибудь дворе³ затевался турнир, всегда блестящий по обстановке и по тем приготовлениям, которые для него делались, весть об этом празднике проносилась повсюду: миннезингеры воспевали при дворах королей, герцогов, баронов и рыцарей будущие подвиги витязей, все приходило в движение и ждали с нетерпением назначенного дня, чтобы показать свое мужество и свою отвагу. Но это был праздник только для людей благородного происхождения, и потому турниру должен был предшествовать суд, кого из желающих участвовать в нем допустить к состязанию и кого нет. Задача трудная, если вспом-

¹ *Eichhorn K.F.* Deutsche Staats und Rechtsgeschichte (5 ausg. Vol. 2. P. 567) утверждает, что устав о турнирах, Генриху приписываемый, не подлинный, а происхождение его, по мнению Эйхорна, легко объясняется тем, что при императоре этом рыцарские игры стали национальным в Германии занятием. В летописи Турской упоминается: *Gaufridus de Pruliac torneamenta invenit*". *Wailly J.N.de.* Op. cit. P. 93.

² *Менетрие* в *Traité des tournois, joutes, carrousels et autres spectacles publics* (Lion. P. 270) опровергает мнение тех, которые производят слово это от *tirocinium*, *trojamentum* (как бы Троянская игра), и доказывает, что слово это чисто французское, происходящее от *tourner*, "parceque ces courses se font en tournant et retournant". [...от *вертеть*, "потому что эти действия совершали, кружась и поворачиваясь" (*фр.*)].

³ В предисловии к упомянутой (в предыдущем примечании) книге Менетрие правильно говорит: "La cour est l'academie de l'honneur et Lecole de la vertu". ["Двор — это академия чести и школа мужества" (*фр.*)].

нить, что на турнир стекались рыцари отовсюду. Щит, необходимая принадлежность рыцаря, с изображенными на его оружии фигурами, оказывал в этом случае немаловажную помощь. Герб рыцаря подвергался разбору выбранных и уполномоченных к тому судей, от усмотрения которых зависело принять рыцаря или же, отвергнув герб, не допустить и владельца его до состязания. Решение это было слишком важно для чести и будущности рыцаря, и твердые правила ограничивали и делали невозможным всякий в этом случае произвол.

§ 29. За несколько дней до начала турнира щит рыцаря выставлялся для рассмотрения и обсуждения, что на техническом языке того времени называлось *Helmesschau*, *Tournierschau*. В судьи были призываемы дамы, девицы, могшие сказать что-нибудь против чести и нравственности состязателя, но главная забота в этом случае лежала на герольдах (*héralts*)⁴, людях, специально к тому приготовленных и учившихся своему искусству в какой-нибудь славной школе; потому что мало было знать, из чего состоит герб, надобно было постигнуть тайный, аллегорический смысл эмблем, в нем помещенных, и уметь выразить мысль на геральдическом языке, совершенно отличном от обыкновенного разговорного и письменного. Во главе этих сведущих людей стояло лицо, по преимуществу знакомое с высоким искусством читать и составлять гербы, т.н. *roi d'armes*, *Wappenkönig*. При них состояли сверхштатные помощники герольдов, *les poursuivants d'armes*, изучавшие на практике гербы, чтобы с течением времени удостоиться высших степеней в геральдической иерархии.

Все эти официальные на турнирах лица отличались особенною епанчею без рукавов, *sautte d'armes*, доходившею до колен и украшенною девизами и гербами того двора, к которому они принадлежали⁵. Поэтому у французского двора председатель т.н. турнирного комитета, *le roi d'armes*, назывался *Montjoie de Saint Denis*.

От слова *heraldus* происходит самое название науки о гербах — *геральдика*.

Герольды, под председательством своего старшины, должны были разобрать герб критически, *blasoner*, и результатом этого разбора было или допущение рыцаря к турниру, или исключение

⁴ Спенер (в *Insignium theoria* p. 1) производит слово *herold* от греческого *ἥροξ*, потому что он, обсуживая гербы, становился по необходимости судьей героических подвигов. Вернее производить название это от *heer*, войско, и *hold*, приятный, любимый, или от *alt*, старый.

⁵ В начале сочинения Спенера приложены рисунки с изображением всего геральдического штата.

его из участия в этом благородном занятии. Для узнавания решения по этому предмету, рыцарь на коне подъезжал к месту, где должен был происходить турнир, и трубным звуком звал к себе герольда (*blasen*). Если рыцарь удостоивался принятия, то он привешивал этот рог к шлему и вступал в ряды своих собратий. От этого-то обряда и происходит слово *blason*, герб, *l'art du blason* и *blasonner*, слова, употребляемые и ныне как технические.

При королевских дворах Западной Европы герольды оставались гораздо долее того времени, как существовали турниры. Вместо прежнего занятия устройства турниров, на них было возложено ведение и содержание в порядке списков благородных фамилий и их гербов. При церемониях, особенно торжественных, герольды являются и ныне в прежнем своем блеске, если не значении.

§ 30. *Крестовые походы*. Полное и блестящее применение к делу нашли себе рыцарские понятия о чести, добродетели, уважении к святыне и к прекрасному полу в крестовых походах. Св. церковь, которая благословляла рыцаря и его доспехи при вступлении его в это благородное звание, требовала от него защиты против мусульман, в руках которых была колыбель христианства — св. град Иерусалим, против неверных, которые становились страшны центру католицизма — Риму. Вся Западная Европа встрепенулась и радостно откликнулась на зов папы. Вообразите себе цвета, эмблемы, девизы на щитах и шлемах рыцарей всех стран и народов Западной Европы, и вы поймете, какую пользу оказали в этом случае гербы рыцарей.

Крест, символ той святой цели, для которой предпринимался поход, был виден повсюду, разных цветов, в разном положении; и если до этой эпохи крест мог нередко красоваться на гербах, то неопровержимо, что крестовые походы внесли его в гораздо большее число гербов рыцарей, поднимавших оружие за св. крест. Кроме того, с крестовых же походов часто встречаются в гербах рыцарей изображения перелетных птиц: их встречали крестоносцы, идя на Восток, и помещали изображение их на своих щитах, показывая тем, что и они также странствуют и бездомны; а в ознаменование тех ран и лишений, которым витязи подвергались, идучи на великое дело освобождения христиан из-под ига неверных, изображали птичек без ног и без носа (*merlettes*)⁶. Символ этот так многозначителен и так нравился крестоносцам, что принят очень многими из них, и, если он встречается в гербе

⁶ *Wailly J.N.de. Op. cit. Vol. 2. P. 94—95.*

какой-нибудь благородной фамилии Западной Европы, можно почти наверное сказать, что кто-нибудь из членов этой фамилии был в крестовых походах и вынес этот знак с собою.

С Востока же, утверждают геральдики, принесли с собою рыцари названия геральдических цветов; так: gueules, красный цвет, производят от еврейского gudul и персидского gul, красный; sinople, зеленый цвет, обязан своим происхождением городу Синопу, или, правильнее, это есть название известной породы земли в Леванте, которая окрашивает предметы в зеленую краску. С Востока же принесены названия — rubis, saphir, amethyste, émeraude.

§ 31. *Гербы простолюдинов.* Во всех феодальных государствах Западной Европы, даже и тогда, когда чисто феодальные учреждения уже перестали существовать, осталась еще та взаимная вражда сословий, которая условливалась завоеванием и бытом баронов. Под прикрытием герба они теснили простой класс народонаселения, который со своей стороны, чтобы уменьшить значение рыцарского герба, присвоил себе герб с необходимыми его атрибутами, с девизами, шлемами и т.п. А как первоначально восстали против феодальных владельцев Западной Европы средних веков сословия, цехи, то у них ранее, чем у частных людей (roturiers), встречаются знамена с изображением того святого, которого они считали своим покровителем, с эмблемой и надписью, занятию и образу деятельности их соответствующими. В Париже, напр., сословие аптекарей имело в гербе изображение руки, выходящей из облаков на звездном небе и держащей бич с весами, а наверху девиз: lances et pondera servant.

На условиях, сделках и вообще деловых бумагах ремесленники, не умевшие подписать свое имя, изображали вместо того отличительное орудие своего ремесла, и до нас дошло много актов, подписанных фигурами молота, ключа, подковы, колеса; а рядом с этими изображениями нотариус или другое должностное лицо отмечал имя плотника, слесаря и т.п. Эти же фигуры помещались на щитах и принимали форму гербов. Они по большей части переводят на геральдический язык ремесло, занятие лица или его имя и прозвание (armes parlantes).

ИСТОРИЯ ПЕЧАТЕЙ В РОССИИ

ГЛАВА ПЯТАЯ

§ 32. Изложение истории геральдики Западной Европы, не смотря на всю его краткость, должно было убедить нас в одном: в том, что всякая, по-видимому, мелочная принадлежность западного герба, все его атрибуты не случайны, а вытекли прямо из рыцарского быта, который в свою очередь обязан существованием и развитием феодализму. Он оставил свою печать на всех учреждениях средневековой Европы, а геральдика не могла остаться чуждою этой стихии.

История нашего дворянства совершенно отлична от истории рыцарства: с одной стороны, несуществование у нас феодализма, а с другой — такого события, которое бы послужило к окончательному его образованию, каковы были на Западе турниры и крестовые походы, заставляет искать иного для геральдики нашей основания. Если с этою целью обратиться к истории благородного сословия в отечестве нашем, то представляется следующее начало: как западное дворянство приобреталось отвагою и личными качествами, так коренное русское дворянство, столь же благородное по подвигам доблести, в основании всегда было поземельное, по владению недвижимою населенною собственностью, и отчасти только служебное, и притом так, что первое послужило зерном, к которому примкнуло второе. В первый разряд вошли благородные туземные роды, князья и бояре, а во второй — служилые люди, выездные роды, пожалованные в бояре, окольные, получавшие земли, вотчины и поместья за службу России.

Различие этих двух видов дворянства, существенное для истории гербов, объясняет и причину, по которой изложению геральдики в тесном смысле должна предшествовать хотя краткая история печатей. Недостаток ни одного по этой части специального у нас сочинения не мог бы оправдать нас в выборе этой системы, если бы для нее не лежало основания в самой сущности предмета. А именно: от Владимира св. и Ярослава пошло несколько линий княжеских владетельных родов, *старшей и млад-*

шей братья, которые, разветвляясь и мельчая, обратились одни в вел. кн., другие в т.н. служилых князей и подручников своего старшего брата, вел. кн. Московского, Господаря, Государя и Обладателя всея России. Вместе с тем и уделы их по завоеванию, мене и иным основаниям слились с Москвою. Но каждый князь, властвуя в своем уделе, имел необходимость в печати, которою он утверждал как свои договоры, сделки с Москвою и иными городами, так и акты своих подданных, печати, которая не могла не отразиться и на удельных княжеских монетах. Если печати эти, первоначально произвольные, часто видоизменялись, если нельзя положительно сказать, что все они перешли в гербы, тем не менее было явлением совершенно естественным, что удельные князья, утратив свою первоначальную самостоятельность и заняв в рядах московских служилых людей самое почетное место по обычаю, утвержденному давностью, сохранили в печатях, а впоследствии гербах своих изображения, которые первоначально были эмблемами их владения тем или другим княжеством. Таким образом, печати предшествовали фамильным княжеским гербам.

Что касается до частных лиц не княжеского происхождения, то и у них долго не было гербов в настоящем значении этого слова, а место их до конца XVII в. занимали также печати. Некоторые из этого правила изъятия сохранились от первой половины того же столетия: мы увидим у некоторых лиц печати со всеми признаками герба, но это не более как исключения, сделанные в пользу лиц знатных и образованных. Правилom же остается то, что у каждого лица была своя печать именная или с известными атрибутами, им усвоенными. В доказательство этого положения мы приведем следующие слова Котошихина из его сочинения о России в царствование Алексея Михайловича, слова, тем большее имеющие значение, что автор, быв за границею, уже имел точное и верное понятие о гербах и прямо различает их от печатей. "А кому царь похочет вновь дати боярство и окольниковство и думное дворянство из стольников и из дворян, или дворянина из дворовых всяких чинов или из военных людей, и таким дает честь и службу, по своему разсмотрению, кто в какой чин и честь годен. А грамот и гербов на дворянство их и на боярство ни к какому не дает, *потому что гербов никакому человеку изложити не могут*, да не токмо кому боярину или иному человеку не даются гербы, но и сам царь гербом своим московским печатается на грамотах в христианския государства не истинным своим прямым, а печатается своим истинным гербом к крымскому хану и к калмыкам;

также и у старых родов князей и бояр, и у новых, истинных своих печатей нет, да не токмо у князей и бояр и иных чинов, но и у всякаго чину людей Московскаго государства гербов не бывает; а когда случится кому к каким письмом или послом к посольским делам прикладывать печати, и они прикладывают, *какая у кого печать прилучились, а не породная*" (гл. II, ст. 12). Факты, сохраненные нам древними грамотами, и самые печати, дошедшие до нас, служат полным подтверждением этой мысли: как у князей, так и у других благородных лиц были по правилу одни печати до тех пор, пока эмблемы, принадлежащие тому или другому княжеству, не были усвоены его владельцу и роду, от него происшедшему, а другими лицами не были присвоены атрибуты по происхождению их (если они были выезжие) или по заслугам. Ранее других образовался герб государственный, а печать в. княжества Московскаго стала постоянною и родою эмблемою московскаго герба, который с течением времени нашел себе место в двуглавом орле; и Котошихин совершенно прав, называя всадника на коне собственно московским гербом.

§ 33. Но если печати так важны для правильного уразумения русской, особенно, повторяем, княжеской геральдики, то, предварительно рассмотрения в отдельности каждого рода и вида их, необходимо разрешить два вопроса: 1) о древности печатей и 2) об источниках, из которых сведения о печатях могут и должны быть заимствуемы. Дав ответ на эти основные вопросы, наука будет обязана войти в аналитическое рассмотрение печатей каждой эпохи и каждой княжеской линии (разумеется, настолько, насколько это необходимо для главной цели) и затем исторические данные приложить к гербам государственному, княжеским и прочим лиц.

§ 34. *О древности печатей.* Сфрагистике русской, т.е. науке о печатях, которая на Западе в последнее особенно время сделала большой шаг вперед, не положено у нас еще начала: немногие журнальные статьи¹ когда-то внесли в нашу ученую литературу некоторые по этому предмету не полные, критикою не очищенные, данные, и на том археология наша как бы остановилась, несмотря на то, что никогда не было открываемо и обнаруживаемо

¹ Самое полное исчисление древних наших печатей сделано митрополитом Евгением в его статье: "Примечания на граммату Великаго князя Мстислава Володимировича..." (Труды и записки Моск. о-ва истории и древностей российских. М., 1826. Ч. 3, кн. 1. С. 5-65; *Вест. Европы*. 1818. № 15/16. С. 201-255). Другие статьи, более частные, будут указаны на своем месте.

в обширном отечестве нашем столько грамот и актов разного рода, сколько в настоящем столетии. И между тем как разработка отечественной истории вообще сделала большой шаг вперед, науке о печатях предстоит собрать и привести в систему те факты, которые представляют наши источники для истории печатей. Без того отечественная археология будет лишена одного из главных средств поверять подлинность актов и определять время их составления. От нас, повторяем, нельзя требовать полного изложения отечественной сфрагистики, но, излагая ее в той мере, в какой это необходимо для геральдики, мы постараемся найти общие для печатей начала.

Древнейшая русская печать относится, как увидим ниже, к началу XII столетия: обстоятельство относительно выгодное, если вспомнить, что Россия, как самостоятельное государство, существовала до того два с половиной столетия, между тем как в государствах Западной Европы, гораздо ранее возникших и уже процветавших тогда, когда Россия только зарождалась, очень немногие памятники принадлежат V в., несколько более VII, VIII и IX, а древними, собственно, считаются относящиеся к столетиям X, XI и XII². Но если сохранилась у нас печать XII в., то это нисколько не значит, что раньше этого времени у нас не было печатей: напротив, на первых страницах летописи преподобного Нестора встречается свидетельство, что печати были известны русским первой половины X еще века и что приложение их считалось необходимым для утверждения договоров. В трактате великого князя Игоря с греками, заключенном в 945 г., упоминается, что дипломатические агенты России первоначально носили печати: послы золотые, а гости серебряные, что и служило признаком их полномочия; а в эпоху заключения договора вместо того давались отправляемым в Грецию послам и гостям пропускные грамоты, в которых означалось число их кораблей, чтобы греческое правительство знало, сколько кораблей приходит из государства, состоящего с нею в мире³. Тем не менее договор, заключенный с Грецией при Святославе, уполномоченные русские утвердили своими подписями и печатями⁴.

² *Elementa artis diplomaticae Gattereri. Goettingae, 1765. Pars 1. P. 13; Вестн. Европы. 1818. № 15/16. С. 250.*

³ Выписываем и подлинные слова из 1-го т. *Полного собрания русских летописей* (Далее — ПСРЛ.) (Изд. Археогр. ком. С. 20): "ношаху сли печати златы, а гости сребрени; ныне же уведел ешь князь ваш посылати грамоту ко царству нашему: иже посылаемы бывають от них сли и гостье, да приносят грамоту, пишуче сице; яко послах корабль селико". Ср.: Шлецер А.А. Нестор. Т. 3. С. 115—117; Эверс И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. Спб., 1835. С. 220.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. С. 31. Подобное же уважение к печатям встречаем и у других славянских народов. (Эверс. И.Ф.Г. Указ. соч. С. 220—221).

Судя по этим свидетельствам, должно бы заключить, что печати, т. е., вероятно, перстни с печатями, давались в древней России лицам, от правительства уполномоченным, вместо верующих грамот и что на печатях повторялось одно и то же изображение. Иначе не доверяли бы им лица, для убеждения которых и давались эти печати; но, к сожалению, догадка эта, слишком, впрочем, правдоподобная, ждет подтверждения, и если бы не погибло так много драгоценных памятников нашей страны, если бы перстни, золотые и драгоценными камнями украшенные, не передельвались, то разрешилась бы не одна задача отечественной археологии. Без этого в ней часто встретятся пробелы, которых нельзя пока пополнить. Собственно говоря, печатей (по крайней мере, обнаруженных или другими путями нам известных) не много, хотя следы их существования на грамотах встречаются нередко. Но шнурок подгнил, воск распался, изображения даже на металле поизгладились, а догадка, если и на фактах основанная, не всегда имеет ту степень достоверности и неопровержимости, какой требует наука. Лучшее, по нашему мнению, пособие в этом случае представляют наши древние деньги и штемпеля, на них сохранившиеся.

§ 35. *Виды печатей и их отношение к денежным чеканам.* По различию лиц, кому печати в древней России принадлежали и которые ими пользовались для утверждения своих грамот, сделок и распоряжений, печати распадаются на два разряда: имея некоторые общие между собою черты, они различаются существенными приметами. Печати были или *княжеские или частных лиц*. Как в первом разряде мы пока не различаем еще никакой отрасли князей, ни старшей, ни младшей братьи, так и частные лица, печатями пользовавшиеся, различались по состояниям (духовные, светские) и по положению своему в государстве (должностные лица). Общее, несмотря на все кажущееся различие, во всех этих печатях было то, что камен, антик, случайно попадавшийся, понравившийся лицу или применимый к его быту, жизни и обстоятельствам, вставлялся в именной ободочек или же изображение изготовлялось в России и также с круговой надписью составляло печать, или, наконец, одна надпись на печати свидетельствовала, чья она, и приложение ее к договорам и актам служило достаточным ручательством их твердости. То же явление мы видели и в Западной Европе, и к нам оно перешло из Византии. Отсюда привозили к нам камеи, к которым, по свидетельству путешественников, питают большое уважение все славянские племена. Впрочем, как вообще одинаковые учреждения и обыкновения, существующие у разных народов

при одинаковой степени их развития, должны быть объясняемы сходством и тождеством потребностей и недостатком других средств к их удовлетворению, так и относительно печатей заметим, что в древней России резчиков не было, поэтому монеты и печати для князей или должны были делаться в Византии (греческая работа видна очень часто), или состоять из гемм, которых не мог не отличать самый необразованный вкус за их красоту и отделку. Частные лица, хотя также употребляли для этой цели камеи, но чаще делали себе печати именные или с изображением, дурно скопированным с камея. Духовные только лица, подражая образцам, принесенным из Византии, имели на печатях своих эмблемы и надписи, постоянно повторявшиеся соответственно сану лица.

Таким образом, общим у печатей княжеских с печатями частных лиц остается то, что они были по большей части именные и личные, следовательно, характера родового и наследственного первоначально не имели. К древним печатям частных лиц это начало действительно и применимо, но для князей таких печатей было недостаточно, и потому рядом с личными идут другие печати с изображением, т.е. официальным, государственным, которое если и видоизменялось, то не вследствие перемены лица, а вследствие перемены обстоятельств и государственных убеждений. Печать, мы увидим, была самою красноречивою их представительницею. Известному времени, известным отношениям вел. кн. Киевского или Московского к Орде, Литве, к другим удельным князьям соответствовала печать иная в сравнении с тою, которая употреблялась при изменившихся обстоятельствах; и тогда как государственные, так сказать, бумаги печатались ею, частная, внутренняя переписка, не носившая признака государственной, довольствовалась печатью личною, именной.

Эти два характера печатей княжеских объясняют многое в нашей древней сфрагистике и, главное, делают неуместным всякий упрек в каком-то произволе при выборе изображений для печатей княжеских; в истории же русского государственного герба начало это чрезвычайно важно, ибо, следя за образованием печатей великого князя Московского, мы шаг за шагом можем проследить те убеждения, которые воплощались в печати, пока изображение на ней, раз остановившееся при окончательном образовании идей государственных, не перешло в герб.

§ 36. Лучшим пособием для истории княжеских печатей служат древние наши монеты, точно так, как и они с своей стороны должны находить себе объяснение в изображениях на печатях одной со временем чеканки их эпохи. Долго преобладало у нас

и доселе еще не всеми покинутое убеждение, будто всякий серебряных и золотых дел мастер, *денежник*, чеканил монету со штемпелем, какой ему угодно, такого веса, какой для него был выгоднее, и что раньше XIV в. у нас будто и не чеканили совсем монеты, а обходились, употребляя одни иностранные деньги. Высказанная Герберштейном⁵, повторенная Бакмейстером⁶ и бароном Шодуаром⁷ мысль эта, несколько не проверенная фактами, несмотря на все несогласие ее с свидетельствами летописи о торговле, учреждениях древней России, несмотря на противоречие с постановлениями, заключающимися в Русской Правде и других узаконениях о *вирах и продажах*, оставалась до новейших времен общим у нас убеждением. Недостаток наличных памятников и сходство изображений на оставшихся монетах с деньгами византийскими, по-видимому, оправдывали это мнение; но забывали, что в стране, которая вела торг с соседними государствами, стране, где личные наказания заменялись взносом определенного количества денег, необходима была единица, в которой могла бы приравняться ценность вещей и иностранных денег. Недостаток даже древних монет не мог уничтожить справедливости свидетельства летописи, подтверждаемой иностранными источниками, и тогда именно, когда Императорское археологическое общество стало доказывать неправильность такого взгляда на нашу нумизматику⁸, случай сделал больше, чем могли бы сделать все рассуждения и доводы, путем науки добытые. В 1852 г. открыт близ Нежина клад, заключающий в глиняном горшке около 200 серебряных монет со славянскими надписями того же стиля, какой употреблялся в XI в. у нас в России, и с именами князей, которые управляли Россиею

⁵ *Herbersteins*. Commentari della Moscovia et partimen te della Russia... Venetia. 1550. P. 39.

⁶ *Бакмейстер И.Г.* Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной санктпетербургской имп. Академии наук / Пер. В.Костыгова. Спб., 1779. С. 19.

⁷ *Chaudoir S. de*. Aperçu sur les monnaies russes et étrangères qui ont eu cours en Russie. Paris, 1836. Vol. 1. P. 102.

⁸ Указываем на главнейшие по этой части рассуждения в записках Археологического общества: *П.С.Савельева*. "Примечание о славянских монетах с именами Владимира, Ярослава и Святослава" (Зап. Имп. археол. о-ва. Спб., 1849. Т. 1. С. 386–389), *Я.Я.Рейхеля* "Монеты западных славян" (Там же. С. 343–387), *И.Д.Беляева* "Били ли на Руси монету до XIV столетия?" (Там же. Т. 5. С. 298–332). Здесь же моя статья: "История подделки монет в России до времен Петра Великого" (С. 248–281). Путем юридического исследования законов против денежников можно дойти до следующего вывода: если существовали правила против подделки монет, если виновники ее наказывались, значит, она была запрещена и произвола в этом важном государственном деле не было. Наконец, статья *И.П.Сахарова*. (Там же. Т. 4, отд. 1. С. 107 и след.).

в эту именно эпоху, — Владимира, Ярослава, Святополка и Георгия. В минцкабинетах наших и прежде были уже известны деньги с тем же штемпелем и с тою же надписью, но самая малочисленность их была приводима в доказательство того, что они не были ходячими у нас деньгами; иначе их встречалось бы гораздо более. Доказательство это, по-видимому, подтверждалось и тем, что чекан их, форма рисунка, даже фигуры на оборотной стороне составляют верное подражание монетам византийским. Но явление это, по нашему мнению, совершенно естественное и должно, напротив, служить подтверждением того, что деньги эти действительно принадлежат первым русским князьям, если даже и оставить без внимания то обстоятельство, что они отысканы в сердце древней России, Малороссии, что у сербских и других славянских племен, которым хотели приписать монеты этого рода⁹, нельзя указать ряда князей, имена которых ясно видны на открытых монетах. Никакой подделки в этом случае также подозревать нельзя: ее можно бы приписать только нумизмату, археологу; но как наука о древних монетах у нас еще слишком юна, так и собирателей монет у нас не было и быть не могло до новейших времен; к счастью, был у предков наших обычай хоронить клады и вверять на случай опасности сокровища своей земле. Как бы в благодарность за труды и усердие, с которыми пахарь ее возделывает, она награждает его изредка драгоценностями, обогащающими науку¹⁰.

На всех монетах первых наших князей изображен портрет самого государя, с надписью вокруг его имени и прибавкою: *"На столе"*, а на обороте: *"А се его серебро"*. Большой гарантии для подданных, употреблявших такую ходячую монету, не требовалось, и штемпель этот, раз утвержденный, не изменялся долго, до тех пор, пока Россия не распалась на уделы, на самостоятельные части. Тогда изображение государя стало видоизменяться отчасти по областям, где чеканились монеты, а главное, по тем убеждениям, которые имел тот или другой великий князь о верховной власти, и по отношениям, в которых он находился к другим князьям, своей братье, равно как к врагам своей области. Не говоря о частностях и не вдаваясь в подробности, на которые должно быть обращено внимание при изложе-

⁹ Рейхель Я.Я. // Зап. Имп. археол. о-ва. Т. 1. С. 343 и след.; *Описание древних монет* и медалей собрания генерала Шуберта. Спб., 1843. Ч. 1. С. 53 и след.

¹⁰ Подробным описанием Нежинского клада мы обязаны господину *Волошинскому* в Трудах Комиссии, высочайше утвержденной при Университете Св. Владимира, или описания губерний Киевского учебного округа. (Киев, 1853. Смесь).

нии печатей каждого княжества в отдельности, мы заметим здесь пока, что идея государевой власти, несмотря на бесчисленные видоизменения изображений, в сущности, следовала такому порядку: первоначально государь, сидящий на престоле впрям, в короне, с крестом в руке, как покровитель и распространитель христианства — это тип чисто византийский; потом русские уже художники на деньгах XIV и XV вв. изображали его также в короне, но в профиль и с мечом; *стол* же, на котором сидит князь, имел вид или простой скамейки или кресел, бока которых украшены изображением головы животных, обыкновенно львов. Буквы "к" и "н", которые часто обозначались по сторонам этой фигуры, прямо указывают, что это не кто иной, как сам князь. А чтобы изобразить жизнь и деятельность государя, денежник представлял его или судящим и милующим, или с секирою, мечом, поражающим змия, и т.п. С XV в. князь представляется коңным, но также с атрибутами власти, и главное — победителем. Поднятый меч и изображение лошади вскачь не оставляют никакого повода сомневаться, что именно эту идею думал изобразить денежник, а те же буквы "к" и "н" (князь) вполне убеждают, что это портрет государя. Сходство с подлинником, при очень плохой чеканке, конечно, отыскать трудно, но мысль при этом едва ли иная, и когда Москва стала во главе государства, меч в руках великого князя заменен копьем и под ногами коня изображены его враги в виде дракона, которого он и побеждает. В этом случае, как и прежде, нельзя сомневаться, кто этот всадник: об этом свидетельствуют означенные буквы, встречаемые на монетах с этим штемпелем, а в случае их недостатка — надпись кругом изображения или на обороте монеты: *великий князь*, с означением его имени и отчества¹¹. Притом в одно и то же правление один и тот же великий князь изображался различно: обстоятельство, совершенно понятное и легко объяснимое современным эпохе, когда чеканена монета, состоянием России и образом деятельности тогда ее государя. Если с этой точки зрения смотреть на нашу нумизматику, то за недостатком цифр откроется приблизительное, по крайней мере, средство означать время чеканки денег.

Такова была государственная, официальная т.е., сторона чекана, а оборот ее (если не был посвящен надписи, кто такой изображенный князь) занят фигурами до чрезвычайности разнообразными, а вокруг них надпись *печатъ князя*, с означением какого

¹¹ *Чертков А.Д.* Описание древних русских монет. М., 1834. Табл. I. С. 6–7; Табл. II. С. 1, 4; Табл. III. С. 5.

именно. Если бы даже и не было последнего указания, слова *печатать*, то и тогда одно соображение (не говоря уже о сравнении этих штемпелей с дошедшими до нас печатями князей) должно бы довести до заключения, что если денежники чеканили монету под надзором и по указаниям правительства, если деньги исходили от лица государя, то на них могли находить себе место те только эмблемы, которые употребляются князьями. Как, с одной стороны, монеты буквы "к", "н" не оставляют никакого сомнения, что, несмотря на все видоизменения в изображении, был представлен сам князь, так употребление слова *печатать* при фигурах голов людей, грифов, львов, птиц, деревьев, монограмм и т.п. доводит до заключения, что фигуры эти были дурные, по большей части копии с прелестных иногда оригиналов, с камней. Таким образом, открывается средство к взаимному дополнению и к проверке денег и печатей. Вот один пример: на московских великокняжеских и удельных деньгах часто встречается штемпель: человек, стреляющий из лука, но на печати такого изображения не видим, и можно бы подумать, что оно обязано своим существованием произволу художника. Между тем в числе перстней, наследованных царем Алексеем Михайловичем от его предков, находим и такую печать¹². Вообще, если встречается на грамоте печать, неизвестно кому принадлежащая, стоит проверить, у кого на монетах она вычеканена, и если случай сохранил на деньге этой имя князя, то задача разрешена, и, наоборот, печати княжеские подают руку помощи нумизмату, если он затрудняется определить время, когда выбита та или другая монета. Штемпель и сравнение его с печатью может навести на след, указать время, к которому монета принадлежит.

Как в каждом подобном случае, приходится и здесь пожалеть о том, что сохранилось далеко не все, что наука желала бы иметь для полного доказательства своих доводов и соображений: печатей в особенности сохранилось не много, и мы воспользуемся ими для доказательства приведенных выводов при изложении истории княжеской сфрагистики. Но предварительно необходимо еще коснуться вопроса о внешнем виде печати и о форме ее приложения. Много встретим мы здесь сходного с тем, что было сказано о приложении печатей в Западной Европе, и позволим себе напомнить, что как штемпеля для печатей, так и образ их приложения первоначально могли перейти к нам из Византии и быть усвоены русскими.

§ 37. По веществу, из которого делались печати, они бывают:

¹² Зап. Имп. археол. о-ва. 1851. Т. 3. С. 72—73.

1) *Металлические* (известные на Западе под названием *bullae*) Они всегда привешивались на шнурке, продетом в пергаменте или бумаге, и состояли из двух тонких пластинок, через которые пропускался и заклепывался шнурок (как в нынешних таможенных пломбах). По различию металлов печати были: а) золотые, б) серебряные, в) серебряные вызолоченные и г) свинцовые. Печати этого рода, если не предполагать, что им предшествовали восковые, истлевшие и утратившиеся, самые древние. Употребление разных видов металла для печати не было произвольно, а условливалось саном лица, ее употреблявшего, равно как значением грамоты, печатью утверждаемой. Золотые печати привешивались к трактатам с цесарем, т.е. императором Австрийским, который и с своей стороны дипломатическую с Россией переписку запечатывал золотыми буллами. Такая *Bulla aurea* (начало надписи вокруг печати) сохранилась на замечательной грамоте, писанной императором Максимилианом I к великому князю Василию Иоанновичу в 1514 г. августа 4-го, о взаимном согласии и союзе против польского короля Сигизмунда. Грамота эта обратила на себя внимание Петра Великого тем, что в ней великому князю Василию Иоанновичу дает титул императора Всероссийского. (Она издана в Санкт-Петербурге в 1718 г.)¹³

Кроме того, золотыми же печатями утверждались т.н. *шертные* грамоты, посредством которых татарские цари и царевичи, оставшиеся в областях, первоначально им подвластных и впоследствии к России присоединенных, признавали над собою покровительство и власть московского государя, обещавшего им со своей стороны милость и защиту. Трактаты такого рода укреплялись крестоцелованием и считались так важными, что к ним привешивались *золотые печати* обеими вступавшими в сношения сторонами "*на большее укрепление*", как сказано в древнем титулярнике при описании подобной грамоты, данной сибирскому царю Кучуму¹⁴. О приложении золотой печати упоминалось в самом акте; напр., грамота, данная в 1480 г. великим князем Иоанном III крымскому царю Менгли-Гирею, оканчивается следующим выражением: "Так молвя из своих уст, сю *крепкую* грамоту с золотою своею печатью дал есми"¹⁵;

¹³ *Собрание государственных грамот и договоров*. Т. 5 (неоконченный и хранящийся в Императорской публичной библиотеке). С. 65–66.

В дальнейшем ссылка на это издание обозначается сокращенно *СГГД* (Примеч. ред.).

¹⁴ *Титулярник рукописный* 6997/1489 года. Архив Министерства иностранных дел. С. 80.

¹⁵ *СГГД*. Т. 5. С. 2.

а шертная грамота крымского царя Магмед-Гирея, великому князю Василию Иоанновичу в 1518 г. данная, — словами: "А в сем золотом ярлыке кои слова есми молвили, и како тому и быти... молвя золотую с синим вишаном жиковиною запечатан шертную грамоту дал есми"¹⁶. Далее к актам внутренним особенной важности, напр. жалованным грамотам монастырям на земли и привилегии, равно как к договорам с Новгородом и иностранными городами, прикладывали печати серебряные, которые употреблялись также московскими митрополитами и новгородскими архиепископами, хотя грамоты меньшей важности те же лица утверждали печатями восковыми. Древнейшие новгородские посадничьи и городовые грамоты, до нас дошедшие, равно как некоторые печати частных лиц, — свинцовые¹⁷. Металлические печати почти всегда двусторонние и вислые.

2) *Печати восковые*, или из чистого воску — белого и желтого, или из воска, смешанного с красками: черные, темно-коричневые и красные. Как первые могли быть употребляемы всеми, начиная от великого князя и митрополита, так воск красный составлял принадлежность одних печатей великокняжеских, митрополичьих и новгородского архиепископа и опять с тем же различием по содержанию и важности актов. Частная этих высших лиц переписка печаталась черным воском, тогда как грамоты официальные отличались воском красным. Но так как воск не прочен и печать на нем легко могла искрошиться, то в видах сохранения ее целости и неприкосновенности в XVI особенно веке, когда образовалась наша государственная печать, и с расширением государственной деятельности в приложении ее встречалась все чаще и чаще необходимость, были прикладываемы:

3) *Печати воскомастичные*. Вещество для них составлялось из воску, мастики, красной краски, мела или муки. Этого рода печати очень прочны, с первого взгляда мало отличаются от сургучных, цветом или красные или бланжево-красноватые. Некоторые из них сохранились очень хорошо.

4) *Печати на дегте или на смоле* встречаются реже восковых и прикладывались, вероятно, за недостатком других, более прочных, и для оттисков удобных материалов. В находящейся у нас рукописной крепостной книге 1586 г., назначенной для внесения в нее по мере явки кабал и разных частных сделок, книге,

¹⁶ Там же. С. 81, 104, 124. Ср.: С. 37. Под словом *вишан* разумеется на восточных языках *знак, печать*.

¹⁷ При подробном исчислении печатей разных видов и разрядов мы будем всякий раз означать, на чем они оттиснуты.

на которую мы неоднократно будем иметь случай сослаться, читаем в одном месте под статью о явке *полной* Андреем Ивановым Пустошкиным, что "у полные печать печатана дегтем"¹⁸

5) *Печати сургучные* — черные и красные, появились только в конце XVII в. и вошли в общее употребление с XVIII столетия.

Печати восковые и воскомастичные или прикладывались к грамотам или привешивались к ним, что также обозначалось иногда в самом акте¹⁹. В первом случае для большей прочности около того места, где предполагалось приложить печать, вырезывали четверугольник (больший или меньший, смотря по величине печати) и, пригнув его к самой грамоте, чрез вдвое сложенный пергамент или чрез двойной слой бумаги, продевали тоненькую полоску пергамента или бумаги (также вдвое сложенной) и уже потом прикладывали печать, которая и держалась собственно на этих полосках.

Печать формы по большей части круглой, реже продолговатой прикладывалась, если была одна, на нижнем краю грамоты, иногда в середине самого акта; а если их было несколько, то в размещении их начинали от левой руки к правой по старшинству и достоинству лиц, или по обычаю (напр., на новгородских грамотах печати представителей разных концов города), или, наконец, по порядку упоминования лиц в начале акта. Последнее обстоятельство не должно быть оставляемо без внимания, потому что нередко служит единственным средством узнать, кому из утвердивших акт печатями своими лиц принадлежит та или другая печать, если она не именная и не состоит из камня, в именной ободочек вставленного.

Для большей сохранности прикладываемые печати прикреплялись иногда бумажною накладкою и назывались *под кустодиею*. С XVII в. предосторожность эта соблюдалась чаще, а из времен царя Феодора Иоанновича сохранилось несколько печатей, приготовленных из воско-мастики и покрытых листовым золотом. У нас кустодия чаще употреблялась для охранения государственных, чем частных печатей, и форма ее, т.е. гладко ли обрезаны края кустодии или изгибами, была подробно обозначена в титулярнике для трактатов России с другими государствами, а практикою определена для различных видов жалованных грамот.

¹⁸ Замечательная и единственная в своем роде рукопись эта напечатана в 1-й половине 2-го тома Архива историко-юридических сведений, относящихся до России, который издает Н.В.Калачов.

¹⁹ "И к той грамоте привесили есмя свою печать". (СГГД. Т. 5. С. 9); "печать свою приложил" (Там же. С. 39; Ср.: С. 53, 61, 65, 68 и др.). К актам частным, не официальным, печати чаще прикладывались, чем привешивались.

Вислые печати были по большей части двусторонние, так что государственная печать и тогда даже, когда московский герб уже нашел себе место в сердце двуглавого орла, в случаях, когда она привешивалась, представлялась в раздельном виде: с одной стороны орел, а с другой — всадник на коне; а на печатях прикладываемых эмблемы эти соединялись. Редко печати вислые были односторонние и почти исключительно принадлежали частным людям.

Достоинство лица, кому принадлежала печать, и степень важности акта, к которому она привешивалась, отражались и в нитках или снурке, к которым она прикреплялась. Печати частных лиц почти всегда привешивались на суровых нитках, которые продевались чрез отверстия, в пергаменте или бумаге сделанные, а царские на шелковых снурках, чаще малиновых, реже зеленых, голубых, синих с золотом.

К некоторым актам привешивалось по несколько печатей числом от двух до двенадцати и более от разных лиц, в самой грамоте упоминаемых. Печати эти также размещались по достоинству лиц в том же порядке, как изложено выше для печатей прикладываемых. На новгородских грамотах находим, начиная с левой руки, на первом месте печати великих князей, потом архиепископа, далее посадников и тысяцких.

Изложив общие приметы древних русских печатей, переходим к описанию и исчислению их родов и видов, а именно: 1) *печатей великого князя и младшей его братии*; 2) *городов*; 3) *духовенства*; 4) *должностных лиц и приказов* и 5) *прочих классов народонаселения*.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Печати княжеские

§ 38. *Печати киевских великих князей.* При изложении печатей княжеских мы будем держаться порядка хронологического и вместе с тем проследим их по княжествам, чтобы из сравнения эмблем, на печатях разных князей встречаемых, вывести заключение о влиянии, которое изображения на печатях имели на фигуры, перешедшие в гербы областей и городов. Мы начнем с печатей великих князей киевских. Изображение архангела Михаила составляло почти всегда необходимую их принадлежность: это легко объясняется тем, что Киев, мать градов Русских, был центром, из которого Православие излилось на всю нашу Родину.

Единственная печать, сохранившаяся до нашего времени от XII в., привешена к жалованной грамоте князя Мстислава Владимировича и сына его Всеволода (1125—1132 гг.)¹. Акт этот хранится в Новгородском Юрьевом монастыре, которому пожалован²; на привешенной к ней серебряной позолоченной печати изображен с одной стороны лик Иисуса Христа, а с другой архангела Михаила, поражающего змия³ (табл. IV, рис. 1).

От XIII и XIV вв. сохранилось также несколько великокняжеских печатей, и, несмотря на то, что стол великого князя перенесен во Владимир на Клязьме, Киев не потерял своего прежнего значения и знамя — архангел Михаил — не сходило с великокняжеской печати до половины XIV в. А именно: 1) когда по смерти Александра Невского брат его Ярослав Ярославич наследовал прародительский великокняжеский престол, то он двумя грамотами 1265 и 1270 гг. подтвердил Новгороду его прежние права и преимущества и при последнем из этих актов сохранилась одна свинцовая печать. Изображение на ней поистерлось; но тем не менее на одной стороне можно распознать лик Спасителя по сохранившимся буквам С—І, а на другой — святого, одетого в епанчу, держащего в левой руке щит, который покоится на земле, а в правой руке имеющего копье⁴. Может быть, это лик архангела Михаила, хотя сохранившийся с левой стороны знак вроде нашего Ф. (табл. IV, рис. 2) наводит на мысль, не было ли вокруг стершейся надписи *Ярослав*, как вокруг подобного изображения на грамоте тверского князя Александра Михайловича от 1327 г. видна надпись *Александр*⁵. 2) К двум договорным грамотам, заключенным между вел. кн. Михаилом Ярославичем и Новгородом в 1295 г., привешена печать серебряная вызолоченная. На одной ее стороне изображен лик св. архангела Михаила⁶, на что указывают сохранившиеся по бокам печати буквы — М.Х., А, а на другой — св. Николая,

¹ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. 2, гл. 8. С. 113, 115. (Далее сокращено: *Карамзин*).

² Дополнения к Актам историческим... Спб., 1841. Т. 1, № 2. (Далее сокращено: *Дополнения к АИ*).

³ *Вестн. Европы*. 1818, № 15/16. Ныне архангел Михаил изображается в гербе города Архангельска летящим, вооруженным пламенным мечом и щитом и поражающим поверженного дьявола. (См.: *Указ 1780 г. окт. 2* (№ 15069) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е).

⁴ СГГД. Т. 1. С. 3—4.

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Не имеем, впрочем, твердых оснований оспаривать возражение, которое могут сделать, что образ св. Михаила помещен на означенных печатях, не как знамя города Киева, а в соответствии с именем, которое носил великий князь, акт писавший.

правую рукою благословляющего, в левой держащего Евангелие, а с боков надпись⁷ (табл. IV, рис. 3). 3) К грамоте, заключенной между тем же великим князем и Новгородом в 1305 г., привешена свинцовая печать (табл. IV, рис. 4). На одной ее стороне изображен лик Спасителя, на престоле сидящего. Правую рукою Господь благословляет, а в левой держит яблоко с крестом, вокруг надпись — Ис. Хр. Нї Ка. А на другой стороне изображен также архангел Михаил с распущенными крыльями, одетый в броню. Печать эта по отделке, надписям и чекану так хороша, что почти без ошибки можно приписать ее мастерам греческим⁸. 4) Но и эта печать употреблялась не всегда: несколько более чем чрез десять лет после предыдущего документа, а именно в 1317 г., заключен тем же великим князем Михаилом Ярославичем также с Новгородом договор, скрепленный грамотою, к которой привешена иная печать: неизменно на ней эмблему осталось изображение архангела Михаила, а на другой ее стороне видим св. Николая чудотворца (табл. IV, рис. 5). 5) Изъятие составляет печать великого князя Тверского Александра Михайловича на договорной его грамоте с Новгородом 1327 г. Печать эта имеет на одной стороне изображение Спасителя, восседающего на престоле и благословляющего, а с другой стороны — лик святого, с подписью вокруг *Александр*: он в епанче, по колена висящей, и держит в правой руке копье, а в левой щит¹⁰. Но и это отступление от раз принятого начала нельзя, по нашему мнению, считать произвольным: оно объясняется тем, что в эту именно эпоху по смерти Юрия Даниловича, убитого в Орде вел. кн. Дмитрием Михайловичем Тверским, московский князь получил первенство в ряду князей русских и Иоанн Данилович Калита оспаривал и оспорил титул великого князя у Александра Михайловича Тверского¹¹.

Московский великий князь избрал для своих печатей другую эмблему; но обзору их должны предшествовать по времени печати смоленские.

§ 39. Печати смоленские и галицкая. К 1228 и 1229 гг. относятся торговые договоры смоленского князя Мстислава Давидовича с городом Ригою и Готландским берегом. Они давно уже изданы, но недавно открыт в тайном архиве города Риги реестр бумаг, в нем находящихся, и в акте этом следующим образом

⁷ СГГД. Т. 1. С. 5; Карамзин. Т. 4. Примеч. 187.

⁸ СГГД. Т. 1. С. 9.

⁹ Там же. С. 16.

¹⁰ Там же. С. 20.

¹¹ Карамзин. Т. 4, гл. 8.

исчисляются заключенные с Смоленском трактаты: 1) договор 1228 г. между Смоленском и Ригю на русском языке с *одной* вислюю печатью; 2) того же года с *двумя* вислыми печатями; 3) 1229 г. с *одной* печатью; 4) того же года с *двумя* печатями, из которых одна оторвана, и 5) смоленского князя Ивана Александровича утвердительная грамоты прежних договоров с Ригю и Готландским берегом, данная между 1330 и 1359 гг., с двустороннею желтою восковою печатью на малиновом снурке¹². К сожалению, из шести печатей, бывших на грамотах 1228 и 1229 гг., сохранилось только три, и все серебряные, привешенные на красных шелковых снурках. Одна из них с изображением льва и на обороте с надписью *великого князя Федора печать*. Известно, что князь Мстислав носил и другое христианское имя Феодор. Форма льва с расправленными когтями, положение его хвоста, пригнутого к спине (как это видно из табл. IV, рис. 6), заставляет подозревать иностранное происхождение этой эмблемы. На другой же печати сохранилась надпись (табл. IV, рис. 7), судя по которой заключают, что это печать смоленского владыки¹³. Нет, во всяком случае, никакого основания согласиться с Тобином¹⁴ и признать ее за печать города Смоленска. За недостатком сведений, кто был в эпоху написания грамоты смоленским епископом¹⁵, и судя по форме первых букв, которые уцелели на печати, можно, кажется, без ошибки заключить, что это была печать "лучшего", как сказано в самом трактате, "попа Иеремея", посланного в Ригу для заключения договора вместе с умным мужем Пантелеем (не ему ли принадлежала третья утратившаяся с акта печать?)¹⁶⁻¹⁷

¹² *Tobien E.S.* Die ältesten Tractate Russlands. Dorpat, 1845. P. 44–45. В издании этом профессор Тобин, сделав перевод на немецкий язык древнейших русских договоров и трактатов, поместил некоторые снимки с этих бумаг и привешенных к ним печатей.

¹³ Такое объяснение печати будет согласно с тем чтением надписи на ней, которое принимает *И.И.Срезневский* (Зап. Имп. археол. о-ва. Т. 3, ч. 2. С. 222). Он читает: *влдк. Смоленско. и пчта. крст.* В снимках, нам известных, видны буквы: *Иеръо* (табл. IV, рис. 7), и, сравнивая эту надпись с правописанием слова: *Иеремей* в самом акте, я не нахожу причин сомневаться, что печать принадлежала этому именно лицу (Ср.: *Карамзин*. Т. 3. Примеч. 248; *Tobien*. Tractate Russlands. P. 47).

¹⁴ *Tobien E.S.* Op. cit.

¹⁵ *Амвросий*. История Российской иерархии. М., 1822. Т. 1. С. 161. (Далее сокращено: *Амвросий*.)

¹⁶⁻¹⁷ Имена двух этих лиц встречаются в самом начале трактата. "Уздумал Князь Смольнеский Мстислав, Давидов сын, прислал в Ригу своего лучшего попа Иеремея и с ним умна мужа Пантелея". (СГГД. Т. 2. С. 1).

Наконец, в рижском архиве на той же переписке 1229 г. сохранилась третья печать с совершенно неясным изображением святого во весь рост, и с обеих сторон этой фигуры — буквы, которых разобрать нельзя¹⁸ (табл. IV, рис. 8). Ближе всего признать это изображение за лик св. Феодора, имя которого носил заключавший трактат смоленский князь: труднее объяснить в этом смысле надпись, очевидно неполную.

При этом необходимо упомянуть о желто-восковой, на малиновом шелковом снурке привешенной, печати к договорной грамоте смоленского князя Ивана Александровича с Ригю. На одной стороне этой печати изображен крест, а на другой *персона*, одетая в епанчу и в латах и идущая с булавою от правой стороны к левой. Вокруг надпись, которую разобрать, несмотря на все усилия, нельзя: по очертанию букв она не русская и, вероятно, принадлежала представителям города Риги, скрепившим этою печатью обещание соблюдать трактат со стороны Риги. Доказательством того служит как форма креста нерусская, так и одяние на персоне: оно совершенно рыцарское¹⁹ (табл. IV, рис. 9).

§ 40. Из рассмотрения означенных княжеских печатей XII, XIII и XIV вв. мы делаем следующие выводы: 1) что для великого княжества Киевского образовалась постоянная эмблема архангела Михаила, и 2) что так как печать должна была заменять подпись князя и притом охранять святость и ненарушимость того трактата, к которому приложена, то всего естественнее было ей носить на себе изображение того святого, по имени которого князь назывался, и, кроме того, надпись, чья печать. На обороте видим нередко лик Спасителя или святого, напр.: Николая чудотворца, который пользовался и пользуется у нас особенным почитанием.

Сообразно изложенному началу у князя Галицкого Юрия Львовича, который, наследовав после смерти дяди своего Мстислава Даниловича и Владимирскую область, принял наименование короля Российского, *Rex Russiae*, на печати было с одной стороны изображение Юрия, или Георгия, на троне в венце и с скипетром в правой руке, кругом подпись: *Domini Georgii, regis Russiae*, а на другой стороне: всадник в латах, в руках щит и знамя, а вокруг надпись: *Domini Georgii principis Ladimerae*²⁰.

¹⁸ *Tobien E.S.* Op. cit. P. 47—48. Снимок с печати этой приложен к его книге: *Die ältesten Tractate Russlands.*

¹⁹ *СГГД.* Т. 2. С. 11.

²⁰ *Карамзин.* Т. 4. С. 104; Примеч. 204, 268, 276.

§ 41. Печати великих князей Московских²¹. Переходя к московским великокняжеским печатям, мы должны предварительно заметить, что и на них отразились те же отличительные черты, какие мы видели и на других княжеских печатях, т.е. что великий князь утверждал грамоту изображением того святого, которого он почитал своим покровителем, а надпись, что печать принадлежала такому именно великому князю, вполне заменяла его подпись. Но рядом с этим типом вырабатывалась постепенно другая идея: Москве было суждено постоянными усилиями, непрерывною, долговременною борьбою с врагами внутренними и внешними дойти до высших понятий о самодержавии, положить прочное основание самостоятельному государству и расширить его пределы. Это убеждение в великом призвании Москвы, эта борьба во всей своей полноте отразилась сперва на штемпелях монет великих князей Московских, а потом на печати их. Несмотря на все разнообразие изображений этих, наука должна, по нашему мнению, найти в них общие черты, и мы воспользуемся изложенным выше началом при изложении истории московской печати и московского герба.

Следуя порядку хронологическому, мы начнем с печатей именных и отметим:

1) Печать великого князя Иоанна Даниловича Калиты: на его духовной грамоте 1328 г. печать восьмиугольная, с изображением на одной стороне Спасителя, а на другой св. Иоанна Предтечи. Вокруг по обеим сторонам надпись: *Печать великого князя Ивана*. Она серебряная позолоченная, отличается отчетливостью отделки и тем, что хорошо сохранилась²².

2) На договорной грамоте великого князя Симеона Иоанновича Гордого с его братьями (1341 г.), вообще обветшавшей, были привешены две восковые печати; но они до того повреждены, что изображения на них распознать, к сожалению, нельзя²³; но на духовной грамоте великого князя Симеона, в монастыре Созонта, 1353 г., сохранились три печати: одна серебряная позолоченная двусторонняя, великокняжеская, с изображением на одной стороне св. Симона, что гласит и надпись: *Семен святой*, а на другой подпись: *Печать князя великаго Симеона всеа Руси*. Рядом с этою великокняжескою висят две восковые, одно-

²¹ Большая часть печатей московских великих князей напечатана в Румянцевском собрании государственных грамот и договоров. На это издание мы ссылаемся, а у себя перепечатываем только немногие печати как образцы.

²² СГГД. Т. 1. С. 33, 35; Карамзин. Т. 4. Примеч. 325.

²³ СГГД. Т. 1. С. 37.

сторонние, и по-видимому перстневые, печати, приложенные, вероятно, не вел. кн. Симеоном, а монахом Созонтом: на одной из этих печатей изображена *персона*, по очертанию лица и по форме античная гемма, а на другой — малый шестиугольник, внутри и вокруг его непонятная надпись²⁴.

3) К духовной великого князя Иоанна Иоанновича 1356 г. привешена серебряная позолоченная двусторонняя печать, на которой изображен с одной стороны св. Иоанн с надписью: *Агiос Иоаннъ*, а с другой подпись: *Печать князя великаго Ивана Ивановича*, без прибавления "всёя Руси"²⁵.

Но на монетах его правления, до нас дошедших, в штемпеле уже начинает проявляться убеждение о борьбе с врагами и о победе над ними: а именно на некоторых его монетах изображен воин в остроконечной шапке (нет сомнения, что это сам великий князь, который, вынув меч из ножен, как бы готовится на бой (табл. V, рис. 1), на обороте надпись: *Великаго князя Ивана Ивановича*; а другое изображение (табл. V, рис. 2) еще знаменательнее: человек намерен поразить мечом гидру, которая, разъярившись, силится броситься на него²⁶. Повторяем (ибо на этом будет основан наш дальнейший вывод): во всех этих типах слишком много смысла и значения для того, чтобы приписать изменение рисунка вкусу и произволу денежника: как великий князь грозит поразить гидру, так чрез полстолетия мы увидим его поразившим ее тогда, когда враг действительно ослабнет и будет побежден²⁷.

4) Печать великого князя Дмитрия Иоанновича также серебряная, имеет на одной стороне изображение св. Дмитрия Солунского и букву Д, а с другой — строчную надпись: *Печать князя великаго Димитрия*. Но заметим, что изображение св. Дмитрия на двух дошедших до нас печатях великого князя Дмитрия Иоанновича не одинаково, а именно: на первой духовной его грамоте 1371 г. он представлен в броне и развевающейся епанче, с венцом на голове, со знаменем в правой руке и кругом

²⁴ Там же. С. 38.

²⁵ Там же. С. 41, 43; *Карамзин*. Т. 4. Примеч. 386.

²⁶ Чертков А. Д. Указ. соч. С. 1—2.

²⁷ Из многих известных нам древних печатей Западной Европы, равно как славянских племен, где та же идея борьбы с врагами выражалась подобным образом, мы приведем одну печать Лешка Черного, бывшего на польском престоле с 1279 по 1289 г. Печать эту мы заимствуем из нового сочинения *Фоссберга*: *Siegel des Mittelalters von Polen, Lithauen, Schlesien, Pommern und Preussen*. Berlin, 1854. Taf. 18. Она изображает самого герцога в полном вооружении, защищающего крепость от неприятеля, в виде крылатого чудовища (табл. V, рис. 6). Ср.: *Карамзин*. Т. 4. С. 91.

в левой²⁸, а на печати, привешенной ко второй его духовной 1389 г., к оружию прибавлен меч, висящий позади, так что видны только рукоятка его и конец, в правой руке копье, а в левой щит сердцеобразной формы с монограммой Х, вокруг изображения надпись: *Св. Димитрий*, а с другой стороны подпись: *Князя великаго Дмитрия Ивановича всея Русси*²⁹, титул, которого мы прежде не встречаем и который принят после договорных грамот Донского с братом его, князем Владимиром Иоанновичем, и детьми сего последнего. Мы не упоминаем при этом о печатях, привешенных к договорным этим грамотам, потому что они дурно сохранились и надписи до того стерлись, что не знаешь, кому печати эти принадлежали. На одной из них виден образ св. Николая³⁰.

Столь известные и богатые последствиями победы, одержанные Дмитрием Донским над татарами, дали ему полное право на изображение в виде человека, обращенного влево и держащего в правой руке секиру, а в левой меч (табл. V, рис. 3), поднятые вверх, как будто бы он готовился на бой. Пред ним звезда, а вокруг надпись: *печать князя великаго Дмитрия*³¹. Позднее князь является на коне с поднятым мечом, а под лошадью человеческая голова³². При преемнике Дмитрия Донского тип этот еще более развился и установился.

5) На большой печати великого князя Василия Дмитриевича, сообразно тому же началу, которым руководствовались прежние наши великие князья, изображен совершенно согласно с подлинником³³, в виде образа, св. Василий Кесарийский, а на обороте подпись: *Печать князя великаго Васильева Дмитриева всея Руси*. Печать эта привешена к духовной его грамоте 1406 г.³⁴ Но вместе с тем на печати переходят те эмблемы, которые мы уже видели на московских монетах, эмблемы, столь приличные Москве и деятельности ее великих князей. Так, к договорной грамоте великого князя Василия Дмитриевича с дядею его, князем Владимиром Андреевичем (1389 г.), привешены три печати, из них

²⁸ СГГД. Т. 1. С. 51.

²⁹ Там же. С. 62; Карамзин. Т. 5. Примеч. 116.

³⁰ СГГД. Т. 1. С. 53.

³¹ *Reichelsche Münzammlung*. Spb., 1842. В. 1. Р. 3; *Baron Chaudoir. Aperçu des monnaies Russes*. Vol. II. 3. (*Рейхель Я.Я.* Дополнение к русской нумизматике среднего века // Зап. Имп. археол. о-ва. Т. 1. С. 23).

³² *Reichelsche Münzammlung*. В. 1. 3.

³³ Под именем *подлинника* разумеется собрание правил иконописания. Он расположен по месяцам и дням, и под каждым числом описывается, как должно изображать святого, которого в тот день празднует св. церковь.

³⁴ СГГД. Т. 1. С. 74.

одна большая и по почетному своему месту на левом краю, без сомнения, принадлежавшая великому князю, носит изображение всадника на коне, копьем вооруженного (табл. V, рис. 4)³⁵. Фигура эта мало отличается от штемпеля на монетах того же великого князя; но еще ближе к ним великого князя печать: всадник, рассекающий воздух мечом³⁶ (табл. IV, рис. 10); а что это изображение самого великого князя, о том свидетельствует надпись на монетах его с тем же изображением: *Князь великий Василий Дмитриевич*³⁷.

В то же самое время, как эта воинственная и грозная эмблема усвоена московским великим князем, независимо от Москвы возникло и росло на западе России сильное противовесие ей — Литва. Из маленькой, бедной и ничтожной области Гедимин и его потомки возвели ее на степень государства, расширив ее пределы на счет Москвы. Тот же всадник, едущий на коне *под снятым мечом*, был усвоен и Литвою, и если Витен, взявший этот герб, видел в нем по выражению нашей летописи³⁸ *”рыцаря збройнаго на коне с мечем”*, погонь этот впоследствии обратился в изображение самого литовского великого князя, едущего, по обыкновению, на коне на защиту своих владений, и для расширения пределов своего государства. Та же идея, не оставлявшая московских великих князей, не могла не выразиться на их печатях и монетах, а простое сравнение печатей великого князя Василия Дмитриевича с печатью Витовта заставляет подозревать заимствование (если не идеи, то изображения) (табл. IV, рис. 11), что становится совершенно ясным, если вспомнить, что великий князь Василий Дмитриевич был женат на дочери его, Софии Витовтовне³⁹. Пользуемся случаем, чтобы приложить к этому исследованию печать князя Корибута Ольгердовича, владевшего Новгородом-Северским. Она носит изображение всадника с копьем, а русская надпись на обороте ее показывает, как твердо Литва была сплочена с коренною Россиею⁴⁰ (табл. VI, рис. 5).

³⁵ Там же. С. 64, 71.

³⁶ Там же. С. 82.

³⁷ *Чертков А.Д.* Указ. соч. С. 9. Как самое слово князь происходит от коня и ездить, как военная служба отправлялась благородным сословием на коне, так всего приличнее для князя было изобразить себя на монетах и печатях конным. Такое его положение было самым естественным и потому удержалось надолго.

³⁸ *Прибавление к Ипатьевской летописи* // ПСРЛ. Т. 2. С. 346. В статейном списке русского посольства в Польшу 1673 г. погонь описан так: *”Особа рыцарская на коне в погоне, имеющая в руке меч обнаженный”*. *Иванов П.И.* Описание Государственного архива старых дел. М., 1850. С. 321.

³⁹ *Зап. Имп. археол. о-ва.* Т. 1. С. 226; *Сахаров И.П.* // Зап. Отд. Рус. архива. Т. 1. С. 129.

⁴⁰ *Фоссберг.* Указ. соч. С. 43. Табл. XXIII.

Что действительно на московских деньгах и печатях был изображен сам государь всея Руси, доказывает, кроме надписи, и то, что на иных монетах великий князь представляется как бы в минуты отдыха занимающимся охотой: он верхом и на правой руке держит сокола⁴¹. Какую важность придавали у нас в древности этой забаве, тому лучшим доказательством служит устав о соколиной охоте царя Алексея Михайловича. Штемпель этот не был чужд и печатям: хотя он не встречается ни на одной из великокняжеских, мы видим печать с этим изображением приведенную к духовному завещанию 1498 г. князя Ивана Юрьевича Патрикеевича (табл. V, рис. 8)⁴². Сходство ее с монетным штемпелем чрезвычайное (табл. V, рис. 7). Обстоятельство это, т.е. переход такой эмблемы на печать местного удельного князя (надпись стерлась, и не видно, кому именно печать принадлежала), вполне объясняется тем, что перстни составляли часть наследства, упоминаемого в завещаниях, и этим путем переходили от одного князя к другому.

Из частных печатей великого князя Василия Дмитриевича сохранились на монетах такие, каких не видим приложенными к грамотам. Мы уже неоднократно выражали убеждение, что название — *печать*, постоянно придаваемое этим изображениям, не могло бы иметь места, если бы они действительно не были печатями в настоящем значении слова. Не придается же этот эпитет всаднику на коне, как портрету самого государя или другим эмблемам, также на монетах встречающимся и выражающим характер деятельности, но не печать великого князя Московского. А что остатки печатей этих в оригинале или в слепках на грамотах не сохранились, не должно удивлять никого: все ли печати изданы, известны ли все древние перстни, хранящиеся в Московской Оружейной палате, в казенных и частных архивах и музеях, а сколько истреблено пожарами, невежеством и тому подобными действиями?⁴³

Преследуя одну главную цель, показать, как образовался московский и впоследствии государственный герб, и в этих только видах излагая княжеские печати, мы покажем главный тип печатей, сохранившихся на оборотной стороне московских денег, чеканенных при великом князе Василии Дмитриевиче: это

⁴¹ Чертков А.Д. Указ. соч. Табл. 1, 5–6.

⁴² СГГД. Т. 1. С. 338.

⁴³ Нельзя не желать, чтобы драгоценные эти памятники нашей старины, наконец, были изданы вполне и достойным их образом. За образец подобного издания можно взять: *Abrahami Gorlaei. Antverpiani dactylithescae seu annulorum sigillarium collectio cum explicationibus Jacobi Graunovii. Lugduni Batavorum. 1695.*

голова в профиль, обращенная вправо, в шапке, а по сторонам две тамги ханов Золотой Орды, которые требовали, чтобы на монетах подвластных им князей был вычеканен такой знак покорности⁴⁴. Голова эта представлялась влево или вправо, была различных очертаний, видов⁴⁵, что условливалось бóльшим или мёньшим искусством мастера, чеканившего деньги; но, вероятно, эта была копия с антика, напр., со вставленного в печать князя Андрея Владимировича⁴⁶.

б) Печать преемника и сына великого князя Василия Дмитриевича, Василия Васильевича Темного, принявшего титул *Государя всея Руси*, носит еще более примет его идей о самодержавии Москвы. На монетах его времени главный тип, неизменный почти на всех его деньгах с подписью — *осподарь*⁴⁷, есть сам великий князь (о чем свидетельствуют поставленные с боков буквы *к* и *н*), направо скачущий и колющий копьем змия⁴⁸. Значение этой эмблемы на печати отца Иоанна Васильевича вызвано памятью, если вспомнить его отношения к татарам и удельным князьям (табл. V, рис. 5). Тем же объясняется как сохранение прежних типов, т.е. человека с мечом и секирою, всадника, скачущего с мечом наголо или едущего с соколом в руке⁴⁹, так и введение новых изображений, а именно: а) человек — великий князь, судя по короне и одеянию, в которых он представлен, как будто выговаривает другому человеку, стоящему пред ним на коленях⁵⁰ (табл. V, рис. 9); б) сидящий на престоле великий князь в короне с атрибутами власти: скипетром и державою⁵¹ (табл. V, рис. 9, 10); надпись и те же буквы *к* и *н* ясно свидетельствуют, чье лицо изображено в этом штемпеле; в) одинаковый смысл, выраженный аллегорически, просвечивает и чрез другие эмблемы, встречаемые на монетах того же государя, как-то: бегущий грифон, а под ним лежащий навзничь человек, на обороте надпись: *Князь великий Василий*⁵², или: два человека лицом к лицу держатся за дерево, и каждый тянет его к себе, а на обороте человеческая голова с надписью вокруг: *Князь великий Василий*⁵³, далее человек, колющий копьем

⁴⁴ *Чертков А.Д.* Указ. соч. С. 5.

⁴⁵ Там же. Табл. I, 5, 8, 9, 12 и др.

⁴⁶ *СГГД.* Т. 1. С. 82.

⁴⁷ *Чертков А.Д.* Указ. соч. С. 31, 33; Табл. III, 5; Табл. IV, 8.

⁴⁸ Там же. Табл. II, 1, 4.

⁴⁹ Там же. Табл. II, 2–3, 6–7; Табл. III, 11; Табл. IV, 1–2, 12 и др.

⁵⁰ Там же. Табл. II, 9.

⁵¹ Там же. Табл. II, 11; Табл. III, 2, 6.

⁵² Там же. С. 11–12.

⁵³ Там же. С. 28, табл. II, 4.

зверя, стоящего на задних лапах⁵⁴, или стреляющий из лука в птицу, на дереве сидящую, причем на другой стороне отмечено: *Князь великий Василий*⁵⁵, или рубящий что-то топором, и та же надпись⁵⁶, или, наконец, держащий в руке срубленную голову, под которой точки, вероятно, означают капли крови⁵⁷.

Изложить подробнее типы изображений на монетах великого князя Василия Васильевича нам казалось необходимым потому, что от долговременного его правления сохранилось мало печатей с тем официальным штемпелем, который был усвоен его предками и передан преемникам его власти и идей. Печать с изображением всадника, едущего влево с копьём в правой руке (надпись вокруг непонятна), а на обороте гемма, представляющая двух людей, сидящих на камне и как будто указывающих на облако, вставленная в ободочек с надписью: *Князя великаго Василья Васильевича*, утверждает договорные грамоты великого князя Московского с князьями Андреем и Константином Дмитриевичами от 1428 г.⁵⁸

Кроме того, пользовался вел. кн. Василий Васильевич другою печатью, состоявшею из геммы с изображением женской головы, обращенной влево, с зубчатым венком. Она вставлена в именной ободочек⁵⁹ (табл. VI, рис. 1). Эту головку, в дурно сделанной копии, видим на некоторых монетах того же великого князя (табл. V, рис. 12, 13)⁶⁰.

На позднейших грамотах печать эта заменена следующей, по-видимому, также геммою: четыре лошади бегут попарно в противоположные стороны, а на них стоит человек с головою, окруженною лучами (не Феб ли это?); в одной руке он держит ветку, а другая приподнята кверху, как будто бы он правит лошадьми, но без вожжей (табл. VI, рис. 3). Нельзя ли видеть и в этой эмблеме намек на тогдашнее положение и значение Москвы и московского великого князя: препятствием, встречавшимся на пути к уничтожению уделов, могли соответствовать два шара, изображенные на земле между ногами лошадей. Тою же идеею может быть объяснено и изображение на оборотной стороне печати: лев: пожирающий змея⁶¹ (табл. VI, рис. 3). Надпись вокруг нее: *Печать великаго князя Василья Васильевича*, а на той

⁵⁴ Там же. С. 29, табл. III, 7.

⁵⁵ Там же. Табл. III, 8-9.

⁵⁶ Там же. Рис. 12.

⁵⁷ Там же. Табл. IV, 12.

⁵⁸ СГГД. Т. 1. С. 90.

⁵⁹ Там же. С. 112, 134, 135, 137, 150.

⁶⁰ Чертков А. Д. Указ. соч. Табл. IV, 7.

⁶¹ СГГД. Т. 1. С. 176, 206, 208.

стороне, где лев, видны буквы, которые могли означать мастера и которые как несущественные опущены в печати великого князя Иоанна Васильевича⁶²; доказательством же того, что это действительно была гемма, служит самое положение ее в печатях: у великого князя Василия Васильевича она положена вдоль, а в печати сына его — поперек (табл. VI, рис. 2 и 3)⁶³.

7) Эмблема — лев, пожирающий змея, усвоена великим князем Иоанном III, а на другой стороне его печати видим изображение человека, стоящего с мечом в руке против ангела, который держит в руке кольцо, а вокруг их надпись: *Печать великаго князя Ивана Васильевича*⁶⁴ (табл. VI, рис. 2). В то же время Иоанн III употреблял печать с изображением: двух всадников, едущих друг другу навстречу; один из них, с правой стороны, в панцире, в латах и шлеме, а другой — полунагой. Вокруг та же надпись, что и на предыдущей печати⁶⁵. На монетах этот великий князь продолжал употреблять штемпель своих предков, т.е. всадника с поднятым мечом (табл. V, рис. 14)⁶⁶; а всадник на коне, поражающий копьём дракона, перешел на печать великого князя Тверского Михаила Борисовича⁶⁷, пока, наконец, великий князь Иоанн III, став Государем и Обладателем всея России, не возвратил себе прародительской, многозначительной эмблемы, для того чтобы Москва более не покидала ее никогда. Изображение всадника, коня и змеи на этой печати отчетливее, чем на предыдущих печатях, особенно на древних монетах, которые, несмотря на поставленные на них имена лучших иностранных мастеров (каков был, напр., *Аристотелес*)⁶⁸, не могут пошеголять отчетливостью отделки. Сообразно коренному началу, и на этой печати надпись гласит, что на ней изображен сам великий князь. Обратная сторона занята двуглавым коронованным черным (т.е. императорским) орлом, а вокруг обеих этих эмблем надпись, выражающая полный титул государя Русского. С одной стороны: *Великий Князь Иван Божию милостию Государь всея Руси*; а с другой: *и Великы Князь Влад (имирский) и Моск(овский) и Нов(городский) и Пск(овский) и Тве(рский) и Уго(рский) и Вят(ский) и Пер(мский) и Бол(гарский)*⁶⁹ (табл. VI, рис. 4). Это уже не печать, а герб, что разумел и сам

⁶² Там же. С. 206.

⁶³ Там же. С. 208, 215.

⁶⁴ Там же. С. 215, 225, 227, 238, 243 и др.

⁶⁵ Там же. С. 220.

⁶⁶ *Чертков А.Д.* Указ. соч. С. 42–43.

⁶⁷ *СГГД.* Т. 1. С. 215.

⁶⁸ *Чертков А.Д.* Указ. соч. Табл. V, 8.

⁶⁹ *СГГД.* Т. 1. С. 333.

великий князь: тогда как прежде вокруг всякого изображения в печати (кроме всадника или вообще лица, представлявшего самого великого князя на троне, на охоте, в суде и т.п.) означалось, что это печать такого-то именно князя, здесь о печати не упоминается. Это, повторяем, герб, который, в сущности, оставаясь неприкосновенным и только изменяясь в частях несущественных, как-то в форме крыльев, положении московского герба на груди герба всероссийского или на обороте его и т.д., переходил из поколения в поколение и дошел до настоящего времени. Так как о гербах русских вообще и о гербе государственном в особенности будет говорено в третьей части нашего труда, то здесь мы соберем все то, что сказано было выше о значении московской печати, и, воспользовавшись другими, как русскими, так и иностранными, об этом предмете известиями, решим вопрос, что означал всадник на коне, поражающий дракона. Для этого мы начнем с понятий общих, так как эмблема эта, не чуждая всему Северу, повторяется в сагах скандинавских⁷⁰. Для образца мы приводим печать одного из герцогов Подолии Александра, сына Кориата и внука Ольгердова⁷¹ (табл. VII, рис. 4). На печати этой, относящейся к 1375 г., виден св. Георгий в венце, под лошадью дракон, пораженный копьем⁷².

§ 42. Змей, орудие злого духа при грехопадении прародителя нашего, мог означать только злое, в какой бы форме оно ни проявлялось, в виде ли внешнего врага, в виде ли раздоров, разделяющих государства и приближающих их к гибели, в виде ли невежества: все равно. Если императрица Екатерина II не нашла лучшего способа выразить окончательную победу, одержанную Петром Великим над прежним порядком вещей, в России преобладавшим, как в виде всадника на коне, который топчет змею в то время, как она хочет ужалить лошадь, то нет ничего неестественного, что великие князья русские, видевшие явное зло в раздроблении России на мелкие владения и желавшие сплотить их воедино для пресечения другого несчастья — владычества татарского, не могли выразить идею эту, становившуюся целью их жизни, лучше, как изобразить великого князя готовым на бой.

⁷⁰ Известна сага о Рагнаре Лодброке, избавившем царевну Толу, дочь царя Герранда, от страшного дракона. *Mithologie illustrée*. Paris, 1852. Vol. 2. P. 89.

⁷¹ Приведенное сочинение *Фоссберга*. Т. 24. С. 44.

⁷² Художник, очевидно, хотел изобразить на печати всю легенду о победе, над драконом одержанной; дерево на заднем плане картины могло служить для этой только цели. А как в то время художества были мало развиты в Польше, это доказывает плохое изображение лошади и всадника.

Эпоха, когда эмблемы эти нашли себе место на печатях и монетах московских великих князей, постепенное развитие этого типа до окончательной его отделки при великом князе Иоанне III и, наконец, наследственность его доказывают, что предположение наше не лишено достоверности. А что это было действительно изображение самого великого князя, подтверждают буквы *кн.* (Князь), которые встречаем на большей части монет с этим штемпелем, и притом нередко надпись кругом или на обороте — *великий князь, господарь* и т.п., всегда в соответствии с действительным титулом государя, в его грамотах употреблявшимся.

Форма изображения всадника, поражающего дракона, навела на мысль, что это св. Георгий. Почитание, которое оказывалось Святому *буйце*, как он назывался в древних наших грамотах⁷³, Победоносцу, очень древне и обще всей Европе, не исключая и России⁷⁴. Бесстрашие св. Георгия проявилось в освобождении им царевны Аи (Аја) от дракона. Митрополит Макарий в Великой Минее так описывает это чудо: "В Палестинском городе Гевале поселился в озере великий змей, которому жители отдавали на съедение детей своих. Когда очередь дошла и до царской дочери, св. Георгий явился ей при озере, где она стояла, как обреченная жертва, и повелел ей, обвязав дракону голову своим поясом и уздой коня, влечь его в город. Царевна исполнила приказание Победоносца, и, когда она притащила чудовище в город, св. Георгий отрубил ему голову мечом и таким чудом обратил в христианство идолопоклонников Гевальских". Этому описанию соответствуют и изображения подвигов св. Георгия, напр., в церкви (в алтаре, у западных врат) в Рюриковом городище близ Старой Ладоги (оно мало известно, и потому мы его прилагаем на табл. VI, рис. 5)⁷⁵, на древнем барельефе в собрании П.Н.Царского⁷⁶, на Джиотовой картине и др.; но обыкновенное изображение этого чуда у нас и в Западной Европе есть: всадник, в развевающейся мантии, в полном вооружении и на всем скаку, поражает копьем дракона. Таким мы его видим на древнем

⁷³ Дополнения к АИ. Т. 1, № 2; ПСРЛ. Т. 4. С. 9.

⁷⁴ Святой Георгий родился в Каппадокии, служил в римских легионах при императоре Диоклетиане, пользовался почетом и за обличение язычества подвергся страшным преследованиям и ужасным мучениям. (См.: *Энциклопедический лексикон*. Спб., 1838. Т. 14. С. 91—92).

⁷⁵ Изображение этого образа есть в издании покойного А.Н.Оленина: *Объяснение фигур к письму о славянах от времен Траяна и русских до нашествия татар*. Спб., 1833.

⁷⁶ *Тромонин К.Я.* Очерки с лучших произведений живописи, гравирования, ваяния и зодчества... М., 1839. Т. 1. С. 228; *Ученые зап. Моск. ун-та* 1833. № 5.

римском барельефе в московском Успенском соборе⁷⁷, на древних наших образах и картинах⁷⁸. Из этого, впрочем, нисколько не следует, чтобы всякий всадник на коне, поражающий змия, был непременно св. Георгий, тем более что он всегда пишется в венце, как и другие святые, а не в шлеме и не в короне княжеской. Под этим изображением нередко скрывается высокий смысл; напр., рыцари средних веков, на щитах которых встречается также всадник, попирающий дракона, хотели этим выразить победу над идолопоклонством⁷⁹. Точно так благочестивые предки наши любили воспевать подвиги св. Георгия, *Егория храброго*, как защитника православия, чему доказательством служат многие народные песни⁸⁰.

§ 43. Относительно значения эмблемы, видимой на московской печати, имеются некоторые очень важные свидетельства, из которых открывается, за кого почитали у нас всадника в гербе московском.

Во всех письменных памятниках до царствования Алексея Михайловича включительно, т.е. до последней четверти XVII столетия, при объяснении московского герба постоянно говорится, что это князь, человек на коне с копьём, ездец, который колет, побеждает змия⁸¹.

Ясно свидетельствуют об этом: 1) Котошихин; он прямо пишет, что "в истинной Московскаго княжения печати вырезано — царь на коне победил змия"⁸²; 2) дворянин и боровский наместник Василий Лихачев в статейном списке посольства своего во Флоренцию в 1659 г. пишет, что за столом у него, когда он угощал великого герцога Тосканского и его двор, было устроено три орла двояглавых, и на середине одного из них изображен:

⁷⁷ Подробное описание этого барельефа, равно как разыскание о его значении, находим в статье *И.М.Снегирева*, помещенной в Записках Одесского общества истории и древностей российских (Т. 2. С. 470 и след.). Изображение этого памятника есть в "Достопамятностях Москвы", изд. Тромониным, и в "Древностях Российского государства".

⁷⁸ *Филимонов Г.Д.* Описание памятников древности церковного и гражданского быта Русского музея Карабанова. М., 1849. С. 1—2; Табл. рисунков II, 1, 3, 12.

⁷⁹ Не этим ли значением образа св. Георгия, а никак не тем, что всадник был уже на щите Олега, объясняется свидетельство Стрийковского, что на Галатских вратах Византии он видел это изображение? *Карамзин*. Т. 1. Примеч. 315.

⁸⁰ *Чтения* в о-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те. 1848. Т. 9. Смесь. С. 148.

⁸¹ *Акты Археографической экспедиции* (далее: ААЭ). № 90; СГГД. Т. 4. С. 26; *Дополнения к АИ*. Т. 5. С. 303. Ср. мою статью о российском гербе в "Санктпетербург. ведомостях" (1847. № 142) и в "Московских" *И.М.Снегирева* (Моск. ведомости, 1853. № 69).

⁸² *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. Спб., 1840. С. 29, 77, 90.

”Великий государь наш на аргамаке”⁸³; а когда великий герцог спросил его, всадник в середине орла не представляет ли св. Георгия? Лихачев прямо ответил, что это сам царь с копьем⁸⁴; 3) в составленном в царствование Алексея Михайловича официальном собрании форм сношений русских государей с другими монархами, их титулов и гербов, московский герб, в середине Всероссийского Орла, истолкован так: ”На персах изображение наследника”⁸⁵; 4) александрийский патриарх в XVI в. был уверен в том, что всадник не св. Георгий, а русский царь. Посмотрев на печать грамоты, к нему присланной, он прямо спросил архидиакона новгородского Геннадия, посланного к нему царем Иоанном Васильевичем: ”На кони де благоверный царь на сей печати?” ”Государь на коне”, — ответил ему русский⁸⁶; и 5) в описи имущества царя Алексея Михайловича один из десяти его перстней описан так: ”Перстень с разными финифты, в нем изумруд четверуголен, на нем вырезано: персона человеческая на лошади съ саблею, под лошадью змий”⁸⁷, а в законах его времени и последующих царствований до начала XVIII в. постоянно упоминается, что это ”Ездец” (1682 г. Апреля 29 (№ 915), 1726 г. Марта 11 (№ 4850)).

Считаем нелишним привести здесь следующую надпись, которая сохранилась на заглавном листе славянской Библии, изданной в Москве в 1663 г. На листе этом (табл. VII, рис. 3) выгравирован московский герб: в середине двуглавого орла всадник с бородою и в царской короне. Под ногами коня пораженный копьем дракон. Вокруг всадника начертаны следующие буквы: В.Г.Ц.В.К.А.М.В.В.М.Б.Р.С., т.е. Великий Государь, Царь, Великий Князь Алексей Михайлович всея Великия, Малыя, Белья России Самодержец. Что слова сии относятся прямо к всаднику, об этом свидетельствуют приложенные к гербу надписи из св. Писания⁸⁸ и следующие стихи:

⁸³ *Древняя российская вивлиофика*. 1774. Т. 4. С. 349; *Рус. ист. сборник*, изд. обществом истории и древностей российских. Т. 3. С. 332.

⁸⁴ *Рус. ист. сборник*. Т. 3. С. 338.

⁸⁵ *Древняя российская вивлиофика*. Т. 16. С. 118.

⁸⁶ *Путешествие Геннадия*, архидиакона софийского, и купца Василия Познякова в XVI в. (рукоп. Главного архива Министерства иностр. дел). Ср. статью *И.М.Снегирева* о московском гербе в ”Моск. ведомостях” (1853. № 69. С. 707).

⁸⁷ *Зап. Имп. археол. о-ва*. Т. 3. С. 71; статья *И.П.Сахарова* о русских древностях.

⁸⁸ Надписи эти, равно как буквы и стихи, прямо относятся к лицу всадника, т.е. царя. Вот они: сверху — из Песни песней, 3-й гл., ст. 11: ”Дщери Сиони, изыдите, и видите в *царе Саломоне*, в венце, им же венча его мати его, в день обручения его (и в день веселия сердца его)”; далее из Пророчества Исайи, гл. XXXII, ст. 1: ”Се бо *Царь Праведный* воцарится

Орла сугубоглавлство — образ сугубодержавства,
 Алексия царя над многими странами начальства.
 В десней скиптр знамени царствия,
 В шуйе же — держава его самодержавствия.
 Бысть глав трезубия венцы,
 Троицы содержащие концы.
 Посылаемии на главы побеждающих враги,
 Просящих от нея помощи крепкия руки.
 Успевай и царствуй великий Царь, в новом Израиле.
 Наставляй и управляй и по Христе Спасителе,
 Побеждай копием сопротивнаго тя змия,
 Наипаче же мечем духа еретика злаго⁸⁹.

Подобно тому представлен царь в короне, с крестом на персях и побеждающим змия на заглавном листе книги, изданной Лазарем Барановичем в 1674 г. под заглавием: *Трубы нарочитыя праздников Господских, Богородичных* и проч. Над всадником надпись: "Ты убо яко добр воин" (2-го Посл. к Тим., гл. 2, ст. 3).

Так единогласно объясняли московский герб русские, но иностранцы, привыкшие видеть в этой форме изображение св. Георгия Победоносца, смотрели и на наш герб иначе. Но это воззрение иностранцев на московский герб образовалось только позднее, а первоначально и они толковали его так же, как русские; в древнейших, напр., изданиях путешествий Герберштейна и Гваньини на заглавном листе изображен московский великий князь и подле него щит с московским гербом (копию которого читатель видит на табл. VII, рис. 1—2). Сверху надпись: московский великий князь (*Moscoviter Grosfürst*) и стихи, в которых государь в первом лице говорит, что наследовал Московское государство от предков и покорен только Богу. Точно так и Менестрие, знаменитый геральдик, живший в XVII столетии, прямо говорит, описывая московский герб, что это всадник серебряного цвета, вооруженный копьем и убивающий дракона в естественном виде⁹⁰. С другой стороны, однако, как великий герцог Тосканский не усомнился спросить у Лихачева, не святой ли Георгий на коне виден в гербе московском, так и Коллинз, бывший при дворе царя Алексея Михайловича и оставивший описание тогдашней России, утверждает, что на груди орла изображен

и князи с судом владети начнут". С левой и правой стороны орла также надписи из Пророчества Исайи, гл. XLV, ст. 13: "Аз возставих его с правдою Царя, и вси путие его правы".

⁸⁹ Экземпляры такой Библии с выходным листом нередки. Они есть в Императорской публичной библиотеке, у гр. Уварова и др.

⁹⁰ *Menestrier C.F. Nouvelle methode raisonnee du blason ou de l'art heralique.* Lyon. 1780. P. 480.

св. Георгий на коне; к чему, однако, не забыл присовокупить, что последний, как некоторые говорят, прибавлен с тех пор, как королева Елизавета прислала царю Ивану Васильевичу орден Подвязки⁹¹. Едва ли ошибемся, если скажем, что такое толкование могло родиться только на Английском посольском дворе того времени. Наконец, Корб⁹², в дневнике которого сохранилось прекрасное изображение государственной печати с городскими гербами (табл. XVII), также не усомнился сказать, что московский герб представляет св. Георгия.

В XVIII в., как будет подробно изложено далее в истории всероссийского герба, законодательными памятниками объявлено, что в московском гербе изображен св. Георгий Победоносец.

§ 44. *Печати русских удельных князей.* Каждый из удельных князей, младшей братьи великого князя, управляя самостоятельно и независимо своею областью, доставшеюся ему по праву преемственности от его предка, если не был ограничен в своем праве договором с Москвою или иным актом⁹³, чеканил монету с своим штемпелем и именем, а, с другой стороны, вступая в договоры, заключая трактаты с великим князем, или с Новгородом, или с равным себе удельным князем, утверждал акты эти своею печатью. Таким образом, удельные князья нисколько не рознятся в этом отношении от великих князей, а потому, держась прежде высказанного убеждения о связи, в которой изображения на печатях находятся с штемпелем на монетах, мы, излагая историю печатей удельных князей в хронологическом порядке, вместе с тем проследим, сколько то позволят наличные памятники нашей нумизматики и сфрагистики⁹⁴, в какой мере отразилось изображение, видимое на печати, или, по крайней

⁹¹ *Чтения в о-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те.* Засед. 26 янв. 1846 г. № 1, отд. 3. С. 17.

⁹² *Korb I.G. Diarium itineris in Moscoviam... anno 1698. Viennae Austriae, 1700/1701. P. 186.*

⁹³ Сколько можно судить по дошедшим до нас известиям, подобное ограничение права чеканить монету было редко и относится к позднему времени, к XV и XVI столетиям. Угличский, напр., князь Андрей Васильевич был лишен такого преимущества. Брат его, великий князь Иоанн Васильевич, писал в завещании своем: "А сын мой Юрий с братею по своим уделом в Московской земле и в Тферской денег делати не велят, а деньги делати велит сын Василий на Москве и во Тфери, как было при мне" (*СГГД.* Т. 1. С. 397).

⁹⁴ Печатей удельных князей, точно так же как и частных лиц, издано пока немного. Доселе известные мы успели дополнить некоторыми новыми, благодаря предупредительности просвещенного начальства Императорской публичной библиотеки и археологов наших гг. А.С.Уварова, А.Н.Попова и Ф.Г.Солнцева.

мере, идея его на монетном штемпеле? Считаем нелишним заметить при этом, что печати удельных князей состояли по большей части из гемм, в именные ободочки вставленных, и что исключение из этого правила составляют великие князья тверские и некоторые из московских удельных князей, усвоивших себе знамя московское — всадника на коне с мечом или копьем, или вместо того другие эмблемы, которые, имея то же значение, не были чужды московским печатям и монетам.

Таким образом, печати удельных князей не отличаются родовым и наследственным характером эмблем, и как на исключение должно смотреть, если гемма или сделанное в России подражание ей с печати отца переходила на печати сыновей, обыкновенно же последние избирали себе новую гемму.

В редких случаях печать удельных князей бывала двусторонняя: по большей же части она состояла из одного изображения, вокруг которого означалось: печать такого-то князя, по имени и по отчеству.

Относительно происхождения гемм, для сей цели употреблявшихся, мы можем только повторить прежде сказанное, т.е. что Россия снабжалась ими первоначально из Византии, что нередко с этих прелестных оригиналов у нас делались копии, по большей части плохие, и, наконец, что с XV только столетия начали получаться подобные печати из Западной Европы. Привычный глаз легко отличает последние (не говоря даже о не совсем отчетливой их работе) по содержанию и идее изображения: тогда как греческие антики представляют головку зверей, птиц, мифологических богов, геммы, с Запада привезенные, — целую историю в лицах; поэтому первые просты, вторые сложны и замысловаты.

Печати князей наших изданы почти исключительно в Румянцевском собрании государственных грамот и договоров (т. 1—2). Исчисляя их, мы будем ссылаться на это издание и дополним их теми, которые нам удалось собрать и которые доселе нигде еще не были изданы.

§ 45. Точно так, как несомненно, что печати великих князей русских начинаются ранее XII столетия, от которого они сохранились в немногих экземплярах, так нет сомнения, что и удельные князья, договариваясь с Киевом, Москвою и между собою, всегда утверждали свои сделки и трактаты печатями, заменявшими подписи, хотя и не сохранилось печатей этого рода ранее XIV столетия. Такое явление, впрочем, станет совершенно ясным, если вспомним, что печати, к трактатам между князьями прилагаемые, были почти исключительно восковые, и притом чаще висячие, всего более подверженные случайностям. Тем не

менее, однако, и по тому, что осталось, можно проследить историю печатей московских удельных князей XV в. почти без перерывов, чего, к сожалению, не можем сказать о печатях других князей.

На договорах московских великих князей Дмитрия Иоанновича Донского и сына его Василия Дмитриевича с двоюродным братом первого и дядею второго князем Владимиром Андреевичем от 1388 и 1389 гг. сохранилось несколько печатей с разными изображениями. Тогда как на монетах кн. Владимира Андреевича, подобно штемпелю на деньгах московского великого князя, виден человек, вооруженный секирою и мечом⁹⁵, на одной из печатей того же князя представлена женщина в короткой епанче, держащая в правой руке меч, а в левой, сколько можно судить по дурно сохранившемуся слепку, голова человека⁹⁶, а на другой его печати представлена идущая вправо нагая женщина⁹⁷.

В 1423 г. великий князь Василий Дмитриевич, составляя духовное завещание в пользу сына своего Василия Васильевича и жены своей Софии Витовтовны, поручил исполнение этой записи младшей своей братье — князьям Андрею, Петру и Константину Дмитриевичам, равно как сыновьям князя Владимира Андреевича, бывшим тогда в живых князьям Семену и Ярославу Владимировичам. При составлении грамоты были свидетели. Она подписана (по-гречески) митрополитом Фотием, но ни великий князь, ни душеприказчики акта не подписали, а приложили к нему печати: великий князь — московскую, а братья его утвердили свое согласие на приведение в исполнение распоряжения старшего брата также своими печатями. У каждого из них была особенная печать: у князя Андрея Дмитриевича на ней изображена смотрящая влево голова рыцаря в шишаке с развевающимися на нем страусовыми перьями (камей, вероятно, западного происхождения), вокруг надпись: *Князя Андреева Дмитриевича*. У брата его кн. Петра Дмитриевича изображен на печати человек, который, держа собаку за одну лапу, заставляя ее перескочить чрез палку. На ободочке: *Печать князя Петрова Дмитриевича*. Наконец, третий брат приложил печать двустороннюю с надписью, одинаковою с обеих сторон: *Печать князя Константина Дмитриевича*; но изображения различны, а именно: с одной стороны два нагих человека, держа за узду каждый по лошади, ведут их одну навстречу другой; а на оборотной стороне представлено дерево, которого корни занимают нижний край поля, а раскидистые

⁹⁵ Чертков А.Д. Указ. соч. С. 128.

⁹⁶ СГГД. Т. 1. С. 64, 71.

⁹⁷ Там же. С. 57.

ветви верхнюю треть печати. Между ветвями видны три лица, а под ветвями с правой стороны от дерева идет осел или лошадь, рядом с ним человек, навстречу ему с левой стороны два человека: как бы приглашающие первого; на земле же у корня дерева два каких-то животных. Значение этой печати ясно: это образ приема трех странников Авраамом⁹⁸.

К означенному завещанию великого князя Василия Дмитриевича не приложил своей печати один из братьев его, князь Юрий Дмитриевич, который, воспользовавшись малолетством великого князя Василия Васильевича, вздумал было похитить незаконно правление великим княжением, пока в 1428 г. он не отказался от притязаний своих особо заключенным между ними договором. К этому акту привешено, кроме других уже известных печатей, еще две печати, из которых одна совсем стерлась и по порядку, судя по месту, вероятно, принадлежала младшему из дядей великого князя Андрею Дмитриевичу, а другая, хотя без круговой надписи и потерта, сохранилась, однако так, что видны изображения с обеих ее сторон: с одной — женская голова в античном уборе, а с другой — голова старца с бородою. Всех печатей привешено четыре: акт заключали великий князь и его печать первая, за ним старший дядя Константин Дмитриевич и его печать на втором месте слева, далее (так как кн. Петра Дмитриевича, умершего в 1428 г., тогда уже не было в живых) следовал Юрий Дмитриевич, и мы считаем себя вправе думать, что тотчас описанная, двусторонняя печать принадлежит ему⁹⁹.

Не всегда, однако, применимо и помогает это начало: по месту определять владельца печати, особенно когда неизвестно, чья была первая печать. В этих случаях, во избежание упрека в произвольном толковании, достаточно отмечать только для полноты, какие на грамотах встречаются печати: так, на договорной грамоте 1433 г. можайских князей Ивана и Михаила Андреевичей с великим князем Василием Васильевичем сохранилось две печати, из которых одна совсем стерлась, а на другой виден одноглавый орел¹⁰⁰, собирающийся лететь. Этот камей так хорош, что мы его приводим в наших рисунках для сравнения с другою, также без имени, печатью (неизданною) XV в. с изображением орла (табл. XI, рис. 1, 4). По печатям, однако, сохранившимся на договоре, заключенном в 1445 г. между великим

⁹⁸ Там же. С. 82.

⁹⁹ Там же. С. 90.

¹⁰⁰ В числе перстней, после царя Алексея Михайловича оставшихся, упоминается один с изображением птицы — неясить с детьми. *И. П. Сахаров*. (Зап. Имп. археол. о-ва. Т. 3. С. 73) предпологает, не оттиск ли это означенной печати, только не видно детей.

князем Василием Васильевичем и можайскими князьями Иваном и Михаилом Андреевичами, можно доискаться, какие были у последних эмблемы, а именно: к акту привешено три печати, из которых первая слева великокняжеская, вторая без имени, на ней всадник на коне с копьем¹⁰¹, а над головою две точки, должна принадлежать кн. Ивану Дмитриевичу Можайскому, у которого и на деньгах тот же штемпель — всадник на коне, под ним собака или змей, или даже воин с одною саблею¹⁰²; а печать князя Михаила Андреевича (такова надпись вокруг нее) носит изображение женщины, обращенной лицом вправо; она одета в длинное платье, имеет на голове шишак, в правой руке палку, на которую опирается, а в левой меч, поднятый вверх; очертание лица и драпировка платья (табл. XI, рис. 5) не оставляют сомнения в античном происхождении этого изображения¹⁰³. Сын же князя Михаила Андреевича князь Василий Михайлович избрал для своей печати другую эмблему: единорог, стоя на задних лапах, рогом своим задал дракона¹⁰⁴.

Далее, в 1433 г. утвердили между собою взаимную дружбу великий князь Василий Васильевич, князья Константин и Юрий Дмитриевичи, сын последнего Дмитрий Георгиевич, и к грамотам, по этому случаю составленным, привешено пять восковых печатей, из которых на трех изображений совсем не видно, а из двух других: на первой осталась обращенная вправо голова какого-то чудовища с раскрытою пастью и на второй женская голова с античным профилем и в повязке, пред лицом полукруг вроде луны (?)¹⁰⁵. Наконец, на печати князя Дмитрия Юрьевича Шемяки осталось изображение головы воина, смотрящего влево, рука и грудь его в латах, а голова в шишаке, с левой стороны — какие-то неправильно начертанные буквы (может быть, это случайные остатки дурно сделанного слепка). Вокруг надпись: *Печать князя Дмитрия Юрьевича*¹⁰⁶.

От 1448 г. на договорных грамотах также великого князя Василия Васильевича и его детей с князем Боровским Василием Ярославовичем сохранилось две восковые печати, обе без надписей

¹⁰¹ На других печатях того же князя всадник держит как будто иное оружие (СГГД. Т. 1. С. 149, 152).

¹⁰² Чертков А. Д. Указ. соч. С. 117, 119; Reichel. P. 341–342.

¹⁰³ СГГД. Т. 1. С. 135.

¹⁰⁴ Там же. С. 253, 275.

¹⁰⁵ Там же. С. 104.

¹⁰⁶ В то же время у того же князя видим другую печать с изображением, не совсем, впрочем, ясным и распознаваемым: с правой стороны птица, над нею шестиугольная звезда, а с левой — змея (?), как бы пьющая в облаках и ниспадающая на землю. (Там же. С. 130).

(которых, кажется, вовсе и не было). Они замечательны по красоте камеев (табл. XI, рис. 2 и 3) и представляют: одна — нагую женщину в головной повязке, натягивающую лук, она обращена вправо и опирается о столб; а на другой виден купидон¹⁰⁷.

К числу неизвестно кому принадлежащих печатей относятся еще две, из которых одна, с изображением дельфина или подобной ей рыбы, сохранилась на договорной записи, заключенной в 1448 г. князем Дмитрием Шемякою с Можайскими князьями Иваном и Михаилом Андреевичами о посылке к великому князю Василию Васильевичу с прошением принять их в любовь и дружбу¹⁰⁸, а другая — коронованный лев, бегущий влево, с головою, обращенною назад: печать эта привешена вместе с великокняжескою к договорной грамоте, заключенной в 1451 г. между князем Суздальским Иваном Васильевичем и великим князем Василием Васильевичем. Печать сего последнего занимает почетное, первое с левого края, место, а вторая (вокруг которой надпись почти вся стерлась) должна принадлежать суздальскому князю¹⁰⁹.

§ 46. Обозрев печати удельных московских князей, живших в правление великого князя Василия Васильевича и приходивших с Москвою в мирные или враждебные соотношения (что и выразилось в их трактатах, приложением печати утвержденных), переходим к государствованию великого князя Иоанна III Васильевича. Он продолжал поддерживать с удельными князьями те же, как и предки его, сношения и определял свои права и преимущества договорными грамотами, в которых требовал от князей почтения, "чтобы его, великого князя, и его великое княжение держали честно и грозно без обиды", и в то же время, постепенно ограничивая прежние права независимости *младшей братии*, касательно сношений с другими государями, сбора податей и т.п., увеличивал тем самодержавие Москвы. Значение ее росло в материальном и нравственном отношениях, пока не сложилось государство, делавшее излишним заключение Московским великим князем трактатов с удельными князьями.

Подобные договоры Иоанна III писались от имени великого князя и старшего сына его Ивана Ивановича (умершего в 1490 г.), который потому прилагал к договорам и свою печать. На ней видим двух мужей, идущих друг к другу навстречу. Оба они держат по копыю; но один из них с правой стороны в шляпе и полунаг, а другой в шлеме, и грудь у него в латах. Вокруг надпись:

¹⁰⁷ Там же. С. 142, 162, 168, 201.

¹⁰⁸ Там же. С. 150.

¹⁰⁹ Там же. С. 186.

*Печать князя великаго Ивана Ивановича*¹¹⁰. Форма фигур, одеяние и драпировка на них обличают греческое происхождение этих изображений. Когда же по смерти великого князя Ивана Ивановича право на наследство Московского великого княжества перешло к другому сыну его, Василию Иоанновичу, то и он не был исключен из участия в договорах Москвы с удельными князьями. Но в то время уже сложилась московская печать, т. е. с одной стороны всадник на коне, а на обороте — двуглавый орел, и эти эмблемы перешли также на печать наследника престола, с тем только различием, что печать его в объеме своем меньше той, какая была у великого князя и государя всея России¹¹¹, величина изображения имела, мы увидим, прямое отношение к степени важности и значения печати.

Братья великого князя Иоанна Васильевича имели каждый свою печать, а именно: князь Борис Васильевич Волоцкий имел в печати изображение, по сложности своей и разделению поля близко подходящее к гербу (вероятно, западного происхождения): поле разбито на два, и верхняя половина рассечена на три части, из которых в средней сидит человеческая фигура, в крайних видим по птице, а в нижней половине восемь идущих вправо воинов (на них-то сверху и смотрит человек, как бы князь или начальник). Вокруг печати надпись, свидетельствующая об имени ее владельца¹¹².

Другой брат великого князя Иоанна III, князь Углицкий Андрей Васильевич, имел на своей печати иное изображение: двух всадников, копьями вооруженных и едущих навстречу один к другому. Кругом подпись: *Печать Князя Андрея Васильевича*¹¹³.

Но сыновья князя Бориса Васильевича князь Федор и Иван Борисовичи Волоцкие не сохранили на печатях своих изображения, их родителем принятого, а оно заменено у князя Федора Борисовича (заимствованною с Запада) эмблемою: по бокам крепостной двери стоят два рыцаря в панцирях и шлемах и поднятыми вверх руками поддерживают толстое бревно, на котором с правой стороны сидит птица и клюет что-то, а с левой видна фигура человека¹¹⁴. Вокруг надпись: *Печать Князя Федора Борисовича*. Еще сложнее изображение на печати брата его кн. Ивана Борисовича (что гласит и надпись вокруг ее): на лодке

¹¹⁰ Там же. С. 238.

¹¹¹ Там же. С. 347.

¹¹² Там же. С. 238, 289, 313.

¹¹³ Там же. С. 243, 248, 259 и след.

¹¹⁴ Там же. С. 333.

построен навес под императорскою короною. Его поддерживает на воздухе ангел, а на короне сидит птица (не орел ли?) в профиль с расправленными крыльями. Вся эту картину (могущую представлять какое-нибудь событие из истории Германии) довершают два человека, сидящие один на носу, другой на корме лодки, и оба трубят¹¹⁵.

Наконец, у третьего сына великого князя, князя Юрья Ивановича, видим на печати человека (судя по одежде простолюдина), который колет рогаминою в пасть львиную голову, между тем как собака бросается на зверя¹¹⁶.

§ 47. Сохранилось также несколько (сравнительно немного) печатей великих князей Тверских, приходивших в сношения с Москвою.

На монетах великого княжества Тверского видим почти исключительно те же изображения, какие были и на московских, современных им, деньгах; поэтому если встречаем на монетах великих князей Тверских изображения человека с мечом, копьем, щитом или луком, четвероногих, птиц, то и всадники, едущие с мечом наголо, с птицею на правой руке и т.п., не чужды тверской денежной системы¹¹⁷. Подобно тому и на печатях великих князей Тверских, которые от времен Михаила Ярославича именовались великими князьями и долго спорили с Москвою о первенстве, видим всадника на коне, едущего влево и поднявшего меч, как бы готовясь на бой; такова печать великого князя Тверского Бориса Александровича (надпись на печати), приложенная к договорным грамотам его с великим князем Московским Василием Васильевичем от 1447 и 1451 гг. А у сына его Михаила Борисовича, заключившего в 1462 г. договор с великим князем Иоанном III о бытии им в дружбе и согласии, видим на печати такого же всадника: он в броне, епанча развеивается по ветру, голова в шишаке и меч поднят кверху, а под ногами коня изгибается дракон¹¹⁸.

С конца XV в. Москва, дотоле медлившая и старавшаяся обеспечить себя трактатами с удельными князьями, которых независимость она все еще щадила и только изредка и слегка ограничивала, стала действовать решительнее. Были покорены уже Новгород и Двинская земля, была подвластна Пермь, в 1485 г. Тверь признала себя данницею государя Московского и всея России,

¹¹⁵ Там же. С. 333.

¹¹⁶ Там же. С. 347.

¹¹⁷ *Чертков А.Д.* Указ. соч. С. 71–96; *Reichelsche Münzsammlung*. Vol. 1. P. 321 ff.

¹¹⁸ *Чертков А.Д.* Указ. соч. С. 215.

затем князья Верейские, Ростовские, Ярославские и иные утратили свои владетельные права¹¹⁹. Если и затем Москва расширяла свои владения, то она приобретала их на основании обычных гражданских сделок, и всякие уступки земель от удельных князей Москве утверждались купчими или меновыми грамотами, которые вместо подписей укреплялись печатями: так, на грамотах 1566 г. между государем царем Иоанном Васильевичем и двоюродным его братом князем Владимиром Андреевичем видим печать последнего — олень, обращенный влево, лежит под кустом, повернув голову назад¹²⁰. С другой стороны, когда удельные князья перешли в службу и под покровительство государя и обладателя всея России, то место прежних договорных грамот между Москвою и удельными князьями заступили т.н. *подручные* грамоты, которыми князья, как подданные, обязывались служить Москве, а в случае нарушения верности уплатить определенную сумму денег, и представляли за себя ручательство какого-нибудь духовного лица и нескольких лиц, правительству известных. Поручительства эти отбирал один какой-нибудь боярин, к тому уполномоченный, который в конце грамоты и прикладывал свою печать, что всегда означалось на самом акте, в рукоприкладстве. Таких подручных грамот от государствования великого князя Василия Иоанновича, равно как от царствования Иоанна Грозного, осталось довольно много, и хотя почти всегда упоминается, что такой-то боярин "к сей грамоте подручной и печать свою приложил"¹²¹; но печати эти, будучи восковыми, или совсем искрошились, или изображения на них до того стерлись, что разобрать их невозможно. На подручной грамоте, данной в 1528 г. по князьям Шуйским, сохранилась печать боярина Михайла Юрьевича Захарина: обращенная влево женская голова с сборчатою вокруг шеи драпировкою. Что касается наконец до печатей других удельных князей, то эмблемы на них помещались на том же основании, как и на московских печатях. Для примера указываем на печать белозерского князя Михайла Андреевича (табл. XI, рис. 6): на ней представлена богиня плодородия, голова ее в сиянии, в левой руке держит она рог изобилия. Вокруг надпись, полагать должно, показывала, чья печать¹²². Тип драпировки одежды свидетельствует о греческом происхождении камня, с которого изображе-

¹¹⁹ Карамзин. Т. 4. С. 111—114.

¹²⁰ СГГД. Т. 1. С. 529, 533.

¹²¹ Там же. С. 432.

¹²² Печать эту мы заимствуем с рукописей Императорской публичной библиотеки (№ 14, 18—20, 25 и др.): жалованных грамот Кирилло-Белозерскому монастырю (с 1448 по 1468 г.).

ние снято. Труднее разобрать печать, от XV также века сохранившуюся, и вологодскому князю Андрею Васильевичу принадлежавшую: орел держит в клюве венки, а по бокам его что-то вроде арматур¹²³ (табл. XI, рис. 7).

§ 47. Обзор княжеских печатей, во всем их разнообразии, как по форме, так и по эмблемам, доводит до убеждения, что они были по большей части заимствованные геммы или подражание им, сделанные, может быть, греческими, итальянскими зодчими и другими мастерами, приезжавшими в Россию. Великий князь выбирал то изображение, которое ему более нравилось из имевшихся под рукою и которое ближе выражало его политическое положение и отношение к Орде или к великому князю. Оттого наследственных печатей не было, и нередко один и тот же князь в разные эпохи своего правления, при неодинаковых обстоятельствах и на разных документах, прилагал различные печати¹²⁴. Надпись вокруг, чья печать, служила, при этой неопределенности изображения, необходимою ее принадлежностью и речительством за ее неприкосновенность. Исключения из этого правила редки.

Печати эти носились в виде привесков (судя по ушкам, которые остались на некоторых печатях), но чаще на кольцах и перстнях. Их было очень много и у частных людей, а цари обращали на них внимание и любили щеголять их красивою отделкою и большим числом.

Перстни в старину отличались особенными названиями: *напалы*, *жиковины*, или *жуковины*, *булатники*. В средину их вставлялись камни, а кругом их убирали или жемчугом, или алмазными, яхонтовыми и изумрудными искрами. Из камней были в употреблении: алмазы, лалы, перелифты или ониксы, сердолики, изумруды, яхонты лазоревые и червчатые и др. В духовных грамотах князей наших нередко встречаются особые статьи с подробным описанием перстней, переходивших в наследство. В духовной, напр., грамоте князя Дмитрия Ивановича 1509 г. помещено: "Двадцать и три жиковины женских золоты с яхонтцы

¹²³ Неоднократно повторяется печать эта на жалованных грамотах князя Андрея Васильевича тому же монастырю от 1467 г. (Рукоп. Публ. б-ки. № 40—41).

¹²⁴ *Я.Я.Рейхель*, говоря об удельных русских деньгах, всегда старается показать, откуда тип их заимствован. Иногда такое объяснение и может удаваться, но по большей части оно оставляет повод сомневаться, не произвольно ли подобное толкование, говоря, напр., о всаднике, поражающем дракона, он хочет видеть заимствование его с монет Владислава, герцога Богемского (Зап. Имп. археол. о-ва. Т. 1. С. 25—26), тогда как легенда о драконе была и в Скандинавии, и в Польше и имеет общечеловеческое значение.

и с пальцы и с изумруды и с жемчужки и с плохим каменейцом. А перстней моих золотых у Андрея у Белкина, да у Федора у Малова и пр.” Не мудрено поэтому, что в казне царя и великого князя Алексея Михайловича сохранилось несколько перстней древних, перешедших к нему по наследству от предков. Это описание так любопытно, что мы его приведем вполне¹²⁵:

”1) «Перстень с разными финифты, в нем изумруд четверуголен, на нем вырезано: *персона человеческая на лошади с саблею, под лошадью змий*», тип, который мы так часто встречали на монетах и печатях московских и тверских великих князей.

2) Перстень с черным финифтом, в нем яхонт червчат продолговат, на нем вырезан *пес борзой*.

3) Перстень с разными финифты, а на нем лал осмиуголен, на нем вырезан *орел двоглавый с короною и с подписью*.

4) Перстень резной, с чернью, в нем в середине яхонт лазорев, на нем вырезаны *две персоны людския: одна сидит на стуле, с посохом, а другая льву держит челюсти*, около его искорки яхонтовые и изумрудные, по сторонам два яхонта червчатых. Перстень этот перешел в казну государя Московского от великого князя Василия Васильевича, утвердившего такую печатью договорную свою грамоту 1428 г., заключенную с князьями Андреем, Константином и Юрьем Дмитриевичами¹²⁶.

5) Перстень с разными финифты, в нем яхонт лазорев четверуголен, на нем вырезано: *птица неясить с детьми*.

6) Перстень с разными финифты, в нем изумруд четверуголен, на нем вырезано: *персона людская стреляет из лука*, тип, так часто видимый на монетах московских и тверских, но не сохранившийся на печатях.

7) Перстень с разными финифты, в нем камень перелифт не велик, на нем вырезано *опахальцо*.

8) Перстень золот с разными финифты, в нем яшма, в яшме вырезано клеймо, на клейме *орел двоглавый*, над клеймом корона.

9) Перстень золот с разными финифты, в нем яхонт лазорев граненый, кверху островат, по сторонам по изумуду, в нем *часы*.

10) Перстень золот, в нем в когтях изумруд, на нем на престоле вырезана персона, а около его подпись: Великаго Государя,

¹²⁵ Сведениями о перстнях мы обязаны *И.П.Сахарову* (Зап. Имп. археол. о-ва. Т. 3. С. 67. (Ср.: СГГД. Т. 1, № 147).

¹²⁶ СГГД. Т. 1. С. 30.

Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца”.

Мы убеждены, что если бы время пощадило все перстни, которые носили наши великие и удельные князья и которыми они пользовались для печатания своих грамот и отписок, то уяснился бы не один штемпель нашей монетной системы, до сих пор считаемый произвольным и потому незаслуживающим внимания и подробного изучения. Если такой образ воззрения на древности наши и легок, и избавляет от труда разыскания, то едва ли он правилен, и дело науки — показать его неосновательность. Только обнаружение перстней и печатей, рассеянных в наших музеях и хранилищах древностей, прольет яркий свет на многие неясные стороны отечественной администрации и всего быта русского человека в древности: перстням всегда придавалось в отечестве нашем большое значение. Они были принадлежностью одних взрослых людей и служили как бы знаком полнлетия и правоспособности. При обручении новобрачных возлагались на руку жениха золотой перстень, а на руку невесты — железный или серебряный¹²⁷. Такие перстни носились нашими отцами как обетные до самой смерти. Потеря их считалась худым предвещанием.

На выходах в торжественных случаях цари наши надевали по несколько, по 7, 9 даже, перстней¹²⁸ и потому старались об увеличении числа их. За недостатком пока полных сведений, какие перстни и какие на них изображения были сделаны в каждое правление, мы приведем некоторые об этом интересном предмете сведения; так, венецианский ювелир Асценти выгравил в Москве для царя Бориса Федоровича Годунова изумруд для перстня. В 1597 г. посол цесаря Рудольфа поднес государю ”перстень золот с изумрудом, а в изумруде печать его царскаго величества орел”. Изумруд с перстня царя Федора Алексеевича с вырезанным на нем гербом и буквами *п.ц.о.а.* (т.е. печать царя Федора Алексеевича) находится ныне в звезде над диском и принесен в дар Чудову монастырю царевною Мариєю Алексеевною в 1710 г.¹²⁹

¹²⁷ *Потребник мирской*. М., 1639. Чин венчания.

¹²⁸ *Выходы государей, царей и великих князей*. С. 166, 168, 172—173

и др.

¹²⁹ *Зап. Имп. археол. о-ва*. Т. 3. С. 68.

§ 48. *Печати городов.* В наказах, которые давались воеводам при отправлении их в области, для заведывания ими, нередко предписывалось вместе с городскими ключами, нарядом, пушками, деньгами, бумагами принять и печать городскую¹. О изображении на ней, к сожалению, не упоминается, как о предмете общеизвестном, и потому сведения о городских печатях скудны. Впрочем, если сообразить, в какой связи печать князя находилась с штемпелем на его деньгах, то можно догадываться, что и городское знамя во время существования уделов изменялось вместе с обладателем города и области, т.е. что князь, избрав для себя эмблему, печатая ею бумаги, до управления областью относившиеся, тем самым усваивал ее городу и области. Если для доказательства справедливости этого предположения как общего правила недостает у нас материалов, тем не менее печати Киева, Москвы и Литвы, бывшие первоначально личными великих князей и обратившиеся в последствии времени в печати и гербы городские, не только не противоречат нашей догадке, но, напротив, подтверждают ее.

Несмотря, однако, на всю скудость сведений об этом в высшей степени любопытном предмете, городские печати заслуживают полного внимания русского геральдика, потому что ими только объясняются эмблемы, вошедшие в гербы княжеских и древних дворянских фамилий, которые произошли от удельных князей русских. Так как при рассмотрении княжеских печатей были уже сделаны выводы о том, каким образом после долгих колебаний установились знамена для Киева и Москвы, то мы переходим к другим городам, но при этом должны ограничиться теми из них, у которых образовалось постоянное изображение на печати, несмотря на перемены, которым она должна была подвергаться вместе с переменою князей. С образованием же государственного и областных гербов в них вошли те знамена с городских печатей, которые усвоены городам этим давностью, а для других, использовавшихся постоянным знаменем, были сочинены новые эмблемы (что всегда означалось в самом указе об утверждении городского герба), которые и нашли себе место в гербах княжеских фамилий.

Если справедливо то, что городская печать была в зависимости от печати князя, то скорее всего должно было образоваться

¹ *Акты исторические...* Спб., 1842. Т. 5, № 66. (Далее: *АИ*).

неизменное знамя на печатях тех городов, на которые обстоятельство это не могло иметь влияния. Мы говорим о Новгороде и Пскове. Для городов этих печать была тем необходимее, что они, вступая в сношения с разными областями, должны были утверждать свои коммерческие сделки печатями, по общепринятому в то время обыкновению. Самые же эти сношения, знакомя Новгород и его пригород с печатями других стран, произвели то, что новгородские и псковские печати отличаются правильностью геральдических фигур: положение лап, хвоста, самая форма зверей и вооружение людей заставляют подозревать в составителе их знакомство с геральдикой того времени.

Новгород, заключая договоры с Москвою и другими городами, равно как давая жалованные и тому подобные грамоты, всегда означал имена своих представителей, распоряжение это делавших, как-то: посадников, тысяцких, которые и прилагали личные свои печати (они будут изложены в главе о печатях должностных лиц); но тем не менее образовались и особые для городов этих эмблемы.

Из двух печатей новгородских, которые сохранились на договорных грамотах 1426 и 1461 гг. Новгорода с великим князем Тверским Борисом Александровичем², изображены: на одной геральдическое животное, с лошадиною головою, а задом и ногами львиными, бегущее влево с поднятым хвостом, между головою и шеей видна веревка в виде узды, а на обороте надпись: *печать Новгородская* (табл. XII, рис. 8), а на другой какое-то животное вроде тигра, пантеры или, может быть, мифическое, над ним две звездочки, и на обороте печати надпись: *печать Великаго Нова-города* (табл. XII, рис. 9). Между тем на новгородских деньгах всего чаще виден князь в короне, судящий или милующий стоящего пред ним человека, а на обороте надпись: *Великаго Новагорода* (с небольшими изменениями). Впрочем, сохранилась печать и с подобным штемпелем от XV, как думают, века (табл. XVI, рис. 6)³. Вместо князя видна на ней женская фигура. Не Марфа ли это Посадница? Когда Новгород был присоединен к Москве, на его деньгах стали писать: *Печать великаго князя*, а еще позднее изображать двуглавого орла⁴.

Позднейшее изображение на печати новгородской объясняется тем значением, которое имели в древнем Новгороде вече и

² СГГД. Т. 1. С. 24.

³ Memoires de la Societè d'Acheologie. Т. 1. P. 365; Koehne's Zeitschrift für Munz-Ziegel und - Wappenkunde. B. 6. Tf. 12.

⁴ Чертков А.Д. Указ. соч. С. 143. См.: Reichel, P. 355 fl.

архиепископ, владыка города св. Софии. Как вечно была предоставлена высшая административная и судебная в Новгороде власть, так, с другой стороны, архиепископ его был советником новгородцев, посредником между князем и жителями, ходатаем за них пред великим князем и Москвою. Договоры, Новгородом заключаемые, *по благословению* архиепископа, утверждались его печатью, которой и давалось почетное с левого края место. Такое же значение было оставлено владыке и по присоединении Новгорода к Москве, а что это так было даже в царствование государя Михаила Федоровича, достаточно привести следующее свидетельство разрядной книги 1617 г. В этом году были посланы ведать государевы и земские дела в Новгороде боярин и воевода князь Иван Андреевич Хованский да стольник князь Федор Андреевич Елецкий. Наказ был дан им самый подробный, что условливалось неопределенностью в то время отношений России к Польше и Швеции; а в конце этого наказа воеводе вменено в обязанность "в больших делах приходить к митрополиту Исидору⁵ совстовать с ним, как которому делу быти пригоже и как бы государеву делу быти лучше и прибыльнее; а митрополиту о том от государя писано"⁶. Как бы то ни было, сохранившиеся от XVI в. и известные нам новгородские печати носят на себе следы той важности, которая придавалась вечно и архиепископу новгородским, и замечательны потому, что представляют начало того изображения, которое потом перешло на печать новгородскую и сохранилось в гербе этой губернии. Вечевые ступени⁷ (вече собиралось на возвышении, на *степенях*, отсюда *степенные* посадники, тысяцкие) и положенный на них посох архиепископа служили выразительными эмблемами власти светской и духовной, в нераздельном соединении. Надпись вокруг гласит, что это печать *господина Великого Новагорода* (табл. XIV, рис. 5). Впоследствии времени к этому основному изображению прибавлены дополнительные атрибуты, напр. медведь и собака, которых видим на печати Грозного, с подписью вокруг: *Печать наместника Великого Новагорода* (табл. XV, рис. 6), или два медведя на памятниках XVII в., напр., на серебряном троне, на тарелке царя Алексея Михайловича (табл. XV,

⁵ Митрополия в Новгороде учреждена в 1589 г. Первым новгородским митрополитом был Александр (1589–1591), за ним Варлаам (1592–1601), а после него Исидор (1603–1619). *Амвросий*. Т. 1. С. 78–79.

⁶ *Официальные разряды*, изд. II Отделением Собственной е.и.в. канцелярией. Спб., 1853. Т. 1. С. 333.

⁷ Судя по изображению на печати новгородской, можно полагать, что она старше XVI столетия: она, вероятно, была вечевая и современна вечно, но сохранилась от XVI в. на отписках воевод новгородских.

рис. 3, 7). Не это ли *знамя* разумелось в крепостной новгородской книге XVI в., в которой при записке акта с означением его содержания и формы упоминается: "У полные печать, писано в кругу тамга Великаго Новагорода"? А что *тамгою* означали изображение, видно из того, что в других местах той же любопытной книги для отличия отмечено: "У полные печать писана в кругу с писью". Не разумелось ли здесь печать с надписью "Печать Новгородская"?

Дальнейшие изменения новгородской печати будут изложены в истории городских гербов.

Рано также образовалась печать псковская: на ней встречаем геральдически верное изображение барса с расправленными когтями, высунутым языком и поднятым хвостом, бегущего вправо, а вокруг надпись: *Печать господарства Псковскаго* (табл. XIV, рис. 2). Источник, откуда заимствована эта геральдическая фигура, должно искать в сношениях Пскова с городами Западной Европы, с Ганзою. К дошедшим до нашего времени серебряным псковским печатям приделаны проушины, из чего можно заключить, что они носились псковскими посадниками на шее и, может быть, служили *знаком* их достоинства. При покорении Пскова великим князем Василием Иоанновичем в 1510 г. они взяты были в Москву и ныне хранятся в Московском архиве Министерства иностранных дел⁸. А что барс действительно был знаменем, печатью псковскою, тому лучшим доказательством (кроме приведенной надписи) служит денежный штемпель на древних псковских монетах: с одной стороны человек впрям, в короне (по мнению г. Рейхеля, епископской), держит в правой руке обнаженный меч (изображение крайне безобразно и выбито в подражание монетам, которые в Дерпте чеканил епископ и которые могли быть в обращении между псковитянами по соседству с Дерптом). На обороте псковских денег представлено четвероногое со всеми атрибутами барса, видимого на печати, но обращенное влево, как и на серебряном престоле (табл. XV, рис. 10), вокруг надпись: *Деньга Псковская*⁹.

От начала XV столетия (1414 г.) сохранилась полоцкая печать с надписью: *печать Полоцкая и Святое Софьи*¹⁰.

У других городов, также старых, печати, если только не состояли из надписей, должны были иметь постоянные изображения, и что предание о них существовало, видно из того даже, что при составлении городам гербов многие из них называются

⁸ Предисловие покойного Малиновского (СГГД, Т. 2. С. V-VI)..

⁹ Чертков А. Д. Указ. соч. С. 151. Reichel. P. 358.

¹⁰ СГГД, Т. 2. С. 17.

старыми; а что мы их не знаем, это могло произойти оттого, что городская печать заменялась первоначально печатью того князя, который владел впоследствии лично печатью чиновника, областью управлявшего. Любопытное в этом отношении известие сохранилось в дворцовых разрядах 1626 г. о том, какие дела в Новгороде какою печатью печатать. Новгородский воевода князь Одоевский писал царю Михаилу Федоровичу, что до него князь Ромодановский, бывший на Новгородском воеводстве, кроме новгородской печати, употреблял свою собственную, которую и взял с собою, и этою печатью он печатал грамоты о всяких пограничных делах, в шведские города к горододержавцам и для купцов проезжие, а прочие бумаги печатал печатью новгородскою, и что так поступали и прежние новгородские воеводы, которые, уезжая, увозили с собою свои печати, как лично им принадлежавшие. Новгородская же печать употреблялась "до Новгородскаго разоренья и после него" в отписках к государю о разных делах, наказных памятях, в приговорах по делам поместным и судным (т.е., по теперешнему выражению, вотчинным и исковым) и *во всяких государевых делах*. Не зная, чего держаться и как поступать на будущее время, князь Одоевский представлял об этом царю Михаилу Федоровичу, который, хотя разрешил поступать впредь, "применяясь к прежнему, как было до сих мест", велел, однако, разыскать, давно ли воеводы печатают бумаги своими печатями "и по государеву ли указу или собою то делали, или изстари так повелось"¹¹. Отписку по этому предмету велено было отдать в Посольском приказе, в делах которого и должно искать ответа на этот важный вопрос.

Города новые, выстроенные в XVI и XVII столетиях, равно как покоренные оружием русским, получили уже печати от правительства русского, напр. Астрахань, Казань, города сибирские, и с этих-то печатей изображение перешло в областные и городские гербы или без изменений, или с небольшими переменами, которых требовала, быть может, геральдика¹². Мы представим две печати с грамот XVI и XVII вв.: на них одна царства Астраханского (такова надпись вокруг) с эмблемою, перешедшею в XVIII столетие в герб города: Астраханская царская корона, а под ней обнаженный меч (табл. XIV, рис. 6), а другая представляет двух соболей, стоящих на задних лапах, а в передних держащих щит с надписью: *Царства Сибирскаго* (табл. XIV, рис. 3).

¹¹ *Дворцовые разряды*, по высочайшему повелению изданные II Отделением Собственной е.и.в. канцелярии. Спб., 1850. Т. 1. С. 812—814.

¹² *АИ*. Т. 4, № 104, 209; Т. 5, № 259.

§ 49. *Печати духовенства.* По введении в отечестве нашем христианства, первыми у нас учителями, распространителями православия, первыми помощниками великих князей на этом поприще были духовные лица греческого происхождения. С другой стороны, значение у нас духовенства по высокой степени образованности, которою оно так резко отличалось от других состояний, наконец, доверие к нему великих князей, видевших в духовенстве лучших себе помощников к распространению в народе просвещения: все это обуславливало участие духовенства нашего, особенно высшего, в совершении разного рода актов, договоров, трактатов. Подпись митрополита Московского (нередко на греческом языке) скрепляет не один государственный документ даже XIV и XV столетий, как это уже было показано в истории печатей княжеских. Но, по обычаю того времени, подписи было недостаточно: оттого печати духовных лиц встречаются часто и сохранились в большом количестве.

Штемпель на печатях духовных лиц, несмотря на все их разнообразие и ничтожные, по большей части несущественные, видоизменения, следовал известным, раз принятым началам и сообразовался с саном и достоинством лица, печать употреблявшего, так что для этого рода печатей раньше других образовались твердые и неизменные правила. Не может быть сомнения, что духовенство наше обязано и идеєю их и изображением Византии. Отсюда первые лица духовенства русского вывезли свои печати, с которых изображение преемственно переходило с местом и саном. О таком происхождении печатей из Византии свидетельствуют лики Божией Матери и Спасителя, сделанные правильно, изящно и совершенно сообразно византийскому иконописному пошибу. Время не пощадило, или до сих пор, по крайней мере, не открыто печатей с греческими надписями звания и имени духовного лица, и потому трудно поддержать догадку о существовании таких печатей; но она вытекает сама собою из строгого соответствия между подписью лица и означением имени на его печати. Впоследствии, может быть, откроются подобные экземпляры. Из сравнения же тех, которые имеем в настоящее время, оказывается, что как существенным в древних печатях княжеских было изображение святого, которого имя носил князь, и надпись, чья печать, так и духовенство считало необходимым изображать на печатях своих с одной стороны образ Божией Матерей и Предвечного Младенца, или крест, или образ иного святого, а с другой означать, кому печать та принад-

лежит, и притом означать это или буквами в строку, или, изобразив руку, надписать, чья она. Последующее исчисление покажет, какие правило это принимало оттенки в применении к духовным лицам разных санов. Повторяем, что обычай присвоил каждому из них атрибуты, которые впоследствии утверждены за ним положительным законодательством; а потому привычный глаз и без подписи узнает, принадлежит ли печать архиепископу, митрополиту, епископу или священнику.

В исчислении печатей лиц духовного звания, следуя порядку хронологическому, мы начнем с Великого Новгорода, где значение владыки было совершенно исключительное и иное, чем в других областях России.

На древних новгородских грамотах и на договорах Новгорода с разными князьями встречаются следующие свинцовые печати архиепископа Новгородского, а именно на грамотах 1305 и 1308 гг. архиепископа Феоктиста: лик Богоматери с Предвечным Младенцем на персях, с боков надпись: *Мр̄.θγ̄.* (Матерь Божья), а на обороте: *Фектист Архиепископ Новгородский* (табл. VIII, рис. 1)¹. Такое же изображение, отличающееся, впрочем, красотой отделки, было у архиепископа Новгородского Давида² (имя это означено на обороте печати), но нет титл: *Мр̄.θγ̄.*, которые опять являются на печати архиепископа Алексея³. Позднее, а именно в XVI в., у новгородского архиепископа в печати видим благословляющую руку, слева, справа и сверху ее по ветке⁴, а вокруг надпись; но что прежнее обычное изображение не было вовсе оставлено, тому служит доказательством печать архиепископа Новгородского Александра, приложенная к приговорной грамоте всего духовенства о монастырских вотчинах 1580 г.: на печати этой видим с одной стороны Матерь Божию, а с другой три деревца, в виде виноградных лоз и вокруг надпись: *Александр Великаго Новаго (рода) архиепископ*⁵. Считаю также нелишним отметить при этом печать одного из архиепископов Новгородских Евфимия (их было три от 1423 по 1451)⁶, сохранившуюся на жалованной грамоте, данной, по его благословию, посадниками новгородскими Сергиевскому монастырю в *Маковце* на разные преимущества: первая по порядку с левого края печать, без сомнения, владыки Новгородского,

¹ СГГД. Т. 1. С. 7, 12, 15.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 22.

⁴ Там же. С. 507, 596.

⁵ Там же. С. 586.

⁶ *Амеросий*. Т. 1. С. 75.

хотя, против обыкновения, на ней нет надписи с его именем. На печати этой изображен с одной стороны восьмиконечный крест, у подножия его эмблема победы, одержанной над смертью, — мертвая голова, с правой стороны креста копьё, с левой дерево, а по бокам надпись: Ис. Хр. Ні-ка. На обороте образ Божией Матери в фелони, стоящей с поднятыми руками, и Младенец у ее сердца. Надписи: Мр̄: θ̄ϣ̄. ІС̄ ХС̄ (табл. XIII, рис. 1).

Изображение Матери Божией перешло и на печать митрополитов Московских; так, на серебряной позолоченной печати Алексея митрополита, привешенной к духовной грамоте вел. кн. Дмитрия Иоанновича 1371 г., изображен с одной стороны лик Богородицы, а с другой стороны видна надпись: *Божиею* (пропущено: милостью) *печать Алексея митрополита всея Руси*⁷. Внешняя форма этих печатей, пошиб изображения и почерк надписи совершенно тот же, какой видим на печати великокняжеской: нельзя сомневаться в том, что они принадлежат одному резцу. Вообще на духовных грамотах великих и удельных князей русских должно искать печатей высшего нашего духовенства, потому что завещания всегда писались при духовном отце, обыкновенно за его подписью, разбирались по законам духовным, а не светским и, следовательно, для большей крепости утверждались подписью и печатью духовного лица, бывшего при составлении этого документа. Самое название его — духовная — показывает, какое влияние имело на составление его духовенство. Сообразно такому началу к завещанию великой княгини Софии, вдовствовавшей супруги великого князя Василия Дмитриевича, привешена восковая печать: с одной стороны то же изображение Божией Матери, а с другой надпись: *Божиею милостью смиренный Иона митрополит всея Руси*⁸. Далее к духовным грамотам великого князя Василия Васильевича, писанным около 1462 г., также привешена печать митрополита с изображением, которое разнится от описанных тем, что Божия Мать представлена не в поясном изображении и не с младенцем на персях, а сидящею на престоле и держащею И.Х. на руках, с боков надпись: Мр: ІС̄ ХС̄. Θ̄ϣ̄, а на обороте: *Милостью Божьею смиренный Феодосий митрополит всея Руси*⁹ (табл. VIII, рис. 3). Точно такую же печатью с переменою, разумеется, имени: *смиренный Геронтий митрополит всея Руси* — укреплена духовная 1486 г. князя Михаила Андреевича Верейского¹⁰. Эмблема, раз

⁷ СГГД. Т. 1. С. 51.

⁸ Там же. С. 194.

⁹ Там же. С. 473.

¹⁰ Там же. С. 206, 208.

усвоенная этого рода печатям, осталась и на печати митрополитов Симеона, Макария¹¹ и др.

Означенное изображение было коренным и основным: от него, по правилу, не отступали ни митрополиты, ни другие архиепископы; тем не менее с XVI в. благословляющая рука становится эмблемою, часто встречающеюся на печатях лиц духовного звания. Первая известная нам печать с этим типом принадлежит митрополиту Даниилу¹². На одной ее стороне кисть руки и персты сложены так, как слагаются для благословения, а вокруг надпись: *Рука митрополита Даниила всея Руси*, а на обороте: *Божьею милостью смиренный Даниил митрополит всея Руси* (табл. VIII, рис. 5). Тем не менее прежнее изображение Пресвятой Девы Марии встречается на печатях и позднее¹³. Наконец оба эти типа иногда соединялись: а именно к записи боярина Ивана Петровича Яковлева, данной в 1565 г. за поручительством московского митрополита Афанасия царю Иоанну Васильевичу о верной службе, привешена печать, на одной стороне которой изображена Богородица с Предвечным Младенцем и обычными надписями, а на оборотной, в середине — благословляющая рука, осененная ветвями, а вокруг ее надпись: *Божиею милостью смиренный Афанасий митрополит всея Руси*¹⁴.

Приговорная грамота всего духовного чина 1581 г. о монастырских вотчинах была утверждена одиннадцатью печатями, из которых царская, митрополичья и две архиепископских из красного воска на красных же шелковых шнурах, а семь остальных из черного воска на черных шелковых шнурах; но из печатей этих сохранилось только девять. Из них стоящая рядом с царскою, митрополичья, носит изображение Божией Матери, лик которой видим и на четырех епископских печатях, а изображение руки — на одной епископской и двух архиепископских¹⁵. Редко и в виде изъятия встречаются на архиепископских печатях вместо образа Божией Матери образа других святых, может быть, по имени владельца печати; так, из 10 печатей духовных лиц, привешенных к грамоте о восшествии на престол царя Михаила Федоровича, одна (неизвестно чья, ибо надпись стерлась), кроме руки, носит изображение св. архистратига Михаила¹⁶.

¹¹ Там же. С. 302.

¹² Там же. С. 333, 404, 473 и др.

¹³ Там же. С. 415, 417, 422.

¹⁴ Там же. С. 636.

¹⁵ Там же. С. 506, 536.

¹⁶ Там же. С. 596 (Ср.: Там же. С. 536, 586; Т. 2. С. 101; *Прод. Древней российской вивлиофики*. Т. 7. С. 134, 158.

Подобные изъятия, впрочем, нисколько не нарушали общего правила, утвержденного обычаем, а впоследствии и законом, а именно: в 1564 г. царь Иоанн Васильевич постановил, чтобы по примеру прежних веков митрополиты и архиепископы печатали свои грамоты на красном воску, на печати же иметь им изображения с одной стороны: лик Богоматери с Младенцем, а с другой руку — *благословленную* с именем митрополита¹⁷.

Патриаршая печать почти всегда была красного воска на шнурах, двусторонняя, величиною в рубль серебром и даже более, с изображением на одной стороне Богоматери, а на другой благословляющей руки с подписью вокруг: *Божиею милостию святейший патриарх царствующаго града Москвы и всея Руси*¹⁸. У патриарха Иакова изображение на печати осталось то же, но надпись вокруг благословляющей руки пространнее: *Божиею милостью архиепископ царствующаго града Москвы всея Великия, Малыя и Белья России патриарх Никон*¹⁹ (табл. VIII, рис. 7). Но кроме этой большой печати у патриархов была и малая, односторонняя, с благословляющею только рукою и надписью вокруг: *Божиею милостью великий патриарх московский и всея Руси*. Известно, что подобная печать была у патриарха Филарета, родителя царя Михаила Федоровича.

Высшие степени духовной иерархии нашей были доступны и лицам нерусского происхождения: образованность и заслуги всегда открывали у нас всякому путь к высшим почестям и достоинствам. Если лица эти происходили из такой фамилии, которая имела право на герб, то они сохраняли его и только для показания своего звания прибавляли к родовой эмблеме известные атрибуты. Для примера мы укажем на герб митрополита Киевского Петра Могилы. Отец его был князем Волошским, а сам митрополит родился в Молдавии около 1597 г. Первая его молодость была посвящена военной службе, потом он, следуя влечению своему к монастырской жизни, постригся в Киево-Печерской лавре и, наконец, в 1633 г. был посвящен в митрополиты Киевские²⁰. Портрет его, вероятно современный самому митрополиту, сохранился в Голосиевской пустыне, отстоящей от Киева в четырех верстах и приписанной к Киево-Печер-

¹⁷ Карамзин. Т. 9. С. 20; Примеч. 94.

¹⁸ *Летописи и труды* Моск. о-ва истории и древностей российских. Т. 3. С. 56–57; СГГД. Т. 2. С. 101.

¹⁹ *Аполлос (Алексеев)*. Начертание жития и деяний Никона... М., 1845 (В прил.).

²⁰ *Евгений (Болховитинов)*. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-русские церкви. 2-е изд., испр. и умноженное. Спб., 1827. Т. 2. С. 156–157.

ской лавре²¹. На портрете этом²² изображен герб рода Могил, составленный совершенно правильно из следующих эмблем: щит разбит на два и рассечен на три, так притом, что средний столб не доходит до верхнего края герба. Щит весь цвета красного, кроме средней полосы, золотой. В первой четверти видим обыкновенный атрибут гербов фамилий молдавского происхождения — воловью голову с кольцом во рту, над головою между рогами звезда, а повыше ее корона; во второй четверти две накрест положенные стрелы, а между ними копье, в третьей белая птица, летящая влево, несет в носике крест, а над нею корона, и, наконец, в четвертой польская геральдическая фигура, т.н. *novina*, или же чаша, в которую поставлен меч. Средняя полоса разбита также на две части, из которых в верхней скрещены две сабли, а в нижней между двумя лунами, обращенными в противоположные стороны, крест. Щит увенчан архиепископскою золотою митрою, с правой стороны ее виден крест, а с левой святительский жезл; по бокам же щита следующие буквы: П.М. А. М.К. Г.Е. К.А.П., означающие Петра Могилы архиепископа, митрополита Киевского, Галицкого, екзарха Константинопольского, архимандрита Печерского печать (табл. IX, рис. 1). Для сравнения считаем нелишним указать на другое, также современное самому Петру Могиле, изображение его герба²³, замечательное потому, что его внешняя форма еще более носит признаков молдавского происхождения рода Могил (молдавскою шапкою коронован герб), что внешние атрибуты могли с этого рисунка перейти в герб патриарха Никона, и, наконец, потому, что есть некоторое различие в разделении щита и в эмблемах; а именно: щит разбит на два и рассечен на три, в первом поле в кольце у вола изображены две скрещенные шпаги, а по бокам воловьеи головы представлены справа солнце, слева — луна; в третьем поле вместо стрел копия, и в четвертом — над птицею, несущею в клюве крест, нет короны. Прочие эмблемы и буквы, щит окружающие, сходны с предыдущим (табл. IX, рис. 2).

Следуя тому же началу, и св. Дмитрий Ростовский, происшедший из благородной малороссийской фамилии Туптало²⁴, на

²¹ *Амеросий*. История российской иерархии. М., 1811. Т. 3. С. 735.

²² Портретом мы обязаны известному художнику-археологу Ф.Г. Солнцеву, снявшему изображение это на месте.

²³ Герб этот напечатан на Львовском Апостоле, выпущенном в 1639 г. из типографии Михаила Слиоски.

²⁴ *Евгений*. Словарь... С. 116; *Бантыш-Каменский*. Словарь достопамятных людей Русской земли... Спб., 1847. Т. 1. С. 522.

следовал от предков своих родовой герб — треугольник в красном поле — и прибавил к нему святительские утвари²⁵.

По происхождению своему патриарх Никон не имел права на герб, тем не менее он, как бы не довольствуясь изменением надписи на обычной патриаршей печати, сочинил себе герб. Возможность такого явления становится совершенно понятною, когда вспомним герб Петра Могилы, который мог быть первообразом для герба патриарха Никона, и что именно в царствование Алексея Михайловича родилась у нас мысль о гербах. В это время сложился окончательно государственный наш герб и упоминаются первые герольды в России.

С другой стороны, сравнение патриаршего герба с гербом папским не оставляет сомнения, что второй имел влияние на составление первого (табл. X, рис. 7, 8). Царская же корона украшает герб этот, может быть, случайно, а может быть, соответствует титулу, который был усвоен Никону: *Божиею милостью Великий Государь и пр.* Буквы по бокам щита, расположение, даже очертание их напоминают собою те, которые видим на портретах царя Алексея Михайловича и других современных Никону гербах, напр. Богдана Хмельницкого²⁶; следовательно, повторяем, все эти атрибуты говорят против мнения тех, которые утверждают, что будто герб этот несвоевремен и не мог принадлежать тому лицу, которому он приписывается. Пока не будут найдены доводы более убедительные, мы признаем герб этот за подлинный и предлагаем его описание (табл. X, рис. 8).

Щит серебряный, разделенный на 4 части: в верхних изображены Евангелие и благословляющая рука, а в нижних — ключ (в подражание гербу папскому) и пятисвечник. Над щитом корона, усаженная драгоценными камнями. Ее венчает крест, а с нее на цепи спускается к щиту образ Спасителя (у Петра Могилы в этом же положении видим крест). Корону на шнурах, обвивающихся вокруг креста и архипастырского жезла (точно так, как у Могилы), накрест лежащих, поддерживают два ангела. В руках у них по щитку с надписями: патриарх и Никон. Намет голубой с серебром. В девизе заключается объяснение составных частей герба:

²⁵ Тромонин К.Я. Достопамятности Москвы. М., 1843. С. 33.

²⁶ Герб этот сохранился на портрете Богдана Хмельницкого и состоит из изображения казака, имеющего на плече ружье. Над щитом возвышаются три древка от знамен, а вокруг буквы: Б.Х. В.Е.Ц.В. З.Г., т.е. Богдан Хмельницкий войска его царского Величества Запорожского гетман. (Чтения в о-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те. Засед. 26 апр. 1847 г. № 9. Прил.).

"Егда печать сию вернии смотряем, велика пастыря всем уподобляем. Десницу, светильник, ключ, Евангелие, образ Спасов крест, жезл, венец, началие". По сторонам щита помещены начальные буквы титула патриарха, а именно: Н.М.Б.В.Г.С.А.М.В. В.М.Б.Р.П.; т.е. Никон милостью Божиею Великий Государь Святейший Архиепископ Москвы всея Великия Малыя Белыя России Патриарх.

Составитель жизнеописания патриарха Никона, архимандрит Аполлос²⁷, заимствовал описанный герб из книги: *Рай мысленный*, 1659 г., хранящейся в Иверском Валдайском монастыре. Одна цифра, когда написана означенная книга, сохранившая нам этот драгоценный памятник, опровергает мнение тех, которые не верят в подлинность его: в это время Никон достиг высшего предела силы и значения. Во всяком случае, любопытно бы знать, кто составил этот герб, когда, на основании каких данных и, наконец, употреблял ли его сам патриарх. Сведения эти могли бы во многом уяснить историю наших гербов.

Печатаей лиц духовного звания степеней низших осталось немного. На них изображалась благословляющая рука с надписью — чья она. А если духовное лицо занимало какую-нибудь особенную должность, то на печати помещалась и ее эмблема: так, на печати ключаря был изображаем ключ²⁸; или помещалась надпись, свидетельствующая о занимаемой должности, например у келаря Троицкой лавры — *Печать келарьская Сергиев (скаго мо)настыря* (табл. VIII, рис. 2), *печать старца Варлама Вороникова* (табл. VIII, рис. 6) и т.п. Такими печатями утверждались разные отписки; но, кроме того, употреблялись духовенством печати, которые были назначены для известной именно цели; так, напр., сохранилась печать, которая заменяла нынешние исповедные свидетельства, даваемые в одном приходе для допущения к причащению св. Таин; в другом, в Карабановском собрании, есть серебряная круглая печать с ушком, с одной ее стороны изображен ключ с надписью вокруг: *Печать попа Даниила Анисимова*, а с другой стороны: *пожаловать причастить святых Христовых Таин*²⁹. Подобно тому была в Успенском соборе в Москве особая печать для вечных памятей

²⁷ Аполлос. Краткое начертание жизни и деяний Никона. М., 1846. С. 190; Тромонин К.Я. Указ. соч.

²⁸ Временник Моск. о-ва истории и древностей российских. Т. 3. Смесь. С. 3.

²⁹ Филимонов Г.Д. Описание памятников древности церковного и гражданского быта Русского музея П.Коробанова. М., 1849. Табл. XXXIX—XL, р.п. II.

с надписью вокруг: *сия... Пресвятыя*, а в середине *Богородицы* (табл. VIII, рис. 4)³⁰.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

§ 50. *Печати должностных лиц и приказов.* В разных случаях государственной деятельности должностные лица обязаны были утверждать грамоты и всякие иные отписки своею печатью, и знамени этому придавали значение, ему верили. Вследствие того подобные печати должны были носить неопровержимые признаки принадлежности их известному лицу, и сообразно общим началам нашей древней сфрагистики печати должностных лиц были или с изображением и надписью или только с одной надписью. Изображение иногда соответствовало занятию лица и его обязанностям, нередко представляло образ того святого, по имени которого назывался чиновник, или же в самой надписи заключалось наименование должности и того, кто облечен властью. Характер печатей этого рода по большей части официальный, строгий и отвлеченный от частной жизни человека. Вследствие того они отличаются тем однообразием, которое редко в других видах печатей.

В Москве большое развитие выпало на долю великокняжеских печатей — явление, совершенно понятное при том значении, которое постоянно и неизменно имел государь Московский; совершенно иное встречаем в Новгороде, где от имени его договаривались и давали льготы посадники, тысяцкие и т.п. лица. Так как печати эти были всегда свинцовые, то их сохранилось довольно много, и из сравнения их оказывается, что договоры града св. Софии с Москвою, Тверью и другими городами утверждали своими печатями — тысяцкие, посадники, а дарование каких-нибудь прав и преимуществ по торговле, управлению, владению землею и т.п., кроме означенных лиц и владыки, предоставлялось от имени всего Новгорода и утверждалось почти всегда печатями представителей от пяти концов новгородских. Какое значение придавали в Новгороде печатям должностных лиц, заменявшим подпись, видно из того, что о приложении их подробно означалось в самом акте. Для примера указываем на грамоту, данную Новгородом Соловецкому монастырю в XV в. Она оканчивается следующими удостоверениями:

³⁰ Буквы С и З, на печати сохранившиеся, не означают ли год 7206, т.е. 1698?

”К сей грамоте приложил господин преосвященный архиепископ Великаго Новаграда и Пскова владыка Иона свою печать; Степенный Иван Лукиничъ и тысяцкий степенный Трифон Юрьевич приложили свои печати. Повелением всего господина Государя Великаго Новагорода изо всех пяти концев приложиша по печати”¹. И действительно, печати эти привешены, на некоторых грамотах сохранились и будут приведены ниже. Следуя же хронологическому порядку, мы должны начать с заключенного Новгородом с великим князем Тверским Михаилом Ярославичем в 1317 г. договора: на нем сохранились печати новгородские, отличающиеся следующими надписями и изображениями: 1) на одной стороне надпись — *Новгорочкая печать*, на обороте — *и посаднича*; 2) *Печать Матффея Фалелеевича, тысяцкого Новгорочкого*; 3) Печать Сильвестрова с изображением, вероятно, св. Сильвестра; 4) *Филипа тысячького* печать с изображением святого, подле которого надпись — *Филипп*; 5) *Яковля печать, посадника Новгорочкого*, также с изображением святого на коне и со знаменем в руках (может быть, св. Георгия)²; 6) *печать Ондrejaнова посадника Новгород.*, на обороте также изображен святой в венце, облачении и с Евангелием; 7) *Юрьева печать Ивановича — посадника Новгорочкаго*; 8) *печать Ояненцева* (т.е. Ананьева) *тысяцкого Новгорочкого*; 9) *печать Иевана Иеремнича*, на обороте изображение воина со щитом и копьем; 10) *Семенова печать Онздреевича* и 11) *Степанова печать* — на обороте святой со щитом³.

Известно, что в управлении Новгородом принимали участие как посадники и тысяцкие *степенные*, так сказать правительственные, т.е. управлявшие его делами, так и старые, бывшие прежде посадниками и тысяцкими и вновь неизбранные, оттого число печатей этих лиц так велико. Первые две печати с левого края принадлежат степенным посаднику Михаилу и тысяцкому Матвею Фалелеевичу. От этих двух лиц, равно как ”от бояр, и от житых людей и от чорных людей и от всего Новгорода”, как означено в самой грамоте, ”послаша Новгород Юрья и Якима к князю к Михайле на Тверь и велел мир имати на сем”. Выборным из означенных в трактате сословий могли принадлежать оставленные из описанных тотчас печатей: последнее их место служит тому подтверждением.

Большое число печатей доказывает важность акта, ими утвержденного, поэтому тогда как на означенном договоре с Тверью

¹ *Амеросий*. Указ. соч. Т. 2. С. 390—391; ААЭ. Т. 1, № 104.

² *Карамзин*. Т. 5. Примеч. 36.

³ *СГГД*. Т. 1. С. 17.

о мирном постановлении, об уступке земель и т.д. привешено одиннадцать печатей, свидетельствующих о твердости и ненарушимости этого документа; другой трактат Новгорода же с в. князем Тверским Михаилом Александровичем от 1375 г. об обоюдном отпуске пленных утвержден двумя только печатями — архиепископскою и посадничьею с надписью на одной стороне: *Юрьева печать Ивановича*, а на другой *посадника Новгородскаго*⁴. Чаще, однако, прилагалась к новгородским грамотам, кроме печати посадника, еще печать тысяцкого. В Румянцовском Музеуме хранятся две пергаментных грамоты с привешенными к ним свинцовыми печатями. Одна из них относится к концу XIII или началу XIV в. Эта неопределенность времени написания новгородских грамот происходит оттого, что в них без означения года составления акта упоминается только о лицах, при которых он утвержден. Зная, в каком году был посвящен тот или другой владыка, когда избран и сменен посадник, можно приблизительно, по крайней мере, сделать вывод о веке, к которому документ относится. В настоящем случае грамота дана от великого князя Андрея, от посадника Семена и от тысяцкого Машка (т.е. Матвея)⁵. Из новгородских же летописей оказывается, что великий князь Андрей Александрович прибыл в Новгород в 1293 г. при посаднике Семене Климовиче, который был сменен в 1303 г., а в следующем году умер великий князь Андрей Александрович⁶; следовательно, грамота, о которой говорим, может относиться к пространству времени от 1293 по 1303 год и заключает в себе разрешение о проезде купцов любских и рижских чрез новгородские владения. Из трех привешенных к этому акту печатей одна *тысяцкого*, что и означено на ней, а на обороте образ святого в венце и с правой стороны буквы М.Т.Θ., по которым можно заключить, что это образ св. Матфея. Посадничья печать именная: на ней надписи с одной стороны — *Сменова печать*, а с другой — *Климовича*. Между ними третья печать, вероятно, принадлежавшая великому князю, судя по изображениям на ней: с одной стороны всадник на коне, а с другой — образ святого. Мы их перепечатаем у себя (табл. XIII, рис. 9, 10, 11), чтобы показать стиль, каким отличались отечественные художники от тех мастеров иностранных, в особенности греческих, которым обязана своим существованием большая часть печатей московских великих князей⁷.

⁴ СГГД. Т. 1. С. 22.

⁵ Карамзин. Т. 4. Примеч. 221.

⁶ *Первая Новгородская летопись*/ПСРЛ. Т. 3. С. 65, 68; Карамзин. 5-е изд. Т. 4. С. 102.

⁷ *Вестн. Европы*. 1811. Ч. 10. С. 201. Эмблема средней печати так

Другая из поименованных грамот дана от архиепископа Новгородского Алексея, от посадника Юрья и тысяцкого Матфея о торговле с Любеком и с Готским берегом, и хотя на ней также не означено года, но, судя по тому, что Алексей был посвящен в архиепископы в 1360 и оставил епархию в 1387 г.⁸, должно заключить, что она относится к этому пространству времени⁹. На свинцовых печатях, к грамоте этой привешенных, надписи на первой: *печать Матфея Фалелеевича*, с другой стороны: *тысяцкого Новгородского*; а на второй печати — *посадника Новгородского*, с другой — *Юрьева печать Иван (ов)ича*¹⁰.

Для образца печатей, приложенных от разных концов новгородских, мы опишем грамоту, данную по благословению архиепископа Евфимия посадниками Дмитрием Васильевичем, всеми старыми посадниками и тысяцким Михаилом Андреевичем, равно как всеми старыми тысяцкими, боярами, житейными людьми, купцами и всем Господином Великим Новым-городом на вече, на Ярославовом дворе Сергиеву монастырю в Маковце в утверждение за ним разных преимуществ по уплате повинностей и по торговле. По времени, когда на архиепископском престоле Новгородском были Евфимий (от 1423 по 1458 г.), акт этот должно отнести к XV столетию. Вместо подписей приложены следующие свинцовые двусторонние печати: 1) с левого края архиепископская, описанная выше (§ 49); 2) *Печать Дмитрия Васильевича*, с одной стороны летящая влево птица и вокруг означенная надпись, а на обороте — *посадника Новгородского*, в середине же видим изображение, заимствованное, вероятно, с Запада: государь в короне левою рукою держит пред собою щит, а правую он поднял меч, вынутый из ножен, висящих у пояса; с правой стороны этой фигуры круг, заключающий в себе крест (табл. XIII, рис. 2); 3) печать тысяцкого: с одной стороны идущая влево птица с головою, обращенною назад, вокруг надпись: *печать тыс (яцкого Новго)роцкого*; на обороте образ св. Михаила Архангела и вокруг его надпись: *Михаила Оньдреевича* (табл. XIII, рис. 3); 4) *печать Людина конца*, а на обороте человек, держащий в правой руке копьё, в левой щит, упирающийся в землю (табл. XIII, рис. 4); 5) *печать святого Никола*,

неясна, что при объяснении печатей этих в "Вестнике Европы" не знали, всадник ли это или плывущий корабль, причем автор прибавляет предположение, не был ли корабль гербом Новгорода? (Там же. С. 198).

⁸ *Амвросий*. Указ. соч. Т. 1. С. 74.

⁹ *Вестн. Европы*. 1811. Ч. 10. С. 284—285.

¹⁰ Замечания по поводу означенных грамот напечатаны покойным Каллаидовичем (*Вестн. Европы*. Ч. 11. С. 204 и след.).

а на обороте: образ св. Николая, по бокам его надпись: *Нико*. (табл. XIII, рис. 5). Какого конца эта печать — не означено; 6) *Загородского конца*: с одной стороны надпись: *Святого Николы в Загородском конце*, а с другой — образ св. Николая, вправо от него *Агиос*, а влево — *Никол*. (табл. XIII, рис. 6); 7) *Антоновского конца*: в середине шестиконечный крест, вокруг надпись: *печать Антоновская*, на обороте — лик Пресвятой Девы, знаменующий, быть может, что в этом конце был монастырь во имя Успения Божией Матери¹¹ (табл. XIII, рис. 7); и 8) *Словенского конца*: с одной стороны крест, вокруг надпись: *печать Словенского конча*, на обороте святой в венце, а по сторонам надпись: *Павел исповедник* (табл. XIII, рис. 8).

Кроме того, что печати эти важны для археолога, они не меньшего заслуживают внимания и со стороны исследователя древностей новгородских. Спор о его концах, о числе и местоположении их не кончен, а здесь должно предположить, что акт утверждён печатями от всех концов новгородских¹².

Печати низших должностных лиц были по большей части именные, с означением, какое место занимал их владелец и как он назывался. Повторяем, что такая подробность была необходима при той важности, которая придавалась печати: она сообщала акту крепость и силу. Оттого в крепостной книге, при записке в ней разных сделок, при отметке, кем, кому и о чем выдавался акт, прибавлялось, напр., "а печать у кабалы, писано в ней губнова старосты Михеево имя Мленецкаго".

В других областях русских печати должностных лиц также или состояли из одних надписей, напр. *Стольника князя Александра Михайловича Шаховскаго*¹³, или с каким-нибудь изображением и круговою надписью, напр. на одном перстне представлен петух, а вокруг надпись: *П. добра человека*¹⁴. Не можем, однако, не заявить при этом мысли, что изображения на печатях должностных лиц могли иметь соотношение с их обязанностями и занятиями: так, напр., в роде Головиных сохранилась древняя печать, на которой вырезано избивание младенцев¹⁵, а между тем на печати Головина-Ховрина, бывшего казначеем при великом

¹¹ *Красов И.И.* О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1851. С. 135. В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться только фамилией автора.

¹² *Муравьев Н.Н.* Исторические исследования о древностях Новгорода. Спб., 1828. С. 25; *Красов И.И.* Указ. соч. С. 21 и след.

¹³ *Филимонов Г.Д.* Указ. соч. Табл. XXXIX, рис. 9.

¹⁴ *Сборник князя Оболенского.* М., 1840. № 11. С. 41–51.

¹⁵ *Казанский П.С.* Село Новоспасское, Деденево тож, и родословная Головиных, владельцев онога. М., 1847. С. 54.

князе Василии Ивановиче, на середине ее представлены две лошади, стоящие в стойле, и вокруг надпись: *Великаго государя казначея Петра Ивановича* (табл. XI, рис. 9). Не хотели ли выразить этим символом обязанность казначея управлять хозяйственной частью государева двора?

§ 51. Впрочем, если подобное начало соответствия между обязанностью должностного лица и изображением на его печати нельзя считать за непреложное, то нет сомнения, что оно находит себе применение в большей части печатей приказов; так, Земский приказ, существовавший в Москве и других главных городах, заведовал полициею, порядком в домах, и одна из главных обязанностей этого присутственного места состояла в *бережении от огней*. На печати его видим передний фасад дома, а вокруг надпись: *печать Великаго Государя Земскаго приказу* (табл. XIV, рис. 1). Печать Московской большой таможи имеет приличную ей эмблему — весы (табл. XIV, рис. 10), как позднейшая (1707 г.) таможенная печать-корабль, а по сторонам буквы *т.п.* (таможенная печать) (табл. XIV, рис. 8). У Питейного приказа на печати была представлена бутылка.

Нам известны два исключения из означенного правила; а именно на печати *приказа Большого дворца* вырезан "иньрог зверь" (табл. XIV, рис. 4), по выражению Котошихина¹⁶, т.е. единорог. По сторонам этой эмблемы надпись: *печать Большаго дворца*. Далее у *Московского печатнаго двора* на печати было изображение льва и единорога: оба стоят на задних лапах друг к другу лицом и под короною (табл. XIV, рис. 9). Эмблема эта взята с рисунка, бывшего над входом в старый печатный двор, рисунка, который виден теперь еще над воротами Синодальной типографии¹⁷. Дела приказов и присутственных мест областных печатались печатями местными или личными, принадлежавшими воеводам, боярам, в приказах сидевшим¹⁸.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

§ 52. *Печати частных лиц*. "Где рука, там и голова", — вот правило, которого строго держалась наша древняя юридическая практика, и приложение руки считалось необходимым признаком выражения воли и согласия лица на какую-нибудь сделку.

¹⁶ Котошихин Г.К. Указ. соч. С. 70.

¹⁷ Тромонин К.Я. Указ. соч. С. 36.

¹⁸ Дополнения к АИ. Т. 2. С. 23; АИ. Т. 4, № 200; т. 5, № 259; *Дворцовые разряды*... Спб., 1850. Т. 1. С. 813—814.

Правило это буквально исполнялось в древней России, пока большее и большее распространение грамотности не дало полного значения другой поговорке: "Что написано пером, того не вырубишь топором". Как на печатях духовенства изображение руки с означением, чья она, было существенным, так и частные лица считали акт твердым, когда прилагали к нему свою руку, т.е., намазав ее чернилами, налагали на бумагу, на которой получался таким образом верный ее оттиск, или вместо того рука обводилась чернилами. Таким образом видны были величина руки, ее склад, покррой, и если с течением времени необходимо было, в случае спора, сомнения, поверить, есть ли это действительно рукоприкладство того лица, кому оно приписывалось, стоило только приложить руку к ее изображению, и истина открывалась сама собою. Не всегда, конечно, был этот способ поверять рукоприкладство благонадежен, тверд и удобен: малейшая перемена в росте, складе, сгибе руки давала повод к сомнению, та ли изображена рука, за которую она выдавалась, тем более, что точное очертание руки потребовало бы много времени и что малейшая в том неточность или по злому умыслу, или (что могло встречаться чаще) по неосмотрительности могла бы повлечь за собою затруднительное и нередко долговременное разбирательство. А потому лица, которым необходимо было часто прикладывать свою руку к разного рода бумагам, употребляли вместо того печати, на которых изображалась рука с надписью, чья она¹, впоследствии с означением имени того, кому она принадлежала, и, наконец, с известными эмблемами. Последние до начала XVIII в. не были, по выражению Котошихина, *породными*, и каждый прикладывал такую печать, какая у него случалась, отчего у бумаг, в разное время писанных, печати одного и того же лица были разные. "И у тех новых писем с старыми письмами многия печати разнятся"². И действительно, мы встречаем древние документы, припечатанные теми или другими печатями совершенно случайно, потому, быть может, только, что других предметов, с которых мог быть снят слепок, не случалось; так, одну духовную грамоту 1473 г. Степана Лазарева запечатали священник "и мужи все и дьяк *деньгою* Новгородскою"³; другое завещание 1482 г. запечатали "хрестцем,

¹ *Bulletin de la classe des sciences Historiques, philologiques et politiques de l'Academie Imperiale de St. Petersburg.* 1844. Vol. 2. P. 4-5. Ср.: в "Сыне Отечества" за 1852 г. нашу статью: "*Общие основания системы договоров и обязательств по началам русского законодательства*". Ст. 1-я. С. 73-75.

² Котошихин Г.К. Указ. соч. С. 22.

³ *Акты Юридические.* № 411.

телником поповым Ивановым”⁴, иногда запечатывали крестом⁵ и т.д. Подобная печать была нераспознаваема: для предупреждения отпирательства от нее служили, быть может, те свидетели, которые *стояли у печати* и означались в самом акте, печатью утвержденном⁶. С этою же целью к частным актам, грамотам, о твердости которых особенно заботились, прикладывались печати князя или должностного лица, которого звание было означено на самой печати⁷. Правило это прямо выражено в Псковской судной грамоте: ”Вольно инде написати, а князю запечатать; а не запечатает князь, ино у святей Троицы запечатать, в том измены нет”⁸. Этим объясняется и изображение на печати, привешенной к одной замечательной грамоте XIII в., описанием и истолкованием которой наука обязана господам Срезневскому и Неволину. Печать эта свинцовая, темно-синего цвета и сплочена из двух пластинок, между которыми продет шнурок. На одной стороне печати изображен лик св. Тимофея, как можно судить по надписи: слева видно *αυ*, вероятно, начало слова *Αγιος* (святой), а справа — ТИ МО ФЕИ на четырех строках. На другой стороне изображен шестиконечный крест и над ним буквы: слева *ΙC*, а справа *ΧC*. С первого взгляда очевидно, что печать эта не могла принадлежать частному лицу, она должна быть княжеская и без сомнения принадлежит великому князю Довмонту (Тимофею), что вполне соответствует приведенному правилу из судной Псковской грамоты и объясняется самым текстом грамоты: ее писал Довмонтов писец⁹.

Недостаток грамотности в народе заставил его рано обратить внимание на печати, которые бы могли заменять подписи. При этом видим опять применение тех же начал, по которым образовались другие виды печатей: в них существенны с одной стороны надпись, чья печать, а с другой изображение, и чем печати древнее, тем эмблемы на них проще и незамысловатее; так, на трех Двинских грамотах (духовной и двух купчих), от XIV в. сохранившихся, привешены двусторонние свинцовые печати. Все эти акты без подписей и утверждены печатями, из которых на одной надпись *Ивана Петровича*, на другой *печать Дементья Олексева*,

⁴ *Акты юридические*. № 412.

⁵ Там же. № 413.

⁶ *Иванов П.И.* Описание Государственного архива старых дел. М., 1850; *Временник* Моск. о-ва истории и древностей российских. Т. 4. Смесь. С. 14–21.

⁷ *Иванов П.И.* Указ. соч. С. 219.

⁸ *Псковская Судная грамота*, составленная на вече в 1467 году. Одесса, 1847. С. 9.

⁹ *Зап. Имп. археол. д-ва*. Т. 3. С. 221–267.

на третьей печати Трифона (О)сипови(ча), а на оборотной их стороне изображены кресты разных видов (табл. XIII, рис. 12)¹⁰. Имя владельца печати, на ней изображенное, обеспечивало ее неприкосновенность. Для той же цели мог служить и крест, символ святости, а если вспомним, что в самой грамоте отмечалось, кто был свидетелем при приложении печати, кто стоял у печати, то нельзя не согласиться, что при этих условиях печать имела вполне твердость подписи. Удобнее, впрочем, были для частных людей перстни с надписями и изображениями. Предпочтением, которое оказывалось подобным перстням и кольцам, объясняется их множество; из описи, напр., наследству, выданному княжне Лыковой после дяди ее Стрешнева, открывается, что к ней перешло тридцать восемь перстней, ценою в триста сорок один рубль. Конечно, бóльшая часть из этих перстней отличалась богатством камней, украшениями финифтью и т.п.; но в числе их есть и "пять перстней с печатями, цена тринадцать рублей"¹¹. Этим же объясняется и то, что в разных местах России откапывали и до сих пор откапывают перстни разных видов, из различных металлов и с самыми разнообразными эмблемами: но общим у них признаком остается то, что в середине помещалось какое-нибудь изображение: гемма или подражание ей и вообще какая-нибудь фигура, а вокруг на ободочке имя владельца, с прибавлением слова *печать* или же без надписи.

Что касается до изображений на перстнях, то они распадаются на два разряда, существенно различных, а именно: 1) печати без всяких геральдических признаков в эмблеме и атрибутах и 2) с геральдическими атрибутами. Последние по времени относятся к эпохе, к нам ближайшей; поэтому мы начинаем с первых.

Геммы, видели мы, были любимы нашими князьями, и большая часть печатей их состояла из антиков, вставленных в именные ободочки. При незавидном состоянии в древней России искусств и художеств этот род печатей был выгоден и удобен. Предположить должно, что антиков у нас было много, а страсть к ним разделяли и частные люди. В печатях их видим иногда прелестные образцы древнего искусства. Именные ободочки там, где буквы сохранились на слепках, обличают, кому печать принадлежала, а если владетель ее есть лицо историческое, то становится известным, какого она века. На других не осталось

¹⁰ Лепехин И.И. Путешествие академика Ивана Лепехина. Спб., 1805. Ч. 4. С. 419 и след.; Письмо Корреспондента Академии Крестинина к члену ее Озерецковскому.

¹¹ Временник Моск. о-ва истории и древностей российских. Т. 5, отд. 3. С. 23-24.

этих следов: надписи, может быть, или совсем не было, или она стерлась, но тем не менее печать по своей фигуре заслуживает внимания, и мы приведем некоторые из таких экземпляров, еще не изданных. Если акт утвержден печатями нескольких лиц, что и было означено в самом документе, напр. "к сей даной (1639 г.) Василей Петрович Наумов, да Микита Наумович Беглецов печати свои приложили", то, несмотря на недостаток подписей, свидетельствующих, кому принадлежала какая печать, можно без ошибки заключать, что первая с левого края принадлежала тому, кто первый упомянут в подписи или даже в начале акта, вторая — тому, кто за ним следовал, и т.д. Средство это очень часто открывает истину в разысканиях при недостатке других данных.

В исчислении княжеских печатей не было помещено нами печатей тех лиц, которые, хотя и происходили от владетельных князей, во время написания акта снизошли уже на степень частных людей; так, в написанной в 1498 г. духовной грамоте князя Ивана Юрьевича Патрикеевича о разделе имения его детям, князьям Василию и Ивану, равно как княгине Авдотье, привешено семь восковых печатей на шелковых малиновых шурках. Первая с левой стороны *печать княгини Авдотьи Ивановны* (такова надпись) имеет изображение полуживотного и получеловека, держащего в одной руке меч, в другой щит. На второй печати видно летящее чудовище, как бы летучая мышь, и по сторонам заглавные буквы, означавшие владельца печати; затем две небольшие печати, состоявшие также из гемм (надписи стерлись), с изображением человека влево. К этой же духовной приложил свою печать зять завещателя, князь Семен Иванович (вероятно, Ряполовский): *персона* сидит на скамье и держит в руках стрелы (не Геркулес ли это?). Свидетелями при написании этого акта были, как сказано в самом завещании, Иван Голова да Дмитрий Владимеровы дети Григорьевичи. На печати первого видим человека впрям: в правой руке он несет светоч, при виде которого два животные у ног его бегут в противоположные стороны; вокруг надпись: *Печать Ивана Володимеровича*. Наконец, на последней (не видно надписи, она, вероятно, другого свидетеля) изображен князь верхом, на правой руке у него сокол — эмблема, которая часто встречается на московских монетах (табл. V, рис. 8).

Эмблемы, которые частными лицами избирались для печатей, были самые разнообразные, состояли из птиц, рыб и всех видов животных, из трав, кораблей, всего чаще из людей и коней, одних или в сочетании с другими фигурами. Для образца мы при-

ведем некоторые из печатей, нам известных и еще не изданных: 1) Константина Григорьевича *Заболоцкого*, жившего при вел. кн. Иоанне III: на печати его видно изображение головы, обращенной вправо. Она в повязке и оканчивается античной драпировкой (табл. XI, рис. 10); 2) ко времени великого князя Василия Ивановича относится печать Угрин Федоровича *Кутузова* с изображением человека, обращенного влево: он держит в правой руке какое-то оружие, а левою хватает птицу (не Ивиковы ли это журавли?) (табл. XI, рис. 11); 3) Василия Михайловича *Чертенка-Заболоцкого* (XVI в.) — женская головка на полотне, в драпировке (табл. XI, рис. 8); 4) *печать князя Юрья Васильевича* (надпись вокруг): обращенная влево прелестная античная голова с бородою. Убранство волос венком, ниспадающим до плеч, не оставляет сомнения в византийском происхождении этой геммы (табл. XI, рис. 12); 5) на печати кн. *Петра Васильевича* (?) — львиная голова (табл. XI, рис. 13); 6) у кн. *Андрея Ивановича* (?) — женская голова, обращенная влево (табл. XI, рис. 14); 7) Семена Васильевича *Колтовского* печать, приложенная к межевой выписи 1623 г., носит изображение оснащенного корабля; 8) сложнее эмблема на печати стольника и воеводы Калины Григорьевича *Благово*, утвердившего ее выпись Сийскаго монастыря игумену об освобождении монастырских дворов от разных сборов: государь на престоле с короною на голове и с державою в левой руке, правую указывает на простертого у ног его человека, над которым два других человека держат поднятый меч, как бы собираясь отсечь ему голову. Печать эта сохранилась хорошо, и есть, вероятно, изделие запада (табл. XI, рис. 15); 9) у Романа Федоровича *Киреевского* (от 1629 г.) на печати видно дерево, покрытое листвою. Вокруг него обвилась змея, как бы хранящая плоды, к которым протягивают руки два человека. (Не хотел ли художник изобразить здесь историю грехопадения праотцев?) Подобная же печать была у Василия Петровича *Наумова* (1639 г.); но выше всех исчисленных по красоте 10) *печать князя Ивана Андреевича Булгакова*: в середине ее Леда ласкает лебедя — прелестная гемма (табл. XI, рис. 16) и 11) изображение Геркулеса, держащего в руках змей (табл. XII, рис. 1).

Как у князей не всегда были подлинные геммы в печатях, а вместо них встречаются изображения, очевидно, снятые с хороших образцов, так и частные лица пользовались печатями, сделанными в России. На них изображались также звери, птицы, монограммы и иные знамена. Выбор их в каждом частном случае зависел, разумеется, от лица, их выбиравшего, но раз усвоенное

знамя становилось как бы неперенным спутником человека в его гражданской деятельности, срасталось с ним, и нет ничего необыкновенного, если *знамя* это находило себе место и на печати. Название знамени заменяло нередко наименование лица, которому оно принадлежало, напр.: "Ходили знамя косы на черте" (изображение знамени следует после каждого названия); "да знамя калита с поясом, да знамя калита же с рубежем, да знамя лежа с двумя рубежи, да знамя локотки и т.д."¹², встречаем мы в межевых, судебных и других актах. Всего чаще, разумеется, употреблялось знамя креста, как самое уважаемое, твердое и донныне самое обыкновенное между людьми неграмотными, для замены подписи.

Что употребление знамени было разрешено официально, доказывается тем, что приложение его к разного рода актам десятильником, поповским старостою и другими должностными лицами требовалось законом, а значение, которое ему придавалось, может служить только доказательством его распознаваемости и общеизвестности. Цель, для которой знамена были установлены, во всяком случае, достигалась вполне: подпись лица заменялась печатью, и способ этот так удобен при малом распространении грамотности в народе, что даже Уложение царя Алексея Михайловича и последующее наше законодательство позволяют употреблять знамена¹³, точно так, как и теперь в деревнях и обществах удельных крестьян головы, старосты и т.п. должностные лица, если они безграмотны, заменяют подпись свою на бумагах по обязанностям службы приложением особой печати, с означением на ней, чья она¹⁴.

Для образца мы приведем несколько печатей, сделанных в России, и начнем с важнейшей и бывшей доселе неизвестною: это печать боярина и дворецкого Григория Васильевича *Годунова*. Изображение всадника есть одна из примет гербов для родов татарского происхождения, но, не имея достаточных доводов для того, чтобы придавать такое значение эмблеме, видимой на печати боярина Годунова, мы должны ее признать лично принадлежащею означенному боярину Григорию Васильевичу, тем более что точно такая же эмблема видна и на печати Сергея Федоровича *Аксакова*, приложенной к межевой выписи 1668 г.

¹² *Акты юридические*. С. 186, 212–213; *Текст Русской правды* на основании четырех списков разных редакций / Изд. Н.Калачова. М., 1846. Ст. СХХІХ. С. 131.

¹³ *Уложение*. Гл. X. Ст. 161; *Указы 1665 г.* марта 9 (№ 1111); *Указ 1698 г.* дек. (№ 1387).

¹⁴ *Свод учреждений губернских*. Т. 2. (Изд. 1842 г.) Ст. 5207, 5209. Ср.: *Указ 1822 г.* июня 30 (№ 29092). Сенатский.

(табл. XII, рис. 2); печать же боярина Годунова сохранилась на правой грамоте, данной им Суздальскому Спасоефимьевскому монастырю 22 апреля 1586 г., всадник едет вправо, круговая надпись стерлась. Иногда к всаднику прибавлялись и иные еще фигуры, напр., на печати (1598 г.) боярина *Волконского*, сколько можно заключать по сохранившейся надписи, обращенный влево всадник держит в правой руке меч. Епанча на всаднике развеивается подобно тому, как в московском гербе, но под ногами лошади бежит собака (вместо дракона) (табл. XII, рис. 3). Также изображение всадника в броне и с мечом видно на печати Богдана Борисовича *Воейкова* 1618 г. (табл. XII, рис. 4).

В Лихвинском уезде в числе других вещей было открыто в недавнее время несколько перстней, на одном из них грубо изображен морж или другое какое-то морское животное, на другом представлена птица с распушенными крыльями и головою, обращенною вправо, в третьем монограмма из четырех узлов, крестообразно расположенных, на четвертом вырезано два листа, расположенные друг против друга в клеймах, наведенных чернью, самые же листья оставлены белыми, и, наконец, на пятом представлен в круглом черном поле белый цветок или белая пятилистная ветка.

В Карабановском музее сохранилось также несколько перстней и печатей именных: с надписями — *печать Неметинова*, *перстень Бориса Богданова*, а в середине этой надписи видны очертания фигуры рыцаря и дракона, *печать князя Бориса Михайловича Лыкова*¹⁵. Во Владимире-на-Клязьме найден вместе с монетами перстень с печатью (относимый к XIV или XV столетию): на сердолике в середине печати изображен зверь, бегущий влево, с расправленными когтями, хвостом, склоненным к спине, и головою, обращенною назад, вокруг надпись: *Печать Нестера Турова*.

§ 53. Считаю лишним прибавлять, что ни одна из приведенных печатей не может иметь притязания на то, чтобы считаться гербом: им недостает как геральдических атрибутов, для герба необходимых, так и той неизменяемости и наследственности, без которых герб не может существовать. Если на некоторых печатях, от XVII в. сохранившихся, видим первый признак, т.е. атрибуты западных гербов, как-то: корону, щит, щитодержателей и т.п., то недостаток второго признака на печатях этой эпохи отнимает у них характер гербов. Что же касается до источника, из которого могли быть заимствованы нами геральдические

¹⁵ *Филимонов Г.Д.* Указ. соч. Табл. XXXIX—XL, рис. 5, 7, 14.

атрибуты, то достаточно заметить, что в Польше гербы употреблялись издавна. По присоединении к ней древней области русской — Литвы, этот признак благородства был сообщен и литовским родам: они примыкали к фамилиям польским, сообщавшим им свой герб. Стоит только просмотреть старопечатные книги львовские и острожские XVI и XVII вв., чтоб убедиться, какое значение имели здесь гербы. Почти на каждой книге герб автора или того, кому было посвящено сочинение с громкими по большей части виршами, восхвалявшими доблести фамилии и достоинства лица. Не говоря о других сношениях с Литвою, этим путем должна была дойти к нам идея о гербах. Их, конечно, продолжали употреблять литовцы и поляки, перешедшие в службу русского царя, а по образцу их могли делаться печати и для русских; но, повторяем, нельзя признавать их за гербы, как потому, что одна и та же эмблема не принадлежала всему роду и всем лицам, от одного родоначальника происшедшим, так, с другой стороны, потому, что она была лишена той наследственности, которая характеризует герб. Оттого на некоторых из таких печатей с геральдическими атрибутами видна вокруг надпись с названием лица, кому она принадлежала.

Мысль нашу всего лучше объяснит печать князя Дмитрия Михайловича *Пожарского*. Князья Пожарские происходят от князей Стародубских и должны бы иметь в своей печати стародубское знамя, т.е. старый дуб. А между тем письмо свое, отправленное в 1612 г. к австрийскому императору, князь Д.М.Пожарский запечатал совсем иною печатью. В щите представлен орел или коршун, клюющий мертвую голову (не турка ли, как в гербе Шварценбергов?)¹⁶. Щит держат два льва, геральдически верно изображенные, над щитом корона, а внизу печати извивается дракон. Вокруг надпись: *Стольник и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарской Стародубской* (табл. XII, рис. 6)¹⁷. При первом взгляде на эту и подобные ей печати является мысль о сходстве их с печатями княжескими, состоявшими из гемм, в именные ободочки вставленных. Не бралось ли изображение в печать из чужого, иностранного герба без всяких дальнейших рассуждений? На это наводят нас и некоторые другие печати с геральдическими признаками, относящиеся к XVII в., так, напр., фигуры в печати стольника Федора Саввича Нарбекова 1676 г. — шотландские (табл. XII, рис. 5). Далее, знамя

¹⁶ Spener. Lib. 2. P. 528.

¹⁷ Миклошич. Slavische Bibliothek. Wien, 1851. Bd. 1. P. 19—42. Ср.: Памятники Дипломатических сношений Московского государства с Англиею. Спб., 1883. Т. 2. С. 1406, 1422.

на печати боярина Федора Ивановича Мстиславского, сохранившееся на отписке его 1611 г. к королю Польскому Сигизмунду III и Владиславу Сигизмундовичу, составлено совершенно по правилам геральдики. Это коронованный лев, обращенный вправо: он стоит на задних лапах с когтями, расправленными на передних. Иностранное происхождение этой печати обличается латинскими буквами, поставленными на верхнем краю щита: T.D.C.D.M, могшими означать: Theodor dux... Mstislawsky¹⁸. Еще яснее иностранная надпись на печати стольника Ивана Михайловича Афросимова, сохранившейся на межевых выписях 1675 г. В щите, совершенно правильно обозначенном, изображен одноглавый коронованный орел (наподобие польского). Он повторяется в нашьлемнике. Корона и намет геральдически верны. Печать эта оттиснута на воску, и бывшая вокруг нее надпись едва видна: буквы, однако, латинские (табл. XII, рис. 7).

Как литовцы и поляки, переходя в московскую службу, приносили с собою свои родовые гербы, так, с другой стороны, и русские, переселявшиеся в Польшу, получали герб. Достаточно в этом случае указать на князя Андрея Михайловича Курбского; предки его идут от прародителя Владимира Мономаха, поколения князей Ярославских. До 1563 г. князь Андрей Михайлович Курбский служил верно своему отечеству, а в это время он изменил ему и перешел в службу короля Польского¹⁹. В Польше ему дан был герб, который подробно описан у польского геральдика XVII в. Окольского с объяснением при том, почему этому лицу присвоена эмблема — обращенный вправо лев, стоящий на задних лапах, с поднятым хвостом и высунутым языком. Вокруг щита венок из цветов. "Лев — царь зверей, — говорит геральдик, — и если он украшает герб какого-либо благородного мужа, то служит признаком большой храбрости и особенного благоразумия. По преданию, был он изображен на печати Агамемнона и Помпея. Курбский, продолжает тот же автор, был замечателен по происхождению, как родственник царя Иоанна Васильевича Грозного, по значению своему, как предводитель войск московских, и по храбрости, как победитель многих неприятелей. Не менее замечательно было его счастье, если, изгнанник и беглец, он был принят с почестями королем Августом. Наконец, обширны были его умственные дарования, если он на старости изучил в короткое время латинский язык,

¹⁸ СГГД. Т. 2. С. 489.

¹⁹ Курбский А.М. Сказание князя Курбского. 2-е изд., испр. и доп. Н.У. Спб., 1842. Предисл.

бывший ему прежде не известным»²⁰. Так объясняет этот герб польский автор, смотревший на измену Курбского с своей точки зрения. Мы с своей стороны заметим, что лев был известен в России издавна как символ мужества и благородства. Он вместе с единорогом имел у предков наших особенное значение, бывал знаменем на печатях, украшением на зданиях, кубках и пр.

§ 54. *Общий вывод о печатях.* Потребность в печатях выработала и те общие начала, по которым они составлялись у нас в течение пяти-шести столетий. Замечательно единство, проявившееся в печатях самых разнообразных как по лицам, которым они принадлежали, так и по целям, для которых служили. Изучение их ни в каком случае нельзя считать чуждым нашей геральдике, если смотреть на нее как на науку и полагать с правильной точки зрения, т.е. исторической. Этим только путем можно найти в ней смысл, в котором ей так часто отказывают. Было бы, конечно, пристрастно и значило бы увлекаться своим предметом, если бы мы стали отвергать всякое влияние Западной Европы на отечественную геральдику, но, с другой стороны, после всего вышесказанного можно ли сомневаться, что эмблемы для гербов государственного и княжеских образовались у нас самостоятельно, путем историческим, имеют смысл, значение, а не заимствованы бессознательно. Не лишены также значения эмблемы в других гербах, и дело науки есть, разделив их на группы, найти для каждой из них особые приметы и подчинить составление у нас гербов правилам, выработанным также не произвольно, а долговременною практикою. Полное развитие в подробностях и в приложении к делу найдет себе эта мысль в следующей, третьей, части нашего труда, для которого две первые служат только введением, как бы приготовлением.

²⁰ *Orbis Polonus* autore Okolsky. Cracoviae, 1641. Vol. 1. P. 504—505.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

О РУССКИХ ГЕРБАХ

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

История русских гербов

§ 55. Печать тогда только может стать гербом, когда приобретет характер наследственности, т.е. будет переходить из рода в род без изменения, и, кроме того, примет те геральдические атрибуты, без которых нет понятия о гербе. Мы видели уже, как рыцарское вооружение со всеми принадлежностями быта средневекового рыцаря и турниров перешло в герб. У нас были также щиты, шлемы с забралами, были военные плащи, епанчи, но тем не менее ни шапки-мисюрки, ни иерихонские шапки, ни контари, ни другие части нашего древнего вооружения не нашли себе места в наших гербах. Хотя дошедшее до нашего времени вооружение древних русских князей, напр. шишак вел. кн. Ярослава Всеволодовича или шлем вел. кн. Александра Невского, отличающиеся богатою насечкою и драгоценными украшениями¹, хотя, далее, простые шлемы², точно так же, как и щиты государственный³, царские и простых воинов⁴, могли бы послужить для полного образования чисто русских гербов; тем не менее им усвоены рыцарские атрибуты, их окружает обстановка точно такая, какая отличает гербы западные.

Это обстоятельство ясно доказывает, что форма герба заимствована нами изчужа и усвоена вместе с другими учреждениями Западной Европы: трудно только определить, откуда и когда именно сделано это заимствование, хотя наука по необходимости задает себе этот вопрос всякий раз, когда встречает новое учреждение, нам несродное и, очевидно, к нам перенесенное. Как бы ни хотел, однако, пытливый ум разрешить вопрос о месте и времени заимствования, он должен допустить постепенное введение чужеземного учреждения. Следя за историей печатей государственной и частных лиц, мы шаг за шагом приближались к гербу до тех пор, пока он не усвоен был нами окончательно.

¹ *Древности Российского государства*. М., 1853. Отд. 3, № 4—5.

² Там же. № 23.

³ Там же. № 71—72.

⁴ Там же. № 65—68, 72.

Событие это обыкновенно относят ко времени Петра Великого, и, судя по некоторым дошедшим до нас памятникам и свидетельствам, должно бы признать, что Петр I был нововводителем и в этом отношении. Но если взглянуть на историю нашу поглубже, то окажется, что он часто утверждал только то, что давно уже перешло к нам изчужа и гораздо прежде было усвоено Россиию. Это-то и есть, по нашему мнению, главная заслуга Петра Великого. Он умел обнять мыслью то, в чем заключалась потребность современных ему событий, к чему они вели и как можно было удовлетворить стремление страны к развитию и просвещению. Мысль наша будет еще яснее из примера, имеющего, впрочем, прямое отношение к истории гербов. Конечно, всякого русского историка занимал вопрос, откуда заимствована Табель о рангах Петра Великого. Легко ответить: из Швеции, Остзейских провинций, из Германии и т.п.; но как помирить с этим ответом, с одной стороны, то, что такого стройного здания иерархии служебной не находим ни в одном из иностранных законодательств, а с другой — что Табель о рангах, изданная 1722 г. января 24 (№ 3890), освящена законодательною властью тогда уже, когда на практике была она в полном действии? В Коллегиях заседали иностранцы наполовину с русскими членами; по регламентам этих учреждений они носили известные титулы, назывались различно и по самому учреждению Коллегий стояли в известном отношении к председателю и к товарищам своим. Иначе была бы не понятна для иностранца та степень прав, какая придавалась ему в России по прибытии его из-за границы, мера тех преимуществ, которые предоставлялись ему на Руси. Предшествовавшая служба не покидала его и в новой отчизне, которая принимала его в прежнем ранге, чине. Но, предоставив иностранцу известный объем прав, должно было сравнивать с ним и русских членов Коллегии, занимавших с ним равное место. Так родилась потребность в отыскании общих для службы гражданской начал. Служба военная до Петра Великого представляет еще более разительные доказательства тому, что задолго до Табели о рангах была определена для чужеземных служилых людей, которые в XVII в. во множестве приезжали к нам, та постепенность, которой следовало пожалование в чины: были даже определены сроки, в которые производилось повышение, конечно, если иностранец мог доказать, что он был в рядах войска иностранного государя с таким именно чином, с каким принят в службу русскую. Много памятников царствований Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича служат неопровержимым доказательством тому, что служилые

люди наши мало-помалу готовились к преобразованию в чинах, и потому-то Табель о рангах без всякого объяснения и толкования была ясна и удобоприменима: она определила то, что было известно каждому, до кого это могло касаться, всякому служившему. Точно так, учреждая герольдию, Петр Великий говорит о гербах как о чем-то существующем, и тогда как в отечестве нашем и государи, и города, и частные лица долго имели только одни печати, государь считает даже лишним объяснять, что такое герб, какие его принадлежности, как он составляется и пр. И действительно, в архивах наших хранятся целые произведения, возникшие, как увидим ниже, тотчас после уничтожения местничества и сожжения разрядов при представлении выездными родами доказательств о благородном их происхождении, дававшем им право на внесение в родословную книгу. Таким образом, в последней четверти XVII столетия учреждение гербов было уже в ходу, деления герба и лучшие геральдические сочинения были известны, а, когда издавался указ о том, чтобы каждый благородный имел герб, цель законодателя была, наоборот, ограничить излишнее число гербов и противозаконное употребление их теми, которые не имели права на это отличие. Сравните то, что говорит Котошихин о гербах наших, со словами Петра Великого о том же предмете: "Не токмо у князей и бояр и иных чинов, но и у всякаго чину людей Московскаго государства гербов не бывает, а прикладывают у кого какая печать прилучилась, а не породная", говорит Котошихин и объясняет явление это тем, что гербов "никакому человеку изложить не могут". А в 1722 г. Петр Великий прямо говорит, что возводить в дворянство и жаловать гербом и печатью может один только государь, а так как между тем оказалось, что некоторые лица сами себя называли дворянами, не имея этого звания, "иные же своевольно приняли герб, которого предки их не имели, ниже от предков наших или от иностранных коронованных глав им дан, и притом смелость приемлют иногда такой герб избирать, который владеющие государи и иные знатнейшие фамилии действительно имеют", то и установлена должность герольдмейстера. Обязанность его состояла, с одной стороны, в том, чтобы требовать от дворян доказательств их благородства, а от тех, которые имеют герб, от кого и когда он им пожалован, а с другой — в том, чтобы лицам, дослужившимся до обер-офицерства (в военной службе), русским и иноземцам, из дворян и не из дворян, равно как и не служившим, но могущим доказать свое дворянство за сто лет, давать гербы⁵.

⁵ Указ 1722 г. янв. 21 (№ 3890). Именной.

Есть положительные факты, которые подтверждают мысль, прямо, впрочем, вытекающую из слов указа, что Петр Великий застал уже гербы; но, оставляя пока доводы эти, мы приведем здесь еще другое свидетельство, также из законодательного памятника заимствованное, — это манифест 1798 г. января 1 (№ 18302), последовавший по случаю издания первой части гербовника⁶.

”Во всех европейских государствах в древния времена”, — читаем мы в этом указе, — ”звание дворянское и звание рыцарское имели одне и те же обязанности; честь и храбрость были главным основанием деяний дворянина и рыцаря. По разрушении древней Римской империи, когда вся Европа покрыта была мраком невежества, и во время феодального правления раздраема была междоусобиями баронов и других степеней дворянских владельцев, когда грабительства и разбои свирепствовали во всех странах Европы и невинность угнетаема была насилием, тогда некоторые, озаренные светом Евангелия и одушевленные верою и любовью, составили общества рыцарския и кавалерския. Каждый дворянин вменял себе в честь и славу быть рыцарем и получить знаки и украшения рыцарства. Щиты рыцарей украшаемы были гербами их родов, составленными из разных изображений, внесенных в герб в память или в знак каких-либо рыцарских подвигов. Честь, храбрость, беспредельная верность и любовь к государю и отечеству составляли главные свойства дворянина и рыцаря. Всему свету известно, что дворянство тех времен, движимое такими началами, успело, под покровительством государей, распространить повсюду христианские добродетели и основанное на них благонравие. От таких-то предков некоторые происшедшие потомки, как то показывает история отечества нашего, выехали в Россию в древнейшие времена и, найдя в отечестве нашем дворян, руководимых тем же духом храбрости и чести, основали роды дворян выезжих, получив во владение поместья наравне с другими служилыми людьми в России”...

”Роды же княжеские русские произошли по большей части от сыновей великого князя Владимира Святославича, озарившего Россию светом Евангелия. От родов княжеских ведут свое начало многие роды дворянские, следовательно, все они происходят от Рюрика и потому древностью своею не уступают самым древнейшим родам княжеским и дворянским других государств”.

⁶ Манифест этот напечатан как предисловие к 1-му тому Гербовника.

”Что русское дворянство всегда руководилось духом храбрости и чести, то доказывают всему свету известные труды и подвиги российского дворянства, на службу государям своим и на пользу отечества подъятые. Самодержцы всероссийские, находя всегда в дворянстве ревностных исполнителей монаршей воли и храбрых защитников отечества, отличали их почестями и изливали на них от престола своего милости. По примеру предков своих и государь император Павел Петрович, обращая внимание на все, что может способствовать к славе и чести российского дворянства, повелел издать собрание гербов дворянских, яко знаков дворянского достоинства каждого дворянского рода, ибо прежде сего, за неимением такого собрания, многие гербы или совсем утратились или же по временам изменялись. В отвращении этих-то неудобств и велено было составить Гербовник”.

Свидетельство это о происхождении гербов наших важно как единственный отрывок из истории геральдики России и как указание на то мнение о наших гербах, которого держались у нас в XVIII в.

§ 56. *Происхождение слова "герб"*. Мнение об иностранном происхождении наших гербов обязано своим существованием главным образом тому обстоятельству, что геральдика русская усвоила себе атрибуты, необъяснимые нашим бытом, хотя имевшие историческое значение в Западной Европе. Но вместе с тем должно бы перейти к нам и самое слово, служившее для означения понятия, нам чуждого, подобно тому, как, напр., архитектура, военное дело заимствовали названия для частей здания, для разных видов вооружения оттуда же, откуда и самые учреждения, бывшие нам прежде неизвестными. В этом-то отношении филология имеет за собою большие права, и при содействии ее сделан уже не один счастливый вывод для истории движения народов и перехода учреждений и разного рода установлений из одной страны в другую. Производство слова *герб* должно показать, как славянские народы вообще и русские в особенности смотрели на гербы и где должно искать источника, из которого мы почерпнули это установление.

История геральдики рыцарской доводит до убеждения, что название герба — *Wappen, armes* — обязано своим происхождением оружию, на котором прежде всего появился этот отличительный знак благородного рыцаря. Вооружение того времени, скрывавшее почти совершенно коня и всадника, породило потребность в таких знаках, при взгляде на которые всякий знал, кто тот витязь, который скрывается под кольчугою

и броней. У славянских народов, не принадлежавших к западноевропейскому рыцарству, по недостатку военных игр, турниров, на которых отличались рыцари Франции, Англии и Германии, герб был вызван другою потребностью.

Во многих славянских наречиях встречаются слова: herb, erb, irb, герб⁷, — в значении наследник или наследство, что и подало повод искать сродства его с немецким erbe, французским heritage. Не беремся решать, коренной ли это славянский звук, случайно похожий на германский, или же славянское слово обязано своим происхождением германскому корню; для нас важна та идея, которую славяне связывали с названием герба. Это понятие о наследственности эмблемы, о ее неизменяемости. Правда, что качество это считалось необходимою принадлежностью и герба рыцарского, но вместе с тем были у него еще другие геральдические приметы, внешние атрибуты. Хотя они прямо и без всякого изменения перешли в русский герб, но существенно всегда считалась твердость изображения в гербе, внешние же его атрибуты — шлем, налечник, мантия, намет и т.п. — стали помещаться вокруг щита позднее, и на них не было обращено внимания. Оттого так мало значения имеет у нас, напр., теория шлемов, которые в гербах русских имеют почти постоянно одну и ту же форму, тогда как на Западе для каждого рода и вида дворянства был свой шлем, с налечником, спущенным более или менее, обращенным влево или вправо. Вообще нам кажется, что если может быть русская геральдика, то это только наука о тех изображениях, которые видим на щите, — изображениях, имеющих, повторяем, свою историю, свой смысл и свое значение.

Каким же путем дошла до нас идея о гербах? Слово *герб*, общеславянское название наследственных эмблем, заставляет нас, сказали мы, искать источники, откуда перешло к нам это учреждение, не в Западной Европе, и обстоятельство это, по-видимому ничтожное, богато последствиями. Во Франции, Англии, Германии герб избирался лицом и утверждался за ним по его личным качествам и доблестям. По гербу, как по книге, читает опытный глаз, когда, в чем, где отличился тот или другой рыцарь.

⁷ Linde Słownik под словом Herb, чешск. erb, znameni, wladcytwi, сербо-луж. herba, карниольск. erb, irb, наследник Винск. (Хорут.) erbi, jerbi, потомство; по-немецки Erbe, по-франц. Heritage, англо-сакс. urb, arf. Не думаем, чтобы можно было производить это общее почти всем славянским народам слово от средневекового herribannum, знамени, которое предшествовало войску на войне. Такому производству противятся, с одной стороны, различие в значении обоих слов, а с другой — недостаток в гербе коренных в herribannum букв.

Если подвигов, о которых память желали увековечить, было несколько, герб был сложный, поле щита разноцветно, точно так, как различием же подвигов объясняется и разнообразие эмблем в западных гербах. Эта система геральдики сродна всем странам, где существовали рыцари и турниры, всем народам, принимавшим участие в крестовых походах; но в науке известна под именем *французской*, так как она развилась преимущественно во Франции.

Но, кроме этой геральдической школы, есть еще другая, с совершенно иною основною мыслью и потому с иным исходом. Это школа *польская*. Начало ее восходит до древнейших времен существования Польши, и так как рыцарство было в ней мало известно, жители же ее не принимали участия в играх и подвигах, служивших в Западной Европе применением геральдических идей к жизни, то и геральдика этой страны усвоила себе совсем иной характер. Простота, сохраненная польскими гербами до сих пор, изумительна. Это один знак, одна примета, одно *знамя*, которое, став наследственным, приняло форму герба. За недостатком исторических сведений было бы слишком смело находить сходство их с татарскими тамгами, ясаками и из того заключать о происхождении польских родов от татар⁸. Сравнение их с русскими *знаменами*, которые мы уже видели на печатях частных и должностных лиц, может довести до противоположного убеждения, т.е. что характер этот был не чужд славянским племенам вообще, тем более что знаки и символы эти прямо заимствованы из их земледельческого быта, из окружающей их природы и первоначально служили только знаками отличия, необходимыми в жизни для многих случаев. Когда в позднейшее уже время проникли в Польшу понятия о западных гербах, они были применены к объяснению польских гербов: им стали приписывать то значение, которого они первоначально не имели. Для этого стоит только сравнить, напр., Длугоша, геральдика XV в., с Окольским (XVII столетие) или Нещецким, о которых будет подробно сказано ниже при рассмотрении польских гербов, в Россию перешедших.

Сколько в древней Польше было коренных колен, столько же было и отличительных для них знаков, *клейнодов*, и всякий новый род, равно как и частный человек, который примыкал к польскому дворянству, не мог выдумать свое знамя или принести свой клейнод, а его брал под свое покровительство

⁸ Таково мнение автора статьи: *герб, гербоведение и геральдика* в 14-м т. *Энциклопедического словаря* (С. 118); *Татищев В.Н.* История российская. М., 1768. Кн. 1, ч. 1. С. 552. (В дальнейшем *Татищев*.)

какой-нибудь коренной польский род и приписывал к своему знамени. Оттого-то в прежние времена мало было назвать лицо, должно было прибавить: дворянин такого-то знамени, герба. На войне одногербовцы имели общее знамя, которым отличались от сородников.

Какая же из двух геральдических систем усвоена Россией?

Не упоминая об иностранцах, которые, приезжая в Россию, могли привозить свой герб и пользоваться им, мы думаем, что первые сведения о гербах перешли в Россию из Литвы. Литовцы, не переставая почитать Россию за свое отечество, во множестве переходили на службу русского государя, оставались у нас и образовали выездные благородные семейства, которые, конечно, удержали древнее свое отличие, герб, и позднее, в конце XVII в., только просили царя об утверждении его. А для убеждения себя в том, что поляки и литовцы в XV и XVI вв. пользовались гербами всегда, когда к тому представлялся случай, достаточно взглянуть на акты и отписки того времени. Совершенно правильно составленные гербы на печатях, под кустодиею, скрепляют их во множестве⁹.

Немаловажное влияние на переход к нам гербов из Польши и Литвы должно было иметь и то обстоятельство, что в годину несчастий были отторгнуты от России целые области, дворянству которых усвоено Польшею право пользоваться гербом, что и утверждалось за благородным сословием особою грамотою. Когда внутренние раздоры в отечестве нашем затихли и иго татарское стало спадать, Россия вступилась за свое прежнее достоинство, и, начиная от Иоанна III до царя Алексея Михайловича, она восстанавливалась в прежних границах, намеченных для ее деятельности Рюриком и его ближайшими родичами. При царе Алексее Михайловиче, с возвращением России Малороссии и Смоленска и с переходом их служилых людей на службу Москвы, учреждение гербов не могло не отразиться в жизни и обычаях русских более, чем когда-нибудь прежде, и мы увидим, что именно к этой эпохе относится у нас забота о правильном составлении гербов, что этому царствованию русская государственная печать обязана окончательною своею отделкою и собранием вокруг нее приличных ей атрибутов.

В доказательство того, какое значение придавали гербам польские короли, сообщая преимущества городам, от России отторгнутым, достаточно указать на свидетельство жалованной

⁹ Подобных печатей сохранилось много на польских рукописях Императорской Публичной библиотеки под № 222, 224, 235—236 и др.

грамоты короля Польского Сигизмунда Августа 1568 г. Даруя Вильне за услуги, короне Польской оказанные, самые существенные преимущества, король не забыл предоставить благородному сословию этого города право употреблять на печатях, в рисунках и гравюрах гербы, но не иначе как с согласия того семейства, к гербу которого лица, получившие право на это отличие, желают приписаться. Затем только они, с разрешения этого семейства и утверждения государя, могут сами и потомки их пользоваться известным знаменем¹⁰.

§ 57. Но если понятие о гербах перешло к нам из Польши и Литвы, то идея, лежавшая в основе польской геральдической школы, не могла найти у нас полного применения уже и потому, что наша геральдика не осталась чуждою и для иных влияний, и самые эмблемы заимствованы для княжеских родов из источника русского, из знамен, служивших для означения родовых владений, а для родов выезжих постепенно образовались для каждого их разряда свои особые приметы в соответствии с корнем, от которого роды эти пошли. Сообразно тому польские эмблемы усвоены гербам фамилий, выезжих из Польши и Литвы.

Таким образом, гербы наши, соединяя в себе приметы обеих геральдических систем, не только могут служить отличием одного благородного семейства от других и свидетельствовать о их подвигах, но вместе с тем показывают происхождение лица. В этом отношении наши гербы — *armes parlantes* в обширном значении слова, и опытный глаз прочтет по эмблемам герба всю историю рода: где его корень и чем он отличился. Объяснить значение наших гербов должна отечественная геральдика, при помощи которой все части герба приходят в стройный порядок и получают тот смысл, который им должна придать наука.

Дойти до таких богатых последствиями результатов можно только при помощи истории, и так как во второй части нашего труда печати всех разрядов доведены до той эпохи, когда они, окрепнув, приняли геральдические формы, то здесь мы продолжим начатое выше, следуя прежнему порядку, т.е. изложим историю герба государственной печати, затем перейдем к гербам

¹⁰ *Licebitque praedicto magistratui et eorum liberis nobilium stemmata seu insignia, si volent sibi assumere, de consensu tamen et voluntate alicujus familiae, ejus generis, quod ea arma gerit, quae illi assumere optaverint, quibus insignibus in omnibus actis suis tam in annulis signatoriis, quam in sculpturis ac picturis privatis uti poterint perpetuo, requisito deinceps vel nostro, vel successorum nostrorum consensu aut alio privilegio novo et speciali.*

Собрание древних грамот и актов городов Вильно, Ковно и др. Вильно, 1843. Ч. 1. С. 112.

городов и, наконец, заключим свое исследование гербами частных лиц.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

История герба государственной печати

§ 58. Пока Москва была не более как удел московского великого князя, без всякого особенного политического и нравственного значения, пока первенство ее среди других городов и областей России не было утверждено мирными трактатами ее великих князей с Новгородом, договорными грамотами с другими князьями, наконец, введением повсюду московской администрации с великокняжескими наместниками, печать московская так же изменялась, как и всякая другая личная, семейная печать. Тот круг, в котором она должна была иметь значение и пользоваться общеизвестностью, был так тесен, что не было необходимости усваивать печати Москвы определенные, неизменные и наследственные формы. Но вместе с государственными идеями установился и тот герб, который должен был перевести на символический язык монархические понятия, составившие силу и твердость нашего отечества. Из всех эмблем, которые в разное время выражали ту же идею борьбы Москвы с врагами и победы над ними, никакое другое знамя не могло быть так соответственно, как усвоенное ей окончательно, и вокруг этого основного типа, как коренного, группируются постепенно другие атрибуты, долженствующие служить верным и непреложным свидетельством убеждений России и ее успехов на поле брани.

Поэтому современный нам государственный российский герб сложился не вдруг: он слагался постепенно, и приращение его атрибутов соответствует увеличению силы России. Мы думаем, что история государственной печати в разные царствования должна быть тождественна с повествованием об изменении объема нашего отечества и отношений его к другим державам.

Этим же воззрением на государственную печать объясняется, почему всегда и всеми придавалось ей у нас такое значение: без нее как символа государственной власти останавливалось отправление государственных дел. "За Государевою печатью многие Государевы грамоты стали", — читаем в отписке 17 марта 1613 г., отправленной послами, ходившими просить на царство Михаила Федоровича, к Земскому совету, который обещал прислать им "боярский подлинный список и Государеву

печать”¹. Далее, малейшая и несущественная, по-видимому, ошибка, допущенная в приложении ее, влекла за собою продолжительные толки, нередко ничтожность акта и наказание того, кто был виною погрешности: форма печати, утвержденная обычаем и законом, в известный момент была неприкосновенна. Если в каждое царствование встречаем по несколько экземпляров государственной печати, которые различались между собою объемом, полнотою атрибутов и эмблем, то при приложении их в точности соблюдалось соответствие с уважением, которое Россия питала к другому государству: чем больше было это уважение, тем большая употреблялась печать, и наоборот. Даже в царствование Петра Великого при введении гербовой бумаги достоинство ее различалось по величине орла, и в указе 1699 г. (января 23 № 1673) велено употреблять бумагу *под большим орлом* для актов выше 50 рублей, *под гербом величиною против золотого* для актов, не достигающих этой цифры, а для остальных — *за печатью в ползолотой*. На самой же бумаге было отмечено: ”Под сею мерою герба писать всякие крепости”, затем следовало означение цены.

Существеннее были изменения в титуле, который выставлялся на печати при имени царя; но при этом не должно выпускать из виду, что и титул был большой и краткий, и употребление того и другого в дипломатических сношениях соответствовало также степени уважения, которое Россия питала к той или другой державе. Обстоятельство это отражалось и на бумаге даже, на которой писалась грамота: на ней выводилось золотом, красками более или менее трав и иных украшений. Как к ”Цесарскому Величеству Римскому” грамоты писались на самой большой александрийской бумаге, ”а травы золотыя писались большия”, так к королям Шведскому, Английскому и другим ”травы золотом были средня”, к курфирстам — ”травы золотом на верху над писмом, а по сторонам не бывает” и, наконец, к татарскому хану писались грамоты ”без трав”². Сообразно тому же началу большая государственная печать прикладывалась к грамотам в важнейшие иностранные государства. В других случаях употреблялась малая государственная печать. Она была в окружности меньше большой, что в середине ее под московским гербом и означалось иногда буквою М. Кроме того, отписки к ханам крымским и грузинским запечатывались печатью, на которой был изображен один герб московский: «Царь на коне

¹ Дворцовые разряды. Т. 1. С. 1050.

² Котошихин Г.К. Указ. соч. С. 28–29.

победил змия, около подпись царская, титла самая малая по „и иных”»³.

Для написания грамот и приложения к ним печати брали за образец примеры прошлых лет, и раз установившаяся форма сношений с тою или другою державою не изменялась произвольно и без особенной нужды. Потому в древнейшие *титулярники* с величайшею точностью вносились случаи, по которым Россия отправляла грамоты в ту или другую державу с подробным означением, в какой форме они писались. Не была забыта и не упущена без внимания ни малейшая подробность. Эти-то заметки и дают в настоящее время средство определить, на какие виды делилась государственная печать и как различалось ее приложение.

Самый древний (по крайней мере, мне известный) титулярник, т.е. собрание образцов и правил сношений России с другими державами, хранится в Московском архиве Министерства иностранных дел и относится к $\frac{6997}{(1489)}$ году, но гораздо полнее его другой, также официальный, составленный при царе Алексее Михайловиче: дипломатия его времени представляла более образцов и требовала бóльшей точности в определении различий печати.

Для примера приводим из последнего некоторые отрывки, могущие служить свидетельством о том, в каких случаях акты утверждались государственными печатями того или другого вида и чем различалось самое их приложение. "К Цесарскому Величеству (Германскому Императору) писана грамота на Александрийском на большом листе, самая большая с фигуры, богословие и государево имянованье по *Московского*, а Цесарево по *Римскаго* писано золотом, подпись Думнаго дьяка на затылке, печать Государственная большая *под кустодиєю с фигуры*, в камке кармазине". К королю Французскому грамоты утверждались также большой печатью, но *под кустодиєю большою*⁴. К бранденбургскому курфирсту писали "на средней Александрийской бумаге, кайма без фигур. Божие и Государево имя писано золотом, подпись дьячая без загибки, печать Государственная большая на красном воску, *под кустодиєю гладкою*"⁵. К владетелям Молдавской земли писали: на меньшей александрийской бумаге, кайма без фигур, "Божие и Государево именованье по *Владимирского* золотом, печатают государевою большою печатью на красном воску, *под кустодиєю*, а кустодия без фигур, *гладкая*"⁶. Далее крымским и грузин-

³ Там же. С. 29, 77, 90.

⁴ *Титулярник* времен царя Алексея Михайловича. С. 108.

⁵ Там же. С. 68.

⁶ Там же. С. 250.

ским ханам писали "татарским письмом, печать *кормленая*, на красном воску, под кустодиею *гладкою*; а Нурадину писали даже, не закрывая печать кустодиею". Наконец, к калмыцким тайшам объявление милостивого слова посылалось "на Александрийской на меньшей бумаге, на ней подпись без загибки, печать *воротная на черном воску*"⁷.

Вот в какой постепенности представляется приложение государственной печати в разных случаях и к владельческим особам различных стран. Все, начиная от цвета воска до вида кустодии, было твердо определено, а печатник с печатным приказом наблюдали за тем, чтобы правила, освященные обычаем, не были нарушаемы.

Из вышеизложенных примеров оказывается, что государственная печать разделялась на следующие виды:

1) *большая и малая*, по величине изображения и объему государева титула;

2) *печать воротная*. Она была односторонняя, малая, с московским гербом посредине двуглавого орла, с ушком, приделанным для ношения на шее. Подлинники ее хранятся в Архиве Министерства иностранных дел. Не эта ли печать называлась и *походною*, о которой упоминается в титулярнике 1489 года?⁸

3) *печать кормленая, или кормчая*, состоявшая по свидетельству титулярника из изображения: "Человек на коне с копьем колет змия, около подпись Царского Величества именованье"⁹. Представляя снимок этой печати (табл. XVI, рис. 5), мы останавливаемся на определении ее: значение этого вида государственной печати не понятно и не объяснено. Мы думаем, что первоначальное назначение этой печати состояло в приложении ее к грамотам, которые давались воеводам и некоторым другим чиновникам на кормление, т.е. на право содержания себя из доходов вверенного им города или места, и, в отличие от печатей, которыми утверждались другие жалованные грамоты на земли и разные преимущества, этой печати придано название *кормленой*. Впоследствии ею стали утверждать отписки к крымским и татарским ханам.

§ 59. Неизменный символ власти государя и обладателя всея Руси, со времени Иоанна III, есть двуглавый орел.

В выборе знаков для гербов всегда руководствовались тем символическим значением, которое известным фигурам и животным искони придавалось, и, конечно, всякий выбирал себе

⁷ Там же. С. 302, 306.

⁸ *Титулярник рукописный* $\frac{6997}{(1489)}$ года. С. 68.

⁹ *Титулярник* времен царя Алексея Михайловича. С. 302, 327.

ту эмблему, которая наиболее могла говорить за его мужество, благородство, преданность и иные добродетели. Этим объясняется общая любовь древних и новых народов к изображениям орла, дельфина и льва, царей птиц, рыб и животных, и так как необходимо было чем-нибудь различить эти эмблемы в гербах разных фамилий, то невольно удивляешься разнообразию атрибутов, которые придавались этим типам.

Эмблема льва была у нас издавна употребляема: мы ее встречаем на печатях частных лиц и приказов. В гербе города Львова в XVI в. изображена крепостная стена с башнями, а в двери геральдический лев. На львовской грамматике, изданной в 1591 г., на которой изображен этот герб¹⁰, к нему приложены следующие стихи:

”Лев царствует безсловесным зверем в начало,
Словесным же образ Христова царства нам ся
показало.

Мужайся, много-племенный Русский народе,
Да Христос начало крепости в тебе буде”.

Не этим ли употреблением символа льва в львовской печати должно объяснять помещение его в государственной польской печати для означения (как думают польские геральдики) Галиции, носившей название России, в память ее неразрывного единства с коренною Русью, с Москвою?¹¹

Но атрибутом собственно Московского, или правильнее Русского, государства был орел. Он пользовался у нас также издавна почетом: фигуры его в разных видах и с разными украшениями встречаются на древних печатях, на зданиях, заголовках книг и т.п. При великом князе Иоанне III эмблема эта усвоена государственному гербу.

Царь птиц, за силу и зоркость, с давних времен почитался символом проницательности и мужества¹². И в каких формах, в каких видах и цветах не представляли его древняя и новая геральдика! *Aquila Romana*, Римский орел, был знаком всему древнему миру, и какой другой символ мог бы более приличествовать этому победоносному народу?

Долго Римский орел представлялся одноглавым, и в таком виде он является на древних памятниках Рима, и никак не ранее времен цесаря ему придана и другая глава. Впрочем, вопрос о поводе, по которому, и о времени, с которого герб Рима

¹⁰ *Адельфотис* грамматика добраглаголивового еллино-славянского языка. Львов: В друкарне братской, 1591.

¹¹ *Vossberg. Siegeln.* P. 13–14; Таблицы; Рис. 7–8.

¹² *Spener, pars I.* P. 211–215.

начали изображать в виде двуглавого орла, до сих пор не решен еще окончательно.

Некоторые утверждают, что двуглавый орел установлен цесарем в память предвещения, которое было послано ему пред победою его над врагами и достижением верховной власти в Риме; а именно: летевший над главою его при въезде в Рим орел убил и бросил на землю двух коршунов. Так как предзнаменование это сбылось, то цесарь хотел увековечить память о нем, поместив двуглавого орла в гербе Рима¹³. Но большая часть ученых присоединяется к мнению тех, которые приписывают введение этого изображения в римском гербе эпохе образования двух империй, Восточной и Западной. Та и другая имела право на орла с одною главою, а так как они были соединены под одним скипетром, следовательно, убеждения и интересы их были нераздельны, то оба орла составили одно тело, а память о их первоначальной раздельности сохранилась в двух главах, в противоположные стороны обращенных. Последним признаком могла выражаться, впрочем, и другая еще идея: око государя было обращено на Восток и на Запад, а распоряжения обеими странами исходили из одного источника. Нельзя не признаться, что едва ли геральдика может указать на другую эмблему, в такой мере знаменательную.

Гербом этим пользовалась Восточная Римская империя до тех пор, пока существовала, а затем по преемству символ этот в 1494 г.¹⁴ перешел к России как стране православной, наследовавшей убеждения Царяграда¹⁵.

Царь Иоанн Васильевич Грозный, впрочем, объяснял принадлежность России двуглавого орла родством своим с Августом кесарем, от которого символ этот по прямой линии должен был, по мнению царя, перейти к Москве; а именно: во время раздоров с шведским королем Иоанном III, Грозный на упреки его отвечает: "А что писал еси о Римского царства печати и у нас своя от прародителей наших; а Римская печать нам не дико.

¹³ *Petra Sancta* Tesserae. P. 398.

¹⁴ *Карамзин*. Т. 6. Примеч. 98.

¹⁵ Вообще почетную эмблему — императорского орла — принимали в герб государства, считавшие себя преемниками Рима (напр., Австрия), и фамилии, происшедшие от греческих императоров или соединенные узами брака с принцессами из дома Ангелов, Комненов, Ласкарисов и Палеологов. На этом основании и цари Сербии, которые с XII в. неоднократно вступали в браки с греческими царевнами, усвоили себе двуглавого орла. Для примера прилагаем (на табл. XVI, рис. 7) печать деспота Иоанна 1496 г. Ср.: *Nicollis Anacephalaeosis*. 1722. P. 68—69; *Stritteri. Memoriae Populorum. Petropoli*. 1774. Vol. 2. P. 195, 293.

Мы от Августа кесаря родством ведемся"¹⁶. Царь при этом прямо различал печать родовую, т.е. московскую, от вновь заимствованного из Греции двуглавого орла.

Таким образом сложился наш государственный герб, и хотя он изменялся в частностях и мелких подробностях, в сущности, однако, был он неприкосновенен и тверд, изменения же делались по причинам историческим. Так понимали у нас всегда важность государственного герба. Поэтому и было сочинено на него много стихотворений, более или менее удачных, часто очень высокопарных. Как на образец последних указываем на стихи Леонтия Магницкого, приложенные к книге его *"Арифметика, сиречь наука числительная с разных диалектов на славянский язык переведенная, воедино собранная и на две книги разделенная* (изд. 1703 г.)". Мы их не выписываем, потому что они клонятся более к похвале математики и только мимоходом касаются приложенного к книге государственного герба и его атрибутов, но некоторые из стихотворений на герб замечательны, потому что высказывают убеждение о значении каждой части орла и входящих в государственный герб эмблем. Вот одно из таких стихотворений:

"Тремя венцами орел восточный сияет,
Веру, надежду, любовь к Богу являет.
Криле прсстер, объемлет всего мира конца,
Север, юг, от востока аж до запада солнца
Простертыми крылами добре покрывает,
Скипетр заступления в покров простирает.
Скипетр в царствии крепость, являет честь, славу,
Свет содержит, Августа восприимет державу"¹⁷.

Чтобы изложить подробно историю государственного герба, необходимо проследить историю каждой из составных его частей: 1) орла, 2) корон на нем и 3) надписей вокруг печати.

§ 60. 1) *Орел*. Орел в русском государственном гербе с конца XV в. был и до сих пор есть двуглавый черный орел. Эмблема эта остается неизменною. Изменялось положение крыльев орла. В Риме, напр., на колонне Антонина, он представлялся летящим¹⁸, а в печати Иоанна III видим его с опущенными крыльями (табл. VI, рис. 4)¹⁹. Такая форма их оставалась без изменения до конца XVI в., затем орел с распушенными крыльями появляется на некоторых печатях Лжедимитрия (табл. XVI,

¹⁶ Карамзин. Т. 9. Примеч. 414.

¹⁷ *Алфавит, собранный рифмами*, сложенный от святых писаний и из древних речений. 1705 г.

¹⁸ *Petra Sancta*. P. 398.

¹⁹ СГГД. Т. 1. С. 347.

рис. 2)²⁰, но в гербе времен царя Михаила Федоровича они опять спущены²¹. Наконец, с царствования Алексея Михайловича до настоящего времени орел остается с расправленными крыльями, все равно, притом представляется ли он парящим или на лету (табл. XVI, рис. 3)²².

Форма хвоста, головы и ног орла сколько зависела от отделки печати, от большей или меньшей степени отчетливости чекана, столько и от того, в каком положении представлялся орел, т.е. летел ли он или парил. На печати Иоанна III главы орла были с закрытым клювом²³, но уже на печати великого князя Василия Иоанновича клювы отверзты и из них выходит по язычку²⁴. Форма эта осталась в гербе нашем до сих пор; но в изображениях на рисунках, сосудах и других неофициальных памятниках она изменялась до чрезвычайности. Вообще, мы должны заметить, что двуглавый орел употреблялся как украшение очень часто на изделиях, и потому вкус художника решал, как убрать любимую эмблему и какие придать ей атрибуты.

В государственном гербе орел изображался без скипетра и державы до времен царя Михаила Федоровича²⁵. При нем стали их иногда придавать орлу, но прибавление это не считалось существенным и необходимым²⁶. Потому оно иногда и опускалось, даже в начале царствования царя Алексея Михайловича. При этом государе окончательно сложился государственный герб, и каждая из входящих в него частей объяснена, а символы переведены на общепонятный язык. Скипетр и держава должны были означать: *"Милостивейшаго государя, самодержца и обладателя"*²⁷.

Что касается до изображений, окружавших орла, то на многих памятниках ваяния XVI и XVII вв. он является не один; напротив, почти всегда он обставлен фигурами: льва, единорога, дракона и грифа. Что принадлежности эти нельзя считать одним простым и значения не имеющим украшением, плодом воображения художника, это доказывается неизменностью ее. Если и трудно найти положительное объяснение этих фигур, тем не менее можно с некоторого рода достоверностью утверждать, что значение их апокалипсическое. Под царским, напр., местом

²⁰ СГГД. Т. 2. С. 162.

²¹ Там же. Т. 3. С. 277.

²² Там же. Т. 4. С. 253.

²³ Там же. Т. 4. С. 347.

²⁴ Там же. С. 417.

²⁵ Филимонов Г.Д. Указ. соч. С. 21; табл. XIV; Рисунки.

²⁶ Там же. С. 22.

²⁷ Указ 1667 г. (№ 421). Именной; СГГД. Т. 4. С. 209.

царя Иоанна Васильевича Грозного изображены, говоря словами одного рукописного сборника XVI в., "звери, а им три имени: *лютой*, *лев*, *скимент* (молодой лев, символ племени Иудина), второй зверь *уена* (гиена), третий *орел*, четвертый *оскроган*, пятый — оскроган же"²⁸. С другой стороны, однако, нельзя отказать означенным зверям и в историческом значении: к нам перешли они, без сомнения, из Византии, памятникам которой изображения эти не чужды. На древностях византийских, следовательно, и должно искать разгадки этих эмблем, которые, повторяем, не могли быть ни случайны, ни произвольны. Достаточно в этом случае обратить внимание на хранящийся в московской Оружейной палате налучник от саадака греческой работы. Стиль его в сравнении с памятниками того же происхождения не оставляет сомнения в древности этого саадака. На нем видим орла с четырьмя фигурами, держащими символы государственной власти, а именно: единорог держит скипетр, лев — меч, дракон — корону и гриф — державу. Число — четыре — в связи с означенными фигурами наводит на мысль, не представляли ли они четырех римских префектур, точно так, как в государе, поражающем дракона, художник мог изобразить победу Константина Святого над Максентием или Лицинием. Ближайшее знакомство с византийскими памятниками как вообще, так в этом случае в особенности может навести не на одно предположение и должно объяснить многое в отечественных древностях.

Несмотря на то, однако, что эмблемы эти издавна окружали орла, мысль поместить на крыльях его печати важнейшие области России, которые прежде составляли отдельные великие княжества и царства и, слившись с Россиею, должны были иметь представителей своих в гербе русском, — мысль эта не древняя. Неразделен с всероссийским гербом был герб Москвы. Настоящее его место есть в сердце русского орла как средоточие, из которого выросло Государство; но долго московский герб составлял только оборотную сторону всероссийского герба, а где нельзя было изобразить оборотную сторону, напр. на сосудах, там изображался один только орел, на приклеенных же к грамотам печатях московский герб помещался и на персях орла. Вообще только удобством соединения двух этих эмблем и необходимостью их разделения может быть объяснен произвол, который существовал в этом случае. Для примера достаточ-

²⁸ *Древности Российского государства*. М., 1851. Отд. 2. С. 106–107; Рис. 67–73.

но указать на три грамоты, хранящиеся в Императорской Публичной библиотеке и утвержденные государственными печатями. Они относятся к одному десятилетию и достойны внимания, ибо показывают, какая разница в печатях существовала по различию содержания актов и по тому, в каком виде они приложены: 1606 г. ноября 9 (по каталогу № 275 Публичн. библ.) дана царем Василием Ивановичем Ниловой пустоши грамота на земли. К акту этому *привешена* красновосковая печать на малиновом снурке, с одной стороны всадник в короне — московская печать, а с другой — двуглавый орел с надписью вокруг: *Божию милостью великий государь царь и великий князь Василий Иванович всея Руси самодержец и многих господарств государь и обладатель*. А между тем к грамоте 1608 г. (№ 277) также царя Василия Иоанновича стряпчему Сытного дворца, на Белоозеро, *приложена* печать, на которой изображен двуглавый орел, на персях его московский герб; точно так, как 1617 г. августа 28 (№ 289) возная грамота путному ключнику Афанасию Родионову на имение утверждена печатью на черном воску, в середине орла московский герб — всадник на коне.

Сообразно изложенному началу, московский герб должен был соединиться с двуглавым орлом прежде всего на большой государственной печати, которая обыкновенно прикладывалась, а не привешивалась, тогда как малые печати были по большей части двусторонние, вислые. И действительно, на больших государственных печатях царей Иоанна Васильевича Грозного и Феодора Иоанновича герб московский изображен на особом щите посредине герба русского — всадник на коне влево (табл. XV, рис. б)²⁹, тогда как на малых печатях царей Феодора Иоанновича и Бориса Федоровича Годунова они разделены³⁰.

На малой печати Дмитрия Самозванца (табл. XVI, рис. 2) соединены два эти изображения с тем только различием, что всадник едет вправо. Это одно могло бы доказать, что печать Лжедмитрия сделана за границею человеком, знавшим геральдику, по правилам которой все живые фигуры должны быть обращены вправо. О том же иностранном происхождении печати свидетельствуют корона над орлом, нисколько не великокняжеская, и надпись вокруг: *Дмитр Ивановичь Божю милостую царевич Московски*. Русский не вырезал бы так надписи, тем более что надписи на печатях у нас всегда делались славянским шрифтом, который тогда один и употреблялся, а на печати

²⁹ СГГД. Т. 2. С. 101, 228.

³⁰ Там же. С. 155.

Лжедимитрия подпись сделана шрифтом, ближе подходящим к теперешнему гражданскому письму. Большая, впрочем, печать Самозванца вполне соответствует типу, русскими царями принятому и давностью утвержденному³¹.

При этом считаем нелишним заметить, что всадник на всех почти государственных печатях был обращен влево, на изделиях же, престолах, оружии и т.п. мы его встречаем иногда и вправо. Примета эта важна, ибо по ней можно изделия русские отличить от иностранных. Мастера наши, конечно, далеки были от знания западной геральдики, а случайность здесь допустить трудно. На предложение наше могут нам возразить тем, что как печать носилась на шее, то в оригинале всадник был обращен вправо и только в оттиске выходил влево; но как *воротная* печать никогда не составляла главного вида государственных печатей и употреблялась нечасто, так другие государственные печати не были назначены для ношения печатником на шее, почему к ним и не приделывалось ушка; следовательно, возражение это падает само сабою. Нам кажется непонятным желание применять к нашему государственному гербу, как и вообще к эмблемам в русских гербах, начала западной, нам чуждой геральдики. С XIV в. всадник в московском гербе, как и в литовских печатях, был обращен влево и остается в этом положении в течение *шести* столетий. Если оно и не соответствует правилам рыцарской геральдики, то давность стоит за твердость и неприкосновенность эмблемы, на которой так ярко отразились убеждения московских великих князей и государей всея России. Замечание это направлено против мнения тех иностранных писателей, которые укоряют русских в незнании геральдики и в доказательство того ссылаются на положение всадника в государственном гербе.

§ 62. Одежда всадника в московском гербе изменялась, смотря по тому, как на него смотрели: он был или в шишаке, если в нем видели воина, который колот копьем змия, или в Мономаховой короне, каким он изображен на печатях царя Михаила Федоровича, ибо представлял самого великого князя³², или же в короне княжеской на печатях царя Алексея Михайловича (табл. XVI, рис. 3): по объяснению этого государя на персях

³¹ СГГД. С. 162, 280.

³² СГГД. Т. 3. С. 277. На выходном листе Евангелия 1663 г., в изображении государственного герба, помещен портрет царя Алексея Михайловича в Мономаховой короне (табл. VII, рис. 3). Также в короне царской помещен он на заглавном листе книги *Лазаря Барановича*, в 1674 г. изданной: "Трубы на дни нарочитые праздников Господних, Богородичных" и пр.

орла было изображение наследника³³. Иногда, хотя и реже, всадник в государственном гербе представлялся с обнаженной головою (табл. VI, рис. 4). Неизменным остается положение его: он поражает дракона копьем. Художнику было предоставлено только изобразить большую или меньшую, так сказать, степень поражения: то копье только вонзилось в животное, то оно пронзило его, то змей как бы жалит коня в ногу, то конь давит дракона в самую грудь и т.д.

Епанча на всаднике всегда представляется развевающейся по воздуху и спадающей с плеча, ибо конь изображается на всем бегу. Грудь и ноги всадника в латах. На панцире обыкновенно нет никакого особенного знака, но в печати царя Михаила Федоровича (не под влиянием ли литовского герба?) на груди всадника виден белый крест³⁴. Впрочем, он встречается редко.

§ 63. Кроме московского герба, на персях орла помещались и иные эмблемы, а именно: 1) на малой печати царя Иоанна Васильевича Грозного видим с одной стороны изображение единорога, а с другой — двуглавого орла, но без московского герба³⁵ (табл. XV, рис. 1). Хотя и царь Иоанн Васильевич не считал единорога необходимою принадлежностью государственного герба, почему и не поместил его на большой своей печати (табл. XV, рис. 6), тем не менее фигура эта встречается еще на некоторых печатях царей Бориса Федоровича Годунова, Михаила Федоровича и Алексея Михайловича с тем только различием, что орел был с обеих сторон печати, а на персях его изображался с одной стороны всадник на коне, а с другой — единорог³⁶.

Татишев³⁷ утверждает, что единорог был собственным гербом Иоанна Грозного. Если слово *герб* в строгом смысле употреблено здесь и неправильно, тем не менее справедливо, что Грозный частную свою переписку, равно как акты неофициальные, печатал единорогом, напр. свои письма в Кирилло-Белозерский монастырь (грамоты, хранящиеся в Публичн. библ. отд. рук. № 250, 253 и др.). Значение единорога в царской печати, без сомнения, было символическое, объяснение которому должно искать в Священном Писании. Доказательством тому может служить серебряный ковш, найденный в 1730 г. на монетном дворе при разборе серебра, взятого от архиепископа Ростовского.

³³ СГГД. Т. 4. С. 209, 253.

³⁴ Там же. Т. 3. С. 277.

³⁵ На золотых монетах Иоанна Грозного орел изображался с обеих сторон, и в середине его был с одной стороны единорог, а с другой ездец.

³⁶ Указ 1682 г. апр. 29 (№ 915). Именной.

³⁷ Татишев. Кн. 1, ч. 2. С. 550.

Кругом этого ковша была подпись — имя Лжедмитрия с титулом, в середине, на дне, вместо обыкновенного орла единорог, а вокруг него подпись, взятая из псалма: *"яко единорога святилище Твое на земли"*³⁸.

2) На малой царской печати Петра Великого на персях орла был помещен Андреевский крест, но и он удержался не долго на том месте, которое по всем правам принадлежало московскому гербу. В последствии времени Андреевский крест на цепи, этому ордену присвоенной, повешен вокруг щита с изображением московского герба. На означенной печати Петра Великого (табл. XVIII, рис. 3) по бокам орла видим буквы: Ц. I. В. К. П. А. П. В. Р., что могло означать: царя и великого князя Петра Алексеевича печать всея России.

3) Император Павел Петрович, став гроссмейстером мальтийских рыцарей ордена св. Иоанна Иерусалимского, изволил повелеть, чтобы московский герб был положен на крест, этому ордену усвоенный, и в таком виде изображен на персях двуглавого орла³⁹, но в 1801 г. прибавление это снова уничтожено⁴⁰.

4) Образ Божией Матери помещался на груди орла, но не на печатях и не на официальных, вообще, изображениях государственного герба, а был атрибутом произвольным. Сколько нам известно, орел с этим изображением на персях встречается в первый раз в книге, изданной в 1705 г.: *"Алфавит, собранный рифмами, сложенный от святых Писаний и из древних речений"*. После заглавного листа в начале книги изображен двуглавый орел, тремя коронами увенчанный и имеющий на персях образ Божией Матери с Предвечным Младенцем; с боков орла буквы: Б. М. В. Г. Ц. В. К. П. А. В. В. и М. и Б. Р. С. Значение их понятно: это титул царя Петра Алексеевича⁴¹. Впрочем, художники не стеснялись выражать и иначе мысль о благословении и покровительстве свыше русскому орлу. Для образца указываем на заглавный лист в книге Лазаря Барановича (1674 г.): *"Трубы на дни нарочитые праздников"* и пр. Матерь Божия положила руки свои на главы орла, как бы благословляя их, а в сердце орла Дух Святой в виде голубя. Над главою Богоматери надпись: *"Покрыла его, яко позна имя Мос"*. Вместо скипетра и державы орел держит в когтях два щита разных видов; и под ними стих

³⁸ *Татищев*. Кн. 1, ч. 2. С. 550.

³⁹ *Указ 1799 г.* авг. 10 (№ 19074); авг. 19 (№ 19089). Именной.

⁴⁰ *Указ 1801 г.* апр. 20 (№ 19850). Именной.

⁴¹ Еще с большими украшениями, но также с образом Божией Матери, представлен государственный герб на Патерике, напечатанном в Киеве в 1806 г.

(из 4-й гл. Кн. Песнь Песней): "Тысяща щитов висит на нем". Надписи, из св. Писания заимствованные, вполне объясняют, какую идею автор хотел осуществить в рисунке.

§ 64. Мысль поместить вокруг орла, герба всероссийского, печати прочих царств и великих княжеств, присоединенных в разное время к Москве, выразилась в первый раз в большой государственной печати царя Иоанна Васильевича Грозного, которую видим приложенною к грамоте Лжедмитрия 1605 г. ноября 5, с уведомлением Юрия Мнишка о благоуспешности всех дел его⁴² (табл. XV, рис. 6). Идея эта могла родиться у нас при виде тех фигур, которых изображения встречаются на произведениях греческого искусства вокруг всадника на коне (см. выше), но вероятнее, что нововведением этим была обязана Россия знакомству с печатями Польши и Западной Европы. Действительно, если сравнить печать Иоанна Грозного с современной ей печатью польскою⁴³, то нельзя не удостовериться, что форма надписей и расположение областных гербов представляют большое сходство. Как бы то ни было, печатями областей, помещенными вокруг государственной печати, должно было объяснить титул государя, здесь же написанный. Оттого изображены вокруг герба печати: Новгородского наместника, царств Казанского и Астраханского, Псковская, Смоленская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская, Новгорода Низовския земли и Черниговская. Подобно тому на царском серебряном троне, на царской посуде и других вещах позднейшего времени видим также вокруг государственного герба изображения областных печатей⁴⁴. Но в государственной печати царя Алексея Михайловича эти мелкие печати стянулись в более общие, и соответственно государеву титулу были изображены с правой стороны три крепости, каждая особой архитектуры, и над ними буквы В. М. Б.: это представительницы Великой, Малой и Белой России; а с левой также три крепости и над ними буквы В.З. и С. — эмблемы восточных, западных и северных стран. В дополнение к тому был изображен под орлом знак отчича и дедича, который с обеих сторон охраняли вооруженные люди⁴⁵ (табл. XVI, рис. 3). По присоединении Малороссии к царству Московскому на печати, назначенной для печатания дел, до нее относившихся, под государственным орлом с атрибутами власти — скипетром и державою, — положена на столе гетманская булава. С правой

⁴² СГГД. Т. 2. С. 227.

⁴³ Там же. С. 464.

⁴⁴ Древности Российского государства. Отд. 2, № 79; Отд. 5, № 42.

⁴⁵ СГГД. Т. 2. С. 209.

ее стороны стоит, вероятно, сам гетман с крестом в руке, с другой стороны выступает какое-то важное лицо, держащее знамя. За ними следует несколько человек — все в малороссийских парадных костюмах. Некоторые из спутников гетмана и свидетелей возведения его в это звание указывают на царя, в московском гербе, давая тем как будто знать, что он дарует гетману власть⁴⁶.

Та же форма и те же изображения, какие мы видели на большой печати царя Алексея Михайловича, сохранились на больших государственных печатях царя Феодора Алексеевича и первых годов царствования Петра Великого. Гораздо полнее атрибуты в государственном гербе, приложенном к дневнику иностранца Корба, бывшего в России в конце XVII в.: на персях орла помещен московский герб, на правом крыле знамена киевское, новгородское и астраханское, а на левом — Владимирское, Казанское и Сибирское, а вокруг всего герба на особых щитках двадцать шесть других гербов областей и городов, упоминаемых в титуле русского царя, ему принадлежащих, равно как и тех областей, на которые Россия имела притязание (табл. XVII).

Помещенные у Корба на крыльях орла областные гербы в том же порядке перешли на императорскую печать Петра Великого: на одних печатях в особом ободочке, в других на крыльях орла поместились в отдельных щитах гербы главнейших городов, бывших столицами России, Киева, Новгорода и Владимира на Клязьме, и трех царств, присоединенных к Москве, — Казанского, Астраханского и Сибирского. Как печати первых, т.е. городов русских, увенчаны коронами императорскими и великокняжескими, так на гербах царств стоят короны этих стран (табл. XVIII, рис. 2 и 7).

Конечно, по мере увеличения пределов России должны были изменяться и гербы, окружающие двуглавого орла; гербы городов, прежних столиц княжеств, уступили место гербам отдельных царств и государств, присоединенных к России, и хотя их обыкновенное место было на крыльях орла, как Московского на персях его, тем не менее иногда делались попытки разместить их и иначе, но такие отступления от обычного порядка удерживались недолго. Для примера указываем на монету императрицы Екатерины II 1769 г.: на ней в середине представлен государственный герб, без изображения московского знамени, а по сторонам, в особых щитках, гербы московский, сибирский, казанский и астраханский (табл. XVI, рис. 7).

⁴⁶ СГГД. Т. 4. С. 369.

В настоящее время на правом крыле орла в государственном гербе помещаются три щита с гербами царств: Казанского, Астраханского и Сибирского, и на левом — царств Польского, Таврического и великого княжества Финляндского. В большой же государственной печати, сверх того, вокруг щита гербы всех прочих губерний и областей⁴⁷.

Есть ли какая-нибудь практическая польза для науки от такого подробного изучения истории государственного герба? Имеет ли оно какое-нибудь отношение к археологии и не есть ли это плод простого любопытства? — может спросить нас кто-нибудь не близко знакомый с делом. Оставляя в стороне, что все родное, пережившее века, должно быть дорого и мило тому, кто любит свою Родину, кто чтет ее святыню, мы думаем, что ошибки, так часто делаемые у нас археологами при определении времени, к которому принадлежит тот или другой памятник, при отыскании места, которому он обязан своим существованием, отчасти происходят оттого, что археология наша не постановила еще твердых и непреложных правил, когда герб изображался так или иначе, в каких именно случаях и когда московская печать помещалась отдельно от двуглавого орла и когда они слились, когда он стал держать в пазноктях скипетр и державу, с какого времени начали его венчать тремя коронами и т.д. А знать все эти приметы необходимо, потому что государи наши и даже частные лица любили украшать домашнюю свою утварь, одежду, сбрую, оружие, пелены изображением орла. На вещах, особенно государственной казны, не мог не отразиться тип, который преобладал на печати того или другого правления и составлял ее отличительную черту; напр., единорога в государственном гербе, видим на секирах (в Оружейной палате хранящихся), а на оборотной их стороне повторен двуглавый орел, на персях его — *ездец*. Время, к которому памятник этот принадлежит, можно определить по означенной примете. Безусловно, нельзя секир этих приписывать царствованию Иоанна Грозного, у которого в печати единорог был поставлен один, а оборотная сторона двуглавого орла была без московского *ездеца*. В позднейшие только царствования единорог помещен на персях орла в печати. Потому за недостатком других данных, которые могли бы противиться этому предположению, должно отнести секиры к концу XVI или началу XVII столетия. Это один пример, а подобные случаи могут встречаться археологу часто, и за неимением других более твердых

⁴⁷ *Свод законов основных*. Спб., 1842. Т. 1. Ст. 39.

и положительных свидетельств форма орла и его атрибуты дают верное средство дойти до истины.

Любовь к эмблеме орла была так велика, что для украшения ее ничего не жалели. Как часто на памятниках старины нашей вы видите вместо корон драгоценные камни, вместо московского герба чудное бурмицкое зерно, вместо державы — огромный лал, имеющий ее форму, и т.д. В этом отношении, конечно, давалась полная воля воображению художника, но основной тип того времени, когда изготовлялся орел, был неприкосновенен и всегда тверд. Обстоятельство это, повторяем, важно для определения эпохи, к которой должно отнести памятник; не менее важно другое обстоятельство, хотя кажущееся ничтожным, но могущее в некоторых случаях оказать немаловажную услугу при разыскании места, где сделана вещь. Мы говорим о том, в какую сторону обращен московский герб. По основному в геральдике правилу всякая живая фигура должна смотреть вправо, между тем у нас в гербе всадник на коне искони и всегда обращен в левую сторону, и, конечно, никакой русский художник без нужды не переменил бы такого его положения, а если на некоторых изделиях виден всадник, обращенный вправо, то можно наверное сказать, что это произведение не русского мастера, а сделанное за границею; напр., на железном кованом шишаке времен (как значится по описи) царя Феодора Иоанновича в двуглавом орле видим всадника направо, и действительно он оказывается "цесарского дела"⁴⁸. Выше было уже замечено о печати Лжедмитрия с такою же отличительною чертою. Подобных примеров много. Обращаем внимание на хранящийся в Оружейной палате царский серебряный трон и на изображение рыцаря поверх сидения: он в латах, на коне, также поражает дракона и обращен вправо. Фигура его не оставляет никакого повода сомневаться в иноземном происхождении этого замечательного памятника старины.

Не менее важна для науки история других принадлежностей русской государственной печати. Мы переходим к коронам.

§ 65. *Короны.* По общему правилу в государственном гербе помещается та корона, которою государь венчается на царство. Сообразно тому, корона Мономахова (табл. X, рис. 6), завещанная Византиею русскому царю, — корона, которой и по преданию, и по значению ее при царском венчании оказывалось постоянное и особенное уважение, могла бы венчать русского орла. Но вместе с византийским гербом перешла к нам и корона, его

⁴⁸ *Древности Российского государства.* Отд. 3, № 18.

венчавшая, и в первое время после принятия этого символа она подвергалась небольшим лишь изменениям. Вообще на печатях форма великокняжеской короны напоминает собою венцы, которые употребляются церковью нашею при совершении обряда бракосочетания.

На каждой из глав орла печати Иоанна III видим по такой зубчатой короне сперва о семи, а потом о пяти шипах⁴⁹ (табл. VI, рис. 4). В малых печатях царя Иоанна Васильевича Грозного и его ближайших преемников она состояла из трех листьев⁵⁰ (табл. XV, рис. 1), а на большой государственной печати Грозного, окруженной областными гербами, возвышается одна великокняжеская корона (табл. XV, рис. 6), в которую всажен крест с надписями по сторонам: Ис.Хс.⁵¹ Корона эта такая же, какую видим на шлеме великого князя Александра Невского⁵² (табл. X, рис. 1, 2).

Три короны являются в первый раз на печати начала XVII столетия, правления Лжедмитрия. Мы уже заявили свое убеждение и доказательства, почему мы думаем, что печать эта сделана за границею мастером, не близко знакомым с Россиею. Две маленькие короны, покоющиеся на главах орла, совершенно такие же, какие на печати Иоанна IV Грозного, но корона средняя (табл. XVI, рис. 2), большая, есть королевская и прямо соответствует тому титулу Imperator, который принял и употреблял мнимый сын Иоанна. Но на другой, меньшей, печати того же лица вместо средней короны видим большой крест, который встречается иногда на памятниках XVI и XVII столетий.

Причина помещения креста на короне вполне объясняется образом воззрения православного государя на св. церковь. Высшее осенение эмблемы власти крестом есть идея не новая, и крест же возвышается на короне Мономаховой (табл. X, рис. 6). Еще яснее выразилась эта мысль на большой печати Иоанна Грозного: кроме креста на его короне в особом щите изображен еще другой крест, имеющий сбоку копьё и палицу с надписью вокруг: "Древо дарует древнее достояние" (табл. XV, рис. 6). Выше была уже высказана нами и подтверждена фактами мысль, что в государственной печати ни одна черта не была произвольна и всякая в ней эмблема, всякая надпись была в полном соответствии с титулом, который носил государь и употреблял в тех или других случаях по стародавнему обычаю. Мы полагаем поэтому,

⁴⁹ СГГД. Т. 1. С. 347, 417, 453.

⁵⁰ Там же. Т. 2. С. 65.

⁵¹ Там же. С. 228.

⁵² Древности Российского государства. Отд. 3, № 5.

что и помещение креста в гербе на печати Иоанна Грозного не может быть приписываемо ни случаю, ни произволу, а объясняется нововведением, сделанным в это царствование в государственном титуле, а именно: вместо прежнего выражения: "Божиею Милостью", Иоанн IV начинал свое царское именованье так: "Троица пресущественная и пребожественная и преблагая, правоверующим в Тя истинным крестьяном дателю премудрости, преневедомый и пресветлый и крайний верх направи нас на истину Твою и настави нас на повеление Твое, да возглаголем о людех Твоих по воле Твоей! Сего убо Бога нашего, в Троицы славимаго, милостию и хотением и благоволением удержаном скифетр Российскаго царствя, мы великий государь и пр." Другая формула была кратче: "Милосердия ради милости Бога нашего, в них же посети нас восток свыше, во еже направити ноги наша на путь мирен, сего убо Бога нашего в Троице славимаго милостию, мы и пр."⁵³

Неразрывно с тою же формою титула крест вместо средней короны перешел на большие государственные печати царей Феодора Иоанновича⁵⁴, Лжедмитрия⁵⁵, у которого, кроме того, по сторонам креста надписи: *Царь славы Ис. Хр. Ника*, равно как на государственную печать начала царствования Михаила Федоровича⁵⁶ (табл. XVI, рис. 1), но с 1625 г. велено было поместить вместо креста среднюю корону, и с этого года должно считать официальное введение в государственном гербе трех корон⁵⁷.

Как при царе Алексее Михайловиче сложились и объяснены прочие части государственного герба, так и три короны, которые донныне венчают русского двуглавого орла, продолжали постоянно употребляться в царствование этого государя, с тем только, что форма их стала подходить ближе к шапке Мономаха (табл. XVI, рис. 3). Короны эти по выражению одного официального того времени памятника знаменуют "три великия: Казанское, Астраханское и Сибирское славныя царства, покоряющиеся богохранимой и высочайшей его царского величества, милостивейшаго нашего государя, державе и повелению"⁵⁸.

⁵³ Наша статья: "О титуле русского государя" в Журнале М-ва нар. просвещения. 1847. № 10—11.

⁵⁴ СГГД. Т. 2. С. 101.

⁵⁵ Там же. С. 280.

⁵⁶ *Российский царственный дом Романовых* / Изд. Г.К.Фридебург. Спб., 1852. Вып. 6.

⁵⁷ СГГД. Т. 3. С. 277; от 1625 г., апр.: "Что у прежней нашей печати были промеж глав орловых слова, и ныне у новые наши печати слов нет, а над главами у орла Корона" (ААЭ. Т. 3, № 162).

⁵⁸ СГГД. Т. 4. С. 209; *Древняя российская вивлиофика*. Т. 16. С. 118.

Те же короны остались без изменения и в последующие царствования до тех пор, пока Петр I не принял титула императора (табл. XVI, рис. 3). Тогда великокняжеские, царские, короны заменены тремя коронами императорскими, которые остаются в русском государственном гербе до настоящего времени (табл. XVIII, рис. 2, 3, 7).

Судя строго, по коронам должно бы узнавать, к какому времени относится тот или другой памятник, на котором осталось изображение этой любимой эмблемы, и иногда действительно может быть полезным знание, в какое царствование начали изображать над двуглавым орлом три короны, когда вместо средней короны употреблялся крест, какую он имел форму, и т.п. Знание всех этих примет важно даже для определения порядка, в котором следовали самые печати, в одно и то же царствование употреблявшиеся; напр., печати Петра Великого (табл. XVIII) отличаются одна короною великокняжескою (табл. XVIII, рис. 3), другая королевскою (рис. 2) и третья императорскою (рис. 7). Первые две должны быть старше последней, которая исправила ошибку, допущенную во второй.

На изделиях и вообще памятниках неофициальных короны имели форму самую разнообразную (табл. X, рис. 3, 4, 5), и так как в них нередко отражался стиль короны чужеземной известной эпохи, то мы думаем, что эта примета может в некоторых случаях, за недостатком других, более положительных, свидетельств, заслуживать некоторого вероятия и вести к довольно правильным предположениям о времени, когда, и о месте, где изделия изготовлены.

§ 66. 3) *Надписи вокруг печати.* В этом отношении всего менее перемены произошло в государственном гербе в сравнении с великокняжескою печатью. Выше было уже замечено, что самая печать была, в сущности, не иное что, как титул государя в эмблеме, которая в точности соответствовала пространству его власти и объему владений. Надпись вокруг печати объясняла, как это было и прежде, чья она, какие области подчиняются русскому государю, и вообще соответствовала его титулу. Поэтому как титул бывал или полный и пространный, или краткий и малый, так и надпись вокруг печати была или полная или сокращенная, и самые печати, сообразно тому, носили название большой и малой. Конечно, каждая из них прикладывалась к тем грамотам, где упоминался и соответственный царский титул. Иначе нарушался бы закон строгого соответствия между титулом государя в грамоте и на печати.

Каждое правление должно было по необходимости иметь

свою печать, ибо изменялось имя государя, и если у вновь вступившего на престол царя несколько времени оставалась еще печать его предшественника, об этом помещалось в указе, который по тому случаю издавался. Но, кроме того, каждое увеличение титула государя не могло не повлечь за собою и переделки печати, о чем также извещалось во всеобщее сведение; так, в 1625 г. царь Михаил Федорович нашедши, "что на прежней печати государское титуло описано было не полно", и потому на новой печати прибавлено: "*Самодержец*", равно как сделаны изменения в изображении герба, предписывает, чтобы разные грамоты, указы, подорожные печатались новою печатью и уважались не иначе как в таком виде⁵⁹.

Считая лишним приводить все надписи, или, иначе говоря, излагать историю титула русских государей⁶⁰, мы остановимся здесь только на тех, в которых выразилась какая-нибудь отличительная черта.

На печати великого князя Иоанна Васильевича с той стороны, на которой изображен московский герб, надпись: *Иоанн Божию милостию государь всея Руси великий князь*, а с другой, с изображением государственного герба, — *великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский и Псковской, Тверской, Югорской, Вятский, Пермский и Болгарский*⁶¹ (табл. VI, рис. 4).

У великого князя Иоанна IV надпись на малой печати была кратче: с одной стороны: "Иван Божию милостию господарь всея Руси", а с другой: "Великий князь Володимерский, Московский, Новградский и иных"⁶²; но зато большая печать с изображениями гербов областей, к Москве присоединенных, носит на себе дополненный вследствие новых завоеваний титул царя русского: "Бога в Троице славимаго милостию, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болгарский и иных государств и великий князь Новагорода Низовския земли, Черниговский"⁶³ (табл. XV, рис. 6).

На малой печати царя Феодора Иоанновича титул несколько изменился: "Феодор Божию милостию царь господарь всея Руси

⁵⁹ ААЭ. Т. 3, № 162.

⁶⁰ Ссылаемся на статью нашу о титуле государей русских в "*Журнале М-ва нар. просвещения*". (1847. № 10—11).

⁶¹ СГГД. Т. 1. С. 347, 448.

⁶² Там же. Т. 1. С. 453, 586; Т. 2. С. 65.

⁶³ Там же. Т. 2. С. 228.

и великий князь Владимирский, Московский и Новгородский и Астраханский”⁶⁴; а в большой его печати помещены все без исключения владения, которые не были даже упомянуты в печати Иоанна Грозного, ибо присоединены к Москве после изготовления Иоанновой печати. Чтобы не приводить весь этот огромный титул, обращаем внимание на конец надписи: "...и вся Сибирские земли и северные страны повелитель и многих земель государь и обладатель”⁶⁵. Титул этот так обширен, что в три строки едва уместился вокруг обеих сторон государственной печати, носящей одно и то же изображение — двуглавого орла с гербом московским на персях.

Большая печать Лжедмитрия по надписи ничего замечательного не представляет⁶⁶; надпись же вокруг малой кратка и должна значить: "*Дмитрий Иванович Божьею милостью царевич московский*" (табл. XVI, рис. 2)⁶⁷.

Любопытно бы знать, какую надпись носила *земская печать*, заменившая государственную во время междуцарствия и упоминаемая в грамоте, данной в 1613 г. боярину и воеводе князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому на отчину Вагу от российских архиереев и бояр⁶⁸.

Государи благословенного дома Романовых, в сущности, не изменили надписи вокруг своей печати. На малой печати царя Михаила Феодоровича, представляющей отдельно герб московский от двуглавого орла, вокруг первого изображения читаем: "Божиею милостию великий государь царь и великий князь Михаил Феодорович", а вокруг второго: "Всея Руси самодержец и многих господарств господарь и обладатель”⁶⁹.

Вокруг печатей царей Алексея Михайловича и Феодора Алексеевича надписи удерживают тот же тип, но титул обобщается, и государь называет себя: "Царем и великим князем Великия,

⁶⁴ СГГД. Т. 1. С. 596.

⁶⁵ Там же. Т. 2. С. 101.

⁶⁶ СГГД. Т. 2. С. 280.

⁶⁷ Там же. С. 162. На снимке печати (табл. XVI, рис. 2) сохранена орфография подлинника.

⁶⁸ Выписываем конец этой замечательной грамоты: "А на большее утверждение дали есмя сию грамоту в Соборной и Апостольской церкви Пречистые Богородицы честного и славного ее Успения у чудотворного Ее образа Владимирского, еже написа божественный евангелист Лука и у многоцелебных чудотворных мошей московских чудотворец Петра и Ионы и руки свои есмь к той грамоте приписали и *печать земскую привели*, что быти крепко и стоятельно и непременно на веки". (Миллер Г.Ф. Известие о дворянах русских. Спб., 1790. Т. 3. С. 133.)

⁶⁹ Там же. Т. 3. С. 277.

Малыя и Белья России, стран восточных, западных и северных отчичем и дедичем, государем и обладателем”⁷⁰.

Впрочем, эти общие выражения, оставшиеся, в сущности, без изменения как в царствование государя великого князя Алексея Михайловича, так и в последующие правления, в подробностях изменялись с каждым новым приобретением, с каждой победою. В подтверждение приводим официальное описание печатей царя Алексея Михайловича с подробным означением того, в чем заключалось различие между ними.

Всех государственных печатей, оставшихся в Посольском приказе от времен царя Алексея Михайловича, было девять. Большая государственная серебряная печать, сделанная по Андрусовскому перемирию “с государским именованьем и с короткими титлами”. Такая же точно оловянная печать, которая впоследствии переделана на имя царя Феодора Алексеевича, пока новая печать не была сделана. Далее печать большая, с стебельком, серебряная, с полным титулом, но без выражения *Белой России*, а прибавлено: “*Полоцкий, Витебский, Мстиславский*”. Такая же печать, но с прибавкою: “*Литовский, Черниговский, Полоцкий, Витебский, Мстиславский*”. Еще печать, в которой в сравнении с первою нет “*Белой России, Смоленскаго*”, а прибавлено “*Черниговский*”. На иной государственной серебряной же печати, большой, с стебельком, пропущено: “*Великой, Малой, Белой России*”, равно как “*Киевского и Смоленского*”, и, кроме того, в начале поставлено “*Владимирский*”, а “*Московский*” после. Наконец, большая оловянная печать с полным титулом, в котором прибавлено: “*Литовский, Волынский, Подольский, Полоцкий, Витебский, Мстиславский*”⁷¹. Титулу, в котором выражался объем владений русского царя, изменявшихся в XVI и XVII столетиях так часто вследствие войн наших с Польшею, Швециею, Ливонию, вследствие новых приобретений на Востоке: царств Сибирского, Казанского и Астраханского — придавалось надлежащее значение, и в указе царя Алексея Михайловича 1667 г. (№ 421) *о титуле царском и о государственной печати* мысль о причине изменений этих выразилась во всей полноте. В этот (1667) год заключен Россией Андрусовский договор, по

⁷⁰ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 4. С. 253, 369.

⁷¹ Указ 1682 г. апр. 29 (№ 915). Именной с боярским приговором. Ср.: Книгу, а в ней собрание, как в прошлых годах великие государи, цари и великие князи русские... писали в грамотах ко окрестным великим государям христианским и к мусульманским и какими печатями грамоты печатны // *Древняя российская вивлиофика*. Т. 16. С. 86–119; *Рукописи Царского*. М., 1848. С. 652–653.

которому к ней возвратились *исконные ее вотчины* — Малорос-сия и Смоленск, отторгнутые от русского скипетра в дни внут-ренних смут и войн с Польшею. Таким образом, плодом всех предыдущих завоеваний, всей предшествовавшей политики московской представляется следующая надпись на большой го-сударственной печати царя Алексея Михайловича, равно как ца-рей Иоанна и Петра Алексеевичей: "Божиею милостию мы, пре-светлейший и державнейший великий государь и великий князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья России само-держец: Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский и царь Сибирский, государь Псковский, великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и всея северные страны повелитель, и государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских царей, и Кабардин-ские земли, Черкасских и Горских князей и иных многих госу-дарств и земель Восточных и Западных и Северных Отчичь и Дедичь и наследник и государь и обладатель" (табл. XVI, рис. 3). На рисунке, Корбом в его дневнике оставленном, всякое област-ное наименование олицетворено в гербе. Поэтому вы находите здесь и *armes de pretention*, гербы Иверский, Карталинский, Черкасский, Кабардинский и Свейский (табл. XVII).

Печати, сделанные после провозглашения Петра I императором, носят различные надписи: "Петр Алексеевич, царь и само-держец Всероссийский и всея северные страны повелитель" или: "Петр первый Божиею милостью царь и повелитель Всероссий-ский" (табл. XVIII, рис. 7)⁷².

Затем в каждое царствование изменялась печать в той мере, в какой требовало того изменение титула и имени императора или императрицы⁷³.

Но не раньше 1726 г. определено, в каком поле быть какому изображению в государственном гербе: указом этого года о при-готовлении золотой государственной печати объяснено, чтобы орел с распростертыми крыльями был в желтом поле, а ездец в красном⁷⁴.

§ 67. *Ненарушимость печати. Печатники. Обергегатели государ-*

⁷² Указ 1721 г. дек. 6 (№ 3864). Сенатский.

⁷³ Указ 1725 г. фев. 17 (№ 4657). Сенатский; 1741 г. нояб. 25 (№ 8474). П. 12, 13; 1762 г. июня 28 (№ 11583). Сенатский; 1762 г. июля 3 (№ 11591). Сенатский. П. 4; 1799 г. авг. 19 (№ 19089). Именной.

⁷⁴ Указ 1726 г. марта 11 (№ 4850). Сенатский.

ственной печати. Печатный приказ. Государственная печать, в определенной форме приложенная, свидетельствовала об утверждении того или другого распоряжения верховною властью, о даровании ею известных прав, и потому как, с одной стороны, форма печати, изображение и подписи на ней были тверды, как далее обычаем и законом было определено, к каким актам, когда, какая печать прилагается, так, с другой стороны, строгое наказание ждало каждого, кто незаконно воспользовался бы доверием, соединенным с государственною печатью, и подделал ее или приложил к актам, мимо узаконенных властей.

Уложение царя Алексея Михайловича установило смертную казнь для всякого, кто или подделает государственную печать, или, отняв печать от бумаги, к которой она приложена, перенесет ее на "воровския и нарядныя" грамоты⁷⁵. С одинаковою строгостью Петр I преследовал поддельвателей государственной печати: их лишали живота и имения⁷⁶. Последующее законодательство наше видит в подделке государственной печати одно из тягчайших преступлений и наказывает его самыми строгими мерами, соображаясь, конечно, с степенью проявления в каждом частном случае преступной воли лица и со вредом, государству нанесенным⁷⁷. При таком уважении к государственной печати, которое ей по всем правам принадлежало, необходимо было лицо или учреждение, которое бы наблюдало за правильным приложением ее и вместе с тем охраняло ее неприкосновенность, сберегало ее. Для этой цели существовали в древней Руси печатники, а в последствии времени образовался Печатный приказ.

Первые известия о печатнике довольно древни и относятся к половине XIII столетия. Значение этого должностного лица объясняется тем, что в древней Руси великие князья сами не подписывали бумаг: они писались от имени великого князя, а печатник утверждал их печатью⁷⁸, надпись на которой ясно свидетельствовала, чья она. Приложение такой печати считалось достаточным доказательством согласия великого князя на то или другое распоряжение. Выражение: "А сесь список велел есми подписати печатнику и печать свою приложил"⁷⁹ обыкно-

⁷⁵ Уложение 1649 г. Гл. 4. Ст. 1–2.

⁷⁶ Воинские артикулы 1716 г. марта 20 (№ 3006). Ст. 201; Морской устав. 1720 г. янв. 13 (№ 3485). Кн. 5, гл. 18. Ст. 136; Генер. реглам. 1720 г. февр. 28 (№ 3534). Гл. 13.

⁷⁷ Свод законов уголовных. Т. 15 (Изд. 1842 г.). Ст. 497, 498; Уголовное уложение 1845 г. Ст. 323.

⁷⁸ Успенский Г.П. Опыт повествования о древностях русских. Харьков, 1811. Ч. 1. С. 162; ПСРЛ. Т. 2. С. 179–180.

⁷⁹ СГГД. Т. 1. С. 304–305, 416.

венно в нашей древней официальной переписке. Очевидно, что к лицу печатника великий князь должен был питать неограниченное доверие, и потому тогда, когда должности на Руси еще не были строго разграничены, на печатника переносились нередко обязанности, ему чуждые, напр. великий князь поручал ему хранение своих сокровищ⁸⁰. Вместе с другими государственными людьми и печатник призывался в князем к совещанию в особенно важных случаях⁸¹, далее он принимал участие в военных действиях⁸² и т.п. Тем не менее главной его обязанностью оставалось прикладывать к разным грамотам, отпискам, судебным актам и др. бумагам печати и собирать за это установленные пошлины⁸³.

В печатники избирались лица *изведанныя*, по выражению знаменитого печатника Ордына-Нащокина⁸⁴, *правотою и разумом*: личное доверие государя определяло выбор этого приближенного к нему лица. Поэтому в записке, составленной в начале XVII столетия (1610–1613), о царском дворе, церковном чиновничестве, придворных чинах пр. и было упомянуто, что "печать большую держит, кому государь пожалует велит"⁸⁵. И действительно, в правление Дмитрия Иоанновича Донского был избран в великокняжеские духовники и печатники священник села Коломенского Митяй, отличавшийся умом, познаниями, красноречием и другими качествами⁸⁶. Ему поручено было управление иностранными делами, а высшие должности в церковной иерархии и, наконец, сан митрополита были наградою за деятельность Митая на этом поприще⁸⁷.

При великом князе Иоанне III печатником был Юрий Траханиот, родом грек, тот самый, который прислан был к нему от кардинала Виссариона с предложением руки Софии Фоминишны Палеолог. Он, оставшись в службе великокняжеской, неоднократно отправляем был с важными поручениями в качестве посла к цесарям Фридерiku и Максимилиану I⁸⁸.

⁸⁰ В духовной грамоте вел. кн. Иоанна Васильевича читаем: "А те ларци стоят в моей казне у моего казначея.. да у моего печатника". (Там же. С. 399. Ср.: С. 547).

⁸¹ Там же. С. 549. Ср.: ПСРЛ. Т. 2. С. 179.

⁸² Карамзин. Т. 4. С. 15.

⁸³ АИ. Т. 1, № 153. Ст. 42–44.

⁸⁴ Терещенко А.В. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. Спб., 1837. Ч. 1. С. 60.

⁸⁵ АИ. Т. 2. С. 423.

⁸⁶ Карамзин. Т. 5. С. 30.

⁸⁷ Терещенко А.В. Указ. соч. Ч. 1. С. 3–4.

⁸⁸ Там же. С. 5.

Случаи, в которых требовалось приложение великокняжеской, царской, государственной печати были так разнообразны, что для деятельности печатника трудно положить пределы. Его участие было необходимо повсюду, но так как печатью же утверждались договоры с иностранными государями, то заведование посольскими делами составляло одну из главных обязанностей этого государственного лица. С расширением дипломатических сношений России являлась большая и большая потребность в приготовленных к занятию этого места лицах. Выбор падал обыкновенно на дьяков, людей, вполне преданных царю, бравшему их по большей части из низших классов общества, дьяков, отличавшихся своим образованием и способностями. Сидя в приказах, отправляясь в посольства при боярах, присутствуя при приеме иностранных послов русским двором, они приобретали практику, которая готовила их к знанию думных дьяков и печатников. Царь и бояре не пренебрегали советом этих опытных и испытанных людей. История наша пока молчит об Олмазе Иванове, Грамотине, о Лихачеве, о Щелкаловых и др. думных дьяках, которые тем не менее так успешно окончили не одну войну выгодным для России миром, сделали не одно улучшение в законодательстве и во внутреннем управлении отечества нашего. Настанет время, когда Россия с гордостью укажет на этих дельцов, на древних дипломатов московского двора.

При Иоанне IV печатником был Иван Михайлович Висковатой, за ним следовал Роман Васильевич Олферьев, но выше всех предыдущих были думные дьяки Андрей и Василий Яковлевичи Щелкаловы, которых встречаем на дипломатическом, государственном поприще в течение 60 лет при Иоанне Грозном, Феодоре Иоанновиче и Годунове. Читая дипломатические сношения России того времени, убеждаешься в значении, которое имел у нас в этих случаях печатник. Гонцы и послы прежде представления своего государю показывали грамоты печатнику, который опытным своим взглядом решал, в какой степени они соответствуют достоинству русского царя, правильно ли написан титул, "по пригожо ли и по прежнему обычаю" привешена печать (а не приклеена), и т.п.⁸⁹ Его голос должен был решить эти предварительные вопросы. Официальные свидетельства не оставляют никакого сомнения, что печатник иногда и сам вел иностранную переписку, конечно не по самым важным делам, и на его имя

⁸⁹ *Памятники дипломатических сношений древней России*. Т. 2. С. 25–27, 284.

присылались ответы в Посольский приказ⁹⁰. Кроме того, иностранные торговые люди и промыслы их были подведены тому же лицу, печатнику⁹¹.

Думный дьяк Андрей Щелкалов принимал деятельное участие в переговорах, которые царь Иоанн Васильевич Грозный вел с Даниею и Литвою. Самые чувствительные струны московской дипломатии были затронуты опровержениями, которые иностранные дворы представляли против притязаний русского царя, но печатник умел отстоять их и внушить иностранным послам уважение к русскому государю. Англичане, которым царь Иоанн Васильевич даровал огромные торговые привилегии в России, нашли себе в Щелкалове умного противника, понимавшего все невыгоды для русских торговых людей, от такого предпочтения проистекавшие. Не раз пытались англичане лишить царского доверия ненавистного для них Щелкалова, но все их происки были безуспешны. Царь, уважая его способности и опытность, в награду за его труды, даровал ему новый и лестный титул — *ближнего дьяка*, а по смерти Андрея Щелкалова (1595 г.) печатником назначен брат его, Василий Щелкалов, и не было ни одного важного в тогдашней России события, ни одного государственного предприятия, которое бы обошлось без участия этого замечательного человека; а заседая в Думе, Щелкалов своим значением и влиянием на дела много содействовал Борису Годунову в возведении его на престол. Опасения заставили Годунова удалить Щелкалова от дел; но Лжедмитрий, ссылаясь на Щелкаловых, будто бы они спасли его от ярости Годунова и подменили другим ребенком, вызвал Андрея Щелкалова к своему двору, возвратил его прежний сан и возвел в окольничьи⁹².

По смерти Щелкалова посольскими делами управляли дьяки: *Сутунов* и *Афонасий Власьев*. Последний отличался гибким умом, и за услуги, оказанные Лжедмитрию при возведении его на русский престол, получил от него звание *великого секретаря и надворного подскарбия*: он принимал постоянное участие в государственных распоряжениях Лжедмитрия.

По убиении Самозванца (1606 г.) Власьев был сослан на воеводство в Уфу. При царе Василии Иоанновиче Шуйском делами Посольского приказа занимались: посольский дьяк *Василий Телпнев*, печатник и думный дьяк *Федор Андросов*, потом в товарищи к нему поступил посольский дьяк *Федор Алексеевич Третьяков*. Выше всех их был печатник при царе Михаиле Федо-

⁹⁰ Там же. С. 648.

⁹¹ СГГД. Т. 2. С. 151–152.

⁹² Терещенко А.В. Указ. соч. Ч. 1. С. 5–10.

ровиче *Иван Тарасьевич Грамотин*. Он пользовался преимуществом (как известно для происшедших от лиц неболярского звания важным) писаться *вичем*⁹³ и принимал участие как лицо действующее в приеме послов иностранных держав и переговорах с ними⁹⁴. Но зависть очернила его в глазах государя: подкинуто было во дворец безымянное письмо, будто Грамотин носил волшебный перстень. Он был сослан в Алатырь (1619 г.), откуда вызван обратно к званию печатника в 1634 г. По смерти его (1635 г.) вступил в управление иностранными делами думный дьяк Михаил *Данилов*, а помощниками его были дьяки *Матюшкин* и *Лихачев*. Последний, достигнув звания думного дьяка в 1641 г., был утвержден в должности печатника и начальника Посольского приказа.

Федор Федорович *Лихачев*⁹⁵, кроме участия в дипломатических сношениях России с другими государствами, встречается в качестве докладчика на соборе, бывшем при царе Михаиле Федоровиче в 1642 г., для рассуждения о том, должно ли удержать за Россию Азов или отдать его обратно туркам⁹⁶, и, кроме того, председательствовал в Новгородском приказе, где в последствии времени ту же должность занимал оберегатель государственной печати князь Василий Васильевич Голицын⁹⁷.

С увольнением Лихачева поступили на его место думный дьяк *Григорий Львов*, за ним *Назар Иванович Чистой*, подавший повод преступным своим корыстолюбием к мятежу в Москве, во время которого он и был умерщвлен (1648 г.). Преемником его был печатник *Олмаз Иванов*, пользовавшийся за познания и деятельность свою общим уважением⁹⁸.

Из списка лиц, занимавших у нас должность печатников, видно, с одной стороны, как разнообразны были их занятия и какое важное влияние имели они на ход государственных дел. При всем том непременною обязанностью печатника оставалось приложение государственной печати разной величины и в разных видах. Должность эта считалась необходимою и потому оставлена в проекте устава, при царе Феодоре Алексеевиче составленном, о служебном старшинстве бояр. В замечательном этом памятнике печатник определен так: "Он всегда нашего царского величества имеет на вые своей печать и дозируя печатает наши

⁹³ *АИ.* Т. 3, № 185. С. 329; *СГГД.* Т. 2. С. 480, 483.

⁹⁴ *АИ.* Т. 3, № 182, 185; *ААЭ.* Т. 1, № 366.

⁹⁵ *АИ.* Т. 3, № 219, 239.

⁹⁶ *СГГД.* Т. 3. С. 378, 405. Ср.: *Древняя российская вивлиофика.* Т. 4. С. 247.

⁹⁷ *ААЭ.* Т. 3, № 312, 314, 318; Т. 4, № 292; *АИ.* Т. 5, № 151. С. 254.

⁹⁸ *Тереженко А.В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 11–14.

государские грамоты, чтобы в них не было ничего противно нашим царским законам”⁹⁹.

С расширением дипломатических сношений России образовался *Посольский приказ*. Так как под надзором и ведением его прилагалась государственная печать к разного рода трактатам и вообще дипломатическим бумагам, то в этом же присутственном месте были ведомы большая и малая государственные печати¹⁰⁰. Но, кроме того, посольский же думный дьяк ведал *Печатный приказ*: в нем, собственно, прикладывалась государева печать к разного рода грамотам и отпискам, которые посылались в города Московского государства по царскому указу или по челобитью частных лиц. Естественно, что этому же месту был подведен и сбор пошлин за прикладывание печати по положению, подробно определенному законом. По выражению Котошихина, ”бывает та печать у думнаго дьяка безпрестанно повешена на вороту и в дому; а вырезано на той печати орел двоеглавой, в середине царь на коне победил змия, около подпись царская титла самая короткая, а величиною та печать будет немного больше ефимка Любского кругом”¹⁰¹.

Со второй половины XVII столетия дипломатические сношения отечества нашего постоянно расширяются и касаются вопросов самых живых и важных. Может быть, для того, чтобы придать большее значение лицу, стоявшему во главе управления посольскими делами, или чтобы сравнять его с лицами, занимавшими ту же должность в иностранных государствах, русский царь ставит подле себя оберрегента царственных больших печати и государственных посольских дел. Такой человек, как *Афонасий Лаврентьевич Ордын-Нащокин*, не мог не оправдать царского выбора, и этот гениальный дипломат охранял выгоды России и политику двора московского много лет.

Переговоры его с Даниею и Швециею о пределах российских владений и о титуле, который должен принадлежать русскому царю: ”Литовский и Белья России и Повелитель Востока, Запада и Севера”, обнаруживают в нем тонкого и вместе с тем твердого государственного человека, не отступавшего до последней крайности от притязаний, на законном праве основанных. Но незабвенны для каждого русского должны быть заслуги Ордына-Нащокина при заключении им Андрусовского с Польшею мира

⁹⁹ *Архив историко-юридических сведений*, относящихся до России. М., 1850. Кн. 1, отд. 2. С. 33.

¹⁰⁰ *Котошихин Г.К.* Указ. соч. С. 69.

¹⁰¹ Там же. С. 90; *Карамзин*. Т. 5. Примеч. 54; ”Того ради Митяй избран бысть извелением великаго князя во отъчество и в печатники, иже на себе ношаше печать князя великаго”.

(1667 г.): Русской державе возвращены были владения, принадлежавшие ей со времен Владимира Святого, — владения, без которых Россия не могла считать сердца своего, Москвы, обеспеченным от неприятельских нападений и за которые было пролито столько крови. Смоленское княжество, Северия, вся Украина на восточной стороне Днепра, Киев с окрестностями и вся Малороссия округлили Россию и придали ей то могущество, которым она до тех пор не пользовалась. Сам царь Алексей Михайлович, успокоившись от внешней борьбы, начал заботиться о направлении огромных сил России к благой цели. Петр Великий довершил начатое мудрым его родителем.

Чин *ближнего боярина и дворецкого* был наградою для Ордына-Нащокина за его государственную деятельность, но клевета не пощадила и его. Нащокин удалился в *Крыпецкий* (близ Пскова) монастырь, откуда он, инок, еще раз был вызываем по случаю переговоров с Польшею о продолжении Андрусовского мира. Счастливый успех увенчал и это последнее дело его, по окончании которого он снова удалился в монастырь, где и предался своим обязанностям к Богу и церкви. Но и здесь царь советовался с ним нередко о политических делах.

В 1680 г. скончался этот замечательный человек, и бюст его, поставленный на фронтоне Оружейной палаты, свидетельствует об уважении, которым почтили его соотечественники¹⁰².

Когда Ордын-Нащокин уклонился от службы, в преемники ему избран *Артамон Сергеевич Матвеев* с тем же титулом, который был пожалован его предшественнику. Молодость свою Матвеев провел при дворе и в военной службе. Особенно отличился он при переговорах с запорожским гетманом Хмельницким (1653 г.), и по изъявлении Малороссиею желания присоединиться к державе великого царя русского, Матвеев был отправлен в Чигирин, столицу малороссийских казаков, с объявлением, что царь соизволяет на просьбу Малороссии и ее гетмана. Это, можно сказать, было началом дипломатического поприща Матвеева, но не менее удачно действовал он и мечом против поляков, не желавших без боя уступить нам Украину. По ближайшему знакомству его с делами Малороссии, ему поручен в управление Малороссийский приказ. Быстрое возвышение его в 1671 г. в думные дворяне доказывает, в какой мере царь был доволен его деятельностью. В это-то время он назначен в должность оберрегента царския большия печати с поручением управлять Посольским приказом, который при нем переименован

¹⁰² *Терещенко А.В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 27–68.

в *Государственный приказ посольской печати*. Тогда открылось для Матвеева широкое поприще государственной деятельности, на котором он неоднократно имел случай оправдать доверие к нему царя и отстоять честь и достоинство русского имени. Дипломатические сношения с Польшею и Швециею укрепили прежде заключенные с ними договоры и упрочили неприкосновенность отечества нашего с этой стороны, а договор с черкесским князем Касбулатом Муцаловичем послужил к охранению южных пределов России от грабежей крымских татар. Кроме того, Матвеев с пользою управлял обширнейшим Новгородским приказом и во всех подведомственных этому учреждению областях и городах возбуждал промышленность и торговлю.

Заслуги Матвеева были награждены в 1672 г. званием окольничего, а в 1674 г. он почтен чином боярина и дворецкого с титулом Серпуховского наместника; но с кончиною царя Алексея Михайловича изменилось положение и Матвеева: его обвинили в любостыжании, волшебстве и чернокнижничестве. Вследствие того он удален от двора и послан на воеводство в Верхотурье, но на дороге остановлен и отправлен в ссылку в Пустозерск. Здесь он подвергался бесчисленным лишениям и оскорблениям, и хотя ему суждено было услышать о своем возвращении в Москву в последние дни правления царя Феодора, но и возвращение его было как будто необходимо только для того, чтобы смертью запечатлеть свою преданность России и ее государям. В 1682 г. он убит во время мятежа стрельцов, защищая царицу от бунтовщиков. Таким образом, всю жизнь, до последней минуты, Матвеева одушевляло исполнение священного долга¹⁰³.

Преемником его был ближний боярин и наместник Обдорский *Василий Семенович Волинский*; но во время стрелецкого бунта он отказался от управления Посольским приказом. Уезжая, он тогда же возвратил носимую им на шее царскую серебряную печать. Она доднесь хранится в Главном московском архиве Министерства иностранных дел. На лицевой стороне ее изображен воин на коне, пронзающий копием дракона, и вокруг надпись: "*Божиею милостию великий государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белья Рос-*

¹⁰³ Биография Матвеева, довольно подробная, но, к сожалению, без должной оценки его дипломатического поприща, написана покойным Малиновским и напечатана в 7-м томе трудов и летописей Московского общества истории и древностей российских (1837. С. 57). Полнее у Терещенко. (Ч. 1. С. 71-120. Ср.: *Львов П.Ю. Боярин Матвеев*. Спб., 1815).

сии самодержец и многих господарств государь и обладатель". Обратная сторона печати гладкая¹⁰⁴.

В 1682 г. ближний боярин князь Василий Васильевич Голицын пожалован в сан: "Царственныя большия печати и государственных великих дел оберегателя"¹⁰⁵. Молодость свою он провел, подобно Матвееву, на военном поприще в действиях против запорожцев и поляков. Ему же было поручено царем Феодором Алексеевичем войти в подробное рассмотрение состояния русского войска и найти средства для того, чтобы оно в нужде могло действовать успешнее. Князь Василий Васильевич донес, что этого усовершенствования можно достигнуть не иначе как с уничтожением местничества. Высший совет духовенства и бояр, убедясь, согласно воле царя, во вреде, от местничества проистекавшем, решил сжечь "*случаи с месты, чтобы у всяких дел быть всем меж себя без мест*". Событие это важно в истории геральдики нашей как начало, когда выезжие роды, вместе со своими родословными, стали представлять и доказательства о том, что им издавна принадлежат известные гербы: в наведении справок, описании и утверждении гербов видно особенное участие князя Василия Васильевича Голицына.

По смерти царя Феодора Алексеевича правительница России София Алексеевна пожаловала князя Голицына, как ближайшего к ней человека, в оберегатели государственной печати, и в течение семи лет он был высшим сановником в государстве. Не обинуясь, можно сказать, что все распоряжения, усовершенствования и нововведения, сделанные у нас в эту эпоху, или задуманы или исполнены им¹⁰⁶. Ряд трактатов с соседними державами служит доказательством политических сведений Голицына, но, к сожалению, имя его помрачается, с одной стороны, отзывом современников о приверженности, оказанной им к Швеции, которая в бедственные времена отторгла от России Лифляндию, Ингрию и Карелию со всеми городами и портами в Балтийском море, с другой — действиями его вместе с великою княжною Софьей Алексеевною против Петра, равно как походом князя Голицына на поляков, походом, за который так щедро награжден сам оберегатель государственной печати

¹⁰⁴ *Летописи и труды* Моск. о-ва истории и древностей российских. Т. 7. С. 67; *Терещенко А.В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 123–130.

¹⁰⁵ *СГГД*. Т. 4. С. 164.

¹⁰⁶ Биография кн. В.В.Голицына написана покойным *Малиновским* в 7-м т. *Летописей и трудов* Моск. о-ва истории и древностей российских. С. 68–85; *СГГД*. Т. 4. С. 519; *Временник* Моск. о-ва истории и древностей российских. Т. 5. Смесь. С. 1–10; *Древняя российская вивлиофика*. Т. 17. С. 208–209; *Терещенко А.В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 131–178.

и его сподвижники. Неудачный поход на Крым и подозрение в участии в заговоре Шакловитого совершенно уронили князя Василия Васильевича Голицына в глазах царя Петра Алексеевича. Он был лишен "чести боярства", сослан в ссылку, а "поместья и вотчины и дворы московские и животы описаны и розданы в раздачу".

На этом оберегателе государственной печати должна остановиться история печатников как людей, соединявших в своем лице с большим знанием дела и изведанною опытностью огромное влияние на внешние и на внутренние дела России. При Петре Великом прежний порядок вещей изменен и в этом отношении. Древний Посольский приказ переименован в Посольскую канцелярию, президентом которой назначен граф Федор Алексеевич Головин¹⁰⁷. Печатному же приказу было вверено, с одной стороны, печатание грамот, указов и разного рода отписок, а с другой — сбор за приложение печати определенных пошлин. Обязанность эта оставалась за Печатным приказом, несмотря на все изменения в лицах и значения печатников, и в Уложении царя Алексея Михайловича, с особенною подробностью, обозначены случаи, когда приложение печати необходимо и какие за это назначены сборы¹⁰⁸. Если в разное время и по различным случайным обстоятельствам были делаемы изъятия в пользу грамот, исходивших из приказов Земского¹⁰⁹, из приказной избы города Ярославля¹¹⁰, для которой было велено изготовить особую печать с гербом ярославским, из приказов Сибирских и вообще по делам, до Сибирского царства касавшимся¹¹¹, если далее было разрешено бурмистрам и Ратуше иметь особые печати и прикладывать их к бумагам, а именно: первым с изображением весов¹¹², а второй, т.е. Ратуше, "весов из облака в держащей руке, да зрительного ока", а кругом надписи: "правда, на нюже око державствующаго зрит"¹¹³; то это не более как случайные изъятия, нисколько не изменявшие общего правила, которого сила и восстановлена Петром Великим. В 1699 г. царь повелел отобрать печати из приказов, а всякие крепости, акты и другие бумаги, выдаваемые из присутственных мест частным лицам, не печатать ни в каком приказе, кроме Печатного. Таким образом, весь сбор печатных пошлин сосредоточивался в одном

¹⁰⁷ Терещенко А.В. Указ. соч. Ч. 1. С. 182 и след.

¹⁰⁸ Уложение. Гл. XVIII. Ст. 6, 8, 9, 46, 54, 70—71.

¹⁰⁹ Указ 1676 г. окт. 22 (№ 665). Именной.

¹¹⁰ Указ 1692 г. июля 18 (№ 1444). Именной.

¹¹¹ Указ 1696 г. дек. 9 (№ 1559). Именной.

¹¹² Указ 1699 г. сент. 1 (№ 1696). Именной.

¹¹³ Указ 1699 г. нояб. 17 (№ 1719). Именной.

Печатном приказе, а он-то именно и представлял государю о недоборе печатных пошлин против прежнего и об ущербе, вследствие того для государства происшедшем¹¹⁴.

Из городов пошлины этого рода также присылаемы были в Печатный приказ, и он представлял от себя отчет по установленному порядку¹¹⁵.

По учреждении Петром Великим Коллегий и Сената, государственную печать повелено хранить в Сенате "у особаго человека", а пошлины за приложение ее собирать в тех же местах и тем же лицам, которые собирают их с других дел¹¹⁶. Затем велено, по Генеральному Регламенту, иметь в Коллегиях особые печати с изображением царского герба и с надписанием звания каждой Коллегии. В последствии времени то же правило распространено на другие правительственные и судебные места губернские, с тем только различием, что на последних печатях должен быть изображаем не государственный, а городской герб¹¹⁷. Такими печатями печатались дела каждой Коллегии и о хранении печати предписаны Регламентом особые твердые правила¹¹⁸; но указы и промемории, которые исходили из Коллегии, могли быть отправляемы не иначе как за печатью, которая хранилась в Печатном приказе¹¹⁹, а с 1723 г. в Печатной конторе. Сюда же по-прежнему¹²⁰ стекались из провинций все счета о печатных пошлинах¹²¹. Печать эта была золотая¹²², с государственным гербом, и вокруг титул краткий (при императрице Екатерине I: *"Божиею милостию Екатерина императрица и самодержица Всероссийская"*)¹²³.

В царствование императрицы Екатерины II печатные конторы, одна в Москве, а другая при Сенате в Санкт-Петербурге, уничтожены, ибо усмотрено, что приложение печати не самими присутственными местами, где дело производится, причиняло только

¹¹⁴ Указ 1699 г. дек. 5 (№ 1722). Именной.

¹¹⁵ Указ 1699 г. дек. 5 (№ 1728). Именной.

¹¹⁶ Указ 1718 г. дек. 10 (№ 3252).

¹¹⁷ Указ 1724 г. авг. 10 (№ 4552).

¹¹⁸ Указ 1720 г. февр. 28 (№ 3534). Гл. 13; Указ 1724 г. авг. 10 (№ 4552). Сенатский.

¹¹⁹ Указ 1821 г. мая 22 (№ 3789). Сенатский. Ср.: Указ 1747 г. апр. 2 (№ 9388). Сенатский.

¹²⁰ Указ 1723 г. нояб. 12 (№ 4359). Сенатский. Ср.: Указ 1730 г. нояб. 26 (№ 5649). Сенатский.

¹²¹ Указ 1734 г. окт. 4 (№ 6633). Сенатский; Указ 1735 г. июля 11 (№ 6769). Сенатский.

¹²² Печать была золотая, ибо стальная от мокроты ржавела. Указ 1732 г. февр. 28 (№ 5967).

¹²³ Указ 1726 г. марта 11 (№ 1850). Сенатский. Ср.: Указ 1732 г. июня 21 (№ 6101). Сенатский; Указ 1732 г. февр. 28 (№ 5967). Сенатский.

напрасную проволочку. Сделать эту перемену было тем возможнее, что в других городах, где не было печатных контор, тем не менее прикладывались печати и собирались за то пошлины. По этим уважениям велено было каждому присутственному месту посылать указы, выдавать копии и т.п. за своими печатями и собирать за то пошлины, дела же печатных контор, для хранения и для справок, велено сдать в Государственный архив¹²⁴.

Введенный таким образом порядок, т.е. что государственные учреждения и все присутственные места имеют свои особые печати и что в печатях первых изображается государственный герб, а вторых — губернские гербы тех губерний, в которых они учреждены, остается без изменения до настоящего времени; государственная же печать хранится ныне в Министерстве иностранных дел.

§ 68. *Частные печати государей и гербы в печатях членов государства семейства.* Сравнивая печати на различных памятниках древней нашей письменности, исследователь доходит до убеждения, что государственная печать прикладывалась только к бумагам государственным и вообще официальным, другие же отписки, разного рода письма, наставления и иные бумаги, от лица государя исходившие, утверждались его частною перстневою печатью. Такое различие было существенным. В доказательство считаем достаточным привести следующие примеры из времен царских, когда, следовательно, государственный герб стал принимать твердую геральдическую форму. Примеры эти мы заимствуем из неизданных грамот, в Императорской Публичной библиотеке хранящихся. На грамоте Иоанна IV (1581 г. № рукописей 250) в Ростов о сборе податей с сельца Юрцова приклеена печать черного воска, с изображением обращенного влево единорога с поднятым хвостом. Другая, также частная, печать царя с изображением, которое трудно разобрать, сохранилась на грамоте того же государя в Кириллов монастырь о богослужении 1584 г. (№ 253).

Обстоятельство это, т.е. что к грамоте приложена не государственная печать, означалось иногда в самой отписке; так, два послания царя Иоанна Васильевича 1584 г. в Кирилло-Белозерский монастырь, в которых государь просит, чтобы братия "соборне и по кельям" молилась Богу о прощении его грехов и "об избавлении от недуга смертнаго", оканчиваются выражением: "А сю есмя грамоту печатал своим перстнем"¹²⁵.

¹²⁴ *Манифест* 1763 г. дек. 15 (№ 11989). П. 18.

¹²⁵ *АИ.* Т. 1, № 214; *Амвросий.* Указ. соч. Т. 4. С. 479—481.

Далее, на сохранившейся от 1636 г. июня 23 подлинной грамоте царя Михаила Феодоровича строителю Павловского монастыря о беспорядках в монастыре видна черновосковская печать, также с изображением единорога и надписью. Последняя, к сожалению, оттиснулась не вся, но по оставшимся буквам можно догадываться, что на ней было написано: *Господарь*, вероятно, краткий титул царя.

Чем объяснить такое предпочтение, единорогу оказываемое? Изображение его заменяло у нас иногда (как мы это уже видели выше) московский герб в государственной печати времен Грозного (на печати 1571 г.), на печати Большого дворца при царе Михаиле Федоровиче, на золотых монетах Иоанна IV и Феодора Иоанновича, равно как на золотой и серебряных монетах Дмитрия Самозванца и даже на печати и монетах царя Алексея Михайловича, хотя на оборотной стороне повторялся нередко тот же орел с гербом московским¹²⁶. Единорог был вообще одним из любимых зверей, которых избирали художники для украшений, для эмблем. Нередко изображался он вместе со львом. Они встречаются на державе Мономаховой, на древних царских саадаках и топорах, на тронах, седлах, оконных наличниках и т.п.¹²⁷ Цари наши, проникнутые идеями библейскими, не хотели ли представить в символическом образе своих побед, руководствуясь изречениями псалма 91: "И вознесется яко единорога рог мой" и Апокал. (V. 5): "Се победил есть лев"¹²⁸.

У Петра Великого было также несколько частных печатей, для личной, кабинетной переписки назначенных. Первою по времени печатью этого рода считается хранившаяся прежде в Императорской Академии наук и ныне находящаяся в Эрмитаже. Это перстень, сделанный из золота, украшенный черною эмалью и превосходным четырехугольным смарагдом, на котором изображен Петр Великий в полном царском одеянии: в короне, со скипетром и державою, а вокруг надпись: "*Царь и Великий Князь Петр Алексеевич всея России*" (табл. XVIII, рис. 5). Царь представлен сидящим на невысоком кресле и ногою упирается на скамеечку. Судя по лицу, видно, что он изображен в юношеском возрасте, и потому должно полагать, что печать эта сделана вскоре после восшествия Петра на престол.

Печать с этим изображением, во всяком случае, старше другой,

¹²⁶ Указ 1682 г. апр. 20 (№ 915); Долгоруков П.В. Описание неизданных русских монет // Зап. Имп. археол. о-ва. Т. 3. С. 46–48.

¹²⁷ Тромонин К.Я. Указ. соч. М., 1815. С. 36; Древности Российского государства. Отд. 4. С. 114.

¹²⁸ Снегирев И.М. // Моск. ведомости. 1853. № 69. С. 707.

также частной, кабинетной печати Петра Великого, которую он печатал письма к членам царской фамилии и другим знатым лицам. Не знаешь, что в ней выше: красота ли изображения или та идея, которую художник¹²⁹ хотел осуществить. Россия — Империя, представленная в виде благообразной жены с ниспадающими на плечи волосами, стоит в порфире, подбитой горностаем, и закована в латы. На главе у нее корона, в правой руке скипетр, в левой держава. Все части этого прелестного бюста окончательно отделаны; остается в грубом виде одна только нога, которую венценосный художник и работник, сам царь, в порфире и короне, отделяет молотом с большим усилием. Все это действие происходит на берегу Невы, по которой плывет заморский корабль, а с правой стороны возвышается храм славы, на котором сидит сова, — символ прозорливости и мудрости. При помощи Бога (*Adjuvante Jehova*) густые облака невежества рассеиваются от лучей просвещения, и заботы царственного труженика увенчаны успехом (табл. XVIII, рис. 6)¹³⁰.

То же начало, т.е. что печатью с государственным гербом запечатывались одни официальные бумаги, должно было определить: кто из членов государева дома мог иметь право на государственный герб? Сын его, наследник престола, и супруга царя. Как первый, обыкновенно в юности еще, начинал принимать участие в государственных распоряжениях своего родителя, как имя его нередко помещалось в указах рядом с именем царя, так и супруга государя необходимо разделяла права царя на герб. Сравните для образца печати сыновей великого князя Иоанна III Василия Ивановича, преемника своего родителя, и брата его Юрия Ивановича на договорной их грамоте 1504 г. У первого из них точно такая же печать, как у великого князя Иоанна III, т.е. с одной стороны орел, а с другой — всадник на коне, и вокруг надпись "*Князь великий Василий Иванович*", а у второго видим изображение воина, который колет копьем львиную голову, между тем как собака бросается на нее. Вокруг этого эмблематического изображения надпись: "*Князь Юрий Иванович сын Великаго Князя*"¹³¹.

Что касается до печатей цариц и великих княгинь, то доста-

¹²⁹ По изустному преданию, печать эта была вырезана самим Петром Великим. Между тем в Московской Оружейной Палате сохранились попоны, которыми были покрыты лошади, подведенные государю в подарок от Меньшикова, и на пополах этих вышита та же эмблема, как и на описываемой печати. Кому принадлежит идея, так верно выполненная?

¹³⁰ *Тромонин К.Я.* Очерки лучших произведений живописи, гравирования, ваяния и зодчества. М., 1839. Т. 1. С. 74.

¹³¹ *СГГД.* Т. 1. С. 347.

точно указать на сохранившуюся в Оружейной палате печать: она неправильно продолговатой формы, имеет изображение двуглавого орла, двумя коронами венчанного (без московского герба), а вокруг надпись: "Царицы и Великия Княгини Марьи печать" (табл. XVIII, рис. 4). Она приписывается второй супруге царя Иоанна Васильевича Грозного Марии Темрюковне. На печати Марины Мнишек, жены Лжедмитрия (как можно заключить из того, что печать эта находится под ее отпискою), двуглавый орел коронован двумя коронами, а на персях его, вместо московского герба, изображение цветка, вроде лилии¹³² (табл. XVI, рис. 4).

У прочих лиц государева дома печати были именные или с изображениями святых, по имени которых они назывались, или, наконец, с избранными эмблемами и камнями.

По учреждению об императорской фамилии государя императора Павла Петровича, наследник престола и все пользующиеся титулом императорских высочеств имеют государственный герб, принадлежащий императорской фамилии со всеми его знаками; а пользующиеся титулом князей и княжен крови императорской не имеют на персях орла — знака московского герба. Наконец, великие княжны и княжны крови императорской, вступившие в замужество за иностранных принцев, могут присоединять к гербу своих супругов принадлежащий им по праву рождения герб Российский, чем самым пользуются и потомки их невозбранно¹³³.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

§ 69. *Гербы городов.* Часто исследователь напрасно ищет причины и основания того или другого установления, древностью заветного, и нередко приходится ему отказаться от объяснения необъяснимого. Нельзя скрыть, что затруднения подобного рода не чужды отечественной археологии и древней сфрагистике при вопросе, почему тот или другой государь выбивал на своих монетах и медалях такое или иное *знамя*? по каким основательным причинам он его менял? что означало такое или иное изображение на печати? Вопросы эти ни в каком случае, впрочем, не могут почитаться плодом праздного любопытства, тем не менее они не разгаданы и не объяснимы, и самая наука об отечест-

¹³² СГГД. Т. 2. С. 270.

¹³³ Указ 1797 г. апр. 5 (№ 17906). П. 41—42.

венных древностях еще так нова, что и попытки для разрешения этих любопытных вопросов у нас не сделано. Должно признаться, что и фактов, которых собрание могло бы способствовать их уяснению, слишком недостаточно. Оттого приходится нередко довольствоваться одними догадками, хотя наука вообще их мало уважает по их нетвердости и шаткости, как часто одна догадка сменяет другую, и ум не знает, на чем остановиться? Впрочем, такое явление не есть исключительная принадлежность нашей археологии вообще и нашей геральдики в особенности. На Западе видим то же: рыцарь выбирал себе или принимал от своей дамы ту или другую эмблему; сам он почти всегда знал, что означает каждая часть его герба, всякая фигура на его щите, но вместе с личностью умирало часто сознание это, и последующие поколения, принимая от своего славного предка атрибуты его достохвальных подвигов, может быть, гордясь ими, не заботились разгадать, какой именно подвиг, какая именно характеристическая черта прошедшей жизни их рода ввели тот или другой знак в фамильный герб.

Такое же затруднение представляют изображения на наших древних городских печатях и гербах. Отчего у Пскова, напр., барс? Конечно, не оттого, что здесь когда-нибудь мог водиться этот зверь. Отчего Смоленск выбрал себе райскую птицу? Дать положительный ответ на этот вопрос невозможно, хотя присутствие в смоленском гербе пушки может быть объяснено положением этого города на границе Литвы и России, частыми вследствие того осадами, которые город этот претерпевал целые столетия, и сильным вооружением его крепости. Несмотря, однако, на такую необъяснимость эмблем во многих городских гербах, возможна их история: она нередко начинается с глубокой древности (напр., для Киева), знамя постепенно изменялось под влиянием исторических обстоятельств, и, следя за такими изменениями, можно дойти до того вида, в котором гербы городов представляются в настоящее время. Вообще легче разьяснить эмблемы, вошедшие в гербы новые, особенно те, об установлении которых остались свидетельства (напр., эмблемы гербов для областей и городов царства Сибирского), чем разгадать смысл и значение гербов старых. В этом случае может помочь та же метода, которую мы употребляли для разьяснения московского герба и государственной печати.

Со времени утверждения в России государственного герба изображение его постоянно видится на монетах и на печатях, и если бывали в этом случае какие-нибудь различия, то они, будучи несущественными, свидетельствуют об одном, что всякое

учреждение совершенствуется и что общие успехи в развитии искусств не могли не отразиться на печатях и в чекане денег. Тем не менее сравнение печатей, от времен Иоанна III и последующих правлений оставшихся, с штемпелями на деньгах Московского государства, доводит до убеждения о их сходстве и даже о тождестве. Не один вывод старались мы сделать из такого сравнения: в некоторых случаях оно одно может довести если не до положительных и непреложных фактов, то, по крайней мере, послужит основанием для относительно верных догадок и предположений. Пусть будут они не более как началом, попыткою, которую усовершенствовать, докончить суждено другим, более счастливым, исследователям.

Но можно ли ту же методу сравнения штемпеля на монетах с эмблемами на печатях применять к печатям и гербам княжеским и городским, когда изображения на них беспреостанно и, по-видимому, произвольно изменялись? То же явление видели мы в истории печати и герба Москвы и остаемся при убеждении, что если разбирать эмблемы с знанием дела, а главное, истории княжества или города в данную эпоху, то откроется ряд событий в лицах. Эта система толкования памятников древности давно принята на Западе. Отечественная археология, чтобы усвоить себе характер науки, не может обойтись без применения того же начала и к нашим древностям: при помощи его только наша нумизматика может из простого описания непонятных изображений на деньгах обратиться в систематическое целое. Если с этой точки зрения смотреть на монеты удельных княжеств, то те эмблемы, которые теперь кажутся произвольными, которых у нас не перестают считать обязанными своим происхождением воображению денежника, окажутся соответствующими истории. Но при этом является одно препятствие, которого не представляла Москва. Удельных денег от XV и XVI вв. осталось немного: Москва вместе со своею администрациею вводила свою денежную систему с московским штемпелем во все области, к ней присоединяемые. Но, с другой стороны, древность завещала нам другие памятники, на которых сохранились областные и городские печати, и ими-то мы воспользуемся для истории городских гербов.

§ 70. Русский орел на государственной печати, царских тронах, государевой утвари был обыкновенно окружаем гербами областей, к Москве присоединенных и имевших уже прежде свои печати. Выше мы имели уже случай заметить то соответствие, которое существовало между титулом государя и атрибутами его гербов. В доказательство того, как строго соблюдалось это

начало, достаточно двух примеров. Великое княжество Киевское, исконная вотчина России, говоря языком древних наших грамот, отторгнуто от России и потому не упоминается в титуле государей русских XV и XVI вв.: напрасно стали бы мы искать печати киевской в ряду других старых печатей, окружающих государственный герб времени Иоанна Грозного (табл. XV, рис. 6), а между тем знамя это образовалось еще в XII в. С другой стороны, на печати Грозного виден еще смоленский герб (хотя не такой, каким он изображался позднее), которого нет на троне царя Михаила Федоровича, ибо Смоленск в то время принадлежал Польше. На памятниках же позднейшего времени, напр. на тарелке царя Алексея Михайловича, государственным и областными гербами украшенной, смоленская печать занимает принадлежащее ей по порядку место (табл. XV, рис. 2); из чего заключить должно, что она изготовлена после Андрусовского с Польшею мира, по которому России возвращен, между прочим, и Смоленск.

Памятники, о которых мы не раз имели уже случай упоминать и на которых сохранились изображения старых наших городских гербов, суть: 1) государственная печать царя Иоанна Васильевича IV (табл. XV, рис. 6); 2) серебряный, золоченый трон царя Михаила Федоровича, переделанный впоследствии в двойной трон для царей Иоанна и Петра Алексеевичей. На задней стенке, или прислоне, трона повешена пелена, шитая пряденым серебром и унизанная жемчугом. На ней посредине изображен двуглавый орел с московским гербом (вправо) на персях, а по каймам, между золотыми травами, видны двенадцать гербов царств и областей Российских (табл. XV, рис. 7–10). За завесой, с левой стороны прислона, находится отверстие вроде слухового окна, за которым, вероятно, сидел наставник десятилетнего царя Петра¹; 3) тарелка царя Алексея Михайловича, в середине которой вычеканен государственный герб: двуглавый, тремя коронами венчаный орел, держащий скипетр и державу. Крылья и главы орла зеленые, а клюв и лапы розовые. Вокруг этого изображения по краям тарелки, между трав, плодов, птиц, видно 16 гербов, каждый в особенном щите (табл. XV, рис. 2–5), и притом так, что гербы главных княжеств изображены в больших щитах под особыми коронами (рис. 2), а гербы второстепенные — в щитах малых. Кроме того, что на тарелке этой сохранились изображения гербов, она важна и потому еще, что здесь

¹ *Древности Российского государства*. Отд. 4. С. 113–114. Рис.; Отд. 2. № 78–83. Для образца прилагаем у себя несколько с этого памятника изображений (табл. XV, рис. 7–10).

видна уже попытка отличить их красками, чего прежде не было²; и 4) огромного размера изображение государственной печати в дневнике Корба, сопровождавшего в 1698 и 1699 гг. австрийского посланника, отправленного императором Австрийским к русскому двору для переговоров о войне с Турциею³. Корб оставил подробное описание своего пребывания у московского двора. В настоящее время оно очень редко. В нем представлен государственный двуглавый орел, имеющий в сердце московского *ездца*, на крыльях несущий гербы великих княжеств Киевского, Новгородского, Владимирского и царств Астраханского, Сибирского и Казанского и, наконец, окруженный гербами: Смоленским, Псковским, Тверским, Подольским, Пермским, Болгарским, Черниговским, Полоцким, Ярославским, Удорским, Кондийским, Мстиславским, Иверским, Кабардинским, Черкасскими Горских земель, Карталинским, Свейским, Витебским, Обдорским, Белоозерским, Ростовским, Рязанским, Новгород-Низовские земли, Вятским, Югорским и Волынским (табл. XVII). Сравнение этих гербов с полным титулом Петра Великого и надписью на его государственной печати доказывает строгое соответствие между титулом государя и атрибутами его герба⁴.

Для геральдики России печать эта замечательна во многих отношениях: она дает основание утверждать, что все главные области России, принадлежавшие некогда роду Мономахову и из которых многие по разным случайным обстоятельствам были отторгнуты от России и, наконец, опять стеклись под крылья нашего могучего орла, имели уже в XVII в. свои гербы, так что Петру Великому оставалось только придать эмблемам этим геральдические формы, постоянные цвета и т.д. Города же, менее значительные и, главным образом, не бывшие столицами в удельных княжествах, получили гербы в позднейшее время.

§ 71. Из областных гербов наших самый твердый и ранее других установившийся есть герб *московский*. Неразрывное его соположение с двуглавым орлом в государственном гербе, частое употребление, наконец, та идея, которая ему придавалась московским великим князем и царем, должны были охранять изображение это от всяких произвольных перемен и нововведений. В отечестве нашем уважение к этому гербу было постоянно,

² *Древности Российского государства*. Отд. 5, № 42.

³ *Adelung*. Kritisch-litterarische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700. Bd. II. P. 397–399.

⁴ Под орлом подписано обращение к Петру: "Moscos Petro doces, data crescere regna per arma, arcesbella domant, te modo facta zaro".

и потому, в сущности, был он неприкосновенен. Иностранцы же, в России бывшие, позволяли себе делать в этой эмблеме произвольные изменения: так, напр., Герберштейн, оставивший потомству два изображения московского герба в двух своих сочинениях, кроме того, что обратил *ездца* вправо, изменил и самую его фигуру. На портрете московского государя, приложенном к древнейшим изданиям Герберштейна⁵, всадник представлен нагим, и как ему, так и коню даны положение и вид неестественные (табл. VII, рис. 2), а между тем в изданной в 1560 г. самим Герберштейном автобиографии⁶ всадник представлен в развевающейся епанче, но он без лат, конь имеет форму такую, какую придавали ему на печатях московских, но дракон с волчьей головою (табл. VII, рис. 1).

Что касается до других областных и городских гербов, то мы, излагая их единственно с целью объяснить эмблемы, входящие в гербы княжеских родов, от Мономаха происшедших, не будем останавливаться на описании гербов всех областей и городов, тем более что представим подробное их описание, от начала XVIII столетия сохранившееся. Для нашей цели важны гербы: киевский, новгородский, черниговский, Смоленский, Ярославский, Ростовский, Белоозерский и Стародубский. *Погони* же герба литовского, так часто повторяющегося в гербах наших княжеских и дворянских фамилий, от Гедимины происшедших, мы здесь не коснемся, так как об истории его было уже упомянуто выше. Об означенных гербах мы заметим следующее:

1) *Киевский герб* сохранил то же изображение, которое видели и на древних киевских печатях: это архангел Михаил в белом одеянии с мечом в правой и копьем в левой руке⁷.

2) *Новгородский*. Под влиянием ли западных своих соседей, с которыми Новгород и Псков приходили так часто в торговые и политические сношения, или по другим причинам, как бы то ни было, на печатях двух этих городов рано образовались и правильно сохранились геральдические фигуры. Печатей новгородских было несколько: с *тамгою* и с *писью* (т.е. подписью), но употреблялась долее других и перешла в новгородский герб собственно печать вечевая, описанная выше (табл. XIV, рис. 5). Степени веча и посох архиепископа служили представителями

⁵ *Moscowiter vunderbare Historien von Herberstein zu Basel. 1563.*

⁶ *Gratae posteritatis Sigismundus liber baro in Herberstein, Neypirg et Guententag, primariu ducatus Carinthiae haereditariusque et camerarius et dapifer etc immunitate meritorum erga donatus, actiones suas a puero ad annum usque aetatis suae septuagesimum quartum brevi commentario notatas reliquit. Viennae, 1560.*

⁷ *Указ 1782 г. июня 4 (№ 15422).*

светской и духовной властей града св. Софии. По присоединении Новгорода к Москве те же эмблемы перешли в печать воеводскую и встречаются на отписках воевод новгородских XVI и XVII вв. В последствии времени по бокам степеней веча поставлены медведи (табл. XV, рис. 3, 6, 7)⁸; а когда в конце XVII или начале XVIII столетия вечевые степени заменены великокняжеским царским престолом, с накрест положенными скипетром и крестом, то вместо архиерейского посоха и в память того влияния, которое владыка Новгородский имел на деле, поставлен за престолом трисвещник. Таким образом сложился нынешний новгородский герб⁹.

3) Если на печати царя Иоанна Васильевича (табл. XV, рис. 6) герб смоленский изображен в виде великокняжеского престола, на котором положена Мономахова шапка, то это или по общепринятому для всех бывших великих княжеств символу (табл. XV, рис. 5, 9), или по ошибке мастера, потому что Тверскому великому княжеству присвоена эмблема герба ярославского — медведь. Обыкновенно же смоленский герб состоял из изображения лафета, на котором сидела райская птица подстрелена (табл. XV, рис. 2), может навести на догадку, что Смоленск, пограничная и всегда исправно вооруженная крепость¹⁰, не раз служила к тому, что поляки и литовцы бывали отражаемы и побеждаемы; а все былины о райской птице свидетельствуют, что ею обозначались самые вожденные и недосягаемые предметы. Не таким ли для поляков и русских бывал и Смоленск?¹¹

4) Пока Черниговское княжество принадлежало Литве и Польше, черниговский герб был двуглавый орел с распущенными крыльями, увенчанный одною короною¹²; а на рисунке, который оставил Корб в своем дневнике, черниговский герб состоит из изображения одноголового коронованного орла, держащего в левой лапе длинный крест, конец которого виден над правым его плечом (табл. XVII).

5) Герб ярославский не изменился в существенных своих

⁸ На серебряном троне царя Михаила Феодоровича в нижней половине щита представлены плавающими две рыбки (табл. XV, рис. 7); эмблема, могущая означать местоположение Новгорода на берегу Волхова. Прибавление это, впрочем, никогда не считалось непремненным и неизбежным.

⁹ 1781 г. авг. 16 (№ 15209) Высоч. утвержденный доклад Сената.

¹⁰ Дополнения к Историческим актам. Т. 5. Примеч. № 26, 51.

¹¹ Под польским владычеством смоленский герб был "на красной хоругви золотой посох". *Niesiecki*. Herbarz Polski. I, 182.

¹² *Herbarz*. I. 229. Неизвестно, почему на печати Иоанна Грозного (табл. XV, рис. 6) черниговский герб состоит из обнаженного меча.

атрибутах: это медведь, держащий в лапе посох. Различие состояло в том, что на упомянутой тарелке царя Алексея Михайловича он представлен идущим вправо и как бы упирающимся на палку, а в рисунке Корба медведь идет на задних же ногах влево и несет на плече знамя или чекан¹³. Это, очевидно, произвол художника, — произвол, который не мог изменить главного и только вносил свой вкус во второстепенные атрибуты.

6) Герб *ростовский* изображен на престоле царя Михаила Федоровича и у Корба в таком же виде, в каком он остается до настоящего времени: в червленом поле серебряный олень, рога, грива и копыта у него золотые¹⁴ (табл. XVII).

7) Герб *белозерский* есть старый: в голубом поле две накрест изображенные стерляди; над ними крест и луна¹⁵ (табл. XVII).

8) *Стародубский* герб прямо соответствует названию города: в серебряном поле *старый дуб*¹⁶. Эмблема эта встречается на стародубской печати конца XVII в.

§ 72. Вообще к последней половине XVII столетия должно отнести начало составления городских гербов, как подробное разыскание истории государственной печати довело нас до результата, что при царе Алексее Михайловиче государственный герб достиг той полноты, которою он отличается и которую сохраняет, в сущности, неизменно до настоящего времени. Немногие¹⁷ о городской геральдике известия, сохранные временем, доказывают несомненно, что царя Алексея Михайловича занимала мысль о введении у нас правильных гербов. Для этой цели было, как увидим ниже при изложении истории герольдии, написано несколько сочинений как русским, который был обязан в подробности знать правила государственной особенно геральдики и охранять неприкосновенность печати, т.е. царским печатником Артамоном Сергеевичем Матвеевым, так и иностранцами, которые вызывались в Россию или сами приезжали к нам.

Древность завещала нам, правда, некоторые областные и городские знамена; но так как место их было собственно на городских печатях, и, следовательно, к ним не были применимы правила о цветах, и вообще эмблемы эти не усвоили себе еще постоянных геральдических форм, то *герольдам*, приезжавшим к нам, предстояло дополнить этот недостаток. Городские гербы,

¹³ Указ 1778 г. июня 20 (№ 14765).

¹⁴ Указ 1778 г. июня 20 (№ 14765).

¹⁵ Указ 1781 г. авг. 16 (№ 15209).

¹⁶ Указ 1782 г. июня 4 (№ 15424).

¹⁷ В архивах губернских присутственных мест должны, по нашему мнению, храниться важные для нашего предмета известия.

окружающие государственный герб в дневнике Корба (табл. XVII), ясно свидетельствуют, что труды царя и его помощников принесли плоды. Тем не менее окончание этой работы было предоставлено позднему времени. Повод к утверждению прежде существовавших городских старых гербов и дополнению их новыми, сочиненными для городов, вновь построенных, был случайный; но он так богат последствиями, что необходимо на нем остановиться, тем более что предмет этот еще совершенно не тронут нашими археологами, а выводы из него должны многим увеличить объем результатов, добытых наукою в последнее время.

Устроенное Петром Великим регулярное войско требовало правильного распределения его по областям России для обеспечения продовольствия армии, и не один указ, великим государем изданный, свидетельствует, какое значение он придавал этой части государственного управления. Когда в 1720 г. все войско было расположено на подушном сборе и на каждую провинцию приходилось, смотря по ее объему и народонаселению, по одному полку и реже по несколько полков, необходимо было устроить так, чтобы каждый полк, нося название области, в ней и был расположен, и чтобы полки, которые прежде назывались по фамилиям своих командиров, были переименованы по провинциям. Вследствие того в 1724 г. было принято за правило, что когда все полки займут квартиры по провинциям, тогда дать полкам имена сообразно областям, в которых они расположатся, и на полковых знаменах изобразить гербы тех провинций; а если в провинции будет размещено несколько разных полков, то дать им всем имя той провинции, различив их только по номерам. Между тем, однако, у некоторых провинций и городов гербов не оказалось, хотя тем, которые построены или завоеваны Петром Великим (напр., Нарве, Выборгу, Кронштадту), были вновь даны гербы или утверждены прежде им принадлежащие. Вследствие того явилась потребность в сочинении городских гербов, но работа эта представляла столько затруднений, что, хотя прежняя мысль об изображениях на полковых знаменах и не была вовсе оставлена, императрица Екатерина I решалась заменить гербы на них вензелевым своего имени изображением, а впоследствии было даже приказано впредь *"до конформации гербовника"* оставить полкам старые знамена, какие у них до тех пор были; если же прежние окажутся слишком ветхими, то сделать в те полки один только раз знамена под государевым именем. Между тем в 1727 г. было возложено на обер-церемониймейстера графа Санти нарисовать правильные

гербы, для чего велено было: "Дать ему живописцев из Канцелярии о строений; а какого цвета должны быть поля знамен и около полей зубчики" (для каждого полка и, следовательно, для каждой провинции различно) было указано Военною Коллегиею и утверждено императрицею.

Гербы городские, по составлении их, велено было представить для апробации в Верховный тайный совет, и когда утверждение их последует, то сделать с теми изображениями печати, "которыми губернаторам и воеводам отписки, доношения и прочие отправляемые письма, кроме партикулярных, печатать"¹⁸.

Военная Коллегия очень часто относилась в "Высокий Сенат" и просила, чтобы гербы для городов, которые их не имеют, были немедленно составлены, для чего дозволено взять мастеров из артиллерии. В представлении Коллегии сказано, что гербы уже есть у *знатных* городов и они исчислены для ведома Сената, который затруднился вопросом, какие гербы должно еще составить?

Попытки делались, но, вероятно, неудачно. В 1728 г. Государственная Военная Коллегия относилась в Казначейскую контору о выдаче малярному мастеру Гезелю "за сочинение образцовых знамен по городам пятидесяти семи гербов, за краски и за александрийскую бумагу" тридцати шести рублей¹⁹. Наконец, 12 июля 1728 г. последовал на имя "Генерала и ордена Св. Александра кавалера и над фортификациями Обер-директора графа фон Миниха" из Военной Коллегии указ, по силе которого велено было передать ему, Миниху, "для малевания на знаменах" как старые, так и вновь сочиненные городские гербы и по составлении их прислать все вместе со старыми в Военную Коллегию. Для этой работы определен к Миниху из бывших в доме Меншикова живописцев Андрей Баранов, которому за первый экземпляр герба велено было давать по 15, а за последующие снимки по 10 копеек.

В мае 1729 г. гербы эти были уже представлены Минихом в Военную Коллегию, удостоились высочайшего утверждения, и так как это первый чисто геральдический в отечестве нашем труд, в котором, как сказано в подлинной записке Коллегии, "гербы учинены с надлежащими *обстоятельствами*" (атрибутами), то мы считаем необходимым представить здесь реестр гербов с их описанием, до сих пор еще неизданным, во всей его подробности:

¹⁸ *Рукописный указ* из Верховного тайного совета 11 нояб. 1727 г.

¹⁹ *Рукописный указ* из Военной Коллегии 17 апр. 1728 г.

1. Герб *государственный*, по-старому, двоголавый орел, черный, на главах короны, а наверху, в середине, большая императорская корона — золотые; в середине того орла Георгий на коне белом, побеждающий змия, епанча и копье желтые, венец желтой же, змей черный, поле кругом белое, а в середине красное. С этого времени осталось такое объяснение московского герба²⁰, хотя еще в 1726 г. он именовался ездцом²¹.

2. Имя его императорского величества Петр Второй против конфирмованного: два покоя двойные латинские золотые, внизу цифры II; поле лазоревое, наверху императорская корона, пальмы зеленые.

3. *Лейб-регимент*, по-старому, венец зеленый лавровый один, под ним корона императорская золотая, поле красное.

4. *Санктпетербургский*, скипетр желтый, над ним герб государственный, около его два якоря серебряные, поле красное, вверху корона императорская (против последнего Сантиева).

5. *Ингерманландский*, две стены наискось, белые с зубцами, поле лазоревое.

6. *Московской*, Георгий на коне, против того, как в середине государственного герба.

7. *Киевской*, по-старому, в середине ангел в белом одеянии с мечом, сияние желтое, поле лазоревое.

8. *Володимерской*, против старого, лев, стоящий на задних ногах, на главе корона желтая, а в передних ногах держит крест длинный серебряный, поле красное.

9. *Новгородской*, по-старому, на желтом престоле красная подушка и от нее к правой стороне скипетр, а к левой крест, от престола наверх подсвечник с тремя горящими свечами — желтые, да около престола два медведя: черные, поле белое.

10. *Казанской*, змей черный под короною золотою Казанскою, крылья красные, поле белое.

11. *Астраханской*, по-старому, сабля белая под короною астраханскою, черен (рукоятка) и корона золотые, поле лазоревое.

12. *Сибирской*, два соболя черных, стоящие на задних ногах, держат лук и корону золотые, меж ими две стрелы черные, а перья и копыя красные, поле белое.

13. *Тобольской*, по-старому, пирамида золотая с конскою арматурою, знамена и барабаны красные, поле лазоревое.

14. *Псковский*, по-старому, барс, а над ним из облака рука, стоит на земле зеленой, поле лазоревое.

²⁰ Указ 1781 г. дек. 20 (№ 15304).

²¹ Указ 1726 г. марта 11 (№ 4850).

15. *Смоленский*, пушка черная, станок желтый, на пушке птица желтая без ног, поле белое, каковое сделал Санти (вьше уже сказано, что это герб старый, XVII в.).

16. *Эстляндский*, такой же, как Ревельский, только без девицы.

17. *Ревельский*, по-старому; а как вновь учинен: три льва синие под коронами, да сверху корона, а над нею наверху девица под короною в белом одеянии; поле желтое.

18. *Лифляндский*, по-старому; как прежде была птица гриф белая о четырех ногах с крыльями и хвостом; поле красное; в передних ногах меч; на груди имя его императорского величества.

19. *Рижской*, по-старому и против того, каков ныне вновь учинен, меж двумя башнями ворота, в них внизу львиная голова под короною, над нею рогатки, ворота и башни красные, пестрые, около них орел двояглавый черный, на двух главах короны, над воротами два ключа, над ними крест под короною, поле лазоревое, а земля зеленая.

20. *Корельской*, против нового, поле наверху красное, на низу лазоревое, внизу стоит белый журавль, держит камень, наверху две руки по плечо, держа по шпаге.

21. *Тверской*, по-старому, на серебряном стуле подушка зеленая, на подушке корона княжеская золотая, поле красное.

22. *Пермской*, по-старому, белый медведь, над ним Евангелие золотое, а над ним крест серебряный, поле красное.

23. *Вятской*, по-старому, в руке из облака лук с одною стрелою белую, а перо черное, в стороне крест красной, поле желтое.

24. *Нижегородской*, олень красный, рога и копыта черные, поле белое.

25. *Черниговской*, черный орел одноглавый под короною, в левой ноге крест желтый, а корона, нос и ноги желтые же.

26. *Рязанской*, по-старому. Князь в епанче и в шапке, в руке правой меч, а в левой ножны, епанча красная, платье, сапоги и шапка зеленые, шапка же соболевая, под ним земля зеленая, поле желтое.

27. *Ростовский*, белый елень, каково сделал Санти, рога и копыта желтые, под ним земля зеленая, поле красное. (Герб этот существовал раньше Санти).

28. *Ярославской*, стоящий медведь черный, на плече держит в лапе чекан красный, поле желтое.

29. *Белозерской*, по-старому, озеро белое, в нем две стерляди желтые, над рыбами месяц с крестом, месяц белый, крест желтый, поле лазоревое.

30. *Бутырской*, по старому гербовнику, центавр, а именно: по пояс человек, а ниже: туловище, ноги и хвост лошадиные белые, в руке лук со стрелю, поле красное, лук и стрела желтые.

31. *Троицкий*, крест желтой под короною, по-старому, поле красное.

32. *Новотроицкой*, белый крест, в середине имя Божие на три угла желтое, поле красное.

33. *Белгородской*, старый лев лежащий, желтый, а над ним орел черный одноглавый, под ним земля зеленая, поле синее.

34. *Архангелогородской*, против того, что учинил Санти, а именно: архангел в синем одеянии, с крыльями и с огненным мечом, побеждающий диавола черного, в другой руке щит красный, поле желтое.

35. *Вологодской*, против старого, держава золотая, на ней из облака рука с мечом белым, с золотым ефесом, поле красное.

36. *Воронежской*, по-старому, две пушки на станках желтые, из одной пушки выстрелено, и на ней сидит орел белый одноглавый, поле красное.

37. *Суздальской*, новой сделать: птица сокол в княжеской шапке, поле пополам: наверху синее, а внизу красное.

38. *Углицкой*, против нового, царевич князь Димитрий в одеянии царском, шапка княжеская с крестом, в правой руке нож, под пазуху левой руки агнец, поле красное, одеяние и шапка золотые.

39. *Муромской*, новой, стена белая и рука из облака, которая на золотой цепи держит княжескую корону, поле лазоревое.

40. *Галицкой*, воинская арматура желтая, и над нею наверху крест св. Иоанна белый, поле красное.

41. *Луцкой*, по-старому, из облака рука, в руке меч перерубает змия, рука и меч белые, змей черный, поле красное.

42. *Азовской*, по старому гербовнику, полмесяца и в нем крест серебряный, внизу две рыбы белые, поле лазоревое.

43. *Симбирской*, прежний старой: на столбу белом золотая корона, поле лазоревое.

44. *Пензенской*, три снопа пшеницы, ячменю, проса золотые, поле зеленое.

45. *Свияжский*, новый город деревянный на судах, на реке Волге, в ней рыба, поле лазоревое.

46. *Уфимской*, сделать вновь, лошадь белая на бегу, поле красное.

47. *Севской*, один сноп золотой ржаной на зеленом месте, поле синее.

48. *Орловской*, город белый, на воротах орел одноглавый

черный, сверх орла корона золотая, в синем поле против печати той Орловской провинции.

49. *Полтавской*, против новоучиненного: внизу поле лазоревое, вверх красное, а кругом по две стороны белые; на лазоревом поле пирамида золотая, на красном верху две шпаги по сторонам, по правую сторону на зеленой земле знамя, на нем значит государственный герб, в середине имя императора Петра Великого, по другую сторону дерево зеленое пальм.

50. *Стародубский*, дуб старой, стоящий на зеленой земле, поле белое.

51. *Глуховской*, против вновь учиненного, токмо сделать яблоко покруглее.

52. *Нежинской*, против вновь учиненного: поле пополам, сверху красное, а снизу лазоревое, на нем две змеи под шляпою с крыльями, а наверху две руки.

53. *Коломенской*, на лазоревом поле столб белый, на нем вверху корона, около две звезды.

54. *Павловской*, по-новому: святой апостол Павел, поле белое.

55. *Тамбовской*, против нового рисунка: на лазоревом поле улей, и над ним три пчелы золотые, земля зеленая.

56. *Козловской*, против нового рисунка: козел белый, поле красное, земля зеленая.

57. *Коротояцкой*, вновь сделать: магазейн красный, а над ним рог с довольством, внизу река, поле лазоревое.

58. *Елецкой*, на белом поле елень красный, над ним ель зеленая.

59. *Каргопольской*, белый баран, лежащий в огне на дровах, что учинил Санти, поле лазоревое.

60. *Устюжский*, лежащий Нептун на берегу держит в обеих руках кувшины, из которых льется вода в одно место; кувшины красные, вода белая, поле зеленое.

61. *Олонецкой*, по-старому, рука белая из облака держит щит синий, а в высподи 4 ядра на цепях черные, поле желтое.

62. *Ладожский*, шлюза, ворота золотые, стены красные, поле лазоревое.

63. *Шлюссельбургской*, ключ золотой, под короною императорскою золотою, что сделал Санти; внизу крепость белая, поле синее.

64. *Невской*, по старому гербовнику, столб синий, шпага серебряная, эфес золотой, ключ золотой же, поле красное.

65. *Кронштатской*, вдоль половина поля красная, а другая лазоревая, на лазоревом караульная высокая башня с фонарем,

наверху корона, а на красном поле черный котел, кругом острова вода.

66. *Кроншлотской*, против нового, на море Кроншлот белый, наверху корона и флаг, поле лазоревое.

67. *Выборгской*, по-старому, какой прислан из Выборга, на лазоревом поле внизу литера W, поперег полоса золотая, над нею три короны, а сверху два ангела с крыльями, в одеянии красном, крылья у одного лазоревые, а у другого желтые.

68. *Кексгольмской*, остров зеленый, кругом его вода белая, к острову ворота с башнями кирпичные, поле синее; под воротами имя императорского величества Петра Великого.

69. *Нарвской*, против старого, присланного из Нарвы, крест красный, над ним по обе стороны вверху два цвета равные.

70. *Иванегородский*, по-новому, город белый на зеленой земле, вверху поле лазоревое, на нем орел двояглавый летящий, в устах у орла имя царя Ивана Васильевича.

71. *Венденской*, по-старому и как ныне вновь учинен: город красный, на нем человек стоит в латах черных, в правой руке шпага, в левой щит, земля зеленая, поле белое.

72. *Эзельской*, по-старому и против учиненного вновь: орел желтый, поле лазоревое.

73. *Перновской*, по-старому и как вновь учинен: из облак рука в красном одеянии белая, держит крест, а подле его ключ белый, поле лазоревое.

74. *Питершанской* герб вновь учинить: Петровы шанцы красные на камне белом, поле лазоревое.

75. *Дерптской*, против старого, что прислан из Риги: на зеленой земле ворота и две башни красные, в воротах в полумесяце звезда, наверху рогатка, над ним шпага с ключом, а сверху корона.

76. *Копорской*, по-старому, камень белый, над ним облако, поле лазоревое.

77. *Ямбургской*, по старому гербовнику, орел двояглавый черный, над ним солнце золотое, поле зеленое, под орлом камень.

78. *Дорогобужской*, по-новому, три бунта (связки) пеньки, связано-лежащей серебряной, поле красное.

79. *Якутской*, на престоле белом Евангелие золотое, поле красное.

80. *Енисейской*, сделать новый: две белки красные, а сверху из облака самострел черный, поле белое.

81. *Томской*, человек, стоящий в рудокопне, в руках рудокопательные инструменты, поле желтое.

82. *Самарской*, дикая коза белая, стоящая на траве, поле лазоревое.

83. *Царицынской*, по-новому, два осетра белые, поле красное.

84. *Терской*, арбуз зеленой, сверху две кисти виноградные красные, поле сверху белое, а внизу желтое.

85. *Курской*, по-новому, три куропатки, натурально летящие в синем поле на изкось, а по обеим сторонам белые поля.

86. *Брянский*, мортира золотая, а по сторонам по куче бомб черных, поле красное.

87. *Путивльской*, поле сверху белое, а внизу желтое, в середине сукно красное, кругом покроммы красные с черным, на сукне два челнока золотые, с цевками красными.

88. *Рыльской*, против новоучиненного: на желтом поле кабанья голова.

§ 73. В 1730 г. марта 8 дня дан указ Правительствующим Сенатом Военной коллегии о том, что гербы эти, отчасти заимствованные из прежних гербовников, отчасти вновь по *приличеству городов* составленные, утверждены, и по ним следует изготовить для полков знамена, а для губернаторов печати.

В этом указе прямо высказано, чем руководствовались составители городских гербов при избрании для них эмблем. Они застали: 1) гербы русские, с печатей перешедшие, которые везде и отметили именем *старых*, изредка только по ошибке приписывая их графу Санти. Древним эмблемам приданы, согласно правилам геральдики, *обстоятельства*, т.е. атрибуты (стоящие вокруг герба), которые также не были произвольны, а сообразовались с цветом, избранным государынею для знамен полков, в тех городах расположенных, и 2) прежние гербы городов иностранных, к России присоединенных, особенно Остзейских провинций, каковы гербы Лифляндии, Риги, Ревеля, Дерпта, Пернова, Эзеля, Вендена, Нарвы, Выборга и др. Характер этих гербов совсем иной: они резко отличаются своею рыцарскою загадочностью и сложностью от гербов русских как старых, так и вновь составленных.

Более обширное поле было предоставлено геральдику при сочинении гербов для городов русских, на печатях которых не было тех постоянных эмблем, которые могли бы найти себе место в городском гербе. Предварительно были вытребованы описания городов²², и при избрании для них *знамен* составители принимали три начала: 1) историческое, сообразно тому, какое событие ознаменовало историю города; 2) географическое, чем город изобилует, что производит, какое в нем замечательное здание, укрепление и т.п., и 3) начало соответствия герба с названием

²² Указ 1737 г. нояб. 18 (№ 7442). Сенатский.

города. Первое начало, хотя бы должно было послужить главным источником и руководителем в этом случае, применялось реже других, что может быть объяснено тем, что история городов наших была мало известна. Мы укажем на гербы *пермской* (по выше приведенному списку 22-й), свидетельствующий о крещении этой страны; *Суздальский* (37), данный в память того значения, которое имело у нас Суздальское великое княжество в спорах удельных князей; *Углицкий* (38), напоминающий смерть несчастного царевича Дмитрия Иоанновича; *Муромский* (39), состоящий из атрибутов, свидетельствующих о том, что город этот был когда-то главным в княжестве. (Вообще княжеские шапка, престол, корона, держава избирались эмблемами для гербов городов, бывших прежде *стольными*, таковы, напр., Тверь, Суздаль, Муром, Новгород, Коломна, Орел, Симбирск и др.); *Азовской* (42), состоящий из полумесяца и креста, в знак того, что Азов был первоначально под турецким владычеством (символ его — луна) и присоединен к православному государству; *Полтавской* (49), напоминающий победу, одержанную русскими над шведами под Полтавою в 1709 г.; *Иваньгородский* (70), с вензелем великого князя Иоанна Васильевича, в память основания им этой крепости в 1492 г. для обороны пределов России со стороны ливонских рыцарей²³.

Местоположение городов, преобладающие в них промыслы, укрепления дали эмблемы для гербов С.Петербурга (4), Питершанца (74), Белоозера (29), Свяжска (45), Каргополя (59), Устюжны (60) (при которой Юга и Сухона сливаются и образуют Северную Двину), Ладоги (62), Кронштадта (65), Шлюсбург (63) и др. У городов, славящихся своим хлебопашеством или сбытом хлеба, в гербах видны снопы того или другого хлеба, напр., у Пензы (44), Севска (47), Дорогобужска (78), подобно тому, как города, отличающиеся скотоводством, рыболовством, пчеловодством, имеют для отличия лошадь, барана, улей, рыбу; таковы гербы Уфимский (46), Самарский (82), Царицынский (83), Тамбовский (55), Курский (85), Путивльский (87) и др.

Наконец, в гербах некоторых городов эмблемы прямо соответствуют их названию, напр., гербы Троицкий (31), Новотроицкий (32), Козловский (56), Елецкий (58), Рыльский (88).

Теми же началами руководствовались геральдики наши и после этого первоначального труда, давшего гербы главнейшим городам, во время составления их существовавшим, в тех

²³ Карамзин. Т. 6. С. 163.

случаях, когда являлась потребность в сочинении новых гербов для городов, или вновь основываемых, или присоединяемых к державе Русской.

§ 74. Замечательно, что известному графу де Санти, который при Петре Великом сочинял гербы в Герольдии и вообще был, как видно, знаток геральдики, приписывается составление первых городских гербов. Из приведенного выше перечня гербов оказывается, что ему обязан своим гербом Петербург, что он дал внешние атрибуты гербам старым; но вся работа, мы видели, принадлежит не ему. Тем не менее в 1737 г. Правительствующий Сенат, выслушав предложение герольдмейстера об имеющихся в Герольдмейстерской Конторе гербах городов, сочиненных бывшим герольдмейстерским товарищем графом Сантием на полковые знамена, и о присланных для сочинения гербов этих из губерний и провинций описаниях городов, приказал: срисовав с гербов копии, отослать их в Академию наук, а подлинники хранить в Конторе. В эту же Контору велено было обратиться, по переводе, отосланную в Академию подлинную на немецком языке "регулов геральдических печатную книгу"²⁴.

Как ни велик был труд, графом Минихом исполненный, им не могла окончиться деятельность государей наших на этом поприще: во-первых, не для всех городов, уже существовавших в то время, были сочинены гербы, а для тех только, в которых были расположены полки; во-вторых, они не были приведены в порядок и распределены по губерниям, и, наконец, в-третьих, беспрестанно возникали новые города, и прежние местечки возводились на степень городов. Все это было причиною, что в царствование императрицы Екатерины II было издано несколько указов, которые довершили труд графа Миниха²⁵. Работа эта была возложена на герольдмейстера князя Щербатова и герольдмейстерского товарища фон Эндена, равно как на состоявшего в должности герольдмейстера Волкова. Последнему до 15 губерний обязаны приведением в порядок старых и составлением новых городских гербов, которые и удостоились высочайшего утверждения.

²⁴ Указ 1737 г. нояб. 18 (№ 7442). Сенатский.

²⁵ Указываем на важнейшие об этом предмете *постановления*: 1777 г. марта 10 (№ 14596); 1778 г. марта 8 (№ 14717); 1778 г. июня 20 (№ 14765); 1779 г. мая 29 (№ 14884); 1780 г. янв. 8 (№ 14964), мая 7 (№ 15012); окт. 2 (№ 15069); окт. 10 (№ 15072—15073); дек. 22 (№ 15101); 1781 г. мая 28 (№ 15162, 15164—15165); авг. 16 (№ 15205—15211); 1781 г. авг. 23 (№ 15215), сент. 21 (№ 15236—15238); окт. 18 (№ 15260); дек. 20 (№ 15304); 1782 г. июня 4 (№ 15422—15424); июня 8 (№ 15427); 1783 г. июля 17 (№ 15786); 1784 г. марта 8 (№ 15953); 1785 г. марта 17 (№ 16164) и др.

Городовое положение, данное императрицею Екатериною II 1785 г. апреля 21-го, на права и выгоды городам Российской Империи, сделало герб необходимым для каждого города²⁶. По сочинении такого герба в Герольдии, он всякий раз представляется на высочайшее утверждение.

Наконец, когда блаженный памяти государь император Павел Петрович повелел собрать дворянские гербы и издать Гербовник, было предписано составить в Герольдии Общий Гербовник городов Российской Империи, с тем чтобы подлинник, по воспоследовании на него высочайшего утверждения, хранился в Герольдии, а копии с него выдавались городам за определенный денежный взнос.

§ 75. Оканчивая тем историю городских гербов, считаем нелишним обратить внимание на форму щита, в который вмещались в разное время городские гербы. Из сравнения памятников отечественной старины, на которых гербы русские сохранились, оказывается, что твердых и непреложных правил на этот предмет не существовало, а все или, по крайней мере, очень многое зависело здесь от произвола и вкуса художника. Изображения, снятые с разных памятников официальных, равно как и не имеющих такого характера, вполне доказывают справедливость сказанного (см. табл. XV, рис. 2—5, 7—9). Тем не менее, однако, нельзя не заметить, что чаще выбирали щит русский, чем всякий другой иностранный, а так как в древней России он был круглый или овальный, то он избран для областных знамен, печать Иоанна Грозного окружающих, равно как Корбом для приложенного к его дневнику государственного герба (табл. XVII) и, наконец, Минихом для тех городских гербов, которые были утверждены в 1730 г. и реестр которым означен выше. В последствии щит изменился, и для городских, равно как для частных, гербов усвоена форма щита французского, преобладающая у нас до сих пор.

²⁶ 1785 г. апр. 21 (№ 16137). П. 28.

ГЕРБЫ РУССКИХ ДВОРЯНСКИХ РОДОВ

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

**Древность и состав русского дворянства.
История дарования ему гербов**

§ 76. Как западноевропейские гербы объяснены нами историею дворянства, которое употребляло эти родовые знаки отличия, как история рыцарства в его постепенном развитии сделала понятною эмблемы и атрибуты, в рыцарские гербы вошедшие, так и русская геральдика не будет ясна без истории дворянства русского, которого основы совсем иные в сравнении с дворянством рыцарским. Коснуться здесь этого предмета тем важнее и занимательнее, что этим путем только можно дойти до определения времени, с которого гербы вошли у нас во всеобщее употребление. Если, впрочем, время это не отдалено от нас десятками столетий, то из такого явления никак нельзя вынести заключения, будто дворянство наше ново. Противное тому говорят обыкновенно иностранцы, ищущие у нас рыцарства, забывая, что оно не могло быть без феодализма, точно так, как последнее условливалось завоеванием и поселением германских народов на завоеванной почве. Не находя у нас того, чего ищут, потому что искомого не было и не могло быть в России, иностранцы из этого одного делают вывод о недревности нашего дворянства. Всякий русский, знающий историю своего отечества, конечно, понимает, как несправедлив этот упрек; тем не менее предубеждение это существует, повторяется, и мы не считаем лишним представить в опровержение его несколько доводов, не упуская при этом из виду нашей главной цели.

Выше не раз уже была высказываема нами мысль, что различие эмблем, в гербах наших употребляемых, легко объясняется различием происхождения русских дворянских родов, принесших с собою свои гербы или избравших их себе в России в соответствии с тем, откуда они выехали на службу русскому царю, равно как заслугами дворян русских на разных поприщах. Поэтому, говоря о древности русского дворянства, мы должны коснуться другой стороны того же вопроса, т.е. состава,

истории и окончательного образования благородного у нас сословия.

В смысле западноевропейском, к древнему дворянству могут быть причислены те только дворяне, которых предки участвовали в покорении страны, где введен был феодализм, те дворяне, которым дарованы права рыцарские и баронские. Роды, от лиц этих происшедшие, считаются самыми почетными по правам господства и преобладания, которые принадлежали им в отношении к их вассалам. Что касается до древности, то первенство остается ныне за сохранившимися в Италии немногими родами, доказавшими свое происхождение по прямой линии от римских патрициев. Затем в Западной рыцарской Европе Англия укажет дворянские роды, которых начало теряется в эпохе Вильгельма Завоевателя, Франция — роды, идущие со времен крестовых походов, и т.д. Таким образом, древность происхождения и самостоятельное обладание недвижимою собственностью считаются на Западе необходимыми принадлежностями и доказательствами благородства. Принадлежат ли качества эти нашему дворянству?

Во избежание упрека в произвольных догадках о славянах в т.н. доисторические времена, мы не будем вдаваться в подробности о тогдашнем быте наших предков и о тех слоях, которые с течением времени должны были составить первоначальную основу нашего дворянства; заметим только, что и в то время, когда у славян преобладала родовая стихия, у них были свои князья, старшины, вожди, роды которых не могли исчезнуть с прибытием к нам трех братьев-норманнов. Вместе с тем от последних, в их бесконечном раздроблении, пошло многое множество княжеских и дворянских фамилий, из которых иные уже вымерли, а другие процветают доныне. С течением времени к этим двум коренным и основным стихиям прибавились новые, пока из них не сложилось одно целое с твердым устройством и управлением.

Какого происхождения был Рюрик, история молчит, хотя трудно предположить, чтобы на вызов страны и союзных племен "княжить и владеть ими" пошли лица, не отличавшиеся благородством происхождения. В царствование Иоанна Грозного, который свои притязания на титул основывал на том, что "Великих Государей царей Российских корень изыде от превысочайшего цесарского престола, от прекрасноцветущего и пресветлого корени Августа Кесаря, обладающего Вселенною"¹, образо-

¹ ААЭ. Т. 2, № 7. С. 17; Там же. № 44. С. 101; СГГД. Т. 1. С. 599, 602; Там же. Т. 2. С. 299, 303; Карамзин. Т. 9. С. 31; Примеч. 414.

валась о происхождении Рюрика легенда, которая вошла в родословные книги. Вот она: в то время, когда воплотился Господь наш Иисус Христос, римский император Август, обладавший всею Вселенною, разделил ее "в содержание" братьям своим. Брата своего Пруса он поставил на берег Вислы, в города "Мадборок (Магдебург), Турун (Торн), Хвойницы, преславный Гданеск (Данциг)" и в другие города по течению реки Немана, и по имени владетеля земли этой она до сих пор именуется Пруссиею. В четырнадцатом колене от Пруса был Рюрик. В то же время жил в Новгороде старейшина, именем Гостомысл; умирая, он посоветовал новгородцам послать мудрых мужей в Прусскую землю и призвать оттуда князей. На зов этот пришли из Пруссии три брата от рода римского царя Августа².

Несомненно, во всяком случае (таков результат науки в настоящее время), что пришедшие к нам "с роды своими" три брата от варяго-русов были норманны. Следовательно, если бы необходимо было доказательство, для Западной Европы доступное, то мнение ее о нашем дворянстве опровергается тем, что происхождение наших княжеских и древнейших дворянских родов то же, какое и рыцарского дворянства, и восходит до половины IX столетия; следовательно, нисколько не моложе тех, которыми гордятся Франция и Англия. Что же касается до корня, от которого пошли наши князья, то смеем заметить, что Вильгельм Завоеватель и другие норманны, ходившие на добычу с мечом в руках, были не более как искатели приключений, нападавшие на ту или другую землю, проникавшие по течению рек во внутренность земель, которые они и обращали в свою собственность. Это были бездомные и безземельные витязи, ходившие искать себе приюта в далеких странах, вверявшие себя и дружины свои изменчивым волнам морей. Туземцы покорялись силе пришлецов и, взамен своей прежней независимости, своего народного устройства, получали право на известное, не всегда одинаковое, количество земли, а их отношение к новым обладателям мало чем отличалось от обыкновенных отношений победителя к побежденным, завоевателя к пленным.

Не таково было прибытие к нам варяго-русов, а добровольный их призыв, предполагающий выбор, не оставляет сомнения в хорошем происхождении тех, которые отозвались на приглашение славян и союзных племен. Без боя и насильственных мер совершилась та перемена в правлении и устройстве, которая

² *Родословная книга князей и дворян российских...* известна под названием Бархатной книги... М., 1787. Т. 1. С. 11–12.

всюду в других местах оставила неизгладимые следы. Обстоятельство, что прежние туземные роды не были искоренены и не подверглись господству, как завоеванные, важно для истории нашего дворянства. А именно: народ, у которого преобладает начало родовое, избирает себе в старшины и представители только лица из родов старших, отличающихся своею древностью. Это-то старшинство и соединенная с ним опытность и давали им право на тот почет, которым они всегда отличаются. История не сохранила известий, какие именно дворянские роды происходят от этого корня; тем не менее туземное происхождение многих благородных поколений доказывается неупоминанием в наших родословных и других источниках о том, где их начало, от какого благородного мужа они идут, откуда выехали, кем, наконец, возведены в дворянство. Начало этих родов теряется в незапамятной древности, а при твердости того родового начала, по силе которого благородство передавалось неизменно от родоначальника потомкам, нет основания сомневаться в том, что кровь тех благородных славян, которые призвали норманнов, доньяне течет в жилах многих русских дворян.

Другая, кроме древности происхождения, отличительная для благородства черта есть, по мнению Западной Европы, обладание недвижимою собственностью. И в этом отношении наше коренное дворянство представляет явление единственное в своем роде, — явление, которое разительно опровергает всякие предубеждения против его благородства. Чтобы показать, как мало основательно мнение в этом отношении иностранцев и тех русских, которые, не рассуждая, принимают на веру и повторяют его, мы считаем необходимым предварительно показать, какой объем самостоятельности владения принадлежал западноевропейским баронам, чтобы потом сравнить его с княжескою *вотчиною* и *дединою*, с уделами наших князей.

Западноевропейский барон, получив от своего вождя участок земли, не становился чрез то самостоятельным его обладателем, а, напротив, приходил к конунгу в отношении подчинения, и кроме того, что был лишен прав, принадлежащих самодержавной власти, как-то: бить монету, начинать войну, заключать мир, кроме того, что подчинялся своему государю в высших степенях суда и управления, он должен был вести свое войско под его знаменем, нести известные тягости и т.п. В редких случаях только бароны, по большей части с бою и мерами противозаконными, приобретали себе права полной самостоятельности, но это не более как превышение и злоупотребление власти. С утверждением в государствах Западной Европы монархического

начала права эти были уменьшены и прекращены в пользу государей.

Если роды, от таких вассальных владельцев происшедшие, величаются своим благородством, то не более ли прав на это имеют наши княжеские роды, от Рюрика происшедшие, — роды, предки которых были истинными государями, вотчинниками своих уделов, с правами, которых не имел никогда никакой вассал, никакой барон? И права эти нисколько не были злоупотреблением власти, не были незаконно похищены, как это бывало на Западе, напротив, у нас это делалось по обычаю и закону.

Великий князь Ярослав Владимирович, вотчич и дедич всей России, полученной им по наследству от предков и частью добытой оружием, разделил ее между своими сыновьями. Явление это, хотя не единственное в истории, имело последствия, которых не может представить ни одна страна, не проникнутая преобладавшим в отчизне нашей родовым началом.

В постепенном разветвлении княжеского дома Россия, дробясь все более и более, дошла до того наконец, что некоторым княжеским линиям принадлежал нередко один только город, одна волость, но как? на правах вотчинных, т.е. с правом самостоятельно владеть и управлять уделом, передавать его нисходящему потомству в том же объеме, в каком он получен по наследству. Взаимные между удельными князьями и с великим князем, государем всея Руси, договоры и трактаты определяли отношения их между собою.

Но в то же время, несмотря на это раздробление, Россия не переставала, в сущности, составлять родовую собственность всего Ярославова дома, что спасало ее от окончательного распада, связывало в минуты опасности, давало ей силу против врагов и, наконец, способствовало тому, что без борьбы и насилия уделы примкнули к Москве как центру и сплотились с нею твердыми, неразрывными узами. Слияние это совершалось незаметно: по мере расширения пределов Московского государства уменьшались преимущества князей удельных, которые по взаимному согласию уступали Москве свои владения и права самостоятельности, заключали для того договоры и трактаты, выговаривали для себя все меньше и меньше прав и, наконец, стали *служебными князьями* Московского государя. Даже Новгород и Псков никогда не утрачивали убеждения о единстве всей государевой вотчины, что и было высказано новгородцами и псковичами в то время, когда Иоанн III требовал подданства от града св. Софии и ее пригорода³. Но лучшим подтверждением того, как дети

³ *Первая Софийская летопись* // ПСРЛ. Т. 6. С. 26 и след.

Ярослава помнили (несмотря на некоторые споры и вражды) единство кровного происхождения и как сохранялась целостность России при всем ее раздроблении на самостоятельные княжества, служит история князей Полоцких и впоследствии Литовских. Великий князь Изяслав, получив в удел при жизни отца своего Владимира Св. Полоцк, был, следовательно, отделен от прочих своих братьев, не считался совладельцем отчины Ярослава наравне с его детьми. В продолжение четырех столетий Литва и Киев, потом Литва и Москва составляли два самостоятельных, совершенно независимых пункта, иногда замиренных, по большей части враждовавших, пока наконец Москва не взяла верх. Тем не менее коренная связь не была прекращена, и, по присоединении Литвы к России, литовские княжеские роды заняли в нашем дворянстве принадлежащее им по достоинству место, несмотря на то, что Литва целые столетия была отторгнута от России, с которою первоначально составляла одно целое.

Таким образом, не преувеличивая, можно сказать, что во главе коренного русского дворянства стоят потомки государей разных областей России, удельных князей. К этому разряду должны быть причислены все наши княжеские роды, от Владимира Святого происшедшие, не исключая и тех родов, которые по случайным обстоятельствам должны были на время расторгнуть, хотя внешним только образом, узы, связывавшие их с родиною, но которые тем не менее оставались нераздельными с отчизною по своим убеждениям, вероисповеданию, не стремились к воссоединению с Москвою и наконец слились с нею. Князья Чарторижские, Пинские, Слуцкие, Бельские и др. (не говоря уже о теперешнем их подданстве России) — такие же русские князья, как Хованские, Голицыны, Трубецкие и др. Обстоятельство, почему первых из них привыкли считать не русскими князьями, тогда как никто не скажет того же о Трубецких, Голицыных, совершенно случайное и зависело оттого, что у первых были владения, которые при разграничении России с Литвою отошли к последней. А так как принадлежность России, Польше или Литве города или даже известной волости было следствием победы или мирных трактатов и взаимных договоров, которых содержание сообразно обстоятельствам неоднократно изменялось, то и принадлежность литовских князей или, вернее, владений их к Польше не могло отнять у них коренных прав, по силе которых они оставались русскими. Случай не может лишать человека никакого важного и существенного преимущества. Для образца, как владение определяло подданство, мы приведем следующий отрывок из договорной грамоты,

заклученной 5 февраля 1494 г. между Иоанном III и Александром Литовским. По этому трактату были, между прочим, определены границы для владений того и другого государя, и в соответствии с тем (так как служба лица и повинности, которые оно несло, были разложены *по земле и по воде*) необходимо было разграничить, кому из договаривавшихся сторон подчиняется тот или другой князь. "А по которая места ведали волостели Осугу при великом князе Кестутье, и моим волостелем по тому же ведати, а тебе великому князю Ивану не вступатися, также мне великому князю Александру не вступатися у тебя и у твоих детей в вашу вотчину *в город Вязму* и в городы и в волости *и во все земли и воды Вяземские*, что к Вязме потягло, *ни князей мне Вяземских к себе не принимати...* А князю *Новосильские, Одоевские и Воротынские и Перемышльские и Белевские* все твои Великого князя Ивановы и твоих детей *и с своими вотчинами*, к нашему великому княжеству". Далее по положению вотчины князя одной и той же линии могли служить разным государям. "А *Мезецкие князья*, князь Михайло Романович... служат тебе великому князю Ивану и твоим детем *и с своими отчинами*, что их долницы в городе в Мезецку и в волостех, а мне великому князю Александру их необидети и не принимати их *и с их вотчинами*. А что служат мне великому князю Александру *Мезецкие князи*, князь Федор Сухой, да князь Василий... и те князи в Мезецку в городе и в волостех, ведают свои отчины долницы свои, а тебе великому князю Ивану и твоим детем их не обидети и не принимати их с их отчинами. А что у тебя в нятстве *Мезецкие князи*, князь Семен Романович и князь Петр Федорович, и тебе тех князей отпустить в Мезецк на их отчину, *и они кому хотят, тому служат и с своими вотчинами*, что их долницы в городе в Мезецку и в волостех"⁴. Вообще, обстоятельство, кому подчиняются князья пограничных областей, часто изменялось, и нередко в одно и то же правление отдельное лицо, не говоря уже о целых княжеских поколениях, при перемене границ владений *тянуло* то к Москве, то к Литве. Потому-то мы и считаем его несущественным: для нас важны корень, от которого идут князья, и земля, которою они владели, их удел. А между тем во всей древней Руси не пресекалось искони сознание, что Литва есть Русская область, отторгнутая от своего центра при неблагоприятных обстоятельствах и долженствовавшая воссоединиться и слиться с ним, что действительно и последовало, как только Россия окрепла внутри и цари ее захотели

⁴ СГГД. Т. 5. С. 17, 50.

восстановить свою древнюю прародительскую вотчину и дедину в первоначальном объеме.

Став *служебными князьями* Московского великого князя, царя и обладателя всея России, удельные князья, наравне со всеми другими служилыми людьми, подчинились распоряжениям Разряда, которые со всевозможною точностью вел записки их служб придворной, военной и гражданской. Таким образом, становится неуместным всякое сомнение, действительно ли ныне существующие русские княжеские роды ведут свое начало от сыновей Владимира и Ярослава и продолжают без перерыва. Как княжеский род и в нем отдельное лицо получали право на обладание известною областью только и не иначе как по началу родовому, по происхождению от известного родоначальника, так и потомкам их придавалось при московском дворе большее или меньшее служебное значение на том же основании старшинства происхождения, и мы знаем целые местнические дела, состоящие из доказательств, от какой линии Мономахова дома ведет свое начало тот или другой княжеский род. Поэтому как каждый род, приходивший в столкновение с другими служилыми людьми, записывал для себя и потомства своего службы предков и происхождение их, для определения на этом основании, кому то или другое лицо *в версту* и кого оно моложе или старше, так, с другой стороны, и государство вело особые списки, в которых, кроме *родословия*, определявшего старшинство происхождения, тщательно записывались посылки, назначения на службу, награды за нее, равно как вообще служебная деятельность лица до последних мелочей, и, следовательно, если бы частный человек имел выгоду вести себя от старшей линии, не принадлежа к ней, или скрыть известную службу своего предка, то государственные разряды, в которых в случае спора навелась справка, открыли бы утайку, а *местники*, основывавшие на разрядах свои притязания, конечно, не преминули бы воспользоваться тем или другим несправедливым показанием своего противника для доказательства его *потерки*, того, что он может служить в *одной версте* или даже ниже соперника. Оттого несомненно основанное на родословных книгах, равно как на разрядах, происхождение наших княжеских родов от царственного корня Владимира Св. и Владимира Мономаха. Можно ли затем сказать что-нибудь против древности и благородства нашего коренного дворянства?

§ 77. Кроме князей, почетное место при московском дворе занимали "*цари и царевичи* разных земель, которые служат в Московском государстве", как они неоднократно именуется

в наших древних исторических памятниках. Прибытие их к нашему двору и служба при нем в немалом количестве объясняются тем, что по свержении татарского ига ветви Чингисханова дома оставались долго еще в разных пунктах России: в Крыму, Казани, Астрахани до тех пор, пока и отсюда они не были вытеснены московскими царями, которым и подчинились. *Шертные грамоты*, данные им по этому случаю, обеспечивали Россию на счет верности службы их, а вместе с тем русский государь, не лишая их всех преимуществ, принадлежащих им по первоначальному званию, предоставлял царям и их семействам некоторые права по своему усмотрению до тех пор, пока они не низошли на степень обыкновенных княжеских родов. Считая себя не вправе излагать здесь в подробности всю родословную Чингисханова дома⁵, мы коснемся для примера генеалогии *князей Сибирских*. Как прозвание это ясно свидетельствует о их происхождении и о земле, которою они владели, так акты, сохранившиеся в делах Посольского приказа, которому они были подведомы, и в домашнем архиве князей Сибирских, дают возможность проследить историю потомков царя Кучума до позднейших времен.

Известно, что Сибирь, бывшая целью для промыслов новгородцев, в XI еще веке посещалась русскими и что в XIII столетии князья наши ездили к берегам Амура на поклон к ханам. В XV столетии начинаются наши завоевания за Уралом, а в XVI в. Сибирь платила уже дань Москве. Затем в 1569 г. по торжественному договору с царем Сибирским Кучумом, сыном Муртазы, происходившим от Чингисхана, страна эта утверждена в подданстве России; но, укрепившись в Сибири, Кучум перестал исполнять принятые на себя по договору с Москвою обязанности, что имело последствием действия против него вооруженною рукою Строгановых и подвиги Ермака. В правление царя Феодора Иоанновича русские все более и более стесняли Кучума, пока не завладели всю его областью. Наконец, в 1598 г. Кучума не стало, и Сибирь навсегда присоединена к Москве⁶, все же семейство его переселено в Россию. Сын Кучума, царь *Алей*, был послан на жительство в Ярославль, где и пожалован был поместьем с обязанностью служить с него. Сын Алея, царевич *Хансюер*, быв в походе под Смоленском, изменил Москве и отъехал в Литву, потом перешел к крымскому хану, но был взят в плен казаками,

⁵ Родословная татарских родов подробно изложена в: *Histoire genealogique des Tatars traduite du manuscrit Tartare d'Abulgasi-Bayadur-Chan. Leyde, 1726.*

⁶ *Карамзин*. Т. 9. С. 78, 219, 226, 228, 242. Примеч. 644; Т. 10. С. 15-16; Т. 11. С. 15-18. *Abulgazi*. P. 484-498.

сослан в Сольвычегодск, потом в Устюг и, наконец, в царствование Алексея Михайловича был возвращен в Москву по просьбе отца. Между тем Алей, ссылаясь на свою старость, не позволявшую ему служить наравне с другими с своего поместья, передал большую часть его внуку своему *Калиннику Хансюеровичу*, и затем осталось у него поместья — две деревни да двадцать две пустоши. Вследствие того царь Алей просил государя о назначении ему *денного* корма, но так как поместным кормы не давались и по правилу помещик, не могший сам служить с своего поместья, должен был сдать часть его другому лицу, которое и отправляло за него службу, то просьба царя Алея осталась без удовлетворения. Другой сын царя Алея, Алп-Арслан, получил в удел город Касимов и известен под именем *царя Касимского*. Впрочем, происшедшее от царя Алея, равно как от третьего Кучумова сына, *Аблагаира*, потомство пресеклось, а настоящий род князей Сибирских пошел от второго сына царя Кучума, царевича *Алтания*, который жил в Ярославле на царском жалованье. У него было два сына, именовавшиеся еще царевичами: *Дост-Салтан*, по крещении Петр, и *Иш-Салтан*, по святом крещении Алексей. Оба они, равно как их жены и дети, погребены в Новоспасском монастыре в Москве и им придан титул царевичей, который остался и за последующим поколением до конца XVII и начала XVIII столетия, а именно за детьми царевича Сибирского Алексея Алексеевича: Григорием, Василием и Дмитрием. Из них второй, Василий, подвергся ссылке по делу царевича Алексея Петровича, при котором находился. Засим дети его перестали называться царями и царевичами и носят княжеский титул. Род этот продолжается до настоящего времени.

Подобно царям Сибирским, постепенно переходили в князья и другие цари потомства Чингисханова, побежденные московским государем, который имел потому полное право называться *царем царей*⁷. Видя, что сила московского государя постоянно возвышается и что совместно с ним невозможно спокойное существование мелких киргизских и иных орд, властители их, ханы и цари, просили покровительства у России и были принимаемы *под высокую* руку нашего царя. Мало-помалу они присоединились к Москве, а владения их стали областями России. Взамен того ханам были даваемы земли или жалованье, а в разрядах службы московской им предоставлялось почетное место.

Вместе с царями татарского происхождения переходили ко двору московскому и в службу русского государя мурзы

⁷ *Карамзин*. Т. 10. С. 114.

и князья, окружавшие своих ханов. Большая часть из них приняла святое крещение, пользовалась тем почетом, который принадлежал им по рождению и царскому пожалованию, вступала в брак с русскими, и только фамилия и герб их потомков свидетельствуют доньше о том, какой стране и какому племени Россия обязана многими фамилиями, члены которых ознаменовали себя преданностью русским царям и своему новому отечеству. Понятно, отчего у нас так много дворянских родов, происшедших из Орды и от татар. В Бархатной книге, вместившей в себе показания дворян о происхождении их предков, во множестве упоминаются роды, выехавшие из Крыма, Кафы, из Орд Большой, Золотой, Синей, Косуйской, Наручатской и из татарских земель вообще.

Что касается до других стран Европы, то должно признаться, что едва ли какая-нибудь земля осталась нам вполне чуждою и не внесла своей стихии в состав русского дворянства. Россия всегда была открыта для иностранцев, и в нее въезжали отовсюду "мужи честны", по выражению нашей летописи. Много выехало родов из Пруссии и Германии (Цесарии), из *Немец* вообще, хотя Англия, Франция, Италия, Турция, Греция и т.д. могут указать в нашем дворянстве представителей, так сказать, своей народности. Впрочем, выезды эти произошли так давно, роды эти так обрусели, что только герб свидетельствует доньше о происхождении предков их.

Наконец, присоединение к России разных областей и государств увеличивало число дворян русских благородными фамилиями этих стран. Та неразрывная связь, которая искони существовала между Москвою с одной стороны, Литвою и Польшею с другой, связь, которая условливала непрерывный переход к нам служилых людей из этих земель, равно как возвращение к России при царе Алексее Михайловиче областей Приднепровских и впоследствии Смоленской, Витебской и других губерний, хотя и бывших исконною вотчиною русских государей, тем не менее состоявших так долго под чуждым влиянием, внесла в списки наших дворян множество родов польских, литовских и малороссийских. Несмотря на тесное их слитие с тем центром, к которому они примкнули, гербы их носят неизменные следы того, к какому разряду дворян выезжих владельцы их должны быть причислены.

То же должно сказать о дворянах губерний Остзейских, равно как Финляндии, и о родах, ведущих свое начало из стран Кавказских и Закавказских.

Предки нынешних остзейских дворян были рыцари Тевтон-

ского ордена, переселившиеся в XIII и XIV вв. к берегам Балтийского моря из Германии для распространения христианства между туземцами-язычниками. Утвердившись в завоеванных землях, основав здесь города, они ввели в них феодальное управление: оно-то и послужило источником для тех установлений и для того образа жизни, остатки которых до сих пор видны в зданиях, улицах, законах, гербах этих провинций. Нет сомнения, что остзейское дворянство есть теперь одно из древнейших рыцарских и гербы, дворянам этим принадлежащие, отличаются своею геральдическою правильностью и древностью. Для них издан особый Гербовник.

Дворянство Финляндии, в основании своем шведское, также искони имело свои гербы, помещенные в особом Гербовнике — *Samling of Wapen för de Adelige Ätter som aro introducerade a Storfurstendömet Finlands. 1843.*

Что касается до князей и дворян грузинских и кавказских вообще, вошедших в состав русского дворянства, то необходимо заметить, что задолго еще до присоединения Грузии к России сношения наши с Кавказом были довольно тесны и часты; так, при царе Иоанне Васильевиче Грозном кахетинский владетель Леонтий обращался к покровительству московского двора, и Грозный дал ему грамоту с золотою печатью как своему верно-подданному. Затем в 1586 г. притеснения персиян заставили кахетинского царя Александра II просить помощи у царя Феодора Иоанновича, который, приняв от него присягу на верно-подданство, отправил посольство к шаху Аббасу Великому с извещением о принятии Кахетии в подданство России. Далее карталинский царь Георгий при Борисе Федоровиче Годунове и наследник Александра Кахетинского Теймураз при Михаиле Федоровиче в 1638 г., потом мингрельский князь Лев, а в 1650 г. царь Имеретинский Александр в царствование Алексея Михайловича испрашивали покровительство, вступали в подданство России и давали присягу на верность. Цари *Горские* разных наименований, смотря по стране, из которой выехали, и князья *Черкасские* встречаются рано при московском дворе. Они бывали часто в свойстве с русскими великими князьями и царями и ознаменовали свою преданность России подвигами доблести на разных поприщах государственной деятельности. Число грузинских фамилий, как от царственного корня происшедших, так и дворянских вообще, значительно увеличивалось по мере того, как Кавказ подчинялся власти русских государей. Начало покорения этих стран было положено Петром Великим, предпринявшим поход в Персию. По силе трактата, окончившего эту войну,

России уступлен весь западный берег Каспийского моря до Астрабада. Не один затем поход был предпринимаем русскими государями как с целью увеличения владений наших за Кавказом, так и для защиты Имеретии и Мингрелии от персиян и турок. Только могуществу России обязан этот край избавлением от покорения его турками, а по договору, заключенному в 1774 г. между Россией и Портою, последняя отказалась от своих притязаний на Грузию и признала независимость как ее, так и Мингрелии с Имеретиею, а в 1783 г. царь Грузинский Ираклий признал себя со всеми своими потомками зависимыми от России. Преемник его, Георгий XIII, видя, что Грузия, беспрестанно подвергавшаяся нападениям соседей, слабая по недостатку твердых установлений и лишенная материальных сил, не может существовать самостоятельно, просил государя императора Павла Петровича принять всю Грузию в подданство свое. Таким образом, после смерти Георгия XIII манифестами 18 января (№ 19721) и 12 сентября 1801 г. (№ 2007) Грузия присоединена на вечные времена к России⁸. В настоящее благополучное царствование пределы владений русских за Кавказом значительно расширились, а вместе с тем увеличилось и число дворян, которые, происходя из горских племен, слились с благородным русским дворянством.

Обозначив главные, так сказать, стихии, вошедшие в состав отечественного благородного сословия, мы не думаем, что исчерпали этот вопрос, в высшей степени занимательный сам по себе и важный для русской геральдики. Собственно говоря, присоединение всякой области, даже и такой, где не было рыцарства и связанных с ним учреждений, не могло не иметь влияния на нашу геральдику, в которую таким путем вносились новые эмблемы, бывшие у нас прежде неизвестными. Достаточно в этом случае указать хотя на Бессарабию. Первоначально принадлежала она римлянам, потом была населена разными бродячими народами — даками, готами, гуннами, аварами, печенегами, затем составляла часть Турции и по Бухарестскому трактату в 1812 г. присоединена к России вместе с восточною частью Молдавии. Выезжавшие к нам и прежде присоединения Бессарабии к России из Молдавии и Валахии дворянские роды имели на своих печатях эмблемы, отличавшие их происхождение, например герб Петра Могилы (табл. IX, рис. 1, 2), Кантимиров и т.д. Тем большее число дворян выехало к нам из этих стран

⁸ *Обзрение российских владений за Кавказом*, изданное от Министерства финансов. Спб., 1836. Ч. 1—4.

и увеличило собою отечественное дворянство, когда область эта была присоединена к России. Буйволова коронованная голова и летящая птица, несущая в клюве крест, видны теперь в гербах некоторых наших дворянских фамилий, в ознаменование происхождения их из Бессарабии.

§ 78. Краткий очерк истории образования нашего дворянства набросан нами только для опровержения мнения тех, которые, сравнивая наше благородное сословие с западноевропейским и не находя у нас рыцарских учреждений и в числе их гербов, отвергают древность русского дворянства. Считаем лишним прибавлять после того, что уже сказано, в какой мере подобное суждение согласно с истиною и историею. А что у нас, несмотря на все благородство стихий, в состав нашего дворянства вошедших, долго, до конца XVII столетия, не было гербов или, правильнее, о них молчит законодательство наше, то это совершенно объясняется следующим. Идея о гербе как необходимом, для глаза видимом и осязательном отличии каждого дворянского рода могла явиться не ранее самой идеи о дворянстве как сословии, имеющем известные права личные и имущественные, равно как свою администрацию. Право на герб есть одно из личных преимуществ дворянина и не могло быть даровано ему, пока составные части, послужившие к образованию почетного сословия, были разрознены до того, что не могли иметь никакого общего отличия, хотя несомненно, что отдельные лица благородного происхождения, служившие в русской службе и выехавшие из стран, где существовали гербы, продолжали пользоваться и в России этим отличием без перерыва. Но, повторяем, общее значение как необходимая принадлежность дворянина получил у нас герб не ранее конца XVII и начала XVIII столетия, именно тогда, когда дворяне образовали из себя сословие. Представляем вкратце объяснение и доказательства нашей мысли.

Из дружины, окружавшей русских великих и удельных князей в качестве военных спутников и советников, с течением времени, в исходе XII столетия, образовался двор, и лица, к нему принадлежавшие, получили в древних наших памятниках название *двóрян*, но нисколько не в том обширном смысле, в каком слово это употребляется ныне. В чиновной иерархии они стояли ниже бояр и окольничих, людей думных и употреблялись как при дворе собственно для того, чтобы придать ему более блеска и значения при приеме, отпуске послов, бракосочетаниях, церемониях разного рода, так и для посылок по делам военным и гражданским. Вообще при несуществовании того разграничения служб, которое условливается только правильным распреде-

лением должностей, придворные чины употреблялись всюду по назначению князя, при котором служили. Естественно, что по мере того, как росла сила Московского великого князя, увеличивалось великолепие двора его и множилось число окружавших его дворян, так что, наконец, явилась потребность разместить их по всем концам России, начав от Москвы. Имея в виду, что служба отправлялась *по земле и по воде*, с угодий, во владении лица находившихся, московское правительство не нашло лучшего средства обеспечить служилых людей и самую службу, как раздав им из казенных и пустопорожных земель поместья, участки сообразно отправляемой каждым должности, занимаемому *месту* с условием, чтобы с этого участка служил сам помещик и выводил с собою определенное число людей *конных и оружных*, с известным запасом продовольствия и в определенном вооружении. Как поместье давалось только для службы и под условием ее отправления, как далее старость, слабость и вообще всякое препятствие к исполнению обязанностей служило поводом к лишению поместья и к отдаче его другому способному лицу, так служба только связывала между собою помещиков, и по окончании ее они расходились по своим имениям, где спокойно жили до нового *наряда*, до прибытия *окладчика*, собиравшего помещиков и наблюдавшего, чтобы всякий из них отправлял свою должность в таком именно объеме, в каком требовал закон.

Дружина, подобная московской, окружала и *младшую братью* — удельных князей; и по присоединении их к Москве в качестве *служебных князей*, к московскому великому князю и царю перешли *городские дружины* и образовали собою *городовых дворян*, служивших по городу и только изредка приезжавших к московскому двору. Как московские дворяне, необходимые для службы, приближавшей их к царю, видели постоянно его *царские очи*, так городовые дворяне могли являться при дворе только изредка, и таким образом служба *по Москве* была выше и почетней службы *по городу*. Вследствие того, перевод из городских дворян в московские считался повышением и наградой, как, наоборот, переведенный с Москвы в город служилый человек считал себя пониженным. Вместе с тем, в соответствии с различными степенями близости к царю лиц, известную должность занимавших, и, может быть, вследствие привычки видеть на определенных местах (напр., воеводами в большом, передовом полках, в левой или правой руке, *смотрящими в столы* на государевых обедах, исполняющими известные обряды на свадьбах государей, на крестных ходах и т.п.) более или

мене почетные лица, образовалась сама собою обычная иерархия мест. По силе ее при назначении служилого человека в какой бы то ни было должности служб военной, гражданской и придворной, обращали внимание на важность места и на отношение лиц, его занимающих, к другим равным и низшим чинам. Самая же важность должности условливалась, с одной стороны, близостью к царю лица, властью облеченного, и с другой тем, как велик *по родословцу и разряду* был тот, кто прежде занимал то же место. Понятно, что при таком множестве составных стихий, пока они не слились воедино и не образовали из себя одного сословия, были неизбежны счеты о том, кто старше по происхождению, *по родословцу*, какой удельный князь от какой идет линии и, наконец, кто выше по разрядам, по пожалованию от государя и по службе. Споры *о местах* должны были поэтому сопровождать всякую посылку, всякое назначение на службы, ибо эти начала, родовое и служебное, непременно сталкивались, и хотя главное правило местничества гласило: "Что местничаться между собою могут одни только родословные" и что, следовательно, этого права лишены лица, возведенные в боярство по разрядам, за службу, тем не менее столкновения между ними были непрерывны и увеличивались по мере того, как прежнее родовое начало теряло свое первоначальное значение, а начало монархическое между тем росло и высылось. Строгие наказания тех, кто местничался *недельно*, все чаще и чаще повторявшиеся запрещения, чтоб в известных службах, нарядах не было предъявлено споров о местах, постепенно приготавливали совершенное слияние всех этих исторических оттенков в одно стройное целое. Но для того чтобы подобное слияние могло последовать, было главным образом необходимо, чтобы: во-первых, разряды из частных, семейных, перешли в правительственные и назначение на службу сообразовалось исключительно и единственно с выгодами и потребностями государства, мимо всяких семейных счетов, и, во-вторых, чтобы составление родословных книг, которые вел и вести имел выгоду каждый род для своей собственной *обороны*, приняло характер правительственный. В царствование Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича запрещения не местничаться и наказание тех, кто предъявлял свои притязания на нарушение разряда, не согласного с законами родового старшинства, были так часты, что исключение само собою перешло в правило. Недоставало только положительного утверждения законом этого порядка вещей, вылившегося из потребности времени.

Предлогом к такой существенной и коренной перемене

послужил состав нашего войска: оставаясь по-прежнему, без изменения, оно оказалось не в состоянии вступить в бой с неприятельскими войсками, у которых были введены *новые в ратных делах вымыслы*. К тому же в войске нашем служило тогда множество иностранцев, для которых были чужды и непонятны семейные и родовые распри о старшинстве; и потому царь Федор Алексеевич видел лучшее средство сравнить наше войско с западноевропейским, с одной стороны, в том, чтобы изменить прежнее устройство нашей армии, и с другой — уничтожить местничество. Мысль эта важна сама по себе как провозвестница последующих преобразований, сделанных на том же поприще Петром Великим; осуществление же ее царем Феодором Алексеевичем богато последствиями.

Оно было необходимо вследствие переименования служилых людей в звания и должности, бывшие у нас прежде неизвестными, для которых, следовательно, обычай и закон не могли еще установить никакой степени старшинства. Очевидно, хотя это и не выражено буквально в грамоте 1682 г.⁹, цель во всем этом преобразовании была одна, чтобы, уничтожив прежние должности, с корнем вырвать веками утвердившиеся убеждения о старшинстве мест и лиц, их занимающих. Как ни много было подготовлено для такого преобразования предыдущими событиями, как ни мало совместно, по-видимому, было прежнее воззрение наших служилых людей на службу с тем порядком вещей, которого заря уже восходила, вопрос об уничтожении местничества требовал зрелого обсуждения. Поэтому царь Федор Алексеевич, поручив рассмотрение вопроса о *лучшем государевых ратей устройении и управлении* князю Василию Васильевичу Голицыну, велел быть при этом случае *"выборным* стольником и генералом, стольникам же и полковникам рейтарским и пехотным, и стряпчим и дворянам, и жильцам, городovým дворянам и детям боярским". Мнение выборных людей состояло в том, чтобы всех служилых людей распisać в роты, а не сотни и вместо сотенных голов установить ротмистров и поручиков из стольников, стряпчих, из дворян и жильцов, *из всех родов и чинов с головы беспременно*; а между собою местами не считаться и служить *без подбора, кому в каком чине он, великий государь, быти укажет*. Вследствие того были переименованы в ротмистры и поручики стольники, стряпчие и дворяне. Но так как в семьях князей Трубецких, Одоевских, Куракиных, Репниных, далее, у Шеиных, Троекуровых и Лоба-

⁹ СГГД. Т. 4. С. 396—410.

новых-Ростовских не было лиц, которых бы можно было записать в эти службы, за малолетством, то бояре опасались, чтобы тем родам, которых члены записаны на новую службу, не была она вменена *в потерку* со стороны родов, ей не подвергшихся; а потому они полагали и последних записать с течением времени в ротмистры и поручики и тем положить прочное основание уничтожению навсегда и во всех дворянских родах местничества.

Для окончательного рассмотрения, однако, этого важного вопроса царь нашел необходимым созвать собор из лиц духовных: патриарха, архиереев и властей, и из светских: всех своих бояр, окольных и думных людей. В кратких, но выразительных словах царь изъяснил пред собором, какие неудобства происходили для России от споров за места, как вследствие того *в мимошедшая времена в ратных и в посольских и во всяких делах чинилась великая пагуба и ратным людям от неприятелей великое умаление*. Затем царь показал, как предки его, понимая все зло и желая способствовать его уничтожению, постоянно стремились к ограничению местничества, как сам он, царь Феодор Алексеевич, стремится к тому же, и, наконец, предложил на разрешение собора вопрос: быть ли *всем разрядам и чинам без мест* или *по-прежнему быть с месты*. В произнесенной затем речи патриарх Иоаким доказывал, что любовь, заповеданная Спасителем, всего чаще нарушается несогласиями, возникающими вследствие споров между *высокородными* о местах, и что такие споры возникают не только между отдельными родами, но и между лицами, к одному роду принадлежащими. Поэтому голос патриарха был в пользу искоренения такого *братоненавистного* установления, во всех отношениях вредного и пагубного. То же мнение выразили духовные власти, бояре и думные люди: все соглашались, что должно искоренить *отечественное* местничество и для уничтожения памяти о прежних спорах за места предать огню все прошения, записки и дела, до этого предмета касающиеся, так, чтобы уничтожить всякую даже память о местничестве, "чтобы соблазна и претыкания никто никакого не имел".

Такое единодушное постановление Земского собора было немедленно приведено в исполнение и разрядные книги преданы сожжению, избранные же для того от царя боярин и думный дьяк, а от патриарха митрополиты и архиереи смотрели, пока книги эти совсем не сгорели.

Затем патриарх убеждал бояр, чтобы они не хранили у себя никаких записок о местнических спорах, а приносили их в Разряд.

Взамен того царь велел установить в Разряде общую родословную книгу, известную под именем Бархатной, и разрешил, чтобы каждый род вел по-прежнему свою родословную; для полноты же государственной родословной книги, ведение которой вверено Разряду, царь предписал взять от отдельных фамилий показания, какие линии и лица в каждой из них пропущены. В эту же книгу велено внести, по надлежащем удостоверении, и те *честные* роды, которые при прежних царях занимали почетные места, были боярами, окольниковыми и думными людьми, равно как поместить те *старые* роды, которые хотя и не были в таких *честях*, тем не менее с царствования Иоанна Васильевича Грозного бывали в посольствах, в полках, на воеводствах и в других *знатных посылках* или вообще были *людьми, близкими* к государю. Затем велено было писать в особые книги: 1) тех, кто, не принадлежа к исчисленным видам служб, с царствования Михаила Федоровича бывали послами, посланниками, полковыми воеводами и вообще служили в *честных чинах*, равно как записаны в десятнях в первой статье; 2) тех, которые не были в исчисленных должностях, а записаны в десятнях в средней и меньшей статьях, и 3) тех, которые за службу отцов пожалованы из нижних чинов в московские чины.

С течением времени правила, в соборном деянии об уничтожении местничества для составления родословной книги поставленные, дополнялись и объяснялись; так, в 1682 же году повелено причислять к княжеским и другим дворянским родам те только фамилии, о которых удостоверять означенные роды, что они идут от одного с ними корня¹⁰. Далее, в 1686 г. велено родословную *обновить* и *пополнить*, включив в нее роды, от имеретинского царя Арчила Вахтанговича происшедшие, равно как сибирских и касимовских царевичей и, наконец, княжеские выезджие и иные честные роды¹¹.

Для того чтобы расположить родословную по степеням и дать возможность *родословить* всякий род и всякое его поколение, нисходя от родоначальника к искомому лицу, повелено, не разделяя семейств, от одного корня происшедших, по разным книгам, писать их вместе, несмотря на различия по службе, и показывать сперва роды, от старшего колена происшедшие, затем от второго и т.д., если бы даже они изменили свое родовое прозвание. Таким образом, окончательное составление общей дворянской родословной книги относится к соцарствованию

¹⁰ СГГД. Т. 4. С. 478—479.

¹¹ Родословная книга... М., 1787. Т. 1. С. 7—11.

Иоанна и Петра Алексеевичей с царевною Софиею Алексеевною, понимавших, сколько можно заключить из их указов, всю важность этого труда. Привести его в исполнение было поручаемо избранным для того боярам, окольничим и думным дьякам, составлявшим *Родословную Палату*.

Таким образом внесение в общую родословную книгу всех *честных* и *старых* родов, знатных по происхождению и по службе, должно было сплотить воедино бывшие дотоле разрозненными составные части нашего благородного сословия. А так как ведение этого важного документа было поручено лицам, от государства к тому уполномоченным, и внесение в родословную книгу служило источником для известных прав и преимуществ в быту частном и общественном, то требовались положительные доказательства от каждого, кто желал быть внесенным в родословную книгу. Особенно же строго должно было исполняться требование это относительно иностранных родов, служивших на разных поприщах русским царям. Они должны были представить *явное* о себе *свидетельство*, т.е. доказательство о том, что действительно благородны по происхождению и занимали почетные в русской службе места. Вследствие того выезжие фамилии, желавшие быть помещенными в Родословной книге и по благородному своему происхождению обладавшие гербом, представляя при прошениях своих на имя государей Феодора Алексеевича и его ближайших потомков доказательства о своем благородстве, прилагали, нередко за подписью *людей благонадежных*, удостоверения о том, что предки их употребляли издавна герб с известными эмблемами, и просили об утверждении его за ними. Родословная Палата, по препровожденному к ней от царя прошению, сносилась с Посольским приказом о том, в какой мере справедливо показание лица о древности и знатности его рода и действительно ли известной фамилии принадлежал герб, который она себе присваивала. Посольскому приказу были вообще подведены иностранцы, в Россию приезжавшие, и потому сведения о них могли быть отыскиваемы только в делах этого государственного учреждения. Для справок же о гербах была в Посольском приказе *Латинская книга, называемая Гербовник Шляхетный Польскаго и Литовскаго народа*, Окольского Orbis Polonis, изданный в Кракове в 1641 г. На него, равно как на Папроцкого и Стрыйковского, делались нередко ссылки. Сообразно отзыву Посольского приказа, если он утверждал принадлежность герба известной фамилии, этот знак благородного происхождения за нею и утверждался.

Справки эти делались так часто, что в 1686 и 1687 гг. была

уже составлена в Посольском приказе "книга в десть", как показано в описях, "о родословии и о гербах Российских разных знатных шляхецких фамилий, кому по челобитью и по памятям из Родословной Палаты о тех фамилиях и о гербах в государственном Посольском приказе чинены выписки, о которых фамилиях и о гербах их посольских знатных шляхтичев с свидетельствованных листов в тех выписках переводы имеются и как о тех фамилиях и о гербах с тех чинимых выписок из Посольского приказа в Родословную Палату в памятях писано, которым выпискам, памятям о тех фамилиях и о гербах в заглавии книги сея описание по листам находится".

Заглавие книги достаточно показывает, чего вправе были бы ждать от нее отечественные генеалогия и геральдика; но, к сожалению, книга эта утратилась, и нам удалось восстановить ее в немногих отрывках выписками из подлинных дел того времени. Некоторые особенно замечательные отрывки мы представляем здесь без изменения для того, с одной стороны, чтобы показать источники, из которых почерпал Посольский приказ свои сведения о гербах выезжих в Россию родов и с какою добросовестностью он смотрел на этот, тогда еще новый предмет, а с другой — чтобы привести образчики геральдического языка того времени, языка, из которого и теперь еще геральдика наша может заимствовать много технических слов, что уже в виде опыта и сделано выше, в § 11 и 17 нашего труда.

Обращаем внимание на следующие отзывы Посольского приказа Родословной Палате по делам о гербах:

1) *Хрущовых*. Род их выехал из Польши и в 1686 г. просил царей об утверждении за ними герба их *Саламандра*. Ответ Посольского приказа заимствован из книги Окольского¹² и состоял в следующем: "Дана была Саламандра в знак Францъшску, первому королю Французскому для того: или что посреди пламени нужд и бед победитель бывал, как о том пишет муж премудрый именован Каусин, или что над Швейцарами, которых знак принял есть, или над немецким цесарем Карлом пятым, которого герб Орел, цесарства ради, или над князем Медиоланским, которого герб природный Змий есть победы восприниматель, как пишет премудрого мужа Алкиата перечнописец в знаках на листу 58. Видима бо есть в Палате королевской у источника доброй воды такова Саламандра, над которою златыми буквы подписано читаемо есть: свиреп медведь и орлы высокопарные и змий извит уступили пламени, Саламандра, твоему! — Толь

¹² *Orbis Polonis*. Vol. 3. P. 89–90.

превысокого достоинства знак потом перешел в герб добродородных в Ческой земле Хрущовых (у Окольского *Chrancovii*, *Chrancovii*), и для имянной на войнах храбрости и смелости, которую между пламенно серными огнями и воинскими нарядами показали суть, и для того, что в воинском подъеме между каменными горами и твердыми неудобными стремнинами ядовитых змиев, полных скорпиею, огонь разжег и у расселины убил хрущов (по-польски *Chrzyszcz* значит жук), которые близ стану его ночного случились. А герба их описание подлинником таково: животное тонкое и малое, скорпии много подобное, не совершенно желтым цветом одеянное, живет огнем, который вся смертная снедает, во огни бо живет Саламандра; а в сем гербе на огне сидящая Саламандра, свиреп зверок с распростертыми крылами, пишется на короне хвост павлинов. А к похвале их же напечатано: Герб шляхты короны Польской и Ческой, Саламандру егда вижу, по достоинству им, яко великим и смелым на войнах и против неприятеля отечественнаго и веры людем и победителем, приложу надписание: живот их в огни. Живот их в огни рукодельном и пороховом, тех бо службы против турок и под Варною того удостоилися, что имение, данное при рубежах Ческих Хрущова воля имели дедичным правом. Саламандра в великие громы и в престрашные ненастья и дожди и во время водополя, вдоль и в ширину потопляющего вся, на свет выходит, о том пишет Каусин в книге.

Таковы, которым таков герб шляхетства дан был, посреде волнений и неприятельского ружья и пушечного наряда, имя и достоинство восприяли есте”.

2) Справка о *Лихачевых*, по просьбе, в 1697 г. поданной: ”Хоругвь церковная с тремя доли, *разсечена*, цвета желтоватого, имея при конце каймы и крест посреде верха в поле красном; на шлеме и венце суть перья струфокомиловы. А о начале герба, как дан, напечатано: Хоругвь есть древнейшее знамя воинское, у персян, у римлян и у греков. Но таково образца знамя, каково Радваново есть, никому обще, по единым древним в короне Польской сарматом свойствует: ибо Болеслав смелый с Роксоляны войну вел. Начальник воинства, дабы тщательным радением безопаство воинству промыслить, послал преж себя о неприятелех проведать, которым в начальники чело века полку воина Радвана именованнаго, назначил, которые, приказ исполняя, на обоз неприятелей русаков напали, и видя, яко не могли от него ухоронитися, единым сердцем и душою умереть уже думали, и тако возвав Божие имя, крепко сами перво на неприятеля напали; поспешило щастье; неприятель не-

начаемых людей, чая, что имеет людей запасных, смутился, помешалось множество, измялося; потом на другую сторону счастье обратился, оправились, победителей убили и знамя воинское отбили, и так утерев знамя, испужая, учали пропадать, потом хотящу щастью, побежал Радван в село ближнее, похватил хоругвь из церкви, прибежал на неприятелей, познали ратные люди своего водителя, восприяли сердце, и помышляюще неприятелю, что новое войско с новым знаменем воинским пришло, разбили, да победу двоежды восприяли. Возвратився в обоз Радван со многими пленники с знамены, с добычью и с победою во свидетельство вечные славы, хоругвь церковную с крестом и половиною стрелы от Болеслава короля в клеймо и герб шляхетства себе и наследником своим сподобился и улучил"¹³;

и 3) О гербе *Лаврицких*. Герб их описанием таков: подкова лошадина шипами вниз обращена, наверху крест, а на нем вран злат перстень в носу имый, поле светло-голубое, ворон черн, на венце тот же ворон с перстием.

О начале герба напечатано: в короне Польской достался от соединения двух гербов, се есть ворона и Побогъ, муж бо герба Корвина или ворона, из королевства Угорскаго исходя, егда с братом службы отдавал воинские королем польским и князем Мазовецким, оба свои жилища в короне устави́ли суть, но един из них соблюл родительской герб корвин или ворона, а другой для супружества с родом гербу Побогъ принял их герб, который герб поведением времени отменен и новое прозвание принял есть, се есть *слеповрон*, а о нем пишет: первый был Вратислав Слеповрон, которому Коврат, князь Мазовецкий, Государь и дедичь Плотский, Червенский и Равский, дал привилей на имения разные, Слеповраны и иныя. Сын его Лаврета (у Окольского — Wawrzea) Слеповрон. — О том летописец Башко, каноник Познанский, повествует: "В лето 1224 и последующее Конрад, князь Мазовецкий, в побоищи, бывшем над Литвою, Прусы и Яцвиеги против Болеслава Короля, прозванием Стыдливого, сотвори воеводу Лаврету Слеповрон"¹⁴; а о исходящих от того Лавреты наследниках, о Лаврецких, в книгах печатных, что называются *Конституции сеймовые* или *Уложение сеймовое*, напечатано: на генеральном сейме подписал конституцию или уложение сеймовое после многих сенаторских подписей и поветовых послов рук из воеводства Сендомирскаго Ярослав

¹³ Это перевод слово в слово из книги *Окольского* о гербе Radwan. (*Okolsky S. Orbis Polonus... Krakow, 1643. Vol. 2. P. 80.*)

¹⁴ *Okolsky S. Op. cit. Vol. 3. P. 121, 123.*

Александр Лаврецкий. — А при обирании ныне короля Польского Яна третьего на Варшавском же сейме обирательном, при многих воеводствах и поветах из Брацлавского повету, подписали выбор нынешняго короля Польского: Владислав Лаврецкий писарь Троцкий, Брацлавский, да Ерофей Лаврецкий”.

Менее замечательны к тому же времени относящиеся сведения, из Посольского приказа в Родословную Палату сообщенные, о гербах *Зиновьевых, Карбышевых, Одинцовых, Украинцовых, Загряжских, Нелединских и др.* Во всех этих отзывах, по большей части на основании *Окольского*, объясняется история эмблемы, в герб вошедшей, ее значение и похвала ей. Всего более касались запросы Родословной Палаты дворянских родов, выехавших из Польши и Литвы. Этих дворян, среди родов выезжих, было в России всего более. Конечно, тот же порядок наблюдался при справках о гербах дворян, выехавших из Германии, Франции и иных земель. Со всяким годом царствования Петра Великого справки эти становились чаще и необходимее, потому что, по мере того как расширялось поле преобразований и нововведений Петра Великого, к нам стекалось отовсюду все более и более иностранцев. Многие из них отличались или образованием, или знатностью рода, или опытностью, на службе иностранной приобретенною; и потому, приезжая в Россию, они считали за собою право на отличие и ни в каком случае не хотели лишиться тех преимуществ, которые принадлежали им по происхождению, т.е. герба, равно как тех, которые они приобрели прежнюю службу. Герб оставлялся за ними.

Труднее было найти мерилу для вознаграждения иностранцев за их службу у нас. Жалованье, хотя и большее в сравнении с тем, которое получали лица русского происхождения, те же места занимавшие, не могло удовлетворить выезжих служилых людей; а между тем нельзя же было производить их в чины стольников, стряпчих; как потому, что невозможно найти соответствия между древними, в сущности придворными, чинами и теми должностями, которые условливались новым устройством Коллегий, армии и других учреждений, так и потому, что прежние чины наши не могли бы удовлетворить честолюбия иностранца; для него они были непонятны, без значения и, кроме того, сами по себе не предоставляли лицу никаких особых прав, а объем их зависел от усмотрения государя и от назначения служилого человека на известное место. Поэтому, как скоро приезжал к нам иностранец, то, по удостоверении, что он действительно носил за границу определенный *ранг*, его принимали у нас в соответственном чине, которого название переводили на русский

с немецкого или иного языка, смотря по тому, откуда прибыло лицо. Подобные случаи повторялись так часто, что наконец возведены до общих правил. Табель о рангах, в 1722 г. изданная, собрала их воедино. Ей предстояло определить: какие права дарует ранг человеку, удостоившемуся получить его, и какие преимущества связаны с благородством, службою приобретенным. "Воинским чинам", говорит Табель о рангах, "которые дослужатся до обер-офицерства не из дворян, то когда кто получит вышеписанный чин, оный *суть* дворянин"¹⁵. Хотя этого *суть* долго служило как бы различием между знатыми родичами и выслужившимися дворянами, тем не менее пред лицом государства, в правах как государственных, так и частногражданских, последний нисколько не разнился от потомка Мономаха. С тем вместе узаконено, что спутником благородства служит герб, который и должен быть дан каждому, достигшему определенных чинов. Петр Великий хотел уничтожить и в этом отношении разницу, между природными русскими и выезжими к нам родами существовавшую. Как последние издавна обладали этим отличием и домогались только утверждения его русским правительством, так Петр Великий узаконил, чтобы Герольдия, заменившая Разряд и потому обязанная вести Родословную книгу и назначать на службу, занялась составлением и утверждением гербов.

Таким образом, история образования отечественного дворянства неразрывно связана с историею введения у нас гербов. Без первой осталось бы непонятным, почему именно с царствования Феодора Алексеевича дворянские гербы ввелись у нас как установление и почему Петр Великий придавал им такое значение. Табель о рангах положила твердое основание составу русского дворянства, подробно определив, какие лица и каким путем приобретают право на благородство, и хотя жалованная русскому дворянству императрицею Екатериною II грамота и некоторые позднейшие постановления по тому же предмету в некоторых статьях изменили Табель о рангах, она остается в нашем законодательстве основным памятником до настоящего времени.

Дошедши, таким образом, до той эпохи, когда в числе других преимуществ даровано русскому благородному сословию право на герб, мы переходим к истории установления, которому было вверено заведывание этой части, т.е. *Герольдии*, и вместе с тем укажем на разработку у нас геральдики как науки.

¹⁵ Указ 1722 г. янв. 24 (№ 3890). П. 15.

История Герольдии и отечественной геральдики

§ 79. Прежде частных гербов получил у нас правильную, с требованиями науки сообразную, форму герб государственный. Если в начале XVI столетия главная для него эмблема — черный двуглавый орел был заимствован из Византии, то оставалось ее дополнить разными атрибутами, которые бы, соответствуя титулу государя всея России, представляли в символических знаках его силу и могущество. Той полноты и выразительности, которою в настоящее время отличается наш государственный герб, он не мог бы достигнуть без участия в этом деле человека, опытного в геральдике. Так как, мы видели, при царе Алексее Михайловиче всероссийский герб дошел до той полноты, которую, в сущности, сохранил без изменения донныне, то любопытно проследить, какие именно лица помогали царю на этом поприще.

Вообще дипломатические сношения России с другими державами Европы, став особенно часты со времени царя Алексея Михайловича, вызвали потребность в узнании титулов разных государей и родства их между собою. Тогда-то начались у нас переводы на русский язык разных по этой части сочинений, служивших руководством для действий Посольского приказа и хранящихся по большей части в рукописях в архиве Министерства иностранных дел. Не менее необходимо было знать гербы окрестных государств; и действительно, в архивах наших сохранились сведения, что в 1666 г. живописец Станислав Лопуцкий писал царю знамя, "а на нем четырнадцать печатей разных государств" (но каких именно, не сказано); а в 1669 г. тот же живописец писал "на полотне герб Московского государства и иных окрестных государств гербы или клеймы, а под всяким гербом планиты, под которым каковы". Вероятно, подобных попыток собрания гербов было делаемо несколько, но выше всех их книга, написанная австрийским *герольдом*, как у нас он нередко называется, Лаврентием *Хурелевичем* или *Куреличем*. Он был прислан к царю Алексею Михайловичу от австрийского императора, у которого был советником и герольдмейстером. Рукописная книга его (в лист) от 1673 г. сохранилась в архиве Министерства иностранных дел в оригинале на латинском и в переводе на русском языках. Содержание ее видно из следующего заглавия: "О родословии Российских великих князей и государей, поднесенная царю Алексею Михайловичу от цесарского советника и герольдмейстера Лаврентия Курелича, с показанием имеющагося,

посредством браков, сродства между Россиею и осьмью европейскими державами, т.е. цесарем Римским и королями: английским, дацким, французским, гишпанским, польским, португальским и шведским, и с изображением оных королевских гербов, а в середине их великаго князя св. Владимира, на конце же портрета царя Алексея Михайловича". Как ни кажется труд этот в настоящее время мало совершенным, нельзя отрицать его пользы в то время, которому принадлежит: он мог служить важным пособием для Посольского приказа при сношениях с другими державами.

Из русских всего ближе было заниматься этою частью *государевым печатникам и оберегателям государственной печати*, и мы знаем сохранившуюся в рукописи книгу боярина Артамона Сергеевича Матвеева: "Всех великих князей Московских и всея России самодержцев персоны и титла и печати". Труд этот составлен по официальным источникам и достоин внимания как единственный в своем роде памятник.

При Петре Великом главным помощником в деле устройства Герольдии, приведении в порядок прежде существовавших гербов и пожалования новых был *барон Фридерик Гизен*, лицо в высшей степени замечательное по своей многосторонней деятельности и по любви, которую питал к нему сам царь.

Приглашенный Паткулем в русскую службу, Гизен вступил в нее в 1702 г., проникнутый удивлением к гению Петра Великого, и обязался: 1) приглашать в Россию иностранных офицеров, инженеров, художников, ремесленников, а особенно таких, которые разумеют польский и богемский языки; 2) уговаривать ученых иностранцев, чтобы они свои сочинения, особенно исторического, политического и механического содержания, посвящали самому государю, или царевичу, или лицам царского дома и писали о государстве Русском, чтобы знакомить с ним иностранцев; 3) Высочайшее постановление об учреждении регулярного войска перевести на иностранные языки и напечатать в разных местах и 4) посоветоваться с разными почтамтами об исправнейшем доставлении русских писем.

Гизен ездил часто в чужие края с разными от царя поручениями; в 1703 г. был он назначен наставником к царевичу Алексею Петровичу, которого и сопровождал в его путешествиях, а между тем составлял он для Петра журнал его с 1695 по 1709 г.¹ Не касаясь здесь полезной деятельности Гизена на обширном

¹ *Туманский Ф.О.* Собрание разных записок и сочинений... о жизни и деяниях государя имп. Петра Великого. Спб., 1787. Т. 3, 8.

дипломатическом поприще, на котором он так часто был употребляем, мы обращаемся к его геральдическим трудам.

По приказанию государя, Гизен обработал разные сочинения. Из них до геральдики относятся следующие: 1) проект учреждения Коллегий и Табели о рангах, для которой из иностранных сочинений извлечено все, что только можно было приспособить к России; 2) о порядке жалования достоинств: княжеского, графского, баронского и дворянского и о форме грамот и дипломов и 3) проект о Герольдии. Свои знания в геральдике Гизен применил к исправлению государственного герба, который он велел выгравировать в Вене и два раза издавал в Саксонии с подробным описанием².

Судя по тем сведениям, которые остались о жизни и сочинениях Гизена, равно как об уважении, которое Петр Великий питал к его способностям и познаниям, нет сомнения, что мысль об учреждении Герольдии была плодом трудов Гизена.

§ 80. Выше было уже замечено, что дела о гербах ведались первоначально в Посольском приказе. Кроме того, что гербы в настоящем значении слова стали употреблять в России прежде других иностранцы, состоявшие в ведении этого государственного учреждения, подчинение ему этой части могло условливаться и тем еще, что в главе дипломатических сношений России стоял в то время человек, который пользовался личным доверием царей наших — князь *Василий Васильевич Голицын*, равно как и тем, что не хотели отнять заведывания частными гербами от лица, которому была вверена печать государственная, от ее оберегателя. Таким образом, в конце XVII и начале XVIII столетий гербы *сказывались* из Посольского приказа, что и оставалось до учреждения Герольдии.

§ 81. Таким образом, очевидно, что задолго еще до установления Герольдии были даны гербы многим выезжим и русским дворянским фамилиям, и даже самое множество гербов, вошедших у нас в употребление, и присвоение их теми, которые не имели права на такое отличие, побудило Петра Великого учредить Герольдию. Таким образом, в 1722 г. велено быть при Сенате, в числе других чинов, и герольдмейстеру "или иному какому чину, кто б дворян ведал и всегда представлял к делам, когда спросят"³. А так как между разбором доказательств права на дворянство и дарованием герба существовала тесная связь, то в Табели о рангах постановлено, чтобы с доказательствами

² *Энциклопедический лексикон*. Т. 14. С. 213.

³ *Указ 1722 г. янв. 12 (№ 3877)*. Именной.

о дворянстве и о принадлежности герба обращались к герольдмейстеру. Ему же предоставлено, смотря по заслугам, давать гербы русским и иноземцам, которые, хотя бы происходили и не из дворян, дослужатся до положенных чинов⁴.

Постановление это так кратко, что требовало объяснения, и оно последовало в инструкции, данной в 1722 г. первому герольдмейстеру Колычеву.

По силе ее, вменено герольдмейстеру в обязанность ведать дворянство всего государства, высших и низших, прежних и вновь установленных Петром Великим военных, гражданских и придворных чинов и вести им списки трех родов: 1) генеральные, именные и порознь по чинам; 2) кто из дворян к делам годится, в какой кто находится должности и кто затем остается от должности свободным; 3) сколько у кого детей и каких лет. Для этой цели велено было передать герольдмейстеру списки, которые прежде велись в Разряде. Такие списки должны были быть дополняемы по представляемым в Герольдию сведениям, а по ним герольдмейстер обязан следить за тем, чтобы дворяне не укрывались по городам от службы, под штрафом натуральной или политической смерти. Герольдия, напротив, должна быть всегда в состоянии указать, кто по своим способностям и состоянию может занять то или другое место, и потом отсылать избранного туда, куда его в Сенате определят. Вследствие того лицу, заменившему Разряд, было поручено наблюдать и за нравственною стороною дворян и повелено во внимание к тому, что учение было у нас мало распространено, в гражданских же и собственно экономических делах мы отстали от других, завести, пока не будет устроена Академия, "*краткую школу*", где учить детей знатных и средних фамилий *экономии и гражданству* и при том наблюдать, чтобы гражданской службе, в ущерб военной, не посвящало себе более одной трети членов каждого семейства. Законодатель сам чувствовал, что привести предположение это, совершенно новое, в исполнение будет трудно; и потому повелено: руководства для ведения родословных и содержания в порядке как прежних, так и вновь данных гербов искать в книгах, существующих по этой части в других государствах, и перевести на русский язык необходимые для того сочинения и пособия⁵.

Цель, которая была в виду государя при установлении герольдмейстера, представлялась такою важною, что были

⁴ Указ 1722 г. янв. 24 (№ 3890). П. 16.

⁵ Указ 1722 г. февр. 5 (№ 3896). Инструкция герольдмейстеру.

употреблены все усилия для достижения ее: от правильного устройства этого учреждения зависел порядок в назначении и распределении на службу дворян, которые, привыкнув к старому порядку вещей, по введении новых служебных отношений, нередко скрывались от службы и тем препятствовали исполнению предположений государя. Оттого бесперывные наставления и подтверждения, особенная заботливость о том, чтобы герольдмейстер добросовестно исполнял возложенную на него обязанность, особая для него присяга и строгие угрозы за неисполнение им должности⁶.

В царствование императрицы Екатерины I в главе занятий по Герольдии видим человека, сколько можно судить по оставшимся от того времени следам, в деле этом сведущего и потому пользовавшегося особенными отличиями и преимуществами *графа Сантия* (де Санти). Он был определен в Герольдию в 1724 г. "для отправления Геральдического художества", но главная его деятельность относится к позднему времени. Для обеспечения положения гр. Санти в России ему даны: жалования 1600 рублей, дом на квартиру и за нарисование каждого нового герба позволено собирать по два рубля на краски⁷. В старых делах сохранились замечания его на многие гербы, которые представлялись в Герольдию на утверждение. Тот же граф де Санти составил гербы для многих городов русских (ср.: Грб. Т. V. С. 129).

Что касается до дальнейшей судьбы Герольдии, как учреждения, то, несмотря на некоторые, несущественные по большей части, изменения⁸, предметы ведомства ее оставались те же⁹. При разделении в начале царствования императрицы Екатерины II Сената на 6 департаментов и распределении между ними занятий, дела по Герольдии подчинены I департаменту¹⁰.

Для приведения в известность, какой герб какому принадлежит дворянскому роду, и для окончательного утверждения гербов, было в 1797 г. повелено составить в Герольдии, под высшим наблюдением генерал-прокурора князя Куракина,

⁶ Указ 1722 г. окт. 22 (№ 4114). Сенатский; Указ 1725 г. сент. 22 (№ 4778).

⁷ Указ 1726 г. февр. 9 (№ 4831). Именной; Указ 1737 г. нояб. 18 (№ 7448). Сенатский.

⁸ Указ 1727 г. февр. 24 (№ 5016–5017). Именной.

⁹ Указ 1729 г. авг. 13 (№ 5460). Сенатский; Указ 1732 г. янв. 7 (№ 5927). Именной; Указ 1732 г. июня 23 (№ 6102); Указ 1743 г. нояб. 29 (№ 8824). Сенатский; Указ 1760 г. марта 23 (№ 11043); Указ 1760 г. окт. 16 (№ 11121). Сенатский; Указ 1771 г. марта 5 (№ 1357).

¹⁰ Манифест 1763 г. дек. 15 (№ 11989).

Общий дворянских родов Гербовник, причем был указан порядок для распределения гербов. В первом отделении должно было поместить древние благородные фамилии по старшинству родов, начиная с князей и графов, потом баронов, наконец, дворян, со времени соединения поместий с вотчинами, не внося сюда, однако, князей и графов Римской империи, русскими государями в сем достоинстве не утвержденных: их велено оставить в классе дворянства, по благородному их происхождению; равномерно запрещено включать в число княжеских родов князей татарских. Второе отделение назначалось для тех дворян, которые возведены в дворянское достоинство милостию государя, а третье, наконец, — для дворян, получивших право на дворянство по выслуге узаконенных чинов, на которые им выданы дипломы и жалованные грамоты. Прочим же родам, которые имеют право получить дипломы и грамоты на дворянское достоинство, велено составить в Герольдии верный список и представить на высочайшее усмотрение¹¹.

Для приведения в исполнение такого повеления, были собираемы отовсюду самые точные и подробные сведения, причем вменено дворянам в обязанность представлять за надлежащим удостоверением доказательства о том, что они действительно принадлежат к благородному сословию, равно как вносить в Герольдию родословные и употребляемый дворянским родом герб. Последний должно было изобразить красками с подробным описанием содержания эмблем и, буде можно, их значения, равно как с объяснением, по какому праву и случаю герб тот известному дворянскому роду присвоен; а что такой герб действительно употреблялся и употребляется членами его, должны были удостоверить предводитель дворянства и два чиновника или два дворянина¹².

Для скорейшего приведения такого труда к окончанию были принимаемы неоднократно меры побуждения; но так как Герольдия отвлекалась от этого занятия производством текущих дел, то составление Гербовника было возложено на обер-прокурора III Департамента Сената Козодавлева с тем, чтобы каждая часть Гербовника, по переплете в бархат, была скрепляема по листам генерал-прокурором, а для утверждения и подписания — представляема государю императору, после чего она печатается с гравированными гербами¹³.

¹¹ Указ 1797 г. янв. 20 (№ 17749). Именной; Указ 1798 г. янв. 1 (№ 18302). Манифест; Указ 1801 г. мая 5 (№ 19856). Высочайше утвержденный доклад Сената.

¹² Указ 1797 г. марта 19 (№ 17881). Сенатский.

¹³ Указ 1797 г. авг. 7 (№ 18081). Сенатский.

Первого января 1798 г. последовал манифест об утверждении 1-й части дворянского Гербовника; причем повелено, чтобы за сим гербы дворянских родов без особого высочайшего повеления не изменялись, чтобы ни под каким видом из них ничего не исключалось и в них ничего не было прибавляемо и чтобы каждому лицу, причисляющему себя к дворянскому роду, которому дарован герб, по представлении надлежащих доказательств о принадлежности его к тому роду, была выдаваема засвидетельствованная копия с герба и объяснения его¹⁴.

Засим составление Гербовника продолжалось, и утверждение его последовало: 2-й части в 1798¹⁵; 3-й и 4-й — в 1799¹⁶; 5-й — в 1800¹⁷; 6-й — в 1801¹⁸; 7-й — в 1803¹⁹; 8-й — в 1807²⁰; 9-й — в 1816²¹ и 10-й — в 1836²² годах.

Работы при составлении Гербовника дворянских фамилий вызвали преобразования в учреждении Герольдмейстерской конторы. В 1800 г. Герольдия образована на правах Коллегии и директором ее назначен сенатор Козодавлев. Самый штат Герольдии усилен, а к прежним чиновникам, бывшим при составлении Гербовника, прибавлен особенный специалист по части геральдики — *ваппенрихтер*²³, а в 1803 г. повелено быть при герольдмейстере трем помощникам, из которых один должен знать геральдику; причем с большею, против прежнего, подробностью определено, на какие должности и по чьему представлению Герольдия определяет дворян, не имеющих места, и какую ведет он ведомость. Дела Герольдии велено обсуждать один раз в неделю в 1-м Департаменте Сената, для чего и назначен четверг²⁴.

Результатом всего предыдущего развития этого учреждения было положение о Герольдии 1841 г. сентября 6 (№ 14862). Герольдию Империи (ибо при общем собрании Варшавских департаментов Сената состоит Герольдия Царства Польского) составляло присутствие из герольдмейстера и трех его товарищей, и, кроме того, для заведывания Разрядным архивом было особое отделение герольдмейстерских дел в Москве, состоявшее из советника с секретарем.

¹⁴ Манифест 1798 г. янв. 1 (№ 18302).

¹⁵ Указ 1798 г. июля 22 (№ 18595).

¹⁶ Указ 1799 г. янв. 31 (№ 18834); дек. 31 (№ 19238)

¹⁷ Указ 1800 г. нояб. 13 (№ 19647). Сенатский.

¹⁸ Указ 1801 г. июля 14 (№ 19940). Сенатский.

¹⁹ Указ 1803 г. окт. 30 (№ 21021). Сенатский.

²⁰ Указ 1807 г. апр. 18 (№ 22516). Сенатский.

²¹ Указ 1816 г. сент. 18 (№ 26435). Сенатский.

²² Указ 1836 г. янв. 3.

²³ Указ 1800 г. мая 27 (№ 19432). Именной.

²⁴ Указ 1802 г. февр. 4 (№ 20608). Именной; февр. 24 (№ 20635). Именной.

Ведомство Герольдии оставалось то же, какое было прежде, т.е. она заведывала: 1) изготовлением грамот и дипломов на разные звания и достоинства, равно как сочинением и утверждением гербов; 2) производством в чины за выслугу лет по всем местам государственного управления, выдачею патентов на чины и хранением формулярных списков и 3) определением, перемещением и увольнением чиновников. Дела в Герольдии докладывались важнейшие Общему собранию Сената, другие — Первому Сената департаменту, а дела наименьшей важности — самому присутствию, которым и оканчивались²⁵

Наконец, в 1848 г. Герольдия обращена в Департамент Сената и все в ней производство подчинено тем же правилам, какие установлены для делопроизводства в Сенате вообще. Вместе с тем, однако, изменился объем ведомства Герольдии; а именно когда с учреждением Инспекторского департамента гражданского ведомства производство в чины, перемещение и увольнение чиновников, равно как ведение списков служащим, возложено на это место, в Герольдии остались дела о дворянстве и родословных книгах, рассмотрении прав на почетные звания князей, графов, баронов, выдаче дипломов, гербов, а из дел о производстве в чины Герольдия по новому учреждению своему заведывает ныне лишь делами о замещении председательских вакансий в судебных палатах и совестных судах, где должности эти замещаются кандидатами по выборам дворянства, равно как делами об определении, перемещении, увольнении чиновников по тем должностям ниже шестого класса, по которым утверждение зависит от Правительствующего Сената. Отделение Герольдейских дел в Москве, состоящее из советника и секретаря, для заведывания Разрядным архивом, было оставлено в Москве на прежнем основании²⁶, но в 1852 г. вошло оно в состав Московского архива Министерства юстиции и подчинено директору его²⁷.

§ 82. Итак, около полутора столетий прошло со времени учреждения у нас Герольдии. К числу главнейших ее обязанностей относится составление гербов, которые затем представляются по порядку на высочайшее утверждение в грамотах и дипломах. Гербовник есть плод деятельности Герольдии, и если дело ее еще не кончено, ибо составление гербов, с увеличением дворянских

²⁵ *Свод законов* 1842 г. Учрежд. Правительствующего Сената. Т. 1. — В ст. 435 подробно исчислено, какие именно дела относятся к каждому из означенных разрядов.

²⁶ *Указ 1848 г.* мая 12 (№ 22269).

²⁷ *Указ 1852 г.* июля 7 (№ 20423). П. 1.

родов, продолжается, тем не менее и те десять частей Гербовника, которые имеем, представляют богатый материал для науки.

Воспользоваться им должна Геральдика, а что пользу и необходимость ее понимали у нас издавна, видно из того, что в один с учреждением Герольдии год повелено было отыскать и перевести руководство для этого искусства. Затем, по учреждении Академии наук, такой труд был поручен этому высшему ученому сословию в России. Сенат неоднократно подтверждал Академии о скорейшем составлении сказанного руководства, но не ранее 1731 г. вышло в свет на немецком языке: *Введение в Геральдику* (Kurze Einleitung zur Wappenkunde und zur Art des Blasonirens in deutlichen Exemplen gezeigt und in drei Sprachen—deutsch, französisch und lateinisch erklärt. Spb. 1731; gedruckt bei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in 8°). Теперь эта книга составляет библиографическую редкость. Неизвестно, был ли издан русский перевод этого первого у нас опыта Геральдики: знаем только, что Сенат поручал Академии сделать такой перевод, а в 1746 г. она донесла, что книга переведена *Паульсеном*, но так дурно, что для употребления не годится. В то время, когда книга эта составлялась, редко кто помышлял о самостоятельной разработке отечественной истории вообще, а тем более геральдики: тогда, конечно, думали, что русская геральдика даже и не возможна. Поэтому книга, Академиею изданная, не более как немецкий учебник (на 248 страницах, с 46 таблицами, неконченный), а о русских гербах нет в ней и помину. Здесь находим подробное исчисление геральдических терминов, фигур и о значении эмблем, в немецких гербах употребляемых. Как ни бесполезною кажется теперь подобная книга, появление ее с таким именно содержанием и в такой форме объясняется, с одной стороны, состоянием у нас в то время науки вообще, а с другой — несуществованием еще Гербовника и трудностью, даже невозможностью, собрать точные и положительные сведения о существующих гербах.

Гораздо большего можно было ожидать от геральдики, вышедшей в 1805 г., когда подобной трудности уже не предстояло: необходимо было только посмотреть на науку с русской точки зрения и привести в систему сведения, в Гербовнике рассеянные, дополнив их, разумеется, из других источников. Не так, однако, поступил *Глеб Мальгин*, считавший достаточным перевести на русский язык книгу Гаттерера и издать ее под именем *Начертание Гербоведения* (Спб., 1805 in 8°). Здесь, подобно всем немецким геральдическим учебникам прошлого столетия, не обращено ни малейшего внимания на историю рыцарства и

значение каждой части герба, каждого его атрибута, тогда как они имели смысл, составляли действительную принадлежность одежды или вооружения рыцаря и по необходимости перешли в его герб. Вместо того в книге Мальгина изложены догматическое учение о щите, его делениях, о фигурах, соединении, начертании гербов и т.п. В русском переводе книги Гаттерера прибавлено "краткое изъяснение употребляемых в гербах изображений, иконологическое описание эмблем и знатнейших государств с их гербами". Во всяком случае, книга Мальгина в течение полувека остается у нас единственным до сих пор руководством по части геральдики.

Тот же упрек в недостатке национальности должно сделать и книгам, которые у нас писались о значении эмблем, в гербах употребляемых; никто до сих пор не касался вопроса о значении эмблем, нашими дворянскими фамилиями употребляемых, хотя бесспорно, наши геральдические знаки во многом разнятся от западных и должны быть дороги для каждого русского как живые памятники происхождения дворянского рода и подвигов, которыми члены его себя ознаменовали. Вместо того чтобы объяснять отечественную историю и родословными каждый вид геральдических эмблем, руководствовались при этом иностранными лишь сочинениями. Долго пользовались у нас для этой цели книгою, изданною в Амстердаме в 1705 г., под заглавием: *"Символы и эмблемата, указом его освященнейшаго величества, высокодержавнейшаго и пресветлейшаго императора Московского великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России и иных многих держав и государств, земель Восточных, Западных и Северных самодержавца и высочайшаго монарха, напечатана"*. Все эмблемы (числом 840), в хороших гравюрах, объяснены на русском и пяти иностранных языках. Это издание, лучшее, теперь редко, но та же книга была издаваема неоднократно. Известнее других издания *Нестора Максимовича-Амбодика* в 1788 и 1811 гг. под заглавием: *"Избранныя эмблемы и символы, на российском, латинском, французском, немецком и англинском языках объяснены"*. В начале своей книги Максимович-Амбодик поместил несколько общих замечаний об эмблематическом изображении добродетелей, пороков, стихий, времен года, дней, часов и т.п., равно как иконологическое описание гербов значительнейших государств и государственного герба Всероссийской империи. Затем перепечатано объяснение эмблем из амстердамского издания.

§ 83. По нашему мнению, возможна и как наука необходима

отечественная геральдика, но не иначе как рассмотренная с исторической точки зрения. Только при этом образе воззрения на нее оживет всякий герб как бессменный страж происхождения лица и подвига, которым гордится его род. Если законодательство русское придает гербам значение как заслуженному и веками утвержденному отличию, если дворянство наше дорожит им, — то нельзя отказывать гербам нашим в самостоятельной разработке. Не думаем, чтобы после того, что уже было сказано выше о гербах русских вообще и после применения начал науки к истории государственного герба, можно было сомневаться в пользе отечественной геральдики. Еще более применения находят себе те же начала к геральдике частной. Здесь всякая эмблема говорит сама за себя и означает или область, которой известный князь был обладателем, или происхождение лица, или его заслуги. Это-то различие эмблем определяет систему, в которой, по нашему мнению, должна быть излагаемая русская геральдика наших дворянских фамилий, — систему, вытекающую из того, что уже сказано выше о составе и образовании русского дворянства. А именно:

1) Во главе нашего благородного сословия стоят княжеские и дворянские роды, потомки удельных князей, ведущих свое начало от Рюрика и Владимира Мономаха. Это дворянство в России самое древнее, и гербы фамилий, к этому разряду относящихся, содержат в себе эмблемы, означающие родовую их собственность, т.е. гербы тех областей и городов, которыми предки их владели.

2) Вместе с тем с древнейших времен выезжали в Россию отовсюду иностранцы, удержавшие за собою свои местные гербы: они свидетельствуют о происхождении дворянина. По различию стран, из которых выезжие дворянские фамилии выселились в Россию, мы разделим и гербы их.

3) Заслуги, за которые у нас жаловалось и жалуются дворянство, выразились в эмблемах дворянских гербов. Мы сделаем попытку, разделив заслуги на роды и виды, с подведением под них и геральдических эмблем.

4) Затем остается большой разряд гербов таких дворянских фамилий, которые, избирая себе для гербов эмблемы, руководствовались при этом значением их прозвания или фамилии на русском или даже иностранном языке. Такие гербы есть и в других странах, но у нас должны они иметь особенное значение потому, что прозвания давались у нас лицу по его качествам, привычкам, иногда телесным недостаткам, приметам, и, будучи оставлены за фамилиею, от того лица происшедшею, выразились в гербе ее.

Существенным в гербе русском почитаем мы эмблему, как то уже неоднократно было повторяемо выше; потому, излагая гербы по означенным основным разрядам, мы будем подводить под одно начало гербы как простых, так и титулованных дворян, если только по эмблеме они относятся к одной категории. Князьям, графам и баронам принадлежит в каждом разряде первое, почетное, место; предварительно же будут излагаемы, в дополнение к тому, что уже сказано в первой части нашего труда о западноевропейском гербе, замечания о внешних приметах, атрибутах, отличающих каждый разряд дворянских гербов.

Таким образом, нисколько не розня того, что по природе своей происходит от одного корня, мы объясним гербы наших дворянских фамилий, и убеждены, что изложение это может принести двоякую пользу: с одной стороны, облегчить изучение гербов, уже существующих, объясняя в то же время их значение, а с другой — дать материал для новых гербов, т.е. показать, какие эмблемы неизбежны, какие существенны и какие второстепенны в каждом разряде гербов, так что лицу, составляющему герб для своей фамилии, возведенной в дворянство, напр. за заслуги, остается, отыскав разряд лиц, пожалованных гербом за подобные же отличия на служебном поприще, поместить у себя приметы существенные, общие и дополнить их теми, которые условливаются особенными всякий раз обстоятельствами.

Главным для нас источником послужит Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797 г. и ныне изданный в 10 томах. Гербов дворянства присоединенных к России областей, т.е. провинций Остзейских, Финляндии, царства Польского, мы коснемся настолько, насколько это будет необходимо для коренной русской геральдики, у которой свои начала, своя история.

Засим нам остается сознаться, что, несмотря на долголетние труды, на желание собрать и объяснить, что нам было доступно, многое остается темным. Смеем надеяться, что если от первого исследователя на совершенно новом поприще нельзя ожидать труда оконченного, то позднейшие деятели дополнят пропущенное, разьясят темное, и от такого взаимного содействия выиграет наука, которая должна, наконец, образоваться и утвердиться на прочном основании, на отечественной почве. Без начала нет и конца. Благодаря просвещенному содействию многих частных лиц, мы могли сообщить хотя некоторые мысли о нашей геральдике, и, конечно, за всякое сообщение новых материалов наука должна быть признательна тому, кто желает ей приращения

и преуспеяния. Мы убеждены, и с этим мнением едва ли можно не согласиться, что геральдика должна заимствовать для себя сведения из частных семейных и родовых архивов, из фамильных бумаг, разного рода жалованных грамот; и так как служба предков, заслуги престола, царю и Отечеству, наконец, древность рода и герба дороги всякому из нас, то скромность, заставляющая скрывать то, что должно быть достоянием истории, переходит в равнодушие непростительное. Вы скажете, может быть, что это свойство вложено в душу русского. Цвет всех добродетелей, смирение, венчает те качества, которыми так щедро наделен русский от благого провидения, но оно должно бы применяться только к деяниям человека живого; прошедшее же принадлежит не нам, а истории отечества, слава которого нам мила. Любовь к родине, так глубоко чувствуемая всяким истинно русским, должна бы победить в этом случае врожденную скромность. Без того никогда не пополнятся те пробелы в отечественной истории, которые чувствуются каждым исследователем; иностранцы же, не понимающие внутренней, для чуждого глаза недоступной, причины такой неполноты, выводят результаты неверные и оскорбительные для народной гордости. Что говорят они, напр., о дворянстве русском? Они считают его новым, *noblesse d'hier*, и так как в опровержение этого обвинения не поднимается ни один голос, который бы указал неопровержимыми данными несправедливость и неосновательность мнения, к сожалению, слышимого очень часто, то они и остаются при нем. В последнее время, надобно признаться, история нашего отечества и его учреждений сделала большой шаг вперед, но история внутренней жизни и быта народа почти не тронута, несмотря на материалы, памятники, постоянно издаваемые во множестве. Мы будем считать себя вполне вознагражденными, если положенное русской геральдике начало возбудит в других желание разрабатывать этот любопытный и важный предмет. Повторяем, однако, что это может случиться не иначе как при содействии потомков лиц, действовавших в России в разные эпохи ее истории. Фамильных записок у нас не велось, но есть жалованные грамоты, есть разряды, которые красноречивее и достовернее всяких записок.

Мысли эти вылились из-под пера при сознании, как важна та часть исследования, к которой приступаю, и как многим она могла бы быть пополнена, если бы частные архивы были разобраны и, по крайней мере, важнейшее в них сделано известным.

Гербы русских княжеских и дворянских родов,
от Рюрика происшедших

§ 84. *Общие о них замечания.* так как потомкам Рюрика и Владимира Мономаха герб, родовое отличие благородства, принадлежит по самостоятельному владению их вотчиною, наследственными уделами, то и все внешние атрибуты обыкновенных гербов дворянских, существующие для того, чтобы показать историю подвига, а именно: шлем, намет, девиз и пр. — чужды гербам этого рода. Княжеская закрытая шапка, увенчанная шаром, над которым возвышается крестик, и отороченная горностаем, вместе с княжескою бархатною мантиею, подбитою также горностаем, с бахромою и шнурами, свидетельствуют о благородном происхождении этих родов. Положенные на щит в гербах некоторых княжеских фамилий Мономахова рода также княжескими шапками увенчанные шлемы, вместе с нашлемниками и щитодержателями, свидетельствуют о том, что княжеский род этого разряда слился с другою благородною фамилиею и что гербы их также нераздельны. И в этом случае, конечно, весь герб бывает покрыт княжескими мантиею и короною.

Одинаковые отличия принадлежат и таким родам, которые, хотя происходят от владетельных князей, не носят, однако, княжеского титула, их предкам принадлежавшего, потому что при раздроблении родового удела на долю последних поколений не пришлось самостоятельного княжеского владения. Тем не менее происхождение и этих фамилий знаменуется княжескими в их гербах атрибутами.

Что касается до эмблем в гербах этого рода, то они не что иное, как знамена, которые мы уже видели на печатях уделов, находившихся во владении потомков Рюрика и Мономаха. Поэтому первоначально гербы княжеских фамилий состояли почти исключительно из одной только родовой эмблемы. Она-то и важна для нас; и так как первоначальное ее место было на городских печатях, где не могло быть и речи о цвете поля, то и в гербах на этот признак не было обращено внимания. Поэтому в гербах разных княжеских фамилий, усвоивших себе одни и те же городские эмблемы, они, в сущности не изменяясь, представляются в разных полях. На замечание это мы считаем нелишним обратить особенное внимание потому, что различие цвета, которым означены фигуры в гербе и поле щита, может показаться кому-нибудь до того важным, что, несмотря на тождество

изображения, будем считать их различными фигурами только потому, что цвет поля неодинаков в разных гербах с теми же эмблемами. Такой вывод противоречил бы основному правилу нашей княжеской геральдики, на основании которого единство происхождения княжеских фамилий и владения одною родою вотчиною знаменуется одинаковыми в гербах эмблемами.

Подобно тому как княжеские поколения, идущие от одного родоначальника и одним уделом владеющие, сохраняют одно общее прозвание, напр. князей Ростовских, Белозерских и т.п., и к этому общему имени прибавляют особые прозвания, так и в гербах этих фамилий областные и городовые знамена соплагаются с другими знаками доблести, с иными эмблемами, которые или означают обладание каким-нибудь особенным городом, отдельною волостью, или чаще, что родоначальник фамилии сидел на киевском, новгородском престоле, или, наконец, какой-нибудь подвиг. При таком соединении эмблем особенного внимания заслуживает место, которое предоставлено родовому знамени; а именно: у старших поколений оно занимает или все поле щита или средний щиток в гербе; затем у последующих поколений оно помещается в первой, второй четверти и нередко повторяется накрест, так что при помощи родословной таблицы Рюрикова дома и родов, от него происшедших, становится ясным, почему основной эмблеме придано то или другое место в гербе. К этому, однако, необходимо прибавить, что из означенного правила делались иногда исключения.

Говоря об истории городских гербов, мы показали уже, как изображаемые в них фигуры древни и исторически верны. Сказанное выше должно послужить ответом на вопрос, который может быть кем-нибудь предложен: знаменам ли городских печатей обязаны княжеские гербы своими эмблемами или, наоборот, усвоены они городам князьями? Трудно дать общий ответ на этот вопрос, так как известна история не всех городских гербов. Считаем достаточным привести в разрешение этого вопроса некоторые только примеры.

Герб Москвы был первоначально верным и наглядным изображением великого князя, поражающего внешних и внутренних врагов, портретом царя и впоследствии его наследника. Потом, когда великий князь Московский стал государем всея России, его частному, личному гербу, его печати и знамени усвоено значение герба городского. Далее, герб новгородский, так часто встречающийся в гербах наших княжеских фамилий, был первоначально печатью веча, потом наместника Новгородского, наконец, самого города. Печать киевская — архангел Михаил —

употреблялась сначала на печатях великих князей Киевских и позднее стала знаменем города.

Из этих примеров можно, по нашему мнению, вывести то заключение, что знамена для печатей были первоначально даны городам их князьями; затем, при переходе эмблем вместе с владениями к последующим поколениям, родовым фигурам придано значение личного герба, и теперь они остаются непреложным свидетельством того, что предкам известной фамилии принадлежало то или другое княжество, а вместе с тем и того, что фамилии, одно знамя употребляющие, происходят от общего родоначальника. Эта основная мысль условливает систему, в которой должны быть излагаемы гербы русских княжеских и дворянских фамилий потомства Рюрика.

Следуя началу старшинства, мы изложим: 1) гербы фамилий, от Святослава Ярославича, великого князя Черниговского, и сына его, Олега, происшедших, — *князей Черниговских*; 2) родов, идущих от Ростислава Мстиславича Смоленского, т.е. *князей Смоленских и Ярославских*; 3) происшедших от великого князя Всеволода Юрьевича Большого Гнезда: а) *князей Ростовских*, б) *князей Белозерских*, в) *князей Галицких*, и г) *князей Стародубских*, и 4) *князей Литовских*, идущих от Гедимины и бывших на уделе Изяслава Владимировича Полоцкого и сына его Брючеслава.

§ 85. I. *Княжеские и дворянские роды потомства великого князя Святослава Ярославича Черниговского.* Святослав Ярославич, из огромных владений отца своего Ярослава Владимировича, наследовал Чернигов, и у всего многочисленного потомства этого князя преобладающая в гербе эмблема есть *герб черниговский*: в золотом поле черный орел, с золотою на главе короною, с распростертыми крыльями, держащий в лапе позлащенный крест. У Святослава было пять сыновей, из которых Олег получил Черниговское княжество; по имени его-то черниговские князья, так долго враждовавшие с киевскими великими князьями, именуются Ольговичи. Преемником Олега Черниговского был Всеволод II, за ним следует сын его Святослав, а сын сего последнего Всеволод Чермный (т.е. Красный) княжил сперва в Чернигове, впоследствии в 1206 и 1209 гг. в Киеве и скончался в 1214 г., оставив по себе трех сыновей: 1) князя Владимира, 2) кн. Олега и 3) кн. Михаила. Последний из них получил в удел от родителя своего в 1207 г. Переяславль на Днепре, потом княжил в Чернигове, в 1225 и 1228 гг. — в Великом Новгороде, где, оставив князем старшего сына своего Ростислава, возвратился в Чернигов. Подобно другим князьям

русским и князь Михаил должен был ехать в Орду, а за отказ поклониться кумирам он замучен в Орде, по повелению Батыя в 1246 г.; из потомства Михаила мы остановимся на трех его сыновьях, родоначальниках следующих княжеских и дворянских родов, а именно:

1) Третий сын его *Симеон Михайлович, князь Глуховский и Новосильский*, есть родоначальник князей *Одоевских, Белевских и Воротынских*. Из них два последних поколения угасли, остались одни князья *Одоевские*, получившие свое название оттого, что сын князя Симеона Глуховского — Роман перешел, вследствие насилия татар, жить из Новосилия в Одоев, где оставались и потомки его: сын Романа князь Юрий и сын сего последнего князь Семен Одоевский, непосредственный родоначальник одного из самых славных родов русских¹.

2) Четвертый сын князя Михаила Черниговского кн. *Мстислав Карачевский* есть родоначальник также многих княжеских фамилий, но из них до сих пор продолжают: 1) кн. *Кольцовы-Масальские* и 2) князья *Горчаковы*. — Князья Масальские ведут свой род от Мстислава Карачевского, чрез сына его Тита и внука князя Святослава; сын последнего Юрий, называвшийся уже Масальским, имел сына Василия, прадеда князя Василия, который принял прозвание *Кольцо-Масальского* в отличие от других, теперь уже несуществующих поколений князей Масальских, как-то Литвиновых-Масальских и Клубковых-Масальских²; от другого же сына князя Тита Мстиславовича, кн. Ивана Козельского, повели свой род князья *Горчаковы*, по прозванию предка их Ивана Горчаком³.

Наконец, следует третья отрасль дома кн. Михаила Всеволодовича Черниговского:

3) Потомство *Юрия Михайловича, князя Торуского и Оболенского*. У сына его, князя Всеволода Юрьевича, был сын князь Андрей Шутиха-Мезецкий, а от сего последнего родился князь Александр Бярятинский, родоначальник князей *Бярятинских*⁴. Другой же сын Юрия, князь Константин Оболенский, ближайший родоначальник князей *Оболенских*, имел двух правнуков, князей Ивана и Андрея, от первого, чрез внуков его князей Ивана, по прозванию *Репня*, и Василья *Телепню*, равно как чрез правнука Василия, прозванного *Тюфяка*, ведут свой род (не считая вымерших поколений) князья *Репнины, Тюфякины* и дворяне

¹Родословная книга... Т. 1. С. 182—184.

²Древняя российская вивлиофика. Т. 9. С. 246.

³Родословная книга... Т. 1. С. 193.

⁴Там же. С. 202.

*Телепневы*⁵. А от князя Андрея Константиновича, чрез двух его сыновей: первого князя *Ивана Долгорукого* и второго князя *Василия Щербатова*, повели свой род князья *Долгоруковы* и *Щербатовы*⁶.

От того же корня, т.е. князей Черниговских, произошли князья *Волконские*, получившие свое название оттого, что сын князя Юрия Михайловича Тарусского, Иван, по прозванию *Толстая голова*, получил во владение вотчину *Сапрыгину*, в Алексинском уезде (в нынешней Тульской губернии) на речке *Волконке*.

Из предыдущего изложения истории княжеских и дворянских фамилий, происшедших от Черниговских князей, оказывается, что (кроме частных фамильных эмблем) роды, от этого корня происшедшие, имеют право: старшие — на герб черниговский без всякого прибавления, а младшие в сочетании с гербом киевским в знак того, что предки их сидели на Киевском великом княжении. Потому:

1) *Князья Одоевские, Кольцовы-Масальские и Горчаковы* имеют в золотом поле одно изображение черниговской печати⁷ с тем только для кн. Кольцово-Масальских различием, что орел держит в правой лапе малый щиток красного цвета, покрытый княжескою шапкою; на щитке этом изображена буква М с крестом, а под нею три полосы, золотом означенные⁸. Таков до сих пор герб города Масальска, несмотря на то, что он ныне принадлежит к Калужской (а не Черниговской) губернии. В доказательство того значения, какое имеют наши гербы, мы позволяем себе привести из указа о даровании Масальску описанного герба следующие строки: "Град сей был часть владений Черниговских и принадлежал единому из колена князей Черниговских, которые во время бытности своей под Литовскою державою, откуда под Российскую в царствование великого князя Иоанна Васильевича возвратились, герб сей имели"⁹. А о гербе города Одоева

⁵ *Родословная книга...* Т. 1. С. 218–222; *Древняя российская вивлиофика*. Т. 9. С. 190.

⁶ *Древняя российская вивлиофика*. Т. 9. С. 6. См.: *Долгоруков П.В.* Сказание о роде князей Долгоруковых. Изд. испр. и доп. Спб., 1842. С. XIV–XIX; *Временник* Моск. о-ва истории и древностей российских. Т. 10. С. 46–50, 70, 72 (Отд. материалов).

⁷ В гербе дворян Горчаковых (Грб. IV, 85) сохранилось также черниговское знамя, но в поле, красною перевязью влево, разделенном на две половины цветов голубого и золотого.

⁸ *Гербовник*. I, 4; II, 2; V, 1. (В тексте сокращ. *Грб.*).

⁹ *Указ 1777 г.* марта 10 (№ 14596). Гербом рода Масальских издревле была прописная буква М цвета белого, с водруженным посреди ее золотым крестом, в щите цвета лазоревого (*Okolski S.* Op. cit. Vol. 2. P. 218). Под этим знаменем помещен герб *Корчак*.

сказано, что ему присвоен один только герб черниговский, "как уделу старшего колена князей Черниговских"¹⁰. Свидетельства эти, по нашему мнению, чрезвычайной важности, во-первых, потому, что показывают, как знамя городское постоянно и неизменно сохранялось чрез целые столетия и несмотря ни на какие случайности оставалось одно и то же, и с другой — как к старшему в роде поколению переходил без всякого прибавления герб главного в уделе его города.

2) У *кн. Бяратинских и Волконских* в гербе щит, рассечен на две половины, из которой в правой изображен герб киевский: в голубом поле архангел Михаил, а в левой — черниговский¹¹.

3) У *кн. Оболенских и Репниных*¹² один и тот же герб, а именно: щит разбит на две неравные части, верхнюю — пространную и нижнюю — меньшую. В верхней части, рассеченной на две половины, в правом красном поле — киевский герб, а в левом золотом — черниговский; в нижней же малой части щита видны две птицы, держащие во рту по стреле, а в лапах золотые шары (герб г. Оболенека)¹³.

4) *Князья Долгорукие*, кроме герба черниговского в 1-й четверти и киевского в красном поле во 2-й части, имеют в 3-й четверти своего четверомерно разделенного герба в черном поле выходящую из облаков руку, облеченную в латы и держащую стрелу, а в последней четверти — серебряную крепость в голубом поле¹⁴.

5) В гербе *князей Щербатовых* печать черниговская помещена на среднем малом щитке; первая и четвертая части большого щита заняты киевским гербом в голубом поле, а вторая и третья — изображением серебряной крепости в черном поле¹⁵. Крепость может означать здесь не иное что как владение горами или, по объяснению историка кн. Щербатова, написавшего родословную своих предков, переселение их в Тарусу¹⁶.

6) Герб *князей Тюфякиных* имеет черниговское знамя во второй четверти своего четверомерно разделенного герба; прочие же ее

¹⁰ Указ 1777 г. марта 10 (№ 14596).

¹¹ Гербовник. I, 5; III, 1.

¹² Род князей Репниных в мужском колене угас в 1801 г. и продолжается по женскому колону в фамилии князей Репниных-Волконских, вследствие супружества дочери генерал-фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина с князем Григорьем Семеновичем Волконским. (См.: *Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов*. Спб., 1840. Т. 2. С. 230.)

¹³ Гербовник. I, 6; II, 3.

¹⁴ Там же. I, 7.

¹⁵ Там же. I, 8.

¹⁶ *Древняя российская вивлиофика*. Т. 9. С. 73.

эмблемы следующие: в первой четверти в красном поле воин, в серебряных латах, с поднятым вверх мечом, в третьей части — в серебряном поле птица серого цвета с пронзенною сквозь шею стрелою, а в четвертой части — в голубом поле палатка, означенная серебром¹⁷,

и 7) в гербе *Телепневых* черниговское знамя занимает первое место, вторую четверть — в голубом поле золотая звезда, третью — в красном поле выходящая из облаков рука с мечом и последнюю — в серебряном поле олень¹⁸.

§ 86. II *Гербы княжеских и дворянских фамилий потомства великого князя Ростислава Мстиславича*. Эта отрасль Мономахова потомства распадается на два поколения по двум сыновьям великого князя Ростислава Мстиславича Смоленского: *Юрику*, наследовавшему город Вязьму, родоначальнику князей *Вяземских*, и брату его, *Давыду Ростиславичу*, потомки которого, владея Ярославлем и Смоленском, дали начало князьям *Ярославским* и *Смоленским*. Разделение это произошло следующим образом: у Давыда Ростиславича были сын Мстислав и внук Ростислав; у сего последнего было два сына: кн. Федор Чудотворец, Ярославский, и Глеб Ростиславич, Смоленский. Потомство того и другого было многочисленно, но до настоящего времени остается немного родов, от этого корня происшедших; а именно: из Ярославских — кн. *Шаховские*, *Шетинины*¹⁹, *Засекины*, *Солнцеви-Засекины*, *Львовы* и *Прозоровские*; а от князей Смоленских пошли: кн. *Дашковы* и *Кропоткины*, равно как дворянские роды, без княжеского титула: *Всеволожские*, *Татищевы*, *Еропкины* и *Ржевские*.

Из сказанного вытекает, что означенные роды имеют право на следующие эмблемы: 1) знамя в княжества Смоленского; 2) знамя ярославское и 3) герб киевский, так как предок их был на великом княжении Киевском. Знамена эти расположены в гербах отдельных фамилий в следующем порядке:

1) Старшая линия князей Смоленских — кн. *Вяземские* сохранили в гербе своем одно знамя смоленское, оно же и вяземское²⁰:

¹⁷ *Гербовник*. II, 4.

¹⁸ Там же. V, 11.

¹⁹ Хотя род кн. *Шетининых* до сих пор продолжается, герб их в *Гербовник* не помещен. Этот и подобные ему пропуски объясняются тем, что, когда от дворян требовалось представление их гербов для внесения в *Гербовник*, не все дворянские фамилии успели исполнить такое требование правительства. Этим же объясняется, почему гербы древних княжеских фамилий, которые должны бы были найти себе место в первой части *Гербовника*, помещены в других его томах. Ср.: *Гербовник*. X, 27.

²⁰ *Указ 1780 г.* окт. 10 (№ 15072).

в серебряном поле черная пушка на золотом лафете и на пушке райская птица²¹. Совершенно такой же герб у кн. *Кропоткиных*²² и у *Ржевских*²³.

2) Кн. *Шаховские*, *Львовы* и *Засекины* имеют в маленьком щитке, занимающем сердце герба, ярославское знамя: в золотом поле черный медведь влево с золотою на плече секирою. Затем в первой и четвертой частях четверочастного щита их помещен в голубом поле киевский герб, а во второй и третьей — герб смоленский²⁴.

3) Кн. *Сонцовы* и *Сонцовы-Засекины* имеют один с кн. *Шаховскими* герб с тем только различием, что изображенный на среднем щитке черный в золотом поле медведь с золотою на правом плече секирою обращен вправо²⁵.

4) Кн. *Прозоровские*, сохранив ярославское знамя на малом щитке в сердце герба, имеют в первой четверти герб киевский, в четвертой — герб смоленский, а во второй части: в серебряном поле черного дракона с короною на голове и красными крыльями и, наконец, в третьей части: идущего влево серебряного медведя²⁶.

5) У князей *Дашковых* в среднем щитке изображены в серебряном поле золотые крест и шестиугольная звезда, а между ними полумесяц, рогами обращенный вниз²⁷; затем прочие эмблемы, общие с гербами других фамилий того же корня, а именно: в первом и четвертом полях четверочастного герба киевский герб в голубом поле, а во втором и третьем — смоленский в красном поле²⁸.

6) В гербе *Всеволожских* щит разбит на две части: из них в верхней, голубой, изображен герб киевский, а в нижней в серебряном поле — герб смоленский²⁹.

7) В гербе *Татищевых* поле щита разбито на две части, и из них в верхней в красном поле: белое знамя, имеющее золотое древко (может быть, прежний смоленский герб, ср. с. 180), а в нижней смоленское знамя, т.е. райская птица на лафете.

²¹ *Гербовник*. I, 9.

²² Там же. V, 2.

²³ Там же. I, 37.

²⁴ *Гербовник*. II, 5–6; V, 2.

²⁵ Там же. II, 6; VIII, 1; IX, 1. Ср.: *Гербовник*. V, 14.

²⁶ Там же. I, 11.

²⁷ В Польской Геральдике эта эмблема носит название *Корибут* (*Koributh*); она помещалась в гербах многих Литовских князей, и в гербе кн. *Дашковых* может быть объяснена тем, что Смоленское княжество продолжительное время было под властью Польши. Ср.: *Okolski S.* Op. cit. Vol. 2. P. 524–525 и ниже под гербом *Koributh*.

²⁸ *Гербовник*. I, 10.

²⁹ Там же. II, 19.

У графов Татищевых, пожалованных в это достоинство в 1801 г., поле щита разбито на три части: из них в двух нижних, в сердце и ногах, помещены означенные эмблемы, а в вершине прибавлен выходящий до половины двуглавый черный, тремя коронами коронованный орел³⁰.

8) Герб *Еропкиных* состоит из смоленского только знамени с тем притом, что вверху, над пушкой, изображен меч, остроко-нечием обращенный в правую сторону³¹.

К этому же разряду дворянских фамилий, т.е. ведущих свой род от Ростислава Смоленского³², принадлежат: 1) *Дмитриевы-Мамоновы*, происходящие от потомка кн. Ростислава Мстиславича Александра Нетши. Поэтому они имеют в гербе своем, разбитом на две части, из которых верхняя рассечена, в первой части — герб киевский, а во второй — смоленский; в нижней же части, окруженной с трех сторон серебряными облаками, означена в красном поле перпендикулярно серебряная стрела, летящая вверх чрез серебряный полумесяц, обращенный рогами вверх; над каждым из них видно по осьмиугольной звезде серебряного цвета и между ними золотая корона с четырьмя павлиньими перьями (не измененный ли это герб *Сас* с нашлемником?). Эти же перья возвышаются и над шлемом³³; и 2) *Аладыны*, которые в верхней половине разбитого щита имеют смоленский герб, а в нижней — две крестообразно плавающие серебряные рыбы³⁴.

§ 87. III. *Гербы княжеских и дворянских фамилий потомства великого князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо.* Самое название родоначальника этого поколения русских дворянских фамилий Всеволода *Большое Гнездо* показывает, что потомство его было многочисленно; теперь же семейств, от этого корени происшедших, осталось немного. Они распадаются на следующие четыре разряда: 1) Старший сын Всеволода Юрьевича (внука

³⁰ *Гербовник*. II, 17; VII, 5.

³¹ Там же. II, 18.

³² Роды *Дмитриевых-Мамоновых* и *Аладыных* пропущены Бархатною книгою в числе происходящих от кн. Ростислава Мстиславича Смоленского. Помещая здесь описание гербов означенных фамилий, считаем долгом объяснить, что на основании доказательств, представленных ими, и некоторых редакций родословных книг предки означенных родов происходят от князя Ростислава Мстиславича чрез правнука его Александра Нетшу. Не имея, однако, достаточных данных, чтобы показать, от какого именно поколения идут они и как связаны с общим родоначальником, мы не поместили их в родословной Рюрикава дома. (*Гербовник*. II, 21; V, 13); *Временник* Моск. о-ва истории и древностей российских. Т. 10. С. 123. (*Род Монастырцевых*.)

³³ *Гербовник*. II, 21. Ср.: *Гербовник*. IV, 17.

³⁴ Там же. V, 13.

Владимира Мономаха) Константин, чрез внука своего Василько Ростовского и двух сыновей сего последнего Бориса и Глеба, был родоначальником князей *Ростовских* и *Белозерских*. Из первых донныне существуют князья *Касаткины* и *Лобановы-Ростовские*, а из вторых — князья *Белосельские*, *Вадбольские*, *Шелешпанские* и *Ухтомские*. 2) Второй сын Всеволода Юрьевича Ярослав был в Галиче и есть родоначальник князей Галицких: *Ляпуновых*, *Березиных*, *Осинниных* и *Ивиных*; и наконец 3) от последнего сына великого князя Всеволода Ивана Стародубского пошли князья *Стародубские*: *Гагарины*, *Ромодановские*, *Хилковы* и *Гундуровы*.

На какие эмблемы в гербах меют право означенные фамилии?

1) Князья *Ростовские*, по происхождению от Владимира Мономаха, сидевшего на Киевском великом княжении, и по владению своим уделом Ростовом, имеют в гербах знамена киевское, т.е. архангела Михаила, и ростовское — в красном поле серебряный олень, бегущий вправо³⁵. В разбитом щите гербов *кн. Касаткиных* и *Лобановых-Ростовских* верхнюю часть занимает герб киевский, а нижнюю — ростовский³⁶.

Из князей *Белозерских* знамя княжества, которое было в первоначальном владении их предков, т.е. в голубом поле изображение креста и луны (см. герб *Лелива*), а под ними двух рыб, наподобие Андреевского креста плавающих³⁷, осталось без прибавления в гербах князей *Белосельских*, *Вадбольских* и *Ухтомских*. Герб князей *Шелешпанских*, в сущности, сохраняя ту же эмблему, отличается от означенных тем только, что рыбы помещены в ногах щита (т.е. занимают третью часть его внизу); сердце же и вершина щита разделены на четыре поля, различающиеся: первая четверть — цветом красным, вторая — голубым, третья — золотым и четвертая — зеленым. На середине изображен золотой крест, а под ним помещена серебряная луна, рогами обращенная вверх³⁸.

2) Из рода князей *Галицких* не осталось княжеских фамилий³⁹,

³⁵ Указ 1778 г. июня 2 (№ 14765).

³⁶ Гербовник. I, 12; II, 7.

³⁷ Указ 1781 г. авг. 16 (№ 15209).

³⁸ Гербовник. I, 13; IV, 1—3.

³⁹ Из Галицких князей потомства также Владимира Мономаха чрез праправнука его Романа Мстиславича и сына сего последнего Даниила Романовича дарован княжеский титул *Бабичевым* и *Друцким-Соколинским*, предки которых были на Острожском княжении. (*Российский родословный сборник*, изд. кн. Петром Долгоруковым. Спб., 1841. Кн. 4. С. 7—9, 16; *Энциклопедический лексикон*. Т. 4. С. 28.) Гербы этих фамилий, с объяснением их родословной, помещены в 5 т. *Гербовника* под № 4 и 5. Эмблемы в них польские, и будут объяснены ниже.

а продолжающиеся донныне дворянские поколения, в знак своего благородного происхождения от Владимира Мономаха, отличают свои гербы княжескими мантией и короною. Что касается до эмблем, то в гербе *Ляпуновых* изображен черный одноглавый орел, держащий в правой лапе меч, а в левой золотой брусок, над мечом видна корона⁴⁰, а у *Березиных* в щите, имеющем красное поле, изображена серебряная стена⁴¹.

3) *Стародубское* знамя есть, как было уже сказано выше, старый дуб. Эмблема эта повторяется в гербах всех родов, от этого корня происходящих; а именно:

а) Гербы *кн. Гагариных* и *Хилковых*, совершенно между собою сходные, имеют в сердце щита золотой щиток с изображением на нем дуба, на поверхности которого видна княжеская корона с выходящею рукою в латах и с мечом, вверх поднятым, а у корня дуба медведь. Затем в четверчастном щите первая и четвертая части цвета голубого и имеют: первая изображение облеченной в латы руки с поднятым вверх мечом, а последняя — дерева и идущего от него вправо черного медведя; а вторая и третья части в серебряном поле: правая — старого дуба, а вторая — крепости красного цвета⁴².

б) В гербе *князей Гундоровых* щит рассечен на три и разбит на две части. На среднем, серебряном, щитке виден раздраженный черный медведь, разоряющий муравьиное гнездо у корня дуба; затем в первой и шестой частях изображены в голубом поле старый дуб, во второй и пятой в золотом поле: в первой — орел, а во второй — киевский герб, и, наконец, в третьей и четвертой в красном поле облеченная в латы и из облак выходящая рука с мечом; щит увенчан тремя шлемами, из которых на каждом по княжеской шапке; нашлемники же состоят: на левом шлеме из выходящего черного медведя, на среднем — из вооруженной мечом руки, а на правом — из старого дуба. Щитодержатели два медведя⁴³.

в) Род князей Ромодановских вымер в конце прошлого столетия и по указу 1798 г. апреля 8 фамилия и герб их усвоены Ладыженским. Поэтому в Гербовнике помещен герб *кн. Ромодановских-Ладыженских*; но, отделив герб *Ладыженских*⁴⁴, у Ромодановских останется герб, подобный, с некоторыми

⁴⁰ *Гербовник*. IV, 16. Ср.: ниже, в отделе о гербах дворян выезжих из Польши эмблему *Солтык*.

⁴¹ *Гербовник*. II, 20.

⁴² *Гербовник*. I, 4, 14.

⁴³ Там же. VII, 1.

⁴⁴ Там же. II, 49.

изменениями, гербу князей Гундоровых. И у них щит рассечен на три и разбит на две части; на среднем, серебряном, щите виден медведь у корня дуба. Затем в первой и шестой частях изображены дуб в серебряном поле, во второй и пятой в золотых полях: в первой — идущий влево черный медведь, в последней — стародубский князь, держащий в левой руке посох, и, наконец, третья и четвертая части заняты изображением вооруженной мечом руки. Шлемы, нащлемники и щитодержатели такие же, как у кн. Гундоровых⁴⁵.

§ 88. IV. *Княжеские роды потомства Гедимины*. После сказанного уже выше о том, почему мы полагаем необходимым поместить князей Литовских в ряду княжеских фамилий, от Владимира Мономаха происшедших, мы считаем излишним напоминать, что если бы даже потомство Изяслава Владимировича, получившего в удел Полоцк, и пресеклось, тем не менее земля, которою обладали Гедимин и потомки его, была искони Русскою. А так как в княжеских гербах важна эмблема вотчины и дедины князя, то гербы потомков Гедимины, из которых многие семейства озаменовали себя подвигами на пользу России, должны замкнуть собою разряд гербов русских дворянских родов, предки которых были владельцами вотчины Владимира Св. и Ярослава. Мы считали бы, однако, обзор наш неполным, если бы не упомянули здесь о свидетельстве некоторых из наших летописей, равно как и родословных, о том, что Гедимин не только владел русскою вотчиною, но и происходил от потомства князя Полоцкого Изяслава Владимировича и, следовательно, находится в кровном родстве с равноапостольным князем Владимиром. Положительно отвергать это сказание едва ли можно до тех пор, пока не будут разобраны и при помощи критики восстановлены все ветви и поколения Рюрика дома, пока не будут приведены в систему надписи на гробницах удельных князей и проверены с летописями и другими источниками. Во всяком случае, свидетельства польских и литовских хроник и историй (Стрыйковского и иных), повествующих, что какой-то знаменитый римлянин Палемон-Публиус-Либо во времена или Августа Кесаря, или Нерона, или Аттилы приплыл в Литву, образовал ее диких жителей и что внуки Палемонны господствовали в Литве еще в XI (?) столетии⁴⁶, вовсе не заслуживают доверия и обнаруживают только желание во что бы то ни стало породниться с римлянами. Слава Рима и предание о его силе и могуществе легко объясняют такое стремление.

⁴⁵ Гербовник. IV, 5.

⁴⁶ Карамзин. Т. 2. Примеч. 35.

Наши летописи и родословные гласят, что в 1128 г. полоцкие князья Рогвольдовичи были вытеснены из своих владений великим князем Мстиславом Владимировичем, который завладел Полоцком, а князья Полоцкие бежали в Царьград. В то время литовцы были данниками князей отчасти Киевских и Черниговских, отчасти Смоленских и Кривских и находились под управлением собственных гетманов. Вильна же, боясь Мстислава Великого, поддалась королю Венгерскому и призвала на княжение из Греции двух сыновей бывшего полоцкого князя Ростислава Рогвольдовича. Один из этих князей назывался *Давид*, другой *Мовкольд*. Первый сделался князем Виленским и был отцом Вита (Витенес), прозванного *Волком*, и *Эрдена*; от Мовкольда родился *Миндовг*, у которого были сыновья *Вышлег* и *Дамонт* (Довмонт). Последний был одно время псковским великим князем и по св. крещении носил имя Тимофея. После Вита на литовском престоле был сын его, князь *Пройден*, за ним *Витян* и, наконец, *Гедимин*⁴⁷. С его времени вместе с увеличением силы Литвы становится яснее и достовернее самая ее история. От сыновей Гедимины произошли литовские княжеские роды, родословная которых составлена нами по показаниям Бархатной книги и некоторых других русских источников; но уважение к предмету заставляет нас выразить при этом убеждение, что сведения эти требуют строгой и добросовестной проверки с актами, дошедшими к нам от древней Польши и Литвы. Многие из хранящихся в Литовской Метрике документов могли бы облегчить исполнение такого труда для человека, знакомого с историею Польши и ее геральдикою. Дополнением настоящего обзора послужат сведения, сообщаемые на основании польских источников при изложении гербов родов выезжих из Литвы и Польши (см. § 90).

Во всяком случае, не подлежит сомнению, что владение князя Изяслава Владимировича — Полоцк слился с Литвою в собственном смысле, заключавшеюся в пределах нынешней Виленской губернии. Постепенно княжество это росло, и сила Гедимины была уже так велика, что он составлял на западе России противовес Московскому великому князю на Востоке, а так как области сего последнего были подвластны татарам, то русские смотрели на Гедимины как на чисто русского великого князя. Понятно, отчего сын Гедимины Наримунт был призван княжить в Новгород, где, однако, был недолго.

⁴⁷ Там же. Т. 4. Примеч. 103; *Временник Моск. о-ва истории и древностей российских*. Т. 10. (Отд. материалов.) С. 74.

Еще при жизни своей Гедимин разделил наследственную вотчину между своими детьми, из которых *Мондовиту* дал Карачев и Слоним, *Наримунту* — Пинск, *Евнутию* — Вильну, *Ольгерду* — Креву и Ктому, *Кейстутию* — Троки, *Корьяду* — Новгородок, а *Любарта* принял в свою землю волынский князь, на дочери которого он женился, потому Любарт был обойден при разделе отцовского наследия⁴⁸. Вскоре за тем сын Ольгерда и внук Гедимины Ягайло женился на польской королеве Ядвиге и, вместе с ее рукою получив корону Пястов, соединил Литовское княжество с Польшею⁴⁹.

Княжеские литовские роды ведут свое начало от трех сыновей Гедимины: *Наримунта*, *Ольгерда* и *Любарта*. У первого был сын Александр, а у сего последнего Патрикий Звенигородский. От старшего сына Патрикия, правнука Наримунтова, Федора произошли князья *Хованские*. За вторым сыном Юрием была дочь великого князя Василия Дмитриевича, княжна Анна, в монашестве Анастасия. У Юрия Патрикеевича был сын князь Василий, от которого произошел князь *Иван Булгак*, а от него чрез двух его сыновей князя *Михаила Голицу* и князя *Андрея Кураку* ведут свой род князья *Булгаковы-Голицыны*, удержавшие впоследствии одно прозвание *Голицыных*, и *Куракины*. От другого же сына Василия Юрьевича — *Данила Щеню*, произошли *Щенятевы*, которых род пресекался. Наконец, от третьего сына Патрикеева Александра произошли князья *Корецкие*, которые, как сказано в родословной, "на Москве извелись", а остались в Польше.

От Ольгерда, другого сына Гедиминова, ведут свой род (не упоминая о поколениях вымерших), чрез второго сына Ольгердова Дмитрия — князья *Трубецкие*, а чрез третьего сына, Константина, князья *Чарторийские*.

Наконец, от Любарта чрез сына его Феодора пошли, между прочим, князья *Сангушко*.

Литовским гербом издавна была погонь (pogonia). Наша летопись⁵⁰ сохранила о введении ее следующее известие: "Князь

⁴⁸ *Johannis Dlugossi seu Longini canonici quondam Cracoviensis historiae Polonicae libri XII. Lipsiae. 1711. Lib. X. P. 60; Paprocki. Herbi Rycerstwa Polskiego. W Krakowie. 1584. P. 589; Временник Моск. о-ва истории и древностей российских. С. 76.*

⁴⁹ *Устрялов Н.Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? Спб., 1839; Боровецкий И.П. Православие и русская народность в Литве. Спб., 1851; Серчевский Е.Н. Записки о роде князей Голицыных... Спб., 1853. С. 1—12.*

⁵⁰ *Прибавление к Ипатьевской летописи // ПСРЛ. Т. 2. С. 246. Подробное объяснение значения и истории погони есть у Окольского. (См.: Okolski S. Op. cit. Vol. 2. P. 442—446).*

Витен нача княжити над Литвою (в 1278 г.), измысли себе герб и всему княжеству Литовскому печать: рыцарь збройный на коне з мечом, еже ныне наричут погоня". Эта-то эмблема — погонь — и сохранилась в гербах большей части литовских князей; но для отличия в разных фамилиях была она не одинакова или по положению всадника, или по фигуре, которая изображалась на щите, его плечо защищавшем, или, наконец, потому, что в гербе представлялась одна только вооруженная рука. Таким образом, в польской геральдике есть пять видов погоней; а именно: 1) в красном поле покрытый латами и шишаком витязь на белом коне. Правую рукою он держит обнаженный меч, а на левой щит с двойным, шестиконечным крестом, на коне седло с тремя концами; 2) такой же всадник, но с копьем, которое он держит, как бы намереваясь бросить его на врага; 3) нагой всадник на коне без седла и узды держит на воздухе, над головою, обнаженный меч; 4) в золотом поле выходящая из облаков рука в латах с обнаженным мечом, фигура эта повторяется в нашлемнике и 5) в красном поле рука с мечом, а в нашлемнике до половины выходящий воин, вооруженный также мечом⁵¹. Ниже будут приведены гербы родов русских и выезжих из Польши и Литвы, употребляющих разные виды погони.

Первоначально в гербах многих Гедиминовых потомков погонь употреблялась одна, а впоследствии для отличия одного дворянского рода от других того же корня прибавлены иные эмблемы, и для многих из них основания должно искать в польской геральдике. Что знамя *погонь* переходило к князьям этим по наследству вместе с владением, доказывается тем, что в древнейших актах, имевших целью утвердить эту эмблему за известным поколением, упоминается, что за ним *оставляется* знак, ему уже принадлежавший. В доказательство приводим следующий отрывок из грамоты, данной князьям Чарторийским в 1442 г. королем Польским Владиславом: "Желая ознаменовать милость и благоволение свое к братьям Ивану, Александру и Михаилу Чарторийским, за особенную преданность их короне польской, король, по княжескому происхождению означенных лиц и по родству их с королевским домом, навсегда жалует всему их роду вообще и каждому его члену в отдельности право пользоваться княжескою печатью, какую употребляли их дед и отец, т.е. конем, на котором сидит вооруженный муж, держащий в руке обнаженный меч". Привилегия эта не раз была подтверж-

⁵¹ *Okolski S. Op. cit. Vol. 1. P. 542–543; Vol. 2. P. 442–451.*

даема и между прочим королем Августом I на Любельском сейме 1569 г.⁵²

Кроме *Чарторийских*⁵³ одна погонь без всяких иных атрибутов осталась у князей *Корецких*⁵⁴ и *Сангушков*⁵⁵. Такой же был герб и у князей *Голицыных*, чему свидетельством служит знак на родовой посуде князя Василия Васильевича Голицына, хранящейся в Оружейной палате, и герб на портрете того же князя⁵⁶. Но впоследствии (когда именно — определить трудно), по необходимости различить гербы фамилий, от одного и того же корня происходящих, прибавлены атрибуты, также не лишённые геральдического значения, а Погоне дано место в той или другой части герба по старшинству происхождения фамилии от общего родоначальника.

Так как Наримунт княжил в Новгороде, а потомки Гедимины сидели на Польском королевском престоле, то на герб новгородский имеют право только князья, от Наримунта происшедшие (следовательно, кн. Трубецкие его иметь не могут); польской же герб мог войти в гербы всех литовских князей⁵⁷.

Сообразно тому: 1) у кн. *Хованских* герб изображается так: в сердце четверчастного щита красный щиток, покрытый княжескою шапкою, занят гербом литовским; в первой и четвертой частях большого щита помещен герб польский — в красном поле белый одноглавый орел, а во второй и третьей частях герб новгородский: в серебряном поле малинового цвета престол, на котором изображены крестообразно державный жезл и длинный крест; над стулом тройной подсвечник с горящими свечами, по сторонам престола два черные медведя, стоящие задними лапами на золотой решетке, под которою видны рыбы, плавающие в реке⁵⁸.

⁵² Приводим подлинные слова грамоты: "Significamus tenore praesentium, quomodo cupientes fratrum nostrorum illustrium Ivonis, Alexandri et Michaelis ducum de Czartorejska honori intendere qui singulari affectione et fidelitate erga nostram Majestatem et inclitam coronam regni nostri Poloniae se exhibent et exercent, pro eorum ducali statu et promotione, praefatos duces et consanguineos nostros, communiter et divisim sigillo eorum ducali frui, quo ex avo et patre ipsorum uti consueverunt, scilicet equo, cui subsidet vir armatus, gladium evaginatum manu tenens, volumus et decernimus, approbamus et concedimus perpetuae ac in aevum". Herb. Polsk. Niesieck. (ed. Bobrowicz) Vol. 3. P. 224. Paprocki. Gniazdo Gnoty. P. 644.

⁵³ *Bobrowicz*. Herb. Polsk. Vol. 3. P. 222.

⁵⁴ *Ibid.* Vol. 5. P. 228.

⁵⁵ *Okolski S.* Op. cit. Vol. 3. P. 78.

⁵⁶ *Тр. Моск. о-ва истории и древностей российских*. Т. 7. С. 83; Прилож.

⁵⁷ Последующее изложение докажет, что разным поколениям Гедиминова дома были усвоены эмблемы в гербах по руководству той родословной литовских родов, которая сохранилась в Бархатной книге. Поэтому и мы, при объяснении этих гербов, должны держаться того же источника.

⁵⁸ *Гербовник*. I, 1.

2) Герб князей *Куракиных* такой же⁵⁹, но в расположении фигур та только разница, что новгородский герб (без изображения реки) помещен во второй лишь четверти, а в третьей части, в голубом поле, видны серебряный крест, шестиугольная звезда и между ними золотой полумесяц, обращенный рогами вниз (герб *Корибут*). Эмблема эта могла быть знаменем одного из городов, находившихся во владении предков этой фамилии, и, действительно, она напоминает гербы городов Борозны и Зенкова; но, боясь всяких догадок, не основанных на положительных данных, и думая, что объяснение гербов должно составлять заботу самих их владельцев, мы ограничиваемся одним описанием, тем более, что существенным, повторяем, остается герб наследственной вотчины, герб того родича, от которого идет поколение. Прочие атрибуты менее существенны, хотя и они не случайны и не произвольны.

3) Герб князей *Голицыных* изменялся, сколько известно, три раза, пока не дошел до современной формы. Первоначально в нем было только изображение Литовской погони. Затем в герб кн. Голицыных вошли следующие атрибуты: в сердце большого щита была помещена в особом щитке Литовская погоня, в первой четверти изображался польский герб, во второй — новгородский, затем две последние четверти оставлены для эмблем, так сказать, специальных, частных: в правой нижней части были видны в голубом поле серебряные крест и шестиугольная звезда, а между ними золотой полумесяц, обращенный рогами вниз (как у князей *Куракиных*); а в последней, наконец, четверти в голубом поле серебряный крест, имеющее в середине черного двуглавого орла⁶⁰. В настоящее время щит в гербе князей Голицыных разбит на две части и нижняя его половина рассечена. Верхняя часть занята изображением погони Литовской, в нижней правой части виден герб новгородский, и наконец в левой — тот же белый крест с двуглавым по середине орлом, который описан выше⁶¹.

И 4) у князей *Трубецких*⁶² Погоня занимает (как и следует по старшинству) третью четверть четверочастного щита, затем в первой части изображены в золотом поле два грифа, держащие передними лапами княжескую корону, во второй части — поль-

⁵⁹ *Гербовник*. I, 2.

⁶⁰ *Серчевский* в Записках о роде князей Голицыных (СПб., 1853. С. VI) полагает, что серебряный крест означает победу литовцев над Тевтонским орденом. Такой же герб был прежде у Вольнского воеводства. *Korona Polska*. Vol. I, P. 154.

⁶¹ *Гербовник*. I, 2.

⁶² Там же. II, 1.

ский герб (в голубом поле) и, наконец, в четвертой — в серебряном поле бычачья голова.

В этом же отделе мы должны поместить герб светлейших князей *Меншиковых*. Род их, как сказано в грамоте Александру Даниловичу Меншикову на княжеское достоинство, в 1707 г. пожалованной, происходит из благородной фамилии литовской. Кроме других атрибутов, свидетельствующих о пожаловании княжеского достоинства (двуглавого тремя коронами увенчанного орла) и о военных доблестях, оказанных Меншиковым на суше и на море (пушка, окруженная ядрами и знаменами, равно как оснащенный корабль), в гербе его видна погонь Литовская (но вместо красного в голубом поле). Герб этот встречаем на бумагах князя Меншикова вскоре по пожаловании его в княжеское достоинство⁶³ в том же точно виде, в каком он изображен в Гербовнике⁶⁴.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Гербы родов выезжих

§ 89. Из гербов частных лиц не Рюрикова потомства первое место в русской геральдике принадлежит гербам выезжих родов потому, что после княжеских гербов, перешедших с прежних городских и областных печатей и, как было доказано, очень древних, ранее других частных лиц сохранили это отличие благородства фамилии, приезжавшие к нам из стран, в которых прежде им пользовались. Вследствие того при установлении у нас дворянства как сословия, чрез внесение всех его видов и разрядов в родословные книги, которые под наблюдением правительства велено было вести Разряду, прежде других представляли доказательства о принадлежности им гербов и ходатайствовали о их утверждении прибывавшие в Россию чужестранные роды. Держась строго системы исторической и порядка хронологического,

⁶³ В числе рукописей Императорской публичной библиотеки сохранилось объявление князя Меншикова от 20 апреля 1712 г. русским и вспомогательным войскам о пропуске судов великого канцлера князя Радзивилла, которые пойдут Вислоу к Данцигу. Выписываем титул князя Меншикова: "Мы Александр Меншиков Римскаго и Российскаго государства князь и герцог Ижерский, наследный господин Оранибурха и иных его царского величества Всероссийского первый действительный тайный советник, командующий генерал-фельдмаршал войск и генерал-губернатор губерний Санкт-Петербургской и многих провинций, кавалер Св. Андрея и Слона и Черного и Белого орла и пр."

⁶⁴ Гербовник. I, 15.

мы должны и в самом распределении выезжих родов по странам, из которых они приехали в Москву, начать с тех чужестранных благородных фамилий, которых гербы раньше других утверждены русскими государями. Самое множество поляков и литовцев, приезжавших в Россию и служивших русским царям, было, доказали мы выше, причиною, отчего за этими именно родами начали утверждать гербы в то же самое время, как было уничтожено местничество и когда от дворян стали требовать доказательств благородства их происхождения для внесения в Бархатную книгу. Затем следуют гербы родов, выезжих из Пруссии и Поморских стран вообще, Германии, Италии, земель татарских и иных, более мелких. При этом, однако, мы не коснемся родов, выехавших из таких стран, для которых есть особые гербовники (т.е. Финляндии, Остзейского края и Польши). Изложение гербов, употребляемых дворянством этих областей, слишком увеличило бы нашу книгу, тем более что мы могли бы повторить только давно уже сказанное другими.

Чем же отличаются между собою гербы лиц, выехавших из разных стран? Эмблемами, каждым из них употребляемыми, и внешними геральдическими атрибутами. Последние, впрочем, до того усвоены геральдикой всех стран, что они не могут допускать такого разнообразия, как эмблемы: в последних весь смысл, вся душа герба, и потому они же должны свидетельствовать о том, какой стране и какому народу принадлежат предки лица, употребляющего их в своем гербе. Потому смеем выразить убеждение, что герб служит лучшим дополнением, даже лучшею поверкою, для родословных, которые до сих пор ждут еще тщательной и окончательной разработки. Видя в гербе дворянского рода, ведущего себя из какой бы то ни было страны, положим от татар, эмблемы, общие с другими родами, ведущими себя на основании положительных доказательств, напр., из Пруссии, мы имеем против татарского происхождения сказанного рода немаловажное доказательство. Если на него и нельзя полагаться всегда и с неопровержимою достоверностью, то при других данных этот довод чрезвычайно важен и заслуживает внимания. С другой стороны, дойти до эмблем, общих известному разряду выезжих дворянских фамилий, важно и, скажу более, необходимо потому, что до сих пор еще не всем дворянским фамилиям России пожалованы гербы, и так как число дворян наших постоянно растет, то откроется возможность для вновь избирающих себе гербы определять, на основании существующих примеров, какие фигуры в гербах неизбежны для означения страны, из которой лица эти выехали, буде это род

выезжий, точно так, как сравнение гербов, пожалованных за разные заслуги, открывает возможность отыскать эмблемы, соответствующие каждому роду и виду отличий.

Очерк истории русского дворянства показывает, что в благородное сословие наше вошло много владетельных родов, т.е. таких родов, предки которых обладали городами, областями и целыми даже государствами. Конечно, герб провинции или государства не может быть чужд гербу потомков их правителей и государей. В каждом разряде гербов выезжих дворян мы будем приводить сначала гербы таких родов (если они есть), а затем переходить к простым дворянским фамилиям. Бархатная книга вместе с другими родословными и в этом случае, как при изложении гербов княжеских, послужит нам главным источником и пособием.

Что касается до атрибутов герба, то они у нас общие с гербами Западной Европы, и так как история и значение их были уже изложены выше, в первой части нашего труда, то мы здесь отметим одни только особенности. Роды, выехавшие из Западной Европы, не имели никакого повода и основания изменять в гербах своих те общеевропейские атрибуты, в которые, так сказать, вставляется фигура. Рыцарское одеяние, которого точный сколок изображает герб, было обще всей Западной Европе. Нельзя того же сказать о родах, выехавших в Россию из земель татарских и стран Горских. Если вооружение воинов этих земель и имеет много общего с вооружением рыцарским, то им несколько не сроден рыцарский шлем; потому его должна бы заменять чалма, как мы это видим в некоторых гербах; напр. Нарбековых (IV, 45), Чевкиных (IX, 8), Чириковых (III, 21) и князей Черкасских (II, 9); гербы их венчает шапка, имеющая вид чалмы и увенчанная пером. Шапка эта, сказано в объяснении последнего герба, изъясняет знаменитость родоначальника Черкасских князей Инала, который был султаном в Египте. Вообще форма щита и вид шлема находятся в прямом соответствии с происхождением лица, герб употребляющего. Этот признак тем многозначительнее, что допускает те же различия, какие должны выражаться и в эмблемах.

Происхождение фамилии отражается иногда и в щитодержателях гербов, где есть этот атрибут, потому что они не считаются необходимою и существенною принадлежностью герба. Щит держат нередко лица из того же народа, к которому принадлежит и гербовладелец; напр., британцы у Бестужевых-Рюминых, происходящих из Англии (Грб. I, 19), венгерцы у Бутурлиных (I, 22), малороссы у гр. Безбородко и Кочубеев (I, 29; III, 49;

IV, 13; X, 4), казаки у графа Орлова-Денисова и Платова (VIII, 4; IX, 5), татары у Барановых, Мамаевых, Колокольцевых и др. (IV, 45; IX, 23; I, 63). Щитодержатели поэтому могут также служить пособием при определении происхождения лица. То же различие должно бы наблюдаться в зверях и птицах, которые нередко держат щиты гербов; но в этом отношении труднее найти какие-нибудь общие правила: одна и та же порода зверей и птиц может безразлично принадлежать нескольким странам, тогда как одяние, вооружение людей, изображаемых в качестве щитодержателей, выразительнее и не допускают такого смешения. Притом в качестве щитодержателей видим нередко существа мифические, напр. грифов, сирен. Чаще других животных и птиц держат щиты в русских гербах львы и орлы, хотя им не чужды гончие собаки, медведи и т.п. Как на образцы того, в каком соотношении щитодержатели-нелюди могут находиться с происхождением гербовладельца, указываем на гербы: Араповых, который держат два черных крылатых змея (Грб. IV, 98), Козодавлевых, родом из Мекленбурга, чему соответствуют лошади (I, 67), у Строгановых — два соболя (II, 16; X, 12), у Тейльсов, родом из Испании, два меринуса (VI, 131) и др.

Еще несколько общих замечаний о сочетании цветов в гербах должны дополнять наш обзор. Выше мы уже исчислили геральдические цвета, показали их историю, значение и то, как каждый из них обозначается гравировкою. Герб, состоя почти всегда из более чем одной фигуры, помещенных в разных полях, бывает разноцветным, и притом так, что цвет фигуры отличается от цвета поля, на котором она помещена. Очень часто поля, как и фигуры, находятся в соответствии между собою накрест; т.е. первое с четвертым, и второе с третьим. Эмблемы в означенных полях иногда повторяются. Из фигур и красок одна почитается главною и остается неизменною до того, что не уступает никаким случайным обстоятельствам и потому повторяется в гербах всех фамилий, от одного корня происходящих. Ее место всегда самое почетное: она или одна на всем щите, или помещается на среднем щитке, или в первой четверти, а если в другой, то может повторяться в нашлемнике, на одежде щитодержателя, на флаге в его руке и т.п.

Цвет главного поля важен потому еще, что определяет краски намета. Его цветной верх и металлический подбой состоят всегда из тех же цветов, которые есть на щите, или, правильнее, из красок главной фигуры и главного поля.

За этими общими замечаниями, находящими себе применение и в прочих родах и видах гербов, мы переходим к изложению

гербов каждого разряда выезжих дворянских фамилий в отдельности.

§ 90. *Гербы дворянских родов выезжих из Литвы и Польши.*

При присоединении какой-нибудь страны к Польше, польские геральдические эмблемы сообщались и жителям новой провинции, причем коренной польский род приобщал пришлый к своему гербу и приписывал его к своему знамени. Оттого к одной эмблеме бывает нередко причислено в Польше по несколько сот фамилий, которые, прибавляя к своему прозванию наименование той фигуры, которая в их гербе, тем дают полное понятие о всем своем гербе, в сущности неизменном. Это не более как одна фигура, по очертанию обыкновенно простая, и, как скоро в ней допускается какое-нибудь отступление от раз принятой нормы, она получает другое название или образует новый (второй, третий) вид прежнего герба. Эти-то качества, т.е. неизменяемость геральдической фигуры и принадлежность ее многим родам, составляют коренное различие польских гербов от западноевропейских рыцарских, которые, как выражение доблестей, не могут быть совершенно одинаковыми у двух даже братьев, а непременно требуют каких-нибудь отметок, каких-нибудь brisures.

Коренных польских знамен первоначально было немного, и история их происхождения так занимательна и необходима для объяснения быта древних обитателей Польши, что с XIV и XV вв. до настоящего времени изучение их и объяснение послужило материалом не для одного ученого сочинения*. Главная забота

*Чтобы при самом изложении знамен в польских гербах, перешедших в русскую геральдику, не упоминать всякий раз о тех источниках, которыми мы руководствовались, считаем необходимым привести их здесь все вместе в хронологическом порядке. Высчитывая главнейшие по этой части сочинения, оставляем второстепенные:

1) *Johannis Dlugossi seu Longini Canonici quondam Cracoviensis historiae Polonicae libri XII.* Lipsiae, 1711. Здесь на с. 17 введения исчислены все древние сочинения по части польской генеалогии и геральдики.

2) *Wiadomosc' o rękomiśmach historyi Dlugosza, jego banderia Prutenorum et insignia seu cleinoda Regni Polonici,* wydal Josef Muczowski. Krakow, 1851.

3) *Paprockiego/ a) Panosza, to jest herby znakomitych familij Wojewódstw uskiego i podolskiego, z zalaczeniem wierszy na kazdy herb.* Krakow, 1575.

b) *Gniazdo cnoty, zkad herby rycerstwa slawnego Królewstwa Polskiego.* Krakow. 1578. c) *Herby rycerstwa Polskiego na piecioro ksiag rozdzielone.* Krakow, 1584.

4) *Bielskiego.* Kronika Polska. (В 6 т.) Krakowie, 1597. Здесь же на полях означены гербы при именах лиц, их употреблявших.

5) *Okolsky S.* Orbis Polonis. Krakow, 1641. (В 3 т. Это геральдическое описание, написанное на латинском языке, было у нас особенно известно).

6) *Potocki W.* Poczet herbow, czyli wiersze i epigrammala na herby znakomitszych familij polskich i litewskich, porzadkiem alfabetycznym herbów z figurami. 1696.

польских геральдиков состояла в том, чтобы объяснить, отчего каждой геральдической эмблеме придано такое именно, а не другое название, что мог иметь в виду тот, кто первый поместил ее на своем щите, и, сверх того, отыскать эпоху, с которой каждая эмблема вошла в употребление. Событиями польской истории старались объяснить вид и название эмблем: сходство имен некоторых витязей и достопамятных людей с названиями гербов подавало нередко повод к разным соображениям, и хотя мы не вправе отвергать таких объяснений, тем не менее, вместе с новейшими писателями о том же предмете, мы думаем, что напрасно искать разгадки этих эмблем в личных именах и отдельных событиях Польши. Многие из таких знамен древнее ее истории, и едва ли можно думать найти в одном народе объяснение того, что служит достоянием и других славянских племен. В дальнейшем изложении каждого герба в отдельности мы хотя и приводим, на основании польских сочинений, некоторые в каком бы то ни было отношении особенно замечательные объяснения, хотя вместе с другими геральдиками не чуждаемся и цифр для означения года, когда получил начало тот или другой герб, думаем, однако, что это не может еще почтяться последним словом науки, а должно означать не более как время, от которого на известных нам печатях сохранилась та или другая эмблема.

Мы не думаем даже, чтобы эмблемам, которые теперь видим в гербах, могло быть придано первоначально такое название. Они далеко не соответствуют понятию, которое обыкновенно соединяется со словом герб. Самая простота, незамысловатость фигуры, ее неизменяемость по каким бы то ни было случайным обстоятельствам, существующая для некоторых из них до настоящего времени неопределенность цветов дают нам полное право повторить здесь то же, что мы сказали выше о русских гербах. Это не более как знамена, как знаки, употребляемые для отличия одного семейства и рода от других семейств и

7) *Niesieckiego*. Kaspra, Korona Polska. 1728—1743. Новейшее издание этой книги сделано Бобровичем: *Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego*, wydany przez Iana Nep. Bobrowiczaw. Lipskie. 1839—1846. (В 10 т.). Хотя оно полнее первого издания, но знатоки отдают предпочтение старому изданию, очень редкому.

8) *Heraldyka*, to jest osada klewnotow rycerskich. Jos. Alex. Xcia Jablonowskiego, we Lwowie. 1742.

9) *Kuropatnickiego*. Wiadomosc o kleynocie szlacheckim oraz herbach domow szlacheckich w Koronie Polskiej. Warszawa, 1789.

10) *Wielqodka*. Heraldyka, czyli opisanie herbów oraz familij rodowitej szlachty polskiej. 1794.

11) *Malachowskiego*. Zbor nazwisk szlachty z opisem herbow. 1805.

12) *Гербовник* дворянских родов Царства Польского, высочайше утвержденный. Варшава, 1853. Ч. 1—2.

родов, и, если хорошо взглянуть в наши, польские и другие славянские эмблемы, в них отыскиваются некоторые коренные фигуры, сочетанием которых в таком или ином порядке и образуется вся разница гербов. Крест, луна, звезды, меч, стрелы и подковы — вот основные для геральдических знамен фигуры, которые во множестве встречаются в наших, польских, иллирийских и богемских гербах. Значение их понятно: завоевание некоторых славянских племен чуждыми народами, свержение ими этого владычества, далее, переход из язычества в христианство и, наконец, вековая борьба их с татарами и другими врагами не могли не оставить следов в геральдике Польши и иных славянских земель. Благородный витязь, считавший для себя унижительным сражаться пешим и, следовательно, невообразимый без коня, или представлял себя верхом в бранных доспехах (как, напр., в Литовской погони), или вместо того помещал в своем гербе подкову, эмблему самую почетную и любимую славянином. Не одна тысяча семейств в разных славянских землях пользуется этим знаменем как представителем конного витязя¹. И в каких видах и сочетаниях не представляется подкова! Далее, победа креста над луною, т.е. язычеством, татарами, победа, одержанная мечом, и награда, которая ожидала в небесах всякого, кто исполнил на земле веления Бога (звезды), делают понятным смысл и значение вышеозначенных геральдических фигур. Этому же обстоятельству обязана большая часть польских гербов красным, кровью упитанным полем щита. Нам кажется, что встречающиеся на них фигуры в своих многообразных сочетаниях могут быть по всей справедливости названы иероглифами идей, верований и преданий разных славянских народов: это-то качество и составляет коренное, существенное отличие их от эмблем рыцарских Западной Европы, от эмблем личных, не народных.

После этого понятно, отчего во всех славянских землях знамена в гербах, различаясь в некоторых подробностях, в сущности одни и те же². Одинаковость, повторяем мы, убеждений

¹ Известный польский библиограф *Вишневский* (в своей *Historia literatury Polskiej*. Kraków, 1845. Vol. V. P. 509) упоминает, что Папроцкий написал даже особое сочинение о подковах, как эмблемах в гербах, под заглавием *Strom czyli o herbach ze znakiem podków*. Большое об этом предмете рассуждение есть в конце Силезского гербовника (*Stambuch szlęskie*) того же автора (1609 г.).

² Обращаем внимание на следующие, считающиеся лучшими для сравнения славянских гербов сочинения *Папроцкого*: а) *Zrčadło slavného Margrabství Morawského*. 1593. Olomutii. б) *Diadochos seu Stemmato graphia Bohemiae regni*. 1602. в) *Stambuch Szlęski*. W Brunie, 1609.

должна была повлечь за собою и одинаковые эмблемы в гербах; и если они развились преимущественно в Польше и Литве, то это потому, что в Польшу выезжали дворяне Силезские, Богемские, Моравские, Иллирийские, Прусские и др. Они вносили свое знамя в общую, так сказать, сокровищницу, из которой потом раздавались гербы вновь прибывавшим без таких знамен.

Вот почему, называя такую геральдику польскою, мы уступаем только общепринятому обыкновению, усвоенному в науке термину. Строго же говоря, геральдическая школа с такими отличительными чертами свойственна и другим славянским землям. Вот почему далее ни из какого другого источника, кроме этого, Россия не могла заимствовать своих эмблем. Западная геральдика основана совсем на иных началах, что доказывает история нашего и рыцарского дворянства, а эмблемы Германии, Франции, Италии, Англии и т.д. остались в гербах фамилий выезжих из этих стран.

Кроме того, что долгое пребывание под владычеством Польши многих русских провинций, Литвы, Малороссии и Галицкой Руси должно было распространить между дворянами этих областей употребление знамен польской геральдики, кроме того, что гербы свои привозили к московскому двору польские и литовские роды, выезжавшие к нам во множестве, эти же эмблемы по случайному сходству прозваний с именами знамен, равно как по родовой связи и иногда по сходству фамилий с прозваниями тех лиц, которые их употребляли, были усваиваемы русскими вообще. Поэтому никак не должно думать, что к выезжим из Польши дворянам принадлежат все те дворянские роды, в гербах которых видим польские знамена. На эти геральдические отличия имели право все русские, а если мы, говоря о выезжих из Польши родах, будем приводить иногда гербы русских дворянских фамилий, то это только потому, что эмблемы у них заимствованы из польской геральдики и что иначе мы не избежали бы частых повторений. Понятно также, отчего гербы русских дворянских родов татарского происхождения имеют много общего с вышеозначенными гербами. Татары не могли внести в нашу геральдику своего элемента, как внесли его Германия, Франция, Италия и др. страны, а идею борьбы христианства с исламом русский мог выразить только знаками, для него доступными, взятыми из польской геральдики.

Заимствование гербов делалось или без всякой в знамени перемены, или с некоторыми изменениями, чрез которые постоянно просвечивает их первоначальный и коренной вид. Такие перемены, не чуждые, впрочем, и западной рыцарской геральдике,

были необходимы для того, чтобы отличить герб одной фамилии от других гербов одного с ним разряда, а иногда делались вследствие требований геральдики как науки или в память отличий и подвигов. Для образца мы приведем несколько наиболее резких примеров разделения составных частей одного знамени по разным полям, перестановки их и изменения цветов: 1) в гербе, напр., *Гржимало* воин должен стоять в воротах крепости о трех башнях; у *Повалишинных* (Грб. VIII, 35) он поставлен на крепости вместо третьей башни; 2) в гербе *Кисель* изображается серебряная палатка, увенчанная крестом, а над шлемом ставятся три кирпичные башни (Грб. III, 9); у *Брусиловых* герб (VII, 123) разбит на две половины, и из них верхняя рассечена на три части, составные же эмблемы герба *Кисель* расположены в нем так, что палатка занимает всю нижнюю половину, башня — две крайние трети, а крест — среднюю треть верхней половины; 3) чаще других употребляется в наших гербах *Лелива*: в ней не только цвет и форма звезды с луною изменяются, но и положение их различно. Ср. гербы *Пусторослевых* (VII, 12), *Сенявиных* (II, 67), *Шевичев* (II, 132) и др.; 4) отделение крестов от подков часто в гербах *Любичь*, *Побог* и *Ястржембец*. Ср. гербы *Белокопытовых* (VIII, 60), *Желтухиных* (III, 58), *Митусовых* (II, 105), *Мухановых* (II, 88), *Чашниковых* (VII, 109), *Чуфаровых* (IX, 46) и др.; 5) в гербе *Микулинском* три прописных буквы М покрывают одна другую, и над верхнею поставлен крест; все знамя в голубом поле. В гербе же *Микулиных* (VII, 40) щит разбит на две половины: из них в верхней, цвета голубого, помещен золотой крест, а в нижней, серебряной, видны три буквы М; 6) герб *Прус* (вид третий, иначе *Нагоды*) состоит из сложенных вместе в виде полумесяца рогами вниз косы или серпа и полуподковы и над ними крест. В гербе рода *Опочининых* (IV, 82) эти составные части положены в трех различных полях, а над шлемом сохранилась такая же, как в Прусе, согнутая в колене нога; 7) перестановки двух полумесяцев и меча знамени *Остоя* ясны в гербах *Бороздинных* (I, 42. Ср. *Шишковых* III, 75), *Фиглевых* (IX, 92) и др.

Есть далее в русской геральдике и новые эмблемы, как они есть и в других славянских землях, но основа у них та же, потому что мысль, которой эмблема служит выражением, не изменяет своего характера. Самое изображение показывает нередко заключающийся в знамени смысл. Этому же объяснению много способствует его название; но это не всегда. Только долговременное изучение гербов, отчасти знание славянских языков и, главное, истории единоплеменников наших открывает путеводную нить в этой, у нас еще нетронутой науке.

§ 91. Важность гербов польских и сродство их с нашими геральдическими эмблемами возлагает на нас обязанность рассмотреть этот предмет с особенною подробностью; а так как геральдика прежде других славянских земель развилась в Польше и знамена в наши гербы перешли отсюда, то мы, излагая их, будем руководствоваться польскими источниками и сочинениями. Главная при этом задача состоит в том, чтобы отделить коренные, славянские эмблемы от местных, сродных только Польше. Древность их должна руководить нас в этом выборе, а указателем послужит один официальный документ 1414 г. о соединении при Витовте Литвы с Польшею и о сообщении дворянам литовским польских гербов³. В этом акте упоминается, какой род к какому приписывается знамени. Это исчисление важнейших гербов мы дополним и иными, в наш Гербовник перешедшими, равно как знаменами, получившими начало в Литве, на Волыни, на Руси вообще, если бы даже они и не встречались в утвержденных русских гербах, и наконец для полноты упомянем о других главных гербах, которые могут встречаться у родов, не внесенных еще в Гербовник. Упоминаемые же в акте 1414 г. мы отметим звездочкою.

Что касается, наконец, до порядка, которого будем держаться в этом случае, то мы избираем порядок алфавитный, как это делают польские геральдики, *во-первых*, потому, что едва ли можно производить одну эмблему от другой и держаться порядка преемственности знамен, *во-вторых*, было бы также произвольно разделить гербы по группам, потому что о значении многих фигур нельзя произнести ничего решительного, и, *в-третьих*, для справок алфавитный порядок удобнее. Но при этом мы будем указывать иногда на сродство между собою гербов и упоминать о тех, которые чрез прибавку или убавку в главном знамени послужили гербами для фамилий, которых название они и носят. Чтобы не делать нашего обзора без нужды слишком пространном, мы воздерживались от всяких похвал гербам, которых образцы можно видеть у Окольского, и в самом изложении истории каждого знамени старались быть краткими. Вследствие того же, указывая на производные эмблемы, мы их не всегда описываем, а отсылаем читателя к книге Несецкого как доньше самой полной. Наконец, подводя русские дворянские роды, употребляющие в гербах своих то или другое знамя, мы ссылаемся на Русский Гербовник дворянских родов.

³ *Volumen legum. I. Fol. 66.* "Incorporatio terrarum M.D. Lithuaniae Regno Poloniae cum concessione armorum Lithuanis de Regno Poloniae cum aliis certis libertatibus".

Прилагаемые рисунки с означением цветов объяснят еще более то, что не всегда укладывается под перо. Большая часть геральдических знамен Польши имеет в нашламнике страусовые перья: означая в тексте число их, мы пропускаем их в рисунках и помещаем в гербах те только нашламники, которые имеют особенные изображения.

Затем приступаем к самому исчислению знамен:

1. *Абданк, Габданк*, иначе *Скарбек, Скуба* (Abdank, Habdank, Skarbek, Skuba) — состоит из двух серебряных стропил со срезанными донцами, обращенных вершинами вниз и соединенных между собою наподобие буквы W. Поле красное (табл. XIX, рис. 1). В нашламнике над короною повторяется та же эмблема. В первый раз знамя это было усвоено в VIII в. фамилии Скубов. От этого же рода произошли Скарбеки, из которых один был отправлен королем Польским Болеславом Кривоустым в качестве посла к императору Германскому Генриху. Когда император показывал ему свои сокровища и, гордясь ими, отзывался не совсем лестно о Польше, Скарбек снял с своей руки золотое кольцо и бросил его в сокровищницу, за что Генрих его поблагодарил (Habe dank). В память этого поступка, дано знамени Скарбека название *Габданк*, или *Абданк*. К этому гербу приписано много польских фамилий, и в повторении в нем буквы V некоторые историки и геральдики хотят видеть как бы начальные буквы четырех слов: Veritas, Victoria, Virtus et Vita, т.е. истина, победа, добродетель и жизнь. Чтобы показать еще яснее, что храбростью приобретено право на такой герб, некоторые фамилии изображают в нашламнике льва, который и держит Абданк.

Это же знамя — *Абданк* встречается в гербах: 1) *Сырокомля*; 2) *Денбно*; 3) *Ильговский*; 4) *Кроква* и 5) *Халецкий*, которые все описаны под своими буквами. В русских гербах знамя Абданк есть у Воеводских (Грб. VI, 93; VII, 50); Волинских (VI, 19); Мельницких (IX, 10).

2. *Аксак*, см. Пржияцель.

3. *Амадей* (Amadej, Amadae) есть в красном поле белый, золотую короною коронованный одноглавый орел с распростертыми крыльями и разверстыми когтями, но без хвоста (табл. XIX, рис. 2). В клюве орел держит золотой перстень. Род Амадеев ведет свое начало из Венгрии, откуда он переселился в Польшу в правление польского короля Казимира II, в 1330 г.

4. *Айхингер* (Aichinger) — в золотом поле белка на мураве вправо; в нашламнике видна выходящая белка между двумя оленьими рогами или слоновьими хоботами (табл. XXIII, рис. 2). Герб этот принесен из Германии.

5. *Белина* (Belina) — в голубом поле три подковы, расположенные треугольником передками внутрь, шипами одна к правой, другая к левой стороне щита, а третья к его подошве. В последнюю упирается острием вниз меч, которого золотая рукоятка имеет вид креста; над короною видна в золотой броне вооруженная мечом рука (табл. XXIII, рис. 9). В некоторых гербах того же имени изображается в нашлаемнике ворон с поднятыми крыльями и золотым во рту перстнем, в других же — сидящая на мече сова⁴. Папроцкий относит начало этой эмблемы ко времени Александра Македонского и повествует, что 500 лет спустя после его смерти, а именно в 278 году по Р.Хр., герб трех подков с иллирийским полководцем Лубосом перешел в Богемию; Окольский же полагает, что в Польше во время войны Болеслава Храброго с русскими родственник короля, гетман и краковский воевода граф Зелислав Белин герба Подковы, за одержанную им победу, получил приращение в гербе, две подковы и меч⁵.

6. *Берштен* (Berszten) состоит из трех колес от плуга, расположенных в красном поле в виде треугольника. Нашлемник из павлиньего хвоста (табл. XIX, рис. 3). Польские историки полагают, что первые владельцы этого герба, род *Берштен*ов, выехали из Германии или Силезии.

7. *Биберштейн* (Biberstein) обозначается поднятым вверх красным оленьим рогом в золотом поле, ветвями влево. Та же эмблема повторяется и над шлемом (табл. XIX, рис. 4). Род *Биберштейн*ов выводят из Германии, откуда он в XIV в. перешел в Польшу.

8. *Богория* (Vogoria) изображается в виде двух сломанных стрел белого цвета, от которых остались одни только наконечники, расположенные в красном поле древками внутрь. В нашлаемнике павлин держит сломанную стрелу (табл. XXIII, рис. 3). Род *Богориев* производят от одного витязя, по имени Богория, который во время войны с половцами при короле Болеславе Смелом сражался мужественно, несмотря на то, что был пронзен двумя стрелами.

9. *Бодула* (Bodula) состоит из трех белых лилий, расположенных в голубом поле одна под другой по рассекающей линии (табл. XIX, рис. 5). Начало этого герба писатели относят к XIII столетию.

⁴ *Гербовник* дворянских родов Царства Польского... Ч. 1. С. 55—56.

⁵ Без третьей внизу подковы герб называется *Лзава*. См.: *Korona Polska*. Vol. 3. P. 195.

10. *Божаволя* (Bozawola, voluntas Dei) есть в голубом поле серебряная передком вверх подкова, внутри ее и над нею по серебряному кресту — наконец, под подковою изображен золотой полумесяц, рогами обращенный вверх (табл. XIX, рис. 6). Начало этого герба относят к XII столетию.

11. *Божездарж* (Bozezdarz) — в голубом поле серебряный крест, на концах которого по черной лилии. В нашлемнике пять павлиньих перьев, а на них крест, подобный тотчас описанному (табл. XXIII, рис. 4). Самое название объясняет значение этого знамени, которого начало относят к половине XV столетия.

12. *Бойча* (Bojczya) — золотой тройной крест в голубом (иногда красном) поле. Поверх щита развеваются три страусовых пера (табл. XIX, рис. 7). В Польше герб этот встречается в конце XIV столетия. Ср. *Свенциц*.

13. *Бокей* (Bokiej) есть обращенная острием вправо серебряная секира в красном поле, поверх секиры виден золотой крест; на шлеме пять страусовых перьев (табл. XIX, рис. 8). Ср. *Топор*.

14. *Бонарова*, или *Гибрида* (Bonarowa, Hibrida) есть двойная лилия двух цветов: белого и черного, расположенная так, что правая, белая, ее половина в черном поле, а левая, черная, — в белом. Иногда в нашлемнике изображается воин, в полном вооружении, держащий на плечах два знамени (табл. XIX, рис. 9 и XXIII, 5). Эмблему эту объясняют тем, что родоначальник выезжей из Франции фамилии *Бонариев*, в войну Франции с Англиею и Шотландиею, отнял у врагов два знамени — черное и белое, которые красуются в нашлемнике и дали цвет щиту. В знак признательности за такую отвагу французский король усвоил Бонариям лилию, герб Франции, а в XIV в. фамилия эта перешла в Польшу, где и сообщила знамя свое другим родам. Ср. *Гоздава*.

15. *Боньча* (Bończya) есть в голубом поле бегущий вправо единорог, цвета белого. Верхняя его половина с передними ногами видна в нашлемнике (табл. XXIII, рис. 6). Родоначальник рода Боньчиев, *Мерж*, выехал из Италии в 996 г. и принял фамилию Боньча или по имени Бонифаций в сокращенном и испорченном виде, или за свои богатства (bona), или, наконец, потому, что прибыл в благоприятное время (bona, czas). В некоторых гербах единорог бывает пересечен золотым полумесяцем и в левой половине щита расположены, в виде треугольника, три золотые звезды (табл. XXIII, рис. 7). См. гербы Баташевых (V, 76); Веригиных (I, 71); Остафьевых (IX, 73); Романовских (V, 104); Стрекаловых (IV, 48); Тургеневых (IV, 53); Шуваловых.

16. *Братчиц, Окша* (Bratczyc, Oksza) состоит из двух секир, которых рукоятки скрещиваются, а острия обращены: одно на левую, а другое на правую стороны. Поле красное, на шлеме три страусовых пера (табл. XIX, рис. 10). Герб этот был дан королем Болеславом Кривоустым Богемскому роду Вершовичей (Werszowici), у которых прежде в гербе была *золотая верша* (Wiersza)⁶. Герб Пасынковых (IX, 50).

17. *Брог или Лещиц* (Bròg, Lezczyc) — в красном поле четыре серебряных столба (brożuny), покрытых золотою крышею, вроде сарая для хранения хлеба. Нашлемник из павлиньих перьев, на которых повторяется та же фигура в косвенном положении, крышею в правой стороне, а основанием столбов влево (табл. XIX, рис. 11). Это один из древнейших гербов: начало его относят к XI столетию.

18. *Бродзиц* (Brodzic) — в красном (иногда голубом) поле три золотые креста, выходящие из золотого кольца, два к верхним углам щита, а третий прямо вниз. На шлеме пять страусовых перьев (табл. XIX, рис. 12). Эмблема эта получила свое название вследствие пожалования ее в первый раз одному витязю из Мазовии, отличавшемуся своею бородою. См. герб Буниных (VII, 15).

19. *Брониц* (Bronic) носит изображение двух ефесов от богемских сабель, расположенных в красном поле, в виде Андреевского креста. Каждый из ефесов оканчивается с обеих сторон шариком, и, вместе сложенные, они образуют букву X (табл. XIX, рис. 13). Этот герб считают перешедшим из Богемии, что доказывает и форма ефесов. Другие объясняют пожалование этого знамени борьбою с богемцами и победою над ними. Ср. *Корсак*.

20. *Брохвич* (Brochwicz) — в белом поле красный олень, обращенный влево, с золотою на шее короною. Нашлемник из павлиньих перьев (табл. XIX, рис. 14). Эта эмблема в древности перенесена из Германии и в некоторых гербах подвергается следующим видоизменениям: олень бывает обращен вправо и без короны на шее, или изображается одна его передняя половина, выходящая в золотом поле из полумесяца, обращенного рогами к нижнему левому углу. Луна золотая, под нею золотая же звезда. На павлиньем нашлемнике видна золотая луна рогами вниз, под нею такая же звезда (табл. XXIII, рис. 8). Ср. гербы кн. Ростовских (I, 12; II, 7); Богдановых (VI, 56); Воейковых (II, 50); Вронских (VI, 142); Посевьевых (IV, 80); Теряевых (VII, 34).

⁶ *Korona Polska.*

21. *Бялыня* (Bialynia) — в голубом поле, в подкове, шипами вверх обращенной, золотой крест, над крестом стрела железком вверх. На шлеме пять страусовых перьев (табл. XIX, рис. 15). Фигуру, усвоенную этому гербу, объясняют тем, что в войну Владислава (Lokietka) в 1332 г. с магистром Прусского ордена, при осаде местечка Бялыня, одно из приближенных к королю лиц выдумало сделать и бросить в неприятельский лагерь стрелу с горючими веществами. Победа, через то одержанная, дала отличившемуся право на знамя, имя которого напоминает о месте отличия. Ср. *Ястржембец*.

22. *Будзич*. См. *Папарона*.

23. *Бэлты* (Belty) — три серебряных дротика или стрельных болта, положенные звездообразно в красном поле, средний из них железком вверх (табл. XIX, рис. 16). Герб этот считают в XI в. перенесенным из Моравии. Ср. *Элита*.

24. *Вага*, см. *Поцей*.

25. *Вадвич* (Wadwicz) состоит из щита, рассеченного на две половины: правой — цвета красного и левой — белого. В них с переменною цветов изображены две морские рыбы выгибом к краям щита в виде обороченной буквы С; на шлеме три страусовых пера (табл. XIX, рис. 17). Такой герб был пожалован королем Владиславом одному немцу, по фамилии Вадвич, за то, что он, несмотря на грозившую ему со стороны моря опасность, отлично совершил посольство в Данию.

26. *Вальдорф*, см. *Набрам*.

27. *Варня* (Warnia) — в белом поле рак красного цвета с расправленными клешнями. Над шлемом виден также до половины выходящий рак (табл. XXXIII, рис. 10). В XV столетии герб этот пожалован одному храброму мужу, по прозванию Рак, за подвиги его против турок при Варне. Герб Раковых (VI, 36).

28. *Венява*, или *Перштен* (Wieniawa, Perszten) — в золотом поле воловь голова цвета черного с рогами, загнутыми наподобие полумесяца. В ноздрях у вола продет круг или кольцо, сплетенное из древесных ветвей. Находящаяся в нашлемнике фигура изображается различно, но по большей части в виде выходящего до половины и обращенного вправо льва, с короною на голове и мечом в правой лапе (табл. XXIII, рис. 11). О начале этого герба нет положительных сведений. Полагают, что он привезен из Германии или Венгрии. Герб Чихачевых (IX, 55).

29. *Вирб*, см. *Радван*.

30. *Войня*, см. *Новина*.

31. *Вонж*, *Вонжик* (Wąż, Wążyk) — в красном поле извивающийся уж, головою обращенный вверх (табл. XIX, рис. 18).

Начало этого герба относят к 1306 г. и объясняют его название именем того, кому он был впервые пожалован. Это знамя допускает некоторые видоизменения, а именно: змей бывает иногда с короною на голове, яблоком во рту и с хвостом, до того искривленным, что образует цифру 8. В других гербах тот же коронованный змей держит во рту шар с крестом, в иных он глотает ребенка, и, наконец, есть гербы, в которых два ужа с высунутыми жалами стоят один против другого и, соприкасаясь хвостами, смотрят друга на друга. См. герб Козарского (Грб. X, 122).

32. *Вукры, Укры, или Хабе-эдиле* (Wukry, Uky, Chabeedile) — в красном поле три золотые реки или три бруса, из которых верхний — самый длинный, последующие же постепенно уменьшаются в виде лестницы; над ними два полумесяца того же цвета, обращенные один рогами вверх, другой рогами вниз, а между ними половина золотого же креста. На шлеме пять страусовых перьев (табл. XIX, рис. 19). Начало этого знамени в Венгрии, как показывает и самое его название. Герб Макшеевых (III, 98); Селецких (III, 108).

33. *Вержбна* (Wierzbna) — в разбитом надвое щите голубого цвета, в верхней и нижней половине по три белых лилии, расположенных рядом и притом так, что в нижней средняя лилия придвинута немного более крайних к подошве щита. В нащемнике столб, пробитый стрелою, летящую вверх от левой стороны к правой (табл. XXIII, рис. 12). Этот герб перенесен из Богемии, где употребляется многими родами. Ср. *Гозава*.

34. *Верушова* (Wieruszowa) — в белом поле козел, идущий влево; голова его и передние ноги до половины туловища черные, а задняя часть тела покрыта пересекающимися, наподобие шахматной доски, красными и белыми полосами. Над шлемом пять страусовых перьев (табл. XIX, рис. 20). Некоторые производят этот герб из Германии; самое его название показывает, что знамя это было усвоено людям, отличавшимся своею верностью, как полагают Длугош и Бельский.

35. *Габданк*, см. *Абданк*.

36. *Гейштор* (Gieysztor) — в красном поле Андреевский крест, образуемый, по объяснению одних, двумя загнутыми крюками, а по мнению других — двумя половинками распоротой вдоль стрелы, цвета белого, железком вверх; с обеих сторон этой фигуры по золотой звезде. Многие роды помещают внизу под этим гербом *Корчак*. Над шлемом три страусовых пера (табл. XIX, рис. 21).

37. *Геральт*, см. *Осморог*.

38. *Гербурт* (Herburt) — в красном поле три меча, пронзающие с трех сторон круг зеленого цвета в виде яблока. В нащлемнике три страусовых пера (табл. XIX, рис. 22). Ср. *Павенза*. Саксонский князь Гербурт прибыл в Венгрию и Моравию с войском Карла Великого, отсюда в 1378 г. потомки его Фридрих, Венцеслав и Николай Гербурты переселились в Польшу при Людовике, короле Польском и Венгерском. У нас см. герб Романчуковых (Грб. IV, 74).

39. *Гибрида*, см. *Бонарова*.

40. *Гинвил*, ср. *Корвин*.

41. *Гиппоцентавр*, *Довшпрун* (Hippocentaurus) есть геральдическая фигура, у которой голова, грудь и руки человечески, а остальные части туловища лошадиные. Вместо хвоста у лошади пасть дракона, которого поражает стрела, пущенная из лука руками самого же животного (табл. XIX, рис. 23). Гиппоцентавр был воспет поэтами Греции и Рима и перенесен из Италии лицами, бежавшими в Самогитию во время войны Цезаря с Помпеем. Старший из них был Довшпрунг, прибывший в Литву с Палемоном Либоном, родоначальником, как говорят, литовских князей. Оттого-то они первоначально и употребляли это знамя. Ср. гербы Галаганов (V, 120); Головиных (V, 31).

42. *Глаубич* (Glaubicz) — в голубом поле плывущая влево золотая рыба. На шлеме пять страусовых перьев (табл. XIX, рис. 24). См. герб Рокосовских (IV, 139).

43. *Глова-Баволя* (Glowa-Bawola) — в красном поле черная буйволова голова с такими же рогами. На шлеме три страусовых пера. Ср. *Венява*.

44. *Глинский* (Glinski) — в красном поле княжеский престол, над ним скипетр, которого рукоятка, имеющая вид креста, образует третью, среднюю ногу престола (табл. XIX, рис. 25). Такой герб принадлежал литовским князьям Глинским, имевшим удел в Северии. Ср. герб *Огинских*.

45. *Годземба* (Godziemba) — в красном поле зеленого цвета сосна с тремя на ней ветвями и пятью корнями, две ветви внизу ссечены. В нащлемнике вооруженный муж держит в руке ту же фигуру (табл. XXIII, рис. 13). Начало этого герба относят к XI столетию и изображение объясняют тем, что рыцарь Годземба в войне с моравами, веденной под предводительством краковского воеводы Сецеха, очень удачно защищался от врагов вырванною с корнем сосною.

46. *Гоздава*, *Гоздовита* (Gozdawa, Gozdowita) — в красном поле две белые лилии, связанные между собою золотым кольцом так, что одна из этих лилий обращена цветком вверх, а другая

вниз. Нашлемник из павлиньих перьев, на которых изображена та же фигура (табл. XXIII, рис. 14). Это знамя королем Владиславом-Германом было пожаловано в 1090 г. одному благородному воину Хрестину, от которого пошла фамилия Гоздов. Ср. *Кердея* и *Вержбна*. Герб Вязмитиновых (VI, 79); Васильевых (VII, 151); Глебовых (V, 27); Глебовых-Страшневых (VII, 9); Деденевых (II, 113); Захаровых (VIII, 339); Лодыженских (II, 49); Кн. Ромодановских-Лодыженских (IV, 5); Храповицких (II, 126, 127).

47. *Голобок* (Golobok) — в красном поле половина рыбы лосося. Та же фигура в нашлемнике между двумя трубами (табл. XXIII, рис. 15). Начало этого герба относится к 1109 г., времени войны короля Болеслава с поморянами, и дан воину Ратольду, предсказавшему победу по меткому поражению, нанесенному им в воде лосою.

48. *Головинский*, или *Костровец* (Holovinski, Kostroviec) — на двуножке с вогнутыми ножками (по объяснению Несецкого — это ворота, а Окольского — две горы) золотой крест, под ним полукруг в виде полумесяца с тупыми концами. На шлеме пять страусовых перьев (табл. XIX, рис. 26). Это знамя — русское. Большое с ним сходство имеет герб *Еловицких* (Jalovicki) и разнится тем только, что под крестом нет полукруга, а у подставки углы острые. По объяснению Окольского, это крепостные ворота белого цвета в красном поле.

49. *Горчинский*, см. *Сас*.

50. *Гошинский*, см. *Елита*.

51. *Граб* (Grabie) — в золотом поле на трех горах зеленого цвета белые грабли о семи зубцах. На шлеме пять страусовых перьев (табл. XIX, рис. 27). Это знамя перенесено из Богемии при Венцеславе, короле Польском и Богемском. В некоторых гербах, напр. *Ходзимирском*, трое граблей, сходясь ручками в кольцо, расходятся зубцами наподобие Y. Герб Добропольских (VIII, 140).

52. *Гриф*, *Свобода* (Grifh, Swoboda) изображается в виде животного белого цвета с орлиными головою и крыльями, а нижняя половина тела, задние лапы и хвост львиные. Положение этой фигуры в красном поле влево на задних ногах. В нашлемнике виден выходящий до половины гриф, пред ним с левой стороны труба (табл. XXIII, рис. 16). Родоначальником фамилий этого герба считают Яксу, сына короля Лешка III, жившего в X столетии и получившего в удел Сербию. Гербы: Бырдиных (V, 116); Вистицких (IV, 113); Колтовских (II, 23); Коробановых (II, 86); Лаптевых (VI, 7); Лопухиных

(III, 8; IV, 6); Лупандиных (II, 24); Нелединских-Мелецких (II, 53); Павловых (IX, 8); Тухачевских (VII, 10); Шимановских (VIII, 92).

53. *Гржымала* (Grzymala) — в золотом поле три кирпичного цвета башни. В открытых воротах средней башни вооруженный воин защищает вход. В нашлаемнике три башни на павлиньих перьях (табл. XXIII, рис. 17). Некоторые относят начало этого герба ко времени самого Леха I. См. гербы: Векентьевых (VI, 61); Засецких (IV, 37); Мишковых (VI, 76); Островских (III, 47); Чагиных (V, 60); Чернцовых (III, 103).

54. *Гульч* (Gulcz) — в голубом поле три золотые лилии, разделенные золотым стропилом острием вверх так, что две из них по бокам, а третья внутри его. На шлеме видна девица с отрубленными до плеч руками, и на голове у нее три веретена, обмотанные нитками (табл. XXIII, рис. 18). Герб этот принесен из Пруссии. В некоторых гербах стропило имеет обратное положение, т.е. острием вниз, так что одна лилия помещена вверх, а две внизу.

55. *Гурко* (Hurko) — в красном поле две круглые скобы, в виде полумесяцев, обращенные к правой и левой сторонам щита и соединенные двумя перекладинами, из которых верхняя прямая, а нижняя косая от права влево. На верхней перекладине поставлено острием вверх копьё. На шлеме три страусовых пера. Первоначально скобы имели вид загнутых на углах крюков (табл. XIX, рис. 28). Ср. герб *Ясенецкий-Война* общего с Гурко прозвания Ромейко⁷. Это герб рода *Гурко*.

56. *Гучи*, см. *Порай*.

57. *Дашкевич*, см. *Сас*.

58. *Дембич*, см. *Елита*.

59. *Денис* (Denis) — в голубом поле крест над шестиугольной звездой. Ср. гербы Владыкиных (VII, 126); Денисьевых (VII, 89).

60. *Деспот*, см. *Зенович*.

61. *Дзялоша* (Dzialosza) — в красном поле оленин рог серого цвета, с четырьмя ветвями с правой стороны и крыло коршунье с левой. В нашлаемнике три страусовых пера (табл. XIX, рис. 29). Начало этого герба относят к царствованию Болеслава Кривоустого.

62. *Довшпрунг*, см. *Гиппоцентавр*.

63. *Долива* (Doliwa) — три красные розы, состоящие каждая из четырех (иногда пяти) листьев, расположенные на узкой

⁷ *Korona Polska*. Vol. 2. P. 407.

белой перевязи, проведенной в голубом поле вправо. В нашлемнике между двумя трубами также три розы, расположенные вертикально одна под другой (табл. XXIII, рис. 18). Герб этот был пожалован одному витязю за отличие при крепости Ливе; роза же, как и всякий цветок в гербе воина, означает примирителя или избавителя от осады. См. герб Доливо-Добровольских (X, 151).

64. *Долэнга* (Dolęga) — в голубом поле серебряная подкова, обращенная шипами вниз; на передке ее золотой крест, а внутри подковы летящая вниз стрела. В нашлемнике видно ястребиное крыло, пробитое насквозь стрелой (табл. XXIII, рис. 20). Такой герб фамилия Долэнгов приобрела в войну Болеслава Кривоустого с Прусским орденом. Ср. *Незгода*. Гербы Бобровских (V, 81); Ковалевских (III, 102).

65. *Донброва* (Dąbrowa), *Муржа* (Murza) бывает двух видов: 1) в голубом поле серебряная подкова, отверстием обращенная вниз. На передке ее золотой крест. Такие же золотые кресты выходят из углов, образуемых шипами подковы. В нашлемнике коршунье крыло, пробитое стрелой влево (табл. XXIII, рис. 21). Такой герб пожалован Донброве в 1246 г. Конрадом Мазовецким за победу над врагами христианства; и 2) в красном поле белое копье с двумя на нем перекладинами, образующими осьмиконечный крест (табл. XIX, рис. 30). Эта фигура, поставленная на державе, называется *Окунь*⁸, на Абданке — *Столобот*⁹. См. гербы: кн. Сапег¹⁰; Ададуриных (II, 48); Кушелевых (II, 84); Лодыженских (II, 49); Ланских (IV, 64); Ромодановских-Лодыженских (IV, 5); Родзянки (VI, 141); Румянцовых (IX, 42); Фаминциных (II, 129).

66. *Донбровский* (Dąbrowski) — в красном поле девица в белой одежде с распущенными волосами и в золотой короне, трубящая в две золотые трубы на обе стороны. В нашлемнике видна подобная же выходящая дева между двух золотых труб, за которые она держится (табл. XXIII, рис. 22). Ср. герб Дубровских (V, 58).

67. *Донб* (Dąb) — дуб золотого цвета с корнями; на нем три желудя, средний выше боковых, и под ними два листа. На шлеме те же три желудя. Цвет поля красный (табл. XXIII, рис. 23). Герб этот принесен Прокопом Жолондзем из Пражиц. В наших гербах дуб употребляется часто, но имеет другую фигуру.

⁸ *Korona Polska*. Vol. 3. P. 430.

⁹ *Okolski S.* Op. cit. Vol. 3. P. 177.

¹⁰ *Временник* Моск. о-ва истории и древностей российских. Т. 19. Загл. лист к Лит. статуе. 1587 г.

68. *Држевица* (Drżewiza) — в голубом поле обращенный рогами вверх полумесяц, у которого сверху и снизу по шестиугольной золотой звезде. Над шлемом пять страусовых перьев. Ср. *Лелива* (табл. XX, рис. 1). О происхождении этого герба Папроцкий полагает, что такое знамя было пожаловано Лешком Черным воину Прокопу Држевице за принесенное им известие об избрании Лешка на престол. Другие же писатели объясняют название этого герба победою, одержанною при местечке Држевице в войну с Литвою. Герб Норовых (VII, 32 — с переменою); Философовых (V, 15).

69. *Дрогомир* (Drogomir) — в красном поле три ноги в броне и со шпорами. Они соединены бедрами и расходятся ступнями в виде треугольника (табл. XX, рис. 2). Эмблему эту относят к XI столетию и объясняют именем витязя Дрогомира, которому такой герб пожалован Болеславом Кривоустым. Ср. герб Куликовских (X, 112).

70. *Дрогослав* (Drogoslaw) — в красном (иногда голубом) поле половина серебряного кольца, положенного наподобие радуги, над ним летящая вверх стрела. Над шлемом пять страусовых перьев (табл. XX, рис. 3). Герб этот принесен из Силезии в XIII столетии.

71. *Дружина* (Druzyna) — в красном поле белого цвета река, текущая сверху вниз, с правой стороны в левую, по кривой линии. (От *Срженявы* эта эмблема отличается тем только, что над рекою нет креста). В нашлемнике виден выходящий лев между двумя трубами с бубенчиками (табл. XXIII, рис. 24). Ср. герб Левашевых (IV, 25).

72. *Друцк* (Druck) — в красном поле четыре золотых полумесяца, расположенных попарно так, что один из них в каждой паре имеет рога, обращенные вверх, а другой вниз. Посреди щита серебряный меч с эфесом наподобие креста, острием вниз (табл. XX, рис. 4). Этот герб принадлежит князьям Друцким-Соколинским (Грб. V, 4). Описанная фигура, если полумесяцы приложить к мечу, напоминает *Гоздаву*, которую и употребляют в гербе своем кн. Друцкие-Подберезские.

73. *Дрыя, Мутына* (Drya, Mutyna) — в красном поле, между двумя узкими полосами голубого цвета, перевязь вправо; на ней три четырехугольных камня, означенных золотом (табл. XX, рис. 5). Такой герб неким Мутыною принесен в XIII столетии из Богемии. Герб Кашенских (VI, 57).

74. *Дуличь* (Dulic) — половина кольца, обращенная отверстием вверх; в него водружен высокий четырехконечный крест; поле красное. На шлеме пять страусовых перьев (табл. XX, рис. 6).

75. *Дунин*, см. *Лабендзь*.

76. *Денбно* (Dębno) — чрез все красное поле белый крест; с левой стороны у его подножия *Абданк*. В нашлемнике буйволы рога, а между ними крест (табл. XXIII, рис. 25). Начало этого герба в половине XIII столетия.

77. *Езержа*, см. *Корвин*.

78. *Елита*, или *Козлероги* (Jelita, Kozlerogi) — в красном поле три золотых копыя, расположенных в виде звезды, среднее острием вниз, а боковые вверх. В нашлемнике — выходящий до половины козел, обращенный вправо (табл. XXIV, рис. 1). В 1331 г. этот герб был пожалован королем Владиславом одному воину Флориану Сариушу, имевшему в гербе козла, в награду за то, что король видел витязя пронзенным тремя копьями и не потерявшим мужества. В гербе *Дембич* копыя эти соединены древками внизу и повторяются в нашлемнике¹¹, а в гербе *Гошинский* (Goszynsky) три копыя обернуты вверх остриями, и два боковые упираются в среднее¹². На шлеме вооруженная мечом и согнутая в локте рука. Ср. гербы: Вельяминовых (II, 22); Воронцовых-Вельяминовых (V, 16); Гордеевых (VII, 61); Головинных (II, 104); Грибоедовых (IX, 17); Десятниных (VI, 88); Катениных (II, 59); Лихачевых (VI, 16); Мерлиных (III, 29); Романчуковых (IV, 74); Ступициных (II, 78); Шпаковских (VI, 127).

78. *Еловицкий*, см. *Головинский*.

79. *Жижемский* (Zyzemski) — обращенный в левую сторону лев на задних лапах, с высунутым языком и поднятым хвостом (табл. XX, рис. 7). Это, мы видели, герб города Львова; он принадлежал кн. Курбским и Жижемским как родам, выезжим из Руси.

80. *Житынян*, см. *Порай*.

81. *Забава* (Zabawa) состоит из рассеченного надвое щита, которого левая половина есть шахматная доска цветов красного и белого, а другая половина цвета голубого без фигур. На шлеме пять страусовых перьев (табл. XX, рис. 8). Происхождение этого герба относят к XI столетию и думают, что он перенесен из Силезии.

82. *Заглоба*, или *Загроба* (Zagloba, Zagroba) — в голубом поле золотая подкова, шипами обращенная вниз, а из середины ее чрез подкову проходит обнаженная шпага, так притом, что рукоятка ее, имеющая вид креста, остается внутри подковы,

¹¹ *Korona Polska*. Vol. 2. P. 24.

¹² *Ibid.* P. 291.

а лезвие выходит наружу. На шлеме видно пробитое влево стрелою крыло (табл. XXIV, рис. 2).

83. *Задора*, или *Пломеньчик* (Zadoga, Płomieńczyk) — в голубом поле львиная голова по гриву, а из открытой пасти выходит пламя. Та же львиная голова повторяется в нащлемнике (табл. XXIV, рис. 3). Начало этого герба полагается в X столетии, при Болеславе Кривоустом, которым знамя это было усвоено некоему Задоре.

84. *Заремба* (Zaremba) — в красном поле обращенный в правую сторону лев, выходящий до половины из-за белой стены, на которой видно четыре золотых камня (табл. XX, рис. 9). В XI столетии этот герб перенесен из Богемии. См. гербы: Батюшковых (IV, 92); Готовцевых (IX, 104); Елагиных (I, 46); Пикаловых (VIII, 77); Сухаревых (V, 111).

85. *Здзитовецкий*, см. *Наленч*.

86. *Зенбы* или *Три-Зенбы* (Zęby, Trzy-Zęby) — обращенные влево из десны выходящие зубы, числом три (табл. XX, рис. 10). Это герб многих благородных венгерских фамилий и, между прочим, принадлежит Баториям, отчего и помещался на груди польского орла при короле Стефане Батории. Грб. Бакуниных (V, 41), из того же дома.

87. *Зенович*, или *Деспот* (Zienowicz, Despoto) — половина кольца, отверстием обращенная вниз наподобие радуги, на вершине его крест; сидящий на шлеме ворон (*Слеповрон*) держит в клюве перстень с драгоценным камнем (табл. XXIV, рис. 4). Это герб молдавского деспота Зеновича, который, быв стесняем турками, прибыл в 1390 г. к Витовту Литовскому и поселился в его владениях. См. герб Зиновьевых (I, 49).

88. *Златоголеньчик*, см. *Новина*.

89. *Иваницкий*, см. *Пэля*.

90. *Ильговский* (Ilgowski) — на середине *Абданка*, положенного в красном поле, стоит копьё острием вверх, продетое чрез кольцо. На шлеме три страусовых пера (табл. XX, рис. 11). Ср. *Абданк*.

91. *Кантакузен* (Kantakuzen) — двуглавый орел, увенчанный двумя коронами. Начало его из Греции. Эту эмблему употребляли в Литве князья Ямонты-Подберезские, перешедшие из России, кн. Верейские и Воейки¹³.

92. *Кара*, см. *Пржияцель*.

93. *Карп* (Karp) — в голубом поле три шестиугольных звезды: две рядом, а третья внизу. На шлеме четыре страусовых

¹³ *Korona Polska*. Vol. 2. P. 477.

пера. См. гербы: Беклешовых (VI, 80); Куломзинных (VI, 43).

94. *Кердея* (Kierdeia) состоит из щита, рассеченного на две половины, из которых правая, цвета голубого, носит изображение трех белых лилий, одна под другою расположенных, а левая сторона щита красная. На шлеме три страусовых пера (табл. XX, рис. 12). Длугош повествует, что этот герб был пожалован в XIV в. Людвигом, королем Польским и Венгерским, одному витязю Кердею, отличившемуся при взятии замка Белза (Белжа). Геральдик же Окольский полагает, что Кердей, сын Таркевиза, князя Перекопского, служил сперва в Польше, потом долгое время во Франции и за заслуги на поле брани получил от королей Французских этот герб с тремя лилиями, который и был за ним утвержден королем Польским Людвигом. Таковы гербы Виельгорских, Дивовых (I, 51) и Чаплиных.

95. *Кетлич* (Kietlicz) бывает двух видов: 1) или составляется из трех гордиевых узлов, сделанных из золотой цепи и положенных наподобие буквы V (табл. XX, рис. 13); или 2) щит разделен косою линиею, наклоненною к левому нижнему углу, на две части, из которых нижняя меньше верхней. Нижняя половина рассечена косыми линиями на четыре поля, из которых первое черное, второе желтое, третье красное и четвертое белое. А в верхней большей части виден до половины выходящий буйвол, обращенный влево. Нашлемник состоит из петушиных перьев, у которых с обеих сторон по красной розе (табл. XXIV, рис. 5). См. гербы Валуевых (I, 38); Колокольцевых (I, 63); баронов Колокольцевых (VIII, 6).

96. *Кисель* (Kisiel, Swientoldycz) есть палатка белого цвета, открытая спереди. Над нею белого и черного цветов балдахин, имеющий на вершине золотой крестик. Вся фигура помещена в красном поле. Над шлемом три кирпичные башни, украшенные венцами: из них средняя выше крайних (табл. XXIV, рис. 6). Есть предание, отчасти и в нашу летопись внесенное, что в правление Владимира Мономаха¹⁴ воевода Свентольд Кисель в отсутствие великого князя умел спасти Киев от осаждавших его печенегов следующею хитростью: когда в Киеве сделался голод и осажденные стали приходить в отчаяние и упадать духом, Кисель велел вырыть две ямы, из которых в одну насыпал муки, а в другую налил воды и, подсластив ее медом, смешал, что и

¹⁴ Окольский (I, 387) относит это событие ко времени Владимира Святого; но это несогласие с хронологиею: по нашему Гербовнику, Кисель жил при Владимире Мономахе. См.: *Гербовник*. III 9.

образовало смесь вроде *киселя*. Киевляне, увидев, что земля их производит муку и мед и сама дает готовую пищу, ободрились и отбили неприятеля. Этот герб принадлежит у нас родам Киселевых (Грб. III, с. 9) и Брусиловых (VIII, 123). В Литве были известны Кисели-Брусиловские.

97. *Клямры* (Klamry) — в красном поле две серебряные скобы, положенные в виде Андреевского креста и в нижней половине сходящиеся наподобие щипцов. В нашлемнике — павлинские перья, на которых изображена *Гоздава* (табл. XXIV, рис. 7). Этот герб принят вместо Гоздовы Андреем Немирою при переселении его в Русь. Герб Гольнских (X, 30). Андреевские кресты в гербах наших не редки, но не всегда сохраняют они первоначальную фигуру эмблемы *Клямр*.

98. *Кмита* (Kmita) — в красном поле две военных хоругви, или двое крепостных ворот, белого цвета, расположенных одни над другими. Над шлемом видно пять страусовых перьев. Такое знамя было пожаловано князьями Подолии некоему Вороне, от которого происшедший род Вороновичей переселился впоследствии в Литву, где сохранил свой герб. По прозванию одного члена этого дома *Кмитом*, его имя было оставлено и за гербом, усвоенным этому роду.

99. *Князь*, см. *Курч*.

100. *Ковня* (Kownia) — в красном поле три меча, рукоятками обращенные вверх, а внизу сходящиеся остриями под углом (табл. XX, рис. 14). В наших гербах бывают иногда соединены три стрелы остриями вместе. См. гербы: Валуевых (I, 38); Воропановых (VI, 98); Меркуловых (IX, 30); Мозыринных (VIII, 87). Ср. также *Козел*.

101. *Козека, Скржыжлук* (Kozieka, Zkrzyzluk) — лук с тетивою, обращенною вверх; на тетиве золотой крест (табл. XX, рис. 15). Род, этот герб употреблявший, из Волыни.

102. *Козел-Савич-Ясенецкий* (Koziel-Sawicz-Jasieniecki) — в красном поле полкруга отверстием вниз в виде полумесяца, а на вершине его по середине и концам три выходящих остриями вверх стрелы (табл. XX, рис. 16). Родоначальник этого герба вышел из Северии в Литву.

103. *Козлероги*, см. *Елита*.

104. *Колодын* (Kolodyn) — в белом поле означенная черным цветом буква А под стропилом, или крыша, под которою стропила, соединенные поперечиною (табл. XX, рис. 17). Род кн. Колодынских происходит из Волыни. См. гербы кн. Бабичевых (V, 5); Путятинных (I, 64).

105. *Колонтай* (Kolontay) — фигура, имеющая вид буквы Т,

составленная из трех треугольников, двух сверху вершинами вниз, и третьего, служащего основанием колонны. На шлеме три страусовых пера (табл. XX, рис. 18). В 1500 г. фамилия Колонтаев переселилась из Смоленского княжества в Литву. См. герб Голенковских (VIII, 128).

106. *Колюмна*, см. *Першхала*.

107. *Коньчиц* (Konczyc) — семь страусовых перьев, положенных рядом так, что основанием для них служит обращенный рогами вверх полумесяц. Этот древний герб принесен из Богемии и был употребляем фамилиею Мнишек, которая владела имением *Коньчиц*.

108. *Копасына* (Kopasyna) состоит из двух рек, означенных серебром в красном поле. Одна из них изливается вправо, другая влево. Между ними водружен меч, рукоятью вверх. На шлеме три страусовых пера (табл. XX, рис. 19). Начало этого герба относится ко времени Болеслава Храброго: он усвоен одному витязю *Копасын* в память одержанной у двух рек над неприятелем победы. Ср. *Дружина*.

109. *Кораб* (Korab) представляет в красном поле корабль цвета золотого, изображенный в разрез и имеющий на корме и на носу по львиной голове. На середине корабля возвышается мачта наподобие башни. Та же фигура в нашлемнике (табл. XXIV, рис. 8). Гербом этим пользовались, по показанию польских историков и геральдиков, Нептун и его сыновья, и затем он перешел к Листригону, владельцу Италии. В Польше упоминается род *Корабиев* в первый раз в 1120 г. Несецкий же (Kogona Polska. Vol. 11. P. 601) говорит, что этот герб произошел от Сарматов-Вандалов, когда они в V в., подплывши к Франции на кораблях, под предводительством короля Крока, или Крака, опустошили эту страну. Ср. гербы *Коробок* (V, 124); *Лобановых* (VII, 120); *Лобод* (VII, 111), *Торсуковых* (V, 74); *Чертковых* (I, 73).

110. *Корвин* (Korwin, Corvus) — в красном поле черный ворон, стоящий на отрубе с четырьмя суками, двумя сверху и двумя снизу. У птицы во рту золотой перстень с драгоценным камнем. На шлеме три страусовых пера (табл. XX, рис. 20). Герб этот производят от Валерия Мессалы Корвина, которым во времена императора Тиверия была завоевана Венгрия, а вместе с нею Валахия, по его имени прозванная Валериею. Из этого рода были венгерские короли Гуниады-Корвины Иоанн и Матвей. Ср. гербы: *Бартлинский*, *Гинвиль*, *Езержа*, *Зеновичь*, *Косак* (Корвин на Корчаке), *Кржычевский*, *Слеповрон*, *Чарлинский*, и у нас: гербы *Башуцких* (VIII, 131); *Бутурлиных* (II, 29);

Вороновых (IX, 105); Карачинских (IV, 128); Неклюдовых (III, 11).

111. *Коржбок* (Korżbok) — в белом поле три золотые карпии, плывущие влево; на шлеме пять страусовых перьев (табл. XX, рис. 21). Начало этого герба из Силезии. См. герб Ланских (IV, 64).

112. *Корибут* (Koributh) — в красном поле золотой полумесяц, рогами обращенный вниз. Под ним золотая шестиугольная звезда, а над полумесяцем крест с перекрещенными концами (табл. XX, рис. 21). Знамя это употреблял сын Ольгерда Гедиминовича Корибут, и от него герб этот перешел к его потомкам: князьям Збаражским, Вишневецким, Воронежским и Порыцким. Ср. *Пялля* и гербы кн. Куракиных (I, 3); Дашковых (I, 10).

113. *Корниц, Благослав-Господи* (Kornic, Błogosław-Hospody) — в красном поле на трех каменных ступенях серого цвета белый крест св. Антония наподобие латинской буквы T, на концах которой по круглому хлебу. На шлеме пять страусовых перьев (табл. XX, рис. 23). Этот герб ведет свое начало от русских князей.

114. *Корсак* (Korsak), по объяснению одних, состоит из двух лилий цвета черного, соположенных основаниями в поле белом, а по мнению других, из двух положенных в Андреевский крест рукояток сабель, или из двух якорей, или, наконец, датских алебард (табл. XX, рис. 24). Род Корсаков очень древен в Литве. У нас см. грб. Корсаковых (I, 83); Дундуковых-Корсаковых (X, 133) и Римских-Корсаковых (II, 52).

115. *Корчак* (Korczak) бывает двух видов, а именно *первый*: есть золотая чаша, из которой выходит в красном поле смотрящая влево собака с пригнутыми передними лапами; на шлемнике из павлиньих перьев, на которых изображены три серебряные балки или три бруска так притом, что самый длинный из них представлен сверху, средний короче первого и нижний самый короткий; во *втором* же виде описанные эмблемы переменяют свое место, т.е. три белые балки помещаются в красном поле щита, а собака на шлеме (табл. XXIV, рис. 9). Герб этот принадлежал сперва князьям Славонии, из нее перешел в Венгрию и отсюда в XIII столетии в Польшу. Эмблема *Корчак* была в гербе многих богемских князей. Ср. *Вукры* или *Укры*, *Корниц*, *Косак*, *Масальских*, *Рох* (вид третий, лилия на *Корчаке*), *Рубеж* и *Трах*. Ср. гербы Алябьевых (II, 70); Баратынских (IV, 116); Вязмитиновых (VI, 79); Илличевских; Ильинских (VI, 138); Корсаковых (I, 83); Дундуковых-Корсаковых (IX, 133) и Римских Корсаковых (II, 52); Котлубицких (V, 132); Отяевых (II, 36);

Селицких (III, 108); Хвостовых (II, 35); Ходыревых (IX, 66); Шафровых (IX, 11).

116. *Корызна* (Koruzna) – в красном поле серебряный крест, обернутый вверх основанием, чрез которое проходит острием вправо стрела (табл. XXI, рис. 25). Герб этот из Самогитии.

117. *Косак*, см. *Корвин*.

118. *Костровец*, см. *Головинский*.

119. *Кос* (Kos) – три белые перевязи вправо, в красном поле. Начало герба из Пруссии. См. герб Кусаковых (VI, 90).

120. *Косы* (Kosy) – в красном поле две серебряные косы, положенные накрест остриями вниз. На шлеме пять страусовых перьев (табл. XX, рис. 26). См. герб *Прус*.

121. *Косцеша*, *Стржегоня* (Koscieszka, Ztrzegonia) – копье или стрела белого цвета с раздвоенным основанием, а повыше его перекладина ефеса от шпаги, так что вся фигура имеет вид креста под крышею или якоря с рукояткою вниз (табл. XX, рис. 27). Название свое получила эта эмблема от витязя Косцеша, который в 1072 г. храбро оборонялся против врагов в присутствии короля Болеслава Смелого. Когда кончилась битва и польское войско стало сносить добычу, тогда приступил и Косцеша. Держа промеж ног копье, он открыл голову и, показывая на ней огромные раны и переломленный меч, сказал: "В этом и состоит вся моя добыча". В память такого подвига дана Косцеше в герб описанная фигура, которая принята многими знатными фамилиями. См. герб Валкевичевых (VII, 110).

122. *Котвич* (Kotwicz) – в белом поле красный пояс. В нащлемнике видна закованная в латы рука с обнаженным мечом. Герб этот в XIII столетии перенесен из Австрии, где его употребляют австрийские эрцгерцоги.

123. *Кот морской* (Kot, Cattus marinus) – в красном поле кот белого или серого цвета, с золотою на животе повязкою. Он представляется сидящим на задних лапах с поджатым хвостом. На шлеме три страусовых пера (табл. XX, рис. 28). Это древний герб, о начале которого не сохранилось, однако, положительных сведений.

124. *Кржычевский*, см. *Корвин*.

125. *Кржывда* (Krzzywda) – в голубом поле обращенная шипами вниз серебряная подкова; внутри ее виден крест; он же представлен и на вершине подковы, но без одного конца (табл. XX, рис. 29). Началом этой эмблемы считают герб *Любичь*, от которого *Кржывда* отличается только недостающим у верхнего креста концом, что объясняется, по мнению польских геральдиков, преступлением, совершенным кем-то из имевших

этот герб, как показывает и самое название сего знамени. Герб этот видим у многих знатных польских фамилий, таков герб гр. Ржевуских.

126. *Кроие* (Kroie) — в красном поле три серебряных искривленных ножа без рукояток (или сошника), расположенных так, что толстыми концами они сходятся к центру, а остриями расходятся в виде звезды. Нашлемник из павлиньих перьев (табл. XX, рис. 30). Знамя это считается одним из древнейших в Польше. Ср.: *Роля*.

127. *Кроква* (Krokwa) состоит из обернутых вершиною книзу двух соединенных между собою стропил, употребляемых при постройке домов, с стоящим на них военным знаком. Поле цвета голубого, а стропила — серебряного (табл. XXI, рис. 1).

128. *Кроковский* (Krokowski) — в красном поле черный охотничий рог, на двух птичьих ногах; концы его соединяет шнур, связанный наподобие 8. На шлеме две сложенные руки (табл. XXI, рис. 2). Владельцы этого герба, Кроковские, происходят от князей Померанских, владевших в XIII столетии Кроковым, близ Данцига.

129. *Крок* (Krok) — в голубом поле три полумесяца рядом, обращенные рогами в правую сторону. Эмблема эта принесена из Италии. Ср. герб Куломзиных (VI, 43).

130. *Крошинский* (Kroszyński) — в красном поле ворота, с сторожевою башнею о трех зубцах (табл. XXI, рис. 3). Род Крошинских пошел от князя Вигунда, сына князя Кейстута Гедиминовича; он имел владения в Смоленском княжестве и в начале XVI столетия переселился в Литву.

131. *Круневич* (Kruniewicz) — между двумя полумесяцами, из которых один обращен рогами вверх, а другой вниз, поставлен греческий крест. На шлеме три страусовых пера (табл. XXI, рис. 4). Род Круневичей переселился в Литву из Киевского воеводства.

132. *Курч* (Kurcz), или *Князь* (Kniaź) есть фигура вроде латинской буквы игрек (Y), перекрещенная в середине, а основанием своим упирающаяся в скобу с загнутыми концами; справа от этой эмблемы помещается шестиугольная звезда, а слева полумесяц (табл. XXI, рис. 5). Это — знамя князей Кориатовичей-Курцевичей, происшедших от Гедимины.

133. *Кур* (Kur) — в красном поле обращенный вправо белый петух. Ср. герб Ростопчиных (IV, 12).

134. *Кушаба* (Kuszaba), *Папржица* (Paprzysa) — в белом поле серый жерновный камень, с железным по середине болтом, на котором он обращается. В нашлемнике восемь собачьих голов,

из которых четыре повыше и четыре пониже. Из первых две обращены влево и две вправо, а из нижних три влево и одна вправо (табл. XXIV, рис. 10). Герб этот перешел из Богемии и Австрии.

135. *Лабендзь*, или *Дунин* (Labędź, Dunin) — в красном поле белый лебедь, у которого клюв и ноги означены золотом. В нашлаемнике повторяется та же фигура (табл. XXIV, рис. 11). Эмблема эта, полагают, перешла в Польшу из Дании, в правление короля Болеслава Кривоустого в 1124 г. См. гербы Дуниных (VII, 168); Дуниных-Борковских (IX, 9); Марченков (VI, 140); Пановых (IX, 95); Паренаго (VIII, 38); Плетневых; Шемиотов (X, 20); Шестаковых (III, 65); Урбановичев (IX, 132).

136. *Лада* (Lada) — в красном (иногда голубом) поле серебряная подкова, шипами обращенная вниз; на вершине ее золотой крест; с правой от нее стороны летящая вверх стрела, а с левой орудие в роде вил, употребляемых охотниками. В нашлаемнике изображается выходящий до половины коронованный лев вправо, держащий в лапе меч (табл. XXIV, рис. 12). Польские историки относят начало этого герба: одни — к XIII в. и объясняют название именем его владельца, другие — к началу XIV столетия и полагают, что название это усвоено ему по месту, которое принадлежало лицу, ознаменовавшему себя в войне с ятвягами. См. герб Лыкошиных (IV, 117).

137. *Лариса* (Laryssa) — в белом поле два сошника, положенные рядом концами вверх, а остриями влево и вправо (табл. XXI, рис. 6). Название герба объясняют дарованием его переселенцам из Лариссы, города Фессалии, а помещение в нем сошников — тем, что лица эти прежде не занимались земледелием.

138. *Леварт* (Lewart) — в голубом поле обращенный вправо стоящий на задних лапах леопард, с высунутым языком и поднятыми передними лапами; на голове у него корона. Та же фигура и на шлеме. Эмблема эта перешла в Польшу из Германии в половине XII столетия при Казимире Справедливом.

139. *Лелива* (Leliwa) состоит из положенных в голубом поле шестиугольной звезды, цвета золотого, и под нею золотого же полумесяца, рогами обращенного вверх. Нашлемник из павлиньих перьев, на которых повторяется та же фигура (табл. XXIV, рис. 13). Это знамя, общее многим славянским племенам, есть вместе и герб Иллирии¹⁵. Польские геральдики утверждают, что Леливу принес с собою в XI столетии с берегов Рейна некто

¹⁵ Раич Й. История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов... Вена, 1794. Ч. 2. Заглавный лист.

Тицимир, который, основав в Польше город и породнившись с польскими фамилиями, сообщил им свой герб. Ср. гербы кн. Белозерских; Адамовичей (VI, 94); Бутримовых (VIII, 24); Бырдиных (V, 116); Бычковых (VIII, 127); Вадовских (IX, 52); Веневитиновых (IV, 87); Дундуковых-Корсаковых (IX, 133); Кологривовых (IV, 23); Лашкевичей (VII, 161); Левшиных (III, 24); Ледицких (VI, 48); Леонтьевых (IV, 30); Лосевых (III, 99); Новиковых (IV, 95); Романчуковых (IV, 74); Сенявиных (II, 67); Таракановых (IX, 65); Тарновских (VI, 136); Тарховых (VI, 29); Тырковых (V, 68); Шубиных (IV, 81); Ярославовых (IX, 15) и др.

140. *Лешиц*, см. *Брог*.

141. *Лзава* (Lzawa) состоит из двух подков, шипами обращенных в правую и левую стороны, а вершинами к поставленному между ними мечу. Поле щита голубое (табл. XXI, рис. 7). Недостатком третьей подковы, которой был лишен один воин за то, что заснул на страже и тем дал неприятелю возможность одержать победу, отличается этот герб от *Белины*.

142. *Лимонт* (Limont) — в красном поле меч рукояткою вверх, острием он упирается в шар (земной), слева и справа от него еще по шару. На шлеме между двумя страусовыми перьями виден меч острием вверх (табл. XXI, рис. 8).

143. *Лис* (Lis), *Мзура* (Mzura) есть серебряное копьё или белая стрела, положенная в красном поле и перекрещенная двумя белыми перекладинами наподобие секир. На шлеме видна до половины выходящая лисица, обращенная влево (табл. XXIV, рис. 14). Благородному мужу, имевшему в гербе своем лисицу (оттого и название эмблемы lis), Казимир Справедливый после победы, одержанной над ятвягами на реке Мзуре в 1058 г., даровал новый знак его отваги — копьё, в память того, что он с малым отрядом, окруженный неприятелем, дал сигнал копьём, брошенным вверх с зажженною серою, и тем спас себя и войско от гибели. Знамя это есть в гербе *Санег*; из русских родов: у Комовских (с переменою — грб. V, 90); Лисянских (X, 114); Хомутовых (VII, 117).

144. *Лодзя* (Lodzja) — в красном поле золотая барка, сколоченная из четырех досок, из которых в каждой по три гвоздя. Та же фигура повторяется и в нашлемнике на страусовых перьях (табл. XXIV, рис. 15). Изображения кораблей употреблялись в знаках греками и римлянами, и впервые перешло это знамя в Польшу в 969 г., где и употребляется фамилиею Лодзиев. Ср. гербы Березиных (II, 20); Бородавициных (III, 52).

145. *Лопот* (Lopot) — в красном поле две рукоятки от сабель,

расположенные в виде Андреевского креста. Над шлемом три страусовых пера (табл. XXI, рис. 9). Герб этот происхождения литовского.

146. *Лук* (Luk) – в красном поле натянутый лук со стрелой, летящей вверх. Гербы Венгерских (VII, 53); Голенищевых (VIII, 119); Пискаревых (VI, 144); Хрипуновых (VIII, 135); Чесноковых (IX, 122).

147. *Любич* (Lubicz) – в голубом поле серебряная подкова, шипами обращенная вниз; внутри ее золотой крест, который повторяется и на вершине. Есть роды герба *Любич*, которые удерживают один только крест. В нашлемнике три страусовых пера (табл. XXI, рис. 10). Начало этого герба относят к XII столетию, и к нему приписано в Польше всего более родов. У нас см. гербы: Байковых (II, 124); Бакуринских (IX, 26); Батюшковых (IV, 93); Бахтиных (II, 95); Воронца (IV, 114); Грушецких (II, 85); Жуковых (VI, 25); Лавровых (V, 87); Олешевых (II, 112); Палибиных (IV, 104); Стальпиных (X, 31); Ходневых (IV, 91); Хомяковых (VI, 22); Хрущовых (II, 111); Чемодуровых (X, 116) и др.

148. *Любева*, см. *Тржаска*.

149. *Ляцкий* (Lacki), по описанию Несецкого (Korona Polska. III, 6), – в красном поле обращенный вправо белый гриф с змеиным хвостом, цвета черного, покрытым чешуей и завернутым наподобие 8; на конце хвоста острие стрелы, обернутой к кресту, находящемуся между головою и крыльями животного (табл. XXI, рис. 11). У Окольского (II, 17) гербом Ляцких показан просто гриф, обращенный влево. Род Ляцких, одного корня с Шереметьевыми, перешел в Польшу, почему и получил это прозвание. Ср. *Трах*.

150. *Машковский* (Maszkowski) – солнце в полном сиянии (табл. XVI). Это герб древнего Подольского воеводства. Гербы Мазаракиев (VIII, 129); Херасковых (II, 134); Щербачевых (II, 97); Беклемишевых (IV, 36); Борозднов (IX, 57).

151. *Микулинский* (Mikuliński) – в голубом поле одна на другую положенные три буквы М, означенные золотом или серебром, а на верхней из них водружен крест. На шлеме пять страусовых перьев (табл. XXI, рис. 12). Ср. герб Масальский. Описанное знамя принадлежало русским князьям Микулинским, бывшим в Литве. Ср.: герб Микулиных (VII, 40).

152. *Могила* (Mohyla) есть в белом поле черная буйволова голова, держащая во рту кольцо с двумя внутри его саблями, которых концы перекрещены. Между рогов животного видна шестиугольная звезда, с правой стороны головы черная луна,

а с левой иногда прибавляется солнце (табл. XXI, рис. 13). Герб этот перешел в Польшу из Молдавии, где принадлежал роду правителей этой страны, пока она не подпала под власть Турции. В знак турецкого господства и была прибавлена луна к основному типу. В Польше род Могиллов пользовался большим почетом и большими государственными преимуществами. У нас это знамя принадлежит родам, выехавшим из Молдавии (см. ниже).

153. *Мондростки* (Mądrostki) — в красном поле медная ручка от котла, отверстием обращенная вверх, и в нее вставлена стрела с широким наконечником (вроде стропила), перекрещенная ефесом от шпаги; на шлеме три страусовых пера (табл. XXI, рис. 14). Ср. *Новина*, *Невлин*.

154. *Мора* (Mora) — в красном поле человечья голова, цвета черного, лицом обращенная вправо. На голове у него белая повязка. В Польше герб этот употребляется с половины XI столетия.

155. *Мцишевский*, см. *Сас*.

156. *Мурделио* (Murdelio) — в красном поле полумесяц, цвета золотого, рогами обращенный вверх. Над ним золотой же крест, а под луною шестиугольная звезда. В нашлемнике стоит до половины выходящий гриф с расправленными когтями, поднятыми крыльями и высунутым языком (табл. XXI, рис. 15). Ср. *Шелига*. Родом Мурделиев был герб этот перенесен из Кроации в правление Владислава, короля Польского и Венгерского.

157. *Муржа*, см. *Домброва*.

158. *Месяц-Затаенный* (Miesiąc zataiony) — в голубом поле серебряная подкова, шипами обращенная вверх, в середине ее золотая звезда, а над нею полумесяц, рогами обращенный вверх. Ср. герб Хотяинцовых (IV, 34).

159. *Набрам*, *Вальдорф* (Nabram, Waldorff) — три полосы черных с тремя белыми попеременно, по рассекающей линии. На шлеме три страусовых пера. Ср. гербы *Корчак*; *Соколовых* (VII, 121); *Черкасовых* (VII, 106).

160. *Наленч* (Nalecz) — в красном поле белая головная повязка, образующая концами своими Андреевский крест; над шлемом видны два оленьих рога, между которыми три страусовых пера, пробитых стрелою (табл. XXIV, рис. 16). Герб этот принадлежал первоначально потомству польского князя Попеля, которое переселилось в Померанию и называлось герцогами Столпенскими. У некоторых родов герб этот отличается тем, что между оленьими рогами в нашлемнике стоит девица с повязкою на голове и держит рога руками. Это герб гр. *Остророгов*. Наленч, положенный вверх концами, по середине со звездой и

со крестом на вершине образует герб *Здзитовецкий*¹⁶. Гербы Вадковских (V, 125); Подольских (VIII, 89); Рачинских (VI, 107); Тихоцких (V, 128).

161. *Настенн*, см. *Рудница*.

162. *Невлин* (Newlin) — в голубом поле летящая вверх золотая стрела с положенным поперек ее в виде креста брусом с концами как у бердыша; с обеих ее сторон по шестиугольной звезде. Шлем увенчан золотой короной, над которой черное крыло, пробитое стрелой вправо (табл. XXIV, рис. 17). Герб этот упоминается в XVI столетии.

163. *Нечуя*, или *Остржев* (Nieczuja, Ostrzew) — в красном поле срубленный пень с пятью сучьями: с правой стороны тремя, а с левой двумя. К этой фигуре Болеслав Кривоустый прибавил крест, который стоит на отрубке. Та же фигура и в нашлемнике между двумя орлиными крыльями (табл. XXIV, рис. 18). Этот герб перенесен из Богемии.

164. *Новина*, *Войня*, *Златоголенчик* (Nowina, Woinia, Zlotogolenczyk) — в голубом поле лодка (pawa, navis), или, по объяснению других, ручка от котла, цвета белого, изгибом вниз, с воткнутым в середину ее серебряным с золотой рукояткою мечом; над шлемом и короною видна согнутая в колене нога в латах и со шпорою, ступнею обращенная влево (табл. XXIV, рис. 19). Повествуют, что в 1121 г. герб этот пожалован королем Болеславом Кривоустым одному ротмистру (отец которого был медником) за то, что в войне с русскими он вместо раненой под королем лошади с опасностью жизни достал ему новую. Затем, когда он попал в плен и был закован в одну с Болеславом колоду, он, чтобы развязать узы, не пожалел своей ноги, отсек ее себе и таким образом освободил короля. Этими событиями объясняют разные названия Новины. Гербы Поздеевых (IV, 52); Шупинских (IV, 132).

165. *Новицкий* (Nowicki) или *Осеки* (Oseki) — в голубом поле три крюка, сложенных в виде буквы Y; у верхних крюков острие вправо, а у нижнего влево. Между крюками три серебряных шестиугольных звезды. Та же фигура и в нашлемнике из трех страусовых перьев (табл. XXIV, рис. 20). Герб Новицких (X, 97).

166. *Новосель* (Nowosiel) — в красном поле белая повязка, положенная в кружок, с скрещенными концами (см. *Наленч*); над нею положена стрела, острием вверх (табл. XXI, рис. 16). Герб этот употреблялся на Волини. Герб Новосильцовых (VIII, 11).

¹⁶ *Korona Polska*. Vol. 4. P. 723.

167. *Незгода* (Nieżgoda) — в голубом поле подкова, обращенная шипами к подошве щита; под нею стрела, летящая вниз, а на подкову по середине ее положен меч рукоятью вправо, острием влево. Нашлемник из павлиньих перьев (табл. XXI, рис. 17). Ср. *Доленга*.

168. *Несобе* (Niesobie) — в красном поле половина серебряной стрелы острием вверх, под нею черный орлиный хвост в золотом поле (табл. XXI, рис. 18). Герб этот из Моравии.

169. *Оброна*, см. *Пржияцель*.

170. *Огинский* (Ogiński) — в голубом поле крепостные ворота или престол, цвета красного; над ним крест или скипетр серебряный (табл. XXI, рис. 19). Полный герб кн. Огинских (табл. XXI, рис. 28) мы заимствуем с грамматики Мелетия Смотрицкого, 1619 г.

171. *Огоньчик*, *Повала* (Ogończyk, Powala) — в красном поле половина летящей вверх серебряной стрелы (или якоря), воткнутой в половину кольца в виде радуги, золотого (иногда серебряного) цвета. Над короною воздеты к небу две женские по плечо руки (табл. XXVI, рис. 21). Герб этот перешел в Польшу из Моравии, и начало его, равно как название и фигура, объясняется так: около 1100 г., во время неприятельского нашествия на Моравию, была окружена в своем доме и взята в плен благородная девица герба Одровонж. От несчастья ее спас Петр Радзиков в то время, как она, простерши руки к небу, молила о помощи. В награду за подвиг, девица, дав своему избавителю половину кольца, обещала выйти за него замуж, что действительно и исполнила. Сын Петра Радзикова назывался *Огонь*, отчего и герб его стал именоваться *огоньчиком*. Из огоньчика и положенной под ним леливы составлен герб кн. Острожских¹⁷. Огоньчик есть в гербе Извольских (IX, 18); Огонь-Догоновских (IV, 122); Скрыплевых (VIII, 59).

172. *Одровонж* (Odrówiąz) — в красном поле серебряная стрела, вылетающая из лука с оторванною тетивою. (В некоторых гербах она вылетает из подковы). Та же фигура вкось видна и на павлиньих перьях в нашлемнике (табл. XXIV, рис. 22). Герб этот в X столетии перенесен из Моравии. См. гербы Гасвицких (VII, 112); Дурасовых (VI, 18); Шипневских (IX, 79).

173. *Одынец* (Odyniec) — в голубом поле серебряная стрела, летящая вверх. Нижний конец у нее заломан вправо, а в середине она перекрещена брусом или ефесом от шпаги. На шлеме поставлено пять страусовых перьев. Название этого знамени,

¹⁷ *Korona Polska*. Vol. 3. P. 509.

употреблявшегося издавна в Червонной Руси, объясняется пожалованием его витязю, отличавшемуся телесною силою до того, что он *один* выходил на бой с врагами. См. гербы Березовских (V, 110); Одинцовых (II, 100).

174. *Окунь*, см. *Донброва*.

175. *Окша*, см. *Братчиц*.

176. *Олива* (Oliwa) — в зеленом поле белая, вырванная с корнем лилия, над нею две розы. Над шлемом обращенный вправо коронованный лев (табл. XXIV, рис. 23). Герб этот в XIII в. перенесен из Пруссии. См. герб Воронцовых (I, 28).

177. *Ольшевский* (Olszewski) — между двумя скобами сабля, обращенная остроконечием вверх и положенная так, что вся фигура, вместе взятая, образует букву N. Герб Олешевых (II, 112).

178. *Орда*, см. *Остоя*.

179. *Орля*, см. *Шашор*.

180. *Осория*, *Старжа*, *Посвист* (Osoria, Starza, Poswist) — в красном поле золотое от телеги колесо; сверху на нем сломан обод и в том месте водружен крест или меч; на шлеме три страусовых пера (табл. XXI, рис. 21). Древность этого знамени доказывается самым его названием *Старжа*. См. герб Баклановских (III, 36).

181. *Осморог*, *Геральт* (Osmorog, Gieralt) есть в красном поле серебряный крест с раздвоенными концами, так что он об осьми углах, а в разделении концов положено по шару. Над короною сидит тетерев, как бы собирающийся лететь (табл. XXIV, рис. 24). Название этого герба — крест об осьми концах (osmorog) — объясняется тем, что воин, по имени Геральт, имевший первоначально в гербе своем птицу, в возмездие за проповедь христианства язычникам пожалован от Папы крестом; а первоначальный его герб помещен в нашлемнике.

182. *Остоя* (Ostoia) — в красном поле два золотых полумесяца, обращенных рогами один влево, другой вправо; между ними меч, которого ручка имеет вид креста. Над шлемом три страусовых пера (табл. XXI, рис. 22). Герб этот в 1069 г. королем Болеславом Смелым пожалован одному витязю *Остое* за его мужество. Когда вместо меча сверху и снизу полумесяцев полагается по звезде, то герб называется *Орда*¹⁸. См. гербы Алеевых (VII, 31); Батюшковых (IV, 92); Безбородко (I, 29; II, 12); Богаевских (X, 111); Домогацких (X, 69); Кочубеев (IV, 13); Лупиных (IV, 49); Миклашевских (III, 105); Пашковых (VII,

¹⁸ *Korona Polska*. Vol. 3. P. 478.

20); Сафоновых (III, 92); Шешковских (I, 115); Шишкиных (III, 43); Шишковых (III, 75).

183. *Остржев*, см. *Нечуя*.

184. *Осеки*, см. *Новицкий*.

185. *Папарона*, *Будзич* (Paragona, Budzicz) — белый лебедь, сидящий на глыбе зеленой земли в голубом поле; на шлеме пять страусовых перьев (табл. XXI, рис. 23). Начало этой эмблемы восходит, как говорят, до капитолийских гусей; спасших Рим во время осады его галлами. В XIV столетии этот герб принесен в Польшу итальянцем Мамфиолем и сообщен многим фамилиям (Ср. *Лабендзь*).

186. *Папржица*, см. *Кушаба*.

187. *Пелец* (Pielesz) — в красном поле два меча, положенных наподобие Андреевского креста так, что рукоятками они обращены вниз, а остриями вверх. На шлеме три страусовых пера (табл. XXI, рис. 24). Счастливо оконченный поединок на войне дал право победителю на такое знамя. Эта эмблема встречается очень часто в наших гербах во свидетельство мужества тех, кому она усвоена. Для примера указываем на гербы Жилинских (VII, 142); Иванчиных (VI, 80); Кузовлевых (X, 104); Малышевых (V, 109); Суковкиных (VII, 143); Юрьевых (I, 74); Хитровых (I, 57); Череповых (IX, 69) и мн. др.

188. *Пеликан* (Pelikan) — в красном поле обращенный влево пеликан, кормящий грудью своих птенцов. На шлеме пять страусовых перьев. См. гербы Хоненевых (VI, 29); Хорватов (VI, 150); Ширав (IX, 125).

189. *Пельжрим*, см. *Правдзичь*, *Правда*.

190. *Перштен*, см. *Венява*.

191. *Першхала*, *Рох*, *Колумна* (Pierzchala, Roch, Kolumna) — в серебряном поле черная башня с широким основанием и таким же вверху карнизом, на котором обозначено пять зубцов наподобие башни в шахматной игре. На шлеме пять страусовых перьев (табл. XXI, рис. 25). Играя в шахматы с мазовецким князем, приобрел этот герб некто Першхала в XIV столетии. См. гербы Апушкиных (IX, 36); Пыжевых (IX, 93).

192. *Пилява* (Pilawa) — в голубом поле два белых креста и половина третьего с левой только стороны (табл. XXI, рис. 26). За подвиги против пруссаков, преимущественно при городе Пиляве, был герб этот пожалован витязю Зарославу королем Польским Владиславом Кудрявым. Если герб Пилява поставлен на обращенную шипами вниз подкову в голубом поле, то все знамя получает название *Пухалы* (Puchala).

193. *Пломенчик*, см. *Задора*.

194. *Пнейня* (Pnieńia) — в красном поле две медвежьи лапы, ухватившиеся за шар, вроде яблока, чрез который острием вверх проходит стрела. На шлеме коршунье крыло, пробитое стрелой влево (табл. XXIV, рис. 25). Ср. гербы Вонлярлярских (IV, 125).

195. *Побог, Пободзе* (Pobog, Pobodze) — в красном поле обращенная шипами вниз серебряная подкова, на вершине которой утвержден золотой крест. В нашлемнике видна выходящая охотничья собака в ошейнике (табл. XXV, рис. 1). Герб этот известен с XI столетия. См. гербы Глебовых-Стрешневых (VII, 9); Малиновских (IV, 111); Мухановых (II, 88); Стрешневых (II, 61).

196. *Повала*, см. *Огоньчик*.

197. *Павенза* (Pawęza) состоит из трех мечей, пронзающих остриями положенный в красном поле шар. Рукоятки их, имеющие вид крестов, расходятся в три стороны. Между двумя верхними мечами виден крест. На шлеме пять страусовых перьев (табл. XXI, рис. 27). Ср. *Гербург*.

198. *Погоня*. Виды и история ее описаны выше. Как *Погони* вид первый почти всегда служит признаком происхождения от княжеского литовского дома, так прочие виды *Погони*, особенно рука с обнаженным мечом (табл. XXV, рис. 2), встречаются очень часто в наших гербах и даны в знак храбрости и отваги. Приводя гербы, где помещены оба вида *Погони*, мы считаем не лишним сделать общее замечание, что первый ее вид нередко сопоставляется с башнею, по форме своей литовскою, о трех зубцах, эмблемою владения, и иногда даже с белым польским орлом, как это было уже подробно изложено в главе о гербах княжеских родов, происшедших от Гедимина. Четвертый вид *Погони*, т.е. выходящая из облаков рука, встречается в гербах наших так часто, что мы отказываемся приводить все гербы с этим знаменем. Гербы Авдуловых (IX, 62); Балакиревых (IX, 28); Башмаковых (V, 106); Бекетовых (IV, 84); Болотниковых (IX, 14); Белкиных (V, 21); Вельяминовых-Зерновых (IV, 26); Волжинских (VII, 101); Вязмитиновых (X, 6); Головкиных (I, 16); Долгово-Сабуровых (VII, 44); Захарьевых (IX, 33); Зиловых (IX, 41); Зубовых (VI, 4); Кологривовых (IV, 23); Кормилицыных (VIII, 126); Котлубицких (V, 132); Кузьминых-Короваевых (IV, 57); Кульневых (VIII, 123); Купреяновых (X, 33); Маховых (X, 71); Мусиных-Пушкиных (I, 17); Мякининых (VI, 29); Обольяниновых (IV, 61); Ошаниных (IV, 41); Плещеевых (I, 44); Плюсковых (VII, 19); Потемкиных (I, 26; II, 66); Пушка-

ревых (IX, 53); Ратковых (IV, 77); Ромодановских (IV, 5); Ростопчиных (IV, 12); Рышковых (IX, 121); Свиных (II, 56); Собакиных (III, 12); Стасовых (IV, 129); Стерлиговых (X, 47); Сухотиных (IV, 72); Сушковых (II, 73); Телепневых (V, 111); Тухачевых (VII, 10); Тютчевых (IX, 60); Хилковых (IV, 4); Череповых (IX, 69); Черторижских (IX, 82); Чуфаровских (IX, 46); Шафровых (IX, 11) и мн. др.

199. *Позняк* (Pozniak) — в красном поле муж в латах, пробитых чрез перси летящею влево стрелой. На шлеме три страусовых пера (табл. XXI, рис. 29). См. герб Позняков (VI, 155).

200. *Покора* (Pokoга) — в голубом поле лошадиная подкова, шипами обращенная вниз, поперек ее положен ключ, бородка которого имеет вид креста (табл. XXI, рис. 30). Начало этого герба относят ко времени короля Владислава Германа.

201. *Помян* (Pomian) — в голубом поле черного цвета голова зубра, проткнутая между глазами мечом от правого угла к левому. Над шлемом видна закованная в латы рука, держащая обнаженный меч (табл. XXII, рис. 1). Начало герба относят к XIII столетию. См. гербы Кармилицыных (VIII, 126); Малявок (IX, 117); Соколовских (V, 114); Юрневых (III, 15).

202. *Порай*, см. *Ружа*.

203. *Посвист*, см. *Осория*.

204. *Поцей, Вага* (Pociey, Waga) — в голубом поле обращенный рогами вниз полумесяц, в него утверждён крест, которого продолжение, расходясь книзу, в концах загнуто кверху под углом. Концы этих линий соединены между собою пересекающею их поперечною чертою. Внизу же, в пространстве, остающемся между означенными линиями, помещается Корчак (табл. XXII, рис. 2). Герб этот получил название от известной фамилии Поцеев, которой он принадлежал.

205. *Правдзиц, Правда* (Prawdzcic, Prawda) — в голубом поле выходящий из стены лев, обращенный влево. В передних лапах он держит железный круг или шар. Та же фигура видна на шлеме (табл. XXV, рис. 3). В Польше герб этот был известен с XIV столетия. В гербе *Пельжгрим* выходящий из-за стены лев обращен вправо и без кольца. Гербы Елагиных (I, 46); Зеленцовых (IX, 159); Лутовиновых (VIII, 20); Нелидовых (I, 48); Презентов (IV, 141); Рохмановых (V, 63); гр. Сологубов; Хрущовых (II, 111); Шубиных (VIII, 99).

206. *Пржегоня* (Przegonia) — в красном поле меч, поставленный между двумя полумесяцами, обращенными один в правую, другой в левую стороны. В нащлемнике дракон, у которого из пасти выходит пламя, а на пламени видна та же фигура (табл. XXV,

рис. 4). Ср. *Остоя*. Дракон прибавлен к ней в XIII столетии в гербе одного храброго мужа Пржегоня, в память его отваги.

207. *Пржерова* (Przerowa) — в красном поле военное знамя, употреблявшееся польскою конницею. Древко наклонено влево, на половине сломано, а самое знамя распущено и обвилось концом вокруг древка (табл. XXII, рис. 3). Думают, что герб этот был дан королем Болеславом Кривоустым храброму воину Мирославу в память подвигов его в войне Польши с немецким императором в 1109 г. См. герб Дублянских (X, 116).

208. *Пржестржал* (Przestrzal) — в красном поле меч, пробитый стрелою, летящею в правый верхний угол. См. герб Сумароцких (X, 37).

209. *Пржияцель, Аксак, Кара и Оброна* (Przyjaciel, Aksak Kara, Obrona) — в голубом поле на блюде красное сердце, пронзенное или одною стрелою, или крестообразно двумя стрелами. На шлеме пять страусовых перьев (табл. XXII, рис. 4). Иногда сердце бывает без блюда. Начало герба с XII столетия. См. гербы Аксакowych (IV, 19); Анненковых (I, 54); Гордеевых (VII, 61); Денисьевых (IV, 136); гр. Зотовых (VIII, 3); Иванчиных (VI, 80); Кандибовых (IV, 133); Лужиных (VIII, 98); Палицыных (IX, 88); Родзянок (на Аксаке Прус, VI, 141); Сахаровых (IV, 78); Сушковых (II, 73); Юрасовых (VI, 63).

210. *Прус* (Prus) разделяется на несколько видов: в первом виде (Prus primo, Turzuma) представлен в красном поле белого цвета осьмиконечный крест, у которого одного кончика недостает, а в нашьемнике видна закованная в латы рука с поднятым мечом (табл. XXII, рис. 5). Название этого знамени и начало его объясняют прибытием в Польшу в конце X столетия трех прусских князей, искавших спасения от меченосцев. Герб этих пруссаков (prus) впоследствии перешел ко многим польским фамилиям. Вид второй *Пруса* (Prus Secundo, Wilcze-kosy) состоит из двух серебряных кос, положенных в красном поле так, что они обращены кверху острыми концами и образуют ими Андреевский крест, а нижние концы связаны золотою ниткою, от которой виден один только конец. На точке соединения кос поставлен первый вид Пруса (табл. XXII, рис. 6). Нашлемник такой же. Начало этой эмблемы относят к половине XI столетия, к правлению короля Казимира. Третий вид (Prus tertio, Prus Nagody) — это сложенные вместе отверстым книзу полукругом коса и пол-подковы, так что коса занимает правую, а подкова — левую половину фигуры. На точке их соединения виден полуторный крест. В нашлемнике нога в латах и со шпорою, согнутая в колене (табл. XXV, рис. 5). Что касается до цвета

поля в последнем гербе, то оно или все красное, или же коса и крест в красном поле, а половина подковы в голубом. У нас гербы: Корицких (VI, 112); Озеровых (III, 40); Опочининых (IV, 82; коса и подкова отделены и положены в разных четвертях щита); Родзянок (VI, 141).

211. *Пухала*, см. *Пилява*.

212. *Пэлия*, см. *Корибут*.

213. *Равич*, *Рава* (Rawicz, Rawa) — в золотом поле идущий вправо медведь; на нем сидит девица впрям, одетая в царскую корону и держащая руки распростертыми наподобие креста. Над шлемом и короною два оленьих рога, между ними виден стоящий на задних лапах, выходящий до половины черный медведь; из передних лап его одна опущена, а другою он держит розу, которую нюхает (табл. XXV, рис. 6). Что касается до происхождения этого знамени, то одни историки производят его из Англии и объясняют тем, что один английский король, оставив после своей смерти сына и дочь, первому завещал свое недвижимое имение, а второй — движимое имущество. Приближенные к новому королю люди посоветовали ему убить свою сестру, чтобы она не вывезла за границу отцовского наследия. В предупреждение этого решились отдать девушку на съедение медведям; но когда она была посажена в медвежью берлогу, то не только медведь ей ничего не сделал, напротив, она обуздала его своим поясом и выехала на нем. Брат, видя такое диво, выдал ее за лотарингского князя, и описанный герб в память такого события был усвоен ее сыновьями, потомками которых он перенесен в Богемию, а оттуда в Польшу. Длугош в своей хронике под 1100 г. пишет, что Лаврентий Лорек, прозванный Божеем, из рода Равитов, оскорбленный Вретиславом, князем Богемским, убил его и затем переселился в Польшу к Болеславу Кривоустому, от которого получил поместья в Равском воеводстве. У нас см. гербы Дембинских (IX, 22); Заборовских (II, 69); гербы Завадовских (I, 31); Кропотовых (VI, 32); Мельгуновых (I, 65, происходящих от Минигайла, кастеляна виленского, который в 1400 г., при соединении Литвы с Польшею, причислен к гербу Рава); Олениных (I, 72); Олешевых (II, 112).

214. *Радван*, *Вирб* (Radwan, Wirb) — в красном поле церковная хоругвь с тремя концами, цвета золотого. По середине ее верхнего края помещается крест или конец стрелы. Объяснение начала этого герба и значение фигуры приведены выше в числе справок Посольского приказа. См. гербы Немцовых (II, 76); Паскевичей (X, 3, 14); Пашковых (VIII, 21); Якушкиных (IV, 42).

215. *Радзиц* (Radzic) — в красном поле морской якорь на двух лапах. Стержень его обращен кверху и по бокам его две звезды (табл. XXII, рис. 8). Герб этот, по мнению польских геральдиков, перенесен в Польшу из Германии в начале XIV столетия и, как показывает его фигура, был пожалован лицу, отличившемуся в морской битве. См. гербы Башмаковых (X, 38); Бутримовых (VIII, 24); Гордеевых (VII, 61); Исленьевых (IV, 20); Кашкиных (I, 58); Кокошкиных (X, 74); Коптевых (X, 84).

216. *Рамульт* (Ramult) состоит из пяти белых роз, крестообразно в красном поле расположенных. Нашлемник из павлиньих перьев (табл. XXII, рис. 9). Думают, что это знамя принесено из Франции в Польшу в XII в.

217. *Ратульт* (Ratult) — в красном поле половина золотого кольца, отверстием обращенного вверх, и в это углубление всажен высокий и широкий крест (табл. XXII, рис. 10). Ср. *Шелига*. Начало этого знамени относят к концу XIII столетия.

218. *Ровня* (Rownia) — в красном поле три обнаженных меча, упирающиеся остриями в одну точку луны и расходящиеся рукоятками, между которыми помещены две шестиугольные звезды. Нашлемник состоит из павлиньего хвоста (табл. XXII, рис. 11). Герб этот производят одни из Германии, другие из Венгрии. У нас во многих гербах луну пронзает иногда один меч, иногда их два, иногда меч накрест с ружьем. Гербы Андреевых (VIII, 63); Курсаковых (V, 73); Мининых (V, 40); Осоргиных (V, 43); Радиловых (VIII, 73).

219. *Рогаля* (Rogala). В этом гербе щит рассечен на две половины: правая цвета серебряного, а левая красного. В первом изображается красный олений рог с пятью (иногда четырьмя) ветвями вправо, а во втором турий, серый. Те же рога и того же цвета повторяются в нашлемнике, но в обратном положении, т.е. турий — справа, а олений — слева. Иногда между ними изображается летящий вправо ворон (табл. XXV, рис. 7). Герб этот выводят из Германии в XII столетии, хотя, впрочем, судя по названию, должно бы признать эмблему эту славянской.

220. *Розинец*, *Разинец* (Roziniec, Raziniec) — в голубом поле подкова, шипами обращенная вниз, на вершине ее крест, на котором сидит смотрящий вправо ворон с поднятыми крыльями. В клюве у него перстень. Наконец, в углах, образуемых шипами подковы, помещаются две серебряные стрелы, из которых одна острием вверх, другая вниз. В нашлемнике такой же ворон с перстнем (табл. XXV, рисунок 8). Ср. *Слеповрон*. Полагают, что воину герба Слеповрон были прибавлены стрелы за особые доблести на поле войны.

221. *Роля* (Rola) — в красном поле белая роза, в которую тупыми концами упираются три сошника, остриями обращенные к стенкам щита. На шлеме пять страусовых перьев. Начало этого герба относят к XI столетию. См. гербы Артюховых (IV, 131); Булашевичей (X, 65); Каменских (VI, 137).

222. *Рох*, см. *Перихала*.

223. *Рубеж* (Rubiesz) состоит из трех полос или дорог, границ, постепенно укорачивающихся книзу, на верхней полосе находится стрела с двумя остриями, одно под другим расположенными, наподобие двух соединенных между собою стропил (табл. XXII, рис. 13). Ср. *Корчак*. Герб Рубцовых (IX, 39).

224. *Рудница, Настенн* (Rudnica, Następn) состоит из обращенной шипами вниз подковы, под которою видна летящая вверх стрела. Поле в этом гербе рассечено на две части: голубую и белую. На шлеме три страусовых пера.

225. *Ружа, Порай* (Roza, Poray) — в красном поле белая в полном цвету роза. Она же повторяется над короною (табл. XXV, рис. 9). Ср. *Долива, Олива, Рамулт, Гучи* или *Житынян* (Guczy, Zutyńian), состоящий из перевязи влево, и по обеим ее сторонам по красной шестилистной розе¹⁹. Герб *Ружа* принесен из Богемии Пораем в правление Мечислава. Ср. гербы Бернатцких (VI, 3); Римских-Корсаковых (II, 52).

226. *Саламандра* (Salamandra). Описание этой эмблемы и ее история помещены в справке Посольского приказа (табл. XXII, рис. 14).

227. *Самсон, или Ватта* (Samson, Watta) — в голубом поле изображение Самсона, раздирающего пасть льву (табл. XXII, рис. 15). Гербы Масловых (II, 74; V, 30); Чалеевых (X, 61).

228. *Сас* (Sas) — в красном (реже в голубом) поле серебряный полумесяц, рогами обращенный вверх и имеющий на концах по золотой шестиугольной звезде, а из середины его летит вверх стрела. Над шлемом павлиний хвост, пробитый стрелой влево (табл. XXV, рис. 10). Герб этот первоначально употреблялся в Саксонии, потом в Венгрии, а с XIII столетия — в Литве и Польше. Ср. гербы: *Горчинский* (обороченный Сас)²⁰; *Мщишевский*²¹; *Невлин*; *Чудовский и Дашкевич*²². У нас в гербах эта основная фигура подвергается также многим изменениям. См. гербы Аслоновичев (IX, 135); Дмитриевых-Мамоновых

¹⁹ *Korona Polska*. Vol. 2. P. 339.

²⁰ *Korona Polska*. Vol. 2. P. 179.

²¹ *Ibid.* Vol. 3. P. 318.

²² *Ibid.* P. 69.

(IV, 21; обернутый сас с короною и нашлемником в самом щите); Заплатинных (VII, 97); Перских (III, 90); Цуриковых (II, 87); Яворских (II, 133); Яминских (III, 71).

229. *Свенциц* (Swienczyc) — в голубом поле осьмиконечный крест (табл. XXII, рис. 16). Герб этот очень древен в Польше, введен в ней первыми католиками и помещен на щите у Литовской погони.

230. *Свинка* (Swinka) — в красном поле обращенная в левую сторону кабанья голова, которой нижнюю часть сломала приставленная к голове чело­вечья рука, одетая в голубой рукав. Над короною видна девица в зеленом платье; она стоит, приложив обе руки к поясу (табл. XXV, рис. 11). Начало этого герба относится к половине X столетия.

231. *Слизень* (Slizieñ) — в голубом поле земной шар (но без пояса, как он обыкновенно изображается), на шаре крест (табл. XXII, рис. 17). Нашлемник состоит из согнутой руки, чрез которую проходит стрела от левой стороны к правой. Первоначально герб этот принадлежал Андрею Радше и из Седмиградской земли принесен в Польшу. Герб Кологривовых, происшедших от этого родоначальника²³ (IV, 23).

232. *Слеповрон* (Slepowron) — в голубом поле серебряная подкова, шипами обращенная вниз; на вершине ее крест, на котором сидит обращенный вправо черный ворон с золотым в клюве перстнем. Тот же ворон с перстнем и в нашлемнике (табл. XXV, рис. 12). История этой эмблемы приведена в справке Посольского приказа. Ср. гербы: *Гинши*, *Зеновичь-Деспот*, *Корвин*, *Косак*, *Разинец*; гербы: Булгаковых (IX, 89); Вороновых (IX, 105); Каменевых (VII, 105); Кучецких (IX, 29); Шимановских (VIII, 92).

233. *Сокола* (Sokola) состоит из соединения головы и передних ног вепря и задней части туловища медвежьего. На середине полоса красного цвета. Над шлемом видна выходящая голова медведя с передними ногами (табл. XXV, рис. 13). Герб этот в половине XIII столетия пожалован братьям Соколам от короля Казимира I в ознаменование мужества, оказанного ими на охоте, на которой они убили вепря и медведя.

234. *Солима* (Solima, Sulima) состоит из щита, разбитого на две половины; из них в верхней, в золотом поле, видны голова и крылья черного летящего орла, а в нижней, красной, — три драгоценных четырехугольных камня, расположенных в виде треугольника. На шлеме помещена половина летящего орла

²³ *Родословная книга...* Т. 2. С. 328–329.

(табл. XXV, рис. 14). Герб этот в 935 г. принесен в Польшу из Германии, где принадлежал графам Солимым, владевшим Браунфельсом, Минценбергом и Зонневальдом. У нас гербы Бантыш-Каменских (IV, 138); Гурьевых (II, 109); Саблуковых (I, 80 на груди у орла серебряное сердце).

235. *Солтан*, см. *Сырокомля*.

236. *Солтык* (Soltuk) — в правую сторону обращенный черный орел с короною на голове и поднятыми вверх крыльями. В правой лапе он держит меч, на который надета княжеская корона (табл. XXII, рис. 18). Гербы Салтыковых (VII, 28); Башмаковых (X, 38); Кузьминых-Короваевых (IV, 57); Ледицких (VI, 48). Ср. ниже, с.

237. *Срженява* (Srzeniawa) — в красном поле белая река, ниспадающая по искривленной линии от правого верхнего к нижнему левому углу; на верху реки стоит крест. Над шлемом и короною, между двумя трубами, из которых на каждой по четыре бубенчика, выходит лев, смотрящий впрям (табл. XXV, рис. 15). Ср. *Дружина*. Начало этого герба относят к XI столетию, и значение эмблемы объясняют победою, одержанною в правление короля Болеслава Храброго при реке Срженяве. Гербы Гречаниновых (VII, 119); Исленьевых (IV, 20), происходящих от Гораина, в Литве же вышедшие из Смоленска Гораины были герба Срженявы; Менделеевых (VII, 86); Писаревых (III, 28); Рогозиных (VIII, 80); Чупрасовых (IX, 72); Шатиловых (III, 58); Шафонских (VII, 159).

238. *Старжа, Топор* (Starża, Topór) — в красном поле топор, острием обращенный вправо. Лезвие у него серебряное, рукоятка золотая. На самом железе изображена луна с несколькими кружками. В нащлемнике такой же топор в наклоненном только положении (табл. XXV, рис. 16). Самая фигура усвоила этому гербу название *Топор*; а по древней фамилии Старжа, которой он был впервые пожалован, дано этой эмблеме и другое название *Старжа*. Гербы Калинских (IX, 126); Кормилицыных (VIII, 126); Краснопольских (VIII, 142); Ловенецких (VII, 146).

239. *Стары-конь* (Stary-kon) — в красном поле бегущая вправо белая лошадь с поднятым хвостом, золотыми подковами и перепоясанная по животу черною подпругою. Над шлемом и короною такой же топор, как в предыдущем гербе (табл. XXV, рис. 17). Начало этой эмблемы относят к XI столетию. Гербы Великопольских (III, 40); Майковых (III, 67); Мишковых (VI, 76).

240. *Столобот*, см. *Донброва*.

241. *Стржемя* (Strzemie) состоит из золотого в красном поле

стремени (табл. XXII, рис. 19). Начало этого герба относят ко времени Болеслава Храброго. Гербы Лагод (VI, 143); Лызловых (X, 21); Тишениновых (V, 85).

242. *Сушинский* (Suszynski) — обращенная шипами вниз подкова и внутри ее две положенные крестообразно, остриями вверх, стрелы (табл. XXII, рис. 20). Гербы Вереховских (VII, 30; IX, 27); Гудовичей (IV, 8).

243. *Сухе-комнаты* (Suche-komnaty) — в красном поле черный охотничий рог, украшенный золотом и с серебряною перевязью; на рогу поставлен золотой крест (табл. XXII, рис. 21). Ср. *Тронбы*; герб Судиенков (III, 97).

244. *Сырокомля* (Syrokomla) — на середине Абданка золотой крест. Та же фигура, т.е. Абданк, с крестом видна и в нашламнике (табл. XXV, рис. 18). В конце XIV столетия герб этот был пожалован одному витязю Сырокомле в награду за мужественную защиту имени Христова против язычников, произносивших на него хулу. В *Бржуске* (Brzdska) и *Розмяре* (Rozmiar) первые и последняя стенки Сырокомли соединены между собою поперечною линиею. Ср. *Поцей*. В *Солтане*, вместо одного, два креста над Абданком, а повыше их звезда. Герб Путятиных (VIII, 2).

245. *Тарнава* (Tarnawa) — в красном поле широкий серебряный греческий крест, и у левого его края обращенный рогами к правой стороне щита полумесяц золотого цвета (табл. XXII, рис. 22). Эмблема эта в XI в. принесена с острова Родоса. Гербы Туманских (VI, 153); Тарновских (VI, 136).

246. *Тачала* (Taczala) — в золотом поле журавль, обращенный влево, стоит на одной ноге, а другою, поднятою, держит камень. Иногда в верхних углах щита в черном поле помещается по серебряной шестиугольной звезде (табл. XXII, рис. 23). Герб этот из Богемии. Бдительность в темную ночь изображается этим знаменем. У нас такая эмблема встречается во многих гербах.

247. *Топор*, см. *Старжа*.

248. *Трах* (Trach). В гербе этом поле рассечено и в правой стороне щита изображен в голубом поле золотой коронованный дракон, а в левой половине, цвета красного, знамя *Корчак*, т.е. три белые ступени, книзу уменьшающиеся так притом, что лапы дракона достают до высшей ступеньки. На шлеме три страусовых пера (табл. XXII, рис. 24). Начало этого герба выводят из Рима, где его и употребляют некоторые роды; известно, что он издавна был в Силезии, в Тешинском и Опольском княжествах. Ср. герб *Ляцкий*.

249. *Тржаска*, *Бяла*, *Любева* (Trzaska, Biala, Lubiewa) — в голубом поле золотой полумесяц, рогами обращенный вверх,

а под ним, равно как над ним, по мечу с рукояткою, имеющею вид креста. Та же эмблема в нашламнике на павлиньем хвосте (табл. XXV, рис. 19). Это знамя было пожаловано Болеславом Храбрым воину по имени Тржаска. Гербы Блажеевских (VIII, 139); Глинок (V, 103). Небольшое видоизменение этого знамени в гербе *Булгаринных* состоит в том, что концы мечей скрыты во встречающихся между собою (как в гербе Вукры) полумесяцах. Герб покрыт княжескою мантиею (табл. XXV, рис. 20).

250. *Трживдар* (Trzywudar) — в красном поле три серебряных креста, из которых два целых, а третий со сломанным концом. Они сходятся между собою наподобие буквы Y. В трех углах, образуемых крестами, помещается по золотой звезде. На шлеме три страусовых пера (табл. XXII, рис. 25). Название этого знамени геральдики объясняют тем, что в этом гербе всякая фигура изображается по три раза. Ср. герб *Новицкий*.

251. *Тронбы* (Trąby) — в серебряном поле три черные трубы или три охотничьих рожка, с двумя золотыми полосами на каждом. Трубы эти соединены в центре щита, в кружке или кольце, и из него расходятся одно вправо, другое влево, а третье книзу (табл. XXII, рис. 26). Начало этого герба полагается в половине X столетия. Гербы Волковых (I, 70; кольцо вместо середины положено особо под трубами); кн. Радзивилов.

252. *Тунач* (Tóracz) — в красном поле поднятое вверх ястребиное или орлиное черное крыло с золотою лапою. Коленом она обращена в левую сторону щита (табл. XXII, рис. 27). Герб этот выводят из Венгрии, откуда он перенесен в Польшу при Казимире Великом или его наследнике Людовике Венгерском. См. гербы Блудовых (IV, 18; в Литве им пользуются Блудницкие); Зембулатовых (IV, 65).

253. *Тэнпа подкова* (Tępa Podkowa) — в голубом поле золотой крест внутри золотой подковы. В нашламнике распростертое ястребиное или орлиное крыло (табл. XXV, рис. 21). Обыкновенно полагают, что это знамя произошло чрез изменение, сделанное в Ястржембце, гербе одного рода в Силезии вследствие участия его в умерщвлении Станислава, епископа Краковского. В последствии времени к этому гербу стали приписываться и другие фамилии. Таким образом, сам собою разрешается вопрос, который так занимал покойного графа Ивана Григорьевича Чернышева, вопрос, на который не совсем удачно ответил епископ Адам Нарушевич в письме своем к Чернышеву. Дело в том, что Чернышевы производят себя от Чернецких, рода известного в Литве и Польше и имеющего в гербе Ястржембца (т.е. подкову шипами вверх и в середине ее крест). Каким же

образом, спрашивал граф И.Г.Чернышев, предки его утратили этот герб? Нарушевич объяснял такую перемену случаем; а между тем у Чернышевых особый герб *Тэнна – Подкова*, что доказывает самая фигура подковы и крыло в нашлаемнике (грб. I, 20; VI, 67). Связь же этого знамени с Ястржембцем делает понятным, как одно поколение могло принять видоизменение основного герба²⁴.

254. *Укры*, см. *Вукры*.

255. *Циолек* (Ciolek) – в белом поле вол, или теленок, цвета красного, идущий вправо. В нашлаемнике выходящая голова теленка, также обращенная вправо (табл. XXV, рис. 22). Герб этот перенесен из Италии в 971 г. и принадлежал Понятовскому. У нас гербы Возницких (V, 50); Панютиных (VIII, 61); Чернолусских (IX, 115).

256. *Чарлинский*, см. *Корвин*.

257. *Чудовский*, 1 см. *Сас* и *Лелива*.

258. *Хабездиле*, см. *Вукры*.

259. *Халец*, см. *Абданк*.

260. *Ходзимирский*, см. *Грабс*.

261. *Холева* (Cholewa) состоит из двух железных скоб. (clatrgy), положенных в красном поле и обращенных одна к правому, другая к левому краю щита. Разделены между собою эти скобы водруженным между ними мечом, обыкновенно острием вниз (в некоторых гербах меч бывает острием вверх) (табл. XXII, рис. 28). Некоторые польские геральдики фигуру этого герба объясняют заслугами одного плотника, жившего в лесах и спасшего короля Болеслава Смелого тем, что показал ему ближайшую и безопасную дорогу на неприятеля и, взяв меч у солдат, помогал преследовать и победить врага.

262. *Хомонто* (Chomąto) есть воловье ярмо, положенное вкось от левого верхнего к правому нижнему углу (табл. XXII, рис. 29). Герб этот был дан Доброславу из Цигезамберга за то, что он, увидев, как под королем была убита лошадь, дал ему свою, а сам сел на вола в ярме.

263. *Янина* (Janina) – в красном поле стальной щит. В нашлаемнике павлинские перья (табл. XXII, рис. 30). Начало этого герба относят ко времени Болеслава Храброго. Это герб Собеских – см. гербы Поликарповых (III, 27); Порошинных (VI, 34).

264. *Ясенецкий*, ср. *Гурко*.

265. *Ясеньчик* (Jasieńczyk) – в голубом поле золотой ключ,

²⁴ Письмо графа Чернышева к Нарушкевичу и ответ последнего напечатаны в "Сыне Отечества" за 1844 г.

стоящий прямо, бородкою вправо. На шлеме пять страусовых перьев (табл. XXII, рис. 31). См. герб Краевских (VII, 108).

266. *Ястржембец, Болещиц, Болесты, Кудбржин, Канева, Лазанки* (Jastrzębiec, Boleszczyc, Bolesty, Kudbrzyn, Kaniowa, Lazan-ki) — в голубом поле золотая подкова, обращенная шипами вверх, в середине ее серебряный крест, а над шлемом и короною смотрящий вправо ястреб, с привязанными к лапе бубенчиками, держит такую же подкову (табл. XXV, рис. 23). Иногда та же подкова полагается на груди орла, и герб удерживает то же название *Ястржембец*. Таков герб кн. Полубинских и Лукомских (в Литве). Начало этой эмблемы относится к царствованию Болеслава Храброго, 999 г. См. гербы Базилевских (IX, 102); Герасимовых (IV, 103); Горожанских (VI, 151); Желтухиных (III, 38); Жуковых (VI, 6); Змиевых (V, 91); Иванищевых (IV, 67); Коковинских (IV, 79); Лачиновых (V, 69); Лукомских (IX, 38); Мишковых (VI, 76); Романчуковых (IV, 74); Рославлевых (II, 57); Самариных и Квашниных-Самариных (IV, 27; II, 39); Ульяновых (VII, 59); Ульяновых (VIII, 53); Хмелевых (V, 80); Шпаковских (VI, 127).

267. *Юноша* (Junosza) — в красном поле белый баран, обращенный вправо, стоит на мураве. На шлеме пять страусовых перьев (табл. XXII, рис. 32). См. гербы Котлубицких (V, 132); Кушниковых (VII, 25).

268. *Юньчик* (Juńczyk) — в красном поле серебряный якорь с двумя лапами, на которых он и стоит, или, по объяснению других, два рыболовных крючка, обращенных в противоположные стороны и прикрепленных к шесту, который оканчивается двумя белыми крестами. На шлеме пять страусовых перьев (табл. XXII, рис. 33). Начало этой эмблемы, равно как многих других, кроется во временах язычества и борьбы его с христианством. Рассказывают, что в одну битву, когда неприятель был расположен с своими силами на берегу реки, некто *Юньчик*, дав знать о том христианскому войску, привел его на врага и, победив его, поймал как бы на уду. В память того *Юньчику* пожалован описанный герб. См. гербы Исленьевых (IV, 20); ср. также гербы *Солтан, Столобот, Сырокомля*.

269. *Шалава* (Szalawa) — в голубом поле золотой ободок, в середине которого в виде треугольника помещено три золотых креста, в трех местах касающиеся круга. Над шлемом видна рука, вооруженная обнаженною шпагою, поднятою на бой (табл. XXII, рис. 34). Происхождение этого герба относят к началу XIV столетия.

270. *Шашор*, или *Орля* (Saszor, Orla) изображается так:

в белом поле красный летящий орел с хвостом, но без головы, вместо которой белая шестиугольная звезда (у иных цветок) (табл. XXII, рис. 35). В XIV в. знамя это было принесено из Венгрии. *Сас* по-венгерски значит орел. См. гербы Олешевых (II, 112); Пальчиковых (III, 68).

271. *Шелига* (Szeliga) — в красном поле золотой полумесяц, рогами обращенный вверх, и из середины его выходит золотой крест. Нашлемник состоит из павлиньего хвоста (табл. XXV, рис. 24). Начало этого герба относят к XV столетию. См. гербы Болотовых (V, 89), кн. Белозерских (I, 13; IV, 1, 2, 3); Гоенцких (VI, 87); Горяиновых (V, 94); Козиных (VII, 60); Коноплевых (VII, 72); Корсаковых (I, 83); Ласунских (VIII, 29); Липовых (IX, 19); Лутовиновых (VIII, 68); Менделеевых (VII, 86); гр. Морковых (I, 60); Смирновых (VII, 141); Томар (VIII, 113); Хоненевых (VI, 28).

Исчислив, таким образом, главнейшие знамена так называемой польской геральдики и подведши под каждое из них гербы наших дворянских фамилий, в которых воспроизведены означенные знамена или без всякого изменения, или с некоторыми несущественными против основного типа переменами, нам остается повторить только оговорку, сделанную уже выше, т. е. что не все роды, имеющие в гербах польские эмблемы, действительно выезжие из Польши, Литвы и вообще из польских провинций. Гербы эти составляли достояние и других славянских земель, а следовательно, не могли быть чужды и русским, которые, желая поместить у себя в гербе те или другие эмблемы, равно как выразить какую-нибудь идею, сообразовались с тем, как то же самое было выражено у других славянских народов и какая геральдическая форма была придана фигуре в геральдике польской, собравшей в себе отовсюду славянские знамена. Не менее других земель участвовала и Русь в составлении этого, так сказать, геральдического здания, и потому она имела полное право на заимствование из этого источника.

§ 92. *Гербы родов выезжих из Пруссии, стран Поморских и других земель славянских.* Все Балтийское Поморье было, как известно, населено племенами славянскими. Соседство это, равно как сродство поморян с русскими, объясняют частые выезды к нам жителей Пруссии, и многие из ныне процветающих в отечестве нашем благороднейших семейств обязаны происхождением своим этому источнику. А так как, с другой стороны, Пруссия была долго ленною землею польских королей, то и в ней отразились следы польской геральдики по общему правилу, в силу которого коренные польские роды приписывали

к своим знаменам роды пришлые. Поэтому для объяснения гербов наших дворянских фамилий, выехавших в Россию из этих стран, должно искать, по нашему мнению, источники также в польских и литовских знаменах. По принятому порядку мы начнем с дворян, происшедших от древних владетелей Пруссии, и затем перейдем к другим дворянским фамилиям, при изложении гербов которых будем держаться показаний о их происхождении.

Мы начнем с потомства *Андрея Ивановича Камбилы*. Чтобы понять значение герба его многочисленного потомства, необходимо пройти вкратце, на основании источников, которыми руководствовались сами гербовладельцы и на которые они сослались при представлении герба их к утверждению²⁵, историю их предков.

В 305 г. по Рождестве Христове, повествуют летописи, король Прутенно, уступив престол королю Прусскому Вейдевуту, пошел в первые жрецы к язычникам, которые поклонялись дубу в древней столице Пруссии. Король Вейдевут разделил царство свое двенадцати сыновьям, и потомок четвертого сына его Недрона, владетель Судовии, Самогитии, Литвы и других стран, Гланда Камбила Дивонович, утомленный в бранях с орденом Меченосцев, теснившим прусские владения и быв им побежден, выехал с малолетним своим сыном и со множеством подданных в Россию к великому князю Александру Ярославичу Невскому. По восприятии св. крещения дано ему имя Иоанн.

Несмотря на множество родов, происшедших от Камбилы, все они носят в гербе следы своего благородного происхождения. Некоторые отметки и перестановки могли быть сделаны в основном знамени с целью отличить герб одного рода от гербов других фамилий. А именно: у Бабарыкиных (Грб. V, 19), Колычевых (II, 27), Сухово-Кобылиных (II, 26), Шереметевых, графов Шереметевых (II, 10, III, 10) и у Яковлевых (II, 28) посредине золотого щита в красном поле, окруженном лавро-

²⁵ Кроме рукописей и справок из архивов, ссылка сделана (списываем без малейшей перемены) на [издания]: 1) *Respublica civitatis Polonicae*; 2) *Alexandri Guagnini. De Prussia*; 3) *Петроний. О древних пруссах*. § 1, 2; 4) *Степенная книга*. Т. 1, степень 8. Гл. 2. С. 358, под 1241 г.; 5) *Андрей Целляриус* в Амстердаме. 1659; 6) *Дюисберг Питерс*; 7) *Стеллий Эразмус*; 8) *Енеас Сильвиус*; 9) *Стрийковский. Хроника*; 10) *Никоновская летопись* 1786 г. Ч. 3. С. 186; 11) *Прусский и польский гербовник*. С. 550; 12) *Мальгин Т.С. Зерцало российских государей...* Спб., 1794. С. 121 и наконец *Шербагов М.М. История российская...* Спб., 1781. Т. 4, ч. 1. Кн. 9; 1786. Т. 5, ч. 1. Кн. 11. С. 214. Мы прибавим к этим источникам: *Narbutt I. Dzieje Starozytne narodu Litewskiego. Wilno, 1835. Vol. 1.*

вым венком, изображается золотая королевская корона, а под нею перпендикулярно означены два серебряных креста. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною, а в нашлемнике между двух шестиугольных серебряных звезд (они опущены в гербе Сухово-Кобылиных) возвышается кумиропоклонный дуб. Щит держат два льва, имеющие золотые лбы, во рту у одного из них лавровая, а у другого масличная ветвь, в лапах держат стоящий с правой стороны скипетр, а с левой — державу. Многие лица, принадлежащие к этим родам, ознаменовали себя заслугами на пользу России, и из них род боярина Бориса Петровича Шереметева, знаменитого генерал-фельдмаршала при Петре Великом и славного сподвижника великого государя, стяжал себе в 1706 г. графское достоинство, в соответствие с чем щит в гербе графов Шереметевых покрыт графскою короною. В память же того, что многие лица исчисленных фамилий служили в боярах и неоднократно обнажали меч для защиты родины, у подошвы золотого щита в гербах означенных фамилий (кроме Сухово-Кобылиных) положена древняя боярская шапка, и под нею изображены крестообразно копьё и меч на серебряном полумесяце, рогами обращенном вверх. Девизы у гербов этого поколения следующие: у Шереметевых *Deus conservat omnia*, т.е. Бог хранит все; у Кольчевых и Яковлевых — *Deus honor et gloria*, т.е. Бог, честь и слава. Смысл и значение каждой части описанного нами герба объясняют так: *корона* помещена в знак происхождения от королей Прусских, *два креста* — обращение Камбилы и его потомков в христианскую веру, *дуб* напоминает кумиропоклонение, которое совершали под ним в древности прусские, самогитские и литовские владетели²⁶. То же обладание и господство знаменуют *скипетр* и *державу* в лапах львов-щитодержателей. Победы над врагами, особенно турками и татарами, дали право на помещение в гербах Шереметевых, Кольчевых и Яковлевых боярской шапки со скрещенным оружием, положенным на полумесяце, равно как на лавровую и масличную ветви во рту львов.

Некоторые отличия от описанного герба представляют: 1) герб *Коновницыных* (Грб. I, 39), который сохранился и в гербе графов Коновницыных (X, 7), с прибавлением атрибутов, данных за заслуги на поле чести и свидетельствующих о храбрости и отваге, как-то: меча, корабля, орудий, равно как двуглавого орла с вензелевым на груди изображением имени

²⁶ Подробно о поклонении дубу изложено в истории *Нарбута* (Т. 1. С. 188–195), см. рис. 7, на котором изображены священный дуб и его местоположение.

императора Александра Павловича. В родовом же гербе Коновницыных поле щита (вместо золотого) голубое; на нем изображена дворянская корона, под которою один под другим положены два золотых креста (вместо серебряных); у львов в лапах нет скипетра и державы, и в нашлаемнике стоит дуб без звезд. Девиз графского герба: *Est immortale quod opto*, т.е. то, чего желаю, бессмертно; 2) герб *Неплюевых* (VI, 9): в нем щит расщеплен на две части, из которых правая, в красном поле, представляет тот же герб, как у Шереметевых, но без венка и боярской шапки, а левая в золотом поле — кумиропоклонный дуб, который повторяется и в нашлаемнике, но без звезд; щит держат с правой стороны лев с лавровою ветвью во рту и державою в лапе, с левой — черный орел с масличною в клюве веткою, и 3) *Кобылиных* (VI, 10): в гербе этой фамилии щит также расщеплен на две половины, из которых в правой, в белом поле, изображен дуб, в левой, красного цвета, два серебряных креста один под другим, а над ними золотая королевская корона; в нашлаемнике над шлемом и короною видна вороная лошадь, обращенная вправо. Щитодержателей и девиза нет.

Итак, существенным во всех этих гербах, исключая лишь некоторых отличий, остаются два креста под короною, которые мы действительно и видим на многих древних вещах, хранящихся в роде гр. Шереметевых и на могиле графа Бориса Петровича Шереметева в Александро-Невской лавре. С какого времени герб этот употребляется исчисленными родами при тех данных, которые были нам доступны, определить невозможно, но мы сошлемся только на показание самих графов Шереметевых, которые, при представлении своего герба в Герольдию для утверждения, писали: что герб их донныне употребляется во всей точности городом Гданеском (Данцигом) и не во многом отличается от гербов кенигсбергского, эльбенгского и других городов, которые в древности принадлежали потомкам Вейдевута Глянде Камбиле и брату его Руссигену Дивоновичу. Древность этого знамени подтверждается данцигскими монетами, сохранившимися от XV и XVI вв. и носящими точное изображение описанных гербов (табл. XXV, рис. 25); прусские же и литовские свидетельства о Вейдевуте не оставляют сомнения, что ему и его потомкам принадлежали Данциг и другие поморские города.

Данциг долго был предметом раздоров между датчанами, шведами, померанскими князьями и тевтонскими рыцарями. В 1454 г. он искал покровительства польских королей и в числе других преимуществ получил от короля Казимира право бить

свою монету со штемпелем: два креста, над ними корона сначала без львов по сторонам, впоследствии с щитодержателями, а на монетах XVI и начала XVII столетий на шлеме нередко помещались дерево, по бокам его лавровые венки, наконец, пальмовая и лавровая ветки²⁷.

В одно с Данцигом время, т.е. в 1454 г., право чеканить деньги было предоставлено городу Ельбингу, на монетах которого видим изображение его герба — двух крестов, расположенных один под другим²⁸. Впрочем, древний герб Прусского воеводства был иной: это черный одноглавый орел с распростертыми крыльями, расправленными лапами и с короною на шее. Из-за орла обыкновенно с правой, реже с левой, стороны выходит закованная в латы, согнутая в локте рука, держащая подъятый меч наподобие Погони вида четвертого (табл. XXV, рис. 25)²⁹. Таким является он на древних прусских монетах³⁰ и в гербах некоторых дворянских родов наших, выехавших тому уже целые столетия из Помории и неизменно сохранивших в гербе свидетельство о своем происхождении. Без малейшего изменения прусский герб остался у *Салтыковых*. Они происходят от Михаила Прушанина, прибывшего с многочисленною свитою около половины XIII столетия в Новгород к великому князю Александру Невскому служить под победоносными его знаменами против шведов и лифляндцев. Михаил же Прушанин был от рода древних владетелей Пруссии, славянского поколения, которые, быв стесняемы в своем отечестве меченосцами и германцами, удалились в Россию³¹. Поэтому родовой герб *Салтыковых* есть в золотом поле черный одноглавый орел с короною на голове и с правой его стороны видна выходящая рука в латах с мечом (Грб. VII, 28). Основное это знамя, сохранившееся в среднем щитке, помещенном в сердце гербов графов и князей *Салтыковых*, дополнилось некоторыми атрибутами, свидетельствующими о заслугах и отличиях, а именно: двуглавым орлом, вследствие пожалования графского и княжеского достоинств, шишаком и шпагою, обвитою лавровою ветвью (эмблемами мужества), и наконец, шестиугольною звездою (II, 15; IX, 2).

²⁷ *Zagorskiego*. Monety dawnej Polski jakotez Prowincyi i miast do niéj niegdy należacych. W Warszawie. 1845. 8 n. Vol. 6. P. 40—55. XXXI; *Memoires de la société de Archéologie de St.-Petersbourg*. Vol. 1. P. 330—352. Tab. XIX.

²⁸ *Загорский*. С. 9, табл. IV—V.

²⁹ *Nieskiego*. Korona Polska. I. P. 186, 190.

³⁰ *Загорский*. С. 9, табл. IV.

³¹ *Свиньин П.П.* Записки о жизни генерал-фельдмаршала князя Николая Ивановича Салтыкова. Спб., 1818. С. 5—6; *Временник Моск. о-ва истории и древностей российских*. Т. 10. С. 107—108.

Одного с Салтыковыми рода были Шеины, Морозовы, Русалкины, Салтыки, удалившиеся в Польшу, где имели также прусский герб — *Солтык* (см. выше), и Козловы³². Первые из означенных фамилий пресеклись, а герб последних (VIII, 12) состоит из помещенного в серебряном поле черного одноглавого орла, держащего в левой лапе обнаженный меч, в правой длинный крест. К тому же поколению относят наши родословные Чеглоковых и Тучковых³³. Герб первых несомненно прусский и во многом подобен гербу Салтыковых: в щите, имеющем золотое поле, изображены черный одноглавый орел с распростертыми крыльями и рука, облаченная в латы, с поднятою вверх саблюю. Над шлемом и короною виден вылетающий черный орел с рукою в том же положении (I, 40). Совершенно иной герб Тучковых: в правой половине рассеченного надвое щита, в золотом поле, изображен воин, держащий в правой руке копье, остроконечием обращенное вверх, а в левой щит; в левой же части, в голубом поле, — лев, поставленный на задних лапах вправо; над ним видна туча, из которой вылетает громовой удар, поражающий льва в челюсти (Грб. III, 63).

Также из Пруссии выехали в Новгород потомки прусского князя Михаила (не того же ли Михаила Прушанина, родоначальника Салтыковых?) Кузьмины-Короваевы, получившие прозвание Кузьминых по внуку Михайлову Кузьме и названные Короваевыми в отличие от однофамильцев³⁴. Доказательством прусского их происхождения служит и герб этой фамилии (Грб. IV, 57): в нем щит разбит на две половины и из них нижняя рассечена. В верхней части, цвета красного, помещена закованная в латы рука, держащая поднятый меч, в нижней же части с правой стороны видна в золотом поле половина черного орла, с левой представлен в голубом поле хлеб или коровай (в соответствии с прозвищем).

Те же признаки прусского происхождения сохранили гербы *Жеребцовых* и *Плещеевых* (II, 40; I, 44), предок которых Федор Бяконт около 1335 г. выехал в Москву из Чернигова. В гербах этих фамилий правую половину надвое рассеченного щита занимает в серебряном поле вылетающий черный орел в короне, левую, голубого цвета, выходящая из облаков рука в латах, держащая меч. Герб Плещеева держат два орла в коронах.

В одно время с Салтыковыми, т.е. в княжение Александра

³² *Родословная книга...* Т. 1. С. 259 и след.

³³ Там же. С. 267; *Родословная //* Временник Моск. о-ва истории и древностей российских. Т. 10. С. 108–109, 180, 255–256.

³⁴ *Родословная книга...* Т. 2. С. 333–334.

Невского, выехал в Россию, по показанию родословных, из немец некто Гаврило, потомки которого, по имени правнука его Федора Кутуза, прозвались *Кутузовыми*³⁵, а по прозванию внука его Василия Голенищем — *Голенищевыми*. Герб их (V, 17; II, 31) состоит из изображения в голубом поле черного одноглавого орла с короною на голове, держащего в правой лапе серебряную шпагу (ср. VIII, 119). Много общего с этим гербом имеет герб Протопоповых, потомства выехавшего в Россию из немец Галццеского, по крещении названного Александром: левую половину герба этой фамилии занимает вылетающий до половины черный орел в короне, держащий в лапе меч; а правая сторона, разбитая надвое, имеет вверху, в голубом поле, белую осьмиугольную звезду, внизу, в красном поле, полумесяц рогами вверх. Герб увенчан дворянским шлемом, над которым видны в латах две руки, выходящие из-под дворянской короны. Щит держат два льва (VII, 22).

Из Пруссии же выехали: 1) Орловы, родовой герб которых есть красный одноглавый орел в поле, десятикратно испещренным золотом и голубым цветом. Эмблема эта занимает средний щиток в княжеском и графском гербах Орловых, которые имеют в первой и последней четвертях, в золотых полях, черного двуглавого орла, увенчанного двумя коронами, а наверху тех полей, в голубой вершине, русскую императорскую корону; во втором и третьем красных полях — стоящих на задних лапах львов горностаевого вида с выставленными языками и когтями золотого цвета, носящих на груди голубой щиток с золотым крестом. Из трех шлемов, покрытых коронами, средний держит двуглавого с двумя коронами орла, правый крайний — два сомкнутых орлиных крыла и левый — льва с крестом на груди. По сторонам щита стоят два воина в латах, препоясанные мечами, со знаменами в руках: на одном из них изображен родовой герб — одноглавый орел, а на другом лев с крестом, как описано выше. Девиз: *Fortitudine et constantia*, т.е. храбростию и постоянством (I, 23, 24); 2) потомство *Мужа честна, именем Радша* (в Литве был известен князь Дмитрий Братша, сын князя Патрика Кейстутьевича), пришедшего, по показанию наших родословных, то из немец, то из *Седмиградской земли*, то, наконец, из земель славянских³⁶. Гербы этих родов мы опишем, следуя

³⁵ Там же. С. 1–14; *Временник Моск. о-ва истории и древностей российских*. С. 110–111.

³⁶ *Родословная // Временник Моск. о-ва истории и древностей российских*. Т. 10. С. 102, 169; *Родословная книга...* Т. 1. С. 309; *Гербовник I*, 17, 22; V, 18.

алфавитному порядку, но предварительно считаем долгом заметить, что орел, удерживая в них постоянно ту же форму, т.е. оставаясь одноглавым и имея корону то на голове, то в особом поле, равно как держа в лапах то меч, то державу, то скипетр и державу, различается и цветом, что мы каждый раз будем означать. При всех этих различиях, однако, которые могли быть необходимы для того, чтобы одно поколение отличалось от других того же рода, общая всем им эмблема — одноглавый орел — подтверждает показание наших родословных, ведущих их из немец и из славян, т.е. из Поморни. Таковы гербы: а) *Бутурлиных* (II, 29). В третьей четверти четверочастного щита в их гербе изображен в золотом поле голубой одноглавый орел с распростертыми крыльями, с золотою на клюве короною, в лапах он держит меч и державу; в первой четверти в горностаевом поле положена княжеская шапка или корона, а во второй — рука в золотых латах с обнаженным мечом. В гербе графов Бутурлиных (I, 22) орел помещен в среднем щитке, в сердце герба, рука с мечом повторяется из трех на двух крайних шлемах, а на среднем изображен двуглавый орел, свидетельствующий о пожаловании Бутурлиных в графство. Кроме общего с Бутурлиными герба *Корвин* (см. выше с. 000) у Неклюдовых в 1-й четверти такой же орел, как у Бутурлиных, а во второй, в голубом поле, — рука с обнаженным мечом, которая повторяется и в нашлемнике (Грб. III, 11); б) герб *Мятлевых* (VI, 8) имеет общего с тотчас описанным то, что в первой и третьей четвертях, в золотом поле, помещено по черному одноглавому орлу, у которых на главах корона, а в лапах скипетр и держава, во второй четверти, в красном поле, видна княжеская корона на подушке и, наконец, в третьей, — в голубом поле, — выходящая из облак рука с мечом. Девиз — *Virtus meliora ministrat*, т.е. доблесть лучшее приуготовляет; щит держат лев и орел; в) *Муравьевых* (I, 59): в золотом четверочастном щите в первой и четвертой частях, в золотом поле, по короне, из которой выходят положенные крестообразно меч и стрела, а во второй и третьей — по черному орлу, с распростертыми крыльями и с венком в клюве. Такой же вылетающий до половины орел в нашлемнике. Подобный герб у *Пуциных* (II, 65), с тем существенным отличием, что во второй и третьей частях его изображено по белому одноглавому орлу в золотом поле, и каждый из них держит в лапах скипетр и державу; в нашлемнике же орел несет в клюве золотую цепочку; г) *Полухтовы* (II, 30) имеют в первой части щита, разделенного наподобие Андреевского креста, корону, в третьей — выходящего до половины в левую сторону черного

орла и в четвертой, нижней, — два скрещенных меча, остриями вверх; д) в гербе *Пушкиных* (V, 18) видим те же эмблемы, но расположенные так: щит разбит на две половины, из которых в верхней, в горностаевом поле, помещена на пурпуровой подушке с золотыми кистями княжеская шапка, а нижняя рассечена на две части: в них в правой, цвета голубого, изображены рука с мечом, в левой, золотой, голубой орел с скипетром и державою в лапах. В гербе графов *Мусиных-Пушкиных* (I, 17) голубые орлы с теми же атрибутами помещены в первом и четвертом полях четверочастного щита, затем во второй, цвета серебряного, видна княжеская шапка и в третьей, цвета золотого, рука с мечом, которая повторяется в нашлемнике. Герб *Бобринцевых-Пушкиных* (VIII, 10) отличается от тотчас описанного тем, что княжеская корона положена на подушке в горностаевом поле и герб без нашлемника. Ср. герб *Мусиных-Юрьевых* (VII, 174) равно, как гербы *Вечесловых* (VI, 30); *Вешняковых* (VI, 118); *Кобяковых* (VII, 24); *Лихаревых* (V, 35); *Рожковых* (VI, 51); *Щербининых* (II, 37), фамилий, о происхождении которых в наших родословных или не заключается никаких вовсе сказаний или сообщаемые ими сведения неполны и неясны³⁷, тем не менее гербы их показывают, что они родом из Поморья.

3) Тот же одноглавый орел свидетельствует о выезде из Пруссии происходящих от одного корня: *Белкиных*, *Отяевых*, *Хвостовых* и *Шафровых*. Из имеющихся в отечественных архивах документов оказывается, что к великому князю Даниилу Александровичу выехал из Пруссии дивный муж *Аманд Бассавол*, *честью маркграф*, названный по крещении Васильем. Правнук его, московский наместник Петр Бассавол, имел сына Алексея, прозванного Хвост, который находился в Москве тысяцким. У сего последнего были правнуки: Федор Борисович Отяй, от которого пошли Хвостовы и Отяевы, и Федор Федорович Шафер, родоначальник Шаферовых³⁸. Общая у всех их эмблема — одноглавый орел; рука же, которая в древнем прусском гербе выходила из-за плеча орла, изображается в них особо. Гербы исчисленных родов представляют следующие отличия: 1) в гербе *Хвостовых* (II, 35): щит разбит на две неравные части, верхнюю пространную и нижнюю малую. Первая рассечена на три части, и из них на средней помещен щиток голубого цвета с изображением

³⁷ *Родословная* // *Временник Моск. о-ва истории и древностей российских*. Т. 10. С. 102, 104–105, 168–169.

³⁸ *Гербовник*. IX, 11; *Родословная книга*... С. 259–265, 268–270. К этому же роду относят *Лебедевых* и *Пыжовых*, см.: *Родословная книга*... С. 265–268.

державы, т.е. золотого шара с обыкновенною на нем перевязью и утвержденным наверху крестиком. Затем на среднем столбе, в золотом поле, изображены три реки с пущенными в правую сторону серебряными стрелами, в двух боковых частях, в серебряных полях, видны с правой стороны красный крест, с левой роза; на особом же треугольнике, в вершине щита, представлен в красном поле белый одноглавый орел с золотым в лапе шаром; наконец, в нижней части, также рассеченной на две половины, изображены в голубых полях на правой стороне рука в латах, выходящая из облаков и с обнаженным мечом, а на левой — серебряный полумесяц рогами вверх, над ним три шестиугольных звезды. Щит держат два грифа. В гербе гр. Хвостовых (VIII, 7), пожалованных этим достоинством от сардинских королей, у державы совершенно те же эмблемы, но в расположении их не только разница, что орел помещен в среднем щитке, а треугольник в вершине щита занят головою мавра с надписью по сторонам треугольника: *Bellicae in Subalpinis virtuti* (за храбрость при Альпийских горах); 2) у Белкиных и Отяевых (V, 21; II, 36) щит разбит на две половины, и на середине его положен голубой щиток с изображением золотой державы. Затем верхняя половина, разделенная с углом двумя диагональными чертами, соединенными над малым щитком, имеет голубое поле с изображением летящего орла с золотым в лапе шаром, а по сторонам этого треугольника изображены в правом, серебряном, поле красный крест и в левом, золотом, роза; в нижней же пополам рассеченной части означены по правой стороне, в красном поле, рука в латах и с мечом, а на левой, в голубом поле, такой же, как у Хвостовых, полумесяц с тремя звездами; щит держат также два грифа. Наконец, 3) в гербе Шафровых (IX, 11) первую четверть четверочастного щита занимает белый летящий в красном поле одноглавый орел, вторую, золотую, — выходящая с левой стороны из облаков рука с обнаженным мечом, в третьей того же металла три реки с летящими вправо тремя стрелами и в четвертой изображены в красном поле серебряный полумесяц рогами вверх и над ним три золотые шестиугольные звезды.

4) Гербы потомства Шимона Африкановича, выехавшего, по показанию наших родословных, то из варяг, то из немец (должно предполагать с берегов Балтийского моря, нынешних немецких земель), т.е. опять из Поморья. Родоначальником их был Африкан, или Афрек, брат Якуна слепого, варяжского князя. Африкан имел двух сыновей Фриянда и Шимона. Последний из них, теснимый дядею своим Якуном, с 3000 варягами прибыл

в Киев к великому князю Ярославу Владимировичу в 1027 г. и, приняв крещение от преподобного Антония, основателя Киево-Печерской лавры, наречен Симоном³⁹. От этого родоначальника идут у нас роды Аксаковых, Башмаковых, Воронцовых, Вельяминовых и Исленьевых. О некоторых из них мы уже упоминали в отделе о польских геральдических эмблемах; так, у Аксаковых герб *Аксак*, т.е. в серебряном поле сердце красного цвета, пронзенное стрелой, летящею к правому нижнему углу (IV, 19); у Воронцовых — *Олива* (герб, перенесенный в Польшу из Пруссии, где есть и до сих пор город Олива): щит разделен диагонально чертою с правой стороны на две части, из которых верхняя серебряная, а нижняя красная, на черте изображены две розы с одною между ними лилиею переменных с полями цветов. Таков родовой герб Воронцовых. За заслуги им прибавлены в вершине, в черном поле, золотое стропило с тремя гранатами и между стенками стропила три серебряного цвета шестиугольные звезды. В соответствии с тем на одном из шлемов герба графов Воронцовых положена лейб-кампанская шапка (см. ниже), на среднем сидит российский двуглавый орел, как в гербах большей части жалованных графским достоинством; и, наконец, на правом крайнем шлеме видны шесть знамен белых и красных, из них средние с двуглавыми орлами. Девиз графов Воронцовых: *Semper immota fides*, т.е. никогда непоколебимая верность (Грб. I, 28). Под польским гербом *Елитою* (с. 000) было уже упомянуто о гербе Вельяминовых: в нем правую сторону рассеченного надвое щита занимает в золотом поле половина белого орла с золотою на главе короною, а в левой, в красном поле, положены крестообразно три палицы, имеющие золотые рукоятки и копыя (II, 22). В гербе Башмаковых (V, 106) щит разделен диагонально с левого верхнего угла на две части, из которых в правой, в голубом поле, у подошвы щита видна половина серебряной крепости с башнею о пяти зубцах, а в левой, в золотом поле, рука в латах с саблею; она же повторяется и в нашлаемнике. Наконец, герб Исленьевых (IV, 20) состоит из разбитого надвое щита, в верхней половине которого изображен перпендикулярно серебряный якорь, а в нижней — в красном поле, стоящий на задних лапах лев с мечом в правой передней лапе.

5) В 1353 г. выехал, по показанию наших родословных, из Цесарии в Чернигов муж честен Индрис с двумя сыновьями и тремя тысячами людей и служителей. Во святом крещении он наре-

³⁹ *Родословная книга...* Т. 2. С. 14; *Временник Моск. о-ва истории и древностей российских.* С. 90–91; *Энциклопедический лексикон.* Т. 12. С. 47.

чен Леонтьем и чрез правнуков своих стал родоначальником Васильчиковых, Даниловых, Дурновых, Толстых и Федцовых. Последние пресекались, а герб первых состоит из изображенных в голубом поле пересекающихся крестообразно золотой сабли и серебряной стрелы, которые продеты остроконечиями сквозь кольцо золотого ключа, над ключом же с левой (в других гербах с правой) стороны видно распростертое белое крыло (Грб. II, 42, 43; V, 23, 24). Ср. гербы Кайсаровых (VII, 74); Пещуровых (I, 84); Молчановых (I, 55); Тухачевских (VII, 10). В гербе графов Толстых родовой их герб занимает сердце щита (Грб. II, 12); прочие же эмблемы свидетельствуют о заслугах, как то будет объяснено ниже.

б) Герб Беклемишевых, происходящих от мужа честна именем Льва, выехавшего из Пруссии к великому князю Василию Дмитриевичу⁴⁰, состоит из щита, разбитого на две неравные части: верхнюю, малую, голубого цвета, с изображением на ней сияющего солнца, и нижнюю, пространную, красного цвета, в которой находится золотой лев в короне, держащий в правой лапе меч, поднятый вверх; щит держат два орла (Грб. IV, 36).

Мы не имели притязания исчислить все дворянские роды, выезжие из Пруссии, а показали главнейшие. Вообще же у нас значится по родословным много родов выезжих из Пруссии, родов, по населению страны и характеру ее жителей славянских. Поэтому гербы этих фамилий имеют много общего со славянскими знаменами, которые обыкновенно называются польскими.

Из других славянских земель к нам также выезжали люди благородного происхождения, и притом или прямо или чрез Литву и Пруссию, что отразилось и в гербах многих из этих фамилий, — гербах, носящих несомненные признаки славянских знамен.

Древние гербы южнославянских земель: Болгарии, Далмации, Иллирии, Сербии, Славонии и других стран, населенных славянами, изображены на печати знаменитого сербского императора Стефана Душана Сильного⁴¹ и достойны внимания потому, что следы их влияния видны в некоторых гербах русских фамилий, происшедших из этих стран. Для примера указываем на герб Далмации; он состоит из положенных в голубом поле трех львиных голов в коронах так, что две головы помещены сверху, а третья внизу⁴². Те же три львиные головы, с некоторыми изменениями,

⁴⁰ *Родословная книга...* Т. 2. С. 286; *Временник Моск. о-ва истории и древностей российских*. С. 113; *Энциклопедический лексикон*. Т. 5. С. 200. С Беклемишевыми одного рода показываются Змеевы, Княжнины, Орловы и Шепотьевы.

⁴¹ *Раич Й.* Указ. соч. Т. 2. Заглавный лист.

⁴² *Раич Й.* Указ. соч. Т. 2. С. 683.

видим в гербах: 1) Головковых (IX, 34): в щите серебряного цвета изображены две шпаги, обращенные остроконечиями вверх, и между ними на полосе, разрезанной диагонально к левому верхнему углу, в голубом и красном полях, находятся три золотые львиные головы, означенные одна над другою; 2) Головинных (IX, 59): в нижней половине их герба изображены три золотые львиные головы, две вверху и одна внизу, а в верхней половине щита, в красном поле, означены две серебряные пики, между ними на серебряном столбе крепость черного цвета, и 3) в гербе Свищовых (VIII, 58): по красному полю изображена серебряная перевязь вправо с тремя на ней львиными головами, между ними положены две шпаги с золотыми ефесами, обращенные остроконечиями, верхняя в левую, а нижняя в правую стороны. На шлеме над короною виден выходящий до половины лев с саблею между двумя орлиными крылами, с серебряными на них крестами.

Такие же перестановки делались с гербами и других славянских земель, напр. Иллирии, Сербии, причем не чуждались тех фигур, которые употреблялись в польской геральдике и уже приведены выше. Чаще других употреблялся лев: его мы видим в гербах Болгарии, Македонии, древней Дакии и иных славянских земель. Мы позволим себе описать здесь следующие гербы русских дворянских фамилий, выезжих из славянских земель: 1) Воейковых. О выезде предков их сохранилось в наших родословных следующее известие: к великому князю Дмитрию Иоанновичу выехал в 1383 г. Воейко Войтегович, сын первого вельможи Сербского государства, обладателя города Терновца и державца Прусской земли. По кончине отца своего он, оставив город Тернову в обладание старшему своему брату, Фрионду, прибыл в Пруссию, где и был вместо отца своего державцем. Отсюда, вследствие внутренних смут и несогласий, Воейко с 150 сербами, болгарами и пруссаками выселился в Москву. Старобытный герб Воейко был: два серебряных змея, поставленных под короною один против другого. Стоящий с правой стороны — без крыльев, с левой — крылат. В гербе Воейковых эта эмблема помещена в первой четверти в зеленом поле, и в четвертой — в золотом. Затем польский герб *Брохвич*, т.е. олень (см. с. 261), занимает вторую и третью четверти с тем только различием, что во второй части олень имеет на шее корону, а в третьей он без нее⁴³ (II, 50); 2) Лазаревых-Станицевых, выехавших

⁴³ Ювеналий (Воейков). Историческое родословие благородных дворян Воейковых и проч. и проч. М., 1792. С. 12, 152.

из Сербии в княжение великого князя Иоанна Даниловича Московского; в их гербе (VI, 14): щит разделен на четыре части, из которых в первой, рассеченной надвое, в правом, черном, поле горизонтально изображены четыре золотые полосы, а в левом, голубом, выходящая с правой стороны рука с поднятою вверх шпагою; во второй части, в красном поле, на серебряной перевязи вправо положено два черных орлиных крыла; в третьей части виден в голубом поле стан из серебряных палаток; наконец, в четвертой части, в верхней золотой половине, означены перпендикулярно четыре полосы и в нижней, красной половине, идущий вправо золотой лев. Над шлемами изображены с правой стороны два черных орлиных крыла, с левой — рука в латах с мечом: Ср. гербы Лазаревых (III, 142); 3) Милорадовичей, родом из Рагузы (III, 109): в щите их герба, имеющем две части — верхнюю малую и нижнюю пространную, изображен в первой, в голубом поле, золотой замок от крепостных ворот; в нижней части, в верхнем правом и нижнем левом полях видно по серебряному полумесяцу, обращенному рогами вниз; а в левом верхнем и правом нижнем, в золотых полях, означены части крепости. Над шлемом и короною выходит до половины обращенная вправо собака в золотом ошейнике; 4) иностранных графов Подгоричани, родом из Цетты или Центы (VI, 130): помещенный в сердце четверчастного герба их серебряный щиток носит изображение буквы L. В первой и четвертой частях золотого цвета изображены два черных двуглавых орла под императорскою короною, во второй же и третьей частях видны два до половины вылетающие черные одноглавые орлы с распростертыми крыльями, под ними в красном поле на серебряных полосах диагонально означены два льва. Щит увенчан тремя шлемами, из которых средний держит двуглавого орла, на двух боковых видны одноглавый орел и лев, оба под короною; 5) Шевичей, родом из Иллирии. В их гербе (II, 132) щит разделен наподобие Андреевского креста на четыре части, из которых в первой и четвертой изображено по золотой луне, обращенной вверх рогами, а во второй и третьей частях, в золотом поле, две десятиугольные звезды цвета красного. Над шлемом стоит обращенный вправо лев; 6) Штеричей, родом из Иллирической Сербии, провинции Морави. В гербе их (VII, 160), принадлежавшем этой фамилии еще до 1010 г., щит цвета красного. В нем поставлено золотое стропило и по сторонам его изображены три дворянские короны. Над шлемом виден выходящий красный лев, обращенный влево; 7) Янковичей-де-Мириево. Они родом из Сербии, откуда, по покорении ее турками, перешли в Венгрию и посе-

лились недалеко от Белграда в селении Мириеве. В память услуг их австрийским императорам и подвигов против турок, им дарован в Австрии следующий герб: первая и последняя четверти четверочастного щита заняты изображением в золотом поле черного одноглавого орла; во второй и третьей четвертях означено в серебряном поле горизонтально по две полосы красного цвета, и в этих полях поставлено на трех зеленых холмах по золотому льву, с короною на голове. В лапах каждый из них держит по мечу и отрубленной голове турка. Такой же лев выходит в нашлаемнике между двумя крыльями (V, 136).

Разряд гербов дворянских фамилий, выехавших в Россию из славянских земель, мы заключим обзором гербов фамилий выезжих из Молдавии и Валахии, стран, по народонаселению своему славянских, несмотря на то, что они долго находились под властью римлян и в разное время подчинялись иным племенам, проходившим по этому пути из Азии в Европу. Соседство с Россиею и присоединение к державе Русской Бессарабии способствовали выезду к нам многих родов из той и другой земель. Свидетельство о происхождении этих фамилий осталось в их гербах, а именно: гербы дворян валахских отличаются летяшею влево птицею с крестом в клюве, эмблемою, могущею напоминать времена владычества римлян в Валахии (известно, что валахи до сих пор называют себя румынами, т.е. римлянами)⁴⁴. Из Валахии происходят Херасковы: в гербе их верхняя половина голубая и имеет с правой стороны изображение золотого солнца, с левой — серебряного полумесяца, рогами обращенного вправо; в нижней же части, в красном поле, представлен черный орел с золотым в клюве крестом, стоящий на золотом драконе (II, 134). Молдавский герб, т.е. воловья голова, иногда со звездою между рогами, кольцом во рту, солнцем и полумесяцем по сторонам головы имеют князья Кантемиры⁴⁵ (вымершие) и роды, выехавшие из Молдавии, каковы: Абазы, Бантъш-Каменские (IV, 138), щит разбит на две части и из них верхняя рассечена; в правом, красном, поле изображен ездок, скачущий на коне в правую сторону, в левом, золотом, видна бычачья голова, в нижнем, золотом, поле представлен черный одноглавый орел с распростертыми крыльями, вылетающий из половинчатого красного щитка, на котором положены три драгоценных камня. В нашлаемнике также осел; Куликовские (X, 112) и иные.

⁴⁴ Энциклопедический лексикон. Т. 8. С. 99.

⁴⁵ Беер Г.З. История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира. М., 1783. С. 7, 363, 373.

§ 93. *Гербы родов, выезжих из Германии, Италии, Греции, Франции, Англии, Швеции, Дании и других стран Европы.* При выезде в Россию дворян из Западной Европы, где гербы были ранее, чем у нас, требовались положительные доказательства, во-первых, о благородстве происхождения лица и, во-вторых, о принадлежности ему родового герба, и только после такого удостоверения присваивались лицу права, принадлежавшие ему по рождению. Путем выездов к нам отовсюду служивых людей внесены в нашу геральдику гербы из всей Европы; и потому для правильного их уразумения необходимо обращаться к источнику, из которого они почерпнуты. Очевидно, что исчисление, описание и объяснение гербов всех иностранных благородных фамилий, поселившихся в России и, так сказать, необрусевших чрез перемену фамилии, заставило бы нас выйти из пределов, положенных самым заглавием нашего труда. Мы считаем достаточным отметить здесь гербы тех только дворянских родов, которые выехали в Россию целые уже столетия и утратили всякие следы своего выезда из чужой земли. Происхождение этих родов стало до того нераспознаваемым, что свидетельства родословных о времени, когда, и о месте, откуда они выехали, не ясны и часто противоречат одно другому. Чтобы объяснить нашу мысль примером, достаточно указать на Салтыковых, Воронцовых и др. выезжие из Пруссии роды, которых, конечно, никто не назовет иностранцами, хотя несомненен выезд их предков из страны, нам чуждой. Несмотря на пятисот-шестисотлетнее пребывание их в России, след выезда их не изгладился только в их гербе.

Считаем при этом нелишним показать, какое внимание обращалось у нас на то, чтобы благородство выезжего рода было несомненно и какое придавалось значение родовому гербу, сохранявшемуся в России в своем первоначальном виде и дополнявшемуся только личными эмблемами за особенные заслуги на пользу отечества. Из многих свидетельств указываем на одно, которое заимствуем из диплома, данного в 1721 г. на графское достоинство генерал-фельдцейхмейстеру Якову Вилимовичу Брюсу: "По объявленной от него родословной ведомости и грамоте о происхождении фамилии его, которую подлинную он явил в нашу государственную Коллегию Иностранных дел, за подписанием королевства Шкодского обер-герольдмейстера, и за печатью гербовою онаго королевства, с приписанием во свидетельство рук знатных сродников его, в которой по переводу изображено, что он произошел из древней благородной фамилии Шкодской Брюсов из дому Клакманан, из которого дому были

два короля Шкодские, а именно: 1306 году, по Рождестве Христове, Роберт, и по нем сын его Давид, а прадед его генерала-фельдцейхмейстера, нашего Яков же Брюс произошел из того же дому от родителя своего Роберта Брюса, кавалера золотого ордена по линии того дому барона седьмого де-Клакманан, который был брат мельшой седьмому барону по линии из Клакмана Роберту; дед его генерала-фельдцейхмейстера нашего Роберт из дому Клакманана ж, котораго сын, а его генерала нашего фельдцейхмейстера отец Гвилельм в 1647 году выехал из Англии в Российское государство и служил оной блаженныя и вечнодостойныя памяти отцу нашему его величеству царю и великому князю Алексею Михайловичу самодержцу Всероссийскому и братьям нашим царем и великим князем Федору Алексеевичу, Иоанну Алексеевичу самодержцем Всероссийским и нам со всякою верностию в разных чинах, а напоследи в полковниках до 1680 году и в том году умре. А по нем сын его помянутый Яков Вилимовичъ в 1688 году определен в нашу службу в прапорщики и был на наших службах в воинских походах в двух Крымских в 1689 и в 1691 годах, а потом в двух же Азовских, в первом в 1695 году майором и управлял он инженерное дело, в другом в 1696 году служил на галере за капитана морского, и в тех годах, за его прилежные службы произведен чин от чина в полковники". Затем следует подробное исчисление разных заслуг Брюса, которые в гербе дополнили его родовую эмблему, что в той же грамоте описано следующим образом: "Гербы его родовые последующим образом умножа вечно впредь употреблять жалуем и позволяем, то есть на поле золотом крест св. Андрея и верх щитовой краснорожовыя над шлемом тогожде степени приличным плащом красным серебром раскрашенным и венцем от тех же цветов украшенным, вместо перья нарисуетя плечо вооруженное, булаву в руке держащее поддерживает, от десныя страны лев краснорожовый, от левые же единорожец природнаго цвета с щитовым сим надписанием: *Быхом* (т.е. *fuius*); а к тому прежнему его гербу в прибавку, за его к нам верные и прилежные службы, как при добывании неприятельских городов, так и при баталиях по нашей милости ему наданныя и назнаменующия соизволяем ему имети сицевым образом: новый щит на четверо разделенный, в его же середине иметь ему прежний его гербовой щит, яко же выше описан, в первом и в третьем разделении щита в синем поле часть белой городской стены, справа наось налево стоящую, над оною ядро огненное с тремя пламенами натурального цвета, да за ево верную к нам службу во время бытности ево нашим первейшим

полномочным министром на Аландском конгрессе, определяем ему во второе и четвертое разделение щита в белом поле с боков две темнозеленые дуги, едина против другия стоящая, между ними черная орловая глава с короною, якоже в гербе изображено, над сим щитом сверхего прежняго шлема и украшения еще два шлема откровенные, а имянно с правой стороны, имея корону баронскую, над оною часть городовыя стены, какова в первом и третьем разделении щита изображена, с левой стороны шлем, имея графскую корону, над оною глава черного орла с короною против изображенной во втором и четвертом разделении щита, а плащ: также, щитодержавцы и подпись употреблять ему при сем гербе таковым образом, как в его прежнем гербе изображена и цветом расписана". Такой герб графов Брюсов внесен и в Гербовник (II, 11). Из этого примера (подобных можно бы привести много, преимущественно из жалованных иностранцам на графское достоинство грамот) ясно, что выезжему роду вместе с его прозванием сохранялся его родовой герб, заслугами же приобреталось право на разные почетные эмблемы, жауемые от русских государей.

Необходимо повторить здесь правило, которое наблюдалось при усвоении гербов родам, выезжим из Западной Европы: если они были владетельными князьями, то в гербе их сохранялся герб города или области, находившиеся во владении предков лица, в противном случае эмблемы были частные, родовые. Из числа первых, в ряду фамилий, выезжих из *Германии*, мы укажем на Нарышкиных: по удостоверению некоторых иностранных писателей они происходят из Богемии от фамилии Нарисци, которая в древние времена имела во владении город "Егру, состоящий в Германии на границах Богемии"⁴⁶. Потому герб Нарышкиных во многом напоминает герб города Егера, а именно: в верхней половине разбитого щита виден в голубом поле вылетающий до половины черный одноглавый орел, в нижней, в красном поле, представлена золотая решетка. Щит держат два льва (Грб. II, 11).

Из *немец*, равно как из Цесарии, Бархатная книга выводит очень много таких родов, которые по всем приметам выехали в Россию из Пруссии и других славянских земель. Мы о них подробно говорили уже выше (в § 29). Много также признаков славянского происхождения носят на себе гербы: Безобразовых (II, 83), Мавриных (I, 41), Наумовых (II, 41) и Левшиных.

⁴⁶ *Родословная книга*.. Т. 2. С. 350, 374, 421 и *Миллер*. С. 436. Нарышкины показаны из Крыма. Ср.: *Гербовник*. II, 11.

В гербе Безобразовых верхнюю, голубую, половину надвое разбитого щита занимает летящая вниз стрела между двумя золотыми звездами; в нижней, в серебряном поле, видна бегущая из лесу лошадь, в нашламнике единорог между двумя орлиными крыльями. Далее олень изображен в гербах Мавриных и Наумовых. Что же касается до Левшиных, то их производят от выехавшего к великому князю Дмитрию Иоанновичу Донскому из Швабии Сувола Левенштейна⁴⁷. Поэтому первоначально употреблялся в их роде герб Левенштейнов, т.е. лев, стоящий на задних лапах и увенчанный короною, а впоследствии герб их изменился и утвержден в царствование государя императора Павла Петровича. Он употребляется Левшиными доныне: щит разделен двумя диагональными чертами, соединенными на середине щита, и третью рассечен пополам. Затем из трех частей в верхней изображен герб *Лелива*, т.е. звезда над луною; в нижней части в правом, красном, поле виден выходящий с левой стороны до половины белый орел с распростертым крылом; а в левом, голубом, поле стоящий черный медведь держит в передних лапах серебряный меч. Тот же медведь до половины виден и в нашламнике (Грб. III, 24).

Затем по порядку мы переходим к родам, выезжим из *Италии*: здесь сохранилось древнейшее в Европе дворянство. В Россию выехали из Италии: 1) *Нащокины*. В поколенной росписи, поданной в Разряд 22 мая 1686 г. и подписанной восьмью Нащокиными и четырьмя Ордыными-Нащокиными, сказано, что родоначальник их дома, *Величко* Дукс (Дух, т.е. Герцог, по-русски князь и владетель) Итальянской земли, выехал в Тверь к великому князю Александру Михайловичу. Это случилось около 1327 г. В Твери Величко, приняв греко-российское исповедание, был наречен Дмитрием и получил прозвание Красного. Сын его Дмитрий Дмитриевич во время битвы с татарским послом Щелканом получил саблею рану по щеке, от чего потомки его и были прозваны *Нащокиными*. По смерти великого князя Александра Михайловича и по кончине своего отца Дмитрий Нащока переехал из Твери в Москву к великому князю Симеону Иоанновичу Гордому. От того же родоначальника происходят: Безнины, Олферьевы и Ордины-Нащокины, ныне вымершие⁴⁸. Герб

⁴⁷ *Историческое сказание о выезде, восных подвигах и родословии благородных дворян Левшиных*. М., 1812.

⁴⁸ *Бороздин К.М.* Опыт исторического родословия Нащокиных. Спб., 1841; *Временник* Моск. о-ва истории и древностей российских. Т. 10. С. 197. упоминает: "Приехал во Тверь к великому князю Александру Михайловичу Тверскому из *Немец*, из Наталинские (т.е. Итальянской) земли... имя его Дукс (вместо Дукс), а прозвище Величко". Ср.: С. 43.

Нашокиных напоминает многие гербы⁴⁹ древнейших фамилий Италии: в голубом поле изображен сидящий на золотом стуле нагой муж (по всем приметам это Юпитер), имеющий в руке серебряные стрелы, у ноги его черный орел; по сторонам щита, в верхней его части, видно по золотой музыкальной трубе. В нашлаемнике три страусовых пера между двумя трубами (Грб. III); 2) род графов *Паниных*: он выехал в Россию из Лукской республики в XIV столетии. Члены этой древней и славной по деяниям своим фамилии служили отечеству на военном и гражданском поприщах и были уже в знатных чинах в царствование государей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича и неоднократно упоминаются в Разрядах того времени; отец же графа Никиты Ивановича Панина, которого так отличала, за его достоинства, императрица Екатерина II, пользовался уже благоволением государя императора Петра Великого. В 1767 г. сентября 22-го действительный тайный советник Никита Иванович Панин, в воздаяние за попечение и воспитание наследника престола Павла Петровича и за ревность, с которою он исполнял "великое множество дел как внутренних, так и иностранных", возведен в графское достоинство вместе с братом своим Петром Ивановичем, который как в военной службе, предводительствуя армиями, так и в гражданской, будучи сенатором, стяжал имени своему славу⁵⁰. Герб гр. Паниных состоит из изображенных в голубом поле двух серебряных китов, разделенных один от другого золотою полоскою. Кит означает в геральдике царя вод, и потому эмблема эта нередка в гербах дворянских фамилий приморских стран Италии⁵¹. Из трех шлемов, видимых на щите, средний держит на себе черного двуглавого орла с двумя золотыми коронами, второй шлем, с правой стороны, украшен страусовыми перьями, третий, с левой, — дворянскою короною (Грб. I, 25).

Переходя к родам, выехавшим к нам из *Греции*, необходимо различить, с одной стороны, гербы потомков бывших на визан-

⁴⁹ Пользуемся случаем, чтобы указать на величайшую редкость, хранящуюся в Эрмитажной библиотеке. Это замечательный в художественном отношении отделки и с редким трудолюбием составленный Литтою гербовник древнейших фамилий Италии и их генеалогия, в 4 томах и 6 книгах дополнений. *Litta P. Famiglie celebre italiani Milano; Londra, 1838. Vol. 4.; Supl. Vol. 6.*

⁵⁰ *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1836. Т. 4. С. 96—126; *Тереженко А.В.* Указ. соч. Т. 2. С. 110—143; *Фонвизин Д.И.* Жизнь графа Никиты Ивановича Панина. Спб., 1787. Ср.: Соч. *Фонвизин Д.И.* Спб.: А.Смирдин, 1847. С. 587 и след.

⁵¹ *Litta P. Op. cit. Vol. 3. Suppl. Vol. 4. Tavola 3. 5. Suppl. Vol. 6. Famiglia Paszzi di Firenze.* Ср. герб герцогов де Серра-Каприола.

тийском престоле Ангелов, Палеологов, Кантакузенов, Ласкарисов и др.⁵², которые сохранили в своих гербах двуглавого орла, и с другой — гербы греческих дворянских фамилий не царского рода. Из числа первых мы должны остановиться на роде Головиных. В наших родословных сохранилось следующее о выезде их в Россию известие: в правление великого князя Дмитрия Иоанновича Донского (по другим Василия Дмитриевича) прибыл в Россию князь Стефан Васильевич Ховра из вотчины своей Судака, Манкупа и из Кафы (по сказанию иных, из Татари). У князя Стефана был сын Григорий Ховрин (по другим Комрин); сын сего последнего, Владимир, был боярином при великом князе Иване Васильевиче. Старший сын Владимира Иван Голова есть родоначальник Головиных⁵³. Принадлежность Кафы грекам в то время, когда предок Головиных выехал в Москву, без всяких других доказательств, должна бы навести на предположение, что этот род из греков, и в подтверждение такого убеждения мы можем привести несколько мест из наших летописей и других достоверных источников, в которых именно обозначено происхождение Ховрина из Греции, "от мужу Грецакого рода зело благороднаго и богатаго"⁵⁴. Так, в завещании великого князя Василия Иоанновича (1504 г.) сказано, что драгоценные вещи его положены... у его печатника" у Юрия Дмитриевича сына Грека". Таких свидетельств много⁵⁵. Но какого роду был Ховрин? Родовое предание Головиных, отчасти подтверждаемое и фактами, производит Стефана Васильевича Ховру от владетельных князей Манкупа, которые, по тому же преданию, были потомками греческих императоров *Комниных*, в России назвавшихся *Комринными*. Отсюда по ошибке название Ховрины⁵⁶. Род Головиных может указать нескольких замечательных людей, и из них Федор Алексеевич, фельдмаршал и адмирал Петра Великого, заведывавший Посольскою канцеляриею и разными приказами, первый кавалер ордена св. Андрея Первозванного, стяжал себе заслугами графское достоинство⁵⁷.

⁵² На кладбище при Невском монастыре сохранились довольно древние надгробные камни над могилами Кантакузенов и Ласкарисов, с изображением их гербов: двуглавого орла и св. Георгия.

⁵³ *Временник* Моск. о-ва истории и древностей российских. Т. 10. С. 89; *Родословная книга...* Т. 2. С. 304.

⁵⁴ *Курбский А.М.* Сказание. 2-е изд., испр. и доп. Спб., 1842. С. 97.

⁵⁵ Все они собраны: *Казанский П.С.* Село Новоспасское, Деденево тож, и родословная Головиных, владельцев оного. М., 1847. С. 2—5.

⁵⁶ Там же. С. 6; *Головин Н.Г.* Несколько слов о роде греческих князей Комниных. М., 1854.

⁵⁷ *Терещенко А.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 183; *Биографии* российских генералиссимусов. Т. 1. С. 1—27.

Петр Великий так уважал его заслуги, что желая увековечить память о них, велел выбить в честь его большую серебряную медаль: с одной стороны с грудным изображением своим, а с другой — с фамильным гербом Головиных или частью его: лев с обнаженною шпагою в лапе имеет на голове корону; у герба девиз: *Et consilio et robore* (т.е. советом и мужеством)⁵⁸. Ныне в четверочастном гербе Головиных первую четверть занимает, в голубом поле, греческий центавр серебряного цвета, обращенный влево и держащий в руках распущенный парус (иногда лук и стрелы); во второй части, в красном поле, помещен описанный лев; в третьей, в красном поле, — золотой четвероконечный крест и в четвертой части, в голубом поле, серебряный полумесяц, рогами обращенный вправо⁵⁹. В гербе графов Головиных средний в сердце герба щиток рассечен на два поля: правое — золотое и левое — красное, и в них изображен переменяющий вид свой на золоте в черный цвет, а на краске — в серебро двуглавый, двумя коронами увенчанный орел; на поверхности же щитка положена третья, императорская корона. Победы над турками и иными врагами России дали графу Головину на следующие эмблемы: в подошве щита, между третьим и четвертым полями, представляется вид серебряной пирамиды с положенными на ней крестообразно двумя якорями и со звездой над ними. В нащлемнике изображен серебряный полумесяц, рогами обращенный вверх, а на нем видны крестообразно проходящие сквозь графскую корону два корабельные флага, имеющие полосы красного, белого, голубого, золотого и черного цветов, и два с золотыми головками вымпела, из которых правый — голубой, левый — красный. Щит держат: коронованные лев с мечом и соболь со стрелою (Грб. V, 31).

Гербы многих дворянских родов, переселившихся к нам из Греции, в знак того ли, что они выехали из приморских стран или что предки их стяжали себе богатства мореплаванием и торговлею, имеют (кроме других атрибутов, означающих службу на военном или ином поприще, напр. вооруженную мечом руку, скрещенные сабли и т.п.) изображение корабля, якоря, рыб. Мы их видим в гербах: Варвациев (IX, 157); Кашкиных (I, 58); Критских (VII, 116); Курут (X, 11) и др. Так как греческие провинции, из которых к нам выезжали дворянские роды, были различны, то неодинаковы и эмблемы в их гербах. Для примера

⁵⁸ *Казанский П.С.* Указ. соч. С. 209; Прим. 217; *Терещенко А.В.* Указ. соч. С. 202.

⁵⁹ *Казанский П.С.* Указ. соч. С. 9–10.

указываем на герб Кацаревых. Они происходят от древнего эфирского рода Кацарос, получившего такое прозвание от одного из потомков Казарских Каганов, называвшегося Кацар-Каганом и по крещении нареченного Георгием. Потомки его служили в Греции, в провинции Янине, откуда выехали в Россию в 1735 г. История этой фамилии выразилась в ее гербе: в нем щит разбит надвое, и верхняя половина рассечена; в первом, голубом, поле изображен двойной золотой крест над серебряным полумесяцем, рогами вниз; во втором, цвета красного, видим грудное изображение человека, по очертанию лица и головному убору родом из Епира, и, наконец, в нижнем, золотом, поле представлена зеленая гора с истекающими из нее к верхним углам щита двумя реками (Грб. III, 111). Также из Греции, от знатнейшей греческой фамилии, пребывавшей до 1182 г. в Константинополе и затем поселившейся на острове Крите, происходят Мелиссино. Герб их состоит из положенного в красном поле малого золотого щитка с изображением в нем трех колоколов черного цвета, а вокруг этого щитка видно в красном поле шесть золотых пчел, летящих вверх (пчелы могут соответствовать значению фамилии, где есть звук *mel*, мед). Щит держат два орла (Грб. III, 107). К этому же разряду выезжих дворян относится род Стремоуховых; герб их разбит на две части, и из них верхняя рассечена. В правом, голубом, поле изображены крестообразно три серебряные стрелы, остроконечиями обращенные вниз; в левом, красном, поле видна половина серебряного единорога; и, наконец, в нижней части, в золотом поле, означены шишак с перьями, под ним копье с саблею, положенные крестообразно, и панцирь, поставленный на натянутом луке (Грб. III, 19).

Роды, выезжие из *Франции*, имеют в своих гербах очень часто лилии (впрочем, эта эмблема нисколько не чужда и других гербов). Мы начнем с многочисленного потомства выехавшего в 1375 г. к великому князю Дмитрию Иоанновичу Донскому из Фряжского государства мужа честна, именем Облагини. От него-то произошли фамилии Ададуриных (Грб. II, 48); Глебовых (V, 27); Глебовых-Стрешневых (VII, 9) и Лодыженских (II, 49). Общую во всех этих гербах примету составляют лилии, расположенные в разных полях, и бегущий из леса в правую сторону золотой олень с ветвью во рту. То же отличие, лилию, сохранили гербы: 1) Дивовых, происходящих от выехавшего в 1408 г. к великому князю Василию Дмитриевичу французского воина Гаврила Дивоша. Щит в гербе этой фамилии (I, 51) рассечен надвое: в правой половине голубого цвета изображены три лилии, положенные одна под другою, левая, красная,

без фигуры; 2) Николевых, происшедших от выехавшего в Россию в дни царя Михаила Федоровича из Франции Николь-Деманора. В гербе Николевых щит рассечен на две части, из которых в правой, в голубом поле, видны половина золотой лилии и над нею золотой крест; в левой же части, в красном поле, изображена золотая шпага, остроконечием утвержденная между таковых же двух шпаг, выходящих крестообразно с нижних углов сквозь золотую луну, обращенную рогами вверх. В нашлемнике над короною повторяется золотая лилия (Грб. II, 96); 3) указываем при этом на герб Арцыбушевых. Бархатная книга упоминает о двояком происхождении этой фамилии: из Литвы и из немец⁶⁰, герб же наводит на предположение о выезде ее из Франции; а именно: щит разделен на четыре части; из них в первой и четвертой изображено по руке, облеченной в серебряные латы и держащей поднятой меч, во второй и третьей частях, цвета голубого, представлены три золотые лилии и три золотые хлебные колоса. Нашлемник состоит из золотой лилии между двумя черными орлиными крыльями (Грб. X, 51). Ср. грб. рода Грязново (IV, 40).

Та же лилия видна в гербах и таких дворянских фамилий, выехавших из Франции, которые сохранили свои прежние прозвания; так, напр., род корсиканских дворян графов Поццо де Борго имеет в гербе, кроме двуглавого императорского орла в вершине, во втором и третьем полях четверочастного щита в голубых полях по золотой лилии, а в первой и четвертой частях в таком же поле золотые башни (Грб. X, 10). Герб выезжего из Эльзаса рода Шафгаузен-Шенберг-Эк-Шауфус состоит из положенной в золотом поле черной лилии, которая между золотым и черным орлиными крыльями повторяется и в нашлемнике.

Здесь же должно упомянуть о гербе Челищевых, происходящих от выехавшего к великому князю Александру Невскому из Люксембургской области, из поколения короля Оттона, мужа честна Вильгельма, по крещении названного Леонтием. Внук его Михаил Андреевич Бренко был у великого князя Дмитрия Иоанновича Донского боярином и убит на Мамаевом побоище; у этого-то Бренко был сын Федор Михайлович Чело, по имени которого потомки его получили прозвание Челищевых. В гербе этой фамилии щит рассечен на две неравные, правую — малую и левую — пространную, части. В первой изображено поставленное на серебряном полумесяце с белым по середине крестом красное знамя, имеющее золотое древко; левая же сторона разбита на две части. Из них в верхней, в голубом поле, изображена

⁶⁰Родословная книга... Т. 2. С. 283.

кардинальская золотая шапка и около нее три золотые лилии; в нижней части, в красном поле, означены две золотые трубы и между ними на серебряной полосе три страусовых пера красного цвета. Над короною помещен выходящий лев с мечом (Грб. II, 33).

Из *Англии и Шотландии* выехало в Россию, вообще говоря, мало таких родов, которые бы, обрусев по фамилии и прозванию, могли по своему гербу занять место в русской геральдике. Из дворян, обязанных своим происхождением Англии, мы можем указать только на Бестужевых и Бестужевых-Рюминых, происходящих от известного в Англии, в Кентском графстве, благородного дома Бестюров. Из грамоты, присланной английским правительством в 1698 г., оказывается, что в 1403 г. Гавриил Бест выехал в Россию к великому князю Василию Дмитриевичу. Сын его Яков имел прозвание Рюмы, но до 1701 г. потомки Беста писались просто Бестужевыми, пока в этом году Петр Великий не повелел им, по прозванию прародителя их Бестужа Рюмою, именоваться Бестужевыми-Рюмиными. Герб Бестужевых-Рюминых свидетельствует о таком их происхождении: в щите черного цвета изображено восемь золотых крестов, положенных числом 3, 2 и 3 с повторенными крестообразно на трех верхних концах перекладами, и между ними на середине щита пятнистый золотой цвет. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною, на поверхности которого виден выходящий страус с распростертыми крыльями натурального цвета (Грб. I, 50). В 1742 г. Петр Михайлович Бестужев-Рюмин с потомством своим возведен в графское достоинство⁶¹, и обычный спутник такого пожалования — двуглавый императорский орел (до половины вылетающий в золотом поле) — помещен в вершине щита. Герб держат два, лиственным увенчанные, дикие мужи, в образе древних британцев в природном виде; в руках у них булава (Грб. I, 19).

Выезжими из Шотландии (Шкотской земли, по большей части чрез Польшу) показываются: 1) Кары. В 1618 г. английский король Иаков просил царя Михаила Феодоровича, чтобы он милостиво принял Роберта Кэра (Кар), брата двух других Кэров Ивана и Томаса, удостоверяя при том, что они лорды и знатные дворяне, и в 1625 г. была дана от царя "иноземцу Шкоцкие земли Томасу Иванову Кэру" жалованная грамота на вотчину в награду за его службу. В гербе этой фамилии (IV, 76) в поле зеленого

⁶¹ Терещенко А.В. Указ. соч. Т. 2. С. 63–100; Энциклопедический лексикон. Т. 5. С. 450.

цвета поставлено серебряное стропило, на котором изображены три шестиугольные красного цвета звезды; под стропилом, в подошве щита, видна голова единорога. Щитодержатели: с правой стороны нагой человек с палицею на плече, с левой — единорог. Девиз: Pro Christo et Patria dulce periculum, т.е. за Христа и отечество приятно страдать; 2) Лермонтовы⁶². Щит в гербе их имеет золотое поле, в котором поставлено остроконечием вверх стропило черного цвета с тремя на нем золотыми четырехугольниками; под стропилом черный цвет. Внизу щита девиз: Sors mea Jesus, т.е. судьба моя Иисус (Грб. IV, 102). Для сравнения представляем описание герба рода де Рец-Шанкло, шотландского также происхождения, хотя члены этой фамилии долго служили во Франции: в щите голубого цвета поставлено золотое стропило остроконечием кверху, по сторонам его две пятиугольные золотые звезды, а под стропилом серебряный меч, обращенный острием к подошве щита, по сторонам щита два льва (Грб. VI, 135); и 3) Фаминцыны, происходящие от шотландца Христофа Тобиаса Томсона. Первоначально они были в польской службе и в 1681 г. выехали в Россию. В гербе их (II, 129) щит разбит на две части, и из них верхняя рассечена. В верхней правой части изображены в золотом поле два красных оленьих рога, в левой, в серебряном поле — оленья голова без рогов. В нижней половине, в серебряном поле, поставлен на подножии большой голубой крест (имеющий вид польского знамени *Муржы — Донбровы* 1-й; ср. с. 267). С каждой стороны его видно по четыре маленьких крестика голубого же цвета с острыми концами и между ними две шпоры с голубым на каждом из них маленьким крестом. В нащепнике изображена между оленьих рогов оленья голова.

Русское дворянство может указать наконец роды, выезжие из Швеции и Дании. Общие в гербах их приметы можно будет вывести из следующего их описания, которое предлагаем в алфавитном порядке: 1) герб Кожиных, происходящих от Георгия Фаренсбаха, выехавшего в Россию к великому князю Василию Дмитриевичу из Швеции. Сын его, Василий, служа со своим полком, одержал победу над князем Галицким и, преследуя его к Новгороду, убил под ним коня. В знак победы привез он к великому князю лук, палаш и вырезал лоскут кожи от коня, за что и пожалованы ему в 1450 г. на достоинство российского дворянства грамота и село Кожино. Вследствие того в четверо-

⁶² Так как дворяне выезжали к нам из других земель чрез Польшу, они иногда ошибочно показываются польскими. То же показание встречаем и о Лермонтовых. *Миллер Г.Ф.* Известия о дворянах российских. Спб., 1790. С. 423; *Родословная книга...* Т. 2. С. 288, 415.

частном гербе Кожиных первая четверть имеет в серебряном поле изображение крестообразно положенных натянутого лука и палаша, под ними лоскута кожи; во второй и третьей представлено в красном поле по каменной стене, означенной серебром, и, наконец, в четвертом, голубом, поле виден золотой лев, обращенный вправо и стоящий на задних лапах. На шлеме между двумя орлиными крыльями видны два значка с их древками: из них на правом, синем, положены крестообразно лук и палаш и под ними лоскут кожи, а на левом, красном, видна такая же, как описано, стена (Грб. I, 52); 2) Новосильцовых. Предок их выехал также из Швеции⁶³. Герб этой фамилии имеет в сердце малый щиток зеленого цвета с серебряною перевязью к правому нижнему углу; в первой четверти изображен в голубом поле стрелок, пускающий из лука золотую стрелу; во второй и третьей, в красном поле, представлено два лежащих влево золотых льва, и, наконец, в четвертой виден едущий вправо ездок на коне, в голубом поле (Грб. VI, 102); 3) Суворовых. Они также из Швеции и имеют одного родоначальника с Бухариными, Кобяковыми и Наумовыми; но гербы их различны. В гербе Суворовых вершина щита занята изображением золотого креста в голубом поле; в нижней пространной части, в правом серебряном поле положен панцирь, в левом красном поле изображены крестообразно серебряная шпага и стрела остроконечиями вниз (Грб. VIII, 67). Последние две эмблемы удержались в графском и княжеском гербах Суворова, которые мы опишем в следующей главе (Грб. II, 14; IV, 7). Ср. гербы Кобяковых (VII, 24) и Наумовых (II, 41); 4) Сумороковых. Они ведут себя от выехавшего из Швеции мужа, именем Левиса: в щите их герба, имеющем красное поле, изображены два серебряные меча и вокруг их четыре серебряные же розы (Грб. II, 82); 5) Шепелевых. Они, как показано в родословной, происходят от выехавшего в 1376 г. "из Немец, из Свейскаго королевства, в Польшу мужа честна", именем Шель, который по крещении назван Георгием и переселился в Россию к великому князю Дмитрию Иоанновичу Донскому. У этого Георгия был сын Петр, по прозванию Шепель: по имени его-то потомки его стали называться Шепелевыми. В их гербе (III, 20) щит разбит на две части. Из них в верхней, рассеченной, в правом, серебряном, поле изображен стоящий на задних лапах лев, обращенный влево; левая же часть имеет два поля: верхнее, черное, с золотою на нем шестиугольною звездю и нижнее, голубого цвета, без фигуры; наконец,

⁶³ Родословная книга... Т. 2. С. 254, 353. Ср.: С. 302, 340.

в нижней части щита изображен в красном поле воин, скачущий на белом коне влево с поднятым вверх мечом. В нащлемнике видна рука в латах с обнаженным мечом. К этому же разряду должно отнести 6) герб Вигелей, происходящих от древних дворян Шведского королевства: в вершине щита голубого цвета изображены три серебряные звезды, а в нижней половине виден в золотом поле стоящий на горе сокол. Над шлемом водружено четыре белых знамени, и посреди их поставлена шпага остроконечием вниз (VII, 163).

Обзор гербов фамилий, выехавших из разных стран Западной Европы, мы заключим родами, выезжими из Дании. Их также не много. К числу таких родов относится фамилия Собакиных. По родословным оказывается, что к великому князю Михаилу Александровичу выехал в Тверь "из Немец муж честен Ольгерд Немчин, по прозванию Впрягай". Во святом крещении он наречен Дмитрием. У внука его Григория Андреевича было два сына, старший, Семен, от которого пошли ныне угасшие роды: Нагие, Безумовы, Свибловы и Сназины, и второй, Данило Собака, родоначальник Собакиных⁶⁴. Эта генеалогия, имя Ольгерда, упоминание о Свибловых, которых мы видели в потомстве известного Радши, заставляют сомневаться в справедливости позднейшего показания о выезде Собакиных из Дании⁶⁵. Герб их также носит много признаков литовского происхождения: в сердце четверочастного герба на малом щитке голубого цвета изображен воин, скачущий на белом коне в правую сторону с поднятым мечом (Литовская погоня), затем в первой части, в серебряном поле, виден одноглавый черный орел с распростертыми крыльями, имеющий на голове корону (герб прусский); во второй части, в красном поле, находится стоящий на задних лапах золотой лев в короне, обращенный влево; в третьей части, в красном же поле, означена серебром собака в ошейнике, бегущая в правую сторону, и, наконец, в четвертом поле серебряного цвета видна крепость красного цвета (см. выше с. 285). На щите поставлено два шлема с дворянскими на них коронами. Из них на правом, между двух белых знамен, проходят крестообразно сквозь золотую корону две трубы, на левом шлеме сидит черный орел с распростертыми крыльями (Грб. III, 12)⁶⁶.

Таким образом, в предположенном порядке исчислены и по

⁶⁴ *Временник Моск. о-ва истории и древностей российских*. С. 117, 186.

⁶⁵ *Родословная книга...* Т. 2. С. 378; *Миллер Г. Ф.* Указ. соч. С. 464.

⁶⁶ Много общего с гербом Собакиных имеет герб Кульневых (*Гербовник*. VIII, 123).

возможности объяснены гербы лиц, выехавших к нам из разных стран Западной Европы, Затем остается еще огромный отдел дворян, выезжих из Грузии, Армении, земель Горских, татарских, из Азии и даже Африки. Эти роды не внесли в Россию своих эмблем и обязаны своими гербами нашим государям.

§ 94. *Гербы родов, выезжих из Грузии.* По общему отзыву ученых, занимающихся историею Грузии и самих грузин, у них никогда не было понятия о гербе в том смысле, как его разумеют другие народы, и самые даже гербы, данные дворянским родам Грузии при русском правительстве, называются там печатями. Издавна же существовали у грузин печати, равно как и знамена, с изображениями святых. Кроме того, разные эмблемы встречаются нередко на щитах горцев, и мы думаем, что все эти изображения могут послужить богатым материалом при выборе гербов дворянами областей кавказских и закавказских. Как на знаменах находил себе место образ покровителя города, области, предводителя племени, так трофей, взятый с бою, победа, одержанная над неприятелем, отсеченная у врага рука, богатая добыча и т.п. давали витязю право на ту или другую в его щите отметку. Самый цвет щитов у разных горских народов неодинаков: у осетин, напр., он черный. Всеми этими приметами, которых, к сожалению, мы не могли собрать в таком объеме, как бы нам хотелось, не должно, по нашему мнению, пренебрегать, потому что таким образом легко обозначить в гербе происхождение дворянина и увековечить подвиги его предков, что всегда и имеет в виду наш герб.

Выше мы уже видели, как рано начались наши сношения с закавказскими народами и как Грузия, не находя других средств сохранить свое существование от внутренних неурядиц и стеснений со стороны персов и турок, искала покровительства России, как наши государя, милостивым своим содействием, спасли Грузию от падения⁶⁷. Цари Грузинские поселились в Москве, по существовавшему уже тогда у нас обычаю, стали пользоваться гербом, для уразумения которого необходимо коснуться истории Грузии и происхождения ее царей.

Существующее на Кавказе предание, начало которого теряется в незапамятной древности, предание, подтверждаемое историческими свидетельствами, преимущественно Константином Багрянородным, гласит, что дом царей Грузинских Багратидов

⁶⁷ *Жалованная грамота грузинскому царевичу Николаю Давидовичу // Полн. собр. законов. Указ 1673 г. февр. 12 (№ 569).*

в родстве с еврейским царем Давидом⁶⁸. Первоначально Багратиды жили в Иерусалиме, откуда, будучи взяты в плен Навуходоносором, переселился в Армению. Здесь они занимали почетные должности, и во время покорения Армении халифом Мутавакилем, многие из Багратидов принесли себя в жертву, защищая престол и свою веру. Затем в 885 г. по Р.Х. один из членов этой фамилии утвержден царем Армении и начал собою царственную династию этой страны. От того же корня происходят грузинские Багратиды, которые, постепенно размножаясь и усиливаясь, подвигались к Ахалцихской области. Отсюда они сделались владетелями прибрежных стран Черного моря, Абхазии и наконец овладели страной, именуемую Грузиею, что значит страна св. Георгия. (По-персидски и турецки грузинец называется *Гюрдж*, по-арабски — *Джурдзие*, в переводе Юрьевец). Какая бы ни была причина такого особенного почитания, оказываемого здесь св. Георгию (историки в этом несогласны)⁶⁹, оно существует во всей Грузии и ведется издревле: образ этого святого виден на знаменах, имени его посвящаются церкви и города, и праздников в честь его и победы над драконом очень много.

Спасительные слова евангельского учения страна эта услышала в первый раз от св. апостола Андрея, который, по сказанию летописца, чрез Каппадокию и приморский город Трапезунд, проникнул в Западную Иверию⁷⁰; но этому событию предшествовало важное обстоятельство, подробно описанное в грузинских летописях, а именно: некто из юношей еврейских, по имени Элиоз, один из воинов, находившихся при кресте Господнем, после крестной смерти Спасителя получил по жребию Его хитон и, возвратившись в свой город Мцхет, принес его с собою. Сестра Элиоза, увидев такое сокровище, отняла его у брата и, прижав к груди, на месте умерла. С хитоном же ее и должны были похоронить, потому что его не могли у нее вырвать; но место погребения осталось неизвестным, хотя, по преданию, и знали, что она похоронена в Мцхете под кедром, пересаженным из Ливана. Чрез откровение свыше узнала о том св. Нина, просветительница Грузии. Она обратила ко Христу царя Мириана (в 318 г. по Р.Х.), и на том месте, где был скрыт хитон, воздвигнут Мцхетский собор, один из столбов которого есть кедр, росший на могиле. Чудеса сопровождали постройку храма⁷¹.

⁶⁸ Additionis et éclaircissements à l'histoire de la Georgie depuis l'antiquité jusqu'en 1649 de J.C. par Brosset. Spb. 1851. P. 153.

⁶⁹ Энциклопедический лексикон. Т. 15. С. 419.

⁷⁰ Юсселиан П. Краткая история грузинской церкви. 2-е изд. Спб., 1843.

⁷¹ Там же. С. 6–7. Brosset. Histoire de la Géorgie. Spb., 1849. P. 90–125.

Все эти обстоятельства, т.е., с одной стороны, родство с царем еврейским Давидом, с другой — сохранение в Грузии хитона Господня и, наконец, почитание св. Георгия объясняют печать грузинских царей, которую они употребляли гораздо ранее прибытия их в Россию. Первоначально на круглом щите был изображен один хитон Господень, а по сторонам щита прибавлялись гусли, которыми отрок Давид услаждал царя Саула, и праща, которую Давид убил Голиафа⁷².

Позднее, и сколько можно заключить по дошедшим до нас памятникам, уже по выезде грузинских царей в Россию, к этим основным эмблемам прибавлен образ св. Георгия на коне. Его изображение, впрочем, и в то время, когда Корб был в Москве, т.е. в конце XVII столетия, почиталось уже гербом Грузии (табл. XVII).

В расположении исчисленных эмблем в гербе допускался произвол: на гробницах грузинских царевичей и царевен, погребенных (в С.-Петербурге) в Александро-Невской лавре, преимущественно в Феодоровской церкви, оказывается, что с половины прошедшего столетия щит в их гербе обыкновенно состоял из четырех частей и по середине его почти всегда помещался хитон Господень, нередко с надписью по сторонам: "Бе же Хитон не швен, свыше исткан весь" (Иоан. XIX, 21). Затем в первой четверти, в голубом поле, изображались праща и гусли; во второй, красного цвета, — положенные в виде Андреевского креста скипетр, меч и между ними, сверху, держава (символы царской власти); в третьем поле, того же красного цвета, — весы, символ правосудия царя Соломона, и, наконец, в четвертой, цвета голубого, — св. Георгий на коне. Вокруг всего герба нередко встречается надпись из псалма: "Кляется Господь Давиду истинною и не отвержется ея: от плода чрева твоего посажду на престоле твоём" (Пс. 131 ст. 11)⁷³. Этот основной тип грузинского герба допускает многообразные изменения (вероятно, для отличия одного поколения грузинских царей и царевичей от других) и нередко состоит из шести или восьми частей, в которых отдельно полагаются меч, скипетр, держава и прибавляется лев (как эмблема, вообще любимая народами Востока)⁷⁴.

Те же эмблемы встречаем у многих княжеских грузинских родов, выехавших к нам вместе с царем Вахтангом VI, вызванным при Петре Великом, прибывшим в Астрахань в 1724,

⁷² Эта печать есть, между прочим, на заглавном листе изданной царем Вахтангом в 1712 г. в Тифлисе поэмы под названием "Барсова кожа".

⁷³ Иоселиан П. Указ. соч. Прим. 10.

⁷⁴ Там же. С. 7.

а в Москву в 1726 г., т.е. уже по смерти Петра Великого, в царствование императрицы Екатерины I. Родство с Багратидами в прямой или в боковой линиях, а иногда одно даже свойство чрез браки давало этим родам право или на тот же вполне герб, или на сохранение некоторых царских эмблем с прибавлением иных, в ознаменовании подвигов доблести и отваги. К разряду таких княжеских грузинских родов относятся князья Орбельяновы, Баратовы, Андронниковы, Меликовы, Чолокаевы и иные⁷⁵; но за неимением их гербов, мы должны ограничиться следующими: 1) князья Багратионы. Их было несколько поколений: а) князья Багратионы, потомки грузинских царей Багратидов: одни из них ведут свое начало от царя Бакара Вахтанговича, старшего сына царя Вахтанга VI, прибывшего в Россию вместе со своим отцом и братьями в 1726 г.; а другие — от царя Георгия XIII, при котором Грузия присоединена к России в 1800 г. Те и другие называются ныне князьями Грузинскими; б) князья Багратионы Имеретинские, потомки царей Имеретинских, и в) Багратионы Батони-Мухранские; потомки древних владельцев удела Мухранского в Карталинии, происходящие от царевича Баграта, сына грузинского царя Константина, также из династии Багратидов. Герб Багратионов без изменения такой же, какой мы видели, принадлежит грузинским царям; 2) род князей Давыдовых восходит до кахетинского царя Давыда I (1513—1520). У него был внук царь Александр, у сего последнего царевич Дмитрий, и по имени сына сего, царевича Давыда, получил прозвание князя Давыдова выехавший в Россию в 1666 г. под высокую державу царя Алексея Михайловича правнук его князь Элизбар — Илья⁷⁶. Потомок сего последнего, князь Макул (Мамук) Давыдов, в 1738 г. назначен капитаном грузинской гусарской роты, сформированной из прибывших в Россию с царем Вахтангом грузин⁷⁷. Род князей Давыдовых продолжается до сих пор и употребляет следующий герб: первая часть четверочастного щита их представляет изображение в голубом поле св. Георгия, поражающего дракона; во второй, красного цвета, изображен золотой крест; в третьей четверти того же цвета видна золотая пятиугольная звезда и, наконец, в послед-

⁷⁵ Довольно подробное исчисление таких фамилий, с разделением на области, из которых они происходили и где имели владения, есть в "Истории Георгианской о юноше князе Амилахорове" (Спб., 1779). С. 22 и след.

⁷⁶ От брата его князя Хохоны пошел род Хохоничевых. См.: *Бархатная кн.* II. С. 397.

⁷⁷ Указы 1738 г.: Марта 25 (№ 7545). Именной; Июня 8 (№ 7595). Революция кабинет-министров на сообщение Сената; Июля 8 (№ 7614).

ней, в голубом поле, представлен идущий вправо лев; 3) князя Дадианы, потомки владетелей Мингрелии. Предок их Леван Дадиан в 1638 г. просил царя Михаила Федоровича принять его под свое покровительство. Просьба эта была уважена, и в XVII в. великие князья Дадианы значились по Разрядам боярами при русском дворе. Род кн. Дадианов продолжается до сих пор; в сердце четверчастного герба их изображен золотой крест; за сим в первой части, в золотом поле, виден идущий влево овен (это память о Колхиде и о золотом ее руне, находившемся в нынешней Грузии); во второй, в красном поле, — св. Георгий, поражающий дракона; в третьей, в серебряном поле, означены три лица и на них крестообразно меч и знамя красного цвета и, наконец, в четвертой части, голубого цвета, представлен плывущий по воде золотой корабль с парусами (Грб. VI, 2); 4) князя Цициановы, потомки князей Карталинских, нередко соединявшиеся брачными узами с царско-грузинским домом. Князь Паата Цицианов выехал в Россию из Грузии, и потомкам его, князьям Цициановым, пожалован следующий герб (Грб. V, 7): в первой части их четверчастного щита, цветом голубой, диагонально по перевязи вправо изображено свернутое знамя красного цвета, над ним виден ездок с копьем, скачущий в правую сторону на белом коне; во второй четверти, в золотом поле, представлен овальный щит; в третьей, в золотом же поле, находится голубая перевязь вправо и на ней посредине буква S; и, наконец, четвертая часть занята изображением в голубом поле золотого рога изобилия; 5) князья Эристовы. Грузия в древние времена делилась на несколько княжеств, которые, находясь под владычеством царей, управлялись каждое особым эриставом. (*Эри* значит народ, *тави* — глава.) Эриставы назначались первоначально пожизненно или временно как правители, затем как вассалы, и, наконец, в VI столетии при иверском царе Бакуре III (с 557-го по 568 г. по Р.Х.) эти области были отданы в собственность некоторым знатнейшим фамилиям. С того времени звание Эриставов обратилось в фамильное прозвание, а для отличия придавалось к нему наименование той области, которую владел князь. Пользуясь смутами в Грузии, Эриставы нередко отделялись от царей и становились самостоятельными владетелями, опираясь в борьбе своей на неприступные замки в скалах и на войска, которые они содержали для этой цели. В числе таких Эриставов мы должны отметить *Арагвских* и *Ксанских* Эриставов, получивших название от рек Арагвы и Ксани, орошавших их владения. Они происходят от княжеского осетинского рода и дали начало русским князьям Эристовым,

бывавшим в родстве с царским грузинским домом и выехавшим в Россию в 1724 г. с царем Вахтангом. Такое происхождение Арагвинских Эриставов и история подвигов, совершенных членами этой фамилии, нашли себе в родовом их гербе красноречивого истолкователя: в сердце четверочастного щита на особом щитке золотого цвета видно изображение св. Георгия на коне, поражающего дракона; затем в первой четверти, в голубом поле, представлен родовой замок (Ананур) под императорскою короною; во второй и третьей частях, красного цвета, положен крест и на трех концах его по полумесяцу, отверстием обращенному внутрь (в память перехода из язычества в христианство), и, наконец, в последней, черного цвета, отсеченная кисть руки также под короною. Черное поле щита нередко у осетин, рука же, отсеченная у какого-нибудь важного врага, дала право на помещение ее в гербе. Щит держат слева вепрь, справа лев; б) не можем пройти при этом молчанием рода князей Амилахваровых, бывших также в родстве с грузинскими царями. В XVIII столетии члены этой фамилии выехали в Россию, и так как один из предков их спас царя от угрожавшей ему опасности тем, что лег вместо него в ставку, где и был заколот, то фигура человека, лежащего в ставке на постели, занимает средний щиток герба; весь же щит, цвета красного, состоит из четырех частей; из них в первой представлена рука со знаменем, на котором изображен св. Георгий, во втором, сверху, сапог, под ним солнце, наконец, в третьем и четвертом полях видны знамена и пушки⁷⁸. Здесь же должны себе найти место внесенные в Гербовник гербы некоторых относительно к числу признанных в дворянстве, немногих грузинских родов, а именно: 1) герб Амбразанцовых, предок которых Петр Амбросадзев был в звании стольника при имеретинском и грузинском царе Арчиле. В 1722 г., по грамоте грузинского царя Вахтанга и царицы Русуданы, Петр Амбросадзев с потомством и родством пожалован деревнями. Герб их рассечен на три части, из которых в правой, цвета голубого, изображены положенные накрест золотая сабля и лук, в средней, цвета черного, виден серебряный столб, с красным на середине его крестом, а на поверхности столба сидит птица с распростертыми крыльями; наконец, в левом, крайнем поле красного цвета представлен колчан со стрелами (Грб. V, 127); 2) в гербе Бегтабеговых, имеющих титул грузинских князей, щит разбит на две части; из них в верхней, в красном поле, изображен черкес, скачущий вправо на белом

⁷⁸ *История Георгианская* о юноше князе Амилахорове. Спб., 1779.

коне с золотою сбруею и имеющий на плече золотое копье; а во второй части, в голубом поле, видны крестообразно положенные остроконечием вверх две серебряные стрелы и поверх их щит красного цвета с серебряным на нем полумесяцем (X, 107); 3) герб Гарсевановых, карталинских дворян, имеет в голубом поле изображение жертвенника, украшенного древесными масличными ветвями; на поверхности его крестообразно означены два скипетра, а внизу воскуренный из золотого сосуда фимиам (IX, 134); 4) Лашкаревых. Этот род происходит от грузинских дворян Лашкаревых-Бибилуров, выехавших в Россию в царствование Петра Великого с царем Вахтангом. В гербе Лашкаревых (IV, 140) щит разбит на две половины: из них в верхней, голубого цвета, изображен золотой полумесяц, обращенный рогами в правую сторону, а в нижней находится муж в азиатском платье, вооруженный саблею, в правой руке он держит трость, в левой — пальмовую ветвь (по-грузински *Лашкаръ* значит воин); и 5) в гербе Худобашевых, имеретинских дворян, щит разбит надвое, и верхняя его половина рассечена; в правом, золотом, поле крестообразно положены два меча, в левом, голубом, изображен золотой крест, под ним, у подошвы щита, видны море, и к левому углу каменная гора, и, наконец, в нижней части — серебряный полумесяц, обращенный рогами вверх, над ним золотой хлебный сноп.

§ 95. *Гербы родов, выезжих из земель татарских, черкасских, из Армении, Персии и Африки.*

Двухвековое пребывание России под татаро-монгольским игом, установившиеся вследствие того частые переходы служилых людей азиатского происхождения к московскому двору и особенно присоединение к России Казани, Астрахани, Сибири и Крыма имели необходимым своим последствием то, что как царские роды татарского происхождения, так князья и мурзы, составлявшие их двор, перешли на службу московского государя (см. выше). Став таким образом в рядах русского дворянства, "цари турецкие, и большие и кочевые орды, крымские, казанские, астраханские, равно как нагайские князья и мурзы"⁷⁹ получили право на помещение их родов в наших родословных. Мы воспользуемся показаниями их при исчислении гербов дворянских родов, от этого корня происшедших, хотя не можем не сознаться при этом, что, вероятно, вследствие недостатка сведений о начале родов, многие дворянские фамилии ошибочно показаны от татар, что легко доказать их гербами.

⁷⁹ *Временник* Моск. о-ва истории и древностей российских. Т. 10. С. 125, 130, 221—222.

Отделить при помощи исторической критики роды действительно татарского происхождения от иных, должно составлять особенную заботу всякого, кто бы стал заниматься русскою дворянскою генеалогиею, как наукою.

Гербов у татарских родов до пожалования их русскими государями не существовало, а были в употреблении особые метки, которыми один род отличал от других свою собственность (до сих пор тавро выжигается на лошадях, волах), метки, которые назывались *ясаками*, или *тамгами*. Они носились на щитах и изображались также на знаменах. Чингисхан раздавал окружающим его знатым родам тройские знаки: птицу, дерево и самым почетным был кречет; но по принятии татарами магометанства, которое запрещает изображать животных, знаки эти должны были измениться⁸⁰. Татищев утверждает, что он собрал несколько сот названий фамильных ясаков, из которых некоторые и приводит, а именно: у Афросимовых Кадуй, Аладыных Базулук, Бахметевых Порывай, Бутурлиных Соловей, Воейков Рычан, Вельяминов Лошак, Гагарин Благодать, Голицын Гамар, Долгоруковых Сургут, Давыдовых Манчак, Ромодановских Гамаюн, Салтыковых Солтык, Собакиных Доезжай, Татищев Нуздай, Хрущев Касуй, Черкасских Кабарда, Шереметьевых Шереметь, Юсупов Аргутан⁸¹. Мы не беремся объяснить значения приведенных слов; жалеем об одном только, что Татищев смешал польские, прусские и наши отечественные знамена с татарскими ясаками, существование которых несомненно и до настоящего времени продолжается у горских и азиатских племен. Бесспорным остается то, что татарские роды могли принести в Россию свои ясаки, но гербы получили они от русских государей. Владетельные роды сохранили герб области, которая им принадлежала; напр., князья Сибирские, потомки Кучума, имеют в гербе сибирское знамя, т.е. два соболя держат лук с перекрещенными на нем стрелами (первоначально дерево, табл. XV, рис. 8). Что касается до других фамилий татарского происхождения, то, сообразно порядку, принятому Бархатною книгою и вообще родословными, следовало бы отделить гербы татарских родов, вышедших из орд: Золотой, Косуйской, Крымской, Нагайской и т. д.; но нам кажется подразделение это излишним, потому что в гербах фамилий всех этих разрядов много общих примет, и мы не могли найти таких характеристических особенностей, которыми бы отличались одни гербы от других.

⁸⁰ Татищев. Кн. 1, ч. 1. С. 548–549.

⁸¹ Там же. С. 552.

Родоначальники всех наших татарских родов, за немногими разве исключениями, были магометанского вероисповедания; по прибытии к нам приняли они св. крещение и доблестями на поле чести стяжали себе благородство, что у некоторых родов красноречиво выражает и самый герб. Для примера мы приведем, из числа очень многих, герб Нарбековых, потомков мурзы Абрагима, во святом крещении названного Ильею, выехавшего к великому князю Василию Васильевичу из Большой Орды. Щит в гербе Нарбековых разбит на две половины, из которых нижняя рассечена. В верхней части, цвета красного, представлена с левой стороны серебряная крепость с тремя на ней башнями, из которых на средней видна серебряная луна, а на крайних по золотой звезде. К крепости скачет от правой стороны воин на коне и в доспехах: он поражен в глаз стрелою, а пушечным ядром оторвало у него руку, держащую меч. В нижней половине, в правом, золотом, поле, на середине означена перпендикулярно беличья полоса, и, наконец, в левом, голубом, изображены золотом: крест, над ним корона и внизу полумесяц, рогами обращенный вверх. На щит положены чалма с пером, над нею натянутый лук и стрела, летящая вверх; а на краях щита поставлены два шлема с тремя на них страусовыми перьями и на каждом по лавровому венку (Грб. IV, 45). Не менее выразителен герб Мещериновых: в серебряном поле изображен ездок в зеленом платье и золотом шлеме, украшенном перьями, ездок, скачущий на белом коне вправо, в руках у него натянутый лук и колчан со стрелами. По сторонам ездока представляется вид крепости, на которой с правой стороны утверждён золотой крест, а с левой ударилась в зубцы башни стрела; наконец, в верхней части щита означена луна, освещающая ездока (Грб. III, 37).

Считая излишним описывать здесь в подробности все гербы дворянских родов татарского происхождения, мы исчислим общие их приметы и покажем, в каких гербах каждая из них встречается. Означение тома и страницы Гербовника, в котором помещены герб и описание его, облегчит того, кто бы захотел познаться с подробностями изображения герба и происхождения рода, им пользующегося. Для образца только мы представим описание гербов некоторых знатнейших татарских фамилий.

Эмблемы эти суть:

1) *Луна и звезды*. Они полагаются или одни или в сочетании с оружием, львами, единорогами и всего чаще с крестом. В последнем случае полумесяц, в ознаменование победы христианства над язычеством и магометанством, бывает обыкновенно опрокинут и на вершине его стоит крест. Гербы Аиповых (IX,

19); Алымовых (II, 54); Арбеньевых (I, 68); Арсеньевых (V, 28); Ахматовых (V, 52); Бакаевых (V, 55); Баргеньевых (III, 62); Вельяшевых (II, 107); Венюковых (VIII, 25); Готовцевых (X, 22); Давыдовых (II, 51); Дашковых (II, 71); Ермоловых (V, 44); Зубовых (II, 25; VI, 4); Камынинных (II, 68); Карамзинных (V, 62); Карандеевых (IV, 39); Кознаковых (I, 69); Крюковых (II, 46); Мамаевых (IX, 23); Мертваго (V, 51); Мосоловых (IV, 55); Муратовых (VIII, 78; IX, 99); Петровых-Саловово (II, 47); Племянниковых (IV, 31); Поливановых (III, 22); Ростопчиных (II, 72; IV, 12); Ртищевых (III, 23); Сиванчевых (III, 89); Талызиных (I, 53); Теглевых (II, 54); Уваровых (V, 33); Ханьковых (I, 56); Хотяинцовых (IV, 34); Чемесовых (II, 98); Чириковых (III, 21); Щербачевых (II, 97).

2) *Всадники*, вооруженные мечом, пикою, стрелами и т. п. Гербы Болтиных (IV, 50); Венюковых (VIII, 28); Вельяшевых (II, 107); кн. Дундуковых-Корсаковых (IX, 133); Коробьинных (III, 16); Курдюмовых (VIII, 82); Селивановых (X, 49); Спиридовых (II, 101); Талызиных (I, 53); Татариновых (III, 42; VIII, 71).

3) *Подковы*. Гербы Арсеньевых (V, 28); Мосоловых (IV, 55); Ртищевых (III, 23); Саванчевых (III, 89); Таптыковых (VI, 2).

4) *Сабли, луки, колчаны, мечи, стрелы, бунчуки и чалмы*. Гербы Аиповых (IX, 19); Алымовых (III, 54); Апсеитовых (IV, 118); Апраксинных (II, 45; III, 3); Арсеньевых (V, 28); Бакаевых (V, 55); Барановых (IV, 43); Баргеньевых (III, 62); Бахметевых (II, 58); Венюковых (VIII, 25); Давыдовых (II, 51); Долгово-Сабуровых (II, 32); Загряжских (IV, 33); Зубовых (II, 25; VI, 4); Измайловых (II, 39); Карамзинных (V, 62); Карандеевых (IV, 39); Крюковых (II, 46); Курдюмовых (VIII, 82); Мамаевых (IX, 23); Мансуровых (I, 45); Племянниковых (IV, 31); Поливановых (III, 22); Ртищевых (III, 23); Рудинных (IV, 94); Сабуровых (I, 43); Саванчевых (III, 89); Таптыковых (VI, 11); Теглевых (II, 54); Чемесовых (II, 98); Черемисиновых (II, 94); Чириковых (III, 21).

5) *Львы*. Эмблема эта была в большом уважении в Персии и на Востоке вообще. Гербы Богдановых (VI, 31); Бешенцовых (III, 53); Вельяшевых (II, 107); Готовцевых (X, 22); Мансуровых (I, 45); Мертваго (V, 51); Петрово-Саловово (II, 47); Свистуновых (III, 48); Щербачевых (II, 97).

6) *Грифы*. Гербы Колтовских (II, 23); Лаптевых (VI, 7); Лопухинных (III, 8; IV, 6); Лупандиных (II, 24); Свистуновых (III, 48); Чеквинных (X, 8).

7) *Крылатый конь, олень и единорог*. Гербы Глебовых (VII, 8); Апсеитовых (IV, 118); Тимирязевых (VIII, 14); Тургеневых (IV, 53).

8) *Птицы*, остатки, быть может прежних ясаков и тамг, в гербе Бибиковых (III, 13 — в голубом поле птица турухтан, летящая в правую сторону); Вельяшовых (II, 107 — сокол); Карамзиных (V, 62 — в щите голубого цвета изображена серебряная луна, обращенная вверх рогами, под нею крестообразно положены два золотые меча, остроконечиями вниз. Над шлемом и короною поставлено дерево, и на нем находится птица); Теглевых (II, 54); Чемесовых (II, 98 — орел).

и 9) *Рог изобилия*. Гербы Ахматовых (V, 52).

Для примера мы опишем в подробности гербы: 1) Арсеньевых, предок которых Ослан-мурза, по крещении названный Прокопием, выехал из Золотой Орды к великому князю Дмитрию Иоанновичу Донскому. В щите, имеющем голубое поле, изображены крестообразно серебряные сабли и стрела, остроконечиями обращенные к золотой подкове, которая шипами положена вверх; по сторонам сабель находится золотой полумесяц рогами вправо и того же металла шестиугольная звезда (Грб. V, 28); 2) в гербе Державиных изображены в голубом поле золотые серп и луна, друг к другу обращенные. В нащелмнике виден золотой крест, над ним рука в латах, держащая золотую звезду. Девиз: Силою Вышнею держуся (V, 38); 3) князей Мещерских, восприявших свое начало, как показано в Бархатной книге, от князя Ширинского Бахмета, Усейнова сына, который в 1198 г. пришел из Большой Орды, завоевал Мещеру и там поселился⁸². В четверчастном щите герба кн. Мещерских изображены: в первой четверти, в красном поле, две серебряные луны; во второй, голубого цвета, серебряная крепость; в третьей, того же цвета, — скачущий влево ездок с мечом, поднятым вверх, и, наконец, в четвертой части, в красном поле, виден через реку серебряный мост (II, 8); 4) *Уваровых*, потомков Минчака Касаева, по крещении Симеона, выехавшего из Большой Орды к великому князю Василию Дмитриевичу. В четверчастном гербе их положен в сердце красный щиток, в котором изображен золотой крест, под ним серебряный полумесяц, рогами обращенный вниз к золотой шестиугольной звезде; затем в первой и последней четвертях, в серебряных полях, поставлено по черному стропицу, а во второй и третьей частях, в голубом поле, видна из облак выходящая рука в латах с мечом. Щит

⁸² Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1857. Ч. 4. С. 31.

держат два черных одноглавых орла (V, 33). В гербе графов Уваровых прибавлен двоеглавый под тремя коронами императорский орел; 5) кн. Урусовых. Предок этого рода Абубек Киреев Док показывается владельцем в Египте, а потомки его были в разных странах царями. От него произошел владелец нагайских татар князь Муса, у которого были дети князь Юсуп, родоначальник кн. Юсуповых, и князь Измаил. У сего последнего был сын Урус, и от него-то пошли князья Урусовы⁸³. Гербы их, рассеченный на две и разбитый на три части, имеет посредние щиток красного цвета с изображением в нем золотой луны, обращенной влево и окруженной четырьмя шестиугольными золотыми же звездами. Затем изображены: в первой части, в голубом поле, ездок, скачущий на белом коне и держащий в левой руке стрелу; во второй, в серебряном поле, муж в татарском одеянии, имеющий в правой руке птицу; в третьей, в золотом поле, лук с летящею вверх стрелою; в четвертой, в зеленом поле, золотой лев, пронзенный в челюсть двумя стрелами; в пятой, в голубом поле, дракон и в шестой, в золотом поле, агнец (VI, 1); 6) кн. Юсуповых, одного с князьями Урусовыми происхождения⁸⁴. Гербы обоих этих родов имеют между собою много общего. Овальный щит разделен на шесть частей и в сердце имеет малый щиток, в верхней части которого, в зеленом поле, положена княжеская шапка, под нею, в красном поле, изображены четыре шестиугольные серебряные звезды, окружающие серебряный полумесяц, рогами обращенный вправо. Над описанным щитком помещен еще малый щит голубого цвета с изображением в нем серебряной шестиугольной звезды. В большом щите представлены: в первой части, зеленого цвета, ездок с поднятою шпагою и со щитом, во второй, цвета золотого, татарин, держащий в правой руке молоток; в третьей, в голубом поле, — натянутый лук со стрелою, летящею вверх; в четвертой, в золотом, и в пятой, в серебряном, полях по льву, и, наконец, в шестой части, в голубом поле, серебряный олень, бегущий влево (III, 2); 7) Юшковых, происходящих от выехавшего к великому князю Дмитрию Иоанновичу Донскому из Золотой Орды князя Зеуша, по крещении названного Стефаном, у которого был сын Юрий Степанович. В гербе их щит разделен на четыре части, из них первое и четвертое поля голубые, второе и третье золотые, и на них изображен нагой муж, держащий на размах в правой руке палицу (II, 44), и 8) Эмировых. Самое прозвание

⁸³ Там же. Ч. 4. С. 31.

⁸⁴ Долгоруков П.В. Указ. соч. Ч. 4. С. 49.

свидетельствует о происхождении этого рода; не менее знаменателен и герб его: в черном поле изображен золотой крест трилистной фигуры, по бокам его две шестиугольные золотые звезды и в подошве щита серебряный полумесяц, рогами обращенный книзу (II, 144).

Чтобы перейти от татарских фамилий к родам, выезжим из Азии, необходимо упомянуть о народах *Горских*, о закавказских горцах, которые также, хотя и в малой степени, не остались чужды составу русского дворянства. К этому разряду принадлежат: 1) князья Черкасские. В наших летописях часто встречаются князья этого названия, особенно же были известны кн. Егуповы-Черкасские и Ахамашуковы-Черкасские, но роды их пресеклись⁸⁵. Ныне существующие князья Черкасские происходят от Инала. Предки его в древние времена обладали Египтом, а по завоевании царем Иоанном Васильевичем Астрахани покорились России и князья Черкасские. Владетельный в то время князь, правнук Инала, Темрюк Идаров отправил к царю в знак подданства сына своего Салтмона, по крещении названного князем Михаилом и пожалованного в бояре, и дочь Марию, бывшую потом в супружестве за царем. В сердце четырехчастного герба князей Черкасских на особом горностаевом щитке изображена держава; затем в первой четверти, цвета красного, представлен черкес в золотой епанче в княжеской шапке с пером, скачущий вправо на белом коне в золотой сбруе; во второй части, в голубом поле, между трех шестиугольных серебряных звезд изображены крестообразно две серебряные стрелы, остроконечиями вверх, и на них поставлен щит красного цвета с серебряным на нем полумесяцем; в третьей части, в серебряном поле, виден обращенный вправо лев, держащий в передних лапах натянутый лук со стрелой, и, наконец, в четвертой, в золотом поле, представлены два змея, перпендикулярно перевившиеся (II, 9); 2) Черкасовы. Щит в гербе их разбит на две неравные части: верхнюю — большую и нижнюю — малую, и обе рассечены. В первой четверти, красного цвета, крестообразно положены серебряные лук и стрела, во второй, голубой, перпендикулярно изображен серебряный ключ, на поверхности которого видно распростертое крыло, в третьем, голубом, и четвертом, красном, полях означено четыре золотых столба (VII, 106). У баронов Черкасовых герб совершенно иной; щит рассечен на две части, из них правая — цвета золотого, левая — красного; в них изображен двоголовый орел с распростертыми крыльями,

⁸⁵ Долгоруков П.В. Указ. соч. ч. 4. С. 38.

переменяющий вид свой на краске в золото, а на золоте в красный цвет. В лапах орел держит два прапорца, с изображением на каждом из них буквы Р⁸⁶. В нашлемнике поставлен обращенный вправо гусь. Щитодержатели — два вооруженных воина, имеющие одеяние, подобное донским казакам (III, 6); 3) Черкесовы, происходящие из горских черкас, имеют в щите красного цвета серебряную перевязь влево с тремя на ней черными пятиугольными звездами (III, 114).

В числе родов, выезжих из Армении, считаем долгом отметить: 1) князей Аргутинских-Долгоруких, происходящих, по удостоверению армянских и грузинских исторических книг, от царя Артаксеркса Долгорукого. Потомок его Аршак, или Арсак Великий, владел царствами Персидским и Армянским. По имени одного из преемников его, Аргуна, этой фамилии дано прозвание князей Аргутинских-Долгоруких. Щит в их гербе рассечен на две половины; из них левая разбита и заключает в себе родовые их знамена: в верхней половине, в красном поле, — выходящую из облаков обнаженную руку с мечом, под нею, в голубом поле, — льва, держащего передними лапами золотую булаву и щит; в правой же половине, по случаю утверждения рода князей Аргутинских-Долгоруких в княжеском достоинстве Российской Империи, прибавлен в золотом поле вылетающий черный орел, имеющий на главе корону и в лапе скипетр; на груди у орла изображен Мальтийский крест с маленьким на середине щитком красного цвета, на котором означено имя государя императора Павла I (V, 6); 2) Давыдовых, потомков Давыда Бея. Герб их разделен на четыре части и имеет по середине щиток черного цвета, в котором изображен золотой лев, держащий в лапах лук, по сторонам сего щитка, в золотом поле, видны две армянские буквы черного цвета, соответствующие русским Д и Б. Над щитком в горностаевом поле, на малиновой подушке, положена княжеская шапка. Затем в первой четверти, в голубом поле, изображен черный одноглавый орел, имеющий в лапах серебряную стрелу, во второй, в зеленом поле, золотой крест, означенный на ветви с плодами того же цвета, в третьей, в белом поле, видны пять рыб, плавающих в реке, и, наконец, в последней части, красного цвета, крестообразно означены белое знамя с золотым древком и серебряная сабля остроконечием вниз. Щит держат два воина в панцирях и с пиками, в азиатской одежде (VII, 162); 3) Лаза-

⁸⁶ О службе барона Ивана Антоновича Черкасова при Петре Великом см.: *Бангыш-Каменский Д.Н.* Указ. соч. Т. 5. С. 261.

ревых, предок которых Манук Лазарев, по пресечении в Армении государевой фамилии, был владельцем некоторой части Армении. Сын Манука, Лазарь, находился при втором шахе Абассе, а внук его, Лазарь Лазарев, выехал с детьми своими в Россию, где при императрице Екатерине II получил дворянское достоинство и следующий герб: верхняя половина надвое разбитого щита имеет в золотом поле изображение черного орлиного крыла, а нижняя, в голубом поле, — лежащего золотого льва (III, 142).

Из Персии, как показывает и самое прозвание, происходят Персидские. Предок их привел к русскому двору слона в подарок от шаха, и в память того изображение слона натурального вида помещено в гербе этой фамилии. Того же слона видим в гербе Ганнибалов, родом из Африки. Далее к разряду фамилий азиатского происхождения относятся фамилии: 1) Араповых, как то видно из их прозвания и герба. В первой, голубой, части их гербового щита, разбитого на две половины, из которых верхняя рассечена, видны серебряный полумесяц рогами влево, под ним золотая шестиугольная звезда; во второй части, цвета красного, изображена выходящая из облаков рука с длинным золотым крестом; наконец, в нижней половине представлен арап, плывущий по реке в левую сторону (IV, 98); 2) Даудовых, предок которых выехал из Персии к царю Алексею Михайловичу. Их герб представляет голубого цвета щит, на котором положено шесть яблоков (по три с каждой стороны); на середине щита изображены крестообразно две золотые стрелы и копьё, в подошве же герба два страусовых пера; 3) Мячковых; предок их Олбуга, родственник Тевризского царя, по крещении названный Еремием, выехал в Москву к великому князю Дмитрию Иоанновичу Донскому из Тевризского государства. У этого Олбути был внук Иван Яковлевич Мячка, по имени которого весь род назвался Мячковыми. В щите голубого цвета изображен негр в латах, имеющий в правой руке золотой лук, а в левой три стрелы, остроконечиями обращенные вверх, и за плечами золотой колчан со стрелами. В нашлемнике виден до половины выходящий негр, имеющий на голове чалму (IV, 35); 4) Турчаниновых. В гербе этой фамилии изображено в голубом поле серебряное строило с поставленным на нем крестом трилистной по концам фигуры; по бокам креста и в подошве щита помещены три золотых полумесяца, повторяющихся и в нашлемнике над двумя распростертыми голубыми крыльями (I, 105).

Обозрев гербы дворян, выезжих из таких стран, где перво-

начально не было гербов, не можем не заметить близкого сродства эмблем, данных этим фамилиям, с русскими знаменами, послужившими для них образцом.

По возможности мы исчислили все страны, из которых к нам выезжали дворянские роды. Бархатная книга тщательно обозначала эти выезды, и потому Разряд, заведывавший ведением официальной родословной, также не упустил из виду отметить, из какой области России выехали в Москву разные служилые люди, родоначальники фамилий. Такое происхождение не могло не отразиться в их гербах: многие из этих родов имеют вместе с иными эмблемами знамена и гербы областные, потому ли что гербовладельцы показывались в родстве с удельными князьями, или потому, что служили им. Для родословных это указание, заключающееся в гербе, должно иметь особенную важность. Поэтому мы исчислим.

§ 96. *Гербы лиц, выехавших в Москву из разных областей России.* К сожалению, наши родословные, по крайней мере нам доступные, сохранили слишком мало известий для объяснения гербов этого разряда. Мы воспользуемся теми немногими указаниями, которые в них остались, и приведем те гербы из Гербовника, в которых видим несомненные следы областных и городских знамен:

1) Волынские. Предок их, князь Дмитрий Михайлович Волынский Боброк, выехал в Москву к великому князю Дмитрию Иоанновичу Донскому из Волынской земли. Прозванию соответствует и древний герб Волыни, который состоял из белого креста⁸⁷: он помещен в гербе Волынских, имеющем красное поле. Щит держат два льва (IV, 32); 2) Бибитинские имеют в гербе, рассеченном на две половины, в правой изображение золотой арфы в голубом поле, в левой — черниговский герб в золотом поле, т.е. черного одноглавого орла с распростертыми крыльями, держащего в лапе позлащенный крест (III, 143). Тем же признаком отличается герб Шетневых. Предки их, от греческого рода, по взятии города Средиц болгарским царем Иоанном Асаком, переселились в Венгрию, а потом к черниговскому князю Михаилу Всеволодовичу, от которого и почтены боярскою честью. По прозванию одного члена этого рода Шетнем и вся фамилия получила наименование Шетневых: в гербе их, имеющем голубое поле, изображен черный одноглавый орел с короною на голове, имеющий в лапах лавровый венок и длинный золотой крест; под орлом, на подошве щита, видны две выходящие из облаков руки с мечами, и между ними находится

⁸⁷ *Korona Polska*. Vol. 1. P. 154.

срубленный серебряный пень с ветвями. На щите поставлены три шлема, из которых средний увенчан дворянскою короною с пятью страусовыми перьями, обвитыми лавровым венком; на крайних положено по горлатной боярской шапке, и из-за них выходят две руки в латах с мечами (IV, 21); 3) Болотниковы. Они выехали из Литвы и в 1530 г. пожалованы от великого князя Василья Иоанновича деревнями в Вяземском уезде. Щит в их гербе разбит на три части: из них в верхней представлен скачущий влево всадник с поднятым мечом и со щитом на руке, в средней части, разрезанной двумя диагональными чертами, изображен в середине смоленский или, что все равно, вяземский герб (см. с. 71), т.е. на золотом лафете черная пушка с сидящею на ней райскою птицею, и над этою фигуροю голубого цвета титло; с правой стороны, в голубом поле, видна рука с мечом, а в левой руке, в красном поле, — крепость; наконец, в нижней части щита изображены, в золотом поле, состоящая из шести судов флотилия и над нею, с правой стороны, восходящее солнце (IX, 14). Смоленский герб в серебряном поле, без других эмблем, виден у Карповых (IX, 48). Много общего с гербом Болотниковых имеет герб Купреяновых: щит разделен на четыре части, и из них изображены в первом, голубом поле, серебряная крепость, во втором, золотого цвета, смоленское знамя, в третьем — серебряном — якорь по половины в воде, и в последнем, красном поле, всадник на белом коне, скачущий вправо с поднятым мечом (X, 33). Тот же смоленский герб виден у Коробковых; щит разделен на четыре части, из них в первой, в голубом поле, видна выходящая из облаков рука с луком и стрелою; во второй положенные накрест серебряные стрела и шпага, над ними дворянская корона, а под ними полумесяц рогами вверх; в третьей, в красном поле, изображена большая серебряная четырехугольная звезда, и около нее видно по четыре с каждой стороны маленьких звезды, над ними дворянская корона; наконец, в последней четверти, в голубом поле, представлен смоленский герб (VIII, 121); 4) Гагины (были князья Гагины от рода князей Ярославских)⁸⁸ имеют в гербе (VIII, 31) щит, разбитый на две половины, из которых верхняя рассечена: в правом, голубом, поле изображен ангел с копьем и золотым щитом, в левом, красном, видна серебряная осьмиугольная звезда, наконец, в нижней половине, в золотом поле, находится черный медведь, идущий вправо (при польском правительстве киевским знаменем был медведь; древний же киевский герб есть архангел Михаил — см. с. 70); 5) Полугорские.

⁸⁸ Родословная книга... Т. 1. С. 119; Т. 2. С. 300–301, 314.

Герб этой фамилии горностаевою перевязью влево делится на две половины: в верхней, в голубом поле, изображена рука в латах, держащая поднятый меч, а в нижней, золотом поле, представлен дуб, под ним — идущий в правую сторону медведь натурального цвета (III, 144). Последняя эмблема служит, видели мы, отличительною приметой для гербов князей Стародубских; 6) Сатины. Они происходят от козельских князей и имеют в гербе щит, разбитый на две неравные части: верхнюю, малую, с изображением в горностаевом поле княжеской шапки, и нижнюю, пространную, в которой в золотом поле на голубой посредине полосе поставлены два льва, переменных с полями цветов, имеющие в передних лапах золотую стрелу, обращенную острием вверх. Щит увенчан двумя шлемами с дворянскими на них коронами, на поверхности которых видны две руки в латах, держащие крестообразно две золотые стрелы остроконечиями вниз (VI, 5); 7) Совины⁸⁹. В гербе их щит разбит на две половины, и из них верхняя рассечена. В последней правое, голубое, поле занято изображением воинского шишака с красным пером; в левом, красном, виден медведь, стоящий на задних лапах и держащий секиру, в нижней половине представлены в золотом поле два плавающих лебедя. Щит держат два черных орла (X, 88); 8) Строгановы. О происхождении этого в летописях русской истории славного рода есть два мнения, из которых каждое опирается на более или менее достоверные данные: одни признают Строгановых родом, выезжим из татар, как то сказано и в дипломе, данном римским императором Францем в 1761 г. камер-юнкеру Александру Сергеевичу Строганову на графское достоинство⁹⁰, другие (во главе их стоит наш известный историк профессор Устрялов)⁹¹, утверждают, что Строгановы вышли из разряда новгородских помещиков, стали выше других в первой половине XV столетия и затем разными подвигами на пользу отечества достигли высших почетных званий, степеней и отличий. В пользу последнего мнения говорит и герб Строгановых, не имеющий никаких признаков гербов фамилий татарских. Огромные владения, издавна принадлежащие роду Строгановых в Перми, и содействие их к приобретению Сибири дали им право на герб, объяснение которого

⁸⁹ *Родословная книга...* производит Совиных из Большой Орды (Т. 2. С. 378) от Ивана Совы; но то же лицо встречается и в княжеских родословных. *Временник Моск. о-ва истории и древностей российских*. Т. 10. С. 42, 88.

⁹⁰ *Российский магазин*. Спб., 1792. Ч. 1. С. 475—481. Ср.: Там же. С. 466, 468.

⁹¹ *Устрялов Н.Г.* Именитые люди Строгановы. Спб., 1842. С. 5—7.

сохранилось в грамоте 1725 г. на пожалованное им баронское достоинство. В гербе баронов Строгановых щит разбит на две части: из них в верхней, красного цвета, изображена серебряная медвежья голова, обращенная вправо (часть пермского герба)⁹², нижняя занята беличьим мехом (в память покорения Сибири при Иоанне Грозном). Чрез весь щит идет золотая волнистая перевязь влево, имеющая три копейных железка остриями вверх. Шлем покрыт бурелетом, поверх которого видна такая же, как в гербе, медвежья голова. Щитодержатели — два соболя (I, 34). Герб баронов Строгановых, имеющих титул Римской империи графов, отличается тем только, что на щите положена присвоенная графским гербам корона и поверх ее поставлено три шлема, украшенные клейнодами; из них на среднем изображен черный с двумя коронами двоеглавый орел, на крайних видны с правой стороны серебряная медвежья голова, с левой — соболя голова черного цвета (I, 33). Тот же герб сохранили графы Строгановы, потомки пожалованного в 1798 г. в графское Российской Империи достоинство барона и Римской империи графа Александра Сергеевича Строганова. Прибавлен только золотой в сердце герба щиток, с двуглавым, тремя коронами увенчанным орлом и вензелевым на груди его изображением имени в Бозе почившего императора Павла I (II, 16). Наконец, граф Григорий Александрович Строганов и его потомство, пожалованные графским Российской Империи достоинством в 1826 г., сохраняя, в сущности, тот же родовой герб, имеют следующие отличия: в сердце герба, в голубом щитке императорского российского орла с вензелем его величества государя императора Николая I, и на перевязи четыре копейных железка. На среднем шлеме, покрытом графскою короною, виден летящий двуглавыи орел, коронованный тремя коронами, а на двух крайних, дворянских, изображены обленные в серебряные латы руки, из которых рука с правой стороны держит золотой крест, с левой — шпагу. Щитодержатели — те же два соболя. Девиз: *Ferant opes patriae, sibi nomen*, что значит: отечеству принесу богатство, себе — имя (X, 12) и 8) Цыгоровы. (Происхождение их не означено.) Щит в гербе их разбит на две половины: из них верхняя, рассеченная, имеет с правой стороны, в золотом поле, изображение половины черного орла с распростертым крылом, с левой — выходящую из облаков руку, облеченную в латы и держащую меч. В нижней половине голубого цвета видны две рыбы, плавающие в Анд-

⁹² Указ 1783 г. июля 17 (№ 15786).

реевский крест (как в белозерском гербе, см. с. 240). В на-шлемнике представлен выходящий до половины белый конь, обращенный вправо (VII, 43).

Остановливаясь, наконец, рассмотрением гербов дворян, выезжих в Россию из разных земель, мы должны оговорить причину, по которой, несмотря на все наши старания, некоторые дворянские роды могут оказаться пропущенными: мы были стеснены в этом случае двумя условиями, которые сами себе положили на непреложное правило для избежания всякого упрека в произволе. Для нас были необходимы, с одной стороны, свидетельство Бархатной книги или иных источников о выезде рода, и с другой — помещение герба в Гербовнике или, по крайней мере, его достоверность. Пропуски могут быть дополнены только частными каждой фамилии сведениями, и за доставление их будет, конечно, благодарен всякий, кому дорогá эта занимательная и у нас еще новая наука.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Гербы за отличия на службе

Путь к высшим степеням служебных отличий был у нас издревле открыт для каждого. Одни заслуги дают право на такое отличие, и в гербе они находят себе верного истолкователя и неизменный памятник: переходя из рода в род, он напоминает грядущим поколениям деяния их предков и побуждает к таким же подвигам. И эти последние могут найти себе также выражение в гербе, который становится живою летописью рода и его деятельности.

Самые почетные у нас звания — княжеское и графское. Мы начнем с них, покажем историю пожалования этих достоинств и затем исчислим признаки, которые соответствуют им в гербах. За графскими гербами следуют гербы баронов, также с своими приметами, и, наконец, дворянские. Так как некоторые эпохи оставили в гербах дворян, принимавших участие в тех или других подвигах своего времени, характеристические признаки, то необходимо показать и их. Сюда относятся т.н. лейбкампанские (1741 г.) гербы, равно как те внешние приметы, которые употреблялись в разные царствования при пожаловании гербов. Здесь же должно найти место описанию корон на гербах дворян с особенными почетными титулами и без них, шлемов, наметов, девизов и щитодержателей.

Затем, переходя к отдельным родам и видам заслуг на разных поприщах государственной деятельности, мы в примерах, заимствованных из Гербовника, исчислим, какие эмблемы в наших гербах соответствуют разным видам отличий, как они дополняют родовые эмблемы в гербах старых дворянских фамилий и как выразились у вновь пожалованных дворян. Считаем лишним предупреждать при этом, что наше обозрение не может охватить всех видов заслуг и всех их оттенков. Мы представляем образцы, применяясь к которым легко выразить разные видоизменения в отличиях.

Следуя вышесказанному порядку, мы изложим:

§ 97. Общие приметы гербов лиц, пожалованных княжеским, графским и баронским достоинствами, и дворянских гербов разных царствований. Coronы, нашьлемники, щитодержатели и девизы.

Разделение государства на графства и раздача их для управления графам (по буквальному переводу старостам) есть учреждение западной феодальной Европы. Первоначально графы были только королевскими наместниками, и, кроме управления вверенной им области и суда над ее жителями, они обязывались, в случае войны, выводить туземное войско и ставить его под королевское знамя. В этом отношении несколько графов были подчинены одному герцогу. Местоположение области, вверенной графу, т.е. была ли она пограничная, или укрепленная, или земледельческая и т. п., и с другой стороны, различие обязанностей, возложенных на графа, и объем предоставленных ему прав, объясняют названия: маркграф, бургграф, гаугграф, центграф, динграф, виндграф, голцграф, стальграф и пр. С усилением феодализма в Западной Европе графы присвоили себе вверенные им области и таким образом стали богатыми, независимыми землевладельцами¹. Право утверждать за избранными лицами графства, что в то время было равнозначительно с пожалованием в графское достоинство, составляло одно из преимуществ германских императоров, наследовавших после Карла Великого и его ближайших преемников (в 962 г.) вместе с короною римских императоров некоторого рода покровительство и господство над землями Германии, входившими в состав Римского колосса. Такое право оставалось за германскими императорами, пока существовала Священная Римская империя, т.е. до 1806 г., когда с образованием самостоятельных в самой Германии коро-

¹*Eichorn*. Deutsche Staats und Rechtsgeschichte. Göttingen. 1843. Bd. 1. P. 162–163, 167, 192; Bd. 2. P. 109. Fl.

левств император Франц II утратил свое прежнее на германские земли влияние и принял титул императора Австрийского².

До царствования Петра Великого у нас не жаловалось ни княжеское, ни графское достоинство. Княжеский титул принадлежал издавна многим фамилиям, но это были потомки удельных князей; графов же вовсе не было, и боярство оставалось высшею наградою, которой удостоивался в то время служилый человек³. Таким образом, понятно, отчего Петр Великий для пожалования русских в графы считал первоначально необходимым утверждение их в этом титуле римским императором, от которого им и выдавался диплом. Впрочем, большая часть графов Римской империи была потом возводима в русские графы (напр., графы Головкины, Воронцовы, Дмитриевы-Мамоновы, Кушелевы-Безбородко и др.). Впрочем, некоторые остались только графами Римской империи (напр., Комаровские, Матвеевы, Морковы), и гербы их помещены в одном отделении с гербами дворян, не имеющих титулов. Наконец, как Петр Великий, так и преемники его за особенные заслуги престолу и отечеству возводили прямо в графы, и прежде других такого отличия удостоился род Шереметевых (в 1706 г.) Герб их описан выше. Мы остановимся на Головкиных, графах Римской империи с 1707 г., возведенных в русские графы в 1709 г., и на дипломе, выданном им по этому случаю в 1710 г. Заметим, вообще, что для отечественной истории сведения, сообщаемые в подобных дипломах, очень важны во многих отношениях и собрание этих материалов было бы драгоценным приобретением для науки. Не меньшего внимания заслуживают эти документы и со стороны русского геральдика, потому что описание и иногда объяснение герба, видимого свидетеля заслуг, составляет существенную часть этих грамот, в которых всегда и помещается живописное изображение герба. Считая излишним печатать здесь вполне те графские дипломы, которые не были еще изданы и которые удалось нам собрать, мы приведем из диплома 1710 г., данного графу Головкину, начало и конец, тем более что форма их осталась почти без изменения до настоящего времени.

Диплом этот начинается так: "Божиею споспешествующею милостию мы пресветлейший и державнейший великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич; всея Великия и Малыя России самодержец (следует пространный титул) будущих

² Ibid. Vol. 2. P. 36–39; Vol. 4. P. 602–611.

³ Котошихин Г.К. Указ. соч. С. 21–22.

веков на память объявляем настоящею нашу жалованную грамотою всем: Аще данная нам от Всевышнего самодержавная власть во Всероссийском нашем наследном и принадлежащих к оному пространнейших царствиях и государствах тако распространяется, что вся достоинства и высокие степени чести во оном издавна обыкные и по воле нашей возведенные, каждому по заслугам и по милости нашей раздавати, в благоволение нашем состоит, обаче в награждении знатных степенями чести и титулов в нашем царствии богатодарность нашу сими обыкли есмы пределы заключать, рассматривая чрезвычайные заслуги и высокое достоинство онаго, его же на степень знатнейшаго графскаго преимущества возвести соизволим". Исчисление заслуг, стяжавших Головкину право на это отличие, занимает большую часть диплома, который оканчивается так: "Того ради мы пресветлейший и державнейший великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич самодержец Всероссийский нашего Всероссийскаго царствия и государств верноподданым подданным как духовным высшима и нижня степеня, так и мирским, в нашем царскаго величества синклите обретающимся, принцам или князьям и прочим высоким министрам, в войсках же наших на земле и море служащим фельдмаршалам и адмиралам, генералам и вице-адмиралам и прочим вождям и высокаго и низкаго чина офицерам, такожде благоурожденным нашим дворянам и всем вообще и коемуждо особно, гражданским канцелярийским верховным и нижним служителям и земскаго чина президентам и бургомистрам и мещанам и всем Всероссийскаго нашего царствия подданным всякаго чина, милостиво повелеваем, и указом нашим имянным утверждаем; а прочим потентам, принципам и князьям братски и любезно просим и желаем, дабы помянутаго нам и Всероссийскому нашему царству верноподданнаго Римскаго и Российскаго государств графа Гаврила Ивановича Головкина и законных его детей и наследников мужеска и женска роду нисходящей линии, в вечныя времена, в рассуждении к нам и к царству нашему помянутаго его верныя службы, нашим и Римскаго и Российскаго государств графом признавали, почитали, писали и именовали и по милостивому нашему возвышению председательство в духовных и сенаторских советах по достоинству оному позволяли и прочия преимущества и почтения отдавали, якоже брата нашего любезнейшаго, пресветлейшаго и державнейшаго Иосифа, избраннаго Римскаго цесаря и иных, ему данной диплом в себе содержит, которую сею нашу царскаго величества милостивою жалованною грамотою купно во всем подтверждаем

и подданным нашим оной приймаь.и потом исполнять повелеваем, под опасением преступникам нашего царского величества гнева и пени ста фунтов чистаго золота, из которой половина в казну нашу, а остаточное же тому озлобленному доправлено быть имеет без всякой пощады, не смотря лица или чина; прочих же Потентатам, Принцыпом и Князем в таковых же мерах воздавати обещаем; якоже во свидетельство сей нашей к помянутому нам вернолюбезному графу Гаврилу Ивановичу Головкину милости и достойнаго возвышения прилагаем нашу и Всероссийскаго нашего царствия печать, при подписании нашей царской руки”⁴.

Графские дипломы императоров Священной Римской империи писались на латинском языке и составлялись по сведениям, которые сообщались от нашего двора, как то доказывает хранящаяся в Румянцевском Музеуме в подлиннике за подписанием австрийского императора Карла грамота от 1714 г. на графское достоинство Андрею Артамоновичу Матвееву. Она писана на восьми пергаментных полулистах (in 4°), оболчена в парчу и заключает в себе, кроме подробного описания происхождения и заслуг рода Матвеевых, изображение герба их красками и удостоверение, что австрийским правительством к *родовому гербу* Матвеевых прибавлены *почетные эмблемы*. В соответствие с новым званием графа, Матвеева велено было именовать *Nochwohl-geboren*, Высокородным. Впрочем, форма изложения такая же, как в русских дипломах на графское достоинство: после пространного титула Римского императора и предисловия с изложением прав государя награждать заслуги и высшими степенями отличий следует исчисление тех подвигов, которые сделали Матвеева достойным такого отличия. В конце диплома предписывается всем и каждому уважать пожалованного и воздавать ему должные по достоинству почести, под опасением за противное государева гнева и пени в сто марок чистого золота, из которых одна половина поступает в казну, другая в пользу обиженного.

Общие приметы гербов лиц, пожалованных княжеским достоинством, состоят в том, что гербы их покрываются мантиею, опускающеюся из-под княжеской шапки (см. с. 49). Верх мантии бархатный, малиновый, подбой горностаевый. На щите помещается обыкновенно три шлема, реже число их простирается до пяти (гербы князей Меншиковых I, 15; Вязмитиновых

⁴ Ср.: *Древняя российская вивлиофика*. Т. 11. С. 483; *Графский диплом* Зотову от 1713 г.

Х, 6), из них средний бывает открыт впрям, а крайние ставятся боком (в три четверти), забралом к среднему. Короны бывают иногда на всех шлемах обыкновенные дворянские (напр., у князей Лопухиных IV, 6); чаще, однако, средний щит покрывается княжескою шапкою и поддерживает императорского орла, увенчанного тремя коронами. Шлемы могут быть украшены нашлемниками, которые или соответствуют эмблемам, помещенным в щите, и служат им дополнением, или прибавлены для почета и за особенные заслуги.

Присвоенная графским гербам корона есть золотая с девяти зубчиками или перлах; она полагается или только на шлеме (герб графов Мусиных-Пушкиных I, 17; Чернышевых I, 20), иногда на каждом из трех шлемов или на щите⁵ и среднем шлеме (герб графов Гудовичей IX, 4; Дибича-Забалканского X, 13; Каменских V, 9; Кушелевых IV, 11; Паниных I, 25; Протасовых VIII, 5; князей Варшавских, графов Паскевичей-Эриванских X, 3, 14; Разумовских I, 21; Румянцовых III, 4; гр. Шереметевых II, 10; Строгановых II, 16; Салтыковых II, 15; Толстых II, 12 и др.) или, наконец, повторяется, кроме щита и шлема, на маленьком щитке, помещенном в сердце герба и заключающем в себе родовую эмблему (герб графов Головкиных I, 16).

Шлемов в графских гербах по большей части три, и только редко шлем бывает один (гербы гр. Бестужевых-Рюминых I, 19; Бобринских I, 27; Головкиных I, 16; Мусиных-Пушкиных I, 17; Разумовских I, 21; Чернышевых I, 20; Шереметевых II, 10 и др.). Нашлемники (если они есть) состоят по большей части из родовых эмблем, которые помещаются или на среднем шлеме (гербы графов Головкиных I, 16; Минихов I, 18; Разумовских I, 21), или на одном из боковых (гербы гр. Завадовских I, 31; Потемкиных I, 26). В нашлемнике также находят себе место особенно почетные эмблемы, которые или пропущены в щите, или так важны, что повторяются (герб графов Толстых II, 12).

Далее, общая княжеских и графских гербов (за немногими исключениями, напр., герба графов Мусиных-Пушкиных I, 17) примета состоит в помещении в них русского императорского или римско-германского орла или, наконец, того и другого. Оба они черные и двуглавые, но первый увенчан тремя импера-

⁵ Графы Татищевы, имеющие по происхождению от удельных князей право на княжеские мантию и шапку, покрывают графскою короною только щит (VII, 5), удерживая прочие атрибуты княжеских гербов (с. 238).

торскими коронами и имеет на груди или московский герб или вензель государя, пожаловавшего графское достоинство (хотя бывает иногда и без этих примет); второй же орел, т.е. герб Священной Римской империи, отличается кружками (диадемою) вокруг глав орла. Помещение в графском гербе русского или римского орла зависит от того, кем достоинство это пожаловано. Если изображены оба герба, значит, что лицо первоначально было возведено в графы Римской империи и потом пожаловано тем же достоинством в России. В обоих случаях место, которое предоставляется орлу, бывает чрезвычайно различно. А именно: 1) в гербе графов Разумовских (I, 21) весь щит герба, разбитый на два поля: правое золотое и левое черное, занят изображением двоеглавого коронованного орла переменных с полями цветов, и на груди орла, в голубом щитке, помещена родовая эмблема, повторяющаяся и в нашлемнике, т.е. серебряная, двумя красными стрелами с обеих сторон поперек пробитая лата. В гербе графов Перовских на персях подобного же орла олень; 2) в нашлемнике, над графскою короною (гербы графов: Безбородко I, 29; Блудовых; Бобринских I, 27; Бутурлиных I, 22; кн. Варшавских, гр. Паскевичей-Эриванских X, 3, 14; Воронцовых I, 28; Вязмитиновых X, 6; Гудовичей IX, 4; Завадовских I, 31; Зотовых VIII, 3; Зубовых VI, 4; Курута X, 11; Ламбздорфов X, 5; Меньшиковых I, 15; Морковых I, 60; Паниных I, 25; Потемкиных I, 26; Салтыковых II, 15; Сиверс VII, 4; Строгановых II, 16; X, 12; Толстых II, 12; Толь X, 15); 3) в вершине щита (гербы графов: Аракчеева IV, 15; Безбородко I, 29; Бестужевых-Рюминых I, 19; Васильевых VII, 6; Вязмитиновых X, 6; Дибича-Забалканского X, 13; Канкриных X, 16; кн. Ливен X, 2; гр. Остерманов II, 13; фон-дер-Пален IV, 10; Протасовых VIII, 5; Суворовых II, 14; Толь X, 15); 4) в сердце герба (гербы графов: Бобринских I, 27; кн. Варшавских, гр. Паскевичей-Эриванских X, 3; 14; Каменских V, 9; Ламбздорфов X, 5; Меньшиковых I, 15; фон-дер-Остен-Сакен III, 5; Ростопчиных IV, 12; Румянцевых III, 4; Строгановых II, 16; X, 12) или, наконец, 5) в разных частях щита, причем орел помещается или целый или в разделениях (гербы графов: Бутурлиных I, 22; Головкиных I, 16; Ефимовых VII, 3; Минихов I, 18; Орловых I, 23, 24; Орловых-Денисовых VIII, 4; Потемкиных I, 26; Румянцевых III, 4; Салтыковых II, 15; Толстых II, 15; Чернышевых I, 20).

По некоторым атрибутам орла можно узнать, в какое время пожаловано графское или княжеское достоинство, а именно: при государе императоре Павле Петровиче на груди орла

нередко помещались заглавная буква П под императорской короною и под нею цифра 1 (гербы графов: Аракчеева IV, 15; Буксгевден I, 32; Дмитриевых-Мамоновых I, 30; Завадовских I, 31; Кушелевых IV, 11; Кочубеев IV, 13; Кутайсовых IV, 14; Лопухиных IV, 6; фон-дер-Пален IV, 10; Ростопчиных IV, 12; Строгановых II, 16). В некоторых гербах того же царствования означенный вензель положен на Мальтийском кресте (гербы: князей Аргутинских-Долгоруковых V, 6; графов Орловых-Денисовых VIII, 4).

Шифр государей императоров Александра Павловича и Николая Павловича виден на груди двуглавого орла в гербах лиц, пожалованных княжеским и графским достоинствами в эти царствования (гербы графов: Вязмитиновых X, 6; Гудовичей IX, 4; Ламбздорфов X, 5; Строгановых X, 12; Толь X, 15); заслуги же в два царствования объясняют помещение на груди орла двух царских вензелей; напр., когда в 1799 г. штатс-дама Шарлотта фон-Ливен была возведена в графское достоинство, над родовым гербом Ливенов помещен двуглавый орел, имеющий на груди, в голубом щитке, имя государя императора Павла Первого (IV, 9), а когда в 1826 г. графиня Ливен возведена с потомством в княжеское Российской Империи достоинство, с титулом светлости, рядом с описанным щитком, на груди орла, помещен другой такой же с высочайшим именем государя императора Николая I, в знак монаршего благоволения (X, 2). Тем же объясняется, отчего в гербе графов Кочубеев (IV, 13) на груди орла, в вершине щита, изображен вензель только государя императора Павла Петровича; в княжеском же их гербе (X, 4) орел с этим вензелем помещен в нащлемнике, а в сердце щита, на золотом щитке, виден Российский государственный герб с буквою П.

О девизах и щитодержателях в гербах княжеских и графских будет упомянуто ниже, в отделе о дворянских гербах. Теперь же мы перейдем к гербам лиц, пожалованных баронским достоинством. Дипломы на этот почетный титул по форме своей мало отличаются от графских. При Петре Великом в 1721 г. такой диплом был пожалован государственному подканцлеру, гайному советнику Петру Павловичу Шафирову.

Отличительный признак баронских гербов состоит в баронской плоской короне (в роде бурелета), которая полагается на шлеме (гербы баронов: Колокольцевых VIII, 6; Местмахеров VII, 7; Строгановых I, 34; Фридрихсов I, 35; Черкасовых III, 6) и может повторяться на щите (гербы баронов Раль IX, 6; Роговиковых IX, 7; Щиглицев X, 18). Шлемов на этих гербах

бывает иногда два, но чаще на баронской щит ставится один шлем, над которым, равно как над короною, может быть помещена родовая эмблема (напр., у баронов Строгановых — медвежья голова I, 34).

Российский государственный герб помещается в баронских гербах иногда в вершине (гербы баронов Меллер-Закомельских I, 36; Ралей IX, 6; Роговиковых IX, 7) или в другой части щита (герб баронов Вельго V, 10).

В гербах лиц, пожалованных из дворян сперва баронским, потом графским достоинством, из трех шлемов на среднем полагается графская корона, из крайних на одном — обыкновенная дворянская, на другом — баронская (гербы графов: Аракчеева IV, 15; фон-дер-Пален IV, 10).

Вокруг графских и баронских гербов намет такой же, как и в гербах дворян, не пользующихся почетным титулом, и состоит из листьев, обнимающих щит. Цвета намета те же, какие главной эмблемы и главного поля, если эмблем в гербе несколько; если же фигура в щите одна, то цветá поля и эмблемы повторяются в намете. В нашей геральдике принимается также за правило: не помещать краски на краску и металла на металл. Оттого и намет, представляющий повторение цветов щита, имеет верх цветной и подбой металлический.

Эти правила вполне применимы и к гербам дворян без почетных титулов. В гербах этого разряда щит обыкновенно покрывается одним шлемом: он ставится впрям, бывает подложен красным и имеет шесть золотых решетин. На шее, на золотой цепи, нередко висит золотая корона. У некоторых татарских родов мы видели (с. 333) вместо описанных атрибутов дворянских гербов — чалму. Иногда шлему придается форма нынешних касок с забралом (герб Киреевых X, 46), или его покрывает боярская шапка (герб Шетиевых IV, 21), но эти изъятия редки и составляют отступление от правил.

Нашлемник состоит обыкновенно из страусовых перьев, числом трех или пяти, равно как из особенных фигур, которые составляют по большей части вторую половину эмблем в щите, хотя бывают случаи, что в нашлемнике помещается такая фигура, которая не могла найти себе места в гербе или которую хотя особенно выдвинуть.

Щитодержатели, кроме происхождения рода, употребляющего герб (ср. с. 49), свидетельствуют о заслугах лица, о том, в каких действиях, в какой части России и на каком поприще оно отличилось. Считаем достаточным объяснить мысль нашу следующими примерами: в гербе графа Аракчеева (IX, 3), который

ИЛЛЮСТРАЦИИ И ТАБЛИЦЫ

МИХАИЛЬ ФЕОДОРОВИЧЪ

Царь и Самодержецъ
всероссійскій

Michael Feodorowicz
Tzar et Autocrator
totius Russiae.

АЛЕКСИИ МИХАЙЛОВИЧЪ

ЦАРЬ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕ-
росейскій. Родился марта 9 дня 1629 .
воспелъ на ошескій престолъ въ 1645
зскончался по 31 лѣтнемъ владѣнїи въ
1676 году февраля 3 дня .

ALEXE MICHAILOWIZ

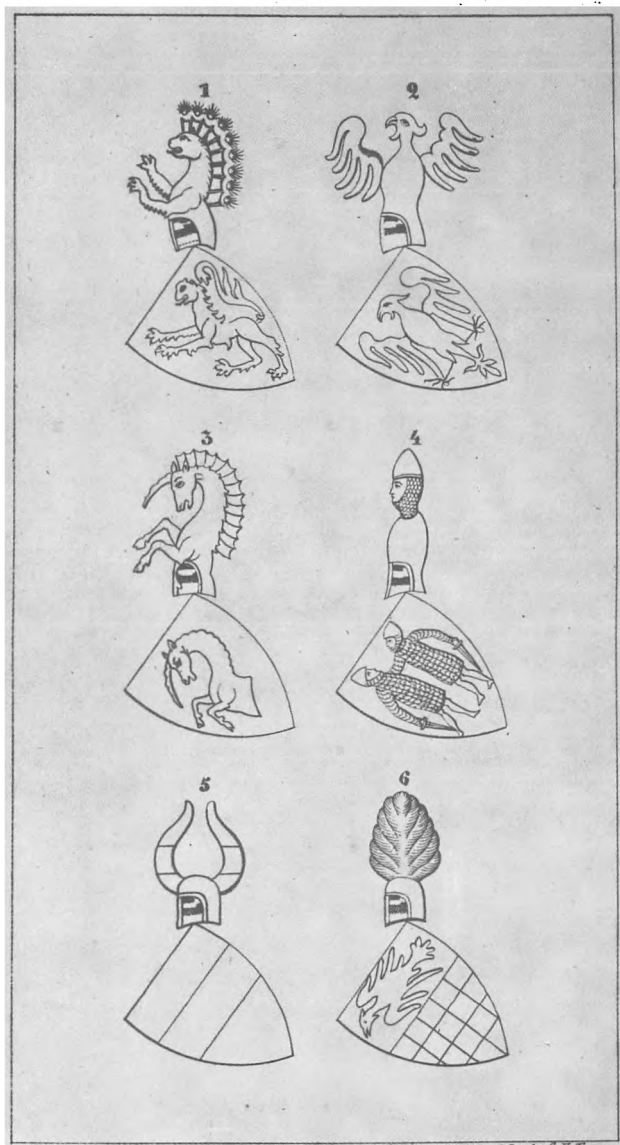
CZAAR und SELBSTHERSCHER
von gantz Ruffland, gebohrend .9. Marty
1629 folgt Seinem Herrn Vater in der Regie-
rung 1645; die Er auch Selbst nach 31 Jahren
1676 d 8 February durch den Todt befehlet

Александр I, император всероссийский

Николай I, император всероссийский

Из книги «Символика» № 14 от фронтисписа, издательство «Искусство» 1972 г.

Таблица I

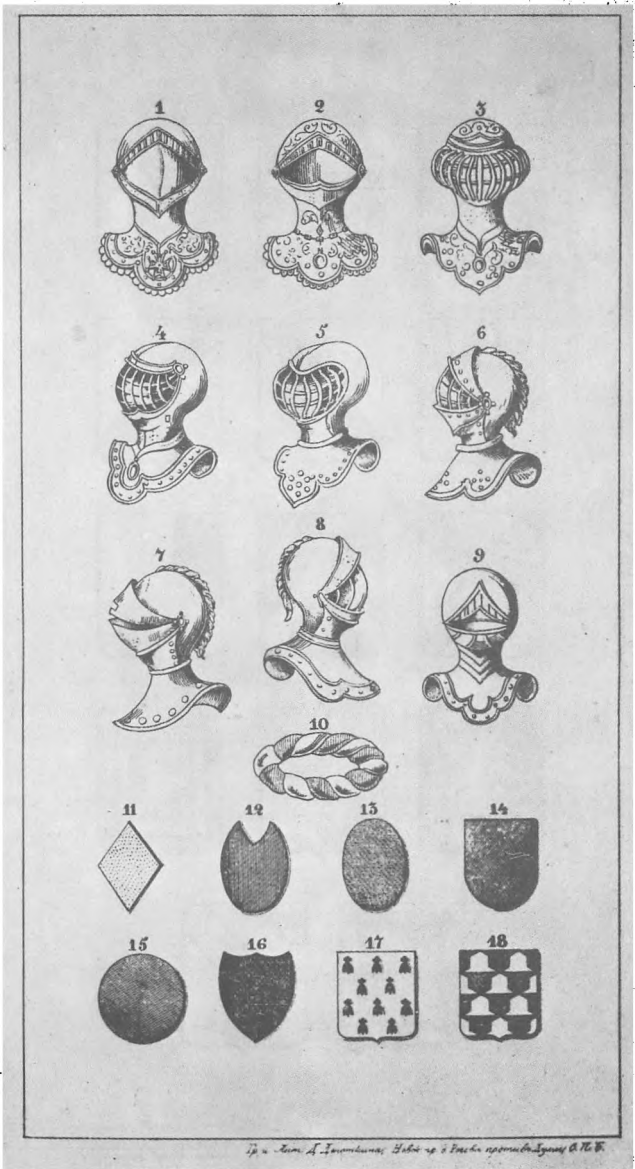

Таблица II

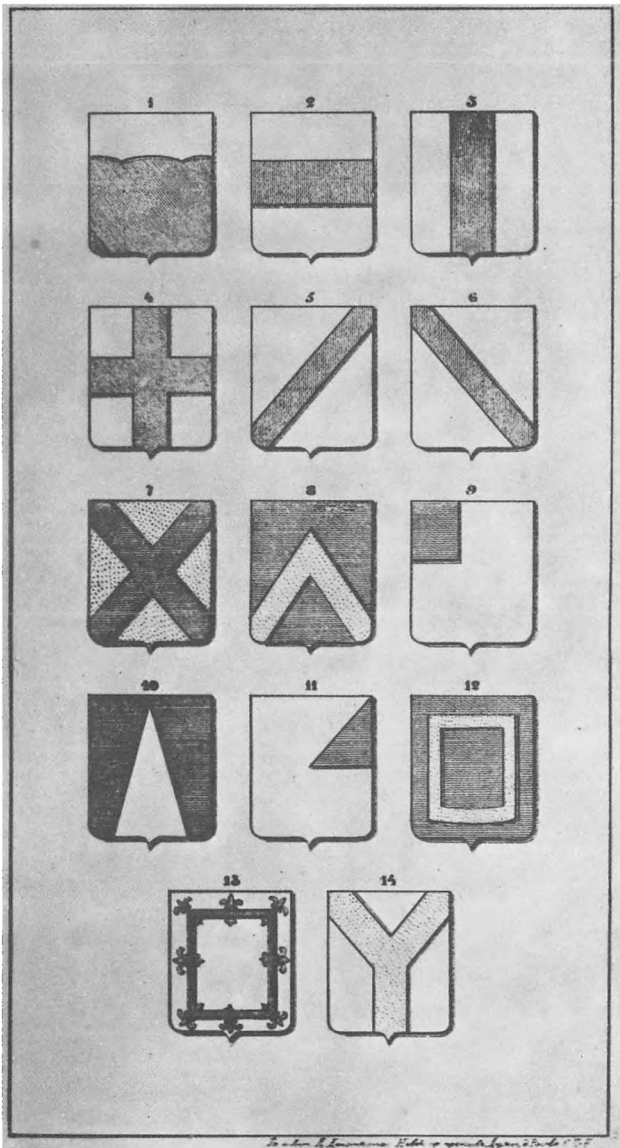

Таблица III

Таблица VI

Таблица VII

Таблица VIII

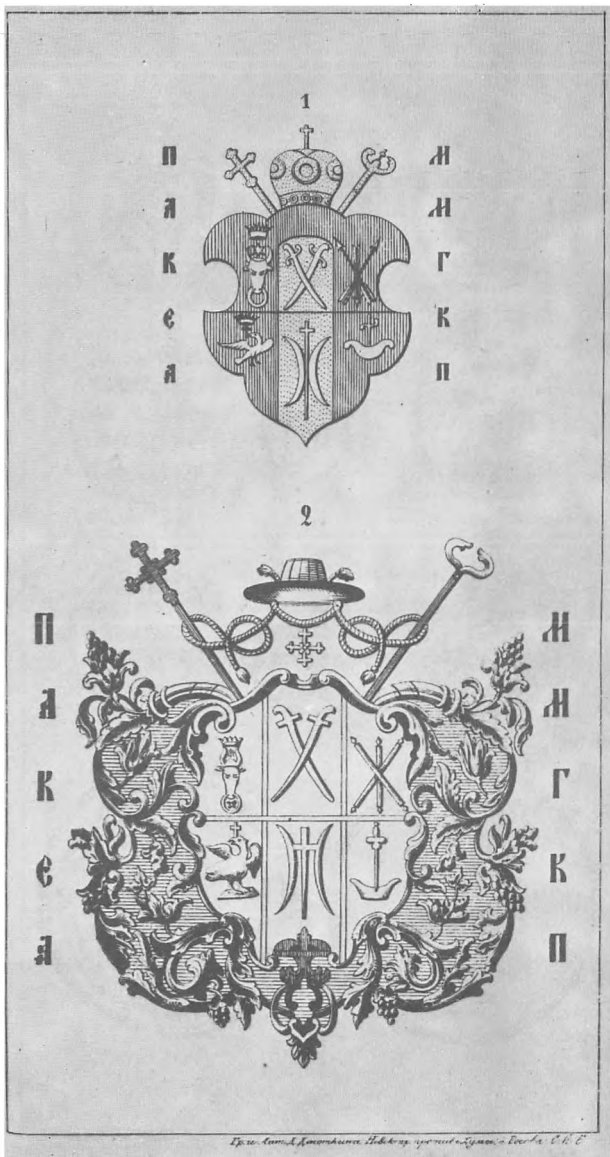

Таблица IX

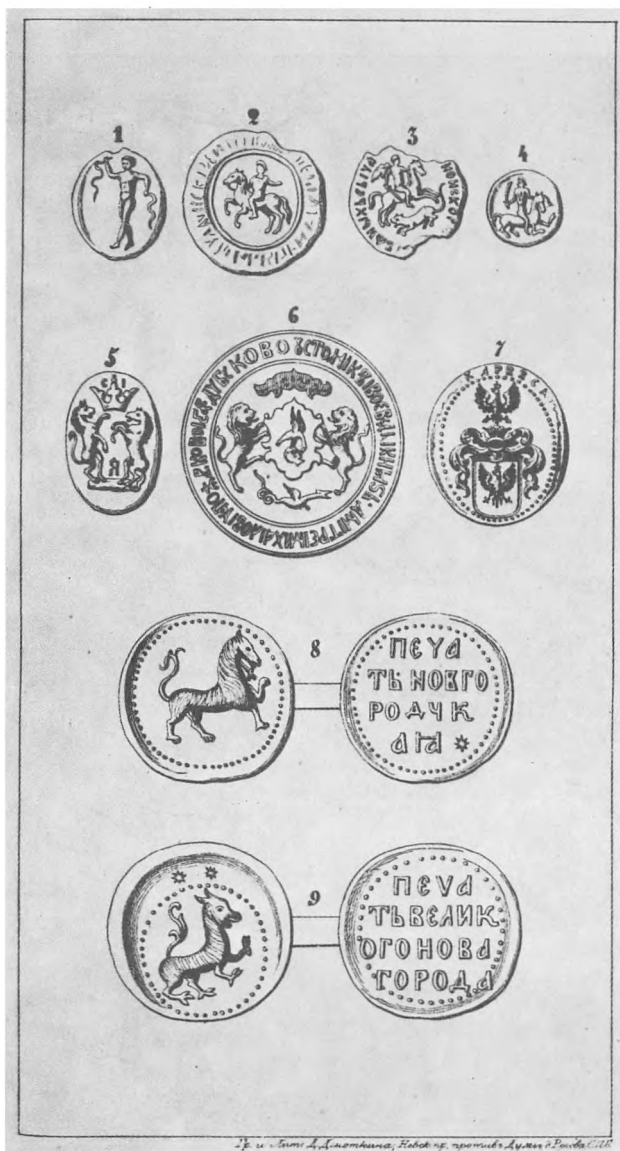

Таблица XII

Таблица XIII

Таблица XIV

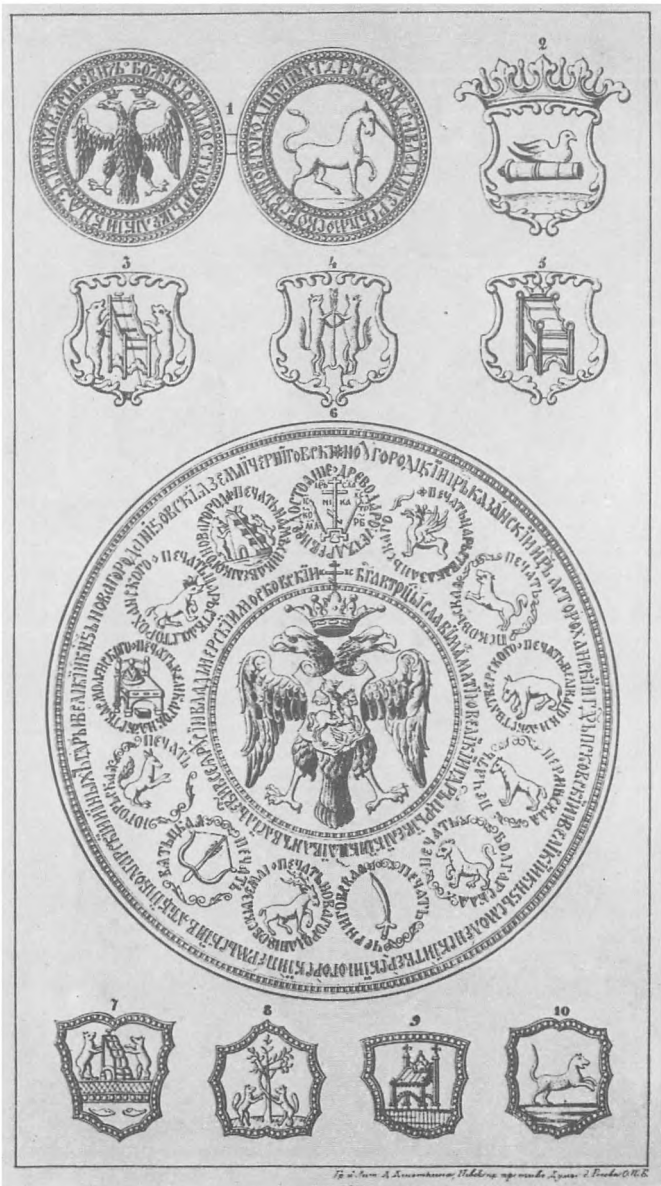

Таблица XV

Таблица XVI

Таблица XVIII

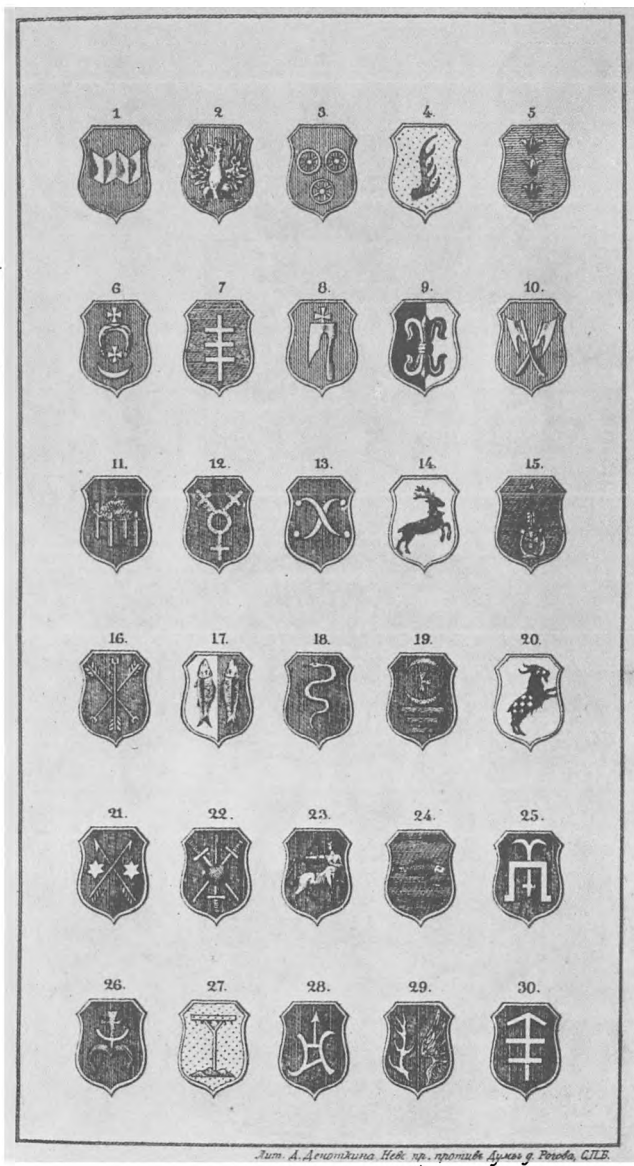

Таблица XIX

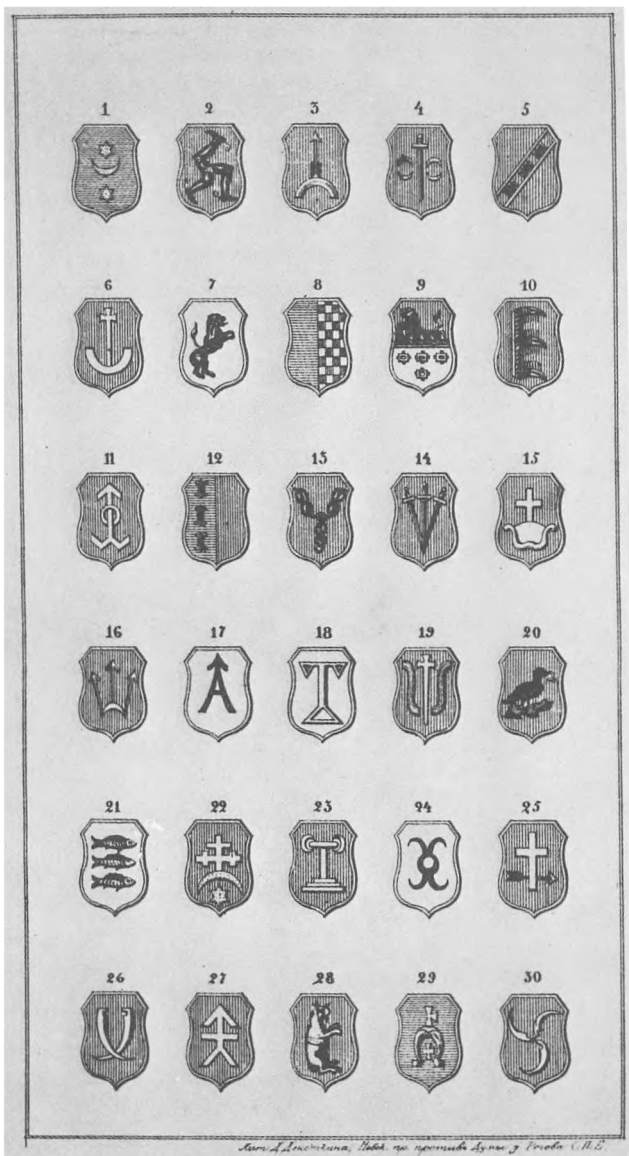

Таблица XX

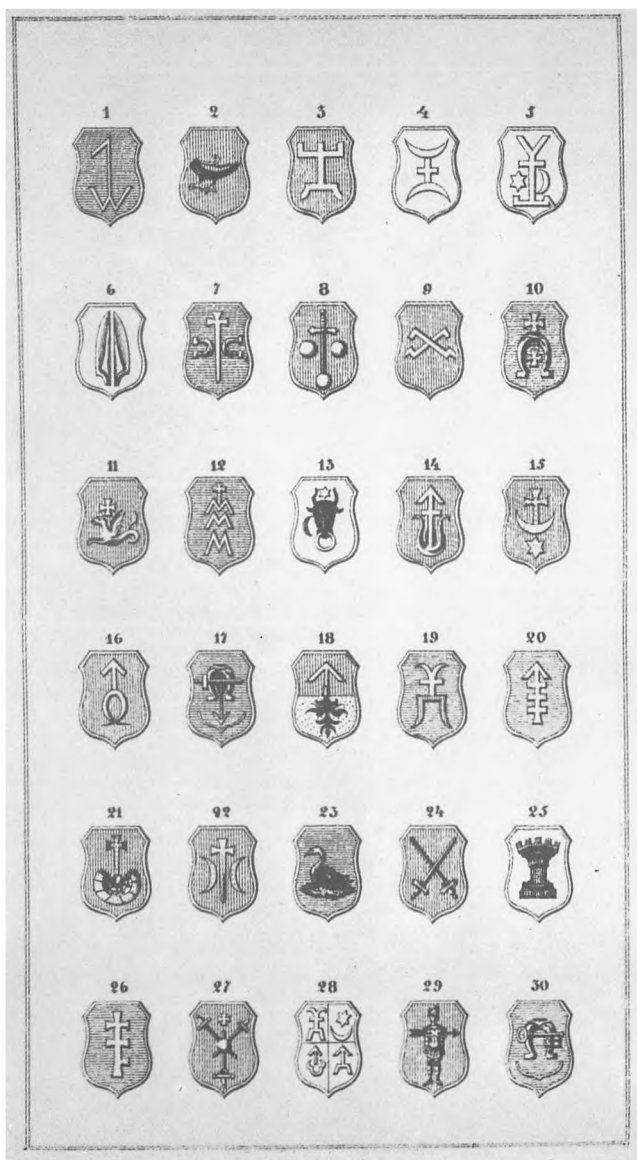

Таблица XXI

Таблица XXII

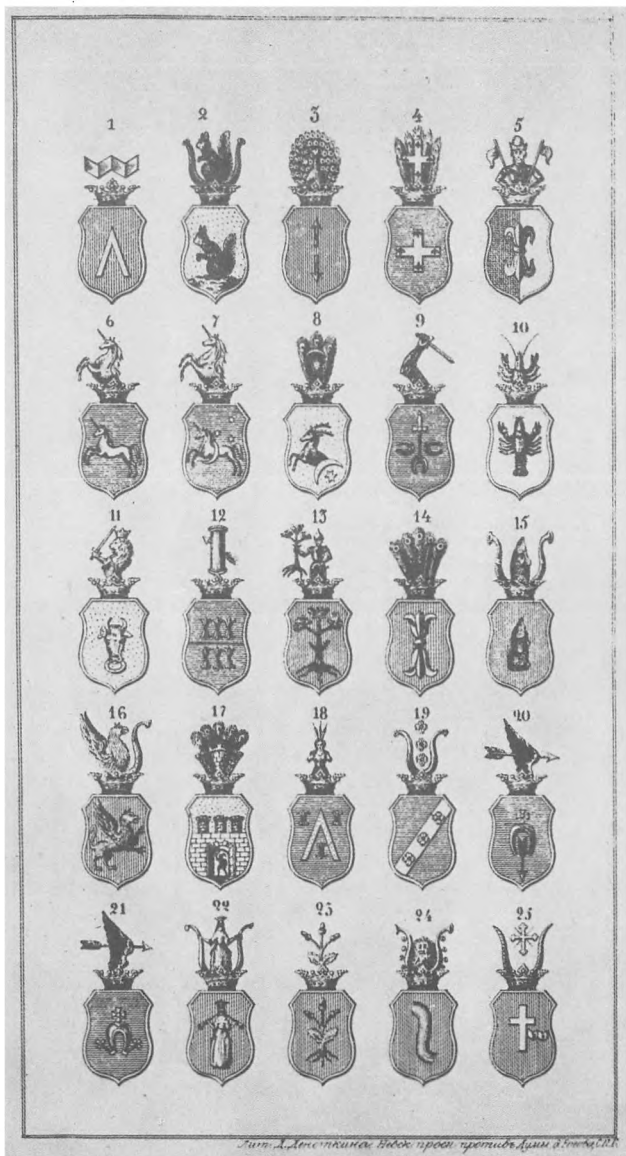

Таблица XXIII

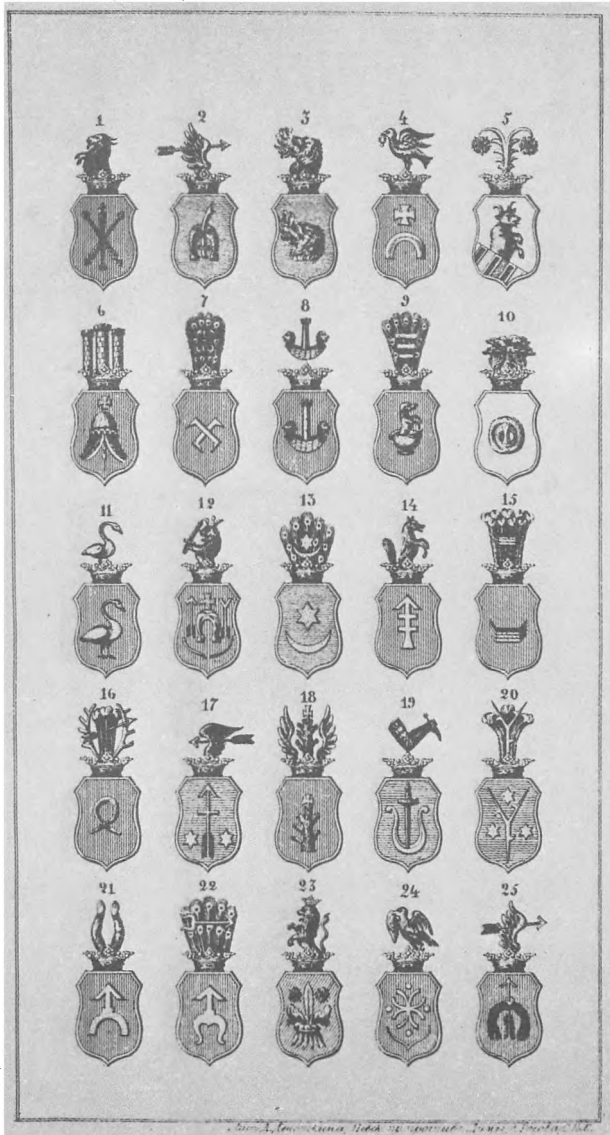

Таблица XXIV

Таблица XXV

в качестве генерал-инспектора артиллерии и управляющего военным департаментом так много способствовал усовершенствованию у нас оружия и вообще военного дела, щит держат с правой стороны артиллерист, с левой гренадер; у гр. Безбородко (I, 29) щитодержатели — скифы с непокровенными главами, из них стоящий с правой стороны держит стрелу, с левой масличную ветвь; у князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского (X, 3, 14) по сторонам щита поставлены с правой гренадер, с левой воин в одежде кавказских народов; у князя Меншикова — два солдата (I, 15); у князя Лопухина, бывшего министром юстиции, щитодержатели с правой стороны герба — богиня, имеющая в руках весы правосудия, с левой — воин со знаменем (IV, 6); у графа Миниха (I, 18) с правой стороны герба стоит воин, имеющий на шлеме каменную стену с геометрическим в руке рисунком, воин же с левой стороны держит на плече карабин; у Морковых, графов Римской империи, щитодержатели — два сармата, из которых стоящий с правой стороны держит золотую саблю, обвитую дубовой ветвью, с левой сидящий имеет при бедре саблю и опирается на отрубок; у гр. Орловых-Денисовых (VIII, 4), Платовых (IX, 5) и у Потемкиных (I, 26) по сторонам герба видны казаки; герб графов Разумовских (I, 21) держат с одной стороны скиф с колчаном, стрелами и луком, с другой — малоросс; гр. Сперанского — с правой стороны тобольский городской казак, с левой — бурят; о подвигах Шелехова, жертвовавшего жизнью и состоянием для присоединения к России жителей Северной Америки, свидетельствуют два американца, держащие его герб: один из них имеет в руке Меркуриев жезл, другой якорь (IV, 143).

Девизы состоят у нас почти всегда из выражений на латинском или русском языке, заключающих в себе правила жизни и деятельности. Мы исчислим главнейшие девизы наших гербов:

Гр. Аракчеева: Без лести предан (IV, 15; X, 3);

Гр. Безбородко: *Labore et zelo*, т.е. трудом и усердием (I, 29);

Гр. Бестужевых-Рюминых (I, 19): *in Deo salus mea*, т.е. в Боге мое спасение;

Гр. Бобринских (I, 27): Богу слава, жизнь Тебе;

Брискорнов (IV, 144): *Tu Numinis instar mihi*, т.е. Ты для меня подобие Божества;

Гр. Брюс (II, 11): *Fuimus*, т.е. мы были;

Гр. Воронцовых (I, 28): *Semper immota fides*, т.е. верность никогда непоколебимая;

Гр. Вязмитиновых (X, 6): путем правды и усердия;

- Гр. Головкиных (I, 16) : *dedit haec insignia virtus*, т.е. доблесть дала эти отличия;
- Гр. Гудовичей (IX, 4) : *armis et labore*, т.е. оружием и трудом;
- Гр. Дибича-Забалканского (X, 13) : *sum cuique*, т.е. всякому свое;
- Донауровых (IV, 142) : *Tibi soli*, Тебе Единому;
- Гр. Завадовских (I, 31) : *Fieri praestat, quam nasci*, т.е. лучше быть пожалованным, чем родиться (графом) ;
- Гр. Зотовых (VIII, 3) : верность и терпение;
- Зыбиных (III, 76) : *fuius*, т.е. были;
- Искрицкого (VI, 154) : Помяну милость Твою в роды родов ;
- Гр. Канкриных (X, 16) : *Labore*, т.е. трудом;
- Гр. Клейнмихель : усердие все преодолагает;
- Гр. Кутайсовых (IV, 14) : живу одним для одного;
- Гр. Кушелевых (IV, 11) : Единому предан;
- Гр. Ламбздорфов (X, 5) : Богу предаю всю надежду;
- Кн. Ливен (X, 2) : Богу и Государю;
- Кн. Лопухиных (IV, 6) : Благодать;
- Мануцци (VI, 133) : Твой есмь аз, спаси мя;
- Гр. Матвеевых : *laboribus, meritis: virtute ac sanguine*, т.е. трудами, заслугами: храбростью и кровью;
- Мусиных-Юрьевых (VII, 171) : Сила Бога в немощи совершается;
- Обольяниновых (IV, 62) : твердостью и усердием;
- Гр. Орловых-Денисовых (VIII, 4) : службою и храбростью;
- Гр. фон-дер-Пален (IV, 10) : *Constantia et zelo*, т.е. постоянством и усердием.
- Кн. Варшавских, гр. Паскевичей-Эриванских (X, 3, 14) : честь и верность;
- Гр. Перовских : не слыть, но быть;
- Гр. Платовых (IX, 5) : за верность, храбрость и неутомимые труды;
- Гр. Поццо де Борго (X, 10) : *virtute et consilio*, т.е. храбростью и советом;
- Гр. Ростопчиных (IV, 12) : честью и верностью;
- Гр. Разумовских (I, 21) : *Faman extendere factis*, т.е. славу (должно) увеличивать деяниями;
- Гр. Румянцевых (III, 4) : *Non solum armis*, т.е. не только оружием;
- Гр. и кн. Салтыковых (II, 15; IX, 2) : за верность, усердие и труд;
- Гр. Сперанского : *Sperat in adversis*, т.е. и в несчастьи надеется;

Столыпных (X, 31) : Deo spes mea, т.е. на Бога моя надежда; .

Гр. Строгановых (X, 12) : Ferram opes patriae, sibi pomen, т.е. Отечеству принесу богатство, себе (оставлю) имя;

Гр. Толь (X, 15) : Бог моя надежда;

Шелехова (IV, 143) : Верою и усердием.

В редких случаях значение девиза объясняется эмблемою, помещенною в гербе; напр., у гр. Блудовых герб состоит из орлиной лапы, под нею девиз: non in aves, sed in angues, т.е. не на птиц, а на змей; у Державиных в нащлемнике рука держит звезду, девиз: Силою вышнюю держуся (V, 38); в гербе Копиных (VII, 92) изображены в серебряном поле вылетающие из облаков громовые стрелы, которые ударяют в гору, выходящую из моря, девиз гласит: *не поколеблет*; у Кочубеев (гр. и кн.) сердцу и пламени соответствует девиз: elevor ubi consumo, т.е. когда поднимаюсь, поглощаюсь (III, 49; IV, 13; X, 4); у Майковых в гербе конь, девиз: не останусь (III, 67); у гр. Остерманов (II, 13) родовая эмблема пальма, девиз: nec sol, nec frigora mutant, ни зной, ни стужа не изменяет.

Кроме примет, свойственных всем дворянским гербам или большей их части, есть еще признаки, отличающие особые их виды. Сюда относятся т.н. *лейб-кампанские* гербы, оставшиеся до сих пор у очень многих дворянских фамилий в память существования полка или роты, оказавшей особенную верность императрице Елисавете Петровне при восшествии ее на прародительский престол. Сама государыня наименовала себя капитаном Лейб-кампанской роты, капитан-поручиком был назначен полный генерал армии, поручиком генерал-лейтенант и т.д., в унтер-офицерах, капралах и рядовых служило много знатных дворян. Прочих, хотя бы и не дворянского происхождения, но оставшихся верными законной государыне, велено было внести также в дворянскую книгу и на память будущим поколениям сочинить им гербы, в которых одна половина должна быть общая для всех по особо утвержденному рисунку, а в другой повелено сохранить родовые гербы, если они были, или поместить вновь данные эмблемы⁶. В 1742 г. проект лейб-кампанского герба был утвержден и заключает в черном поле золотое стропило с изображением трех лопнувших гранат, над стропилом означены две серебряные пятиугольные звезды, под стропилом видна одна такая же звезда. Описанная эмблема в большей части гербов этого разряда занимает правую половину щита, в очень

⁶ Указ 1741 г. дек. 31 (№ 8491). Именной; Указ 1749 г. июля 21 (№ 9653). Сенатский.

немногих (гр. Воронцовых I, 28 и Шуваловых) — вершину. Щит увенчан дворянским шлемом, которого забрало обращено вправо, на шлем наложена лейб-кампанская гренадерская шапка с страусовыми на ней перьями красным и белым; по сторонам шапки видно два орлиных черных крыла и на каждом из них по три серебряных звезды. У пожалованных графским достоинством лиц, имеющих такой герб, описанная шапка между орлиными крыльями покрывает один из шлемов (герб графов Воронцовых I, 28). Девизом лейб-кампанских гербов повелено быть выражению: *"за верность и ревность"*⁷. При тогдашних средствах Герольдии трудно было найти достаточное количество живописцев, которые бы изготовили для всех пожалованных лейб-кампанскими гербами дипломы и патенты. Отовсюду были собираемы художники, неоднократно делались подтверждения об окончании этой работы⁸, и гербы даны многим лейб-кампанцам, но не всем. Исчисляя помещенные в Гербовнике, мы, чтобы не описывать эмблем, вошедших в каждый из них, заметим, вообще, что, кроме сохраненных родовых эмблем, в левой стороне рассеченного на две половины щита помещались: оружие разного рода, хлебные растения, снопы, пчелы, равно как фигуры, соответствовавшие прозванию лица. В алфавитном порядке гербы эти суть: Андреева (III, 121); Андреевских (III, 137); Балашевых (II, 136); Барсуковых (VI, 156); Булатовых (III, 135); Бурцовых (III, 100); Волковых (III, 120; VI, 70); Вороновых (III, 134); Гавриловых (I, 98); Горюновых (I, 96); Григорьевых (III, 122); Дехтяревых (I, 94); Екимовых (III, 138); Жардиных (III, 119); Журавлевых (I, 90); Заворуевых (III, 140); Зотовых (I, 92); Зыкиных (III, 139); Игнатьевых (I, 89); Картавцевых (VIII, 55); Карташевых (I, 99); Козловых (II, 137); Кузнецовых (III, 124); Лаптевых (III, 123); Ласунских (VIII, 29); Лукиных (VIII, 117); Лучковых (III, 133); Мартыновых (VII, 17); Маскиных (III, 130); Матеровых (III, 128); Михайловых (II, 140); Муравьевых (II, 138); Нечаевых (III, 141); Охлестышевых (III, 116); Подрезовых (III, 126); Рахманиновых (IV, 134); Русоновых (II, 139); Рябиковых (I, 97); Савиных (III, 115); Семичевых (I, 95); Суриных (I, 93); Трусовых (III, 118); Увакиных (III, 129); Улучкиных (I, 91); Ухтомских (III, 127); Храповицких (II, 127); Черноситовых (VIII, 70); Шаминовых

⁷ Указы: 1742 г. окт. 15 (№ 8639). Высочайше утвержденный доклад Сената; 1742 г. нояб. 25 (№ 8666). Здесь исчислены имена лиц, служивших в лейб-кампанской роте; 1749 г. дек. 7 (№ 9690).

⁸ Указ 1749 г. июля 21 (№ 9653). Сенатский.

(Ш, 117); Шаминых (Ш, 131); Шераповых (Ш, 132); Шуриных (Ш, 136).

В 1762 г. лейб-кампанская рота уничтожена, и служившие в ней распределены по другим полкам и службам: иные совсем уволены⁹.

Нам остается еще показать, как в разные царствования в гербах означалось самое их пожалование. Это такие приметы, по которым при первом взгляде на герб можно положительно определить время его дарования или увеличение почетными эмблемами; так, гербы, пожалованные в царствование императрицы Екатерины II, нередко отличаются императорскою короною в горностаевом или ином поле, помещенною в вершине или другой части герба (Гербы Ганов I, 129; Гогель I, 141; Евреиновых I, 108; Лебедевых I, 145; Михайловых I, 137; Облеуховых II, 114; Фалеевых I, 113; Шешковских I, 115; Яковлевых I, 116). Такая корона занимает иногда все поле щита в гербе (герб Ивановых I, 142).

Гербы, жалованные при государе императоре Павле Петровиче, нередко отличаются государственным гербом с положенным в сердце его мальтийским крестом (герб Мусиных-Юрьевых VII, 174), или вензелем государя (см. выше и герб Искрицких VI, 154), или, наконец, повторенными четыре раза и сложенными в крест вензелями II (герб Брискорнов IV, 144).

§ 98. *Эмблемы, соответствующие разным заслугам.* Исчисляя заслуги, вознаграждение за которые хотели увеличить внесением в герб эмблем, им соответствующих, мы начнем с важнейших: подвигов преданности государю и престолу, а затем разделим гербы, сообразно заслугам лиц, ими пожалованных, на относящиеся к службам: придворной, военной и гражданской. Такое разделение, с одной стороны, облегчит для нас обозрение до чрезвычайности разнообразных гербов, а с другой — оказывается удобнее для того, кто пожелал бы воспользоваться нашими наблюдениями при выборе себе герба. Важнейшие гербы будут описаны в подробности, на другие (чтобы не обременять книгу излишними выписками из Гербовника) будут сделаны указания. Считаю нелишним заметить при этом, что геральдический язык всех стран и народов имеет одни и те же эмблемы для выражения известных качеств, добродетелей и заслуг. Исчислив разные виды этих фигур выше и показав их значение, мы считаем себя вправе не повторять здесь того же, а прямо приступаем к нашему перечню.

⁹ Указ 1762 г. марта 21 (№ 11480). Именной.

Герб Кочубеев останется навсегда свидетельством преданности государю и отечеству, запечатленной некогда кровью Василия Леонтьевича Кочубея, который в качестве генерального мало-российского судьи открыл Петру Великому измену Мазепы и по проискам гетмана пал на плахе¹⁰. В ознаменование того потомству Кочубея пожаловано в герб красное сердце с означенными на нем двумя золотыми крестами, положенное в голубом поле. Это родовое знамя Кочубеев (III, 49) помещается в графском и княжеском гербах этой фамилии (IV, 13; X, 4).

Эмблема сердце, означенное или одно, или на груди орла (грб. графов Зотовых VIII, 3; князей Меньшиковых I, 14), или между орлиными крыльями нередко в наших гербах, как нередко то чувство, которого она служит выражением. Таковы грб. графов Кушелевых (IV, 11); Аплечеевых (VI, 72); Ефименковых (IX, 149); Жеребцовых (II, 40); Кутайсовых (IV, 14); Легкобытовых (X, 109); Макаровых (VI, 132); Плаховых (VII, 134); Плещеевых (I, 44) и др. (ср. *Аксак*). Та же доблесть выразилась в гербе графов и князей Ливен. Древний родовой герб этой фамилии состоит из положенных в красном поле трех золотых лилий, окруженных семью золотыми звездами. Под ним изображены две лежащие накрест лилейные ветви, на которых шесть лилий, означающие воспитание, данное штатс-дамою Ливен их императорским высочествам великим князям (IV, 9; X, 2).

В гербе Шервуд-Верного верность присяге выражена следующим образом: верхнюю половину надвое разбитого щита занимает под российским гербом изображение вензеля государя императора Александра I в лучах; в нижней части, красного цвета, видна выходящая из облаков рука, поднятая вверх со сложенными перстами, как у присяги (X, 120).

Придворная и дворцовая службы объясняют гербы: 1) Божковых (I, 101): в щите голубого цвета изображена поющая серебряная сирена в золотой на главе короне, имеющая распущенные по плечам власы и держащая в правой руке музыкальную нотную книгу, в левой свой плеск, обращенный вверх. Та же сирена выходит в нашлемнике. Предок этой фамилии, находясь певчим при высочайшем дворе, пожалован гербом и дворянским достоинством в 1743 г.; 2) Кочневских, родоначальник которых был басистом при дворе императрицы Елизаветы Петровны. В вершине их герба (I, 103) видна в золотом поле красного цвета арфа, которая повторяется и в нашлемнике; в нижней,

¹⁰ *Бангыш-Каменский Д.Н.* Указ. соч. Т. 3. С. 97 и след.

пространной части голубого цвета означено три золотых кочня (в соответствии с фамилиею); 3) та же арфа, в серебряном поле, видна в нижней части надвое разбитого герба Полторацких, в котором вершина голубого цвета занята изображением трех серебряных крестов трилистной формы. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом, на который положен дворянский бурелет; а на поверхности его виден выходящий до половины серебряный лев, обращенный вправо; передними лапами он держит бунчук, имеющий голубую оправу и древко черного цвета (II, 142). Арфа свидетельствует о пожаловании герба в 1763 г. полковнику Полторацкому, бывшему начальником придворной вспевальной музыки; 4) герб Захаровых (V, 149): в верхней, голубой, половине надвое разбитого щита изображен золотой улей с летящею над ним золотою пчелою; в нижней, рассеченной, половине правое, серебряное, поле занято арфою, левое, красное — лампадою с курящимся светильником; и 5) в гербе Скорняковых (I, 100), имеющем зеленое поле, изображена половина серебряного коня с двумя передними ногами, в красном каретном уборе, с завязанным назад поводом и поставленною на голове между раздвоенным страусовым красным пером такого же цвета щеткою; у коня мундштук, кисть у повода и яблоко под щеткою золотые. По указу 1742 г. Скорняков за верную службу в штате придворной конюшни был пожалован в дворяне.

Отличия на поле брани знаменуются различно, смотря по виду службы, т.е. сухопутной, морской, в артиллерии и т.д., причем общею приметою гербов этого рода остается изображение в них оружия, а именно: меча в руке (гербы Автамоновых X, 72; Богдановых VI, 81; Беленихиных VIII, 37; Волжинских VII, 191; Потемкиных I, 26; II, 65; Сологубовых X, 102; Семичевых VI, 64; Шевцовых III, 83; Шекиных VIII, 140 и др. Ср. выше), скрещенных мечей, ружей, сабель, стрел (гербы Бредихиных VIII, 33; Брозиных I, 123; Белавиных I, 124; Жилинских VII, 142; Зубатых VIII, 41; Карамзиных V, 62; Кашинцовых VIII, 36; Конаковых VIII, 28; Кондаковых VII, 96; Кретовых II, 117; Липняговых I, 135; Лисенковых I, 86; Малыгиных VI, 103; Мальцовых VII, 85; Мордвиновых I, 85; Пестовых VII, 23; Протасовых II, 55; VIII, 5; Самсоновых VIII, 50; Селифонтовых III, 31; Сергеевых VII, 2; Синельниковых VIII, 124; Стерлиговых X, 47; Сурминых VIII, 46; Твороговых VII, 82; Траковских VII, 90; Ярцовых IV, 97 и др. Ср. *Пелеш*), бунчуков, знамен, колчанов, бомб, пушек и т.п. в разных положениях и сочетаниях (гербы Анненских VIII, 153; Бекорюко-

вых VI, 24; Бендерских X, 135; Бобоедовых IX, 17; Вахрамеевых IV, 79; Веневитиновых IV, 87; Вырубовых II, 79; Ельчаниновых IV, 44; Иевлевых VII, 8; Жадовских VIII, 44; Иловойских I, 136; Костюриных VI, 122; Леванидовых II, 125; Облеуховых II, 114; гр. Орловых-Денисовых VIII, 4; Платовых IX, 5; Селевиных IX, 44).

Ту же идею победы над врагом выражает во многих гербах эмблема борьбы с драконом или со змием, эмблема изображена одна или с другими фигурами; а именно: 1) в гербе Денисовых (VII, 89) щит разбит на две половины, из которых верхняя рассечена; правую верхнюю часть занимает выходящая из облаков рука в латах, держащая саблю, левую — золотой крест, окруженный четырьмя золотыми же шестиугольными звездами, а в нижней половине, цвета голубого, выходящая с левой стороны из облаков рука в серебряных латах поражает змия мечом в челюсть; 2) Дуровы (VII, 94) имеют в своем гербе изображение летящего в золотом поле черного одноглавого орла, который держит клювом за голову, а лапами за средину змия с красными крыльями, обернутого в правую сторону; ср. гербы Корцовых (VII, 144); Меркуловых (VI, 21); Офросимовых (V, 39); 3) герб Зыбиных (III, 76) представляет в поле красного цвета, в верхней части, облака, из которых к средней части щита простирается рука, облеченная в серебряные латы; она держит шпагу, которая остроконечием проходит между двух частей перерубленного пополам змия в короне, означенного над рекою. Над головою такого змия видна золотая осмиугольная звезда, в которую из облаков ударяет огненный луч. В нашлемнике представлена героиня в короне, имеющая в правой руке жезл, в левой змия. Щит держат два воина, препоясанные листовьями и жезлом. Девиз: *Fuimus* (мы были); ср. гр. Любавских (IX, 22); 4) герб Кравковых (IV, 90) представляет в голубом поле, в нижней части, золотую решетку и возле нее воина в серебряных латах, стоящего на хвосте перевившегося около него змея; правую рукою он вонзает в средину змия стрелу, а в левой держит его голову; 5) Сабанеевы имеют в гербе щит, разбитый на две половины: из них в первой части, в голубом поле, изображен черный двуглавый орел с распростертыми крыльями, в нижней, цвета красного, виден всадник на белом коне, облеченный в латы, держащий в правой руке поднятую вверх саблю, в левой — щит и попирающий дракона (X, 137); и 6) герб Языковых представляет в серебряном поле воина в латах и шишаке, поражающего копьем крылатого змия;

в левом, верхнем, углу видна выходящая из облаков рука, которая пускает стрелу из натянутого лука (III, 69).

Особенно важные заслуги на военном поприще и подвиги, имевшие следствием приобретение страны или знаменитые победы, объясняют помещение в гербе полководцев гербов особых стран и городов или названий мест. Таковы гербы: 1) князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского: в сердце четверо-частного его герба изображен Российский государственный герб, который повторяется и в первой четверти; вторую занимает древний герб рода Паскевичей *радван* (с. 288); в третьей части представлена башня с развалинами крепости, означающими взятие оной, и внизу ее надпись *Эриван*; наконец, в четвертой части, в золотом поле, виден щит красного цвета с изображением Сирены, которая имеет правую руку, поднятую вверх с мечом, а в левой держит щиток, и на нем герб царства Польского; внизу его надпись: *Варшава* (X, 3, 14); 2) верного также истолкователя нашли себе в гербе подвиги князя Итальянского графа Суворова-Рымникского; верхнюю половину надвое разбитого щита его занимает в золотом поле черный двоеглавый, увенчанный двумя коронами орел, имеющий на груди голубой щиток с именем государя императора Павла I. В правой лапе орел держит обвитую лаврами шпагу, в левой — королевскую корону, а под орлом представлена карта Италии. В середине нижней половины щита помещен прежний герб Суворовых: в правой, серебряной, половине рассеченного щита кирас, в левой, красной, крестообразно положенные остриями вниз шпага и стрела, а вокруг щитка надпись: *за веру и верность*, присвоенная сему гербу римским императором Иосифом II при возведении Суворова в графское Римской империи достоинство. Затем в правой части рассеченной в Андреевский крест нижней половины герба изображены: в пурпуровом поле перо, украшенное алмазами, с положенною на нем буквою К (означающего город Кинбурн, под которым Александр Васильевич Суворов одержал победу над турками), под этим пером в красном поле видны две скрещенные шпаги остриями вверх, обвитые лавровыми ветками. С левой стороны изображена в голубом поле туча, из которой вылетающий громовой удар поражает находящийся над рекою Рымником полумесяц, рогами обращенный вниз; под ним, в серебряном поле, сердце (IV, 7; II, 14). Не можем не заметить при этом, что гербы города или края находят себе иногда место также в гербах лиц, которые ими управляли во время особенной опасности или которым область обязана своим устройством. Таковы гербы: 1) графа Вязмитинова, который был комендантом

С.-Петербургской крепости и генерал-губернатором столицы с 1805 по 1808 год, равно как и достопамятный 1812 год. Щит в его гербе разделен наподобие Андреевского креста и в сердце его находится родовое знамя Вязмитиновых, т.е. в серебряном щитке, покрытом дворянскою короною, означены четыре реки, одна другой менее, и на верхней золотая лилия. Затем в верхней части, в золотом поле, изображен Всероссийский государственный герб; коронованный двуглавый орел; в боковой, правой, части красного цвета герб С.-Петербургской губернии, т.е. крестообразно два серебряных якоря, рукоятками обращенные вниз, и на них золотой скипетр; в левом, голубом, поле выходящая из облаков рука держит поднятый меч; наконец, в нижней части, в серебряном поле, изображен золотой крест в облаках и под ним крестообразно положены шпага и лавровая ветвь. Щит покрыт графскою короною, на поверхности которой пять шлемов, увенчанных средний графскою, прочие дворянскими коронами и из них на средней находится орел, означенный в гербе, на крайних двух — по льву с поднятым мечом, а на последних, имеющих страусовые перья, с правой стороны положен с.-петербургский герб, с левой — лилия (X, 6); и 2) графа Сперанского, бывшего сибирским генерал-губернатором: щит в его гербе разбит на две половины, из которых в верхней виден вылетающий черный двуглавый коронованный орел и на груди у него в малом красном щитке вензелевое имя ныне благополучно царствующего государя императора Николая Павловича, а в нижней, голубого цвета, представлены два соболя, стоящие на задних лапах и держащие золотые лук и две стрелы, положенные крестообразно остроконечиями вверх (герб Сибири), между ними, вверху, видна серебряная шестиконечная звезда.

Переходя к видам заслуг на поприще военной службы и к эмблемам, им соответствующим, мы остановимся: 1) на службе во флоте и на отличиях в морских боях. Для примера извлекаем из диплома, данного на графское достоинство в 1715 г. адмиралу Федору Матвеевичу Апраксину, объяснение герба, свидетельствующего о заслугах владельца его: "Дабы они (Апраксины) особливую нашего царскаго благоволения и милости склонность искусили, того ради тою же самодержавною властью им и их наследником гербы их родовые последующим образом умножа, вечно впредь употреблять жалует и позволяем, то есть щит четверочастный, в котором в первой части корона с двумя обнаженными мечами, сквозь оную накрест произшедши, в четвертой шпор златой, оба в красных полях; во второй части корабль, на парусах идущий, предъявляя морские его

генерал-адмирала действия в чине адмиральском в службе нашей, с добрым успехом показанныя; в третьей же якорь, канатом обвитой, в знак служб его в чине президента Адмиралтейства нашего нам, учиненныя в лазоревых полях, в середине щита орел двоголовный белый в зеленом поле значит высокую нашу к нему милость, по которой он за службы свои с братом и прочими своими наследниками на степень графскаго достоинства произведены; над щитом украшения обыкновенные, а именно: корона золотая графская, из которой выставлены два флага Российские белые с синими крестами, по сторонам той короны два шлема, из которых один на правой стороне имеет над собою якорь, канатом обвитой, а другой на левой стороне — корону графскую золотую, из которой происходят два крыла орловые распростерты” (Грб. III, 3; II, 45). Корабль также свидетельствует об отличиях на море в гербах: князей Меншиковых (I, 15); Аргамаковых (в серебряном поле изображен военный корабль с парусами, плывущий по воде; в нашламнике видна рука в латах, держащая три стрелы, обращенные остроконечиями влево, II, 115); Бачмановых (X, 70); Еремеевых (щит разделен на четыре части, из них первая занята изображением морского серебряного судна с распущенными парусами, вторая, красного цвета, — серебряным якорем, имеющим на поверхности анкершток из черного дуба; третья — положенными накрест серебряными с золотыми рукоятками мечом и бердышем, и, наконец, в четвертой, в голубом поле, виден свернутый канат, означенный серебром, III, 96); Козарского: будучи командиром брига ”Меркурий”, он во время сражения с турками в мае месяце 1829 г. отличил себя достолавным подвигом, вышедши победителем из беспримерного боя, выдержанного брига Меркурием против двух неприятельских линейных кораблей; за такой подвиг, в числе других наград, велено было внести в герб Козарского пистолет, избранный им и другими офицерами для взорвания на воздух брига, при невозможности продолжать бой — X, 122; ср. гербы офицеров того же брига; у них у всех такой же пистолет; Притупова (X, 125), Прокофьева (X, 126); Скорятина (X, 123); Масальских (I, 131); Петровых (VII, 133); Политковских (V, 133); гр. Сиверса (VII, 4); Соловцовых (VIII, 51); фон-дер-Флита (X, 136); Шулепниковых (VII, 79); Чичагова, известного подвигами своими на море в царствование императрицы Екатерины II: в первой части четверочастного его герба виден в золотом поле вылетающий до половины двуглавый черный орел с двумя коронами; во второй части, в голубом поле, означен золотой вооруженный корабль

с адмиральским флагом; в третьей части, в таком же поле плавающий в воде серебряный кит, и в четвертой крестообразно положены в серебряном поле руль и якорь с лавровым венком — VI, 92.

Службу во флоте означают также якоря, флаги и другие принадлежности кораблей. Гербы Апрелевых IV, 63; Белича (щит разбит на две части, в вершине голубого цвета изображена серебряная пятиконечная звезда, в нижней части, в серебряном поле, видна протекающая река Дунай с плывущей галерою, у нее на корме зеленый турецкий флаг с серебряным полумесяцем, а посреди галеры воткнута шпага, обвитая лавровой ветвью, — I, 114); Вакселей I, 111; Гордеевых VII, 61; Головиных, графов Римской империи V, 31; графов Кушелевых IV, 11; Пазухиных IX, 37; Симанских III, 91; Скобельциных (щит в их гербе разделен на четыре части, из которых в первой и четвертой, в голубом поле, изображено крестообразно по серебряному перекладу и над ними по три золотых шара, а во второй и третьей, в красном поле, положен серебряный якорь — II, 89).

Открытия, сделанные нашими мореплавателями, и вообще судоходство объясняют герб Лисянских: в верхней половине надвое разбитого щита в красном поле видна эмблема лис, в соответствии с чем находится лисица в нашлемнике (родовое знамя этой фамилии), в нижней половине представлены в правом, голубом, поле серебряная медаль с изображением на ней корабля и с надписью: *1803, за путешествие вокруг света, 1806*, а в левом, золотом, поле — вид на море острова. Щит держат два матроса, имеющие в руках вымпела (X, 114). Ср. гербы Шелиховых (IV, 143); Масленицких (VI, 73); Фалеевых (I, 113).

2) Отличия по службе в артиллерии выражаются пушками и ядрами. Гербы графа Аракчеева (IX, 3; III, 7; IV, 15); Санбурова (I, 128) и др.

3) Гербы лиц, отличившихся на других поприщах военной службы, также не чужды особенных примет. Для образца достаточно привести герб Горихвостовых, в описании которого будет ясна и служба лица, удостоившегося отличия. В первом, золотом, поле герба этой фамилии изображен разогнутый циркуль острием вверх; во второй, в голубом поле, летящая в левую сторону птица, называемая горихвостка, держит во рту развернутый свиток бумаги; в третьей четверти, в зеленом поле, видны натянутый золотой лук и стрела, обращенная к левому верхнему углу, и, наконец, в четвертом, золотом, поле означены

земляной вал и городовая стена с башнею. Щит держат два воина на латах, имеющие в руках по копьё (VI, 23).

Из *гражданских служб*, оставивших свидетельства в гербах лиц, на этом поприще отличившихся, мы укажем прежде других на дипломатическую службу и для образца приведем описание герба графов Толстых, заимствуя его из диплома на графское достоинство от 1725 г.: "Тою же самодержавною властью мы родовые гербы фамилии Толстых последующим образом умножа, вечно впредь употреблять жалуем и позволяем, а именно: щит большой, разделенный двумя линиями в длину и одною в ширину, имеет шесть частей, из которых три внизу, а три вверху и в середине один щит же; в первой части из верхних поле золотое, в котором половина орла имперского российского, обращенного слева направо, знаменует достоинство графское нашея Империи, во второй поле серебряное, в нем крест св. апостола Андрея, лазоревый, являет за его службы первым в его фамилии удостоенным быть кавалером между высокоблагородными особами и между нашими верноподданными; в третьей поле горностайное, в котором посох золотой маршальский нашего императорскаго двора прямо стоящий, знаменует, что он был верховный маршал, директор во всех учреждениях и августейших церемониях, бывших при нашей торжественной коронации в Москве; из нижних же частей в первой поле шахматное серебряное с красным, в котором корона княжеская золотая, наложена на средину столба зеленого, во особое вечное свидетельство учиненной от него великой услуги. Во второй поле красное, в нем столб золотой, лежащий наискось верхним концом вправо в угол, а нижним влево к углу же, в середине того столба три глобуса разделены поперег на двое щитового вида, у которых верх серебряный, а низ лазоревый; от того столба в верх влево к углу звезда полярная золотая знаменует чин его придворный и военный, и когда он еще прежде сего при предках наших и блаженной памяти при матери нашей царице и при девках наших в нашей империи был стольник, а потом капитан нашей гвардии, также и президент в нашей Коммерц-коллегии; третья часть разделена в длину линиею на два поля, из них одно серебряное, а другое зеленое, к той части суть семь башен, имеющих на себе полумесяцы, из тех башен на серебряном поле в длину две башни зеленые, а на зеленом в длину ж две башни серебряные, прочие же три башни суть на самой линии, в длину разделения той части поль, которых башень половины; сущия на серебряном поле зеленые, а на левом серебряные, являет, что он был нашим чрезвычайным и полномочным послом.

при порте Оттоманской тринадцать лет, где заключил тридесятилетний с турками мирный трактат, и от турок был двоекратно в заточении в крепости, именуемой Едикуле, т.е. седмибашенной, содержан; в среднем щите поле лазоревое, в нем лежит поперег сабля золотая, вде́та в уши ключа золотаго, который концем висит вниз сквозь ушей того ж ключа, от нижняго угла правой стороны вверх наискось в угол влево продета стрела вся серебряная, и от ушей того же ключа вверх в правую сторону видится одно крыло распростерто серебряное, и тако герб, в среднем щите означенный, старинный фамилии Толстых. Над большим щитом суть три шлема, средний шлем серебряный, травы золотыя, а прочие два шлема железные, травы серебряныя с обыкновенными украшениями, из лент золотых, серебряных, красных и лазоревых, над средним шлемом корона графская золотая, перлами украшенная, верх той короны стоит орел наш имперский, знаменующий его быть графа нашея Российские империи; из среди глав онаго орла стоит посох верховного маршала, поверх шлема с правой стороны изобразуется его фамилия, где зрятся два крыла распростерты, из тех одно крыло правой стороны лазоревое, на нем поперег лежит сабля золотая, вде́та в уши ключа золотаго, висящаго концом вниз, как видится в среднем щите, второе крыло с левой стороны все серебряное; а поверх третьяго шлема левой стороны стоит чалма солтана Турецкого зеленая, украшенна пелами, над тою чалмою башня, половина ея зеленая, а другая половина серебряная, которая на себе имеет полмесяца; из той башни видится рука согбенная, держащая перо золотое, а по сторонам той чалмы две трубы, одна с правой стороны красная, а другая с левой золотая, провозгласящая славные его в делах поступки. Из-за оных шлемов около щита, который от двух борзых собак поддержан, знаменуя верный и скорый в делах успех, обвешена кавалерия Белаго орла королей Польских, а с трех наша российская святаго апостола Андрея кавалерия” (ср.: Грб. II, 12).

Трудолюбие в службе гражданской и постоянство в исполнении обязанностей, возлагаемых ею, знаменуются в гербах очень часто пчелами, вылетающими из улья или иначе расположенными (в гербах: Авериных X, 131; Ананьевских VIII, 75; Бежиных VI, 86; Бижейчей IX, 159; Богдановых VIII, 152; Бредихиных VIII, 33; Вагановых VII, 175; Гладкого X, 150; Голиковых II, 149; Ефименковых IX, 149; Захаровых V, 149; Зерновых I, 122; Кандалинцовых II, 150; Карташевских X, 147; Латыниных I, 150; Линицких I, 147; Молчановых X, 148; Протопоповых VII, 125; Смирновых VIII, 155; Хлебниковых IV, 145;

Христиани X, 139; Чеодаевых X, 85; Шаховых X, 146; баронов Штиглиц X, 18; Яковлевых I, 116; VIII, 158; IX, 150 и др.).

Пальмовое дерево (с. 43) видно в гербах Батвиньевых V, 86; Гловых VIII, 76; Обрютинных VIII, 49; Сурминых VIII, 46; Топильских IV, 106; Череповых IX, 60 и др.

Бдительность знаменуется журавлем в гербах Анненских VIII, 153; Бекетовых IV, 84; Беклешовых IV, 80; Богаевских VII, 175; Брискорн IV, 144; Вагановых VII, 145; Владиславлевых IX, 147; Ивановых II, 145; Лонгиновых X, 133; Никитиных X, 60; Смирновых IX, 138; Хвошинских II, 25; Шаховых X, 146.

Минерва, эмблема мудрости, видна в гербе Танеевых. Щит рассечен на три поля; из них в правом, голубом, изображена выходящая из облак рука в золотых латах и с саблею; в среднем, золотом, поле представлена Минерва со щитом и копьем; наконец, в третьей части красного цвета крестообразно положены золотой лук, сабля и золотая стрела, обращенные остроконечиями к левым углам. Над шлемом и короною видны два черных орлиных крыла и между ними три страусовых пера. Щитодержатели с правой стороны — лев, с левой — воин с открытою головою в польской одежде, вооруженный саблею и в руке имеющий золотой лук (VII, 139).

Кроме того, что каждый род службы и каждое занятие могут оставлять в гербах свои отличительные приметы, напр., служба по министерству юстиции — весы правосудия (гербы графа Лопухина IV, 6; Масленицких VI, 73), по медицинской части — изображение змей, несущих во рту целительные травы, Ескулапиев жезл, курительницы (гербы Блоков I, 144; Гауер X, 149), особенные заслуги знаменуются памятниками, поставленными в гербах лиц, ими отличившихся; таковы изображение Зимнего дворца в гербе его возобновителя, графа Клейнмихеля, образ преподобного Нестора в гербе Шлецера, объяснившего русские летописи, рудокопательные инструменты в гербе Демидовых: родоначальник их Демид Григорьевич Антуфьев и сын его, Никита Демидович, были первоначально кузнецами на Тульском заводе, и последний из них, равно как сын его Акинфий Никитич, прославился разысканием и разработкою железной, медной и серебряной руд, за что грамотою 21 октября 1720 г. они возведены в дворянство, распространяемое дипломом от 24 марта 1726 г. на все потомство Никиты Демидовича. В последней грамоте пожалован этой фамилии следующий герб: верхнюю половину надвое разбитого золотым поясом щита занимают положенные в серебряном поле три зеленые рудоискательные лозы,

в нижней части, в черном поле, изображен серебряный молот (II, 135). Ср.: герб Сибиряковых (I, 127).

Из этого краткого обозрения гербов, сохранивших в себе свидетельства о заслугах, которыми приобретено право на пожалование таких отличий, ясно, что различие эмблем так же велико, как и различие заслуг, которым они бывают выражением. Поэтому, представив образцы, мы никак не думаем, что исчерпали все роды и виды заслуг: в каждом частном случае должны быть свои отметки, дело же науки состоит в том только, чтобы уловить общие признаки. В заключение считаем излишним прибавить, что в одном и том же гербе могут заключаться эмблемы, соответствующие происхождению лица вместе с знаками, свидетельствующими о заслугах членов той же фамилии на разных поприщах, так что герб становится верною и красноречивою летописью, способною в назидание позднему потомству дополняться новыми эмблемами по мере того, как увеличивается число заслуг, которые хотят увековечить.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Гербы, соответствующие фамилиям и прозваниям лиц, их употребляющих

§ 99. Это наши *armes parlantes*, имеющие, как упомянуто выше (с. 54), особенное значение для русской геральдики, потому что прозвания, дававшиеся за достоинства и недостатки или просто для отличия одного лица от другого, у нас чаще, чем в других странах. Кроме соответствия с русскими прозваниями и фамилиями, герб нередко состоит из эмблем, находящихся в соотношении с значением слова на иностранном языке. Гербы этого разряда будут исчислены нами в алфавитном порядке, с описанием тех только эмблем, в которых выразилось соответствие прозванию; а именно гербы: 1) Андреевых (III, 121; в зеленом поле три положенных один под другим серебряных Андреевских креста); 2) Араповых (IV, 98); 3) Алмазовых (V, 98; нижняя половина герба занята изображением в золотом поле алмаза четырехгранной формы); 4) графов Бобринских (I, 27; кроме других эмблем в верхнем, левом, поле щита, разбитом на две части — верхнюю, серебряную, и нижнюю, красную — восходит бобр с левого нижнего угла к правому верхнему косвенно и преобразуется на серебре в красный цвет, а на красном в серебро); 5) Борзовых (I, 81; в нижнем зеленом

поле собака, бегущая вправо); 6) Булатовых (III, 135 — в красном поле три серебряные огнивы, положенные диагонально к нижнему левому углу); 7) Балк-Полевых (II, 122; в голубом поле положенное наискось золотое бревно). Такая же эмблема в гербе Поленовых; 8) Бушманов (X, 127; в голубом поле означен серебром человек с бородою и с согнутыми по бокам руками, стоящий на земле; он препоясан листвием и в правой руке держит дубину, поднятую на плечо. Та же фигура повторяется в нашлемнике; 9) Барсуковых (VI, 156; в зеленом поле барсук, бегущий вправо); 10) Березниковых (VIII, 45; в красном поле береза); 11) Вожжинских (I, 87; в щите зеленого цвета изображено колесо св. Екатерины с проходящими чрез него по перевязи влево двумя клетчатými тесьмами из серебра и красного цвета, в нашлемнике видна половина такого же колеса и над ним узел из подобной тесьмы); 12) Волковых (III, 120; VII, 64; волк); 13) Ворониных и Вороновых (VII, 122; III, 134 вороны); 14) Ган (I, 129; петух); 15) Гогель (I, 141; птица, называемая гогель); 16) Дубенских и Дубяньских (IX, 20; II, 141; дуб); 17) Дубровских (VII, 135; вид дубравы); 18) Ельчаниновых (IV, 44; ель); 19) Железновых (I, 119; в нижнем красном поле надвое разбитого герба представлена выходящая из облаков рука, держащая полосу железа); 20) Жердиных (III, 119; — поставленные в зеленом поле две серебряные жерди); 21) Журавлевых I, 90; журавль); 22) графов Канкриных (X, 16; рак); 23) Карповых (X, 28; в серебряном поле плывущая по воде рыба карп); 24) Ключаревых (V, 88; ключи); 25) Козиных (VII, 60; козлерог); 26) Козловых (II, 137; III, 73; козел и вместо целого козла его голова); 27) Комаровых (I, 126; в серебряном поле рой комаров); 28) Коченевских (I, 103; кочни капусты); 29) Крыловых (V, 143; два распростертых черных орлиных крыла); 30) Кузнецовых (III, 124; в красном поле, между двумя серебряными молотками, шпага, острием обращенная вверх); 31) Лавровых (V, 87; в нижнем серебряном поле лавровое дерево; щитодержатели — два орла с лавровыми в клювах венками); 32) Лаптевых (III, 123; в красном поле между двумя золотыми липами, выходящими с боков щита, шпага острием вверх); 33) Лауренбергеров (III, 101; лавровые венки); 34) Лебедевых (I, 145; в нижней, серебряной, части герба плывущий по воде вправо лебедь с вишневою во рту ветвью); 35) Липняговых (I, 135; липа); 36) Лучковых (III, 133; в золотом поле лук); 37) Медведевых (I, 148; на голубом поясе три медвежьих лапы); 38) Муравьевых (II, 138; муравьи); 39) Орловых (VIII, 91;

орел); 40) Пересьпиных (III, 147; из кучи насыпанных в золотом поле хлебных зерен выходит ефёс воткнутой в нее шпаги); 41) Подрезовых (III, 126; в зеленом поле между тремя снопами, перевязанными черным, находится серп с золотою рукояткою); 42) Пушешниковых (VII, 57; в красном поле серебряная пушка); 43) Пушкаревых (IX, 53; пушка); 44) Раковых (VI, 36; рак); 45) Розинг (III, 149; в голубом поле на белом поясе роза); 46) Скворцовых (VIII, 151; в нижней, серебряной, половине щита крестообразно изображены две древесные ветви с сидящим на них скворцом); 47) Скорняковых (I, 100; лошадиная сбруя); 48) Соколовых (VII, 121; в голубом поле серебряный сокол, держащий в когтях птицу); 49) Собаковых (III, 59; в голубом поле бегущая вправо собака); 50) Стволовых (I, 112; в голубом поле два накрест положенных ружейных ствола); 51) Стражевых (I, 130; щит разделен диагонально чертою с правого, верхнего, угла к левому, нижнему, и имеет верхнее поле красное, нижнее — золотое: в них изображен переменного с полями цвета страж, держащий в правой руке копьё, концом обращенное вниз, в левой — золотой щит); 52) Суковкиных (VII, 143; в верхней половине щита, в золотом поле изображен дуб); 53) Тепловых (I, 109; IX, 124; горящая лампада); 54) Топорниных (IX, III; в голубом поле три топора); 55) Трубициных (VIII, 105; трубы); 56) Хлебниковых (IV, 145; VIII, 157, 160; в разных полях снопы хлеба); 57) Чижевских (I, 102; в серебряном поле пять летающих чижей натурального цвета); 58) Чижовых (I, 134; в нижнем, серебряном, поле птичка чиж, сидящая на ветви); 59) Черноглазовых (IX, 129; глаз); 60) Шатровых (VIII, 159; шатер); 61) Шейнфогелей (VIII, 137; в щите, имеющем голубое поле, изображены в вершине три золотые шестиугольные звезды, под ними, посредине щита, птица, летящая вправо и окруженная сиянием, — эмблема, соответствующая прозванию, а по бокам ее с каждой стороны по два дерева); 62) Шиповых (VII, 70; розовый куст); 63) баронов Штиглиц (X, 19; в серебряном поле сидящая на дереве горлица); 64) Шубиных (IV, 81; в золотом поле собольего меху шуба, покрытая зеленым) и 65) Энгельгартов (VI, 91; в нашлаемнике ангел, имеющий в руках пальмовые ветви и на голове корону).

Книга А.Б.Лакиера "Русская геральдика" появилась почти 150 лет тому назад. Уже в прошлом столетии она стала библиографической редкостью. Об этом писал в конце XIX в. П.П.Винклер¹, называя ее "превосходным сочинением", "первой и блистательной попыткой истории русских гербов, о которых до того времени существовало совершенно неясное представление, а изучение их считалось положительно невозможным"². Оценку этой книги как "труда замечательного", "не утратившего своего значения донныне", можно встретить во многих справочных изданиях еще в начале нашего столетия. Собственно с этой книгой связывается в них имя Лакиера, который между тем написал, кроме "Русской геральдики", целый ряд работ замечательных в своем роде. Они мало известны сегодняшнему читателю так же, как и личность самого Лакиера.

Поскольку до сих пор "Русская геральдика" остается историографическим феноменом, автор ее *заслуживает*, чтобы читатель узнал о нем побольше, тем более что судьба этого человека неординарна.

Александр Борисович Лакиер (иногда его фамилия пишется как Лакьер) родился 16 мая 1824 г. в Таганроге. Отец его — коллежский советник Борис Львович Лакиер, вышедший в 1831 г. в отставку; мать — Екатерина Федоровна, урожденная Шауфус, дочь действительного статского советника³. А.Б.Лакиер поступил учиться в Московский университет на юридический факультет. Последующие его занятия свидетельствуют, что Лакиер отдавал предпочтение истории российского законодательства, преподавание которого во время его обучения на юридическом факультете велось профессором, доктором права Морошкиным и магистром права Кавелиным. Тем самым Каве-

¹ П.П. фон Винклер — автор чрезвычайно популярного в настоящее время справочного труда "Гербы городов, губерний, областей и посадов, внесенные в "Полное собрание законов Российской империи за 1649—1900 гг." (Спб., 1900).

² *Винклер П.П. фон.* Русская геральдика. Спб., 1892. Вып. 1. Предисловие. В качестве редкой книги "Русская геральдика" включена, напр., в каталог А.Бурцева. См.: *Бурцев А.Г.* Описание редких российских книг. Спб., 1897. № 822, ч. 4.

³ ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 24, д. 387, лл. 4 об. — 6 об., 32.

линым, ставшим известным историком права, который вскоре сделал подробнейший разбор магистерской диссертации Лакиера, опубликованной под заглавием "О вотчинах и поместьях"⁴.

В 1845 г. А.Б.Лакиер окончил университет с золотой медалью кандидатом, которым предоставлялось право начать службу в местах высшего управления. Он и начал свою службу в Министерстве юстиции, приехав в Петербург в том же 1845 г.

Петр Александрович Плетнев⁵, с которым через несколько лет судьба связала молодого юриста родственными узами, отметил первую встречу с ним в сентябре этого года на даче у Ф.Ф.Корфа (с 1848 г. редактора "Русского инвалида"): "...Лакьер, кандидат Московского университета, родня жены барона"⁶. Через два месяца знакомства с Лакиером Плетнев уже в восторге от него, о чем не преминул сообщить своему другу Я.К.Гроту: "Чудный юноша, — пишет он о Лакиере, — несмотря на бедность свою уже воспитывающий бедняжку мальчика-французика". И еще: "Если с энтузиазмом молодости не пройдет в Лакьере все прекрасное, чем он теперь поражает нас, то какой чудный человек готовится в нем для общества"⁷. На протяжении нескольких последующих лет Плетнев в письмах к Гроту много раз упоминает о Лакиере, который становится все ближе его дому и семье.

Начав служить в 3-м отделении Департамента Министерства юстиции с конца 1845 г. в должности коллежского секретаря⁸, Лакиер в следующем году — уже столоначальник в 4-м отделении, еще через год — начальник этого отделения, титулярный советник; в 1850 г. получил чин коллежского асессора⁹. По службе Лакиер продвигался быстро. "Для начала очень счастлив по службе у графа Панина", — писал о нем Плетнев В.А.Жуковскому в 1851 г.¹⁰. Способствовало ли столь счастливому началу

⁴ Рецензия *К.Д.Кавелина* на книгу А.Б.Лакиера "О вотчинах и поместьях" (СПб., 1848) была напечатана в журнале "Современник" (1848. Т. 10, отд. III. С. 57—93).

⁵ *П.А.Плетнев* — известный литератор, критик, издатель "Современника", ректор СПб. университета, друг Пушкина, Вяземского, Жуковского.

⁶ *Грот Я.К.* Переписка Я.К.Грота с П.А.Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 559—560.

⁷ Там же. С. 621—622, 637—638.

⁸ *Список чином* Правительствующего Сената и Министерства юстиции. СПб., 1846. С. 104.

⁹ То же. СПб., 1847, 1848, 1849, 1850, 1851.

¹⁰ *Плетнев П.А.* Сочинения и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 691.

службы чье-либо покровительство? Возможно, ибо все тот же Плетнев упоминает в одном из писем о "всегдашнем доброжелателе" Лакиера сенаторе Пинском¹¹. (М.М.Карниолин-Пинский к началу службы Лакиера был поставлен во главе Департамента Министерства юстиции, в 1850 г. "назначается присутствовать в Сенате".) Под его руководством Лакиер начал службу в Министерстве юстиции, вероятно, он же способствовал назначению Лакиера через несколько лет на должность обер-секретаря Сената в тот же самый департамент, где пребывал сам, к тому же Карниолин-Пинский присутствовал в качестве посаженного отца на свадьбе Лакиера. Однако активная научная, общественная и литературная деятельность последнего, начавшаяся сразу же по прибытии в Петербург, позволяет отдать приоритет личным качествам и достоинствам молодого человека, в его годы резко отличающегося от своих сверстников.

Уже в 1846 г. заметки и рецензии на только что вышедшие книги публикуются Лакиером в "Отечественных записках" и Журнале Министерства народного просвещения, автором которого он являлся на протяжении многих лет. В 1847—1848 гг. число подобных публикаций возрастает в несколько раз, расширяется их тематика. Лакиер высказывает суждения не только по истории права и древнерусскому законодательству¹², но и предпринимает многостраничные обзоры книг, сборников документов и журнальных публикаций общепроисторического характера. Так, в Журнале Министерства народного просвещения помещены критические обзоры книг "Чтений" Общества истории и древностей российских за 1846—1849 гг. В них Лакиер предстает перед нами ревнителем русской старины, сторонником публикаций (извлеченных из всевозможных хранилищ) "разного рода памятников, определяющих быт наших предков и притом не в одном каком бы то ни было отношении, но не оставляя без внимания ни одной стороны жизни и деятельности народа"¹³. Приводя четкие аргументы, ратует за создание научных исторических обществ, и его призыв звучит так современно: "Только Ученое Общество может вполне и всесторонне удовлетворить истинному историческому направлению, которое теперь преобла-

¹¹ Грот Я.К. Указ. соч. Т. 3. С. 531—532.

¹² См., напр., отклики А.Б.Лакиера на книгу А.П.Куницына "Историческое изображение древнего судопроизводства в России" (СПб., 1843. Журнал М-ва нар. просвещения (далее — ЖМНП). 1847. Ч. 54. № 5. Отд. VI С. 98—105 на книгу В.Линовского "Исследования начал уголовного права, изложенных в Уложении царя Алексея Михайловича" (Одесса, 1847 // ЖМНП. 1847. Ч. 56, № 11. Отд. VI. С. 138—145).

¹³ Там же. 1848. Ч. 59, № 9. Отд. VI. С. 311.

дает в нашем Отечестве и преобладает притом не произвольно, не вследствие убеждения того или другого Историка, не по какой-нибудь случайной причине, но вследствие внутреннего, в жизни самого народа заключающегося основания и глубокого сознания необходимости ближе знакомиться с тем, что передали и завещали нам наши предки”¹⁴.

Сам Александр Борисович очень скоро становится действительным членом созданного в Санкт-Петербурге в мае 1846 г. Археологическо-нумизматического общества. Основателями его являлись директор Эрмитажа Ф.А.Жиль и его помощник барон Б.В.Кене, известный нумизмат Я.Я.Рейхель, князя Ф.Г.Гагарин и С.В.Долгоруков, граф А.С.Уваров и другие вельможные лица, любители истории, а также ряд замечательных ученых, специалистов в области восточной и античной археологии, нумизматики и истории П.С.Савельев, А.А.Куник, Х.Д.Френ; впоследствии тематика занятий общества расширилась, и среди его членов видим таких ученых, как А.Н.Попов, И.И.Срезневский, М.П.Погодин, А.Д.Чертков и др. Лакиер, несмотря на определенные трудности вступления (действительные члены общества должны были платить по 12 руб. серебром в год; лицо, желающее получить звание действительного члена, обязано было представить письменное заявление президенту Общества, поддержанное двумя действительными членами; при выборах надо было набрать 2/3 голосов присутствующих действительных членов и т.д.), был принят в действительные члены Общества уже в 3-й прием — в первое полугодие 1848 г. (9 марта 1848 г. "...г-н Лакиер, кандидат Московского университета”¹⁵). Через некоторое время Лакиер — уже член правления Общества: он входит в него как библиотекарь, хранитель музея да еще — исполняя обязанности казначея¹⁶. Дело в том, что буквально с первых дней существования в Общество стали поступать книги от его членов (в том числе и из-за границы), в виде пожертвований от разных лиц, а также приобретенные путем покупки (на издание трудов и покупку книг из государственного казначейства отпускалось ежегодно по 3 тыс. рублей серебром). К 1852 г. эти книги образовали библиотеку в 3500 томов. Начиная с 1850 г., как отмечал секретарь Общества А.Н.Попов, Лакиер ”деятельно производил” составление каталога поступающих книг, и к 1853 г. библиотека была приведена им окончательно в порядок. Хуже дело обстояло

¹⁴ Там же. С. 313.

¹⁵ *Зап. Археол. нумизмат. о-ва* в Санктпетербурге. 1848. Т. 1, вып. 3. С. 279—280.

¹⁶ *Зап. Имп. археол. о-ва*. 1853. Т. 5. С. 24—31, 131; Т. 6. С. 488.

с музеем, куда поступали произведения прикладного искусства, монеты, археологические находки. Лакиер, не являясь специалистом в этой области, квалифицированно не мог описать экспонаты и "приступить к разбору оною", о чем и сообщал на одном из заседаний¹⁷.

Книжные новинки, проходившие через руки Лакиера, в библиотеке Общества давали материал для рецензий и обзоров, тематика которых выходила зачастую за пределы непосредственных интересов Лакиера. Хотя следует отметить, что его ратования за изучение отечественной истории в полном объеме не были лишь словами, а скорее всего следствием его действительного переключения с правовой на историческую тематику. Об этом свидетельствуют первые работы молодого юриста, опубликованные в 1847 г.: "О российском государственном гербе" — в "Санкт-Петербургских ведомостях"¹⁸, "История титула государей России" в ЖМНП¹⁹, "Маскарады, игры и увеселения древних русских".

При всей описательности, свойственной этим первым работам Лакиера, при явной ошибочности, в частности, его суждений относительно времени появления княжеских и великокняжеских гербов, как, впрочем, ошибочности и в понимании самой сути герба, за который он принимал изображение на печатях и считал поэтому, например, что великий князь Василий I Дмитриевич имел два герба, а Василий II даже три, нельзя не отметить определенной привлекательности, характерной и для последующих его работ. Лакиеру было свойственно обращать внимание на вопросы, мало освещаемые в литературе или не освещенные вовсе, скрупулезно собирать фактический материал, хотя использовал он, как правило, опубликованные источники, в том числе и нормативные акты. Его любовь к русской истории и увлеченность ею, убежденность в необходимости разработки памятников отечественной старины подкупают искренностью так же, как и отсутствие даже тени сомнения в правильности и исторической обоснованности высказываемых им суждений. Тематика ранних его работ, обзоры исторических книг и периодики свидетельствуют, что он видел свое призвание в разработке, как бы мы сейчас сказали "белых пятен" отечественной истории.

Работа в Археологическом обществе, думается, самым существенным образом повлияла на тот круг занятий, который

¹⁷ Там же. 1856. Т. 8. С. 16.

¹⁸ *Санкт-Петербург. ведомости*. 1847. № 142. Эта статья была перепечатана в "Журн. для чтения воспитанникам Военно-учеб. заведений" (1847. Т. 69. № 273).

¹⁹ *ЖМНП*. 1847. Ч. 56, № 10. Отд. II. С. 81—108; № 11. Отд. II. С. 109—156.

Лакиер для себя определил, ибо, судя по протоколам, уже на первых заседаниях поднимался вопрос о толковании изображения всадника, поражающего копьём дракона, заслушивались сообщения о литовских гербах (исходя из их изображений на монетах), о происхождении герба города Варшавы²⁰ и т.д. (Герольдмейстер Д.Н.Замятнин одним из первых был принят в действительные члены общества.)

Одновременно со службой в Министерстве юстиции и литературно-научными занятиями Лакиер готовился к получению степени магистра. Он выбрал для диссертационной работы очень сложную (это отмечали все его рецензенты) историко-правовую тему и в 1848 г. в возрасте 23 лет защитил ее на юридическом факультете Московского университета. В том же 1848 г. диссертация под названием "О вотчинах и поместьях" была опубликована отдельной книгой. О бесспорной талантливости Лакиера свидетельствует тот факт, что его имя как получившего степень магистра находилось в ряду известнейших в отечественной науке имен. В списке лиц, возведенных в степень магистра со времени введения нового устава Московского университета, т.е. с 1836 г., до его столетнего юбилея в 1855 г.²¹, по историко-филологическому факультету — это О.Бодянский (1838), впоследствии одновременно с Лакиером удостоенный Демидовской премии за работу "О времени происхождения славянских письмен", Ф.Буслаев (1848), по юридическому факультету — Александр Попов (1843), К.Кавелин (1843), Н.Калачов (1847), С.Пахман (1851).

Получение магистерской степени не могло не повлиять самым положительным образом на отношение к нему той ученой среды, в которой Лакиер вращался в Петербурге, и в частности Плетнева, в доме которого он, судя по переписке ректора университета, становится настолько своим, что его можно даже отправлять с поручениями. В то же время магистерская степень явно влияла на его "счастливую службу у графа Панина". Министр юстиции граф В.Н.Панин, назначенный на эту должность незадолго до поступления в Министерство юстиции на службу Лакиера, был образованным человеком, увлекался литературой, историей. Он являлся членом Русского географического общества, состоял в почетных членах исторических обществ, в том числе и вышеупомянутого Археологического. Граф особенно заботился

²⁰См.: Зап. Археол. нумизмат. о-ва. Т. 1, вып. 1—2. С. 7; Вып. 3. С. 279 (сообщ. *Б.В.Кене*); Вып. 4. С. 399 (сообщ. *Ф.А.Фоссберга*). С. 403.

²¹См. об этом: *Шевырев С.П.* История имп. Московского университета... М., 1855. С. 562 и далее.

о пополнении своего ведомства лицами, отличающимися своими способностями и своим образованием, заменяя ими старшее поколение сотрудников, не имеющих высшего образования. Особыми привилегиями пользовались лица с юридическим образованием. К таким относился и Лакиер.

Справедливости ради отметим, что отзывы на работу "О вотчинах и поместьях" были далеко не блестящими. Критики признавали, что предъявленное Лакиером на получение степени магистра "рассуждение совершенно удовлетворительно, представляя очевидные доказательства начитанности автора, знакомства с источниками, трудолюбия и обширных исторических знаний"²². Однако основное свое внимание они сосредоточили на недостатках книги, ошибочности исходных позиций автора. Известный историк М.П.Погодин не соглашался с Лакиером по структуре работы, по ряду концептуальных, как бы мы сейчас определили, моментов (по вопросу о времени возникновения на Руси частной собственности на землю, появления поместий, сущности поместья и вотчины и т.д., а также видел ошибки в трактовке фактического материала, в частности летописного). В то же время знаменитый ученый акцентировал внимание читателя и на конкретных позитивных качествах работы. По его мнению, часть второй главы о церковном праве на землю "дельна и удовлетворительна", "раздача, управление, обязанности поместий исследованы и обозрены очень хорошо"²³. Он даже противопоставил мнение Лакиера о черных землях суждению проф. Соловьева, явно одобряя первого. Несмотря на раздражающие Погодина "новации" молодого исследователя, он счел необходимым заключить свою рецензию доброжелательным напутствием: "Г. Лакиер очень трудолюбив, как видно; если он столько же самолюбив, и будет настаивать на своих положениях, то пользы для науки выйдет немного; но если он, отложив самолюбие в сторону, решится переделать свое рассуждение, разместить иначе богатые запасы, им собранные, воспользовавшись всеми замечаниями, то подарит нашу историческую литературу прекрасной монографией..."²⁴.

Совершенно другой настрой имелся в критических высказываниях "Отечественных записок" и "Современника". Лакиера упрекали в механическом переносе норм римского права собственности, которые автор считал общими для истории каждого

²² Погодин М.П. Рец. на соч. А.Лакиера "О вотчинах и поместьях" // Москвитянин. 1848. № 6. С. 86.

²³ Там же. С. 88.

²⁴ Там же. С. 95-96.

народа, на отечественное право собственности, что, по мнению рецензента, обусловило "неверные взгляды на предмет исследования"²⁵, т.е. на развитие форм собственности на землю в России с древнейших времен. Кавелина не удовлетворил подход Лакиера к теме. Он считал, что факты, касающиеся вотчинного и поместного землевладения, собраны автором далеко не полностью; теоретическая сторона вопроса, т.е. происхождение вотчинного и поместного права, значение вотчин и поместий в русской жизни в целом, их постепенная трансформация, причины этой трансформации, обусловленные спецификой русской действительности, и т.д., по мнению Кавелина, также оставляет желать лучшего. Рецензент подчеркивал необоснованность отправного тезиса Лакиера об отсутствии частной собственности на землю в древней Руси: "По мнению автора, — писал Кавелин, — вся земля в России была собственностью князей и царей, которые раздавали ее во временное владение своим приближенным, родственникам и подданным. Это мнение не выдерживает даже самой слабой критики"²⁶. Он приводит многочисленные примеры непоследовательности диссертанта в выводах, "нетвердости воззрений" на, казалось бы, безусловные факты и правовые установления, поверхностного рассмотрения ряда самых существенных для исследования в целом вопросов. Словом, в значительном по объему и тщательном по исполнению отзыве К.Д.Кавелина не было снисходительности к молодости автора в противоположность погодинской рецензии. Он предъявлял требования к работе Лакиера как к научному исследованию на актуальную тему по русской историко-правовой проблематике, которое его не удовлетворило в принципе.

Трудно сказать, насколько повлияли отрицательные характеристики первого большого научного труда Лакиера на его дальнейшую исследовательскую деятельность. Он продолжает активно печататься в периодических изданиях, рецензируя работы по русской истории и праву. Кстати, в том же 1848 г. на страницах ЖМНП появился и отклик Лакиера на труд архимандрита Макария, посвященный истории русской церкви "в период дотатарский"²⁷, незнание которого инкриминировалось Лакиеру одним из рецензентов.

Журнал Министерства народного просвещения — не единственное место публикаций Лакиера, хотя, судя по количеству помещенных здесь отзывов на выходящие работы, написанные им,

²⁵ *Отч. зап.* 1848. Т. 59, № 8. С. 60.

²⁶ *Современник*. 1848. Т. 10. С. 63.

²⁷ *ЖМНП*. 1848. Ч. 57, № 2. Отд. VI. С. 85—96.

а также по исключительно доброжелательным откликам на работы самого Лакиера, в том числе и на "Русскую геральдику", связи с этим журналом были исключительно тесные. В 1850 г. здесь была напечатана его работа "О службе в России до времен Петра Великого"²⁸. Она интересна тем, что, несмотря на неоднократные отсылки к работе "О вотчинах и поместьях", автор не следует безоговорочно всем высказанным в ней и подвергнутым критике положениям. Он пересмотрел, например, вопрос о времени появления частной собственности на землю в древней Руси, уделил внимание общине, резче сформулировал свою позицию в отношении поместья, подчеркнув, например, отличие поместья от кормлений, зафиксировав более четкую хронологию существования этого института в Русском государстве, и т.д.

Интересная публикация Лакиера появилась в 1850 г. в Санкт-петербургских ведомостях под заголовком "О кабалах и кабальных книгах"²⁹. Это сообщение об имеющемся у автора редком рукописном памятнике — Крепостной книге XVI в., составленной в Новгороде. Через пять лет Лакиер предоставил ее для публикации в "Архиве историко-юридических сведений"³⁰ Н.Калачову, который, публикуя ее, написал большое предисловие. В газетной же статье, насколько позволял объем, Лакиер познакомил широкого читателя с понятием "кабала" как разновидностью актов, отметив, что кроме служилых кабал в книге помещены акты, которые нельзя назвать собственно кабалами, хотя ими как крепостями и утверждаются права на людей за теми лицами, в пользу которых они были составлены в свое время (грамоты полные, докладные, рядные, данные, правые и т.д.). Определяя происхождение книги, Лакиер установил, что в ней перечислены и подробно описаны акты, которые были представлены разными лицами Новгородской земли для записи их вследствие указа 1597 г. Калачов, характеризуя впоследствии эту книгу, подчеркивал, что значение ее состоит в следующем: предшествуя собственно кабальным книгам, она занимает "середину между ними и теми крепостями, которые составлялись частно или официально до 1597 года". Калачов особенно акцентировал внимание на том факте, что за неимением подлинников, таких, например актов, как докладные и полные грамоты, книгой можно пользоваться не только для изучения

²⁸ ЖМНП. 1850. Ч. 65, отд. II. С. 203—226; Ч. 66, отд. II. С. 1—45.

²⁹ Санктпетербур. ведомости. 1850. № 86.

³⁰ Акты, записанные в крепостной книге XVI в. // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. М., 1855. Кн. 2, половина 1. Отд. II. С. 9—70.

содержания последних, но что особенно важно — для изучения их формы. Дипломатические особенности помещенных в книге актов Лакиера не интересовали. Он сосредоточил свое внимание на эволюции кабалы как правового документа (по содержанию), не оценив в полной мере исторической значимости рукописи.

К указанному времени относятся сведения о привлечении Лакиера к работе в только что созданном учено-литературном журнале "Северное обозрение"³¹. Душой этого журнала был В.В.Григорьев, привлечший к сотрудничеству в журнале А.Н.Попова ("Из петербургских москвичей, — писал он Погодину, — нам усерднее всех помогает А.Н.Попов"), П.С.Савельева, И.И.Срезневского. Все они состояли и деятельно сотрудничали в Археологическом обществе вместе с А.Б.Лакиером. Журнал, целью которого было, по убеждению издателей (с ними полностью солидаризировались Погодин, Шевырев и др.), "по мере сил и средств содействовать к отысканию, изучению и разработке своего отечественного, как скоро оно благое и полезное, и с любовью и упованием следить за самобытным развитием русской науки и русской исторической жизни"³², по своему духу не мог не импонировать Лакиеру. Однако "Северное обозрение", выйдя в нескольких книжках, в 1850 г. прекратил свое существование, и Лакиер, возможно, не успел в нем напечататься. Впрочем, в журнале опубликовано несколько работ (рецензий) без подписи, по стилю напоминающих Лакиеровы.

Лакиер, подобно другим членам Археологического общества, наконец, выступил на одном из его заседаний с докладом. 8 ноября 1849 г. Общество слушало читанную в извлечении статью А.Б.Лакиера: "О наградах за службу в России до времен Петра Великого". По докладу возникли споры "между некоторыми членами и автором". Они касались в основном вопроса о награждении гривнами. Спор не повлиял на решение поместить статью в Записках, издаваемых Археологическим обществом. Под несколько измененным заголовком — "О знаках отличия за службу в России до времен Петра Великого" статья напечатана во 2-м томе Записок³³.

Хотя до Лакиера были высказаны некоторые суждения по поводу наград в древней Руси, а именно Карамзин, Шодуар считали, что за воинскую службу и другие заслуги князя и цари награж-

³¹ Н.П.Барсуков сообщает о письме В.В.Григорьева к Погодину, в котором говорится об этом (*Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина*. Спб., 1896. Кн. 10. С. 415).

³² *Сев. обозрение*. 1849. Т. 2, вып. 4. С. П.

³³ *Зап. Археол. нумизмат. о-ва* в Санктпетербурге. 1850. Т. 2. С. 98—125

дали отличившихся жалованными им русскими и иностранными золотыми монетами, Лакиер развил эту мысль, приведя в доказательство сообщения ряда источников, не упомянутых названными авторами. Он выстроил систему знаков отличия, наград, начинавшихся, по его мнению, с шейной гривны, цепи, к которой затем привешивались "металлические деньги" (из драгоценных металлов) различного достоинства — прообраз позднейшего ордена. Несмотря на ряд заблуждений Лакиера, считавшего, например, первые русские монеты — златники и сребреники — медалями, выбитыми для торжественных случаев и раздававшимися в награду, его труд долгое время оставался единственным, посвященным специально институту наград в Древней Руси, и только с опубликованием в 1961 г. большой работы И.Г.Спасского "Золотые" — воинские награды в допетровской Руси" — был признан "безнадёжно устаревшим для нашего времени"³⁴.

В личной жизни А.Б.Лакиера в этот период произошли существенные изменения: осенью 1850 г. он был помолвлен, а 7 января 1851 г. вступил в брак с дочерью П.А.Плетнева, Ольгой. Об этом событии, даже с некоторыми подробностями, мы узнаем из писем Плетнева многим его друзьям и знакомым. Например, В.А.Жуковскому он сообщает: "дочь мою... я выдал замуж за Лакиера, молодого человека с хорошим образованием, с хорошими правилами"³⁵, П.А.Вяземского в письме, написанном в день свадьбы, благодарит за согласие "благословить на новую жизнь" его милую дочь (П.А.Вяземский как посаженный отец должен был присутствовать на свадьбе, но заболел) и за подарок, который так дорог невесте, "что она не расстанется с ним целую жизнь"³⁶. С Я.К.Гротом, брат которого К.К.Грот присутствовал в качестве шафера на свадьбе Ольги, Плетнев более откровенен. Он пишет ему о том, что свадьба была самая тихая и самая скромная. "Кроме должностных лиц, т.е. посаженных и шаферов, никого мы и не приглашали, — подчеркивает Плетнев, — к чему наиболее побудила нас слишком чувствительная необширность квартиры молодых"³⁷.

При всех самых лестных отзывах о Лакиере в письмах Плетнева все-таки можно уловить налет снисходительности, если не сказать некоторого высокомерия по отношению к молодому человеку. Перечисляя, например, всех поименно, кто присутствовал на свадьбе, Плетнев как-то вскользь упоминает о шаферах

³⁴ *Тр. Гос. Эрмитажа*. 1961. Т. 4. С. 92.

³⁵ *Плетнев П.А.* Указ. соч. Т. 3. С. 691.

³⁶ Там же. С. 405.

³⁷ *Грот Я.К.* Указ. соч. Т. 3. С. 531–532.

жениха: "Его брат и лицеист Рахманинов"³⁸; неоднократно подчеркивает, что Лакиер с Ольгой проживают в ее комнатах на даче вместе с ними и т.д. (Сам Плетнев незадолго перед свадьбой дочери женился вторично, и его молодая жена, урожд. кн. Щетинина, лишь на 4—5 лет была старше падчерицы.)

Возможно, этот тон объясняется недостаточностью материальной обеспеченности Лакиера. Однако более вероятное объяснение напрашивается после знакомства с богатой перепиской Плетнева, которая воссоздает картину поистине безграничной отцовской любви, следствием чего и могло явиться такое естественное чувство родительской ревности к мужу единственной дочери. По этим письмам Ольга Петровна Лакиер (Плетнева) предстает перед нами человеком необыкновенным. Это ей, только что родившейся, передает поклон в письме ее отцу А.С.Пушкин; через некоторое время, утешая опечаленного смертью друзей Плетнева, он пишет: "Дочь у тебя будет расти, вырастет невестой. Мы будем старые хрычи, жены наши старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята; мальчики станут повесничать, а девчонки сентиментальничать, а нам то и любо"³⁹. До старости не удалось дожить ни Пушкину, ни жене Плетнева, матери Ольги. С.А.Плетнева (урожд. Раевская) умерла в 1839 г., когда девочке было 9 лет. До 18 лет она воспитывалась в доме А.О.Ишимовой, друга Плетнева, автора известной книги для детей по истории России. Ольга увлекалась историей и ботаникой, обучалась рисованию и музыке. С какой гордостью пишет о ней Плетнев Гроту (кстати, нет почти ни одного письма Плетнева к его другу, в котором бы не упоминалось имя дочери, не сообщалась бы какая-то деталь ее жизни): Оля "в сему бы желала учиться", или "возил Олю к Виельгорским — Оля понравилась всем"⁴⁰! Полны счастья его письма летом 1852 г., когда его молодая жена и дочь ждали первенцев. Обе семьи жили вместе на даче, где, по-видимому, царили любовь и согласие. По крайней мере, именно так представляет себе обстановку в доме

³⁸ Это были молодые юристы, коллеги А.Б.Лакиера по Министерству юстиции. Вильгельм Борисович Лакиер окончил Московский университет в 1849 г., с 1850 г. работал сначала в консультации Министерства, затем в Сенате. С 1856 г. В.Б.Лакиер занимал скромную должность в Комиссии прошений, приносимых на имя царя, состояя, однако, в придворном штате. "Лицеист Рахманинов" — это Николай Григорьевич Рахманинов, выпускник имп. Александровского лицея. К моменту свадьбы Лакиера он — столоначальник соседнего отделения Департамента Министерства юстиции. — См.: *Адрес-Календарь: Общая роспись всех чиновных особ в государстве, на...* [1856, 1857, 1858—1859 гг.] Спб.

³⁹ Плетнев П.А. Указ. соч. Т. 3. С. 356, 376.

⁴⁰ Грот Я.К. Указ. соч. Т. 3. С. 17, 32.

Плетнева графиня Евд. Ростопчина. 8 августа 1852 г. она, передавая приветы жене и дочери Петра Александровича, пишет: "...все вы, радушные, избранные обитатели умственной и сердечной сферы, где вам живется тепло и светло, несмотря на мрак и холод окружающего вас света..."⁴¹

В августе у Плетнева родился сын Александр, осенью он ожидал рождения внука или внучки, и вместе с Лакиером они хлопотали в поисках новой, большей, квартиры для молодых супругов. 10 октября 1852 г. у Лакиеров родился сын Петр Александрович, тезка деда, а через четыре дня Ольга умерла.

Горе Плетнева, а также, конечно, и Лакиера было безмерно. Трогательное соболезнование приспал из Дрездена кн. Вяземский, в котором подчеркнул: "Вы легко поймете, что умею сочувствовать знакомой мне скорби"⁴². Ответ Плетнева нельзя читать без волнения. Описывая последние месяцы жизни дочери и ее смерть, потрясенный отец заключает: "До сих пор я ни о чем думать не могу, кроме невозвратимой потери моей, унесшей с собой все радости стольких лет. Вам известно, что в моем быту дочь составляла весь мой мир"⁴³. Еще пронзительнее выражает Плетнев свое горе в письмах к Я.К.Гроту, который не только глубоко сочувствует безутешному отцу, но помнит и о несчастном муже Ольги: "Как перенес его (несчастье. — Н.С.) бедный Лакиер? Потрудись и ему передать мое душевное участие в его печали"⁴⁴.

Без сомнения, смерть любимой жены, с которой он прожил менее двух лет, явилась печальной вехой в жизни А.Б.Лакиера. Однако не заметно, чтобы его научно-литературная продукция уменьшилась. Он по-прежнему сотрудничает в ЖМНП, в 1852—1853 гг. здесь напечатаны внушительные рецензии Лакиера на такие издания, как: "Дворцовые разряды", "История российских гражданских законов" (проф. К.Неволина), "Записки Одесского общества истории и древностей", "Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными" (на вышедшие тома) и др.

Археологическое общество издало в 5-м томе "Записок" новую работу Лакиера "История подделки монет в России до времен Петра Великого"⁴⁵. Лакиер не столь категоричен в своих заключениях по вопросу о металлических деньгах, якобы широко

⁴¹ Там же. С. 766—767.

⁴² Плетнев П.А. Указ. соч. Т. 3. С. 406.

⁴³ Там же. С. 410.

⁴⁴ Грот Я.К. Указ. соч. Т. 3. С. 610—611.

⁴⁵ Зап. Имп. археол. о-ва. 1853. Т. 5. С. 248—281.

чеканенных на Руси еще до XIV в., как И.Д.Беляев, чья работа "Били ли на Руси монету до XIV столетия?" опубликована в том же выпуске. Он считал, что "в сношениях с народами чуждыми... обращались деньги металлические, а в оборотах внутренних и местных — меха"⁴⁶. И хоть фактов о наказаниях фальшивомонетчиков вплоть до XV в. в его распоряжении не имеется, Лакиер, подобно Беляеву, убежден, что без монетной чеканки Древняя Русь никак обходиться не могла, а особенно не могла обходиться (монетная чеканка) без надзора и "ведения правительства". Лакиером собрано порядочно фактов, свидетельствующих о надзоре за монетным делом, но они относятся преимущественно к XVI—XVII вв., относительно же древнерусского чекана конца XIV—XV в. он не может сказать ничего нового, оперирует в основном сведениями, почерпнутыми из Карамзина. Без сомнения, с полным основанием критик писал по поводу его статьи следующее: "Так как до сих пор нет никакой истории введения и обращения в древней России денег, а есть такая разногласица по этому предмету, что в ней потеряется любое трудолюбие, то и любая история подделки монет, как бы ни была добросовестно написана, будет совершенно непонятна, не представит ничего верного, положительного и ограничится только рассуждениями, выведенными из умозрения, а не из фактов"⁴⁷.

Большой интерес, на наш взгляд, представляют те работы Лакиера, где он выступает не как нумизмат, а как юрист. К ним относится, например, большая статья "Общие основания системы договоров и обязательств по началам русского законодательства"⁴⁸. Это одна из первых по времени отечественных работ, посвященная изучению системы договоров и обязательств. Автор излагает "теоретические начала" гражданских сделок (основываясь на римском праве), знакомит читателя с некоторыми юридическими понятиями ("обязательство", "правоспособность", "свободное согласие" и т.д.). Широко используя, как обычно он делал в своих работах, публикации отечественных юридических памятников, он вводит почерпнутые из них сведения о форме сделок, способе скрепления акта, утверждающего сделку, и проч. в контекст общих понятий о праве договоров. Лакиер использовал в данной статье материалы из его публикации о кабальных книгах, дополнив их сведениями о форме актов, процедуре их создания, классификации и зво-

⁴⁶ Там же. С. 253.

⁴⁷ *Отеч. зап.* 1855. Т. 98, отд. 4. С. 93.

⁴⁸ *Сын Отечества.* 1852. Кн. 4—6.

люции на протяжении нескольких столетий. Рассуждая о юридической значимости акта, он акцентирует внимание на печатях князей и лиц духовного звания. Этот материал вошел впоследствии в книгу "Русская геральдика".

Перу Лакиера принадлежит небольшая книжечка, по тематике отличающаяся от его научных занятий, однако по своему настрою соответствующая его патриотическим воззрениям. Это — "Обзор сношений между Англиею и Россиею в XVI—XVII столетиях"⁴⁹. Книга не имеет автора так же, как и отклики на нее в журналах "Современник" и "Отечественные записки". Написание книги, как отмечает один из рецензентов, порождено "современными событиями", а именно Крымской войной 1853—1856 гг. По мнению автора, использовавшего для написания "антианглийского" произведения русские и английские источники, для политики Англии по отношению к России всегда был свойственен меркантилизм, Англия всегда "оказывала предпочтение торговым интересам пред делами государственными". "И этот факт, — пишет автор, — резко обозначился в теперешнюю войну, которая, несмотря на все прикрития настоящей цели ее ведения охранением равновесия Европы от какого-то воображаемого нарушения, ведется только по купеческому расчету..."⁵⁰ Постоянно проводя параллели, Лакиер с негодованием пишет: "Как теперь, так и тогда англичане считали дозволенными всякие средства, лишь бы ослабить Россию, вовлечь ее в войны и сделать берега наши недоступными для кораблей других народов, одним завладеть всею торговлею"⁵¹. Материал в "любопытной книжечке" изложен был доступно, эмоционально. В сердцах рецензентов нашло отклик беспокойство автора по поводу претензий "самолюбивых сынов Альбиона на то, чтобы, овладев нашею внутреннею торговлею, предоставить себе монополию сбыта произведений нашей почвы за границу, равно как выделки из сырых материалов продуктов роскоши, которые мы же и купим за огромную цену"; они солидаризировались с автором, выражавшим чувства русского человека: "Мы теперь думаем так же, как мыслили некогда Щелкалов и бояре Алексея Михайловича..., лишив его (врага) барыша, на который он так усердно рассчитывает"⁵². Поэтому рецензенты

⁴⁹ Авторство А.Б.Лакиера установлено по кн.: *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1892. Т. 1, кн. 2. С. 1486.

⁵⁰ *Лакиер А.Б.* Обзор сношений между Англиею и Россиею в XVI и XVII столетиях. Спб., 1854. С. 2.

⁵¹ Там же. С. 33.

⁵² Там же. С. 66.

высказывали уверенность, что "книжечка... прочтется всеми, кого интересуется этот вопрос. А кого же он не интересуется теперь?"⁵³

В конце декабря 1854 г. ученый секретарь Археологического общества А.Н.Попов представил участникам заседания "оконченный печатанием" 7-й том "Записок", в котором было опубликовано "сочинение" действительного члена Общества А.Б.Лакиера "Русская геральдика"⁵⁴. В следующем году "Русская геральдика" издана отдельной книгой в двух томах (книгах)⁵⁵.

Так как сегодняшний читатель, благодаря настоящему переизданию, имеет возможность познакомиться с этой книгой, представляющей собой библиографическую редкость, оставим в стороне описание ее структуры и изложение содержания. Интерес представляют обстоятельства, связанные с появлением "Русской геральдики", и оценочные характеристики содержащегося в ней материала. Трудно определить, насколько сенсационным явился выпуск этой книги. Во всяком случае, выходе ее отмечен в том же году не менее чем пятью рецензиями. Откликнулись не только столичные журналы, такие, как "Отечественные записки", "Современник", ЖМНП, но и провинциальные издания.

Главные моменты, привлечшие внимание критиков к книге, — это редкость проблематики для отечественной исторической литературы⁵⁶, историческая значимость вводимого Лакиером в научный оборот материала, касающегося прежде всего русских печатей, которые так же, как и гербы, были обойдены вниманием отечественных ученых⁵⁷, эрудированность (Лакиер

⁵³ *Современник*. 1855. Т. 49. Библиогр. С. 38.

⁵⁴ *Зап. Имп. археол. о-ва*. 1856. Т. 8. С. 139.

⁵⁵ Лакиер А. Русская геральдика. Спб., 1855.

⁵⁶ "Первый опыт полной русской геральдики" — так отозвался о книге Лакиера С.Пахман (Казан. губ. ведомости. 1855. № 6); "ученому исследованию... (геральдики. — Н.С.) автор полагает первые, но твердые начала", — вторит ему рецензент из "Отечественных записок" (1855. Т. 98. Отд. IV. С. 79). Действительно, труду Лакиера предшествовали лишь несколько геральдических работ. Это: "*Начертание гербоведения*". Перев. с нем. Г.Мальгин. Спб., 1805; "*Избранные эмблемы и символы...*" Спб.: Изд. Максимович-Амбодик, 1811; "*Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи*". Т. 1–10; несколько газетных статей о государственном, а также московском гербе И.Снегирева и др. авторов; уже упоминавшиеся небольшие статьи о литовских гербах. Замышлялась, правда, серия статей о русских гербах и печатях И.П.Сахарова. (См.: *Сахаров И.П. Записки о русских гербах*. Спб., 1856. I. Московский герб.)

⁵⁷ А.Н.Попов, например, писал: "Нет никакого сомнения, что исследование печатей Русских весьма важно для Отечества Археологии, вовсе независимо от того, послужили ли они основанием для наших гербов или нет. ...Лакиер собрал довольно полные сведения о наших древних

использовал при написании своей книги литературу на латинском, французском, немецком, польском и др. языках) и удивительное трудолюбие автора, его убежденность в необходимости изучения игнорировавшегося исследователями источника по русской истории — гербов. Ценность книги видели критики и в том, что она "пролагает путь для новых исследователей, которым, конечно, после его труда уже легче будет дополнять его и совершенствовать"⁵⁸.

В хоре общих похвал редкой тематике книги прозвучал и определенный скепсис, особенно явный в рецензии, опубликованной в "Современнике". Рецензия принадлежала перу Н.Г.Чернышевского, направившего огонь своей критики на дворянские гербы, которые он считал предметом, не заслуживающим внимания.

Однако мнение научной общественности складывалось явно в пользу не обычной для отечественной историографии книги. В 1856 г. автор "Русской геральдики" стал лауреатом почетнейшей Демидовской премии. Присуждение премий, учрежденных горнозаводчиком П.Н.Демидовым, предоставлялось Академии наук "как первому ученому сословию в государстве"⁵⁹. Они были "универсальными" наградами, т.е. присуждались по разным отраслям знаний. По Положению о премиях в конкурсе могли участвовать оригинальные сочинения, напечатанные на русском языке, или иностранные, имеющие отношение к России. Полные Демидовские премии составляли 5000 рублей ассигнациями (1428 р. сер.). Однако практиковались и половинные премии — 2500 рублей (714 р. сер.). Демидовскими премиями (половинными и полными) отмечены выдающиеся ученые XIX в., некоторые по два-три раза. Из лауреатов, представивших исторические работы, можно назвать М.П.Погодина, И.Д.Беляева, К.А.Неволина, Б.Н.Чичерина, М.С.Куторгу, Н.Я.Бичурина, И.Е.Забелина, П.П.Пекарского, А.Д.Черткова и др. И по другим отраслям знаний лауреаты Демидовских премий своими трудами знаменовали высшие достижения в науках: Н.И.Пирогов — в медицине, И.М.Сеченов — в физиологии, Д.И.Менделеев — в химии и т.д. "Книги лауреатов Демидовских премий оказывали важное воздействие на общество и

печатях, приложил много рисунков с печатей, новых, доселе бывших неизвестными, и изложил стройно и в систематическом порядке исследование о них, которое составляет у нас первый опыт Русской Сфрагистики" (ЖМНП. Спб., 1855. Ч. 85, № 2. Отд. VI. С. 66–67).

⁵⁸ Там же. С. 71.

⁵⁹ Мезенин Н.А. Лауреаты Демидовских премий Петербургской Академии наук. Л., 1987. С. 8.

привлекали внимание не только узких специалистов, но и широкие читательские круги"⁶⁰.

Думается, что включение "Русской геральдики" в когорту премированных трудов может говорить само за себя. Присуждение Демидовских премий началось с 1832 г., и первым лауреатом стал профессор русской истории Петербургского университета, получивший, правда, половинную премию (дважды), Н.Г.Устрялов. В 1856 г. академик Устрялов дал развернутую и очень лестную характеристику работы Лакиера, взгляды которого были очень близки воззрениям на историю самого Устрялова, одного из представителей официальной дворянской историографии. Заключая свой отзыв, представленный в Демидовскую комиссию, Устрялов написал: "Я полагаю, что "Русская геральдика" А.Лакиера, по новостности и основательности изложенная и как единственное в своем роде сочинение, заслуживает полной Демидовской премии"⁶¹. Так как "к присуждению полных премий Академия на этот раз не нашла побудительных причин"⁶², Лакиер, так же как и другие лауреаты, получил половинную премию. Ему пришлось выдержать значительную конкуренцию: на конкурс было представлено 25 работ (14 по гуманитарным наукам), а "премиями награждено 9 сочинений" (5 гуманитарных работ).

Рецензенты предугадали судьбу книги "Русская геральдика". Действительно, ни один из позднейших исследователей гербов и печатей вплоть до настоящего времени не обходится без использования материала, впервые собранного и обобщенного Лакиером. Некоторые исследователи даже не дают себе труда проверить, на чем основываются те или иные суждения автора, насколько они соответствуют реальностям исторического процесса, — столь велика вера в добросовестность автора и столь гипнотичен общий стиль работы, вобравший поистине энциклопедические познания ее создателя.

Тем не менее в результате упрочения позиций научного понимания исторического процесса в целом, а также дальнейшего творческого развития вспомогательных исторических дисциплин — сфрагистики и геральдики (выделения их из "Археологии"), что нашло отражение как в отечественной, так и в зарубежной историографии, необходим критический подход к книге, являющейся продуктом своего времени.

⁶⁰ Там же. С. 181.

⁶¹ Устрялов Н.Г. Разбор сочинения г. Лакиера "Русская геральдика" // Двадцать пятое присуждение учрежденных П.Н.Демидовым наград. Спб., 1856. С. 99.

⁶² Там же. С. 6.

Остановимся лишь на некоторых концептуальных воззрениях автора. Дворянско-охранительное направление, занимающее привилегированное положение в официальном историческом исследовании XIX в., сыграло существенную роль в формировании общего направления геральдического исследования А.Б.Лакиера. Рассуждая о гербах как знаках отличия, автор в определении герба исходит из ассоциации герба и дворянства: "Гербы суть знаки отличия дворянских родов"⁶³, вместо того, чтобы беспристрастно проанализировать этот знак и дать безотносительную к принадлежности герба формулировку, вскрывающую его суть, функциональную однозначность независимо от территориальной характеристики.

В рецензии на работу Лакиера Н.Г.Чернышевский отмечал, что автор преследовал цель создать практическое руководство "для составления гербов тем лицам, которые вновь приобретают дворянство или, принадлежа к старинному дворянству, еще не имеют гербов"⁶⁴. Действительно, значительное место в труде Лакиера отводится так называемой теоретической геральдике — правилам составления герба. Ратуя за отечественную геральдику, автор тем не менее не может не признать, что форма герба заимствована Россией из Западной Европы, и, излагая теорию геральдики, он перечисляет все те правила, из которых складывалось геральдическое искусство на протяжении ряда столетий в странах Западной Европы, таким образом, именно эти правила рекомендуя использовать в русской геральдической практике. Не случайно в одной из рецензий на работу Лакиера подчеркивалось, что хотя до него не было даже попыток "ученым образом" разрешить данный вопрос, однако "многим желалось бы свой герб внести в науку русской геральдики. При таком положении дела труд г. Лакиера не может не заслуживать особенного внимания"⁶⁵. Другая рецензия, также отмечающая практическое значение "Русской геральдики" ввиду официально продолжающегося процесса герботворчества в Российской Империи, заканчивается словами: "Оно (сочинение Лакиера. — Н.С.) должно быть особенно близко сердцу каждого русского дворянина, сознающего высокую важность своего звания"⁶⁶.

В общем контексте городская геральдика занимает весьма скромное место. Отношение к истории русского города, бази-

⁶³ Лакиер А.Б. Русская геральдика. С. 6.

⁶⁴ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 2. С. 652.

⁶⁵ Попов А.Н. Указ. соч. С. 63–64.

⁶⁶ Пахман С. Несколько слов о новом сочинении по части русского гербоведения // Казан. губ. ведомости.

рующееся на утвердившемся к этому времени мнении о неорганичности городского развития России (кстати, эта теория сохраняется и в современной буржуазной историографии), по-видимому, может объяснить диспропорцию, которая наблюдается у Лакиера при изложении им материала по дворянской и городской геральдике: детальный разбор дворянских гербов и печатей противостоит краткому обзору в одной главе самых общих сведений о российских городских гербах. Автор ограничивается констатацией факта их существования в Российской Империи, не придавая им значения института и не ставя процесс их возникновения и эволюции в связь с историческим развитием государства.

Еще один аспект официального направления в русской историографии середины XIX в. — подчеркивание самобытности исторического пути России, исконности существования прежде всего такого института, как самодержавная власть государя, а также многих других, — нашел отражение у Лакиера в виде концепции древнего происхождения русских гербов, неразрывной связи древних печатей и появившихся впоследствии гербов. Против этого утверждения выступили ряд рецензентов книги "Русская геральдика". А.Н.Попов писал: "Что касается древних печатей наших, мы не можем не заметить, что между ними и гербами нашими нет никакой исторической связи. Сфрагистика наша — весьма любопытная часть Археологии русской, однакож, вовсе не послужила основанием для нашей геральдики"⁶⁷. Сомневался в преемственности древних грузинских эмблем и последующих гербов также М.И.Броссе⁶⁸.

Стремление автора во что бы то ни стало обнаружить в древней русской жизни "начала и основания" ряда гербов увело его от окончательного и всестороннего понятия "герб", не позволило дать объективную оценку гербу, как таковому, и с этих позиций рассматривать эволюцию института герба в Русском государстве. Лакиер считал, что основные признаки герба, отличающие его от прочих символических изображений, заключаются в следующих положениях: 1) чтобы составление герба было подчинено строгим правилам науки, утверждено практикой и давностью употребления, 2) чтобы герб, правильно составленный, правильно переходил по наследству по прямой нисходящей линии⁶⁹. Во-первых, как видим, в данном определении

⁶⁷ Попов А.Н. Указ. соч. С. 70.

⁶⁸ Броссе М.И. Несколько замечаний на книгу г. Лакиера "Русская геральдика" // Двадцать пятое присуждение... С. 103–105.

⁶⁹ Лакиер А.Б. Русская геральдика. С. 32.

герба — снова тенденциозность, имеется в виду дворянский герб. Во-вторых, настораживает нарочитость отсутствия в подобной трактовке понятия "герб" правового момента, а именно утверждение (возможно, лишь фиксация) герба верховной властью, что давало его владельцу (будь то индивид, территория и пр.) определенные привилегии. Признание этого аспекта в понимании герба означало бы, что гербы в России — явление позднее. В последующих работах по отечественной геральдике понятие герба раскрывается более детально, выявляется его правовая функция⁷⁰.

Общая историческая концепция труда Лакиера не могла не повлиять на методiku его работы в том плане, что сбор фактов в доказательство основной авторской идеи ("мысль, что не может быть самостоятельной науки о наших гербах и печатах, — ложная в основании и последствиях"⁷¹) заслонил источниковедческий анализ изображений, гербовых эмблем. Сейчас с большой долей уверенности можно утверждать, что основу этого анализа составляет восприятие герба адекватно символу. Материалистическое понимание символа, в основе которого лежит определение последнего как отражения, функции действительности, обуславливает постановку комплекса эмблем, будь то личные или территориальные, например городские гербовые эмблемы, в конкретную историческую эпоху. Определение предметно-практических отношений, лежащих в их основе, сферы, реальности, детерминирующей их специфическую знаково-символическую деятельность, позволяет проследить, как эта реальность влияет на художественное воплощение эмблем. В то же время осмысление подобного факта помогает более квалифицированно ориентироваться в символике гербовых эмблем, избегая предвзятости, надуманности и просто вымысла, трактуя то или иное изображение.

Итак, определенная направленность, тенденциозность, соответствие официальной доктрине (возвеличивание русского дворянства, самобытности и исконности существующих в XIX в. государственных институтов, прежде всего самодержавия, и т.д.) — главная причина отсутствия в монографии Лакиера четкого определения понятия "герб", его отличия от печати,

⁷⁰ П.П.Винклер, Ю.В.Арсеньев, ряд других дореволюционных и советских исследователей геральдики всесторонне определяют герб как особый знак, правовой в своей основе. См.: *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М., 1981. С. 9—15.

⁷¹ *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. С. 5.

анализа становления и эволюции в Русском государстве дворянских и городских гербов, формирования института герба, причин его возникновения, эволюции и др.

Такую характеристику можно дать книге "Русская геральдика", ставя ее в контекст современных воззрений на отечественную литературу, посвященную "редким" наукам. Но это, как говорится, с одной стороны. С другой — использование колоссального фактического материала, кладезь идей, с которыми можно соглашаться или не соглашаться, но которые даются последующему специалисту, чтобы он задумался над ними, а может быть, даже и развил...! Если же говорить о сфрагистике — науке о печатях, то "Русскую геральдику" можно назвать первым сфрагистическим трудом. Лакиер оперирует практически всеми печатями (металлическими, восковыми, перстнями-печатями и т.д.), известными к середине XIX в. В значительной своей части сфрагистический материал размещен в таблицах. Лакиер описал в общем все княжеские печати, опубликованные в Собрании Государственных грамот и договоров и известные к тому времени со значительными поправками, уточнениями и объяснениями, предприняв попытку их классификации. Он выделил княжеские печати (великих и удельных князей), печати городов, духовенства, должностных и частных лиц. Некоторые методические приемы, примененные Лакиером при исследовании древнерусских печатей, а именно соотнесение изображений на печатях и одно-временных им русских монетах, сравнительный анализ изображений на русских печатях — сопоставление их с аналогичными литовскими, польскими, сербскими и другими европейскими образцами, привлечение письменных источников, необходимых при выработке правильной трактовки той или иной эмблемы, которую несет печать, позволили ему сделать наблюдения, часть которых оспорить трудно. Иные же, как, например, утверждение о якобы изображенном на печати Мстиславовой грамоты архангеле Михаиле⁷², которого спустя несколько веков можно увидеть в гербе Киева, требуют пересмотра. Заслуживают внимания попытки Лакиера выявить суть самого процесса опечатывания документа. Он рассматривает печать не только как одно "из главных средств проверять подлинность актов и определять время их составления", а именно такая роль отводилась печатям в трудах историков того времени, но видит в ней также внешнее выражение правовых отношений.

⁷² Иная атрибуция печати Мстиславовой грамоты была дана уже в начале XX в. Подробнее об этой печати см.: Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 2. С. 16—21.

Кстати, Н.Г.Чернышевский в вышеупомянутой рецензии весьма положительно отозвался о сфрагистических изысканиях Лакиера; не вызвало у него возражения и исследование автором территориальных гербов (государственного и городских). Диссонансом прозвучала лишь оценка Чернышевским исторического предназначения дворянской геральдики как таковой. По-видимому, его позиция явилась отражением скептического отношения к дворянским гербам как к атрибутам феодального общества. Последние вызывали "невосприятие", скепсис в определенных кругах русской интеллигенции, особенно когда волна отрицания знаков отличия, титулов, званий, гербов после Французской буржуазной революции конца XVIII в. докатилась до России. Эти атрибуты отживающего строя, к которым, безусловно, относились дворянские гербы, а также еще целый ряд символов (монархических, клерикальных) не интересовали (в том ракурсе, в котором они были представлены в литературе официального направления) представителей революционно-демократической мысли России. Вернее, вызывали их негативное отношение. Сарказмом по отношению к подобным знакам наполнена рецензия В.Г.Белинского⁷³, в журнале "Современник" помещена статья под заглавием "Фабрикация титулов и орденов и их приобретатели"⁷⁴, в которой автор с насмешкой пишет: "Среди разных обществ ученых, торговых, поощрительных и промышленных открыто в недавнее время общество изготовления орденов, грамот, патентов, гербов, родословных и прочих принадлежностей, потешающих пустое самолюбие и надутое чванство"⁷⁵ (речь идет о международном обществе). В вышеупомянутой рецензии на "Русскую геральдику" Н.Г.Чернышевский, безусловно, со знанием дела утверждал, что зарубежная геральдика лишена всякого значения для науки, "служит просто предметом любопытства для немногих любителей. Из ученых исследователей никто не считает ныне в Западной Европе нужным заниматься геральдикою"⁷⁶.

В течение столетия ситуация изменилась: историческое исследование, расширяя источниковедческую базу, обратилось к памятникам, недостаточно, с точки зрения ученых, исследованным; возникли новые направления в изучении истории, которые потребовали разработки проблематики, связанной с научным анализом гербов. В отечественной историографии — это проблема

⁷³ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 3. С. 77–80.

⁷⁴ Современник. 1858. Т. 71. № 10. С. 282 и след.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Чернышевский Н.Г. Указ. соч. С. 12.

изучения русского феодального города как многофункционального организма. Подобное направление в изучении города, в частности русского города XVIII в., нацелило историков на собирание и осмысление самых различных фактов, если даже они не прямо, а косвенно способствуют решению проблемы города как целостного организма с соответствующими учреждениями и институтами. Комплексность в подходе к проблеме изучения городов Российской Империи, и прежде всего политики абсолютистского государства по отношению к ним, заставила обратить внимание на ранее не изучавшийся институт городского герба⁷⁷. (Последний можно рассматривать как один из традиционных компонентов, формирующих представление о "коммунальной жизни", о самоуправляющемся "едином градском обществе".)

Что касается западноевропейской геральдики, то она разрабатывается как дисциплина, изучающая гербы родовые, муниципальные, символику изображений и проч. Во многих зарубежных государствах существуют академии (институты) генеалогии и геральдики. Один раз в два года в различных западноевропейских городах проходят международные конгрессы по геральдике, в социалистических странах — международные геральдические конференции. Геральдика из занятий "для немногих" превратилась в специальную научную дисциплину. Лауреат Демидовской премии А.Б.Лакиер способствовал этому превращению.

В год присуждения ему награды, в 1856 г., он в чине надворного советника служит обер-секретарем 1-го отделения 3-го Департамента Сената. В том же году Лакиер уезжает из России на несколько лет. Маршрут его путешествия в какой-то мере вырисовывается из писем Плетнева, также отправившегося в это время с семьей за границу для лечения. В самом начале января 1857 г. он сообщает из Парижа Я.К.Гроту: "Лакиеру я твое письмо отправил: он теперь в Испании. После поедет в Алжир, оттуда в южную Италию и т.д. до Америки через Бельгию и Англию"⁷⁸. Известно, что летом 1857 г. Лакиер из Лондона заезжал к Плетневым во Францию "погостить"⁷⁹ и в том же году, отплыв из Ливерпуля на пароходе "Европа", прибыл в Соединенные Штаты Америки.

Во время своего путешествия Лакиер вел дневник, отрывки из которого печатались в самых читаемых в Петербурге

⁷⁷ *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв.; Она же. Старинные гербы российских городов. М., 1985.

⁷⁸ *Грот Я.К.* Указ. соч. Т. 3. С. 648—650.

⁷⁹ Там же. С. 653—655.

и Москве журналах: "Современник", "Отечественные записки", "Вестник Европы". Одна из первых его публикаций напечатана в "Санктпетербургских ведомостях" — "Новая читальная зала в Британском музее"⁸⁰, с посвящением барону М.А.Корфу, директору Публичной библиотеки, много сделавшему для ее процветания. Поскольку здесь намеревались построить новые помещения для все увеличивающегося количества читателей, Лакиер полагал, что опыт строительства читального зала при Британском музее, представляющего, по его мнению, верх совершенства и изящества, мог бы пригодиться строителям в России. Он подробно описал не только само здание читального зала, внутреннее убранство, но и порядок пользования книгами, установленный дирекцией музея.

Серию статей Лакиера об американских городах Бостоне, Вашингтоне, Нью-Йорке опубликовал журнал "Современник"⁸¹; о поездке на остров Кубу путешественник рассказал на страницах "Отечественных записок"⁸². В тех же номерах были опубликованы части переведенной книги "Путешествие Ливингстона по Африке", вышедшей в Лондоне в 1857 г. Ею, как и описаниями путешествий Лакиера, зачитывался Д.И.Писарев⁸³. "Русский вестник" в нескольких номерах⁸⁴ представил на суд читателей Лакиерову "Поездку по Канаде".

Дневниковые записи Лакиера напечатаны в 1859 г. отдельной книгой "Путешествие по Северо-Американским штатам, Канаде и острову Кубе" (2 тома). В предисловии к книге автор определил цель своего путешествия в Америку: "...главную мою заботу было изучить учреждения и познакомиться с внутренним бытом страны и общества"⁸⁵.

Почему эти проблемы занимали Лакиера и почему он считал необходимым изложить свои впечатления, подкрепленные, по его же словам, "газетами, некоторыми официальными и частными источниками", на страницах отечественных журналов, а также в многостраничной книге? Он, чутко реагирующий на запросы читающей публики, не мог не уловить особого интереса русского общества к молодому государству. Интересы и в то же время незнания, что подчеркнул в первых же строчках

⁸⁰ *Санктпетербур. ведомости*. 1858. № 244.

⁸¹ *Современник*. 1858. Т. 68, № 4, 9—10.

⁸² *Отеч. зап.* 1858. Т. 120, № 9—10.

⁸³ *Писарев Д.И.* Полн. собр. соч. СПб., 1894. Т. 3. С. 56.

⁸⁴ *Рус. вестн.* 1858. Т. 17.

⁸⁵ *Лакиер А.Б.* Путешествие по Северо-Американским Штатам, Канаде и острову Кубе. СПб., 1859. Т. 1. С. I.

рецензии⁸⁶ на данную книгу Н.А.Добролюбов⁸⁷. Он приводит несколько расхожих фраз, отражающих представления русских об американцах, а потом замечает: "Некоторые знают побольше, некоторые поменьше, но редко кто имеет основательные и подробные познания относительно американских нравов и учреждений..." И далее: "Вследствие такой бедности знаний в нашей литературе постоянно раздавались самые разноречивые и часто очень забавные суждения об Америке... При таком положении наших знаний о Северной Америке книга г. Лакиера составляет приятное явление в нашей литературе"⁸⁸.

В оценке книги Добролюбов соглашается и с другим авторским суждением о ней как о "первом у нас описании Америки" (Лакиер: "Если бы предлагаемое "Путешествие" и не имело никаких других достоинств, оно останется у нас первым описанием юной и малонаселенной страны, которая имеет много общего с Россиею и во многих отношениях любопытна"⁸⁹. "В этом смысле, — пишет критик, — его сочинение действительно заслуживает внимания, и его можно рекомендовать всякому русскому читателю, не имеющему возможности познакомиться с Америкой из иностранных источников"⁹⁰.

Расходятся автор и рецензент во взгляде на "источниковую базу" "Путешествия". Рецензент отмечает "важный недостаток. — отсутствие личной наблюдательности автора". Автор мог бы отвести этот упрек словами предисловия к книге: "Личные наблюдения служили главным для меня источником. С этой целью я углублялся внутрь страны, жил на плантациях и фермах, говорил с американцами..."

Отмечая некоторую "утомительность" стиля Лакиера из-за приводимого "сухого" материала, взятого из газет, справочных изданий (американских) и т.д., Добролюбов считает книгу "дельной", вероятно, именно поэтому. "Впрочем, — пишет он, — может быть, новость предмета и дельность книги г. Лакиера придадут ей в глазах читателей занимательность, которую не вполне дает ей авторское изложение. Мы, с своей стороны, будем очень рады, если "Путешествие по Америке" встретит сочувствие публики"⁹¹.

⁸⁶ Рецензия опубликована в "Современнике" (1859. Т. 69, № 3. С. 25—48. Без подписи).

⁸⁷ Добролюбов Н.А. Собр. соч. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 217.

⁸⁸ Там же. С. 218.

⁸⁹ Лакиер А.Б. Путешествие... Т. 1. С. II.

⁹⁰ Добролюбов Н.А. Указ. соч. С. 219.

⁹¹ Там же. С. 223.

Самого Н.А.Добролюбова книга Лакиера натолкнула написание по существу самостоятельного очерка "внутреннего устройства Северо-Американских штатов с целью показать влияние их учреждений на быт народа". Первую часть очерка он включил в вышеназванную рецензию, вторую предполагал написать⁹².

Возможно, эта книга А.Б.Лакиера была бы не менее, чем "Русская геральдика", интересна сегодняшнему читателю. Ведь наш соотечественник, предпринимая путешествие в Соединенные Штаты Америки, задавал себе вопросы, актуальные и сейчас, например: "...как этот младший в семье человечества брат успел так далеко оставить за собою старших братьев в торговле, мореплавании и вообще производительной деятельности? Почему и теперь уже Северо-Американские Штаты во многом служат образцом для Европы, когда, можно сказать, от начала существования Америки до сих пор прошло всего полстолетия?.. Какую пользу, какое назидание можем мы извлечь для себя из великого опыта, представляемого страной, с которою сношения если до сих пор вовсе не начинались по отдаленности, со временем, можно предвидеть, примут огромные размеры через Тихий океан?..

Где зерно того демократического равенства, которое вовсе непонятно для европейца?"⁹³

О последнем десятилетии жизни А.Б.Лакиера нам известно немного. Вернувшись из-за границы, он вновь начал служить, на этот раз — в Министерстве внутренних дел. В 1860 г. (до августа месяца) он внесен еще в списки служащих Министерства внутренних дел по Центральному Статистическому комитету. В чине коллежского советника (полковник) он состоит в Земском отделе, учрежденном для подготовительных работ по крестьянской реформе. Одновременно его имя фигурирует и в списке преподавателей Училища правоведения Министерства юстиции, где он преподает гражданское право⁹⁴.

В списках служащих Министерства внутренних дел на 2-ю половину 1860 г. Лакиер не значится. Это соответствует сведениям, приводимым о Лакиере Г.Геннади⁹⁵: вскоре после второй женитьбы в 1859 г. на Е.М.Варваца, своей землячке, дочери

⁹² См. об этом: Там же. С. 458.

⁹³ Лакиер А.Б. Путешествие... Т. 1. С. 2.

⁹⁴ Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц... на 1860—1861 год. Спб., Б. г. Ч. 1. С. 312.

⁹⁵ Плетнев П.А. Указ. соч. Т. 3. С. 481.

богатого и знатного грека М.Н.Комнено-Варваца⁹⁶, А.Б.Лакиер покинул Петербург и поселился в имении своего тестя в Таганроге, где стал выступать в несвойственном ему качестве практикующего адвоката. А.Б.Лакиер скончался 28 января 1870 г.

Надеемся, что этот короткий рассказ о жизни и научно-литературной деятельности одного из представителей русской интеллигенции середины XIX в. привлечет внимание читателей, тем более что имя А.Б.Лакиера стоит в ряду лауреатов Демидовских премий, которым в настоящее время еще недостаточно воздается за их заслуги в развитии отечественной науки⁹⁷.

Доктор исторических наук Н.А.Соболева

⁹⁶Потомки А.Б.Лакиера были представителями "культурных хозяев" на Юге России, пропагандистами рационального ведения садово-огородного и фермерского хозяйства.

Впоследствии Лакиеры—сыновья, преуспевающие "культурные хозяева", обратили свой, казалось бы, сугубо практический взор к гербовтворчеству. В начале XX в. один сын Лакиера, а за ним и другой, обратились в Герольдию с прошением утвердить за ними герб "прадеда по линии матери — Комнена, выданного ему венецианским дворянством". В Герольдии, однако, состоялось решение о составлении герба *рода Лакиер* по правилам геральдики и представлении его в установленном порядке к Высочайшему утверждению. Греб рода Лакиер был составлен и внесен в XVII (неопубликованную) часть Общего гербовника дворянских родов Российской империи. См.: *ЦИА ССРС, ф. 1343, оп. 36, ч. 1, д. 13611, лл. 1—1 об., 7—7 об.*

⁹⁷*Мезенин Н.А. Указ. соч. С. 182.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. История гербов Западной Европы	
Глава первая. Символы и печати у древних народов и в средние века	15
Глава вторая. О происхождении гербов	25
Глава третья.	28
Глава четвертая. Турниры и обряды, при них соблюдавшиеся	50
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. История печатей в России	
Глава пятая.	55
Глава шестая. Печати княжеские.	68
Глава седьмая	97
Глава восьмая	103
Глава девятая	111
Глава десятая	116
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. О русских гербах	
Глава одиннадцатая. История русских гербов.	127
Глава двенадцатая. История герба государственной печати	136
Глава тринадцатая.	174
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Гербы русских дворянских родов	
Глава четырнадцатая. Древность и состав русского дворянства. История дарования ему гербов.	193
Глава пятнадцатая. История Герольдии и отечественной геральдики	218
Глава шестнадцатая. Гербы русских княжеских и дворянских родов, от Рюрика происшедших	231
Глава семнадцатая. Гербы родов выезжих.	248
Глава восемнадцатая. Гербы за отличия на службе.	344
Глава девятнадцатая. Гербы, соответствующие фамилиям и прозваниям лиц, их употребляющих	368
<i>Н.А.Соболева. Об авторе "Русской геральдики"</i>	371

Александр Борисович Лакиер

РУССКАЯ ГЕРАЛЬДИКА

Редактор А.Н.Казакевич
Художественный редактор М.А.Вакарчук
Технический редактор Е.Н.Волкова
Корректор Л.В.Петрова
Оператор Т.А.Баранова

ИБ № 1902. Сдано в набор 11.10.89. Подписано в печать 11.03.90.
Формат 84x108 1/32. Бум. кн.-журн. Гарнитура Пресс-роман. Печать
высокая. Усл. печ. л. 21,0 + 1,68. Усл. кр.-отт. 24,57. Уч.-изд. л. 24,92 +
1,25. Тираж 70 000 экз. Изд. № 4868. Заказ № 833 Цена 1 р. 80 к.

Издательство "Книга", 125047, Москва, ул. Горького, 50.

Набрано на композере издательства "Книга".

Отпечатано на Ярославском полиграфкомбинате
Государственного комитета СССР по печати
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Печать Сибирской губернии. 1716 г.

Русская геральдика

Из областных гербов наших самый твердый и ранее других установившийся есть герб Московский. Неразрывное его соположение с двуглавым орлом в Государственном гербе, частое употребление, наконец, та идея, которая ему придавалась московскими великим князем и царем, должны были охранять изображение это от всяких произвольных перемен и нововведений. В Отечестве нашем уважение к этому гербу было постоянно, и потому, в сущности, был он неприкосновенен.

А. Лакиер

1 р. 80 к.

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АРХИВ

А. Б. ЛАКИЕР
Русская геральдика